This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

3 3433 07919527 1

Digitized by Google

Digitized by Google

(VESTNIK)
* QCA

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ

ЛИТЕРАТУРЫ.

ТРИДЦАТЬ-ШЕСТОЙ ГОДЪ.—КНИГА 7-я.

ІЮЛЬ, 1901.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Digitized by Google

I.—Русская армия.—[illegible] II.—[illegible] III.—Страница [illegible] IV.—[illegible] V.—Братская защита [illegible] VI.—Перезд картиной [illegible] VII.—Вопрос о денежных [illegible] VIII.—Разное.—[illegible] IX.—Изъ исторіи просвѣщенія [illegible] X.—Библіотековѣдѣніе.—[illegible] XI.—Общественное здоровье по данным санитарной статистики.—В. Е. Игнатьевъ. XII.—Портретъ.—[illegible] XIII.—Возсоединеніе старой [illegible] XIV.—Хроника.—Внутреннее обозрѣніе.—[illegible] XV.—Иностранное обозрѣніе.—[illegible] XVI.—Литературное обозрѣніе.—[illegible] XVII.—Новости иностранной литературы.—[illegible] XVIII.—Изъ общественной хроники.—[illegible] XIX.—Извѣщенія.—[illegible] XX.—Библіографическій листокъ.—[illegible] XXI.—Объявленія. I-IV; LXII стр.

[illegible], полугодіе и третью четверть 1901 года.
[illegible] на послѣдней страницѣ обертки.)

Digitized by Google

INDEXED

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ТРИДЦАТЬ-ШЕСТОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ IV.

ГОДЪ LXV. — ТОМЪ CCCLXXXIV. — 1/14 ИЮЛЯ 1901.

Digitized by Google

Digitized by Google

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-ДЕСЯТЫЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-ШЕСТОЙ ГОДЪ

ТОМЪ IV

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: Васильевскій Островъ, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала: Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1901

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
288283
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS

3068

Digitized by Google

РУССКАЯ АРМЕНІЯ

Зимнее путешествіе по горамъ Кавказа.

VII.—Черезъ Абаранское ущелье *).

Въ Эривани мало остатковъ недавно тутъ бывшаго эриванскаго ханства, покореннаго Паскевичемъ. Настоящая азіатчина уцѣлѣла главнымъ образомъ въ крѣпости, гдѣ стоитъ запущенный теперь оригинальный ханскій дворецъ, или „дворецъ сардара", о которомъ я уже говорилъ раньше и въ которомъ останавливался въ 1837 году императоръ Николай I, да полуразрушенная древняя мечеть замѣчательной красоты и типичности.

Старая крѣпость Эривани, съ ея стѣнами двухъ-саженной толщины, отвѣсно поднимающимися на высокомъ, скалистомъ берегу Занги, долго считалась у персіянъ неприступною, пока въ 1827 году ее не взялъ нашъ Паскевичъ, получившій за это титулъ графа Эриванскаго. Двадцать-три года передъ этимъ, другой нашъ талантливый полководецъ, князь Циціановъ—послѣ геройскихъ подвиговъ своего маленькаго пятитысячнаго отряда, разбивавшаго огромныя силы персіянъ,—принужденъ былъ отступить отъ эриванской крѣпости, которую онъ безплодно осаждалъ два мѣсяца, и этимъ необычнымъ для русскихъ отступленіемъ еще болѣе возвысилъ въ глазахъ туземцевъ непобѣдимое значеніе Эривани. Однако Эривань стала извѣстна гораздо раньше, чѣмъ она обратилась въ сильную пограничную крѣпость на рубежахъ Персіи, Россіи и Турціи, переходя—по измѣнчивому жребію войны—

*) См. выше: іюнь, стр. 484.

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
238283
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS

3058

Digitized by Google

РУССКАЯ АРМЕНІЯ

Зимнее путешествіе по горамъ Кавказа.

VII.—Черезъ Абаранское ущелье *).

Въ Эривани мало остатковъ недавно тутъ бывшаго эри[illegible]скаго ханства, покореннаго Паскевичемъ. Настоящая азіат[illegible] уцѣлѣла главнымъ образомъ въ крѣпости, гдѣ стоитъ за[illegible]ный теперь оригинальный ханскій дворецъ, или „дворецъ [illegible]дара“, о которомъ я уже говорилъ раньше и въ которомъ [illegible]навливался въ 1837 году императоръ Николай I, да [illegible]рушенная древняя мечеть замѣчательной красоты и [illegible]

Старая крѣпость Эривани, съ ея стѣнами двухъ-[illegible] толщины, отвѣсно поднимающимися на высокомъ, [illegible] регу Занги, долго считалась у персіянъ непристу[illegible] 1827 году ее не взялъ нашъ Паскевичъ, получивш[illegible] графа Эриванскаго. Двадцать-три года передъ эти[illegible] талантливый полководецъ, князь Циціановъ—[illegible] подвиговъ своего маленькаго пятитысячнаго [illegible] шаго огромныя силы персіянъ,—принужденъ [illegible] эриванской крѣпости, которую онъ безплод[illegible] сяца, и этимъ необычнымъ для русскихъ [illegible] болѣе возвысилъ въ глазахъ туземцевъ [illegible] Эривани. Однако Эривань стала извѣстна [illegible] она обратилась въ сильную пограничную [illegible] Персіи, Россіи и Турціи, переходя—по [illegible]

*) См. выше: іюнь, стр. 484.

Digitized by Google

то къ туркамъ, то къ персіянамъ, то къ грузинамъ, и наконецъ попала уже безвозвратно въ могучія лапы русскаго орла.

Армяне начинаютъ легендарную родословную Эривани прямо съ Ноя, который, будто бы, увидѣлъ здѣсь съ высоты Арарата въ первый разъ землю и произнесъ, — конечно, по-армянски: „Еревуме!“ —что̀ значитъ: „видна!“; но и по несомнѣннымъ историческимъ даннымъ Эривань существовала уже въ VII-мъ вѣкѣ, стало быть за два столѣтія до начала Руси, такъ что ея новѣйшая роль—не только уѣзднаго русскаго города, какимъ она была до 1850 года, но даже и губернскаго, какимъ она стала съ тѣхъ поръ,—не вполнѣ соотвѣтствуетъ ея маститому историческому формуляру. Въ VII-мъ вѣкѣ, при персидскомъ царѣ Іездигердѣ, въ Эривани уже была крѣпость, и, вѣроятно, крѣпость эта была очень нужна сосѣднимъ народамъ, если, по исчисленію любителей историческихъ курьёзовъ, она въ теченіе 386 лѣтъ четырнадцать разъ переходила отъ однихъ властителей къ другимъ.

Въ городѣ центромъ мусульманства служитъ громадная мечеть за базарами, одна изъ самыхъ обширныхъ и живописныхъ мечетей Кавказа. Это—цѣлый мусульманскій монастырь, съ безконечными галлереями, фонтанами и просторнымъ внутреннимъ дворомъ, отѣненнымъ старыми деревьями, обнесеннымъ кругомъ жилищами муллъ и софтъ и комнатками для богомольцевъ; на каждой сторонѣ двора—величественныя ниши, изукрашенныя, какъ и весь монастырь, превосходною разноцвѣтною глазурью удивительныхъ восточныхъ узоровъ; купола, своеобразнаго мусульманскаго рисунка изъ чудно-сверкающей на солнцѣ голубой эмали, вѣнчаютъ эту прелестную мечеть, а ворота, изъ черныхъ и голубыхъ изразцовъ, исписанныя золотыми строками корана,—верхъ вкуса и изящества,—ведутъ въ ея дворъ.

Трудно оторвать глаза отъ этой великолѣпной постройки строгаго персидскаго стиля, напоминающей своимъ характеромъ знаменитые храмы Самарканда.

Мечеть эта кишитъ народомъ. Внутри ея—сплошная Азія! Важные, суровые старцы, въ своихъ широкихъ и длинныхъ одеждахъ, въ бѣлыхъ и зеленыхъ чалмахъ, медленно двигаются по галлереямъ; запыленные поклонники, присѣвъ на корточкахъ вокругъ огромнаго водоема, благоговѣйно омываютъ свои усталыя ноги; передъ богато украшенною киблою мечети безмолвно молятся толпы мусульманъ, неподвижно поднявъ вверхъ свои ладони.

Базаръ Эривани съ его прикрытыми цыновками „темными рядами“, маленькими лавчонками, кухоньками, цырульнями, съ

Digitized by Google

его отдыхающими вереницами нагруженныхъ и разгруженныхъ верблюдовъ и пестротою всевозможныхъ племенъ и народовъ Востока, тоже сильно пахнетъ Азіею и стоитъ того, чтобы побродить по немъ.

Но намъ посчастливилось, во время нашего трехъ-дневнаго пребыванія въ Эривани, познакомиться не съ одною только внѣшнею, живописною стороною ея, а и съ различными представителями ея общества. Пришлось провести одинъ вечеръ у Гер. Петр. К—на, въ кругу его армянской семьи и друзей, другой—у Мих. А. М—ева, который собралъ у себя наиболѣе выдающихся членовъ здѣшней русской колоніи и устроилъ намъ цѣлый банкетъ, съ рѣчами и тостами, протянувшійся далеко за-полночь. Многое мы узнали, о многомъ наслышались въ этихъ продолжительныхъ и интересныхъ бесѣдахъ, которыя самымъ разнообразіемъ бесѣдовавшихъ съ нами лицъ дали намъ возможность взглянуть на занимавшіе насъ вопросы не съ односторонней точки зрѣнія.

Персіяне, не особенно требовательные насчетъ прохлады и житейскихъ удобствъ, прозвали когда-то Эривань „счастливою ямою“; а нашъ императоръ, покоритель ея, нашелъ, послѣ своего посѣщенія Эривани въ 1837 г., что она болѣе похожа на „глиняный горшокъ“. Надо думать, что съ тѣхъ поръ насаждено и выросло въ Эривани много садовъ, потому что издали этотъ древній городъ, съ своими золотистыми тополями и орѣхами, производитъ впечатлѣніе скорѣе цвѣтущей корзины, чѣмъ горшка, и если бы не ежегодное обязательное выселеніе эриванцевъ на лѣто въ Дара-Чичакъ, ради спасенія отъ невыносимой жары и насѣкомыхъ, то я бы подумалъ, что эпитетъ, когда-то данный этому живописному мѣстечку императоромъ Николаемъ, въ настоящее время совсѣмъ не подходитъ къ нему.

Но страннѣе всего, что эта „яма“ лежитъ на высотѣ почти $3^1/_2$ тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря, то-есть, наравнѣ съ вершинами иныхъ крымскихъ горъ, и что на него прямо дышутъ вѣчные ледники и снѣговыя поля Арарата.

Трудно также понять, почему климатъ этого кажущагося счастливаго уголка—считается очень вреднымъ. Приписываютъ это и болотистому характеру воды, и испорченному воздуху, и почвѣ, загрязненной въ теченіе вѣковъ нечистотами, въ особенности же открытой сточной канавѣ, протекающей черезъ весь городъ и разносящей повсюду заразительные міазмы. Хотя невольно вспоминаешь при этомъ, что до сихъ поръ я не встрѣчалъ города, о которомъ бы его жители не говорили какъ о

Digitized by Google

гнѣздѣ всякихъ болѣзней, что, по отзывамъ ихъ, нѣтъ нездоровѣе климата, какъ въ Петербургѣ, въ Кіевѣ, въ Одессѣ, въ Воронежѣ, въ Батумѣ, въ Тифлисѣ, въ Сухумѣ, такъ что отыскивать здоровую мѣстность дѣлается задачею почти неосуществимою,—но тѣмъ не менѣе жалобы на плохое санитарное состояніе Эривани, очевидно, имѣютъ серьезное основаніе. А вмѣстѣ съ тѣмъ Эривань—рѣдкая мѣстность для садоводства и огородничества. Здѣшнія дыни, арбузы, абрикосы, персики, также какъ замѣчательно крупный и сладкій виноградъ—славятся во всемъ Закавказьѣ, для котораго далеко не диковина всѣ эти плоды.

Немудрено, что русская чиновная колонія въ Эривани не находитъ здѣсь для себя особенныхъ удобствъ и справедливо жалуется на нѣкоторую заброшенность свою среди сплошного армянскаго и татарскаго населенія. Казенныхъ зданій въ Эривани почти нѣтъ, а сколько-нибудь приличныя квартиры сдаются дорого; въ православныхъ церквахъ—грузинское духовенство, совершенно чуждое русскимъ и по нравамъ, и по языку; въ клубѣ—небольшая горсточка русскихъ; никакихъ почти просвѣтительныхъ общественныхъ учрежденій въ городѣ нѣтъ,—нѣтъ даже больницы, стоющей этого названія, а то, что и устраивается, благодаря малочисленности образованнаго общества, идетъ далеко не такъ, какъ нужно; по той же причинѣ и благоустройство города заставляетъ желать многаго: водопровода нѣтъ, а въ рѣку свободно спускаютъ всѣ нечистоты; улицы лѣтомъ страшно пыльны, весною и осенью грязны; общественныхъ гуляній, кромѣ городского сада, обращеннаго въ мѣсто сходокъ всякихъ пьяницъ и оборванцевъ, да небольшого бульвара, гдѣ играетъ музыка,—въ городѣ нѣтъ; прекрасный загородный „садъ сардара“, съ вѣковыми деревьями,—значительною частью вырубленъ для какихъ-то сельско-хозяйственныхъ культуръ, затѣянныхъ вѣдомствомъ государственныхъ имуществъ; театра въ городѣ нѣтъ. Такія условія, разумѣется, не особенно располагаютъ людей, привыкшихъ къ культурной жизни большихъ городовъ, — оставаться подолгу въ Эривани.

Послѣдній день мы посвятили прощальнымъ визитамъ къ своимъ любезнымъ новымъ знакомымъ и приготовленіямъ къ довольно тяжелой и довольно далекой поѣздкѣ черезъ Абаранское ущелье и горы Алагёза въ Александрополь, куда насъ звалъ телеграммою мужъ моей дочери, одинъ изъ инженеровъ-строителей тифлисско-карсской дороги.

Digitized by Google

Встали въ половинѣ шестого утра; милый спутникъ нашъ въ Кегартъ, Степ. Ив. К—нъ, послѣ семейнаго совѣта съ своимъ дядею Герасимомъ Петровичемъ, рѣшился сопровождать насъ въ Александрополь, съ тѣмъ, чтобы оттуда вмѣстѣ отправиться къ знаменитымъ развалинамъ Ани, послѣдней столицы давно разрушеннаго армянскаго царства, которыхъ Степанъ Ивановичъ еще ни разу не видѣлъ, и которыя посѣтить хотя одинъ разъ въ своей жизни считаетъ священнымъ долгомъ каждый просвѣщенный армянинъ. Замѣчательно еще крѣпокъ и строгъ у армянъ семейный бытъ. Въ этомъ смыслѣ они остаются вполнѣ патріархальнымъ народомъ, какъ и подобаетъ обитателямъ араратской страны, до сихъ поръ еще дышущей патріархальными преданіями праотца Ноя, Іафета и внука его Гаика. Степанъ Ивановичъ, какъ оказалось, живетъ въ своемъ с. Игдырѣ, у подошвы Арарата, въ многочисленной семьѣ, гдѣ старшимъ членомъ и хозяиномъ-распорядителемъ считается, по общему согласію рода, одинъ изъ его дядей; и хотя Степанъ Ивановичъ—вполнѣ взрослый человѣкъ и имѣетъ одинаковыя съ дядею имущественныя права, но, по старинному обычаю армянъ, не смѣетъ сдѣлать ничего безъ распоряженія главы семьи, которымъ не всегда бываетъ старшій по годамъ, а тотъ членъ семьи, котораго считаютъ болѣе способнымъ къ управленію хозяйственными дѣлами. Въ городѣ Эривани, за отсутствіемъ семейнаго главы, Степанъ Ивановичъ, какъ младшій членъ, обязанъ слушаться во всемъ здѣшняго дядю своего, который уже самъ отвѣчаетъ за свои распоряженія передъ всѣми признаннымъ главою дома. Степану Ивановичу было необходимо въ эти дни уѣхать изъ Эривани, гдѣ онъ покончилъ порученныя ему дѣла,—но такъ какъ Гер. Петр., по служебнымъ обязанностямъ своимъ, не могъ сопровождать насъ ни въ Кегартъ, ни въ Ани, а между тѣмъ очень желалъ помочь намъ въ знакомствѣ съ этими древними памятниками армянской исторіи, — то онъ приказалъ племяннику съѣздить съ нами сначала въ Кегартъ, а потомъ черезъ Александрополь и въ Ани,—и тотъ повиновался безъ малѣйшаго колебанія и отговорокъ, хотя это отнимало у него въ общемъ счетѣ недѣли двѣ времени.

Благодаря хлопотамъ этихъ милыхъ людей, нанятая съ ихъ помощью коляска четверкою уже ждала насъ у подъѣзда, а курдъ-джигитъ, отряженный намъ въ провожатые подлежащею властью, въ красивой чалмѣ изъ пестрой шали, съ ружьемъ за плечами, уже гарцовалъ передъ нашими окнами на своемъ бойкомъ конькѣ. Дорога черезъ Абаранское ущелье считается не-

Digitized by Google

безопасною отъ нападеній курдскихъ и татарскихъ разбойниковъ, и ѣздить по этому пути безъ вооруженнаго провожатаго нѣсколько рискованно. Нагрузивъ свой изрядно-обильный багажъ и запасшись всякою дорожною провизіею, въ семь часовъ утра тронулись мы въ путь, предварительно отправивъ телеграмму своему зятю о нашемъ выѣздѣ въ Александрополь.

Дорога убійственная! Камень на камнѣ,—настоящая каменоломня и, вмѣстѣ, колесоломня. Нужно удивляться, какъ рессорные экипажи рѣшаются ѣздить по этому адскому пути. И почему бы, казалось, при здѣшнемъ поразительно дешевомъ ручномъ трудѣ, не разбить молотами этихъ самыхъ камней, предусмотрительно насыпанныхъ на дорогу самою природою, безъ необходимости покупки и далекой перевозки ихъ,—и не обратить этой мучительной костоломки въ гладкое шоссе, которое бы въ одинъ годъ сберегло на многія тысячи рублей колесъ, экипажей, лошадиныхъ ногъ и человѣческой обуви, и вдвое-втрое сократило бы проѣзжимъ время и расходы.

Да и кругомъ дороги—безотрадная, вся усыпанная камнями пустыня! А между тѣмъ движенье здѣсь, какъ видно, очень дѣятельное: на встрѣчу намъ то-и-дѣло двигаются вереницы нагруженныхъ верблюдовъ и осликовъ,—эти неизбѣжные кавказскіе обозы, толпы армянокъ или татарокъ, — трудно различить ихъ неопытному глазу,—оборванныя и грязныя, какъ наши цыганки, всѣ одинаково черномазыя, черноглазыя и черноволосыя, съ клювами вмѣсто носовъ, идутъ съ большими кувшинами на спинахъ. У кувшиновъ этихъ дно заострено какъ веретено, такъ что поставить ихъ нельзя, иначе какъ воткнувъ въ песокъ. К—нъ объяснилъ намъ, что это дѣлается для того, чтобы возможно было черпать воду въ мелкихъ ручьяхъ; кувшины съ обыкновеннымъ толстымъ нижнимъ концомъ не годятся для этого.

Проѣхали 22 версты,—постъ для джигитовъ, охраняющихъ дорогу. Нашъ всадникъ перемѣнился на другого, получивъ отъ насъ серебряный рубль за свою скачку впереди коляски. К—нъ увѣрялъ насъ, что въ случаѣ дѣйствительнаго нападенія разбойниковъ, какъ показываетъ горькій опытъ, храбрый всадникъ первый удираетъ въ степь или назадъ по дорогѣ, такъ что присутствіе этой воинственной фигуры нужно только ради пущей важности, въ видѣ почетнаго эскорта путешественнику, да для болѣе удобныхъ сношеній съ туземнымъ населеніемъ въ

Digitized by Google

деревняхъ, гдѣ приходится отыскивать ночлегъ или требовать зачѣмъ-нибудь сельское начальство.

Вотъ и Аштаракъ,—большое, богатое селеніе, живописно раскинутое въ ущельѣ Абаранъ-су, по-армянски Газахъ. Больніе дома изъ темнаго тесаннаго камня, суровые и неприступные какъ крѣпость, висятъ надъ пропастью Абаранъ-су своими галлерейками и лѣсенками, лѣпясь другъ на другѣ по обрывистымъ черным скаламъ, въ живописной тѣни тополей и садовъ. Двѣ типическія армянскія церкви видны намъ среди этихъ безкрышихъ каменныхъ кубовъ. Одна изъ нихъ съ полинялою узкою башнею, очевидно, большой старины. Извѣстный знатокъ армянской исторіи, Шопенъ, насчитывалъ въ Аштаракѣ не двѣ а четыре „старинныя весьма замѣчательныя церкви“ и предполагалъ, что деревня Аштаракъ—„одна изъ древнѣйшихъ въ области“, такъ какъ она „окружена множествомъ развалинъ и надгробныхъ памятниковъ глубокой древности“.

Аштаракъ—вообще, историческое мѣсто. Его армянское имя значитъ „башня“; это показываетъ, что здѣсь изстари была крѣпость, защищавшая подступы съ сѣвера къ былымъ столицамъ Арменіи: Вагаршапату, Арташату, Дувину, а впослѣдствіи къ Эривани и Эчміадзину. Съ того времени уцѣлѣлъ и прочный каменный мостъ на аркахъ, перекинутый еще персами черезъ Абаранъ-су. И въ нашемъ столѣтіи Аштаракъ прославился жестокою битвою маленькаго отряда князя Циціанова съ значительными силами персовъ, разбитыми здѣсь на-голову.

Живописное ущелье Абаранъ-су убѣгаетъ глубокимъ коридоромъ въ горную даль, изъ-подъ скалистыхъ обрывовъ Аштарака. Рѣка роется своими отощавшими струями глубоко внизу между каменныхъ насосовъ; она вся уже растратилась выше на мельницы и поля, перехваченная на пути нѣсколькими водопроводными канавами. Эти каменные слѣпые ящички мельницъ виднѣются какими-то игрушечными избушками сейчасъ ниже моста. Все дно ущелья, насколько видитъ глазъ, засажено пирамидальными тополями; ихъ золотисто-зеленая лента послушно слѣдуетъ за всѣми прихотливыми изгибами невидной изъ-за нихъ рѣки.

Этотъ мирный и милый пейзажъ—безопасное настоящее Аштарака. Но поднимите глаза на отвѣсные берега рѣки, и узнаете давнее прошлое его. Вся пропасть рѣчного русла выше Аштарака до самаго монастыря Сагмосъ-Ванка, котораго черный остовъ маячится вдали, издыравлена съ обѣихъ сторонъ,—будто

Digitized by Google

кусокъ дерева червоточиной,—дырьями пещеръ. Здѣсь, также какъ въ тѣснинѣ Гарни-Чая, скрывались когда-то отъ гоненій и казней язычниковъ первые пламенные ревнители Христова ученія и основывали свои первые церкви и монастыри.

Теперь Аштаракъ забылъ о старыхъ подвижникахъ своихъ и о кровавыхъ битвахъ въ его ущельѣ, и мирно снабжаетъ лучшимъ въ Арменіи виномъ своихъ виноградниковъ Эривань и Эчміадзинъ. Его имя связано также съ родиною нѣсколькихъ популярныхъ армянскихъ поэтовъ.

Въ деревнѣ Мугни—оживленное движеніе на улицахъ. Лавки, кабачки, много народу городского обличія и городскихъ нарядовъ. Въ концѣ деревни знаменитый у армянъ древній монастырь св. Георгія, или, по ихнему, „*Сурпъ-Кеворка*“; онъ назывался прежде также „монастыремъ креста“ (Хачеванскій монастырь). Монастырь, окруженный крѣпкими каменными стѣнами, стоитъ на берегу Абаранъ-су и въ старое время былъ надежною крѣпостью. Сохранился онъ удивительно хорошо. Архимандрита Георга Рештуни мы не застали дома, но онъ возвратился изъ своей поѣздки въ городъ прежде, чѣмъ мы успѣли позавтракать въ монастырскомъ домѣ, стоящемъ тоже внутри стѣнъ и представляющемъ изъ себя маленькій замокъ изъ большихъ тесанныхъ камней съ высочайшею наружною лѣстницею и широкою террасою во дворъ. Отецъ Рештуни сейчасъ же повелъ насъ осматривать замѣчательный древній храмъ, занимающій середину заросшаго травою двора. Въ Арменіи, какъ и въ Грузіи, да, строго говоря, какъ и въ Россіи,—древними памятниками исторіи служатъ почти исключительно храмы да монастыри. Весь смыслъ армянской исторіи многихъ вѣковъ — это отчаянная борьба за свою христіанскую религію сначала противъ язычниковъ и огнепоклонниковъ, потомъ противъ мусульманъ. Весь ихъ героизмъ, всѣ помыслы и силы народа уходили на эту основную задачу ихъ исторической жизни; они пали въ этой борьбѣ какъ самостоятельное государство, но твердо отстояли свою духовную независимость, свои религіозныя вѣрованія; на Арменіи и на Грузіи, какъ на первыхъ крѣпостныхъ валахъ христіанства, остановилась побѣдоносная волна мусульманства и только сравнительно слабыми всплесками долетѣла съ азіатскихъ окраинъ до христіанскихъ царствъ Европы. Арменія и Грузія на востокѣ, какъ Испанія на западѣ, своими тѣлами закрыли отъ сокрушительныхъ ударовъ ислама грудь своихъ собратьевъ о Христѣ—европейскихъ народовъ. Въ этомъ подвигѣ—историческая заслуга Арменіи.

Digitized by Google

Нельзя удивляться поэтому, что почти всѣ историческіе и археологическіе памятники Арменіи принадлежатъ къ области церкви. Каждый старый храмъ Арменіи—это своего рода каменная лѣтопись цѣлаго ряда вѣковъ, цѣлой вереницы событій.

Храмъ Сурпъ-Кеворка сохранилъ на себѣ слѣды своего былого архитектурнаго великолѣпія. Его стѣны, сложенныя въ арабскомъ вкусѣ, изъ чередующихся правильнымъ узоромъ черныхъ и желтокрасныхъ тесанныхъ камней, покрыты тонкою каменною рѣзьбою вездѣ, гдѣ это оказывалось удобно; тутъ и громадные кресты съ завитушками, и изящные карнизики въ нѣсколько рядовъ, и плиты съ изображеніями и надписямя. Высокая круглая башня, рѣзко полосатой черно-желтой кладки, поднимается надъ основнымъ зданіемъ храма съ крышею изъ каменныхъ плитъ, крѣпкихъ какъ желѣзо, притомъ не гладкою, а въ формѣ какой-то оригинальной зубчатой звѣзды, напоминающей гофрированные абажуры лампъ. Вѣнчаетъ, однако, эту величественную башню не нашъ сіяющій золотомъ крестъ, а желтый грубый крестикъ изъ простого желѣза. Особенно остановили на себѣ наше вниманіе большія входныя двери подъ величественною колоннадою съ арабесками затѣйливой каменной рѣзьбы, охватывающей кругомъ входъ концентрическими рядами арочекъ, на подобіе дверей въ старинныхъ готическихъ соборахъ.

Внутри храма—стройность и благородство; круглый каменный куполъ искусно поддерживается каменными ребрами; во всѣ четыре стороны базилики идутъ высокіе своды. Зато убранство храма—крайне бѣдное, какъ во всѣхъ почти армянскихъ церквахъ, особенно древнихъ. Открытый алтарь на возвышеніи и престолъ съ тремя уступами напоминаютъ католическіе алтари. Сзади алтаря—узкое помѣщеніе, гдѣ одѣваются священники,—нѣчто въ родѣ нашей ризницы. Иконъ очень мало, и тѣ весьма плохія. Въ одной изъ боковыхъ нишъ, сдѣланныхъ въ толщѣ стѣны, задернутыхъ занавѣскою, выдолблена каменная купель для крещенія младенцевъ. Фрески на стѣнахъ и на пилонахъ—младенчески неумѣлыя, очевидно, очень старой живописи: тамъ, между прочимъ, два ангела взвѣшиваютъ на вѣсахъ дѣла человѣка, и на одной изъ чашекъ вѣсовъ повисъ, уцѣпившись когтями, маленькій чертенокъ. Монастырь недаромъ считается св. Георгія: насъ провели въ маленькій придѣльчикъ слѣва отъ алтаря, гдѣ стоитъ, покрытая кускомъ парчи, мраморная гробница, будто бы, св. Георгія Побѣдоносца; у гробницы горятъ тоненькія домодѣльныя свѣчки изъ желтаго воску да виситъ нѣсколько дешевенькихъ образковъ. Св. Георгію какъ-то особенно посчастливи-

Digitized by Google

лось, и многіе восточные города оспариваютъ другъ у друга честь быть его родиною или мѣстомъ его успокоенія. Греческая церковь, а съ нею и наша русская, считаютъ, однако, настоящимъ мѣстомъ погребенія св. Георгія городъ Лиду въ Палестинѣ, гдѣ донынѣ поклоняются гробницѣ его, и гдѣ, если не ошибаюсь, предполагается и самая родина его.

На дворѣ монастыря попадаются еще очень старыя, совсѣмъ вросшія въ землю плиты. Одну грубо вырубленную плиту V-го вѣка, покрашенную зеленою краскою, показываютъ какъ особенную рѣдкость, также какъ и оригинальный древній колодезь, въ видѣ слѣпого каменнаго домика, вкопаннаго въ землю. Архимандритъ бойко читаетъ древнія надписи, уцѣлѣвшія на плитахъ храма, и между прочимъ прочелъ намъ надпись надъ входными дверями, переведенную сейчасъ же К—номъ на русскій языкъ. Изъ надписи этой видно, что храмъ былъ обновленъ въ послѣдній разъ въ 1018 году армянской эры, что̀ по нашему лѣтоисчисленію равняется 1569 году, такъ какъ армяне ведутъ свою хронологію съ 551 года,—то-есть, года изобрѣтенія Месробомъ армянской азбуки.

Послѣ осмотра монастыря мы пригласили почтеннаго настоятеля побесѣдовать съ нами за стаканомъ чаю и позавтракать, чѣмъ Богъ послалъ. Захваченное въ Эривани вино оказалось особенно кстати.

Монастырь св. Кеворка, также какъ монастыри Іогана-Ванкъ и Сагмосъ-Ванкъ, виднѣвшіеся вдали по направленію ущелья, основаны, по словамъ архимандрита, владѣтельнымъ княземъ этой области, Ваче, жившимъ тутъ по сосѣдству. Часть монастыря св. Кеворка построили Камсараканы, предки нашего спутника, о чемъ говорилось и въ прочтенной намъ надписи на дверяхъ. Вообще, это — одна изъ самыхъ древнихъ и самыхъ знаменитыхъ армянскихъ фамилій; они были въ свое время владѣтельными князьями цѣлыхъ областей и играли большую роль въ судьбахъ своего народа.

Когда мы выходили, простившись съ настоятелемъ монастыря,—садиться въ свою коляску,—маленькая кучка богомольцевъ появилась на дворѣ. Одинъ армянинъ велъ на веревочкѣ барана—рѣзать въ жертву; два другіе, мужчина и женщина, гнали для того же осликовъ, съ привязанными къ сѣдлу гусями. Они очень низко поклонились архимандриту, и женщина поднесла ему на блюдечкѣ соль, прося освятить ее пастырскимъ благословеніемъ, чтобы приступить потомъ, тутъ же, у стѣнъ храма, къ священной трапезѣ жертвеннымъ мясомъ.

Digitized by Google

Проѣхавъ многолюдное с. Карпи съ хорошими домами и старинною церковью, мы своротили съ полверсты въ сторону, чтобы осмотрѣть монастырь Іогана-Ванкъ; проѣхать до него въ экипажѣ нельзя по непроходимости пути, заваленнаго камнями. Пришлось порядочно пройтись пѣшкомъ подъ покровительствомъ спѣшившагося чепара нашего, отгонявшаго отъ насъ яростныя атаки деревенскихъ собакъ. Около монастыря тоже раскинута деревушка; мы пробирались по ея узкимъ, вьющимся переулочкамъ, текущимъ грязью; толпы женщинъ, съ завязанными тряпкой ртами, черноволосыхъ и черноглазыхъ, и цѣлыя стаи здоровенной, мордатой, смуглорумяной дѣтворы высыпали на плоскія крыши своихъ домовъ и на грязныя улицы, изумленно разсматривая незнакомые имъ лица и наряды.

Прежде чѣмъ проникнуть въ монастырь, пришлось порядочно подождать, пока были разысканы, съ помощью набѣжавшихъ со всѣхъ сторонъ мальчишекъ и нашего чепара, вѣрные стражи древней святыни. Одного старика, хранителя ключа отъ наружныхъ дверей, разыскали сладко спавшимъ въ тѣни орѣха; другого — обладателя ключей отъ внутренняго храма—притащилъ откуда-то расторопный чепаръ. Это благоразумное распредѣленіе между разными лицами ключей отъ святыни соблюдается и въ Эчміадзинѣ, гдѣ нѣкоторыя сокровищницы могутъ быть отперты только при участіи двухъ или трехъ приставниковъ.

Іогана-Ванкъ, окруженный крѣпостной стѣной съ башнями, много красивѣе и больше, чѣмъ Сурпъ-Кеворкъ. Архитектура его полна особеннаго изящества и вкуса. Онъ весь сложенъ шахматами изъ черныхъ и желтокрасныхъ кубовъ очень твердаго камня и покрытъ снаружи еще болѣе художественною каменною рѣзьбою, съ изображеніемъ крестовъ, святыхъ мужей, орловъ и всякихъ арабесковъ. Входный порталъ его, украшенный надписями на оригинальныхъ массивныхъ колоннахъ, еще величественнѣе, чѣмъ прекрасный порталъ Кеворка. Но на каменной крышѣ его восьмиугольной башни уже ростутъ густою зарослью вѣники, а верхъ его колокольни до того ободранъ, что на немъ уцѣлѣло только нѣсколько плитъ. Внутри храма тоже полное разрушеніе: крыша надъ такъ называемымъ „кораблемъ“ или „нефомъ“ храма вся провалилась; чудные высокіе своды на колоннахъ растреснуты, сдвинуты съ своихъ мѣстъ, и во многихъ мѣстахъ ихъ даже висятъ, угрожая паденіемъ, большіе тесанные камни. Убранство и расположеніе храма—совершенно такое же, какъ въ Сурпъ-Кеворкѣ и другихъ старыхъ храмахъ Арменіи, хотя всѣ архитектурныя украшенія обильнѣе и богаче. Въ самомъ храмѣ

Digitized by Google

службы уже не бываетъ, но слѣва къ нему пристроенъ новый придѣлъ, гдѣ стоитъ такой же апокрифическій гробъ св. Карапета (одно изъ семи армянскихъ именъ Іоанна Крестителя) и гдѣ совершаются всѣ церковныя службы.

Іогана-Ванкъ стоитъ удивительно картинно среди хаоса камней надъ черною пропастью, что̀ обрывается прямо изъ-подъ его ногъ ступенчатыми стѣнами скалъ глубоко внизъ, гдѣ реветъ между нагроможденными камнями сердитая Абаранъ-су.

Издали видъ этого чернаго каменнаго мертвеца—совсѣмъ могильный. Неодушевленные предметы, видно, также могутъ умирать, какъ и живыя существа. Мы долго оглядывались на него, двигаясь дальше по дорогѣ,—и его массивная потемнѣвшая башня, вѣнчающая тѣсно сдвинувшіяся кругомъ такія же темныя стѣны, —казалась мнѣ самымъ выразительнымъ воплощеніемъ того жестокаго и мрачнаго вѣка, который когда-то создалъ этотъ храмъ-крѣпость...

Страна кругомъ—подъ стать этимъ чернымъ развалинамъ: голыя бурыя горы, словно окаменѣвшія волны моря, каменистыя поля; только Алагёзъ нѣсколько веселитъ унылый пейзажъ снѣговыми пятнами своихъ вершинъ—слѣва и впереди насъ. Араратъ потонулъ теперь подошвами своей двойной пирамиды въ свѣтлыхъ туманахъ дали, затянувшихъ къ полудню плодоносную „Араратянъ-Даштъ“—„Араратскую долину“, орошаемую Араксомъ и Зангою; онъ кажется теперь ушедшимъ въ небо, висящимъ въ воздухѣ своими теперь уже безплотными, чуть не сквозными громадами; между тѣмъ какъ рано утромъ, при выѣздѣ нашемъ изъ Эривани, такъ ясно, отчетливо, такъ, казалось, близко и осязательно,—хоть рукою ощупывай всѣ ихъ углубленія и выступы,—стояли, вырѣзаясь на безпорочной синевѣ неба, его какъ сахаръ бѣлые и какъ сахаръ сверкающіе снѣговые шатры...

Проѣзжаемъ рядъ бѣдныхъ деревушекъ: сначала „Иляньчала“, что̀ по-русски значитъ: „избіеніе змѣй“; потомъ Базаръджикъ („Маленькій базаръ“). Вездѣ—какіе-то низенькіе хлѣвы изъ глины и камня вмѣсто домовъ, съ однѣми дверями безъ оконъ, вездѣ—признаки большой бѣдности. Въ Кара-Келеси даже церковь смахиваетъ на сарай: четырехугольный ящикъ изъ дикаго камня, безъ оконъ, съ двумя висящими колокольчиками надъ земляною крышею, поросшею травой.

Сагмосъ-Ванкъ, „монастырь псалмопѣнія“, производитъ еще болѣе мрачное и мертвенное впечатлѣніе, чѣмъ Іогана-Ванкъ, своимъ одиноко торчащимъ полинявшимъ чернымъ скелетомъ.

Digitized by Google

Онъ виденъ далеко издали, со всѣхъ сторонъ, откуда бы ни приближаться къ нему, взобравшись на высокій берегъ той же рѣки Абаранъ-су, надъ которою стоитъ и монастырь Карапета. Онъ и запустѣлъ теперь, и полуразвалился, также какъ тотъ.

А между тѣмъ было время, когда оба эти монастыря были одними изъ главнѣйшихъ во всемъ армянскомъ царствѣ. По словамъ стариннаго армянскаго географа Вартана, въ Іогана-Ванкѣ хранились нѣкогда самыя чтимыя армянами святыни: саванъ Спасителя, рука св. Стефана, ребро Іоанна Крестителя, а въ Сагмосъ-Ванкѣ „никогда не умолкало пѣніе псалмовъ".

Вообще, вся мѣстность по теченію рѣки Абаранъ-су была густо усѣяна храмами и монастырями, изъ чего видно ея особенное значеніе въ древней исторіи Арменіи. Теперешнее селеніе Карпи было въ старину многолюднымъ городомъ, а самое названіе Абаранъ значитъ по-армянски „дворецъ"; это заставляетъ предполагать, что въ Карпи или какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ по теченію рѣки Абаранъ,—которая называется также и Карпи,—было лѣтнее мѣстопребываніе армянскихъ царей.

Покормивъ лошадей въ Сурпъ-Кеворкѣ часа полтора, мы не останавливались до самаго вечера, хотя дорога все время тянется нѣсколько низволокъ и, несмотря на оффиціальное именованіе ея шоссейною, несмотря на стоящія по сторонамъ кучки щебня,—представляетъ изъ себя не что иное, какъ каменную осыпь, ломающую ноги лошадямъ и колеса экипажамъ.

По дорогѣ то-и-дѣло встрѣчаются толпы курдовъ съ навьюченными осликами, суровые обитатели алагёзскихъ пастбищъ, не вселявшіе въ насъ особеннаго довѣрія своимъ чисто-разбойничьимъ видомъ. Проѣхали курдскую деревню Али-Чичакъ и достигли, наконецъ, большого селенія Башъ-Абаранъ, что значитъ „головище рѣки Абаранъ", гдѣ предстоялъ намъ ночлегъ, а измученнымъ лошадямъ нашимъ—давно необходимый отдыхъ. Въѣхали мы въ Башъ-Абаранъ, прихвативъ часокъ прохладнаго вечера; тутъ мы уже въ полной власти Алагёза, котораго снѣговые утесы, близко надвинувшіеся надъ селеніемъ, дышутъ на равнину холодомъ зимы. И самъ Алагёзъ, съ закатомъ солнца, вдругъ разомъ потемнѣлъ, нахмурился, посинѣлъ, какъ трупъ.

Остановились мы въ домѣ сельскаго управленія. Чепаръ отправился разыскивать волостного старшину и передать ему бывшій съ нами письменный приказъ эриванскаго губернатора оказать намъ всякое содѣйствіе къ удобному ночлегу. Волостной

Digitized by Google

старшина явился къ намъ съ медалью на шеѣ, съ револьверомъ и патронами у пояса, и сейчасъ же принялся устраивать насъ. Въ просторномъ домѣ сельскаго управленія—четыре чистыя комнаты съ двойными рамами, необычными въ этомъ южномъ краю, съ кроватями, столами, стульями, шкапами для платья, даже съ умывальникомъ, вѣшалкою, зеркаломъ, лампами, подсвѣчниками, чернильнымъ приборомъ на письменномъ столѣ, съ ковромъ на стѣнѣ у постели и прочими затѣями цивилизованной жизни, совсѣмъ какъ въ порядочной гостинницѣ какого-нибудь русскаго уѣзднаго города. Этимъ деревенскимъ комфортомъ, до крайности необходимымъ для правительственныхъ и земскихъ дѣятелей, обязанныхъ, по роду своей службы, часто ѣздить по селеньямъ края,—эриванская губернія пристыживаетъ наши коренныя русскія губерніи, совсѣмъ не заботящіяся объ этой немаловажной житейской статьѣ. Комнаты были хорошо натоплены; откуда-то притащили намъ множество подушекъ, простынь, теплыхъ стеганныхъ одѣялъ, тяжелыхъ какъ матрацы,—все очень чистое. Явился, конечно, самоваръ съ чайною посудою, а скоро послѣ него—и горячій супъ съ курицею, который былъ особенно кстати въ эту прохладную ночь, подъ снѣгами Алагёза, послѣ цѣлаго дня тряски и сухоядѣнія.

Мы прекрасно выспались подъ теплѣйшими одѣялами на покойныхъ постеляхъ, и въ шесть часовъ утра бодро вскочили на ноги. Было еще темно, когда, напившись наскоро чаю, мы выѣхали со двора сельскаго управленія; на горизонтѣ едва только брезжила узкая полоска приближавшагося утра; гулко звенитъ въ неподвижномъ воздухѣ ночи маленькій водопадъ, падающій съ кручъ Алагёза. Это и есть головище, то-есть истокъ рѣки Абаранъ-су. Алагёзъ поднимается прямо надъ нашими головами, и отъ его бѣлыхъ вершинъ тянетъ бодрящимъ, тихимъ холодкомъ. Земскихъ всадниковъ, которыхъ мы перемѣняли до сихъ поръ на постахъ, тутъ уже нѣтъ,—и пришлось взять чепара отъ волостного старшины. Сразу начался крутой подъемъ; дѣлается все прохладнѣе, все суровѣе. Справа, подъ голыми горами, тянутся все курдскія селенія, налѣво, подъ утесами Алагёза,—армянскія. Только одна деревня Джизель-Дара („Красивое ущелье“) заселена татарами. Курдскія деревни—это звѣриныя норы въ кучахъ камня; на нихъ торчатъ земляныя горбушки трубъ, широкихъ какъ бочки. Издали видишь только однѣ черныя пирамиды кизяка да стожки „юнжи“ (люцерны) на плоскихъ земляныхъ крышахъ. Трудно представить что-нибудь безотраднѣе и

Digitized by Google

бѣднѣе этихъ жалкихъ логовищъ. Первое селеніе ихъ, которое мы проѣзжаемъ, „Миракъ“, второе—„Джинги“, третье—„Хоръ-Булакъ“ („Слѣпой ключъ“); въ Хоръ-Булакѣ даже не жилища, а скорѣе пещеры, вырубленныя въ подножіи скалистаго холма. Несмотря на ранній часъ, много курдовъ и курдинокъ, въ чалмахъ и живописныхъ повязкахъ съ бахромою, идутъ по дорогѣ, прогоняя на горныя пастбища муловъ и ословъ. Стада маленькихъ, тощихъ коровёнокъ бродятъ уже по скатамъ горъ; нынѣшній годъ была безкормица во всемъ здѣшнемъ краѣ, и скотъ сильно исхудалъ.

Отъ Мирака мы бросили такъ называемое шоссе, которое полѣзло зигзагами направо, въ горы, черезъ Джелалъ-Оглу, на Тифлисъ, съ вѣткою на Александрополь. Мы же взяли лѣвѣе, по ровной и широкой черноземной равнинѣ. На многія версты тянется здѣсь эта черная земля, и на всемъ пространствѣ ея—ни подъёма, ни спуска. По мѣрѣ приближенія утра, дѣлается все холоднѣе, дыханіе Алагёза становится все рѣзче и жестче, облака скучиваются бѣлыми лохмотьями вокругъ его вершинъ. Кругомъ насъ, надъ нами, лежитъ настоящая зима. Мы огибаемъ теперь уже съ третьей стороны обрывистую пирамиду Алагёза, которая отсюда кажется еще выше и эффектнѣе. На сѣверѣ—тучи, облака, что-то падаетъ вдали, не то дождь, не то снѣгъ; а на югѣ, сзади насъ, улыбаются голубыя озера расчистившагося неба.

Проѣхали армянское селеніе Мулла-Хасунъ, проѣхали татарскую деревню Джизель-Дара, за ними—еще нѣсколько деревень, и въѣхали, наконецъ, въ курдское селеніе „Караванъ-Сарай“. Тутъ обычный роздыхъ туземныхъ каравановъ. Стоитъ множество распряженныхъ арбъ, поятъ быковъ и верблюдовъ. Начинается хозяйственное утро; и молодыя, и пожилыя курдки длинными вереницами двигаются изъ своихъ домовъ за водою, съ большими кувшинами на плечахъ. Всѣ онѣ—въ красныхъ фартукахъ, красныхъ курточкахъ, красныхъ завѣскахъ сзади юбокъ, всѣ въ бѣлыхъ тюрбанахъ съ длинными концами, распущенными по спинѣ, и въ ноясахъ съ бахромою. Особенно была интересна совсѣмъ молоденькая дѣвочка,—навѣрное, однако, уже жена и хозяйка,—съ ярко сверкавшими черными глазками, въ кокетливой малиновой шапочкѣ съ длинною черною кистью, вся ярко-красная, граціозно черпавшая воду въ длинногорлый кувшинъ и, очевидно, сіявшая внутри радостнымъ сознаніемъ своей привлекательности.

Каравансарайскіе курды всѣ—іезиды, то-есть „чортопоклонники“, а не мусульмане, какъ и большая часть алагёзскихъ

Digitized by Google

курдовъ. К—нъ, близко знающій ихъ вѣрованія, объяснялъ намъ, что они вовсе не считаютъ дьявола богомъ, а только падшимъ ангеломъ; но такъ какъ, по ихъ понятію, Богъ можетъ простить его, да, притомъ, дьяволъ имѣетъ столько власти надъ людьми, то они считаютъ грѣхомъ вмѣшиваться между нимъ и Богомъ, боятся раздражать его, и никогда поэтому не бранятъ и даже не произносятъ его имени, а напротивъ, умилостивляютъ его молитвами и жертвами. Съ мусульманскою религіею іезиды не имѣютъ ничего общаго. И хотя они постоянно грабятъ и воруютъ по ночамъ, но все-таки гораздо мирнѣе и безопаснѣе курдовъ-мусульманъ. Сосѣднія армянскія селенія главнымъ образомъ страдаютъ отъ нихъ. Курды то-и-дѣло угоняютъ скотъ, травятъ хлѣбъ. У мировыхъ судей ведутся нескончаемыя дѣла объ этихъ сосѣдскихъ грабительствахъ.

Любопытно было осмотрѣть въ Караванъ-Сараѣ кладбище курдовъ-іезидовъ. Ихъ могилы — это простыя кучи сваленныхъ вмѣстѣ круглыхъ булыжниковъ, но среди этихъ первобытныхъ погребальницъ виднѣется нѣсколько вырубленныхъ изъ камня большихъ коней бѣлыхъ и красныхъ, съ сѣдлами и подпругами, раскрашенными сообразно цвѣту лошади, сработанныхъ съ нѣкоторымъ искусствомъ и поставленныхъ въ память мѣстнымъ удальцамъ, особенно отличившимся въ хищническихъ набѣгахъ.

Мы, очевидно, спускаемся. Алагёзъ уже за нами, а впереди вдругъ поднялся, задвинувъ горизонтъ, высокій снѣговой хребетъ, котораго мы до сихъ поръ не видали. Это уже горы Карса. Кругомъ насъ теперь сплошныя поля, и даже высоко, по скатамъ горъ, чернѣютъ ихъ распаханные квадраты. Скота тутъ тоже много. Вообще, это далеко не безлюдная пустыня. Мы проѣзжаемъ другое селеніе Джизель-Дара,—не татарское, а армянское. Отсюда, сверху, намъ видна вся нижняя долина и даже домики еще довольно далекаго Александрополя. Отъ Джизель-Дара до него—28 верстъ. Приходится еще разъ покормить, прежде чѣмъ доѣдемъ до него. Заѣзжаемъ на армянскій постоялый дворъ въ деревнѣ Нора-Шенъ („Новоселокъ"). Оригиналенъ этотъ первобытный постоялый! Въ низенькомъ каменномъ домикѣ съ земляною крышею—двѣ комнаты рядомъ: въ одной—табачная лавка съ русскою вывѣскою, въ другой—гостинница своего рода. Сѣней—никакихъ; утлая дверочка, всегда отпертая настежь, прямо ведетъ въ комнатку, освѣщенную однимъ оконцемъ безъ двойныхъ рамъ, также постоянно отвореннымъ.

Digitized by Google

Половина комнатки занята широчайшею деревянною тахтою на низенькихъ ножкахъ, напоминающею полати русской избы; у другихъ стѣнъ—деревянная, нечистоплотная кровать и такой же деревянный диванчикъ, прикрытый, какъ и тахта, грубыми ковриками. По серединѣ комнаты, взамѣнъ печи, водружена на опрокинутомъ ящикѣ жаровня съ желѣзной трубой. Тутъ ночуютъ, тутъ обѣдаютъ, тутъ пьютъ чай и вино. Нетребовательный туземецъ не находитъ, съ своей стороны, никакихъ неудобствъ въ такой комфортабельной гостинницѣ-ресторанѣ.

Въ Александрополь мы пріѣхали засвѣтло. Послѣднюю часть дороги приходилось почти скатываться съ пологой горки, и подмореннныя лошадёнки, повидимому, чувствовали близость желаннаго отдыха. Но не такъ-то скоро удалось намъ разыскать въ раскинутомъ на большое пространство городѣ домъ, гдѣ квартировалъ нашъ зять. Насъ отправляли то въ одну, то въ другую, совсѣмъ противоположную сторону, и только послѣ долгихъ напрасныхъ переѣздовъ изъ улицы въ улицу нашелся какой-то благодѣтельный человѣкъ, дѣйствительно знавшій нужный намъ домъ. Онъ присѣлъ къ намъ на козлы и благополучно привелъ насъ, наконецъ, къ цѣли нашего странствованія, гдѣ насъ встрѣтила радостными криками давно нами невиданная родная дѣтвора.

VIII.—Развалины Ани, древней столицы царства армянскаго.

Мы торопились воспользоваться хорошею погодою, которая въ этой горной странѣ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, далеко не всегда бываетъ ясною и теплою,—чтобы успѣть съѣздить въ Ани, полюбоваться на знаменитыя развалины его храмовъ и дворцовъ. Путешествіе это—не особенно близкое и не совсѣмъ удобное. Приходится проѣзжать пустынными мѣстами, населенными кочующими курдами, и искать ночлега, гдѣ Богъ пошлетъ, потому что въ самомъ Ани нѣтъ никакого жилья. Ѣхать въ эту глушь, недавно еще бывшую въ турецкомъ владѣніи, за нашею границею, безъ вооруженнаго конвоя—тоже рискованно. Зять нашъ, инженеръ Г., одинъ изъ строителей тифлисско-карсской дороги, уже два года работалъ въ этихъ мѣстахъ и еще раньше побывалъ въ Ани. Онъ-то и завѣдывалъ всѣмъ устройствомъ нашей экспедиціи. Насъ собралась порядочная компанія: мы трое

Digitized by Google

съ К-номъ, зять нашъ и одинъ его пріятель, мѣстный купецъ-армянинъ, П. Н. Драмповъ, отлично знакомый со всѣми мѣстными условіями. Наняты были двѣ коляски, по пятнадцати рублей каждая; къ одному изъ кучеровъ присоединился на козлы братъ его, любопытствовавшій побывать въ священныхъ для каждаго армянина развалинахъ; кромѣ того, два вооруженныхъ чепара присланы были намъ въ провожатые отъ мѣстнаго исправника, вслѣдствіе переданнаго ему нами письма эриванскаго губернатора. Такимъ образомъ всего оказалось насъ десять человѣкъ. Наготовлено было нѣсколько корзинъ всякихъ припасовъ, и въ пять часовъ утра, еще до солнца, мы тронулись въ путь. Было темновато и прохладно. Долго, по выѣздѣ изъ города, провожали насъ холмы, покрытые татарскими и армянскими кладбищами. Дорога идетъ все время вдоль рѣки Арпачая. Кругомъ насъ—все поля и посѣвы. Почва—что-то въ родѣ сѣраго лёса, и, говорятъ, очень плодородная. Въ старое время область эта носила названіе Шурагеля; на базарахъ Александрополя и Карса до сихъ поръ шурагельская пшеница славится своею бѣлизною и покупается дороже другихъ. Засѣваютъ тутъ землю безъ роздыха и безъ навоза, каждый годъ, потому что земли, годной для обработки, очень мало. Это не то, что въ Карсской области, гдѣ осталось множество пустынныхъ земель, покинутыхъ турками. Армяне, однако, жалуются, что, какъ ни просили они, правительство не разрѣшаетъ имъ селиться на тѣхъ земляхъ. Урожай здѣсь расчитывается по размѣру дневной работы одного человѣка, что̀ называется по-армянски: „ура-варъ“. Обыкновенно одинъ ура-варъ даетъ „самаръ“ пшеницы, то-есть двадцать пудовъ, а обычная мѣстная цѣна пшеницы—одинъ рубль серебромъ за пудъ. Въ прошломъ году урожай былъ плохой, и земля дала только „пол-самара“ на каждый „ураваръ“. Помѣщиковъ, какъ въ эриванской губерніи, тутъ совсѣмъ нѣтъ; вся земля принадлежитъ крестьянамъ и считается ихъ надѣльною,—поэтому тутъ нѣтъ продажныхъ земель.

Въ пригородныхъ деревняхъ виднѣются и сады; однако, несмотря на югъ, горная мѣстность даетъ себя знать, и никакихъ южныхъ плодовъ,—даже такихъ неприхотливыхъ, какъ абрикосы, черешни, виноградъ,—здѣсь не родится. Въ здѣшнихъ садахъ вызрѣваютъ только плоды нашей курской или орловской губерніи—яблоки, груши, вишни. Вмѣсто виноградниковъ, видны капустники, какъ и у насъ въ черноземной Россіи. Впрочемъ, и овощи бо̀льшею частью привозятъ сюда изъ другихъ мѣстъ. Мы встрѣтили, между прочимъ, шедшій изъ Сардаръ-Абада въ Александро-

Digitized by Google

поль длинный караванъ верблюдовъ, привязанныхъ веревками другъ къ дружкѣ и навьюченныхъ обильными запасами лука, картофеля и всякой другой огородины.

Александрополь очень долго былъ пограничною русскою крѣпостью, и сейчасъ же за Арпачаемъ начиналась турецкая земля. До сихъ поръ видны мѣста, гдѣ, вплоть до 1877 года, стояли турецкіе пограничные пикеты. Мѣстные жители разсказываютъ, что въ тѣ печальныя времена просто нельзя было жить въ окрестностяхъ Александрополя. Турки то-и-дѣло грабили, жгли, убивали людей даже на нашей сторонѣ Арпачая, несмотря на то, что день и ночь вдоль рѣки ѣздили казацкіе разъѣзды. Теперь тутъ сравнительная благодать, спокойствіе и миръ. Въ этомъ—великое и еще слишкомъ мало цѣнимое нами значеніе большихъ государствъ, объединяющихъ подъ одною властью и однимъ закономъ когда-то враждебные другъ другу области и народы, и водворяющихъ среди нихъ миръ и безопасность вмѣсто прежней непрерывной войны, одинаково разорительной для каждой страны.

Селенья, мимо которыхъ мы проѣзжаемъ, тоже хранятъ на себѣ выразительные слѣды былыхъ безпокойныхъ временъ. Вонъ, подъ обрывистою Столовою горою пріютилось старинное мѣстечко Башъ-Шурагель, а надъ нимъ, на обоихъ краяхъ горы, торчатъ круглыя башни старыхъ укрѣпленій. Еще раньше Башъ-Шурагеля проѣхали мы село Баяндуръ, гдѣ издревле были поселены греки вмѣстѣ съ армянами и гдѣ виднѣются двѣ большія церкви; тутъ долго стояла наша артиллерія, отлично исправившая на свой счетъ старую греческую церковь.

Въ Чиръ-Пелу уцѣлѣли остатки грандіознаго каменнаго моста, когда-то сооруженнаго армянскими царями. Хотя онъ нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги, но мы сходили къ нему пѣшкомъ черезъ каменистое поле, чтобы полюбоваться его развалинами. Это сооруженіе—чисто римскаго величія и искусства. Арпачай здѣсь бѣжитъ и реветъ въ глубокомъ и тѣсномъ каменномъ коридорѣ; этимъ сравнительно узкимъ мѣстомъ воспользовались старинные строители, чтобы перебросить съ одной несокрушимой береговой стѣны на другую, такую же крѣпкую, громадный и великолѣпный мостъ изъ тесанныхъ темно-красныхъ камней, тщательно приточенныхъ другъ къ другу.

Мостъ этотъ—цѣлая крѣпость, поднимающая свои четыре высочайшія стѣны со дна этой бѣшеной пропасти. Въ немъ три яруса. Внизу, между стѣнами, соединенными наверху сводами,—

Digitized by Google

галлереи для прохода пѣшихъ, жилье для стражи и проѣзжихъ, конюшни для лошадей.

Въ древней Арменіи былъ, говорятъ, обычай устраивать въ мостахъ постоялые дворы своего рода для опоздавшихъ путниковъ,—что̀ и до сихъ поръ встрѣчается во многихъ мѣстностяхъ турецкой Арменіи. Построить мостъ, водопроводъ, безопасный караванъ-сарай у восточныхъ народовъ издавна считалось дѣломъ благочестія.

Высота этого моста, широкаго какъ площадь, такова, что голова кружится, когда смотришь съ него внизъ, въ волны бушующаго Арпачая. Мостъ разрушенъ на самой серединѣ рѣки, и съ другого берега уцѣлѣла только маленькая частичка его.

Село Чиръ-Пелу виднѣется на томъ берегу, дальше, по обрывистому ущелью и, по всей вѣроятности, было прежде сильнымъ укрѣпленіемъ.

Въ Керачѣ пришлось переправляться черезъ Арпачай, на бывшую турецкую сторону, на которой находятся и развалины Ани. Оба рукава Арпачая разлились широко отъ бывшихъ недавно дождей; наши лошади шли вбродъ выше пуза, такъ что и колеса хлебнули немного арпачайской водицы. Дорога на томъ берегу изрядно каменистая, жара дѣлается тоже порядочная, и бѣдные коньки чувствуютъ это больше, чѣмъ кто-нибудь; а тутъ еще извозчики наши не совсѣмъ твердо знаютъ полевыя тропы, и ѣдутъ, очевидно, наугадъ, болѣе руководясь общимъ видомъ окрестностей.

Среди голой, каменистой равнины вдругъ вырѣзались вдали, на фонѣ знойнаго неба, двѣ узкія и высокія старыя башни.

— „Хоша-Ванкъ“!—обрадованно сказалъ нашъ извозчикъ, указывая кнутомъ на башни.

„Хоша-Ванкъ“ значитъ по-армянски: „двѣ церкви“.

Этотъ древній монастырь—своего рода преддверіе бывшей армянской столицы, и путешественники, посѣщающіе развалины Ани, конечно, стараются не миновать его.

Скоро мы были у этихъ оригинальныхъ двухъ башенъ. Онѣ пересѣкаютъ дорогу въ монастырь и стоятъ какъ два его сторожа, образуя между собою ворота. Сводъ надъ воротами провалился, повидимому, недавно, потому что на видѣнныхъ мною рисункахъ и фотографіяхъ онъ еще изображается; одна изъ башенъ тоже безъ верху, и самихъ воротъ, запиравшихся когда-то на замки и запоры, разумѣется, слѣда нѣтъ. Ворота эти служили въ старину для въѣзда армянскихъ царей въ монастырь

Digitized by Google

Хоша-Ванкъ, гдѣ они имѣли обыкновеніе отдыхать по пути въ Ани. Съ приворотныхъ башенокъ звонили въ колокола, чтобы дать знать монастырю о приближеніи царскаго поѣзда. Въ то время дорога въ Хоша-Ванкъ была вымощена камнемъ, слѣды котораго еще замѣтны.

Самъ Хоша-Ванкъ лежалъ теперь впереди насъ, позади громадной круглой пропасти, на которой змѣились среди болотъ рукава Арпачая. Видъ этого монастыря глубоко характеренъ. Это—подлинный отрывокъ изъ древней исторіи Арменіи. Его черныя средневѣковыя стѣны съ башнями и бойницами изъ тесанныхъ камней тѣсно обступили древніе островерхіе храмы типическаго армянскаго стиля, такіе же черные и такіе же съ головы до ногъ каменные, какъ и сами они. Весь этотъ крѣпко защищенный замокъ живописно вырѣзался своими темными угловатыми очертаніями на безоблачно-синемъ небѣ, надъ самыми обрывами пропасти, отдѣлявшей его отъ насъ.

Пока экипажъ объѣзжалъ эту широкую и глубокую котловину, мы съ К—номъ и Петромъ Ник. рѣшились спуститься по крутымъ обрывамъ пропасти внизъ, къ Арпачаю, чтобы пробраться на торчавшій внизу, среди его разливовъ, скалистый островокъ, чрезвычайно картинно увѣнчанный развалинами двухъ древнихъ церковочекъ. Порядочно промочивъ ноги въ болотистой низинѣ, мы все-таки добрались кое-какъ, съ камушка на камушекъ, до привлекавшихъ насъ развалинъ. Стѣны пропасти, по которымъ мы спускались, всѣ изъ краснаго и желтаго туфа, легко поддающагося желѣзу. Вѣроятно, поэтому они всѣ изрыты пещерами не только кругомъ монастырской котловины, но и гораздо дальше, вдоль всего русла Арпачая. Изъ этого же туфа, повидимому, были выстроены и многія верхнія части тѣхъ прелестныхъ маленькихъ церковочекъ, которыя стоятъ на островкѣ. Храмики эти, самой изящной архитектуры,—въ сущности, не что иное какъ мавзолеи, выстроенные надъ прахомъ похороненныхъ здѣсь армянскихъ царей. Кругомъ ихъ—цѣлое кладбище, заваленное обломками тѣхъ же полуразрушенныхъ храмовъ. Простая каменная гробница царя Ашота III-го, установленная на пьедесталѣ изъ четырехъ ступеней, съ надписью 970 года, удивительнымъ образомъ совершенно уцѣлѣла среди хаоса наваленныхъ камней. Первый храмъ и былъ посвященъ его памяти, а другой, кажется,—царю Гагику I-му.

Не совсѣмъ легко было вылѣзти изъ болотистой пропасти, окружающей мавзолеи древнихъ царей, на ту сторону, къ подножію монастырскихъ стѣнъ. Маленькая, бѣдная деревушка, на-

Digitized by Google

половину врывшаяся въ каменные скаты горы, обсыпала монастырь. Къ нему приходится подниматься по крышамъ и дворамъ ея, среди отчаяннаго лая собакъ и среди удивленно зѣвающей толпы оборванныхъ старухъ и грязныхъ дѣтишекъ.

Старый, совсѣмъ лысый монахъ-настоятель встрѣтилъ насъ и сталъ водить по монастырю. Снаружи онъ кажется далеко не такимъ обширнымъ и прекраснымъ, какимъ оказался внутри. Все это постройки благороднаго архитектурнаго стиля, съ смѣлыми куполами, съ величественными колоннадами притворовъ, съ тонкою каменною рѣзьбою, съ множествомъ старинныхъ надписей— совершенно въ томъ же родѣ, какъ посѣщенные нами раньше древніе монастыри Кегарта, Сурпъ-Кеворка, Іогана-Ванкъ и др. Кромѣ храма, тутъ и великолѣпныя залы, въ которыхъ армянскіе цари собирали на совѣщаніе по государственнымъ дѣламъ своихъ князей и вельможъ. Сейчасъ видно, что это былъ не какой-нибудь глухой, заброшенный монастырь, а мѣсто чтимое и украшаемое царями. Изъ надписи на одномъ столбѣ видно, что монастырь былъ уже возобновленъ въ 935 г. царемъ Абасомъ,— слѣдовательно, построенъ значительно ранѣе. Назывался онъ, собственно, „Горомоси-Ванкъ", а названіе Хоша-Ванкъ получилъ отъ двухъ воротныхъ башенъ, носившихъ это имя. Разрушилъ его султанъ сельджуковъ, Альпъ-Арсланъ, въ 1064 году. По разсказамъ лѣтописцевъ, турки перерѣзали такое множество монаховъ, жившихъ въ монастырѣ и въ окрестныхъ пещерахъ, что трехъ-лѣтній младенецъ утонулъ въ ручьѣ крови. Но впослѣдствіи монастырь былъ, очевидно, возстановленъ, потому что на немъ видны надписи 1174—1336 годовъ. Изъ одной надписи узнаемъ, что въ 1198 г. архимандритъ Мхитаръ провелъ въ Горомоси-Ванкъ съ величайшимъ трудомъ ключевую воду, что не удавалось прежде даже царямъ.

Побродивъ по всѣмъ уголкамъ древней обители, мы закусили слегка и двинулись дальше, къ главной цѣли нашего путешествія.

Ани—всего верстахъ въ шести отъ Хоша-Ванка. Еще издали видны разбросанные на огромное пространство среди голой степи остатки стѣнъ съ башнями, остовы церквей и высоко поднятыя на горѣ развалины цитадели. Чѣмъ-то давно умершимъ, нѣмыми пустынями Палестины и Сиріи, дышетъ этотъ глубоко-историческій пейзажъ. Совсѣмъ отдѣльно отъ города, съ полверсты не доходя до его стѣнъ, стоитъ одинокая опустѣвшая церквочка, которую туземцы называютъ „церковью пастуха". Древнее преданіе гово-

Digitized by Google

ритъ, что одинъ богатый пастухъ, разсердившись на то, что въ какой-то большой праздникъ его не пустили ни въ одну изъ церквей Ани, переполненныхъ народомъ, — построилъ на свой счетъ эту церковь для себя одного и этимъ какъ бы отмстилъ негостепріимнымъ горожанамъ Ани.

Стѣны Ани были двойныя, и хорошо сохранившійся во многихъ мѣстахъ огромный обхватъ ихъ, своею высотою, длиною и множествомъ башенъ нѣсколько напоминаетъ мнѣ стѣны древней Византіи въ Константинополѣ. Эта непрерывная каменная ограда отрѣзала столицу Арменіи со стороны степи, единственно доступной для нападенія. Правымъ крыломъ своимъ она спускалась въ дикое ущелье Арпачая, а лѣвымъ—въ обрывистую долину рѣки Аладжи. Съ трехъ остальныхъ сторонъ Ани было надежнѣйшимъ образомъ защищено крутизнами горъ и глубокими пропастями, по которымъ бѣжитъ бѣшеный Арпачай и впадающая въ него Аладжа.

Круглыя башни Ани огромной высоты и сложены, какъ и стѣны, изъ превосходнаго тесаннаго камня сѣро-желтаго цвѣта; на многихъ изъ нихъ видны кресты колоссальной величины, образованные черными камнями, вставленными среди желтаго фона. Иныя расписаны этими же черными камнями въ видѣ шахматной доски и разныхъ другихъ узоровъ; кое-гдѣ виднѣются плиты съ старинными надписями, большая каменная доска съ изображеніемъ льва. Вообще замѣтно, что эта древняя твердыня была не только боевою оградою, наскоро сложенною для защиты отъ врага, а самобытнымъ созданіемъ архитектурнаго вкуса того времени, предназначеннымъ для украшенія и славы города столько же, сколько для его безопасности,—дѣломъ чьей-нибудь любви и сердечной заботы. Ее, дѣйствительно, построили въ X-мъ вѣкѣ славные цари Багратиды—Ашотъ III-й и сынъ его Сембатъ II-й, великіе строители дворцовъ и храмовъ, высоко поднявшіе благосостояніе своего недавно еще разореннаго и безсильнаго царства.

Почти всѣ эти многочисленныя башни кажутся цѣлыми только снаружи; со стороны же города онѣ вскрыты какъ раковины устрицъ и распахнули свои каменныя утробы отъ макушки до пятокъ. Немудрено, что въ такомъ видѣ онѣ съ каждымъ годомъ осыпаются все больше и больше и понемногу уменьшаются въ числѣ.

Двое воротъ ведутъ съ этой стороны въ городъ. Однѣ сжаты между двумя тѣсно сближенными громадными круглыми башнями; другія проходятъ подъ аркою, почти совсѣмъ обрушившеюся,

Digitized by Google

надъ которою путешественники еще недавно любовались огромною плитою съ старинною армянскою надписью,—и ведутъ внутрь воротнаго укрѣпленія своего рода, гдѣ приходится поворачивать въ сторону, чтобы попасть во вторыя, входныя ворота. Это обычный способъ устройства воротъ въ древнихъ крѣпостяхъ, который я встрѣчалъ уже не разъ въ Греціи и при которомъ, дѣйствительно, врагу было не легко ворваться въ крѣпость. За крѣпостной оградой—опять пустыня, опять громадное историческое кладбище. Куда только хватаетъ глазъ,—вездѣ груды камней, огромные могильные холмы, похоронившіе въ себѣ развалины былыхъ дворцовъ и храмовъ. Среди нихъ изрѣдка торчатъ, словно немногіе уцѣлѣвшіе воины на полѣ кровавой сѣчи, устланномъ безчисленными трупами, — темныя громады полуразвалившихся храмовъ.

Мы подъѣхали къ бѣлому низенькому дому-бараку съ желѣзными рѣшотками въ выбитыхъ окнахъ. Это единственный жалкій пріютъ для путешественниковъ. Но и онъ, къ нашему прискорбію, оказался запертъ. Въ лѣтнее время тутъ иногда проживаетъ монахъ, посылаемый сюда армянскимъ патріархомъ для путеводительства богомольцевъ. У него обыкновенно достаютъ самоваръ и кое-какую посуду. Но къ осени онъ уже спасается обратно въ свой монастырь, потому что одинокая жизнь въ этой мертвой пустынѣ, среди разбойниковъ курдовъ, безъ всякихъ средствъ пропитанія,—не манитъ даже и монаха.

Послали одного изъ своихъ всадниковъ-чепаровъ разыскивать въ сосѣдней деревнѣ какого-то сторожа, которому, будто бы, передаются ключи отъ дома и отъ нѣкоторыхъ церквей Ани, гдѣ еще можетъ происходить служба,—но чепаръ этотъ, пространствовавъ гдѣ-то нѣсколько часовъ и заморивъ въ конецъ свою лошадь, возвратился съ пустыми руками. Изъ Хоша-Ванка тоже прислали намъ въ помощь священника верхомъ, но и онъ не могъ отыскать сторожа, и только присосѣдился къ намъ, когда мы усѣлись въ тѣни древняго собора прямо на камняхъ, чтобы позавтракать привезенною съ собою провизіей, замѣняя по неволѣ виномъ напрасно ожидаемый чай. Завтракъ нашъ, благодаря заботамъ нашего милаго инженера, оказался болѣе, чѣмъ роскошнымъ для такого случая: жареная индюшка, пилавъ съ бараниной, сыръ и разныя закуски, кондитерскій тортъ, конфекты, груши, яблоки, а по части питія не только вино всякаго сорта въ изобиліи истинно кавказскомъ, но и пиво, и даже зельтерская вода.

Мы все-таки изрядно устали за эту длинную дорогу, и только

Digitized by Google

плотно закусивъ, опять ощутили въ себѣ необходимую бодрость для предстоявшей намъ весьма нелегкой археологической экскурсіи. Приходилось пространствовать пѣшкомъ въ теченіе многихъ часовъ по сплошнымъ грудамъ камней, по кручамъ и обрывамъ горъ, подъ горячими лучами южнаго полудня и притомъ при изсушающемъ душу палящемъ вѣтрѣ.

Но что дѣлать? „Назвался грудемъ, полѣзай въ кузовъ!“ — говоритъ немного злая русская пословица.

Главный соборъ Ани—какъ разъ противъ дверей домика для богомольцевъ. Это—чудное архитектурное созданіе, соединившее въ себѣ всѣ характерныя черты и всю своеобразную красоту древней армяно-грузинской архитектуры, въ основѣ которой лежитъ, конечно, византійскій стиль, съ сильною, однако, примѣсью готики. Соборъ этотъ много величественнѣе и красивѣе эчміадзинскаго, хотя круглая центральная башня, вѣнчавшая его, совсѣмъ разрушена, и только уцѣлѣвшій громадный „корабль“ храма—даетъ нѣкоторую возможность судить о его былыхъ размѣрахъ и изяществѣ его формъ. Сложенъ онъ, какъ и всѣ храмы Ани, изъ прекрасно вытесанныхъ камней темно-желтаго туфа и, словно драгоцѣнною парчею, одѣтъ кругомъ по фасаду и боковымъ стѣнамъ, по всѣмъ арочкамъ, карнизамъ, поясамъ и колонкамъ, кругомъ дверей, кругомъ каждаго окошка, узкихъ и длинныхъ какъ щели крѣпостной бойницы,—разнообразнѣйшею восточною рѣзьбою; плиты съ крестами и надписями, съ фигурами львовъ, орловъ и разныхъ другихъ птицъ, въ рамкахъ удивительныхъ узоровъ, врѣзаны въ эти стѣны, среди этихъ арокъ и столбиковъ, и, прочитанныя учеными людьми, даютъ богатый матеріалъ не только для исторіи храма, но и для характеристики религіозныхъ обычаевъ средневѣковыхъ армянъ.

Я приведу нѣкоторыя изъ нихъ, наиболѣе интересныя; на южной стѣнѣ собора, около когда-то бывшихъ здѣсь солнечныхъ часовъ вырѣзано: „Въ 459 г. армянскаго счисленія (1010 г.), во времена духовн. владыки, почтеннаго Богомъ, Саргиса, католикоса Арменіи, въ славное царствованіе Гагика, шаханшаха Арменіи и Грузіи, я, Катранидé, царица Арменіи и дочь Васака, царя сіюнійскаго, прибѣгла къ милосердію Божію и, по повелѣнію мужа моего Гагика-Шаханшаха, построила этотъ соборъ, основанный раньше великимъ Сембатомъ; мы воздвигли домъ Божій, живой и новый, въ ознаменованіе духовнаго своего рожденія, и я украсила его драгоцѣнными украшеніями,—жертвою Христу отъ меня и отъ рода моего, то-есть моихъ дѣтей: Сембата, Абаса и Ашота“. „Я, Теръ-Саргисъ, симъ повелѣлъ слу-

Digitized by Google

жителямъ церкви, служить неукоснительно до самаго пришествія Христа, 40 обѣденъ послѣ кончины благочестивой царицы во время успенскаго поста. Кто нарушитъ эту запись мою, да будетъ осужденъ Христомъ. Память эта написана въ 6433 году отъ Адама, въ 1012 г. отъ воплощенія Слова Божія, въ 718 г. отъ обращенія армянъ въ христіанство, мною, Бенé".

Армяне того времени, цари, князья и простые люди, не довѣряя пергаменту и бумагѣ, записывали на камнѣ свои распоряженія о вѣчномъ поминѣ души, принося за это щедрые дары монастырямъ и церквамъ и съ свойственною имъ торговою дѣловитостью условливались съ ними самымъ обстоятельнымъ образомъ, какое именно духовное вознагражденіе на пользу душъ, ихъ самихъ и родственниковъ ихъ должны они получать за свои матеріальныя жертвы.

Каменныя надписи на стѣнахъ древнихъ храмовъ Ани полны этихъ простодушныхъ посмертныхъ договоровъ мірскихъ людей съ служителями церкви и были какъ бы предназначены для всегдашняго публичнаго напоминанія принятыхъ ими на себя обязанностей, своего рода безмолвнымъ предъявленіемъ къ нимъ даже изъ-за гроба чисто-юридическихъ требованій о поминѣ ихъ души,—что̀ считалось въ тѣ религіозныя времена важнѣйшимъ вопросомъ для всякаго христіанина.

„Въ 684 г. (1225 г.) я, милостью Бога, Зугалъ изъ Карса, сынъ Горига, приписавшись къ славному и святому собору, подарилъ ему Евангеліе, книгу пророка Исаіи, сосудъ и кадило, и служители святыхъ обязались служить ежегодно обѣдню въ праздникъ Божіей Матери, за моего брата Ваграма, пока я буду живъ, и за меня, и за жену мою Тикинъ послѣ моей смерти. Тотъ, кто это исполнитъ, да будетъ благословенъ отъ Бога!"— написано, напр., на аркѣ восточнаго фасада собора.

На южной его стѣнѣ—другая, подобная же надпись:

„Въ 662 г. (1213 г.) я, Тигранъ, рабъ Христовъ, построилъ на свои законныя деньги лѣстницу славнаго святого собора, разрушенную съ давнихъ лѣтъ. Я пожертвовалъ ему лавку въ Катноцѣ, купленную на мой счетъ; я подарилъ ему двѣ книги праздничныхъ службъ, изъ которыхъ одна св. Григорію, и двѣ серебряныхъ чаши въ главный алтарь, обязавъ причтъ ежегодно служить обѣдню обо мнѣ до самаго пришествія Христова".

Въ другихъ подобныхъ надписяхъ исчисляются подарки маслобоенъ, виноградниковъ, книгъ Стараго и Новаго Завѣта, золота, серебра и пр.

Высчитывается ариѳметически, иногда съ явною похвальбою,

Digitized by Google

сколько именно денегъ стоилъ каждый подарокъ или постройка церкви и сколько, въ какіе именно дни, должны за это вознаграждать своими молитвами представители религіи.

Такъ на одной изъ церквей Ани существуетъ слѣдующая надпись: „Въ 489 г. (1040 г.) я, Апельхарибъ, марзапанъ Арменіи, сынъ Григора и внукъ Апухамра, князей Арменіи, хотя и находился въ пренебреженіи у своего отца, какъ младшій сынъ, все-таки, движимый сыновнимъ благочестіемъ, построилъ это мѣсто покоя своему отцу Григору, брату Гамзе́ и Хримоседаю, и двѣ кельи во имя св. Стефана и св. Григорія.

„Священники обязуются, входя каждую пятницу въ святая святыхъ, служить обѣдню за мою мать Шухану, въ субботу за моего брата Григора, всякую пятницу, въ праздникъ св. Христофора, за моего дядю съ материнской стороны—Садоя, въ субботу за моего брата Гамзе́.

„Если же какой-нибудь священникъ воспротивится служить эти обѣдни или по небрежности пропустить указанные дни,—да будетъ онъ проклятъ Отцомъ, Сыномъ и Духомъ Святымъ и 318-ью святителями (вселенскаго собора); да будетъ его участь вмѣстѣ съ Іудою и Сатаною; а кто исполнитъ эту запись, да благословитъ его Богъ!“

Внутри собора—высокіе круглые своды на стройныхъ колоннахъ, связанныхъ цѣлыми букетами; расположенъ храмъ правильнымъ крестомъ, какъ греческія базилики. Но громадный куполъ, осѣнявшій его, давно провалился, и синее небо смотритъ теперь въ темную внутренность храма сквозь широкій проломъ, уже успѣвшій обрости по краямъ дикими травами. Да и стѣны великолѣпнаго храма тоже дали глубокія трещины въ разныхъ мѣстахъ, доходящія чуть не до самой земли. Груды камней и плитъ съ превосходною рѣзьбою, нѣкоторыя даже съ раскрашенными фигурами святыхъ, свалены въ углахъ храма; это—находки армянскаго археолога, г. Марра, приготовляющаго обстоятельное изслѣдованіе древнихъ памятниковъ Ани, извлеченныхъ изъ развалинъ разныхъ зданій его.

Обойдя много разъ стѣны собора, отъ которыхъ никакъ не оторвешься, и поглазѣвъ досыта на его стройные своды, двинулись мы всей компаніей по направленію къ Арпачаю, въ южную сторону города. Не идешь, а постоянно ныряешь между громадными камнями и грудами щебня, завалившими все пространство. Старые строители такъ тщательно притесывали и пригоняли камни другъ къ дружкѣ, и скрѣпляли ихъ такимъ прочнымъ

Digitized by Google

цементомъ, что огромные куски стѣнъ, цѣлыя скалы скипѣвшихся вмѣстѣ камней, лежатъ на каждомъ шагу среди праха развалинъ. Удивляешься и превосходной штукатуркѣ этихъ старыхъ зданій, тонкой и гладкой какъ слой мрамора, отлично сохранившейся въ теченіе столькихъ вѣковъ.

Ближе всѣхъ къ собору—небольшая восьмиугольная церковь св. Рипсиміи, съ круглою башнею наверху, того же стиля, той же кладки, съ тѣми же наружными украшеніями, какъ и соборъ. Внутри ея—восемь полукруглыхъ нишъ съ уцѣлѣвшими въ нихъ блѣдными изображеніями святыхъ. Повидимому, это былъ мавзолей въ память какого-нибудь благочестиваго армянскаго царя. Еще дальше къ рѣкѣ, на крутомъ обрывѣ берега—другая церковь, сохранившаяся лучше всѣхъ; по красотѣ своего стиля она тоже одна изъ лучшихъ въ Ани. Ее называютъ греческою церковью; въ ней по стѣнамъ хорошо уцѣлѣли раскрашенныя иконы угодниковъ и даже престолъ, на которомъ еще и теперь продолжаются церковныя службы.

На наружныхъ стѣнахъ церкви нѣсколько старинныхъ надписей, большею частью уже неразборчивыхъ; одну изъ нихъ прочелъ вполнѣ армянскій ученый лазаристъ, отецъ Саргисъ. Она очень наивна и характерна: „Въ 1310 г. я, Мате, начальникъ секретарей атабека-амира-спасалара Шаханшахе, и моя подруга Атени, вмѣстѣ съ моимъ братомъ Маркосомъ,—послѣ того какъ нашъ владыка благоволилъ отдать намъ этотъ монастырь и поручилъ благочестивому Тиграну провести въ него воду, которой не было въ каналахъ, разоренныхъ во время безначалія,—мы провели воду и обезпечили пользованіе ею ради долгоденствія Шаханшаха, жены его Хованцы и ихъ сына Захара, и на память о душѣ нашей. Помяните о насъ передъ Христомъ!“

Другая, болѣе старинная надпись, списанная отцомъ Нерсесомъ и переведенная академикомъ Броссе, еще любопытнѣе, потому что рисуетъ намъ цѣлую характерную картину армянскихъ обычаевъ и вѣрованій былыхъ вѣковъ.

„Въ 1215 г., милосердіемъ Бога, когда нашъ городъ Ани былъ во власти могущественнаго военачальника и вождя Захаріи и его сына Шаханшаха, я, Тигранъ, сынъ Сулема Сембаторенца изъ рода Хозенцъ, ради долгоденствія моего дома и сына Захаріи, построилъ этотъ монастырь Сурпъ-Григора, прежде называвшійся „Божіей Матери въ часовнѣ“, въ мѣстности, покрытой скалами и камнями. Купивъ его у владѣльцевъ на законно-принадлежащія мнѣ деньги, я на свой счетъ и съ большими трудами, окруживъ его оградою, построилъ эту церковь св. Гри-

Digitized by Google

гора, обогатилъ ее убранствомъ, святыми крестами, символомъ спасенія, изъ золота и серебра, иконами, обдѣланными въ драгоцѣнные металлы, камни и жемчугъ, свѣщниками золотыми и серебряными, мощами святыхъ апостоловъ и мучениковъ, частицами Креста Господня, носившаго на себѣ Бога; я снабдилъ монастырь всякаго рода золотою и серебряною утварью и многочисленными украшеніями, построилъ множество жилищъ для монаховъ и поставилъ священниковъ возносить жертвы крови и тѣла Христова съ тѣмъ, чтобы эта служба продолжалась безпрепятственно на долгое благоденствіе членовъ моего семейства, Шаханшаха и его сына, и на оставленіе моихъ грѣховъ; я подарилъ этому своему монастырю Сурпъ-Григора имѣнія, купленныя у владѣльцевъ на мой счетъ и по законнымъ актамъ, и возобновилъ монастырь съ самаго перваго камня его"...

Послѣ длиннаго исчисленія земель, деревень, мельницъ, виноградниковъ, пожертвованныхъ Тиграномъ монастырю, онъ продолжаетъ далѣе:

„Теперь, если кто изъ великихъ или малыхъ, изъ своихъ или чужихъ, попытается воспрепятствовать тому, что̀ начертано на этой надписи, отниметъ что-нибудь изъ суммъ, которыя я назначилъ, или уничтожитъ память о мнѣ, грѣшникѣ и слугѣ Божіемъ, какимъ бы то ни было образомъ, то онъ будетъ исключенъ изъ славы Сына Божія, онъ наслѣдуетъ въ своемъ лицѣ наказаніе Каина и Іуды, будетъ отлученъ тремя святыми соборами и девятью степенями ангеловъ, и отдастъ отчетъ въ моихъ грѣхахъ передъ Богомъ. Тѣ же, кто будутъ сообразоваться съ написаннымъ сердцемъ и дѣлами, благословенны отъ Бога".

Немного не доходя до греческой церкви,—развалины царскихъ бань, гдѣ еще можно ясно видѣть все распредѣленіе ихъ, остатки печей и концы очень крѣпкихъ гончарныхъ трубъ, проводившихъ сюда воду, что̀ служитъ осязательнымъ подтвержденіемъ только-что приведенной мною надписи.

Съ обрыва у греческой церкви—поразительный видъ внизъ, въ узкое провалье, на глубокомъ днѣ котораго кипитъ лилово-синій Арпачай. Отвѣсныя стѣны этого дикаго ущелья какъ нельзя больше подходятъ къ общему мрачному тону этой пустынной могилы, къ этимъ мертвецамъ-храмамъ, полуразрушенные скелеты которыхъ одиноко торчатъ среди хаоса камней, будто покойники, силящіеся подняться изъ своихъ тѣсныхъ гробовъ. Бѣшеный Арпачай вьется какъ змѣя въ этихъ каменныхъ

Digitized by Google

оковахъ своихъ, дѣлая на каждомъ шагу рѣзкіе и глубокіе завороты между скалъ. На самомъ послѣднемъ заворотѣ его, тамъ, гдѣ съ нимъ сливается впадающая въ него рѣка Аладжа, на далеко выдавшемся обрывистомъ горномъ мысѣ, спадающемъ крутыми ступенями въ пучины рѣки, вырѣзается характерная островерхая башня древняго женскаго монастыря во имя св. Григорія-Просвѣтителя, почти недоступнаго ни съ воды, ни съ сухой земли. А еще правѣе и еще выше его, на конической горѣ, вѣнчающей все обширное поле развалинъ старой армянской столицы, высятся полуразрушенныя крѣпостныя башни, храмы и зданія былого акрополя Ани.

Отвѣсные обрывы рѣки у ногъ греческой церкви были все-таки подперты снизу крѣпостною стѣною и защищены крѣпкими башнями, которыхъ массивныя развалины отлично видны намъ сверху. Такія же башни защищали и каменный двухъ-ярусный мостъ, перекинутый одною смѣлою грандіозною аркою черезъ Арпачай, значительно ближе къ женскому монастырю и къ горѣ цитадели. У моста этого, отъ котораго теперь остались только обломки прибрежныхъ частей, также видны развалины нѣсколькихъ маленькихъ церквей и чернѣютъ входы въ пещеры, вырубленныя въ скалѣ. Пещерами, вообще, изрыты здѣсь всѣ скаты горъ, всѣ берега обѣихъ рѣчекъ. Увѣряютъ, что подъ развалинами Ани, внутри скалъ, на которыхъ построены его храмы и башни, существуетъ цѣлый подземный городъ пещеръ, изъ котораго идутъ тайные ходы подъ дномъ Арпачая на ту сторону рѣки, но въ который теперь очень трудно проникнуть, вслѣдствіе обрушившихся сводовъ, хотя во времена армянскихъ царей въ него спускались черезъ всѣмъ тогда извѣстные проходы изъ разныхъ мѣстъ Ани.

Двигаясь послѣдовательно къ горѣ цитадели, мы остановились у замѣчательныхъ развалинъ, которымъ разные ученые археологи придаютъ самыя разнообразныя названія и значенія. Одни считаютъ ихъ остатками мечети, устроенной арабами по завоеваніи ими Ани, другіе называютъ ихъ дворцомъ католикоса, третьи—домомъ государственнаго совѣта и верховнаго суда древнихъ армянскихъ царей. Что тутъ была, между прочимъ, мусульманская мечеть, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, потому что къ развалинамъ этого роскошнаго зданія съ массивными колоннадами тѣсно примыкаетъ очень высокая шестиугольная башня минарета, отлично уцѣлѣвшая и даже сохранившая вполнѣ на своихъ карнизахъ куфическія арабскія надписи, опоясывающія по восточному обычаю кругомъ всю башню въ видѣ

Digitized by Google

затѣйливаго арабеска своего рода. Но въ мечеть эту легко могло быть обращено завоевателями-арабами всякое другое обширное и красивое зданіе, существовавшее въ покоренномъ ими городѣ; поэтому ничего нѣтъ удивительнаго, что, по армянскимъ преданіямъ, это же самое зданіе могло считаться и жилищемъ патріарха, и палатою суда или совѣта. Что зданіе это было мечетью, можно еще заключить изъ того, что на наружныхъ стѣнахъ его вырѣзаны древнія надписи, въ свое время прочитанныя нашимъ извѣстнымъ оріентологомъ Ханыковымъ и говорящія отъ имени Абу-Саидъ-Хана объ уничтоженіи султаномъ разныхъ пошлинъ и налоговъ съ жителей. Ани-Абу-Саидъ, будучи мусульманиномъ, разумѣется, могъ написать свой указъ скорѣе всего на стѣнахъ мечети, а уже никакъ не на жилищѣ католикоса или другихъ христіанскихъ зданіяхъ.

Зала съ колоннадою раскрыта со всѣхъ сторонъ, кромѣ той, которая глядитъ на рѣку и виситъ надъ самою пропастью глубокаго ущелья. Только одинъ ярусъ ея—надъ землею, два другихъ вырублены въ толщѣ скалы; сквозь провалы пола можно видѣть ея нижній этажъ, который наши проводники называли почему-то темницею. Своды колоннадъ—совсѣмъ въ восточномъ вкусѣ и смотрятъ чрезвычайно картинно. Оригинальныя ячейки ихъ угловыхъ нишъ напомнили мнѣ обычные архитектурные пріемы каирскихъ мечетей. Я не отказалъ себѣ въ удовольствіи влѣзть, вмѣстѣ съ К-номъ, по 84-мъ стертымъ и скосившимся каменнымъ ступенямъ, вьющимся утомительною улиткою въ совсѣмъ почти темномъ и узкомъ столбѣ минарета, на вершину его, откуда мы насладились зато широкою панорамою всѣхъ развалинъ Ани и его далекихъ окрестностей. Въ ту минуту какъ Степанъ Ивановичъ торчалъ въ видѣ флагъ-штока на плоской макушкѣ высокаго минарета, нашъ инженеръ очень удачно схватилъ этотъ моментъ въ свой фотографическій приборъ. Снялъ онъ потомъ и насъ съ женою у подножія колоннъ арабской мечети, и многія интересныя развалины Ани, которыя обогатили мой путевой альбомъ. Минаретъ съ куфическими строками былъ не единственный въ Ани. Судя по атласу развалинъ Ани, изданному въ 1860 г. извѣстнымъ археологомъ и знатокомъ Кавказа, Броссе, по подлиннымъ снимкамъ Кестнера,—по серединѣ Ани, не въ дальнемъ разстояніи отъ главнаго собора, одиноко стоялъ еще другой, такой же шестигранный, но еще болѣе высокій минаретъ; его еще видѣлъ своими глазами, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, нашъ спутникъ Драмповъ, но мы уже нашли его повергнутымъ въ прахъ и разсыпавшимся словно

Digitized by Google

на колоссальныя звенья своего рода, настолько, однако, крѣпкія, что шестигранныя стѣнки многихъ изъ этихъ обломковъ даже нигдѣ не треснули.

Говорятъ, минаретъ этотъ былъ опрокинутъ послѣднимъ землетрясеніемъ, разрушившимъ или повредившимъ во многихъ мѣстностяхъ Кавказа—и даже въ самомъ Тифлисѣ—высокія каменныя зданія.

Въ развалинахъ около мечети и ея минарета какіе-то нѣмцы недавно произвели раскопки и, по словамъ нашихъ спутниковъ, нашли много интересныхъ вещей,—старинныя деньги, кресты, посуду и проч.

Мы хотѣли обойти кругомъ все пространство, покрытое развалинами города, и направились поэтому отъ цитадельной горы вдоль обрывистаго берега рѣки Аладжи. Глубокое и широкое ущелье ея все время провожало насъ слѣва. Противоположный гористый берегъ этого ущелья изрытъ какъ медовый сотъ черными дырьями пещеръ; онѣ лѣпятся тамъ гдѣ въ два, гдѣ въ три яруса, и въ теперешнемъ видѣ своемъ большею частью уже недоступны. Повороты и обрывистые выступы городской горы, по которой мы шли, тоже убѣждали насъ, что и этотъ скалистый берегъ ущелья источенъ такими же многочисленными пещерами. Археологи считаютъ ихъ „жилищами троглодитовъ“, людей „пещерной эпохи“,—и это весьма правдоподобно. Но во всякомъ случаѣ пещеры эти служили убѣжищемъ жителямъ Ани и въ гораздо болѣе позднѣйшее время, чѣмъ, можетъ быть, отчасти и объясняется невѣроятно большая цифра населенія Ани въ его цвѣтущія времена, о которой сообщаютъ старые армянскіе историки. Армянскія и татарскія сакли изъ сложенныхъ въ кучу камней, смазанныхъ глинистой землей, съ земляными крышами, низенькія, слѣпыя, тѣсныя,—въ сущности очень мало отличаются отъ пещеръ и представляютъ нисколько не больше удобствъ для жизни. А въ вѣка постоянныхъ войнъ, грабежей и усобицъ—пещера была наиболѣе надежнымъ жилищемъ для беззащитнаго человѣка и наименѣе привлекала алчность грабителей. Нѣкоторыя пещеры, которыя намъ видны въ скалахъ городской стороны, уже не одинокія логовища, а довольно обширныя помѣщенія изъ нѣсколькихъ смежныхъ комнатъ, съ лѣстницами, окнами, альковами въ стѣнахъ,—можетъ быть, казармы для какой-нибудь стражи, а можетъ быть—жилища монаховъ одного изъ бывшихъ тутъ по близости многочисленныхъ монастырей.

Во всякомъ случаѣ видъ на эту глухую глубокую долину у ногъ мертваго города, обставленную кругомъ на далекое про-

Digitized by Google

странство зіяющими пастями покинутыхъ пещеръ, производитъ впечатлѣніе какой-то необъятной могилы.

Надъ крутымъ обрывомъ этой долины, у ея рѣзкаго изгиба къ сѣверу, стоитъ хорошо сохранившаяся церковь-мавзолей, очень похожая на храмъ св. Рипсиміи, который мы осмотрѣли вблизи собора. Только этотъ мавзолей—двѣнадцатигранный и, пожалуй, еще болѣе изящнаго стиля. Его тесанные камни красиваго желтоватаго цвѣта такъ искусно приточены другъ къ другу и такъ хорошо поддались рѣзцу, разукрасившему ихъ всякими замысловатыми арабесками, карнизиками, фигурами и надписями, что эта маленькая церквочка можетъ считаться одною изъ самыхъ красивыхъ среди уцѣлѣвшихъ храмовъ Ани. Внутри церковь эта образуетъ шесть граціозныхъ нишъ, раздѣленныхъ между собою колонками и разрисованныхъ изображеніями святыхъ, видными еще совсѣмъ ясно. Въ археологическомъ атласѣ Броссе церковь эта называется Сурпъ-Григоръ, и на ней-то, въ числѣ многихъ памятныхъ надписей, найдено приведенное мною выше характерное завѣщаніе Апель-хариба, марзапана, то-есть, правителя Арменіи. Идя по берегу долины къ развалинамъ дворца, невольно любуешься остатками могучихъ стѣнъ и башенъ двойной крѣпостной ограды, опоясывавшей съ этой стороны древнюю столицу почти по отвѣснымъ обрывамъ скалъ. Дворецъ Багратидовъ,—какъ называютъ теперь полуразвалившееся роскошное зданіе, примыкающее къ крѣпостнымъ стѣнамъ,—виситъ, какъ ласточкино гнѣздо, надъ отвѣсною пропастью ущелья и, очевидно, самъ составлялъ въ прежнее время одну изъ надежнѣйшихъ защитныхъ твердынь. Нашъ талантливый странствователь по Востоку, А. Н. Муравьевъ, не допускалъ, однако, чтобы дворецъ армянскихъ царей могъ помѣщаться въ такомъ опасномъ боевомъ мѣстѣ, и считалъ съ своей стороны эти развалины дворцомъ Палавидовъ, могущественныхъ вассаловъ армянскихъ царей, владѣвшихъ одно время городомъ Ани. Мнѣніе его раздѣляетъ и Броссе въ своемъ классическомъ изслѣдованіи развалинъ Ани, хотя и полномъ нѣкоторыхъ ошибокъ, объясняемыхъ, впрочемъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что Броссе не посѣтилъ лично развалинъ Ани, а описывалъ и рисовалъ ихъ по матеріаламъ разныхъ другихъ археологовъ и путешественниковъ.

Дѣйствительно, какъ-то странно предположить, чтобы въ такомъ огромномъ и богатомъ городѣ, какимъ историки описываютъ Ани, роскошные цари Арменіи не нашли болѣе удобнаго мѣста для своей постоянной резиденціи, какъ въ крѣпостной стѣнѣ, подвергающейся прежде всѣхъ нападеніямъ враговъ. Но, съ дру-

Digitized by Google

гой стороны, я видѣлъ, напр., въ Іерусалимѣ такъ называемый замокъ царя Давида, такимъ же точно образомъ включенный въ число наружныхъ укрѣпленій города и составляющій самый сильный оплотъ ихъ. Въ Сербіи, въ знаменитомъ монастырѣ Манассіи, посѣщенномъ мною нѣсколько лѣтъ тому назадъ и представлявшемъ изъ себя въ старинѣ неприступную крѣпость, самая большая и крѣпкая башня была также постояннымъ жилищемъ сербскаго короля „Высокаго Стефана Деспота", сына злополучнаго Лазаря, героя Коссовскаго поля. И если вспомнить, что и западная Европа покрыта старинными замками, въ башняхъ которыхъ жили короли и владѣтельные герцоги, что въ Швеціи я еще на дняхъ посѣщалъ замки-крѣпости, въ которыхъ отсиживался отъ своихъ недруговъ Густавъ Ваза и преемники его, то, пожалуй, сомнѣнія нашего почтеннаго путешественника по святымъ мѣстамъ окажутся не вполнѣ убѣдительными.

Во всякомъ случаѣ развалины зданія, о которомъ идетъ рѣчь, по великолѣпію своему и по своей обширности, можно несомнѣнно считать за дворецъ, чей бы онъ ни былъ, Багратидовъ, Палавидовъ или какого-нибудь персидскаго или арабскаго марзпана. Фасадъ дворца со стороны города уцѣлѣлъ довольно хорошо, такъ что вполнѣ еще видны и чудная узорчатая рамка его карнизовъ, и изящная арка входа, сплошь выложеннаго, будто фарфоровою мозаикою, разноцвѣтными глазированными кафлями, и благородное островерхое окно мавританскаго стиля, окруженное такими же пестрыми шахматами фаянсовыхъ плитокъ.

Къ сожалѣнію, съ каждымъ годомъ путешественники и мальчишки-пастухи выламываютъ все больше и больше драгоцѣнную керамику этого строго-восточнаго фасада, и обнажаютъ до-гола каменную стѣну отъ ея роскошной майоликовой одежды.

Въ двухъ ярусахъ дворца—много высокихъ и обширныхъ покоевъ, на половину уже обрушившихся, а мѣстами угрожающихъ скорымъ паденіемъ. На иныхъ стѣнахъ еще видна былая роспись и рѣзныя украшенія; въ одной комнатѣ замѣтны остатки фонтана. Изъ оконъ и проломовъ въ наружныхъ стѣнахъ—поразительный видъ въ темную глубь ущелья и на кручи противоположнаго берега, хмурящагося, словно слѣпыми глазами, черными дырьями своихъ пещеръ. Высота такая, что голова кружится, когда глядишь внизъ. Нижній этажъ весь въ высокихъ и темныхъ сводистыхъ коридорахъ, похожихъ на тюремные казематы.

Digitized by Google

Повидимому, здѣсь и была въ старину темница, которую старые недовѣрчивые владыки народа всегда старались имѣть поближе, у себя подъ рукою, въ тѣсномъ сосѣдствѣ съ своими пиршественными палатами. Отъ бывшаго дворца осталась теперь только часть; добрая половина его обрушилась въ пропасть и осыпала своими обломками подножіе крѣпостныхъ стѣнъ. Крыши слѣда нѣтъ, да и уцѣлѣвшія стѣны, висящія надъ провальемъ, распахнуты словно раздвинутыя половинки ширмъ.

Что зданіе это было во всякомъ случаѣ мѣстомъ пребыванія главныхъ владыкъ Ани, доказываютъ уцѣлѣвшія надписи, прочитанныя армянскими учеными, имѣющія совсѣмъ другое содержаніе, чѣмъ надписи на храмѣ.

На одной надписи дворца написано:

„Въ 1320 г., милосердіемъ Бога, я, Ховандзѣ, подруга атабека Шаханшаха, преставившагося въ семъ году къ Господу, къ великому ужасу и огорченію нашей восточной страны,—отказалась отъ требованія съ моей вотчины города Ани подати ковероцъ, иханунъ и дрнагиръ, большой и малой. Кто попытается воспрепятствовать нашему распоряженію, грузинъ ли, турокъ ли, или армянинъ, тотъ будетъ судимъ и осужденъ Богомъ и заслужитъ геенну. Грузинъ будетъ связанъ и лишенъ рая, мусульманинъ будетъ покрытъ позоромъ отъ восьми пророковъ“.

Другая надпись говоритъ:

„Именемъ Илхана, въ 1303 г., милостью Бога, я, Ахбухѣ, сынъ Иванѣ и внукъ великаго Захаріи, пріидя въ городъ Ани по повелѣнію Шаханшаха, увидѣлъ, что городъ сдѣлался бѣднымъ и оставался въ разореніи, потому что его обременили податями, какъ никогда не было съ начала его существованія. Я отмѣнилъ три подати ради долгоденствія и процвѣтанія моего брата Шаханшаха и моего собственнаго, и въ виду гробницъ моихъ предковъ. Я отбросилъ счетъ на 9.000 коровъ. Кто изъ моего рода или всякій другой вѣрно соблюдетъ это, тотъ будетъ благословенъ Всемогущимъ Богомъ“.

Отъ дворца мы повернули назадъ къ собору, обходя всѣ сколько-нибудь выдающіяся развалины, виднѣвшіяся на серединномъ пространствѣ разрушеннаго города.

Мы взобрались между прочимъ на высокій холмъ, весь составленный изъ сваленныхъ въ безпорядочную кучу и наполовину уже занесенныхъ пескомъ и землею колоссальныхъ капителей, звеньевъ массивныхъ колоннъ, архитраковъ, карнизовъ, тесанныхъ камней... Очевидно, здѣсь стоялъ когда-то или большой храмъ, или дворецъ.

Digitized by Google

Подходили и ко многимъ наполовину распавшимся зданіямъ съ остатками прекрасныхъ колоннъ и арокъ, но уже утратившимъ свой общій видъ и не дающимъ больше отвѣта ни на какія остроумныя предположенія археологовъ. Послѣднее, чуть ли не самое интересное зданіе—уже недалеко отъ собора. Какое его назначеніе—трудно сообразить. Намъ наши проводники назвали его залою совѣта, чѣмъ-то въ родѣ сената. На фотографіи, купленной мною въ Тифлисѣ, оно названо „библіотекою". Въ атласѣ Броссе зданіе это величается дворцомъ Палавидовъ, очевидно, вслѣдствіе того, что ученый авторъ смѣшалъ это строеніе въ одно съ дворцомъ Багратидовъ, отстоящимъ, однако, отъ него порядочно далеко.

Стиль этого зданія—арабско-персидскій: колонны—въ восточномъ вкусѣ, куполъ, ячеистыя ниши въ углахъ на манеръ киблы въ мусульманскихъ мечетяхъ, а снаружи—тонкая характерная рѣзьба каменныхъ карнизовъ, рамъ и панелей, которая такъ и просится въ альбомъ художника.

Вообще, развалины Ани убѣждаютъ несомнѣнно, что въ дни процвѣтанія этого города архитектурное искусство у армянъ стояло уже на очень высокой степени, отличаясь благородной простотой линій, тонкимъ восточнымъ вкусомъ своихъ украшеній и математическою отчетливостью и правильностью работы.

IX.—Ночлегъ въ армянской саклѣ.

Можно повѣрить, бродя среди этихъ многочисленныхъ развалинъ, что при первыхъ Багратидахъ,—обратившихъ Ани въ столицу своего царства,—городъ славился богатствомъ и многолюдствомъ и велъ большую торговлю, хотя и нѣтъ возможности допустить, будто въ немъ жило тогда до милліона народа и въ стѣнахъ его считалось 100.000 дворцовъ и 1001 церковь, какъ повѣствуютъ черезчуръ патріотическіе лѣтописцы Арменіи.

Это число 1001 слишкомъ часто встрѣчается въ разныхъ преданіяхъ у народовъ Востока, чтобы мы не имѣли права счесть его за обычную гиперболу восточнаго воображенія. Наша Волга,—Итиль арабскихъ писателей,—по сказанію извѣстнаго арабскаго географа Абульфеды, тоже вѣдь впадала въ Каспійское море 1001 рукавомъ, точно такъ же, какъ Шехеразада 1001 ночь разсказывала халифу свои сказки.

Но путешественники первой половины нашего столѣтія насчитывали еще до 40 остатковъ различныхъ церквей въ окруж-

Digitized by Google

ности 5 верстъ, которыя занимаютъ развалины Ани, и до 44 башенъ въ его двойной стѣнѣ. Теперь трудно насчитать и половину ихъ, потому что землетрясеніе и расхищеніе развалинъ окрестными жителями съ каждымъ годомъ уничтожаютъ часть древнихъ памятниковъ Ани. Курды и татары сосѣднихъ деревень собираются сюда цѣлыми обозами и безпрепятственно выбираютъ словно изъ откупленной ими каменоломни любые камни на собственныя постройки или на продажу. Говорятъ, будто не мало камней изъ развалинъ Ани было продано такимъ образомъ и на строившуюся тифлисско-карсскую желѣзную дорогу. Эчміадзинскій патріархатъ не принимаетъ противъ этого расхищенія никакихъ существенныхъ мѣръ, а свѣтская администрація тоже, повидимому, не обращаетъ вниманія на постепенное уничтоженіе этихъ драгоцѣнныхъ памятниковъ исторіи и археологіи, возбуждающихъ такой глубокій интересъ въ ученомъ мірѣ западной Европы. Между тѣмъ едва ли гдѣ въ другомъ мѣстѣ обширнаго русскаго государства найдется такой изумительно богатый некрополь протекшихъ вѣковъ и народовъ, такой поучительный и выразительный памятникъ далекихъ временъ,—своего рода Бальбекъ или Пальмира стараго армянскаго царства, нынѣ вошедшаго какъ неразрывный членъ въ общее могучее тѣло Россійской имперіи. Ани существовалъ еще въ глубокой древности какъ маленькая, но совсѣмъ безъизвѣстная крѣпостца въ Ширакской области. Царь Трдатъ, современникъ св. Григорія, подарилъ въ IV-мъ столѣтіи этотъ городъ со всею Ширакскою областью князю Камсару, родоначальнику знатной армянской фамиліи Камсаракановъ, долго владѣвшихъ этою областью и городомъ Ани на правѣ вассальныхъ князей. Но когда могущественная династія армянскихъ царей Аршакидовъ, послѣ шестивѣкового царствованія,—была низвергнута Сассанидами, и Арменія сдѣлалась добычею чужеземцевъ, переходя поперемѣнно изъ власти огнепоклонниковъ-персовъ во власть мусульманъ-арабовъ, — то въ эти вѣка смуты и разоренія горячіе армянскіе патріоты Ашотъ и Шапухъ, сыновья знатнаго князя еврейской крови, Сембата Багратида, соединивъ вокругъ себя дружины храбрецовъ, успѣли очистить свое отечество отъ всѣхъ иноземцевъ и внести нѣкоторый миръ въ жизнь своего злополучнаго народа. Они-то купили у Камсаракановъ за крупную сумму денегъ Ширакскую область и населили своими сторонниками сильно укрѣпленный ими городъ Ани. Случилось это во второй половинѣ VIII-го вѣка по Р. Хр., но только черезъ сто лѣтъ послѣ покупки Ани городъ этотъ сдѣлался столицею новой династіи армянскихъ царей—

Digitized by Google

Багратидовъ. Первымъ царемъ этой династіи былъ Ашотъ I-й, современникъ нашего Рюрика. Ашотъ былъ богатырь тѣломъ и красавецъ лицомъ; въ то же время онъ поражалъ всѣхъ своимъ краснорѣчіемъ, возвышеннымъ разумомъ и справедливостью. Въ битвахъ онъ былъ беззавѣтный храбрецъ, въ церкви — горячій молитвенникъ. Весь армянскій народъ обожалъ его, когда онъ еще былъ воеводою. Багдадскій халифъ Максамъ, тогдашній верховный владыка Арменіи, далъ ему титулъ „князя князей" и отдалъ въ его полную власть Арменію, получая только ежегодную дань. Греческій императоръ Константинъ Багрянородный называлъ его „великимъ армянскимъ титаномъ". Католикосъ и князья Арменіи, въ виду великихъ заслугъ и достоинствъ Ашота, рѣшились избрать его царемъ Арменіи, и по просьбѣ ихъ халифъ черезъ своего „остикана" короновалъ его царскою короною.

Но самый расцвѣтъ славы и богатства Ани былъ въ X-мъ столѣтіи, при царѣ Ашотѣ III-мъ, правнукѣ Ашота I-го, который построилъ вокругъ своей столицы внутреннюю стѣну съ башнями и множество прекрасныхъ зданій. Съ этихъ поръ Ани сдѣлался въ глазахъ народа самымъ привлекательнымъ и любимымъ городомъ, куда стекались всѣ товары и богатства страны, всѣ выдающіеся люди ея; съ каждымъ годомъ умножались его дворцы и храмы и прибывало его населеніе. Ани получилъ въ народѣ прозваніе „Майра-Коганъ"—„мать городовъ". Католикосы перенесли въ него свою резиденцію.

Вторую, наружную стѣну, съ ея громадными башнями, построилъ сынъ Ашота III-го, Сембатъ II-й. Она была защищена снаружи глубокимъ рвомъ, выложеннымъ камнемъ, и тянулась отъ ущелья Арпачая—древняго Ахуріана—до „долины цвѣтовъ", то-есть, русла Аладжи. На постройку ея потребовалось восемь лѣтъ. Сембатъ же положилъ въ 989 году основаніе и главному собору Ани, довершенному при его братѣ, царѣ Гагикѣ I-мъ, женою Гагика, Катрамитѣ, и построилъ множество другихъ великолѣпныхъ церквей и зданій.

„Нашъ царскій городъ Ани былъ жилищемъ князей и благородныхъ, точнаго числа которыхъ нѣтъ возможности опредѣлить; ибо если счесть всѣхъ князей, благородныхъ и народъ, то получилось бы количество безъ числа и счета. Помимо золоченыхъ дворцовъ частныхъ лицъ, мы имѣли тамъ 1001 церковь!"—съ наивною вѣрою выражалась объ этомъ славномъ городѣ старинная хроника.

О каѳедральномъ соборѣ, построенномъ Катрамитѣ, армянскій лѣтописецъ говоритъ такъ:

Digitized by Google

„Тогда онъ появился во всемъ блескѣ своихъ огромныхъ размѣровъ, съ своими высокими сводами, своимъ куполомъ и своимъ алтаремъ, подобнымъ небу. Царица снабдила и внутренность его безцѣнными украшеніями, золотыми и серебряными сосудами, богатыми матеріями, расшитыми пурпуромъ".

При Гагикѣ была также построена въ Ани „великая и славная церковь во имя св. Григорія-Просвѣтителя, съ высокимъ куполомъ, покрытая изумительною скульптурою. Она имѣла три двери и была устроена по образцу церкви, сооруженной въ Вагаршапатѣ (т.-е. Эчміадзинѣ) патріархомъ Нерсесомъ". Построена она была „на высокой площадкѣ, откуда открывается удивительный горизонтъ. Онъ ее сложилъ изъ огромныхъ глыбъ тесаннаго камня, покрытыхъ тонкою рѣзьбою, и снабдилъ ее куполомъ, поражавшимъ изумленіемъ взоръ по своей высотѣ, подобнымъ небесному своду".

Повидимому, это была та самая церковь, хорошо сохранившіяся развалины которой мы видѣли надъ долиною Аладжи среди такъ называемаго „рынка" Ани. Лѣтописцы упоминаютъ и посѣщенную нами церковь св. Рипсиміи около каѳедральнаго собора. „Католикосъ Саргисъ, мужъ мудрый и добродѣтельный, который произвелъ много построекъ, и который въ своихъ розыскахъ открылъ многіе останки святыхъ спутницъ Рипсиміи,—воздвигъ во имя ихъ церковь по сосѣдству съ соборомъ".

Но первые цари Багратиды не ограничивали своихъ заботъ великолѣпіемъ храмовъ и собственныхъ дворцовъ. Они наполнили свою столицу многими благотворительными учрежденіями, пріютами для бѣдныхъ и для дѣвушекъ, странноприимными домами; Ашотъ III даже собиралъ около себя хромыхъ, слѣпыхъ, прокаженныхъ и щедро помогалъ имъ, за что и былъ прозванъ „Ашотомъ Милосерднымъ" („Огормадзъ"). Миръ утвердился въ странѣ, и всѣ сословія народа дружно стояли за интересы отечества. Множество ученыхъ и благочестивыхъ мужей, — „вартапедовъ", какъ ихъ называютъ армяне,—появилось въ эти времена, и ихъ трудами стали процвѣтать науки въ успокоившейся и возвеличенной Арменіи.

Ани былъ центромъ этого расцвѣта армянскаго народа.

„Арменія имѣла тогда знаменитыхъ князей, царей правосудныхъ и могущественныхъ, которые вездѣ насаждали общественное благоустройство и законы, но свѣтъ Ани одинъ сіялъ выше всего",—выражался про него старинный лѣтописецъ.

„Ани,—разсказывалъ Матвѣй Эдесскій,—кишѣлъ народонаселеніемъ; онъ заключалъ въ себѣ міріады міріадъ мужчинъ и

Digitized by Google

женщинъ, старцевъ и дѣтей, и поражалъ удивленіемъ тѣхъ, кто его видѣлъ, воображавшихъ, что такое множество составляло главную массу армянскаго народа".

Со смертью Гагика, въ 1020 году, окончился этотъ золотой вѣкъ Ани, да и всей вообще армянской исторіи. При сыновьяхъ его начались безпорядки и усобицы, окончившіеся, какъ всегда, гибелью государства и столицы его.

Моралистъ-лѣтописецъ этихъ событій такъ философствовалъ по этому поводу:

„У иноземцевъ есть поговорка насчетъ армянъ, что для нихъ нѣтъ надобности во внѣшнемъ непріятелѣ; они сами—самые страшные враги собственнаго своего племени, и достаточно ихъ собственнаго меча, чтобы умертвить ихъ, не прибѣгая къ чужеземнымъ измѣнникамъ или шпіонамъ".

„Міромъ владѣетъ не человѣкъ, не могущество царей, а единодушіе въ союзѣ съ мудростью. При единодушіи обезпеченъ всякій успѣхъ. Гдѣ же его нѣтъ,—сила дѣлается слабостью, авторитетъ, величіе мгновенно рушатся, удаляется даже божественное покровительство: вотъ это именно и испыталъ Ани. Ни камни, ни твердыни не устояли противъ раздора, и весь мнимый блескъ и могущество погибли въ одну минуту; благородные, одинъ за другимъ, были попраны пятою врага, самыя грозныя укрѣпленія были разрушены, исчезла всякая красота"!..

Греческій императоръ, воспользовавшись измѣною одного изъ знатныхъ феодаловъ Арменіи, Саргиса-Веста, жаждавшаго сдѣлаться царемъ Арменіи, и партійными раздорами князей, вѣроломно захватилъ въ свои руки храбраго, но довѣрчиваго юношу, царя Гагика II, и овладѣлъ безъ боя городомъ Ани и всею Арменіею.

Но очень скоро грекамъ пришлось отстаивать Ани, соблазнявшій всѣхъ сосѣдей своимъ богатствомъ, многолюдствомъ и красотою,—отъ страшнаго врага, Альпъ-Арелана, или „могучаго льва",—султана воинственныхъ турокъ-сельджуковъ. Армянскихъ патріотовъ уже не было внутри города,—они были разогнаны въ далекія мѣста недовѣрчивыми греками,—и некому было энергически стать на защиту славной столицы Багратидовъ. Малодушные греки, распоряжавшіеся въ Ани, ужаснувшись обступившихъ ихъ грозныхъ полчищъ, скоро покинули обширныя укрѣпленія города и заперлись въ верхней цитадели, откуда главные начальники ихъ тайкомъ скрылись изъ города. Народъ, покинутый вой-

Digitized by Google

скомъ и начальниками, несмотря на отбитые приступы, несмотря даже на то, что Альпъ-Ареланъ, послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ, совсѣмъ собрался уходить отъ этого неприступнаго города, — въ паническомъ страхѣ бѣжалъ сквозь дальнія ворота въ горы и ущелья. До 50.000 народа безъ всякой причины покинуло такимъ образомъ Ани, оставивъ его на произволъ враговъ.

Альпъ-Ареланъ и турки его долго не вѣрили сами себѣ, что неодолимая крѣпость отдается имъ безъ бою въ ту самую минуту, когда они потеряли всякую надежду взять ее силою.

„Они не знали, что крѣпкій городъ требуетъ и крѣпкихъ защитниковъ!“ — разсуждалъ по этому поводу армянскій лѣтописецъ. — „Ибо мудрые учатъ насъ, что только стрѣла, вылетѣвшая отъ могучей груди, можетъ пронзить другую могучую грудь“.

Турки ворвались въ проломъ стѣны, и началась кровавая бойня. Улицы были залиты кровью жителей, волны древняго Ахуріана стали красными; мальчики и дѣвушки уведены въ плѣнъ, взрослые всѣ изрублены. Князей и богатыхъ горожанъ безчеловѣчно истязали, выпытывая у нихъ, гдѣ скрыты ихъ сокровища; христіанскихъ священниковъ побросали въ огонь. Всѣ дворцы и храмы были разорены и ограблены до тла. Сняли даже серебряный крестъ съ каѳедральнаго собора. Цитадель тоже была взята и ограблена. Бѣглецы изъ Ани разсѣялись по разнымъ странамъ.

Этотъ разгромъ Ани произошелъ въ 1064 г. Послѣ того Ани хотя и существовалъ еще лѣтъ триста, но уже постоянно переходилъ изъ-подъ власти однихъ народовъ къ другимъ. Владѣли имъ и грузины, и арабы, и монголы; нашествіе въ 1239 г. монгольскихъ ордъ, покорившихъ незадолго нашу Россію, нанесло окончательный ударъ благосостоянію Ани; жители его рѣшились навсегда покинуть это мѣсто вѣчной борьбы и разореній и ушли въ Трапезундъ, въ Крымъ, въ Астрахань, въ Польшу, гдѣ и основали многолюдныя колоніи, уцѣлѣвшія до нашего времени. Сильное землетрясеніе 1319 года довершило дѣло азіатскихъ кочевниковъ, разрушивъ остававшіеся еще славные храмы и дворцы древней армянской столицы, хотя и послѣ землетрясенія мусульманскіе владыки продолжали нѣкоторое время жить въ Ани, какъ это доказываютъ найденныя монеты, выбитыя здѣсь еще въ 1375—1377 годахъ.

Digitized by Google

Заночевать среди развалинъ Ани въ ноябрьскую темную ночь, подвергаясь опасности нападенія курдовъ, было немыслимо. Послѣ долгихъ совѣщаній туземныхъ знатоковъ края, было рѣшено ѣхать на ночлегъ въ армянскую деревню Байракъ-даръ („Стѣна знамени"—по-русски). Осмотръ развалинъ занялъ, однако, у насъ столько времени, что солнце уже зашло, когда мы двинулись въ путь. Какъ нарочно одинъ изъ чепаровъ, ѣздившій на развѣдки за сторожемъ, въ концѣ заморилъ своего коня, и долженъ былъ насъ покинуть, чтобы заночевать у знакомаго курда, близъ Ани. Стемнѣло изрядно, и наши извозчики, знавшіе дорогу такъ же нетвердо, какъ и чепаръ, скакавшій впереди на своей проголодавшейся, изморенной лошадёнкѣ,—повидимому, то-и-дѣло путались, потому что мы проѣхали вѣрныхъ часа три до деревни, которая, по увѣренію нашихъ спутниковъ, была всего въ 12, 15-ти верстахъ отъ Ани. Мы съ женою даже стали подумывать, уже не заблудились ли вовсе наши мѣстные чичероне. Однако, къ нашему успокоенію и искреннему удовольствію, все-таки мы пріѣхали въ Байракъ-даръ, когда еще не были потушены огни. Петръ Николаевичъ Драмовъ, направлявшій главнымъ образомъ наше странствованіе, посовѣтовалъ заѣхать къ знакомому ему зажиточному крестьянину, въ домѣ котораго была и маленькая деревенская лавка. Гостепріимный старикъ-армянинъ встрѣтилъ насъ съ истинно-восточнымъ радушіемъ и, кажется, былъ искренно польщенъ вниманіемъ, оказаннымъ ему городскими гостями.

Намъ было нужно отдохнуть и нѣсколько побаловать себя въ уютной обстановкѣ жилого дома послѣ цѣлыхъ почти сутокъ ѣзды по камнямъ, ходьбы по камнямъ, лазанья по камнямъ, да еще на солнечномъ припекѣ, въ пыли дорогъ и развалинъ, безъ горячей пищи и даже безъ незамѣнимаго въ пути живительнаго чая.

Вотъ мы полусидимъ, полулежимъ,—кто на огромной тахтѣ, занимающей чуть не полъ-комнаты, кто прямо на полу, на коврѣ, а кто и на стульяхъ, уже успѣвшихъ вторгнуться даже въ кунацкую деревенскаго богатѣя, вмѣстѣ съ керосиновою лампою и разною другою обстановкою городской цивилизаціи. Картина, однако, все-таки характерная и изрядно восточная. Передній уголъ до самаго потолка заваленъ опрятно сложенными другъ на друга, какъ стопки блиновъ, разноцвѣтными ситцевыми подушками, тюфяками, стеганными одѣялами, наготовленными исключительно для гостей. Страшная на видъ, сѣдая какъ вѣдьма, старая, девяностолѣтняя бабка, сохранившая, однако, изумительно бѣлые, всѣ до единаго цѣлые зубы,—въ сущности, добрѣйшее существо,—

Digitized by Google

стоитъ съ ногами на тахтѣ, прислонясь къ этой ситцевой башнѣ вавилонской, и, не глядя на работу подслѣповатыми глазами, проворно, какъ молодая дѣвочка, вяжетъ что-то на спицахъ, въ то же время добродушно бесѣдуя съ нами по-армянски. Нашъ распорядительный и опытный спутникъ, Петръ Николаевичъ, служилъ намъ переводчикомъ. Хозяинъ нашъ, почтенный мужъ крупныхъ размѣровъ, весь обросшій колючею небритою щетиною, въ сѣдыхъ усахъ, по имени Аретюнъ-Теръ-Матевосовъ, сидитъ съ нами и любезно занимаетъ насъ разсказами о своей семьѣ, о своихъ дѣлахъ, о своей деревнѣ, стараясь по временамъ вставлять въ свою армянскую рѣчь россійскія слова и не безъ удовольствія попивая изъ стаканчика привезенное нами вино. Старая бабка, мать Аретюна, тоже охотно опоражниваетъ подносимые ей стаканчики, и дѣлается послѣ этого еще говорливѣе. Младшіе члены семьи, дѣвицы и ребята, а съ ними и нѣсколько любопытныхъ сосѣдей, набились въ ярко освѣщенную лавку, черезъ которую приходится проходить въ парадное помѣщеніе дома, и молча глазѣютъ оттуда на непривычные имъ одѣянія и обычаи наши, выразительно поталкивая другъ друга локтями. Аретюнъ-Теръ-Матевосовъ, какъ человѣкъ уже цивилизовавшійся, не гонитъ своихъ дѣвицъ и молодаекъ въ ихъ домашній гинекей, а еще не безъ хвастовства расписываетъ намъ, какія у него способныя и работящія дѣти, какая красавица и умница невѣстка. Старуха, должно быть, кричитъ имъ войти и поздороваться съ такими почетными и рѣдкими гостями, потому что, помявшись минутку въ дверяхъ, всѣ они начинаютъ нерѣшительно входить въ нашу комнату и подходить къ намъ. Впереди всѣхъ—яркая и пышная какъ розанъ, щегольски разодѣтая молодайка, только-что вышедшая замужъ за сына хозяина. Они не только трясутъ намъ руки, но, къ нашему изумленію, самымъ настойчивымъ образомъ тянутся поцѣловать ихъ, вслѣдствіе чего мы, конечно, торопливо вырываемъ у нихъ свои недостойныя длани...

Съ своей стороны, мы потчуемъ ихъ грушами, яблоками и конфектами, уцѣлѣвшими отъ нашего пиршества на развалинахъ Ани. Дѣтки подходятъ гораздо свободнѣе и, учась въ школѣ, знаютъ уже немного по-русски. Я не безъ пріятнаго удивленія увидѣлъ на полочкѣ, среди армянскихъ книгъ, нѣсколько русскихъ, между прочимъ стихотворенія Пушкина, Ветхій и Новый Завѣтъ въ русскомъ переводѣ, атласъ Россійской имперіи и др.

Оказалось, что одинъ изъ сынковъ Аретюна окончилъ курсъ въ начальной школѣ въ Александрополѣ, и это были его учебники и наградныя книги. Тѣмъ не менѣе, русскому сердцу было

Digitized by Google

отрадно встрѣтить произведенія великаго поэта русскаго въ этой глухой азіатской пустынѣ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ древнею столицею армянскихъ царей, персидскихъ марзпановъ и арабскихъ остикановъ...

Семейная дисциплина въ армянскихъ семействахъ, еще не усвоившихъ себѣ свободныхъ взглядовъ новаго времени,—по старинному строгая. Домочадцы смотрятъ на отца, хозяина дома, какъ на владыку, которому всѣ должны повиноваться безпрекословно. Даже въ интеллигентныхъ семьяхъ, старающихся сохранить прежніе нравы, взрослые сыновья, племянники, внуки—встаютъ при входѣ отца или дяди, и не смѣютъ вмѣшаться въ ихъ разговоръ, пока старшіе не обратятся къ нимъ сами. Самъ отецъ семьи исполняетъ безъ возраженія приказы старшаго брата или вообще старшаго въ родѣ. Женщины цѣлуютъ руку всѣмъ чужимъ мужчинамъ, и если молодая женщина позволитъ себѣ заговорить при чужихъ,—это считается величайшею невѣжливостью и неумѣньемъ держать себя. Вѣроятно, вслѣдствіе близости Арарата, патріархальные нравы Ноевыхъ временъ удержались въ Арменіи прочнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, и, признаюсь, на меня они производили гораздо болѣе утѣшительное впечатлѣніе, чѣмъ нахальная развязность модныхъ парижскихъ сынковъ въ ихъ отношеніяхъ къ моднымъ парижскимъ папашамъ, откровенно конкуррирующимъ съ своими дѣтками въ ухаживаніи за продажными свѣтилами „демимонда“.

Что насъ удивило, это—совершенное отсутствіе иконъ въ армянскихъ домахъ. Несмотря на свою большую религіозность, проходящую какъ основной мотивъ черезъ всю многострадальную исторію ихъ, армяне не считаютъ нужнымъ ни носить на шеѣ крестовъ и образковъ, ни вѣшать образа въ своихъ жилищахъ. Напротивъ того, они считаютъ своего рода кощунствомъ—помѣщать изображенія Христа, Божіей Матери или святыхъ угодниковъ въ тѣхъ самыхъ комнатахъ, гдѣ люди спятъ, ѣдятъ и совершаютъ всѣ свои житейскія потребы. Только въ однихъ храмахъ Божіихъ, не оскверняемыхъ ничѣмъ плотскимъ, прилично, по ихъ мнѣнію, выставлять святые кресты и иконы.

Путешествуя по Греціи, Сербіи и Черногоріи, мы встрѣчали тѣ же взгляды на иконы и тѣ же обычаи. Мнѣ, все-таки, кажется, что какъ тамъ, такъ и въ Арменіи, въ этихъ взглядахъ и обычаяхъ сказалось, можетъ быть, и безсознательное вліяніе мусульманства, лежавшаго такимъ долгимъ и тягостнымъ игомъ на всѣхъ этихъ странахъ и не допускающаго вообще священныхъ изображеній. Этимъ же историческимъ вліяніемъ можно

Digitized by Google

объяснить и другой обычай армянъ, странный для православнаго человѣка,—ходить въ комнатахъ въ шапкѣ, чего ни за что не позволитъ себѣ русскій человѣкъ, и что онъ искренно считаетъ за „татарскій“ обычай.

Между тѣмъ хозяйка Аретюнъ-Теръ-Матевосова схлопотала намъ давно и нетерпѣливо желанный самоваръ, и мы пригласили почтенныхъ хозяевъ присѣсть къ намъ за русскій чаёкъ, разспрашивая ихъ, съ помощью нашего любезнаго спутника и толмача, Петра Николаевича, обо всемъ, что интересовало насъ, и съ наслажденіемъ опустошая одинъ стаканчикъ за другимъ этого горячаго, душистаго нектара, ничѣмъ не замѣнимаго въ пути.

Появился на столъ и дымящійся пилавъ съ бараниной, изготовленный тою же гостепріимною и расторопною хозяйкою, такъ что мы вполнѣ отвели душеньку, напившись и наѣвшись, что называется, до отвалу. Спать намъ постелили на огромной тахтѣ, навалили кучи мягкихъ тюфяковъ, ковровъ, одѣялъ, подушекъ. Хотя всѣ мы могли бы безъ труда помѣститься рядомъ, тѣмъ болѣе, что ложились почти не раздѣваясь, но наши джентльмены-спутники, изъ уваженія къ дамѣ, настояли на томъ, чтобы спать отдѣльно отъ насъ, на полу, гдѣ тоже разостлали имъ матрацы и ковры. Нельзя сказать, чтобы сонъ нашъ не нарушали никакія мелкія твари, но, тѣмъ не менѣе, мы выспались изрядно и часовъ въ шесть утра вскочили совсѣмъ бодрые. Напившись чаю, мы попросили любезнаго хозяина своего, Аретюна-Теръ-Матевосова, пока поили и запрягали лошадей, показать намъ его домъ и все хозяйство, чтобы во-очію познакомиться съ бытомъ зажиточнаго жителя армянской деревни.

Домъ Аретюна—цѣлый маленькій замокъ своего рода. Со стороны подозрѣвать нельзя, чтобы эти слѣпыя и низенькія сакли, похожія скорѣе на сложенныя груды камней и грязи, чѣмъ на жилище человѣка, могли заключать въ себѣ столько простору и удобства. Огромныя конюшни всѣ сплошь крыты плитами изъ тесаннаго камня, можетъ быть, даже извлеченными изъ развалинъ древней столицы Баграта; вездѣ каменный покатый полъ съ желобами для скота, какъ у любого европейскаго фермера; просторныя стойла; хорошія, прочныя ясли. Скота много: лошади, коровъ штукъ 20, буйволы, телята; большая, чистая овчарня съ овцами. Изъ овчарни продѣлано сквозь стѣну отверстіе въ домъ,

Digitized by Google

чтобы, въ случаѣ нападенія грабителей или воровъ, пастухи могли сейчасъ же дать знать хозяевамъ. Такія же отверстія продѣланы изъ дома одного хозяина въ домъ другого, чтобы въ минуты опасности можно было быстро поднять на ноги все населеніе.

Все хозяйство Теръ-Матевосова—подъ одною крышею; хлѣва, конюшни, амбары, сараи, жилье—все соединено крытыми переходами, такъ что въ самую скверную погоду люди и скотина защищены отъ дождя, грязи и вѣтра, и хозяйство можетъ спокойно идти своимъ чередомъ.

Кромѣ дома съ кунацкой и лавкой, гдѣ мы ночевали, у Теръ-Матевосова есть еще другой, семейный домъ, связанный въ одно съ хозяйственными службами. Двѣ большія комнаты заняты женскимъ отдѣленіемъ,—гинекеемъ своего рода. Въ каждой комнатѣ—круглое сквозное отверстіе въ крышѣ, куда уходитъ дымъ очага, раскладываемаго подъ нимъ. На ночь или въ дождь отверстіе это закрывается. Каменныя стѣны не штукатурены, полъ выложенъ камнемъ. По стѣнамъ—полки въ нѣсколько рядовъ, на полкахъ—множество тарелокъ, мисокъ и всякой посуды; подъ полками вдоль стѣны опрятно уставлены цѣлыя дюжины огромныхъ глиняныхъ или, скорѣе, каменныхъ не то кувшиновъ, не то кадушекъ, для зерна, капусты, картофеля и всякой съѣстной всячины. По другой стѣнѣ вытянутъ рядъ сундуковъ съ разною хозяйскою рухлядью. Изъ первой хозяйственной комнаты—особый отдѣльчикъ, приподнятый нѣсколько выше, для печенія ловашей. Тамъ особый очагъ, особое отверстіе въ потолкѣ. Подъ отверстіемъ вкопана въ землю громадная каменная кадка, въ которой умѣстится человѣкъ. Въ кадкѣ уже былъ разведенъ огонь. Двѣ бабы сидѣли при насъ надъ этой кадкой. Одна катала скалкою на низеньковъ деревянномъ столикѣ тѣсто для ловашей; сдѣлавъ проворно огромный круглый блинъ, она такъ же быстро передавала его другой бабѣ; та перекидывала блинъ съ руки на руку, изъ круглаго блинъ сразу дѣлался длинный какъ холстъ, и тогда, взбрызнувъ его слегка водицею, баба шмякала его сразмаху на очень грязную тугую подушку своего рода и ловко обмахивала ею горячую внутренность кадки; блинъ тонкимъ слоемъ прилипалъ мгновенно къ стѣнкамъ этой оригинальной печки и мгновенно же подсыхалъ; въ ту же минуту баба подцѣпляла его маленькой кочергой и вышвыривала вонъ, на каменный полъ. Ловашъ былъ готовъ. Такимъ манеромъ ловаши пеклись на нашихъ глазахъ съ поразительною быстротою. Обыкновенно ихъ запекаютъ разомъ мѣсяца на три, на четыре.

Digitized by Google

Тѣсто ихъ сохраняетъ очень долго свою свѣжесть; стоитъ только взбрызнуть сухой ловашъ водою, и онъ опять дѣлается мягкимъ.

Другая комната гинекея составляетъ собственно дѣвичій теремъ. Насъ, однако, свободно впустили въ него. Эта комната отдѣлана уже гораздо щеголеватѣе и богаче. Тахты съ хорошими коврами, зеркальца, шкатулочки, сундучки. Цѣлый букетъ разодѣтыхъ молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ набился въ эту комнатку; очевидно, онѣ ждали нашего визита и приняряділись заранѣе; всѣ онѣ подходили къ намъ, протягивая руку, и низко нагибались къ нашимъ рукамъ, съ явнымъ намѣреніемъ поцѣловать ихъ, по своему обычаю. Почтенный Теръ-Матевосовъ и слышать не хотѣлъ о платѣ за ночлегъ, и всезнающій Петръ Николаевичъ посовѣтовалъ намъ купить у него же въ лавкѣ нѣсколько шолковыхъ платочковъ и другихъ подобныхъ мелочей, чтобы одарить ими женщинъ. Жена раздала теперь эти грошевые подарки молодымъ хозяйкамъ, и онѣ были отъ нихъ въ дѣтскомъ восторгѣ. Нельзя не отнестись съ глубокимъ сочувствіемъ къ истинно-восточному гостепріимству армянъ, въ которомъ мы имѣли случай убѣдиться не разъ во время своего путешествія. К—нъ и Петръ Николаевичъ увѣряли насъ, что у богатаго поселянина армянина для гостей цѣлый день кипитъ самоваръ и готовятся кушанья, и онъ счелъ бы за обиду, еслибы гость предложилъ ему плату за угощеніе. Эти милые патріархальные обычаи, къ сожалѣнію, все болѣе стираются съ вторженіемъ городской цивилизаціи и удерживаются пока только въ болѣе глухихъ углахъ.

Полная чаша хозяйства Теръ-Матевосова произвела на насъ самое утѣшительное впечатлѣніе. Хотя онъ и не простой крестьянинъ, а уже деревенскій торговецъ своего рода, но все-таки бытъ его есть бытъ всѣхъ сколько-нибудь достаточныхъ армянскихъ поселянъ. Нельзя не сознаться, что этотъ бытъ во многихъ отношеніяхъ приличнѣе, опрятнѣе и удобнѣе, чѣмъ домашняя жизнь русскаго мужика нашихъ черноземныхъ губерній, поражающая своею грязью и неопрятностью.

На дорогу намъ наготовили цѣлую груду теплыхъ ловашей и успѣли даже сварить настоящій армянскій супъ съ кислымъ молокомъ и ячменемъ, къ которому, однако, надо очень привыкнуть, чтобы онъ показался вкуснымъ.

Когда коляска наша уже стояла подъ крыльцомъ, зять мой предложилъ хозяину сняться вмѣстѣ съ нами и со всею своею семьею на фотографической карточкѣ. Армянскій людъ пришелъ

Digitized by Google

въ восторгъ отъ этого предложенія. Импровизированный фотографъ разставилъ всѣхъ насъ въ живописную группу, съ 90-лѣтнею бабкою въ центрѣ, съ красавицей-невѣсткой около нея, не забывъ ни глазастыхъ черномазыхъ дѣтишекъ, ни воинственной фигуры вооруженнаго чепара. Фотографія вышла чрезвычайно отчетливо, и зять мой послалъ потомъ изъ Александрополя одинъ удачный экземпляръ ея въ подарокъ нашему гостепріимному хозяину, который, должно быть, былъ очень польщенъ столь искуснымъ изображеніемъ всѣхъ своихъ старыхъ и малыхъ членовъ семьи и даже своихъ работниковъ и собакъ, да еще въ такой почетной, въ его глазахъ, компаніи.

Евг. Марковъ.

Digitized by Google

ОБМАНЪ

ПОВѢСТЬ.

Зина умерла утромъ, на разсвѣтѣ.

Мужъ ея, Семенъ Александровичъ Агринцевъ, просидѣвшій всю ночь около ея кровати, все еще держалъ ее за руку и дремалъ.

— Другъ мой!—осторожно окликнула его Анна Николаевна.

Онъ вздрогнулъ, открылъ глаза и увидалъ передъ собой тревожное лицо своей матери.

— Другъ мой!—говорила она.—Проснись!

— А?.. что? что?..—испуганно спросилъ онъ и быстро провелъ рукой по глазамъ.

Тотчасъ, переведя свой взглядъ на жену, онъ увидалъ ея лицо, спокойное, торжественное, и смутно подмѣтилъ странную неподвижность ея вытянувшагося тѣла. И тутъ только почувствовалъ холодъ и тяжесть ея руки... Съ выраженіемъ недоумѣнія и ужаса онъ оглянулся кругомъ.

За спинкой кровати, на колѣняхъ, стояла его сестра Вѣра и, припавъ головой къ желѣзной рѣшоткѣ, плакала и молилась.

— Сеня! — повторялъ голосъ матери,—и онъ чувствовалъ, какъ ея руки, дрожащія, трепетныя, теребили его за плечи, судорожно сжимали его голову.—Опомнись, Сеня, очнись!

Семенъ Александровичъ всталъ, взглянулъ еще разъ на жену, вздрогнулъ плечами и медленно направился къ двери.

— Куда ты?—громко окликнула его Анна Николаевна.

— Не безпокойся, мама,—спокойно отвѣтилъ онъ:—я здѣсь больше не нуженъ. Я хочу лечь, заснуть...

Онъ зналъ, что мать не повѣрила ему, и понялъ, что онъ

Digitized by Google

не только не успокоилъ, но еще сильнѣе встревожилъ ее за себя, и, стараясь исправить свою ошибку, Семенъ Александровичъ вернулся, поцѣловалъ мать въ лобъ и улыбнулся усталой, виноватой улыбкой.

— Вѣдь мы знали, — тихо сказалъ онъ:—знали, что это должно было случиться... Теперь она больше не страдаетъ... Не надо тревожиться, мама: я вовсе не малодушенъ; я сильнѣе, чѣмъ ты думаешь.

Онъ опять поспѣшно повернулся, прошелъ черезъ гостиную, освѣщенную мутнымъ свѣтомъ ранняго сѣвернаго утра, и плотно закрылъ за собою дверь кабинета.

— Кончено!—сказалъ онъ, стоя у окна и глядя на безлюдную, грязную отъ осенней изморози улицу. И ему пришло въ голову, что когда онъ раньше думалъ объ этомъ неизбѣжномъ концѣ, ему страшно было представить себѣ то, что онъ долженъ будетъ перечувствовать въ этомъ случаѣ. А на дѣлѣ чувствовалъ онъ совсѣмъ иначе, чѣмъ предполагалъ.—Гдѣ же мое горе?—съ недоумѣніемъ допрашивалъ онъ себя.—Дѣйствительно ли я огорченъ? Отчего у меня это сознаніе пустоты... пустоты и въ головѣ, и въ душѣ? Неужели я недостаточно любилъ ее? Неужели и вовсе не любилъ?

Онъ стоялъ и смотрѣлъ, и когда откуда-то, издали, донеслись до его слуха заглушенныя истерическія рыданія, онъ только повернулъ голову, внимательно прислушался и по лицу его пробѣжала легкая, судорожная гримаса.

— Это Вѣра плачетъ!—догадался онъ.

Онъ не легъ и не спалъ; и на другой день онъ чувствовалъ себя равнодушнымъ и спокойнымъ. Когда онъ ловилъ на себѣ тревожные взгляды сестры или матери, онъ вспоминалъ, что онѣ имѣютъ достаточное основаніе считать его глубоко-несчастнымъ, и тогда, съ явнымъ чувствомъ стыда за свое безразличіе, онъ сознательно принимался играть ту роль, которая болѣе всего подходила къ настоящему положенію: онъ хмурилъ лобъ, болѣзненно сжималъ губы, онъ старался растрогать самого себя, а чувство его молчало, и въ глубинѣ души онъ ощущалъ спокойствіе и пустоту.

Къ вечерней панихидѣ собралось много родственниковъ и знакомыхъ. Семенъ Александровичъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, прислушивался къ неясному шороху и шопоту въ гостиной, гдѣ стояла покойница, и ему казалось страннымъ, что онъ имѣетъ право не принимать гостей съ обычной привѣтливой и любезной улыбкой, что если онъ не воспользуется этимъ правомъ—онъ

Digitized by Google

возбудитъ толки и недоумѣніе. Ему казалось страннымъ, что одна роль, привычная и знакомая, должна была сознательно смѣниться другой, что общество такъ же требовало этой второй роли, какъ и первой, и онъ долженъ былъ подчиниться этому требованію изъ приличія, изъ уваженія къ памяти своей жены. Когда служба началась, онъ открылъ дверь и, стараясь не глядѣть на толпу молящихся и чувствуя на себѣ ихъ любопытные взгляды, прошелъ черезъ комнату, къ тому мѣсту, гдѣ стояли мать и сестра, и, прислонившись плечомъ къ стѣнѣ, низко опустилъ голову.

Пѣлъ хоръ пѣвчихъ. Хоръ съ дѣтскими голосами, чистыми и высокими. И отъ этого пѣнія, отъ возгласовъ священника, запаха ладана и тихаго потрескиванія восковыхъ свѣчей вѣяло такимъ неотразимымъ впечатлѣніемъ скорби, безсилія и смиренія, что Семенъ Александровичъ сперва удивленно поднялъ голову, оглянулся, и въ первый разъ отчетливо понялъ то, что̀ случилось, въ первый разъ ощутилъ не горе, не сожалѣніе, а яркій ужасъ, ужасъ, отъ котораго хотѣлось защищаться, бѣжать. Въ углу, за жардиньеркой, стояла фигура женщины въ черномъ платьѣ. Она плакала, закрывъ лицо платкомъ, и въ ту минуту, когда Семенъ Александровичъ, оглянувшись, замѣтилъ ее, она отняла платокъ отъ лица, и его взглядъ, полный ужаса, встрѣтился съ ея покраснѣвшими, заплаканными глазами.

„Неужели она? Катя? — подумалъ Семенъ Александровичъ, теперь уже внимательно вглядываясь въ знакомое, милое лицо.— Катя вернулась!“

Женщина въ черномъ замѣтно заволновалась, густо покраснѣла и потушила свѣчу, которую держала въ рукахъ.

„Она вернулась и не была у насъ ни разу“, — продолжалъ соображать Семенъ Александровичъ. Внезапное возбужденіе его сразу прошло. Онъ слышалъ пѣніе, смотрѣлъ прямо передъ собой на уголъ гроба, на черный креповый бантъ паникадила; лицо его еще выражало судорожную, нестерпимую боль, но онъ уже опять не чувствовалъ ее, и, радуясь тому, что никто не можетъ знать его мыслей, думалъ о постороннемъ, о томъ, что̀ страннымъ образомъ отвлекло его отъ его перваго, жгучаго порыва отчаянія.

Онъ думалъ о Катѣ, о Екатеринѣ Петровнѣ. Когда они оба были еще дѣтьми, они жили въ Москвѣ въ одномъ домѣ, и такъ какъ матери ихъ были очень дружны между собой, то дѣти постоянно были вмѣстѣ, и учились, и играли сообща. Катя была на два года моложе Сени, но когда ей минуло шестнадцать лѣтъ, она, полная и красивая, казалась уже взрослой женщиной передъ

Digitized by Google

высокимъ, худымъ, какъ жердь, безусымъ юношей, который только-что скинулъ свой гимназическій мундиръ и какъ-то особенно неуклюже носилъ свое первое статское платье. Дружба молодыхъ людей незамѣтно ослабла. Катя, всегда любившая общество и развлеченія, рано кончила учиться, справедливо разсуждая, что богатой дѣвушкѣ не нужно никакихъ дипломовъ и аттестатовъ. Все ея время уходило на выѣзды, пріемы и экскурсіи по магазинамъ; а когда она, наконецъ, объявила Семену Александровичу, что выходитъ замужъ за одного блестящаго, красиваго офицера, тотъ выслушалъ эту новость безъ всякаго удивленія и только презрительно пожалъ плечами.

— Два сапога—пара!—сказалъ онъ.—А я никогда не думалъ, что изъ тебя выйдетъ такая пустая, свѣтская бабёнка.

Катя обидѣлась.

— Посмотримъ, что-то выйдетъ изъ тебя?—запальчиво отвѣтила она. И, стараясь придать своему лицу какъ можно болѣе насмѣшливое выраженіе, она прищурила глаза и сморщила губы. —Писатель!—съ обычнымъ смѣхомъ закончила она.

Катя вышла замужъ и уѣхала съ мужемъ въ Петербургъ, а Семенъ Агринцевъ такъ увлекся студенческой жизнью, кружковыми интересами, новыми знакомствами и впечатлѣніями, что совсѣмъ не вспоминалъ о своей прежней подругѣ, и даже не отвѣтилъ ей на то единственное письмо, которое она написала ему черезъ годъ послѣ своего отъѣзда. Она описывала свою жизнь, свою квартиру, свою обстановку...

„Хорошо?—спрашивала она.—Вѣдь это вѣнецъ всего, о чемъ можетъ мечтать пустая, свѣтская бабёнка. Но я скажу тебѣ то, въ чемъ ни за что, ни за что не признаюсь даже мамѣ: мнѣ скучно, Сеня! Мнѣ хочется назадъ, къ вамъ, въ Москву. Мнѣ хочется, чтобы этого года никогда не было въ моей жизни. Не говори объ этомъ никому. Знаешь, я поняла, что ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не можетъ вполнѣ, до конца, понять другого. Ему всегда будутъ мѣшать или любовь, или непріязнь, или равнодушіе. Ты вдумайся въ это, и ты поймешь—одиночество! У меня теперь такія странныя мысли! Я иногда представляя себѣ, что я въ Москвѣ, у мамы, и разсказываю ей все, все, что думаю и чувствую, и тогда я всегда плачу. И это несправедливо, потому что меня жалѣть не стоитъ, а жалѣю я себя черезъ ея любовь“...

Дальше все было зачеркнуто и въ самомъ концѣ страницы расплылся большой, блѣдный кляксъ. Агринцевъ прочелъ это письмо два раза, рѣшилъ, что выраженіе: „жалѣть себя черезъ чужую любовь“ хотя приблизительно понятно, но не совсѣмъ

Digitized by Google

удачно, и не только никому не сказалъ о томъ, что Катя скучаетъ и поняла, что̀ такое одиночество, но даже самъ забылъ о ея признаніи.

Катя не даромъ дразнила его „писателемъ“. Онъ, дѣйствительно, писалъ стихи и даже цѣлыя повѣсти, которые раньше тщательно пряталъ ото всѣхъ, а теперь читалъ своимъ товарищамъ, спрашивая у каждаго порознь, что̀ бы онъ подумалъ о такомъ произведеніи, еслибы встрѣтилъ его на страницахъ одного изъ ежемѣсячныхъ журналовъ. Онъ мучился желаніемъ отправить свою рукопись въ редакцію, но все не рѣшался и откладывалъ со дня на день.

Годы шли незамѣтно. Отъ Кати уже давно не было ни писемъ, ни извѣстій. Семенъ Агринцевъ кончилъ курсъ университета и получилъ мѣсто въ одномъ изъ департаментовъ. Пришлось переѣзжать въ Петербургъ. И вотъ здѣсь они вновь встрѣтились съ Катей и стали часто бывать другъ у друга.

— Господи! какъ всѣ измѣнились!—удивлялась Катя, глядя попеременно на Семена Александровича и на Вѣру, его сестру:— Вѣрочка—молодая дѣвушка, Сеня... Помните, какой вы были длинный, худой, неловкій!

Она смѣялась, а на глазахъ ея навертывались слезы.

— Милая Москва! Я вспоминаю о ней, но уже ни за что не хотѣла бы вернуться туда. Мама умерла, васъ тамъ нѣтъ, и точно уже никого нѣтъ, и вся она теперь чужая.

— Ахъ, не нравится мнѣ вашъ Петербургъ!—съ добродушнымъ раздраженіемъ говорила Анна Николаевна Агринцева.

— А я привыкла!—задумчиво отвѣтила Катя.—Конечно, это только глупая фантазія, а мнѣ вотъ кажется, что въ Петербургѣ легче живется такимъ людямъ, у которыхъ нехорошо, тяжело на душѣ. Въ Москвѣ какъ-то все открыто, все явно, все на-людяхъ, а здѣсь... вѣчная темнота... И все въ этой темнотѣ тайно, все скрыто, и всякому дѣло только до себя.

Она живо интересовалась литературными занятіями Агринцева, который теперь уже печаталъ свои произведенія, и когда тотъ приходилъ къ ней читать какую-нибудь только-что написанную повѣсть, она, слушая его голосъ, не сводила съ него глазъ, и часто въ этихъ глазахъ можно было прочесть удивленіе и грусть.

— Такъ вотъ вы какой стали!—задумчиво говорила она и улыбалась ему ласковой, застѣнчивой улыбкой.

Иногда, являясь къ Агринцевымъ, она проходила въ комнату Анны Николаевны, и тогда изъ-за плотно закрытой двери долго

Digitized by Google

слышался ея возбужденный, негодующій голосъ. Въ такихъ случаяхъ она уѣзжала домой, не повидавшись ни съ Семеномъ Александровичемъ, ни съ Вѣрой, а Анна Николаевна потомъ долго казалась озабоченной, и, какъ бы въ отвѣтъ на свои собственныя размышленія, укоризненно покачивала головой и вздыхала.

— У Кати нелады съ мужемъ? да? — допрашивалъ Семенъ Агринцевъ.

— Ахъ, нехорошо!—уклончиво отвѣчала Анна Николаевна. — Ну, положимъ, его поведеніе съ женой одобрить нельзя, но въ наше время жёны умѣли терпѣть, переносить,... изъ избы сору не выносили. Я стала Катѣ говорить, что смириться надо, съ терпѣніемъ крестъ нести, а она—какъ расхохочется мнѣ прямо въ глаза!.. „Давно бы, говоритъ, я его бросила, да мнѣ маму жалко было. Я, говоритъ, отъ мамы все скрывала. Теперь я свободна, а знаете, что̀ меня держитъ?—ненависть! Гляжу на него, чувствую, какъ эта ненависть у меня въ душѣ поднимается... Лицо у него такое самодовольное, выхоленное, ногти розовые... онъ ихъ какимъ-то лакомъ покрываетъ... И такая мука, и такое наслажденіе—эта ненависть! Начну говорить, и сама не знаю, откуда у меня такія слова ядовитыя, злобныя. Знаю, что еслибы я ударила его, ему бы не такъ обидно было,— а онъ молчитъ, улыбается. Выгнала бы его, кажется; а не выдержитъ онъ, уйдетъ самъ,—останешься опять одна. А какъ жить одной, когда ни любить, ни ненавидѣть некого"?..

Однако, Катя потомъ не долго прожила съ мужемъ. Лѣтомъ она гостила въ деревнѣ, у Агринцевыхъ, а осенью наняла себѣ небольшую квартиру, убрала ее такъ, что вся она стала похожа на мягкое, душное гнѣздо, и сразу круто оборвала всѣ прежнія знакомства и измѣнила образъ жизни. Бывала она только у Агринцевыхъ и принимала у себя только ихъ. Цѣлыми днями лежала на диванѣ и читала романы. Наружность ея тоже измѣнилась: она похудѣла и поблѣднѣла въ лицѣ, въ глазахъ ея появилось новое, ласковое, застѣнчивое выраженіе, и вся она затаилась въ себѣ, стихла, какъ будто стала добрѣе и женственнѣе.

Семенъ ходилъ къ ней почти каждый день, и каждый разъ она радостно, почти восторженно встрѣчала его, окружала его знаками самаго утонченнаго вниманія, и какъ бы скроменъ ни былъ молодой писатель, онъ не могъ не замѣтить, что подруга его дѣтства чувствуетъ къ нему не простую дружбу, а все сильнѣе и сильнѣе любитъ его настоящей, романтической любовью.

Digitized by Google

Онъ не раздѣлялъ этой любви, но она льстила ему, и ему было пріятно сознавать свою силу и власть. Ему никогда не было съ ней скучно: они читали, обсуждали прочитанное и потомъ незамѣтно переходили къ общимъ вопросамъ или къ отвлеченнымъ разсужденіямъ. Катя любила говорить о чувствахъ и особенно о любви.

— Любовь—уже сама по себѣ счастье,—говорила она.—Еслибы я полюбила, я молила бы у судьбы только одного: чтобы любимый мной человѣкъ не исключалъ меня изъ своей жизни. Пусть бы онъ не платилъ мнѣ взаимностью, я бы не чувствовала себя несчастной, лишь бы я могла быть ему другомъ, помощницей, повѣренной, слугой... Что бы ни дала мнѣ моя любовь—радость или страданіе, все было бы мнѣ одинаково дорого, и не было бы жертвы, не было бы подвига, на которые я не пошла бы съ радостью и благодарностью. Требовала бы я только одного—искренности,—искренности безъ состраданія, безъ пощады, потому что ничто такъ не утомляетъ, какъ состраданіе безъ любви,—ничто такъ не озлобляетъ, какъ нераздѣленное чувство, которое надо щадить.

Она говорила и глядѣла на него своими выразительными, восторженными глазами, а онъ не умѣлъ отвѣтить, и оба выдавали свою тайну: она—что все сказанное относилось только къ нему; онъ—что принималъ ея слова на свой счетъ.

Въ теченіе той же зимы Семенъ Александровичъ встрѣтился съ Зиной и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ женился на ней. Катя уѣхала почти на цѣлый годъ за границу, а когда вернулась,—сейчасъ же пришла къ Агринцевымъ, и казалась такой веселой и оживленной, что у Анны Николаевны возникли тревожныя опасенія. Она даже улучила минутку и спросила ее:

— Ну, что, Катя? Не собираешься опять замужъ?

Молодая женщина весело разсмѣялась.

— Мнѣ мужчины нравятся только въ Россіи,—сказала она.—Ну, вѣрите ли, что еслибы я принуждена была всегда жить за границей, я бы не задумалась дать обѣтъ монашества.

Она очень быстро сошлась съ Зиной и, казалось, искренно полюбила ее. Она баловала ее, какъ ребенка: дарила ей цвѣты, конфекты, передѣлывала ея шляпы и увѣряла, что ей доставляетъ большое удовольствіе причесывать ея волосы.

— Такіе мягонькіе, свѣтленькіе, глупые волосёнки!—нѣжно приговаривала она, укладывая ихъ на изящной, почти дѣтской головкѣ своей новой подруги.

Digitized by Google

— Вотъ, еслибы мнѣ такіе волосы, какъ у тебя!—вздыхала Зина.

— Голубчикъ! это—обуза!—восклицала Катя. —Это грубо, некрасиво!..

И, захвативъ въ руку свою густую, тяжелую косу, она съ досадой закидывала ее за плечо.

— Я не могу сдѣлать ни одной прически, а ходить съ косой въ мои годы—смѣшно!

Иногда обѣ молодыя женщины шептались о чемъ-то, и тогда у Зины всегда было очень серьезное, многозначительное лицо. Семена Александровича чрезвычайно интересовали эти тайныя бесѣды, но сколько онъ ни допытывалъ жену, она всегда отвѣчала уклончиво и неохотно.

— Ну, что же особеннаго? — говорила она. — Толкуемъ о разномъ. О насъ, о тебѣ. Бѣдная Катя! — со вздохомъ прибавляла она.

— Отчего—бѣдная? Чего ей еще надо?

Зина принимала таинственное выраженіе, отъ котораго ея маленькое, дѣтское личико становилось удивительно милымъ и смѣшнымъ.

— Вы, мужчины, не можете понять насъ, женщинъ, какъ мы понимаемъ другъ друга!

Семенъ Александровичъ приходилъ въ восторгъ и, внезапно охвативъ жену своими большими, сильными руками, поднималъ ее на воздухъ, какъ перышко.

— Какая опытная, какая умная, какая проницательная женщина!—восклицалъ онъ.

Но онъ самъ видѣлъ, что Катя становилась все болѣе нервной и неровной. Она не то скучала, не то тосковала о чемъ-то. Иногда она пропадала на цѣлыя недѣли, и потомъ разсказывала, что ѣздила въ Москву, въ Кіевъ или Одессу. Наконецъ, она объявила, что опять уѣзжаетъ за границу, не писала ни разу за все время отлучки, и появилась снова только теперь, когда Зина уже лежала въ гробу.

— Любила она ее? или любила только меня?—спрашивалъ себя теперь Семенъ Александровичъ; и онъ старался уяснить себѣ то, что она должна была чувствовать въ настоящую минуту. Что заставляло ее такъ безутѣшно рыдать надъ гробомъ женщины, которая отняла у нея ея счастье? Онъ старался понять ея душевное состояніе—и не могъ.

Digitized by Google

То же безмѣрное чувство ужаса охватило Семена Александровича еще разъ послѣ того, какъ отпѣваніе въ церкви было кончено и священникъ обратился къ присутствующимъ съ предложеніемъ проститься съ покойной.

— Подойдите проститься!—сказалъ онъ.

Агринцевъ, который опять думалъ о чемъ-то постороннемъ и безсвязномъ, машинально двинулся вслѣдъ за Анной Николаевной, помогъ ей войти на возвышеніе, на которомъ стоялъ гробъ. Но когда она отстранилась, и онъ вдругъ увидалъ на атласной подушкѣ какъ будто незнакомое ему желтое личико съ подвязанной нижней челюстью и съ странными темными пятнами около носа, онъ съ ужасомъ отшатнулся назадъ.

— Руку...—шепнулъ ему кто-то.—Руку!

Онъ безсознательно повиновался. Весь содрогаясь отъ ужаса, коснулся онъ губами закоченѣвшей, жесткой ручки, и въ эту минуту онъ не чувствовалъ ни горя, ни сожалѣнія, не чувствовалъ никакой связи съ этимъ жалкимъ, отжившимъ тѣломъ, которое должны были опустить и зарыть въ землю.

Когда онъ вернулся домой, въ гостиной все было прибрано, и комната приняла свой прежній видъ. Онъ подумалъ и о томъ, что Зина уже не больна, не страдаетъ, и о томъ, что ему больше не надо ухаживать за ней, сидѣть около нея днемъ и ночью,—и ему показалось страннымъ, что онъ свободенъ, что онъ можетъ располагать своимъ временемъ такъ, какъ захочетъ. Онъ вспомнилъ о повѣсти, которую началъ писать до ея болѣзни, и невольно сталъ припоминать написанное. Въ окно, около котораго онъ остановился, неожиданно скользнулъ лучъ солнца,—и въ комнатѣ, и на улицѣ вдругъ сдѣлалось свѣтлѣе и оживленнѣе.

— А зачѣмъ писать?—подумалъ вдругъ Семенъ Александровичъ.—Развѣ я въ силахъ передать словами хотя бы то, что я переживаю, что я чувствую самъ? Чувство такъ сложно, такъ индивидуально, а люди привыкли къ простымъ, яснымъ опредѣленіямъ. Чтобы писать, надо придерживаться извѣстной условности... И я самъ, незамѣтно для себя, придерживался ея. Отчего, напримѣръ, я никогда не замѣчалъ, что природа жестка и бездушна? Вотъ свѣтитъ солнце... Развѣ этотъ свѣтъ можетъ радовать кого-нибудь? Онъ такъ же механиченъ, какъ свѣтъ лампы или свѣчи.

Онъ прошелъ въ кабинетъ и легъ на диванъ.

— Еслибы я сталъ писать,—продолжалъ разсуждать онъ,—могъ ли бы я, попрежнему, съ спокойной совѣстью употреблять слово „душа“? Вѣрю ли я сейчасъ въ душу? Зина любила меня,

Digitized by Google

любила „мою душу"; она такъ именно выражалась. А я даже не увѣренъ въ томъ, есть ли у меня что-нибудь дѣйствительно свое. Я не увѣренъ въ томъ, что я люблю, когда я люблю; что я страдаю, когда я страдаю. Я долженъ наблюдать за собой, я долженъ скрывать свои мысли, чтобы не оскорбить памяти жены. Памяти жены! Зины! А я думалъ, что я живу только ею, только для нея!

Весь день онъ лежалъ и думалъ. Онъ слышалъ, какъ пришла Катя, и зналъ, что она долго сидѣла у Анны Николаевны. Чьи-то осторожные шаги приближались къ его кабинету и останавливались у двери. Кто-то хотѣлъ и не рѣшался войти. Когда начало смеркаться, Агринцевъ всталъ и зажегъ лампу. Въ верхней квартирѣ, надъ потолкомъ, кто-то съ увлеченіемъ заигралъ модный вальсъ. И вдругъ передъ глазами Семена Александровича отчетливо, снова ясно выступило мертвое, желтое, незнакомое личико, съ отвисшей челюстью и темными пятнами у носа. Онъ зажалъ уши и бросился ничкомъ на подушку дивана.

У Агринцева былъ пріятель, докторъ Рачаевъ. Анна Николаевна и Зина не любили его. Причины этого нерасположенія были слѣдующія: какъ-то, за вечернимъ чаемъ, Анна Николаевна обратилась къ Рачаеву и сказала:

— Сеня не разсказывалъ вамъ? Какой успѣхъ!

Докторъ удивленно поглядѣлъ на нее.

— Ничего не знаю. Вы это про что?

— Да про его послѣднюю книгу. Вообразите,—расхватали. А отзывы!..

Рачаевъ презрительно пожалъ плечами.

— Дураковъ много,—вотъ и расхватали. Умный человѣкъ, дѣльный человѣкъ за такой книгой не погонится.

Анна Николаевна заволновалась, а Зина вспыхнула и сердито поглядѣла на гостя.

— Въ первый разъ слышу!—обиженно возразила Анна Николаевна.—Кого же читать? Чѣмъ же это Сеня глупѣе другихъ пишетъ?

— Лучше всего ничего не читать. Никого изъ этихъ праздноболтающихъ. Что отъ этого чтенія польза какая, что-ли? Ну, прочли вы, какъ Палашка съ Ивашкой полюбились,—прибыло вамъ отъ этого?

Семенъ Александровичъ хохоталъ.

— Ну, взгляды!—вскрикнула старушка и даже руками развела.—Не въ Ивашкѣ съ Палашкой дѣло...

— Да знаю, что вы скажете, знаю...—перебилъ ее докторъ.

Digitized by Google

—А, все-таки, по моему, такому большому мужчинѣ такими глупостями заниматься стыдно. Вѣдь онъ и всѣ подобные ему какъ пишутъ?—нервами пишутъ. А смыслъ написаннаго предоставляютъ разгадывать публикѣ или болѣе или менѣе расположеннымъ критикамъ. Выходитъ нѣчто въ родѣ толкованія сновъ. Этотъ, вамъ-то, ласковый,—ну, и къ нему ласковы; только, знаете, еслибы онъ самъ всѣ эти свои романы продѣлывалъ, я бы это скорѣе понялъ и одобрилъ.

Зина сердито двинула стуломъ и вышла, а докторъ задумчиво поглядѣлъ ей вслѣдъ.

Другой случай окончательно возстановилъ Анну Николаевну противъ пріятеля ея сына. Вѣра простудилась и прихворнула. Ее лечили, но она осталась блѣдной, вялой и нервничала больше обыкновеннаго. Пришелъ Рачаевъ.

— Вотъ,—сказала Анна Николаевна, опять за чаемъ, когда всѣ были въ сборѣ: —посмотрите, Василій Гавриловичъ, на что похожа моя Вѣра! Не знаю теперь, къ кому и обратиться.

— Зачѣмъ?—спросилъ Рачаевъ.

— Какъ зачѣмъ? Я ужъ возила ее къ разнымъ... И никто ничего. Никакой пользы.

— Очень понятно!—спокойно замѣтилъ докторъ.—Всѣ они—люди женатые.

— При чемъ тутъ женитьба?—строго спросила Агринцева, уже предчувствуя что-то недоброе.

Рачаевъ нисколько не смутился.

— Она больна, потому что ей замужъ пора,—объяснилъ онъ, —а вы обращаетесь къ докторамъ, да еще къ старымъ и женатымъ.

Вѣра вспыхнула, а мать разсердилась.

— Вы всегда съ глупостями!—сказала она.

— Вотъ ужъ ничуть! — убѣжденно и серьезно заговорилъ Василій Гавриловичъ.—Природа не можетъ быть глупой, а это одинъ изъ ея законовъ. Люди насочинили своихъ законовъ и требуютъ, чтобы по нимъ шла жизнь. Природа—штука поважнѣе, и считаться съ ней приходится поневолѣ.

Позже, когда Рачаевъ выходилъ въ гостиную или столовую, Анна Николаевна обращалась съ нимъ любезно, но уже ни въ какіе разговоры не вступала. Стараясь оправдаться передъ сыномъ, она говорила:

— Не умѣю разговаривать съ нимъ, другъ мой. Вѣроятно, онъ слишкомъ уменъ для меня. Какъ-то я просила Вѣрочку

Digitized by Google

сыграть для него, знаешь, эту ея новую сонату, а онъ спросилъ, почему я думаю, что онъ любитъ такого рода шумъ?

На первый взглядъ дружба Рачаева съ Агринцевымъ могла показаться странной. Докторъ искренно презиралъ литературное призваніе Семена Александровича и даже, отчасти, его самого; Агринцевъ часто возмущался реалистическими взглядами Василія Гавриловича, но ихъ тянуло другъ къ другу, и они оба скучали, когда имъ подолгу не приходилось видѣться. Когда Рачаевъ приходилъ къ Агринцеву, онъ шелъ прямо къ нему въ кабинетъ, не здороваясь, садился на опредѣленное кресло и морщился отъ табачнаго дыма, который волнами наполнялъ комнату.

— Строчишь?—спрашивалъ онъ.

Семенъ Александровичъ звонилъ и требовалъ краснаго вина. Докторъ пилъ его стаканами, и эта привычка особенно не нравилась Аннѣ Николаевнѣ, которая всегда удивлялась, отчего онъ не пьянѣетъ? Агринцевъ продолжалъ писать, а Рачаевъ съ любопытствомъ глядѣлъ ему въ лицо и прихлебывалъ изъ стакана.

— А вѣдь ты ненормаленъ!—иногда замѣчалъ онъ.

— Изъ чего ты это заключаешь?

— Не можетъ человѣкъ такъ исключительно работать воображеніемъ и сохранять полное равновѣсіе.

— И на этотъ разъ ты, пожалуй, правъ,—признавался Агринцевъ и откладывалъ работу.—Ты знаешь, мнѣ иногда представляется, чтя я „выдумалъ“ самого себя. Все выдумалъ: и свои чувства, и свои отношенія къ людямъ и поступкамъ. Да, я сочинилъ самого себя, и только гдѣ-то глубоко, внутри, сидитъ во мнѣ спокойный, холодный наблюдатель; сидитъ и смотритъ... Я люблю жизнь! Но для меня жизнь сливается съ вымысломъ, вымыселъ съ жизнью. Это—кругъ, исхода нѣтъ. Помнишь, въ циркѣ выбѣгаютъ клоуны и начинаютъ сбрасывать одну одежду за другой. Каждый разъ получается что-то новое и неожиданное. Это я. Я ношу на себѣ всѣ эти костюмы и покровы, и рѣшительно не могу себѣ представить, что бы осталось, еслибы я захотѣлъ сбросить ихъ съ себя.

— Осталось бы животное,—вдумчиво замѣчалъ докторъ.

Агринцевъ морщился и махалъ рукой.

Иногда завязывался слѣдующій разговоръ.

— Деньги у тебя есть?—спрашивалъ Рачаевъ.

Агринцевъ доставалъ бумажникъ и выбрасывалъ содержимое на столъ.

— Эхъ, ты! строчила! — презрительно замѣчалъ Василій Гавриловичъ, но, все-таки, протягивалъ руку.

Digitized by Google

Агринцевъ возмущался.

— А ты? эскулапъ!

Докторъ задумывался и долго глядѣлъ на пріятеля молча и задумчиво.

— Неправильно!—наконецъ заявлялъ онъ. — Параллель не вѣрна. Твой трудъ можно оцѣнить только кредитками, мой—результатами.

Семенъ Александровичъ пожималъ плечами.

— Результатами!—насмѣшливо повторялъ онъ.—А зачѣмъ ты отказываешься отъ практики, когда она сама лѣзетъ тебѣ въ руки? Это глупо.

— Ты отчего самъ не пишешь по кухнямъ письма къ родственникамъ, или не сочиняешь прошеній по гривеннику за штуку?

— Но что тутъ общаго?

— Много. Чѣмъ же письма къ родственникамъ—не литература? Во всякомъ случаѣ писаніе писемъ имѣетъ большее отношеніе къ литературѣ, чѣмъ леченіе нервныхъ праздныхъ бабъ—къ медицинѣ. Наконецъ, иное письмо или прошеніе—куда нужнѣе иного докторскаго визита. Ты не пожелаешь тратить свой талантъ на письма—я не хочу терять время на практику. И это именно оттого, что я не глупъ и цѣну себѣ знаю.

И не теряя времени на практику, докторъ приглашалъ въ свою болѣе чѣмъ скромную пріемную цѣлую толпу всякой бѣдноты и возился съ ними безвозмездно.

Агринцевъ какъ-то засталъ его во время такого пріема.

— Благодѣтельствуешь?—слегка иронизируя, чтобы подразнить доктора, спросилъ онъ.

— Да ничуть!—разсердился тотъ.—Это та же наука. Я бы разсказалъ тебѣ, какіе здѣсь экземплярчики любопытные попадаются. Я бы самъ заплатилъ! А если какой и попроще проскользнетъ, такъ Богъ съ нимъ! отъ меня не убудетъ.

Агринцевъ уважалъ Рачаева за его несомнѣнную талантливость, а его откровенность и искренность забавляли его и успокоительно дѣйствовали на его нервы.

Онъ даже слегка обрадовался, когда, вскорѣ послѣ похоронъ Зины, докторъ вошелъ въ его кабинетъ и, по обыкновенію не здороваясь, сѣлъ противъ него на кресло.

— Я зашелъ предложить тебѣ одну комбинацію, — заговорилъ онъ.—Я ѣду на нѣсколько дней въ Крымъ; везу одну больную, которая не рѣшается пуститься въ путь безъ меня. Я пошелъ на это условіе, потому что я могу попутно устроить одно

Digitized by Google

дѣло... подковать одного богатаго купчину, который обѣщалъ солидный кушъ въ пользу санаторіи, въ случаѣ если его сынокъ поправится въ Крыму. Словомъ, безразлично, зачѣмъ бы я ни ѣхалъ, но я хочу, чтобы ты ѣхалъ со мной.

— Зачѣмъ это нужно?—спросилъ Агринцевъ.

— Тебѣ это будетъ полезно. О деньгахъ не безпокойся. На этотъ разъ онѣ у меня есть.

— Нѣтъ, я не поѣду! — рѣшительно сказалъ Семенъ Александровичъ.—И я откровенно скажу тебѣ, Василій Гавриловичъ... Тебя это удивитъ, возмутитъ, можетъ быть... Но я тебѣ откровенно скажу: меня очень тяготятъ заботы о моей особѣ. Мать, Вѣра, Екатерина Петровна — всѣ заботятся, тревожатся, ходятъ около меня на цыпочкахъ, подслушиваютъ у моихъ дверей. Всѣ вы думаете, что я убитъ горемъ, что я несчастливъ свыше мѣры, и еслибы я сталъ возражать, меня бы сочли за помѣшаннаго или за лгуна. Но пойми хотя ты, что я не нуждаюсь ни въ чьемъ уходѣ, что мнѣ стыдно... стыдно за себя...

Онъ вскочилъ и началъ ходить по комнатѣ.

— Видишь ли ты, — продолжалъ онъ: — я лежу здѣсь уже нѣсколько дней, лежу и думаю. Сперва я удивлялся своему спокойствію, своему равнодушію... Я обвинялъ себя въ безсердечіи, въ томъ, что я никогда не любилъ жену... Теперь я начинаю смутно понимать правду. Я могъ бы, понимаешь ли, я могъ бы чувствовать себя несчастнымъ въ той мѣрѣ, въ какой вы всѣ, окружающіе, считаете это нужнымъ въ моемъ положеніи, но мой анализъ еще сильнѣе моего воображенія, моихъ нервовъ. Анализъ—это сознаніе. Я не могу слышать пѣнія, музыки, я ужасаюсь, когда представляю себѣ мертвое лицо Зины, я слышу ея голосъ по ночамъ. Другому этого было бы совершенно достаточно, чтобы вообразить себя глубоко огорченнымъ. Я сознаю въ этихъ ощущеніяхъ только внѣшнія проявленія нервной системы, и я прихожу къ заключенію, что настоящаго, душевнаго горя— у меня нѣтъ! Отчего нѣтъ? существуетъ ли оно вообще? Существуютъ ли вообще тѣ высокія понятія, которыя мы такъ звонко опредѣляемъ словами: душа, любовь, правда? Есть ли въ насъ, кромѣ физической жизни, та духовная жизнь, о которой мы такъ много толкуемъ?

Рачаевъ долго молчалъ.

— Я не понимаю, чего ты требуешь? — наконецъ сказалъ онъ. — Если у кошки отнимутъ котятъ и забросятъ ихъ, она долго ищетъ ихъ и выражаетъ свою тоску мяуканьемъ. У кошки

Digitized by Google

это состояніе называется инстинктомъ, у человѣка—горемъ. Если ты самъ признаешь, что у тебя сильно разстроены нервы, надо лечить ихъ, а лучше всего предпринять путешествіе.

— Какъ это все просто!—съ горечью воскликнулъ Агринцевъ.—Ты уперся на своей чисто-матеріальной точкѣ зрѣнія и не хочешь видѣть ничего дальше. А я, — прибавилъ онъ и вдругъ остановился среди комнаты и провелъ рукой по глазамъ; —я... мнѣ кажется, что я долго былъ слѣпъ, и вотъ глаза мои открываются, и я начинаю различать все такое странное и необычное...

Онъ стоялъ неподвижно и глядѣлъ передъ собой остановившимся, расширеннымъ взглядомъ.

— Такъ ѣдемъ, что-ли?—спросилъ докторъ.

Агринцевъ слабо усмѣхнулся и покачалъ головой.

— Нѣтъ, оставь меня!—тихо сказалъ онъ.—И знай, я жалѣю, что сказалъ тебѣ то, что сказалъ.

Ночью Агринцевъ вскочилъ въ внезапной тревогѣ. Онъ опять ясно слышалъ голосъ Зины. Она звала его жалобно и протяжно. Опомнившись и сообразивъ, что идти ему некуда, Семенъ Александровичъ улегся вновь, попробовалъ уснуть, но спать уже не могъ. Онъ представлялъ себѣ жену: хрупкую, нѣжную, боязливую, какой она была при жизни, и мучительная жалость сжимала его сердце при мысли, что она лежитъ теперь на кладбищѣ, въ темной, сырой могилѣ.

— Но она не чувствуетъ ничего!—утѣшалъ онъ себя.— Она не страдаетъ, не боится.

Въ квартирѣ всѣ спали, и въ безмолвной тишинѣ ему еще чудился звукъ замершаго зова, робкая, таинственная жалоба, чего не могло быть. Независимо отъ его воли, картина послѣдней ночи всплыла въ его воображеніи. Онъ увидалъ спальную въ тускломъ освѣщеніи лампы, загороженной нотной тетрадью, кровать Зины и ее самоё, полусидящую, съ искаженнымъ отъ физической муки лицомъ, съ прядями спутанныхъ волосъ на лбу и у праваго уха. Глаза ея глядѣли безсмысленно, почти дико.

— А который часъ?—услыхалъ онъ ея прерывающійся, странный голосъ.

— Первый, Зина,—отвѣтилъ онъ.

И вдругъ она стала просить:

— Пустите меня! пустите!

— Куда, Зина? зачѣмъ? Останься съ нами, родная! любимая!

Вѣра сидѣла въ углу, у окна, и судорожно ломала руки;

Digitized by Google

мать хлопотала съ какими-то компрессами, а по лицу ея безостановочно скатывались крупныя слезы.

— О, скорѣй, скорѣй!..—стонала больная.

Семенъ Александровичъ вспоминалъ этотъ стонъ, но ему казалось, что онъ слышитъ его вновь, и вдругъ, въ темнотѣ, онъ ощутилъ чье-то таинственное присутствіе, близость невѣдомаго, безплотнаго существа. Онъ вскочилъ, одѣлся наскоро и со свѣчой въ рукахъ поспѣшно прошелъ въ комнату Анны Николаевны.

— Дай мнѣ валерьяны!—попросилъ онъ, стараясь улыбаться.—Прости, мама, что я потревожилъ тебя! Меня разстроилъ сонъ... сонъ...

Она встала, съ испуганнымъ лицомъ стала искать лекарство, отсчитывать капли, а онъ сидѣлъ на ея кровати, слѣдилъ за ея движеніями и молчалъ.

Мать подала ему рюмку и заботливо заглянула ему въ глаза. Ея сѣдые волосы немного растрепались; на ночь она вынимала вставную челюсть, что сильно мѣняло ея лицо, и въ такомъ видѣ она казалась совсѣмъ старухой, и чѣмъ больше сынъ вглядывался въ нее, тѣмъ меньше узнавалъ ее. Онъ опять видѣлъ только разрушеніе, безпощадную работу времени, приближеніе той смерти, которая изъ близкаго, родного существа оставляетъ людямъ жалкіе бренные останки, годные только на то, чтобы ихъ опустить и зарыть въ землю. Отъ человѣка, отъ друга, отъ любимаго духовнаго существа—смерть оставляла только воспоминаніе и физическій ужасъ при мысли о возможности дальнѣйшаго общенія съ нимъ.

„Возможно ли это общеніе? — думалъ Агринцевъ. — Хочу ли я его? Кто знаетъ! быть можетъ, мои разстроенные, натянутые нервы, нарушая равновѣсіе моей растительной жизни, дали бы мнѣ возможность проникнуть въ иной, невѣдомый мнѣ, духовный міръ... А я спѣшу устранить эту возможность. Я испугался, я малодушно отказываюсь отъ откровенія“...

— Поди, лягъ! лягъ!—просила Анна Николаевна, испуганная его нервной дрожью.

Онъ спряталъ свое лицо въ ея подушку.

„Все равно, у меня не хватило бы силъ“...—думалъ онъ дальше.—„И если есть этотъ иной міръ, если я оттолкнулъ „ея“ душу, если я отвернулся отъ нея—пусть она проститъ мнѣ! Я иначе не могу“!

Какъ-то вечеромъ Агринцевъ рѣшилъ пойти къ Екатеринѣ

Digitized by Google

Петровнѣ. Она была дома, и когда онъ вошелъ къ ней, по-прежнему, безъ доклада, она слабо вскрикнула и уронила книгу, которую держала въ рукахъ.

— Вы?.. вы?..—говорила она, волнуясь и задыхаясь.—О, еслибы знали, какъ я вамъ благодарна! какъ я рада...

— Катя!—удивленно сказалъ Агринцевъ:—развѣ вы не ожидали, что я приду къ вамъ когда-нибудь? развѣ мы не были друзьями?

Она закрыла лицо и заплакала.

— Это я отъ радости!—оправдывалась она.—Еслибы вы знали, Сеня, какое у меня было ужасное чувство! Я избѣгала васъ, я не смѣла войти къ вамъ, когда бывала у вашихъ. Мнѣ казалось, что я безмѣрно виновата передъ вами. Виновата тѣмъ, что я живу... И жить-то мнѣ незачѣмъ, а вотъ живу же!...

— Катя! Катя!—съ ласковымъ упрекомъ успокаивалъ онъ ее.

— А вотъ вы сами пришли,—продолжала она и засмѣялась сквозь слезы.—И точно вы мнѣ дали этимъ право—жить.

Она глядѣла на него влажными, преданными, счастливыми глазами и смущенно теребила въ рукахъ носовой платокъ.

— Хотите фіалокъ?.. засахаренныхъ?—предложила Катя:—вы любили ихъ, и я привезла ихъ для васъ изъ Ниццы.

Агринцевъ сѣлъ на диванѣ, на своемъ обычномъ мѣстѣ, а Катя, уже успокоившаяся, сіяющая, безшумно и неторопливо двигалась по комнатѣ, подложила ему за спину подушку, перемѣстила лампу, и приготовила чай такъ, какъ онъ любилъ.

— Какъ вы добры, Катя!—замѣтилъ онъ, чувствуя, что въ первый разъ за долгое время у него стало тихо, тепло на душѣ.

— Добра?—удивилась она.—Но что же я сдѣлала? А я сдѣлала бы многое отъ радости быть немножко нужной, немножко полезной вамъ!—прибавила она съ печальной улыбкой.

Она сѣла рядомъ съ нимъ и, не нарушая его молчаливаго настроенія, говорила о своихъ путешествіяхъ, о томъ, что ей пришлось видѣть и слышать. Разсказывая, она играла кистью подушки, а онъ слѣдилъ за ея бѣлой, полной рукой съ сверкающими кольцами на пальцахъ, вглядывался въ ея красивое, немного чувственное, молодое лицо, и онъ невольно думалъ о томъ, что она любитъ его, что она искала забвенія и утѣшенія и не нашла; что его власть надъ ней еще полнѣе, еще могущественнѣе, чѣмъ была раньше.

Когда онъ вернулся домой и отперъ дверь своей квартиры ключомъ, который всегда носилъ съ собой, онъ услыхалъ звуки рояля. Играла Вѣра,—играла въ первый разъ послѣ смерти

Digitized by Google

Зины. Она любила музыку и часто фантазировала часами, сидя въ неосвѣщенной, темной гостиной. Она мечтала звуками, и въ ея игрѣ было много душевной мягкости и тихой, покорной грусти.

Незамѣченный никѣмъ, Агринцевъ прошелъ въ кабинетъ, зажегъ свѣчи на столѣ и сталъ ходить по комнатѣ. Пріятная нѣга, охватившая его въ будуарѣ Кати, уже разсѣялась. Его собственная комната, видъ всѣхъ знакомыхъ предметовъ, которые теперь окружали его, напомнили ему дѣйствительность: настроеніе послѣднихъ дней, таинственныя откровенія ночи, тяжелую и еще неясную работу его мысли, все, что угнетало и мучило его. Даже воздухъ, которымъ онъ дышалъ здѣсь, казался ему пропитаннымъ тоской и сомнѣніями.

Осторожно и медленно ступалъ онъ по ковру, прислушиваясь къ музыкальной импровизаціи Вѣры, и вдругъ неожиданная мысль осѣнила его: онъ понялъ то, что преслѣдовало его, какъ неразрѣшенная загадка, нашелъ слово, которое, какъ въ фокусѣ, соединяло въ себѣ разрѣшеніе всѣхъ захватившихъ его вопросовъ.

— Обманъ!—сказалъ онъ вслухъ и остановился. Теперь для него какъ бы все стало ясно.—Жизнь, люди, весь міръ—все дышетъ обманомъ, черпаетъ въ немъ силу, утоляетъ духовную жажду. Человѣкъ, этотъ „вѣнецъ природы“, думаетъ, что можетъ жить жизнью духовной, но жизнь духа въ немъ настолько слаба, что духовное онъ ищетъ въ земномъ, и постоянно обманываетъ себя. Жизнь—такая, какъ она есть на самомъ дѣлѣ, жизнь безъ прикрасъ—для человѣка невыносима, и вотъ природа сама приходитъ ему на помощь, и его жизненный инстинктъ заставляетъ его уклоняться отъ безпощаднаго, холоднаго свѣта истины и искать спасенія въ искусственной слѣпотѣ.

— Обманъ!—повторилъ Агринцевъ, невольно поддаваясь обаянію тоскующихъ звуковъ рояля.—Жизнь безпощадна и бездушна, какъ палачъ, а мы украшаемъ ее чувствами, которыхъ нѣтъ; искусствами, которые лгутъ намъ, раздражая наши нервы. Молитвенный экстазъ, съ горящими свѣчами, съ таинственными сводами храмовъ, съ художественными звуками церковнаго пѣнія —вотъ наша вѣра! Страстный призывъ земныхъ наслажденій— вотъ наша любовь! Здоровое тѣло и крѣпкіе нервы—вотъ наше благополучіе. Нервный подъемъ принимается людьми за возвышенный духовный порывъ, и имъ не приходитъ въ голову, почему эта безсмертная душа такъ быстро утомляется, такъ скоро теряетъ жгучесть своихъ запросовъ?

Digitized by Google

Жизнь безпощадна и бездушна, а человѣкъ, обреченный жить только для того, чтобы умереть, баюкаетъ себя сказками и мечтами, забавляется побрякушками лишь бы не видѣть правды, не знать ея, не думать о ней.

Агринцевъ открылъ дверь, прошелъ черезъ темную гостиную и положилъ руку на плечо сестрѣ. Она испуганно вскрикнула, и звуки рояля оборвались фальшивымъ аккордомъ.

— Прости! я испугалъ тебя!—спохватился Семенъ Александровичъ.

Вѣра глубоко вздохнула и вдругъ поспѣшно встала и закрыла крышку инструмента.

— Когда ты вернулся?—тревожно спросила она.—Я не знала, что ты дома, Сеня. Я не стала бы играть.

Братъ обнялъ ее за плечи и сталъ ходить съ ней по темной комнатѣ, едва освѣщенной изъ сосѣдняго кабинета.

— Вѣра!—заговорилъ онъ.—Случалось ли тебѣ въ оперѣ или въ концертѣ испытать такое чувство, какъ будто вся жизнь становится прекрасной? Какъ будто самое глубокое страданіе можетъ быть наслажденіемъ... Какъ будто отъ избытка силы хочется умереть...

— Да, да... Ахъ, да!—отвѣтила дѣвушка.

— Это хорошо, не правда ли?—спросилъ Агринцевъ.—А что ты чувствуешь, когда играешь одна, вотъ какъ теперь? Ты еще такъ молода, Вѣра, и я удивляюсь, отчего ты выбираешь такіе грустные, тоскующіе мотивы? Я сколько разъ удивлялся этому, еще раньше. Звуки подъ твоими руками жалуются и плачутъ, а потомъ... ты опять весела, смѣешься, шутишь. Передъ кѣмъ ты притворяешься, Вѣра,—передъ собой, или передъ нами?

Она робко засмѣялась и отвѣтила не сразу.

— Это трудно объяснить, Сеня,—наконецъ сказала она.—Я совсѣмъ не притворяюсь. Я люблю грустную музыку и... веселую жизнь.

— Но можно ли любить грусть, Вѣра?—допытывался Семенъ Александровичъ.—Любить грусть, это значитъ—желать быть несчастной?

Дѣвушка опять задумалась.

— А вотъ я тебѣ объясню,—спокойно предложилъ братъ.—Музыка и вообще искусства даютъ настроенія, которыхъ въ жизни нѣтъ. Люди хотѣли бы, чтобы они были, и выдумали ихъ. А когда они уже были выдуманы, люди стали увѣрять себя, что они существуютъ, тосковать объ нихъ и искусственно прививать ихъ къ жизни. Вотъ почему ты любишь грусть только въ му-

Digitized by Google

зыкѣ, Вѣра; вотъ почему мы упиваемся страданіемъ въ аріяхъ и стихахъ и боимся ихъ въ дѣйствительности.

Нѣкоторое время они ходили молча.

— А мы,—вдругъ громко сказалъ Семенъ Александровичъ,—давай, не поддадимся обману! Будемъ смѣлы и тверды. Взглянемъ этой жизни прямо въ ея бездушные, холодные глаза. Развѣ это уже такъ страшно, Вѣра? Вѣдь все равно: ни счастья, ни красоты, ни даже горя—ничего нѣтъ на землѣ! Такъ неужели же дорожить иллюзіей, когда знаешь, что это—только иллюзія? Неужели поддаваться обману, когда поймешь, что это обманъ?

Вѣра съ испугомъ отшатнулась отъ брата.

— Сеня!—прошептала она:—ты такъ говоришь, потому что ты несчастливъ. У тебя такое горе, а ты... ты утверждаешь, что его нѣтъ, не существуетъ на землѣ!..

Агринцевъ точно пробудился отъ ея возгласа и съ растерянным, виноватымъ выраженіемъ притянулъ ее къ себѣ и внимательно заглянулъ ей въ лицо.

— Не бойся, Вѣра!—мягко сказалъ онъ.—Я сказалъ то, что думалъ, но я еще самъ не убѣжденъ въ томъ, что я правъ. Не стѣсняйся играть при мнѣ столько, сколько хочешь... Я буду слушать тебя, и, можетъ быть, я самъ опять повѣрю обману.

Агринцевъ сталъ часто ходить къ Екатеринѣ Петровнѣ. Она одна умѣла развлечь его и устроить такъ, что онъ начиналъ чувствовать себя спокойно и хорошо. Анна Николаевна и Вѣра раздражали его своей заботливостью, своей постоянной тревогой за него. Онѣ убрали съ его стола и со стѣны гостиной портреты Зины, но зато онъ каждый день находилъ въ своей комнатѣ вынутыя просфоры. Это мать или старая нянька Зины приносили ихъ отъ ранней обѣдни. Онъ встрѣчалъ иногда эту няньку въ коридорѣ, и она скользила мимо него, исхудалая, вся въ черномъ, и только благоговѣйно цѣловала его въ плечо. Говорить съ нимъ, онъ зналъ, ей было запрещено. Анна Николаевна приходила къ нему въ кабинетъ, садилась на диванъ и слѣдила за нимъ такимъ взглядомъ, отъ котораго ему становилось больно. Катя чутко угадывала его настроеніе, и если не понимала его, то все-таки вела себя такъ, какъ будто оно было ей понятно. Какъ-то она предложила почитать ему вслухъ. Онъ согласился; но когда она уже прочла нѣсколько страницъ романа, онъ вскочилъ съ своего мѣста и взволнованно забѣгалъ по комнатѣ.

Digitized by Google

— Что вы мнѣ читаете?—вскрикнулъ онъ.—Я знаю, я понимаю, кто это писалъ.

Она нашла подпись и прочитала имя автора.

— Нѣтъ!—возбужденно повторялъ онъ:—мнѣ все равно, какъ его зовутъ; я знаю только, что онъ не имѣетъ права писать, потому что онъ такой же слѣпецъ, какимъ я былъ годъ тому назадъ. Все тѣ же условности, тѣ же готовыя, истасканныя положенія, какъ будто книга пишется не для живыхъ людей, а для тѣхъ же героевъ романа. Скажите мнѣ, къ чему эта ложь? Я не вѣрю, что существуетъ хотя бы одинъ человѣкъ, который не испытывалъ бы мучительную противурѣчивость, сложность чувства, а тѣ люди, которые призваны разбираться въ этихъ чувствахъ, уяснить ихъ,—они, напротивъ, упростили ихъ, отвели имъ надлежащія мѣста, надлежащіе заголовки. Здѣсь—любовь, здѣсь—ненависть, здѣсь—горе, здѣсь—развратъ. И все ясно и просто. Какъ будто всѣ знаютъ, что такое любовь, и горе, и ненависть... Какъ будто всѣ должны чувствовать по шаблону,—а если не чувствуютъ такъ, то должны стыдиться и скрывать. Ахъ, Катя! Еслибы люди меньше скрывали и меньше стыдились,—развѣ было бы такое одиночество? такой холодъ? такая пустота?

Катя закрыла книгу и откинулась на спинку кресла.

— А вотъ я чувствую такъ, какъ пишутъ въ романахъ,—сказала она.

— Нѣтъ!—горячо возразилъ онъ:—нѣтъ! вамъ это только такъ кажется! вы этого только хотите! Вамъ нравится форма, вы свыклись съ шаблономъ и не откровенны даже сами съ собой. То, что коробитъ васъ въ вашемъ чувствѣ, то, что противорѣчитъ ему — вы усердно упрятываете въ самый тайникъ вашей души и—вы спокойны. Все въ порядкѣ. А когда запрятанное все-таки пробивается наружу, ростетъ, крѣпнетъ,—вы убѣждаете себя, что чувство ваше измѣнилось, обманываете себя еще разъ—и опять вѣрны шаблону. Опять все ясно и просто. И опять ложь, опять скрытность и одиночество.

Онъ вспомнилъ о матери, о томъ, что онъ „не могъ бы“ признаться ей въ своемъ отношеніи къ смерти жены; онъ вспомнилъ, какъ съ каждымъ днемъ онъ все больше и больше отстраняется отъ нея, и тяжелое чувство горечи и жалости мучительной болью отразилось на его лицѣ.

Одинъ разъ, когда онъ только-что пришелъ къ Екатеринѣ Петровнѣ, раздался звонокъ, и въ комнату, спокойно и увѣренно, какъ жданный гость, вошелъ Рачаевъ. Семенъ Александровичъ

Digitized by Google

не зналъ, что докторъ бываетъ у Кати, и его появленіе удивило его. Онъ замѣтилъ, что молодая женщина слишкомъ порывисто поднялась къ нему на встрѣчу, а когда она заговорила съ нимъ, въ ея голосѣ слышалось возбужденіе и торопливость. Василій Гавриловичъ нѣсколько разъ поцѣловалъ руку Кати, а потомъ подошелъ къ Агринцеву и снисходительно потрепалъ его по плечу.

— А ты молодцомъ,—замѣтилъ онъ.—Я боялся, что ты раскиснешь и окажешься совсѣмъ дрянью. Я не ожидалъ видѣть тебя здѣсь.

— Это я не ожидалъ!—сказалъ Агринцевъ съ внезапнымъ чувствомъ непріязни къ манерамъ пріятеля и ко всей его плотной, красивой фигурѣ.

Подали краснаго вина и фруктовъ. Семенъ Александровичъ понялъ, что Катя ждала Рачаева, и тогда только замѣтилъ, что вся квартира была освѣщена, портьеры у оконъ закрыты, а въ воздухѣ слышался запахъ крѣпкихъ, незнакомыхъ ему духовъ.

— Будете пить?—предложила ему Катя.

Онъ взялъ стаканъ, который она протягивала ему, поставилъ его передъ собой и съ любопытствомъ поглядѣлъ на Рачаева.

Василій Гавриловичъ разговаривалъ съ Катей. Они оба съ оживленіемъ вспоминали Крымъ, но докторъ говорилъ просто, безъ свойственныхъ ему рискованныхъ выраженій; жесты его были плавны, костюмъ безукоризненъ, волосы приглажены съ особенной тщательностью.

Семенъ Александровичъ почувствовалъ себя какъ-то неловко, выпилъ на половину свой стаканъ вина и отъ нечего дѣлать опять принялся за свои наблюденія. Катя нѣсколько разъ оглядывалась на него, пододвигала къ нему вазу съ фруктами, ножичекъ или тарелку, а онъ видѣлъ, что обыкновенно блѣдныя щеки ея теперь пылали, а глаза казались темнѣе и больше. Семенъ Александровичъ всталъ и отошелъ къ окну. Чувство непріязни къ Рачаеву и даже къ самой Катѣ возростало въ немъ постепенно, и онъ уже едва могъ сдерживать себя, чтобы не выказать своей досады и нетерпѣнія. Онъ сѣлъ въ углу и не спускалъ глазъ съ бесѣдующихъ, а руки его холодѣли и сердце билось тяжелыми, неровными ударами.

Наконецъ онъ поднялся и подошелъ къ Катѣ.

— Я ухожу,—сказалъ онъ.—До свиданія.

Она вскинула на него удивленный, испуганный взглядъ.

— Отчего?—тихо спросила она.

Онъ пристально поглядѣлъ ей въ глаза и улыбнулся злой, неестественной улыбкой.

Digitized by Google

Катя, совсѣмъ смущенная, растерявшаяся, молча пожала его руку.

— Послушай, другъ!—спросилъ Рачаевъ.—Да ты здоровъ?

Агринцевъ быстро повернулся къ нему и съ той же улыбкой потрепалъ его по плечу.

— Я догадливъ, не правда ли?—сказалъ онъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ докторъ, не спуская съ него тяжелаго, почти брезгливаго взгляда:—прежде всего ты какъ будто пьянъ, а еще... ты глупъ.

Семену Александровичу хотѣлось отвѣтить ему что-нибудь очень рѣзкое и обидное, но онъ не нашелся, махнулъ рукой и быстро вышелъ въ переднюю.

Прошло нѣсколько дней. Агринцевъ лежалъ на диванѣ, курилъ и думалъ о томъ, что бы произошло, еслибы Зина могла, чудомъ, вернуться на землю. Всѣ родные и знакомые и даже онъ самъ увѣрили бы ее, что онъ сильно тосковалъ о ней и едва не сошелъ съ ума. Успокоившись и попавъ въ прежнюю колею, онъ самъ убѣдился бы въ томъ, что испыталъ большое горе, и, описывая чувства одного изъ героевъ своего романа, воскликналъ бы по прежнему: „онъ любилъ ее высшей, духовной любовью!“ или: „душа его была чиста и прозрачна, какъ хрусталь“!

Ему хотѣлось смѣяться или плакать, но дверь отворилась, вошелъ Рачаевъ и, не здороваясь, тяжело опустился въ кресло.

— Что-жъ, дурь прошла?—спросилъ онъ серьезно.

Агринцевъ молчалъ.

— Я же говорилъ тебѣ, что ты ненормаленъ,—продолжалъ докторъ.—Пойми: нельзя тебѣ обижаться, когда тебя называютъ глупымъ, потому что ты на самомъ дѣлѣ глупъ.

— Оставь свои шутки!—попросилъ Семенъ Александровичъ, удивляясь тому, что онъ искренно радъ видѣть человѣка, котораго еще недавно едва не возненавидѣлъ.

— Вотъ, кстати, замѣть, — продолжалъ Рачаевъ: — всегда много охотниковъ обращать въ шутку то, что для нихъ нелестно. Скажешь кому-нибудь искренно горькую правду, а онъ сейчасъ: „ну, что за шутки!“

— А почему я глупъ?—улыбаясь, освѣдомился Семенъ Александровичъ.

— Ты боленъ—и не хочешь лечиться.

— Ахъ, да? Я боленъ? Ну, вотъ и прекрасно!—заволновался Агринцевъ.—А я-то, болванъ, стараюсь разрѣшить какіе-

Digitized by Google

то вопросы,—мучаюсь противорѣчіями,—съ ужасомъ думаю о томъ, хватитъ ли у меня силъ освоиться съ тѣмъ новымъ освѣщеніемъ жизни, которое теперь открылось мнѣ!..

— Попросту говоря, ты хандришь,—поправилъ его докторъ.— У меня былъ паціентъ, больной аневризмомъ. О чемъ бы ни шла рѣчь, онъ непремѣнно заканчивалъ ее мрачными предсказаніями и предположеніями. „Нѣтъ, знаете ли, плохо! какъ бы не того... Плохо!“—У меня былъ знакомый, который всю жизнь безотчетно радовался чему-то и всегда повторялъ: „Все къ лучшему! все въ жизни къ лучшему! А ей Богу такъ!“

Агринцевъ нетерпѣливо мотнулъ головой.

— Правда только одна!—сказалъ онъ. — Высшее и единственное преимущество человѣка—это разумъ, и этотъ-то разумъ открылъ мнѣ глаза.

Онъ сѣлъ на диванъ и охватилъ голову руками.

— Ты не поймешь!—съ порывомъ отчаянія заговорилъ онъ.— Чтобы понять, надо перенести одинъ изъ тѣхъ ударовъ, которые разомъ обрываютъ привычную жизнь. Да! въ этой жизни, которую ведешь незамѣтно, механически, изо дня въ день, есть что-то отупляющее, гипнотизирующее. Привыкаешь къ себѣ, привыкаешь къ своимъ мыслямъ, къ своимъ ощущеніямъ. Привыкаешь —и даже уваженіе къ себѣ чувствуешь. И какъ не быть довольнымъ собой, когда и умственные, и общественные интересы, и духовные запросы—все на лицо. И вдругъ—обрывается какая-то невидимая нить, происходитъ что-то таинственное, непостижимое. Міръ остался такимъ же, какъ и былъ, но для тебя въ немъ не осталось камня на камнѣ: жизнь, люди, ихъ отношенія, понятія—все выступаетъ теперь въ иномъ освѣщеніи. Ты обращаешься къ своимъ духовнымъ запросамъ, ты убѣжденъ, что съ этой стороны тебѣ нечего бояться ни измѣны, ни слабости; ты еще вѣришь въ свою личность, въ свою душу—и тутъ-то тебя ожидаетъ самый жестокій ударъ. Разумъ указываетъ тебѣ на ничтожество, на возмутительную грубость жизни, въ которой человѣкъ претерпѣваетъ всѣ физическіе законы, несетъ постыдную тяготу тѣлесныхъ потребностей, болѣзней, разложенія... А духъ, этотъ великій, безсмертный духъ не въ состояніи подняться надъ землей и вмѣсто силы—предлагаетъ экстазъ, вмѣсто оплота—иллюзію и обманъ.

Онъ замолчалъ, а Рачаевъ пристально глядѣлъ на него и думалъ. Когда онъ былъ озабоченъ какимъ-нибудь вопросомъ, онъ дышалъ громко, какъ во снѣ, а на лбу его выступали двѣ глубокія морщины.

Digitized by Google

— Да, такъ вотъ оно что̀!—заговорилъ онъ, наконецъ, медленно и вѣско.—Рѣять тебѣ захотѣлось! подняться надъ землей! Это съ плотью-то и кровью. Подняться! Были на свѣтѣ и посейчасъ есть мученики, фанатики, столпники. Тѣ ни во что не ставили свою плоть, презирали ее, наслаждались мученіями. Разберись, и ты откроешь тотъ же гипнозъ, высшую экзальтацію жизни. Вотъ тебѣ подъемъ. Вотъ тебѣ исходъ изъ того рабства, которое такъ тяготитъ тебя. Но вѣдь ты требователенъ не къ себѣ, а по отношенію къ себѣ. Ты затвердилъ, что у тебя не паръ, какъ у кошки, а душа, и ты требуешь, чтобы эта душа, безъ всякихъ усилій съ твоей стороны, вознесла тебя превыше облака ходячаго. „Если она есть, такъ пусть дѣйствуетъ!“—вѣдь вотъ какъ по-твоему. Отсюда и недовольство жизнью, и презрѣніе къ законамъ природы, и возмущеніе, и пр. и пр. А ты рѣять-то забудь! Это дѣло тебѣ не по плечу, такъ ты и не гонись за нимъ. Если уже не можешь писать свои романы, займись наукой. Медициной не хочешь—ну математикой, химіей...

Агринцевъ опять безнадежно махнулъ рукой.

— Нѣтъ? не хочешь? И это ниже твоего достоинства?

Взглядъ его сдѣлался тяжелымъ и презрительнымъ.

— И наука—обманъ? Такъ по-твоему? Такъ пусть! Она открываетъ намъ, уясняетъ законы, по которымъ проходитъ наша жизнь. Изъ слѣпыхъ, неразумныхъ рабовъ мы превращаемся въ зрячихъ и разумныхъ. И мы... мы побѣдимъ природу! мы станемъ ея хозяевами!

Агринцевъ лѣниво поднялъ голову и грустно улыбнулся.

— Трудиться... бороться... побѣждать и остаться рабомъ!—тихо сказалъ онъ.—Скажи мнѣ, былъ ли ты еще... тамъ?

— Гдѣ это... тамъ?

— На Сергіевской, у Екатерины Петровны?

— Нѣтъ, не былъ. И врядъ ли буду. Катерина мнѣ нравится... Но на роли несчастнаго вздыхателя, ты знаешь, я не гожусь.

Пріятели помолчали.

— Еслибы ты зналъ, какъ мнѣ тяжело! какъ мнѣ жутко!—вдругъ шопотомъ признался Агринцевъ.

— Ну, вотъ ты и ходи къ ней. Къ Катѣ...—посовѣтовалъ докторъ.

Семенъ Александровичъ съ изумленіемъ взглянулъ на его спокойное, серьезное лицо и потомъ, облокотившись о колѣни, опустилъ голову на ладони.

— Я еще хочу жить, и борюсь противъ жизни,—тихо про-

Digitized by Google

должалъ онъ.—Я хочу побѣдить обманъ, и я хотѣлъ бы... я хотѣлъ бы, чтобы онъ побѣдилъ меня... Только бы отдохнуть! только бы не думать больше, не думать...

Катя по прежнему часто приходила къ Аннѣ Николаевнѣ, но видимо избѣгала встрѣчи съ Семеномъ и ни разу не спросила его, почему онъ пересталъ бывать у нея. Часто, когда Агринцева не было дома, она просила Вѣру играть, и, слушая ея игру, она ходила по гостиной, или сидѣла въ углу за жардиньеркой и о чемъ-то глубоко задумывалась.

— Играй еще! играй! — нервно просила она, и подъ впечатлѣніемъ музыки лицо ея рѣзко блѣднѣло.

Когда молодая дѣвушка внезапно переставала играть и, закрывая крышку рояля, сообщала, что вернулся Сеня, Катя начинала торопливо собираться домой, или уходила опять въ комнату Анны Николаевны.

— Ахъ, какъ онъ безпокоитъ меня!—жаловалась ей старушка.—Я думала, время облегчитъ, время загладитъ, а онъ—что дальше, то хуже. Я ужъ и входить къ нему перестала. Вижу—раздражаетъ это его. На могилу его съ собой звала,—не поѣхалъ.

Катя жадно ловила каждое ея слово, и если Анна Николаевна начинала плакать, она бросалась передъ ней на колѣни, цѣловала ея руки и мечтала вслухъ, точно опьянялась своими мечтами.

— Онъ опять будетъ нашъ!—говорила она.—Мы соберемъ всѣ наши силы, мы запасемся терпѣніемъ и настойчивостью, и мы будемъ дѣйствовать такъ мягко, такъ любовно, такъ осторожно, что онъ самъ не замѣтитъ, какъ мы надломимъ его волю,—волю, которая уже не хочетъ нашей близости, не хочетъ ни счастья, ни утѣшенія. Мы завладѣемъ имъ и увеземъ куда-нибудь. Мы поѣдемъ на югъ, къ морю... Тамъ такъ хорошо! И онъ почувствуетъ, какъ хорошо... Онъ опять захочетъ жить, захочетъ красоты, радости, свѣта. И мы опять увидимъ его улыбку, услышимъ его смѣхъ. И онъ опять будетъ ласковъ и добръ съ нами. Онъ будетъ справедливъ. Онъ отдастъ намъ то, что отнялъ, и въ награду за то, что мы были такъ несчастны, онъ опять будетъ нашъ. Только нашъ!

Старушка съ удивленіемъ и благодарностью слушала ея восторженный бредъ.

— Ахъ, еслибы такъ было, Катя! — говорила она со вздохомъ.—Еслибы такъ могло быть!

Digitized by Google

Одинъ разъ Катя пришла раньше обыкновеннаго; горничная сказала ей, что Анна Николаевна и Вѣра только-что уѣхали. Катя не хотѣла ждать и только-что повернулась, чтобы уйти, какъ дверь изъ кабинета Агринцева отворилась, и онъ самъ вышелъ въ переднюю.

— Мамы и сестры нѣтъ,—сказалъ онъ,—но развѣ вы не хотите посидѣть со мной?

Одинъ мигъ она колебалась, но потомъ скинула шубку и въ шапочкѣ и перчаткахъ вошла въ его комнату.

— Сегодня холодно,—говорила она явно только для того, чтобы говорить что-нибудь,—но я люблю морозъ безъ вѣтра, и ужъ на что я лѣнива, а, все-таки, пришла пѣшкомъ.

— Вы спѣшите куда-нибудь?

— Нѣтъ.

— Такъ снимите же шляпу и это...

Онъ указалъ на ея боа, а потомъ взялъ ея руку и сталъ медленно, неумѣло разстегивать пуговицы ея перчатки.

Онъ чувствовалъ, какъ слегка дрожали ея пальцы, ощущалъ легкій, нѣжный запахъ ея духовъ, но близость этой молодой, цвѣтущей женщины не успокаивала его теперь, не приносила желаннаго отдыха и тишины. Скрытный трепетъ всего ея любящаго, страдающаго существа передавался ему непреодолимымъ волненіемъ, и несмотря на ясное сознаніе, что онъ не можетъ раздѣлять ея чувство, это чувство влекло его къ ней, манило своей реальностью и обаяніемъ силы.

— Отчего вы избѣгаете меня?—рѣзко спросилъ онъ.

Она молчала, потому что не могла говорить.

Онъ усадилъ ее на диванъ, сѣлъ рядомъ съ ней, близко отъ нея и, повернувшись къ ней лицомъ, съ смутнымъ злорадствомъ любовался ея смущеніемъ и растерянностью.

— А вѣдь еще недавно, —продолжалъ онъ,—вы говорили мнѣ, что сдѣлали бы многое, чтобы быть мнѣ немного нужной и полезной. Я думалъ, что вы мнѣ другъ, что вы немного любите меня.

Она оглянулась на него испуганными глазами и сейчасъ же потупилась, скрывая свое недоумѣніе и свою безпомощность.

Онъ не спускалъ съ нея глазъ и странная, жуткая улыбка кривила его губы.

— Скажите же мнѣ теперь, что это неправда, что я ошибся,— настаивалъ онъ.—Вы говорили это только такъ, какъ говорятся пустыя, любезныя фразы?

Digitized by Google

Она быстро повернулась къ нему и положила руку на его плечо.

— Ахъ, Сеня! — сказала она, и въ звукѣ, которымъ она произнесла это имя, были и упрекъ, и нѣжность, и боль.

— Нѣтъ?—спросилъ онъ глухимъ голосомъ и съ силой задержалъ руку, которую она намѣревалась отнять.—Нѣтъ? вы не притворялись? вы не лгали? Но чего же вы испугались, въ такомъ случаѣ? чего вы боитесь и теперь? Такъ, хотите, я скажу вамъ: я зналъ, я давно зналъ, что вы любите меня, и, быть можетъ, настало время, когда эта любовь стала мнѣ нужной, необходимой, и я хочу увѣриться, что она есть.

— Что вы говорите? что вы говорите? — съ отчаяніемъ вскрикнула Катя, дѣлая новую попытку высвободить свою руку. Но онъ держалъ ее крѣпко, а его лицо, съ возбужденными, злыми глазами, было такъ близко отъ ея лица, что она не знала, куда глядѣть, и поворачивалась то въ одну сторону, то въ другую.

— А зачѣмъ молчать?—быстро возразилъ онъ. — Если я противенъ вамъ, скажите мнѣ это сейчасъ, скажите скорѣй...

— Нѣтъ, мы не будемъ говорить ни о чемъ,—защищалась молодая женщина.—Умоляю васъ, Сеня... Умоляю... Я не знаю, что съ вами, но пожалѣйте и себя, и меня.

— А если мнѣ нужна, если мнѣ необходима твоя любовь?—повторилъ онъ глухимъ шопотомъ.—Если это—моя послѣдняя надежда удержаться въ жизни, еще разъ обмануть самого себя... Будемъ подлыми, будемъ низкими, но будемъ искренни. Не будемъ силиться казаться выше, красивѣе, сильнѣе, чѣмъ мы есть на самомъ дѣлѣ, и, съ презрѣніемъ, съ ненавистью къ себѣ и другъ къ другу, отдохнемъ!.. Отдохнемъ отъ всѣхъ этихъ напускныхъ чувствъ и мучительныхъ думъ... Я хочу жить, Катя...

Властной и нервной рукой обнялъ онъ ее за плечи и притянулъ къ себѣ, а она покорно, безсильно прильнула къ его груди; а когда онъ откинулъ съ своего плеча ея голову, онъ увидалъ блѣдное, безжизненное лицо и глаза, полные ужаса и страданія. Тогда онъ опомнился. Торопливо, трясущимися руками отклонилъ онъ ее на подушку и, не глядя, не оборачиваясь, отошелъ къ окну.

Онъ слышалъ, какъ она приподнялась, какъ она вздохнула нѣсколько разъ глубоко и неровно, а потомъ быстро встала и прошла нѣсколько шаговъ по комнатѣ. Онъ понялъ, что она надѣваетъ шляпу и сейчасъ уйдетъ. И вдругъ ему мучительно захотѣлось видѣть ее еще разъ, не отпуская ее до тѣхъ поръ, пока онъ не выпроситъ, не вымолитъ у нея прощенія. Во всемъ

Digitized by Google

существѣ его произошла внезапная реакція, и онъ вдругъ почувствовалъ себя до такой степени жалкимъ, слабымъ и несчастнымъ, что потребность прощенія, потребность участія заглушила въ немъ стыдъ и сознаніе непростительности вины. Онъ сознавалъ только свою личную невыносимую боль, ужасъ одиночества, ужасъ невозможности спасенія... И въ этомъ хаосѣ чувствъ уже не работала, а только безпомощно билась его усталая, сбивчивая мысль.

Онъ обернулся и встрѣтился глазами со взглядомъ Кати.

— Не уходите!—жалобнымъ тономъ больного ребенка попросилъ онъ и даже протянулъ къ ней руки.

Она такъ мало ожидала такой просьбы, что удивленіе на одну минуту точно приковало ее къ мѣсту.

— Не уходите!—повторилъ онъ.—Я не знаю, какъ слѣдуетъ относиться ко мнѣ...

— „Съ презрѣніемъ и ненавистью!“ — вдругъ вскрикнула она, отвѣчая ему собственными его словами. — Съ презрѣніемъ и ненавистью...

— Катя!—кротко перебилъ онъ ее. — Я не васъ хотѣлъ оскорбить... Я не помню сейчасъ, но у меня была мысль...

Онъ провелъ рукой по лбу и глазамъ.

— Все было ясно, а теперь... все спуталось, и я не могу объяснить...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!—быстро заговорила Катя.—О, Боже мой! развѣ мнѣ нужны объясненія? Для меня только теперь все ясно, все ясно...

Она торопливо прошла къ двери и нѣсколько разъ дернула ручку.

— Ахъ, Боже мой!—простонала она. Но дверь открылась, а черезъ минуту Агринцевъ слышалъ, какъ Катя вышла изъ квартиры на лѣстницу.

На слѣдующій день, Рачаевъ стоялъ въ передней Агринцевыхъ и, не снимая шубы, писалъ что-то на клочкѣ бумаги.

— Это вы, Василій Гавриловичъ? — окликнула его изъ гостиной Вѣра.

Онъ обернулся и сдѣлалъ къ ней нѣсколько шаговъ.

— Опять *вашего* нѣтъ дома!—сказалъ онъ, протягивая ей руку и уже не выпуская ея ручки изъ своей.—Подождите!—попросилъ онъ. И, предварительно вытеревъ бороду и усы платкомъ, поцѣловалъ эту ручку сверху и въ ладонь.

Digitized by Google

Она засмѣялась, но сейчасъ же сдѣлала грустное лицо и облокотилась плечомъ о притолоку двери.

— Его теперь никогда нѣтъ! — печально замѣтила она.— Гдѣ онъ бываетъ, что онъ дѣлаетъ—никто не знаетъ.

— А вотъ привлечемъ его къ отвѣтственности,—сказалъ докторъ.—Сегодня долго не погуляетъ: метель.

— Вы ему писали?

— Ему. Я вызываю его здѣсь въ одно теплое мѣстечко. Если долго засидимся,—не безпокойтесь. Такъ и Аннѣ Николаевнѣ передайте.

Они стояли и смотрѣли другъ на друга.

— А почему бы вамъ не подождать его у насъ?—нерѣшительно спросила Вѣра.

— Нѣтъ, ужъ я надоѣлъ Аннѣ Николаевнѣ за это время. Да и недолюбливаетъ меня старушка.

— Нѣтъ! Ахъ, нѣтъ!—горячо возразила Вѣра и густо покраснѣла.—Раньше... это правда. А теперь...

— Ну, давайте опять ручку!—попросилъ докторъ.

Вѣра, еще вся пунцовая, указала ему глазами на горничную, которая стояла у входныхъ дверей.

— Я вѣдь ухожу!—замѣтилъ Рачаевъ.

Оба почему-то тихо, но весело засмѣялись. Рачаевъ взялъ со стола свою шапку, встряхнулъ ее такъ, что отъ нея полетѣли брызги, и, оглянувшись на Вѣру, опять засмѣялся.

— Мокрый, какъ чортъ!—заявилъ онъ, но не уходилъ.

— Ну, идите ужъ, идите!—сказала Вѣра.

Онъ посмотрѣлся въ зеркало, пригладилъ волосы и, замѣтивъ въ зеркалѣ отраженіе молодой дѣвушки, радостно закивалъ ей головой. Опять оба засмѣялись, а докторъ надѣлъ шапку и пошелъ къ двери.

— Прощайте, Дашенька! спокойной ночи! — сказалъ онъ, проходя мимо горничной.

Вѣра взяла его записку, прочла ее нѣсколько разъ и, тоже поглядѣвшись въ зеркало, почему-то глубоко вздохнула и отнесла бумажку въ кабинетъ брата.

Проходя по темной гостиной, она вдругъ, точно вспомнивъ о чемъ-то, подбѣжала къ окну и, припавъ лицомъ къ рамѣ, стала глядѣть на улицу. Въ воздухѣ кружились крупные, мокрые хлопья снѣгу и, казалось, таяли раньше, чѣмъ касались земли. Мигающіе фонари отражали свой мутный свѣтъ въ лужахъ среди мостовой, еще покрытой темной снѣговой коркой. Черезъ улицу, пересѣкая ее по направленію къ противоположному тротуару, проѣхалъ

Digitized by Google

извозчикъ, усердно нахлестывая лошадь кнутомъ. Въ саняхъ сидѣлъ сѣдокъ, похожій сверху на большой черный куль. Вѣра проводила его глазами, пока могла, еще разъ глубоко вздохнула, а потомъ подошла къ роялю, медленно открыла крышку, и въ квартирѣ раздались тихіе, робкіе, жалобные звуки. Но жалоба росла, крѣпла... Вѣра медленно раскачивалась туловищемъ, а съ поднятаго лица ея, въ темную стѣну, глядѣли отуманенные мечтой, ничего не видящіе глаза.

Въ комнатѣ Анны Николаевны горѣла лампадка, и тамъ, передъ таинственно мерцающими образами кіота, неподвижно стояла на колѣняхъ темная фигура старушки. Губы ея шептали, а сложенные пальцы крѣпко прижимались ко лбу. Вдругъ изъ груди ея вырвался тихій стонъ:

— Господи!—сказала она и смиренно опустила свою сѣдую голову до самаго пола.

Семенъ Александровичъ вернулся поздно. Онъ сейчасъ же замѣтилъ на своемъ столѣ записку, прочелъ ее и поглядѣлъ на часы. Почти цѣлый день онъ безцѣльно пробродилъ по улицамъ, промокъ, усталъ, но, несмотря на то, что ему хотѣлось лечь и заснуть, онъ былъ настолько увѣренъ, что уснуть ему не удастся, онъ такъ отчетливо представлялъ себѣ впередъ томленіе и ужасъ предстоящей ночи, что, не задумываясь ни на минуту, прошелъ обратно въ переднюю, надѣлъ свою вымокшую шубу и поспѣшно побѣжалъ внизъ по лѣстницѣ.

Рачаевъ ждалъ Агринцева въ ресторанѣ. Когда Семена Александровича провели въ отдѣльный кабинетъ, онъ увидалъ накрытый столъ, остывшій ужинъ и нѣсколько бутылокъ, изъ которыхъ двѣ были уже почти пусты. Докторъ стоялъ среди комнаты, лицомъ къ двери и встрѣтилъ пріятеля безмолвнымъ недружелюбнымъ взглядомъ.

— Ты давно такъ стоишь?—спросилъ Агринцевъ и невольно улыбнулся.

— Предупреждаю!—отвѣтилъ тотъ и указалъ рукой по направленію къ столу: — вино съ синей этикеткой значительно высшаго достоинства, чѣмъ то, которое съ бѣлой.

— Благодарю тебя!—серьезно отозвался Агринцевъ.

Онъ сѣлъ на диванъ около стола, тоскливо оглянулся и опустилъ голову.

— Ты писалъ, что тебѣ надо переговорить о дѣлѣ?—вдругъ вспомнилъ онъ.—О какомъ дѣлѣ? Что такое?

Digitized by Google

Докторъ подошелъ къ столу, налилъ стаканъ вина и поставилъ его передъ Семеномъ.

— Дѣло придетъ само собой,—неспѣшно заговорилъ онъ,—а пока... не бойся пить. Возбужденіе отъ вина совсѣмъ иного рода, чѣмъ то, которое ты испытываешь теперь. Оно не ухудшитъ, а напротивъ, облегчитъ... Какъ врачъ—я совѣтую.

Но Агринцевъ не испытывалъ никакого возбужденія. Онъ сильно усталъ, и ему хотѣлось сидѣть молча и только чувствовать присутствіе Рачаева, присутствіе, которое и теперь, какъ всегда, успокаивало его.

Докторъ тоже молчалъ и сталъ ходить взадъ и впередъ. Подошвы его сапогъ слегка скрипѣли, и этотъ однообразный, правильно повторяющійся звукъ не только не раздражалъ Семена Александровича, а напротивъ, какъ будто убаюкивалъ, усыплялъ его. Онъ глядѣлъ передъ собой — на комнату, на движущуюся по ней фигуру пріятеля, и ему представлялось, что все, что онъ видѣлъ, то приближалось къ нему, то уходило такъ далеко, что онъ даже переставалъ слышать однообразный, безконечно повторяющійся скрипъ. Иногда ему казалось, что полъ и диванъ, на которомъ онъ сидѣлъ, начинали быстро колебаться, и тогда зрѣніе его застилало какое-то огромное темное пятно. Онъ проводилъ рукой по лбу и глазамъ, начиналъ опять различать фигуру Рачаева и, успокоившись, безсознательно улыбался.

Вдругъ онъ замѣтилъ, что Василій Гавриловичъ стоитъ у стола и пристально глядитъ ему прямо въ лицо. Онъ встрепенулся и постарался принять равнодушное, беззаботное выраженіе.

— Послушай, — сказалъ Рачаевъ:—чего ты хочешь этимъ достичь? У всякаго разумнаго человѣка есть цѣль. Скажи мнѣ свою.

— Я не знаю,—отвѣтилъ Агринцевъ.—Да и не надо... Не объясняй. Я усталъ.

— Я не требую, чтобы ты говорилъ, но я хочу, чтобы ты слушалъ,—строго сказалъ Рачаевъ.—Я каждый день видѣлся съ твоими... Вѣра—славная; старуха—смѣшная, но тоже хорошая, и обѣ бабы влюблены въ тебя. Такъ вотъ: знаешь ли ты, что онѣ измучены разными опасеніями, предположеніями?.. Ты пропадаешь изъ дому, возвращаешься вотъ такимъ молодцомъ, какъ сейчасъ. Ночью ты не тушишь лампу... Въ общемъ, ты ведешь себя непозволительно, и я взялъ на себя миссію довести это до твоего свѣдѣнія.

— Мнѣ все равно!—тихо сказалъ Агринцевъ.

— Все равно—для тебя и для меня,—согласился докторъ.

Digitized by Google

По мнѣ—хоть на головѣ ходи, если есть охота. Да я тебя и не жалѣю, а бабъ твоихъ жалѣю. Замѣтилъ ли ты, что уже нѣсколько дней не говорилъ съ ними ни слова?

— Нѣтъ, не замѣтилъ.

— То-то, вотъ! Онѣ думали, что ты теперь съ Катериной разговариваешь, и поѣхали къ ней... наводить справки.

— Ѣздили... къ Катѣ?—спросилъ Семенъ Александровичъ, и внезапное волненіе окрасило его блѣдное, осунувшееся лицо.

— Ѣздили. И я ѣздилъ. Она не глупая, Катя-то. Бабамъ она сказала, что простудилась, и поэтому давно не была у нихъ, вывѣдала у нихъ же про тебя, а потомъ послала за мной.

Агринцевъ поднялъ глаза и увидалъ на себѣ необычайно презрительный, почти брезгливый взглядъ доктора. Ему стало ясно, что докторъ знаетъ подробности его послѣдняго свиданія съ Катей, но впечатлѣніе, которое онъ производилъ на пріятеля, мало безпокоило его. Онъ только жалѣлъ, что завязавшійся разговоръ вывелъ его изъ пріятнаго забытья, и, чувствуя, какъ въ головѣ, въ душѣ, опять мучительно пробуждалось сознаніе, онъ ощутилъ такой порывъ тоски и отчаянія, что сразу забылъ про свою усталость и нежеланіе говорить.

— Я не знаю, каково мое поведеніе,—волнуясь и задыхаясь, заговорилъ онъ, — но я знаю, что жить такъ, какъ сейчасъ, я болѣе не въ состояніи. Мое существованіе дико, нелѣпо, невозможно. Елибы у меня была логика, я бы прекратилъ его разомъ. Но меня связываетъ какой-то кошмаръ, разсѣять который я не въ силахъ. Пойми, Рачаевъ, пойми: и у меня были чувства, мечты, надежды... чище кристалла. И я за нихъ любилъ жизнь и вѣрилъ въ нее. Я носился съ своими идеалами еще тогда, когда это самое слово: „идеалъ“, уже начало отдавать затхлостью и анахронизмомъ, когда уже многіе начали ядовито подсмѣиваться надъ нимъ. И вдругъ—все рушилось! Боже, до чего мнѣ стало ясно, что всѣ наши чувства, нравственныя понятія, всѣ наши хорошія слова, все—только одно отдаленное представленіе чего-то прекраснаго и чистаго, искренняго и душевнаго, что могло бы быть и чего не существуетъ на землѣ. Это приманка жизни, а не жизнь, это волшебная сказка, созданная только для того, чтобы занимать воображеніе, а не душу. Я любилъ эту сказку! Я тоскую о ней смертельно!

Онъ облокотился о столъ и закрылъ лицо руками.

— Да, еслибы у меня была логика,—немного погодя, продолжалъ онъ,—я сейчасъ же, немедленно, кончилъ бы самоубійствомъ. Но я не логиченъ, и я боюсь смерти. Отчего я боюсь?

Digitized by Google

Отчего у меня нѣтъ убѣжденія, что моя жизнь, грубая, матеріальная, прекратится съ послѣднимъ біеніемъ моего сердца? Отчего я, отрицающій душу, возненавидѣвшій жизнь за то, что не нашелъ въ ней ничего духовнаго, отчего я содрогаюсь отъ ужаса, когда допускаю предположеніе, что меня не ждетъ небытіе?.. Что-то таинственное, непостижимое останавливаетъ мою руку и нашептываетъ новую сказку, новыя надежды, новыя предположенія. Я ненавижу жизнь—и не могу убить себя. Почему?

Оба долго молчали.

— А это вопросъ особаго рода,—задумчиво заговорилъ Рачаевъ: — чтобы убить себя, надо, чтобы въ мозгу образовался наростъ, родъ шишки. Наука еще не высказалась вполнѣ опредѣленно, но я, лично, убѣжденъ, что безъ образованія этого нароста самоубійство невозможно.

Агринцевъ отнялъ руки отъ лица, растерянно поглядѣлъ на доктора, и вдругъ имъ овладѣло непреодолимое желаніе хохотать. Онъ засмѣялся, сперва тихо и сдержанно, потомъ опустилъ голову на руки и, уже не владѣя собой, хохоталъ все сильнѣе и громче. Слезы лились у него сквозь пальцы, грудь судорожно вздрагивала отъ рыданій. Онъ дѣлалъ невѣроятныя усилія, чтобы опять овладѣть собой и, сознавая на себѣ презрительный взглядъ доктора, съ чувствомъ тяжелаго стыда и глубокаго униженія, смѣясь, оплакивалъ свою послѣднюю иллюзію, свою грустную, робкую, неясную вѣру, которая, несмотря на всѣ доводы его разума, позволяла ему провидѣть сквозь ничтожество всего окружающаго, таинственное вѣяніе нематеріальнаго, свободнаго отъ земного рабства, существованія. Такъ и эта послѣдняя вѣра оказалась иллюзіей, обманомъ! Природа требовала жизни и обманывала воображеніе, какъ старая нянька, запугивающая букой капризныхъ, упрямыхъ дѣтей.

Агринцевъ плакалъ, а на противоположномъ концѣ стола Рачаевъ нетерпѣливо отбивалъ пальцами трель. Когда Семенъ, наконецъ, успокоился, докторъ всталъ и тщательно пригладилъ волосы на своей головѣ.

— Есть больные, которые не хотятъ переносить боли,— сказалъ онъ. — Я имъ даю морфій. Дѣйствіе морфія лишаетъ человѣка чувства дѣйствительности, но я, лично, предпочелъ бы страданія. Къ чему морфій? Къ чему боязнь правды и реальности, если эта боязнь нерѣдко мучительнѣе правды и реальности? Ты не хочешь глядѣть себѣ подъ ноги, и плачешь, когда падаешь и разбиваешь себѣ носъ. Жизнь тебя не удовлетворяетъ! Это вся-то, вся-то жизнь!

Digitized by Google

Онъ широко развелъ руками, и недоумѣвающее выраженіе надолго застыло на его лицѣ.

— Ну, знаешь, пора... Собирайся. Я тебя довезу.

Агринцевъ съ трудомъ держался на ногахъ, и встрѣчные легко могли принять его за подгулявшаго гостя.

— Послушай, — сказалъ онъ, когда они уже ѣхали на извозчикѣ,—я понялъ, что „она“ тебѣ все разсказала. Скажи: она очень меня ненавидитъ? Какъ она мнѣ крикнула тогда: „съ презрѣніемъ и ненавистью“!.. „съ презрѣніемъ и ненавистью“!..

Рычаевъ провелъ рукой по воздуху.

— Это вѣдь кругъ,—замѣтилъ онъ. — Она любила, теперь ненавидитъ, потомъ опять будетъ любить.

— Нѣтъ, нѣтъ!—содрогаясь, возразилъ Семенъ Александровичъ.—Ты не видалъ ее въ эту минуту!

— Я думаю, что эта минута имѣетъ мало значенія,—спокойно замѣтилъ докторъ.—Направленіе ея жизни—вполнѣ опредѣленное. Ей нужны любовь и мученичество. Для женщинъ праздныхъ и обладающихъ въ извѣстной степени развращеннымъ воображеніемъ сознаніе мученичества нерѣдко переходитъ въ потребность, въ привычку. Еслибы она была еще болѣе испорчена, она мѣняла бы свои привязанности. Такія женщины—или кладъ, или—каторжная цѣпь.

— Вѣра тоже живетъ воображеніемъ, — замѣтилъ Агринцевъ. — Большинство женщинъ живетъ воображеніемъ, потому что онѣ выше всего ставятъ чувство.

— Нѣтъ! — горячо возразилъ Василій Гавриловичъ:—Вѣру воображеніе влечетъ къ жизни, а не отталкиваетъ отъ нея. Вѣра не испугается реальности. Это—разница.

Пріятели простились, и Агринцевъ сталъ подниматься по лѣстницѣ. Онъ шелъ медленно и безшумно. Начинало свѣтать, и въ этомъ мутномъ полусвѣтѣ, въ тишинѣ и безмолвіи громаднаго дома съ наглухо закрытыми дверями квартиръ, онъ пробирался какъ тѣнь. И каждая закрытая дверь на его пути, казалось, съ недоброжелательствомъ и непріязнью слѣдила за его приближеніемъ и провожала его холоднымъ напутствіемъ:

— Проходи! ты чужой!

И когда онъ вошелъ къ себѣ, когда онъ, одѣтый, бросился на свою постель и закрылъ глаза, ему все еще казалось, что онъ съ трудомъ, съ мукой, поднимается по высокой, крутой лѣстницѣ. Ему чудился мутный разсвѣтъ, плотно закрытыя двери и упорное, холодное напутствіе:

— Проходи! ты чужой!..

Digitized by Google

Бо́льшую часть времени, пока Агринцевъ былъ боленъ, онъ пролежалъ безъ сознанія; а когда это сознаніе ненадолго возвращалось, онъ видѣлъ такъ же, какъ и грезилъ: всегда ярко, рельефно, безъ всякой послѣдовательности. И онъ не зналъ, гдѣ начиналась грёза и гдѣ кончалась дѣйствительность. Отдѣльныя лица, отдѣльныя картины выдѣлялись передъ нимъ внѣ времени и пространства и затѣмъ исчезали въ безмолвіи и мракѣ.

Онъ видѣлъ свою комнату, столъ, сдвинутый къ стѣнѣ и заставленный незнакомыми ему предметами; онъ видѣлъ широкую спину и затылокъ Рачаева; а близко надъ нимъ склонялось озабоченное лицо его матери, и отъ прикосновенія ея рукъ къ его головѣ онъ чувствовалъ тяжесть и холодъ. Онъ видѣлъ Зину. Она сидѣла на своей постели. Лицо ея было безсмысленно и дико, волосы сбились на головѣ и у праваго уха. Кругомъ нея толпились какіе-то незнакомые люди, и у всѣхъ было то же безсмысленное, животное выраженіе лицъ.

— Пустите меня!—просила Зина.

А люди хохотали и отвѣчали въ одинъ голосъ:

— Некуда! некуда! оставайся!

Онъ видѣлъ Вѣру. Она стояла среди комнаты и медленно раскачивалась туловищемъ взадъ и впередъ. Глаза ея то ярко вспыхивали, то угасали; она улыбалась упоенной, безумной улыбкой, а руки жадно и порывисто ловили воздухъ. Потомъ она закидывала голову и, вся замирающая, трепетная, расплывалась въ какое-то безобразное, мутное пятно.

Но чаще всего онъ видѣлъ одно лицо—знакомое, но такое печальное и блѣдное, что когда онъ смотрѣлъ на него, ему хотѣлось плакать. Было ли это во снѣ, или наяву, зналъ ли онъ это лицо раньше, слыхалъ ли онъ его имя—онъ въ это время припомнить не могъ. Уже позже, онъ какъ-то долго слѣдилъ за нимъ, и когда, случайно, они встрѣтились глазами, онъ вдругъ узналъ его и сдѣлалъ слабое движеніе рукой.

— Катя!—прошепталъ онъ.

И тогда онъ увидалъ, какъ высокая, свѣтлая фигура вдругъ скользнула внизъ и опустилась у его кровати; онъ почувствовалъ слезы и поцѣлуи на своей рукѣ и услыхалъ голосъ, который говорилъ такъ ласково и нѣжно, что ему не надо было понимать словъ.

Мало-по-малу видѣнія стали менѣе ярки и отчетливы, но болѣе продолжительны, и онъ сталъ сознавать, что то, что̀ окружаетъ его, существуетъ въ дѣйствительности. Онъ уже зналъ, что мать, Вѣра и Катя ухаживаютъ за нимъ и смѣняютъ другъ

Digitized by Google

друга по дежурствамъ. Онъ зналъ, что Рачаевъ пріѣзжаетъ раза два въ день и часто подолгу засиживается у его постели. Еще позже онъ даже сталъ замѣчать, что засиживается докторъ именно тогда, когда около него дежурила Вѣра. Исподтишка онъ наблюдалъ за ними, и его немного сердили разсѣянность и возбужденность сестры, пылающій румянецъ ея лица и та счастливая улыбка, которую она старалась и не умѣла скрыть.

Эгоизмъ страдающаго больного возмущался при видѣ чужого счастья, и несмотря на заботливость и предупредительность, которыми сестра и докторъ окружали его, больной капризничалъ и, въ душѣ, считалъ себя оскорбленнымъ и обиженнымъ.

Онъ всегда радовался, когда къ нему входила мать, но когда онъ, наконецъ, замѣтилъ, какъ сильно измѣнилась она за это время, какъ побѣлѣли ея волосы, какъ сморщились ея руки, онъ почувствовалъ къ ней такую нѣжность и жалость, что сильно взволновался самъ и напугалъ старушку до слезъ.

Какъ только Агринцевъ сталъ чувствовать себя лучше и бодрѣе, Катя прекратила свои дежурства и только изрѣдка входила въ его комнату, явно избѣгая оставаться съ нимъ наединѣ. Ему, все-таки, удалось улучить удобную минуту.

— Вы простили?—спросилъ онъ, робко удерживая ея руку въ своей.

— Мнѣ нечего прощать,—быстро отвѣтила она, смущаясь и краснѣя.—Ничего не было, Сеня... Ничего!

— И мы опять будемъ друзьями?

Она опустила глаза.

— Я ѣду за границу, — тихо сказала она, видимо избѣгая прямого отвѣта. — Если хотите, я буду вамъ писать. Я привыкла путешествовать, и меня уже тянетъ... тянетъ вдаль.

Она печально улыбнулась и съ этой ласковой улыбкой заглянула ему въ лицо.

— Поправляйтесь! Живите долго и счастливо!..

— Развѣ мы больше не увидимся?

— Отчего же? когда-нибудь... вѣроятно... И я еще зайду проститься съ вами.

Но она не зашла. Анна Николаевна разсказала ему, что она уѣхала, и просила передать ему свой прощальный привѣтъ.

Рачаевъ настаивалъ на томъ, чтобы семья Агринцевыхъ какъ можно скорѣе переѣхала въ деревню, и вызвался самъ сопровождать больного. Анна Николаевна горячо благодарила его.

Глядя на счастливое, похорошѣвшее лицо сестры, Семенъ Александровичъ началъ немного тревожиться.

Digitized by Google

— Ты знаешь, что̀ ты дѣлаешь?—строго спросилъ онъ Рачаева, когда они остались какъ-то вдвоемъ.

Тотъ, по обыкновенію, надолго задумался.

— Я понимаю, что̀ ты хочешь сказать,—отвѣтилъ онъ.—Конечно, я могъ бы замѣтить тебѣ, что это не твое дѣло, но на этотъ разъ вопросъ уже такъ близокъ къ окончательному рѣшенію, что уклоняться отъ отвѣта я не нахожу смысла. Если твоя сестра потребуетъ отъ меня исполненія извѣстнаго церковнаго обряда, я не буду сопротивляться.

— Да, она потребуетъ!—сказалъ Агринцевъ и засмѣялся, а докторъ презрительно пожалъ плечами и потомъ долго разглядывалъ носки своей обуви.

Отъѣздъ былъ рѣшенъ, и Анна Николаевна съ Вѣрой быстро закончили сборы. Ихъ смущала крайняя слабость больного, но Рачаевъ ободрялъ ихъ.

— Въ деревнѣ отойдетъ!—съ увѣренностью говорилъ онъ.

И дѣйствительно, съ первыхъ же дней своего пребыванія въ маленькомъ родномъ гнѣздѣ, Семенъ Александровичъ сталъ чувствовать, что наступило быстрое и несомнѣнное выздоровленіе.

Цѣлыми днями сидѣлъ онъ теперь на открытомъ воздухѣ, подъ лучами ласковаго майскаго солнца. Пышная молодая листва шепталась надъ его головой, набѣгалъ вѣтерокъ и приносилъ съ собой запахъ цвѣтущей черемухи, рябины; нѣжный ароматъ яблонь, цвѣтовъ, травъ, земли...

Изъ сосѣдней рощи слышалось немолчное щебетаніе птицъ, отрывистое, но отчетливое пощелкиваніе соловья. Это пѣвецъ любви пробовалъ свой голосъ для ночной серенады, когда вся природа будетъ слушать его одного, когда засвѣжѣвшій воздухъ разнесетъ его пѣснь среди чуткой тишины и подниметъ ее къ темному, звѣздному небосклону.

Иногда, кружась и ныряя, проносились мимо него какіе-то бѣлые и цвѣтные лепестки. Это бабочки, любовно переплетаясь крыльями, неслись все выше и выше къ чистому, голубому небу. И когда онъ глядѣлъ имъ вслѣдъ, онъ видѣлъ лазурь и прозрачные бѣлые хлопья облаковъ. Цѣлыми днями наблюдалъ онъ природу, и ему не только не было скучно съ ней наединѣ, но она одна, не утомляя, занимала его воображеніе и вызывала одну мысль за другой.

Анна Николаевна отъ времени до времени приходила посмотрѣть на сына, заботливо заглядывала ему въ глаза и ласково

Digitized by Google

гладила рукой по волосамъ. Ея милое старческое лицо казалось одухотвореннымъ преданностью и любовью, но сынъ зналъ, что даже въ этой великой любви она уже не почерпнетъ новой силы для своей угасающей жизни, что здоровье ея непоправимо подорвано горемъ и непосильнымъ трудомъ. И цѣлуя ея трясущіяся, морщинистыя руки, онъ чувствовалъ укоръ совѣсти, нѣжность и покорную печаль. Вѣру и Рачаева онъ видѣлъ только за столомъ. Докторъ вызвался навѣстить больного, жившаго въ сосѣднемъ селѣ. Вернулся онъ возмущенный и взволнованный.

— У вашихъ сосѣдей тифъ! — сердито заявилъ онъ Аннѣ Николаевнѣ.—У нихъ скверный хлѣбъ, а главное—нѣтъ воды. Они пьютъ зараженную, гнилую жидкость и спокойно ложатся умирать. Такое положеніе дѣлъ невозможно!

На другое же утро онъ опять ушелъ въ село, а Вѣра вызвалась сопутствовать ему. Съ тѣхъ поръ за столомъ слышались разговоры о ходатайствахъ объ оздоровленіи мѣстности, объ изысканіяхъ, гдѣ найти лучшую воду.

Вѣра горячо принялась за роль сестры милосердія. Она уже не играла на роялѣ, не упивалась печалью. Все существо ея словно выросло и окрѣпло, а когда она шла рядомъ съ Рачаевымъ, или говорила съ нимъ, лицо ея выражало спокойствіе, гордость и счастье.

— Ты могъ бы помочь намъ! — говорилъ Василій Гавриловичъ, обращаясь къ Агринцеву.

Анна Николаевна начинала замѣтно тревожиться.

— Конечно, еще не теперь,—поспѣшно добавлялъ докторъ,— но позже, когда ты совсѣмъ окрѣпнешь.

И Агринцевъ невольно заинтересовался ихъ планами, и бывали минуты, когда онъ досадовалъ, что его силы не позволяютъ ему присоединиться къ ихъ трудамъ.

— Значитъ, жить? опять жить?—спрашивалъ онъ себя удивленно и радостно.—Опять поддаться обману, который уже разъ открылся мнѣ такъ ясно и безпощадно?

Онъ оглянулся на окружающую его природу, и неожиданный порывъ торжества и восторга почти болѣзненно всколыхнулъ его душу. Онъ закинулъ голову, и взглядъ его потонулъ въ сіяющей, глубокой лазури.

— Но гдѣ же онъ?—мысленно продолжалъ онъ допрашивать себя.—Гдѣ тотъ обманъ, который я понялъ и который едва не заставилъ меня отказаться отъ жизни? Если сама природа указываетъ намъ на такую красоту, которая едва доступна воображенію, если она даетъ намъ представленіе о такой гармоніи,

Digitized by Google

которой еще не достигло ни одно искусство,—она ли обманула насъ? Да, жить! жить, чтобы сливаться съ этой вѣчной гармоніей, чтобы создать своимъ духомъ тѣ чувства, тѣ великія представленія любви, красоты, правды, которыя еще не нашли себѣ мѣста на землѣ. Страдать, бороться, претерпѣвать бремя физическаго существованія и знать и вѣрить, что созданное духомъ не опускается вновь къ ничтожеству и безсилію, не погибаетъ въ мелочной житейской суетѣ.

Жить и вѣрить, что есть такая высота, на которой человѣкъ освобождается отъ рабства, на которой никакія путы и оковы физическихъ законовъ уже не стѣсняютъ его свободы, и всѣми силами души стремиться къ этой высотѣ, къ этой свободѣ; участвовать въ постоянномъ подъемѣ, въ постепенномъ освобожденіи духовнаго начала изъ-подъ гнета мрака, грубости и лжи.

Жить и вѣрить, что если сама природа вложила въ душу человѣка томленіе, неудовлетворенность, неясную тоску по иной, прекрасной, чистой жизни,—она не обманула его...

Томленіе, тоска — это крылья, которыя она дала человѣку, чтобы онъ имѣлъ возможность подняться. И если онъ не замѣчалъ ихъ, если онъ волочилъ ихъ по грязи,—она ли была виной его погибели? Она ли не дала ему того, чего онъ могъ ждать и желать для себя?

Л. Авилова.

Digitized by Google

СТРАНИЦА
КРЕСТЬЯНСКАГО ДѢЛА
НА ЮГО-ЗАПАДѢ.

По личнымъ воспоминаніямъ.

Около года тому назадъ, мы имѣли уже случай представить очеркъ исторіи крестьянскаго освобожденія и устройства въ кіевской, волынской и подольской губерніяхъ за двадцать лѣтъ, отъ перваго приступа къ ограниченію крѣпостного права инвентарными правилами до фактическаго примѣненія обязательнаго выкупа крестьянскихъ надѣловъ [1]). Теперь обратимся къ нашимъ воспоминаніямъ о дальнѣйшемъ ходѣ этого дѣла, какъ то представилось намъ въ рядѣ бытовыхъ чертъ и сценъ при нашемъ личномъ участіи въ этомъ дѣлѣ.

Изъ упомянутаго очерка видно, что освободительное движеніе даннаго времени выражалось рядомъ разновременныхъ актовъ, въ которыхъ сказывались нерѣшительность и недостатокъ твердой послѣдовательности. Среди правительственныхъ колебаній въ разныя стороны, большое значеніе получали мотивы политическаго характера, изъ какихъ главнымъ образомъ исходили освободительные толчки. Проводившіяся сверху мѣры возникали подъ болѣе рѣшительнымъ вліяніемъ извѣстнаго момента, становились предметомъ борьбы разномыслящихъ вліятельныхъ лицъ и партій, подвер-

[1]) См. нашу статью: „Крестьянская реформа въ юго-западномъ краѣ“, въ „Вѣстн. Европы“, авг. и сент. 1900 г.

Digitized by Google

гались смѣняющимся вѣяніямъ, а оттого поочередно пересиливало то одно, то другое направленіе. Затѣмъ и состоявшіяся рѣшенія нерѣдко парализовались на мѣстахъ примѣненія исполнительными пріемами. При такихъ условіяхъ принимавшіяся намѣренія часто не достигали своихъ цѣлей и требовали потомъ реставраціи, за которою снова слѣдовали попятные шаги.

Мы видѣли, какъ въ сороковыхъ годахъ, вызванныя политическими мотивами, инвентарныя правила, пытавшіяся ограничить крѣпостное право, искажались на практикѣ, вслѣдствіе отсутствія гарантій серьезнаго ихъ исполненія при тогдашнемъ общественномъ и административномъ несочувствіи къ нимъ. Рѣшено было укрѣпить за крестьянами все ихъ наличное землевладѣніе (инвентарная земля), а на дѣлѣ получилось его уменьшеніе, и дѣйствіе правилъ постепенно стушевывалось. Когда пришло затѣмъ время общей отмѣны крѣпостного права и противники прочнаго крестьянскаго устройства пытались воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы вознаградить себя за свободу крестьянъ сокращеніемъ утвержденнаго уже за ними землевладѣнія— редакціоннымъ коммиссіямъ стоило большой борьбы отстоять полный размѣръ инвентарнаго надѣла. Однако, и эта, казавшаяся существенною, побѣда больше оставалась на бумагѣ, въ „Положеніяхъ"; на мѣстѣ же дѣйствія инвентарный надѣлъ при введеніи уставныхъ грамотъ оставлялся безъ возстановленія, а во многихъ случаяхъ уменьшалось и то крестьянское владѣніе, которое еще удержалось къ 1861-му году. Подобное уменьшеніе совершалось то въ формѣ отрѣзки лѣсныхъ покосовъ, то путемъ составленія выкупныхъ договоровъ на сокращенный надѣлъ и т. под., причемъ не разъ его достигали еще подъ вліяніемъ „экзекуцій". Понадобился новый крупный политическій мотивъ, въ видѣ польскаго мятежа, чтобы побудить оглянуться на сдѣланное и освѣжить заботу объ участи самихъ крестьянъ установленіемъ обязательнаго выкупа и общей повѣрки уставныхъ грамотъ; но и тутъ борьба вѣяній тормазила исходъ, отражаясь и палліативностью мѣръ, и недомолвками законовъ, и даже взаимнымъ ихъ противорѣчіемъ. При неясности въ высшихъ сферахъ представленія о дѣйствительномъ положеніи и нуждахъ дѣла, рѣшенія нерѣдко направлялись невпопадъ, на второстепенныя части, и открывался большой просторъ случайнымъ административнымъ взглядамъ и симпатіямъ.

Моментъ объявленія обязательнаго выкупа, въ іюлѣ 1863 г., съ перваго взгляда казался рѣшительнымъ поворотомъ въ ходѣ дѣла, такъ какъ если этотъ выкупъ, самъ по себѣ, и имѣлъ

Digitized by Google

больше формальное, чѣмъ существенное значеніе, то съ нимъ все-таки соединялась повсемѣстная повѣрка уставныхъ грамотъ, обѣщавшая возстановленіе нарушенныхъ ими крестьянскихъ правъ. Подъ вліяніемъ недовѣрія къ „полякамъ“ и раздраженія противъ нихъ, законодательство рѣшилось коснуться интересовъ „помѣщиковъ“, но непослѣдовательность и неполнота закона опять дали себя почувствовать сразу. Такъ, требуя повѣрки уставныхъ грамотъ въ селеніяхъ, не приступавшихъ къ выкупу на прежнихъ основаніяхъ (по договорамъ и требованіямъ однихъ помѣщиковъ), тотъ же законъ оставлялъ неприкосновенными всѣ уже состоявшіеся въ 1861—1863 годахъ выкупы, тогда какъ послѣдними крестьянскія права нарушались часто еще сильнѣе, чѣмъ уставными грамотами, и вышло, что въ однихъ селеніяхъ крестьянское право оберегалось, а въ другихъ пренебрегалось. Повѣрка должна была имѣть главною задачею возстановленіе инвентарнаго владѣнія 1847 года, а между тѣмъ самое понятіе о послѣднемъ оставалось затемненнымъ, и если одни, твердо стоя на почвѣ закона, разумѣли подъ инвентарною землею полный фактическій надѣлъ 1847 года въ тогдашнихъ его границахъ, то другіе толковали, что инвентарною землею слѣдуетъ считать лишь то, что̀ „записано“ въ инвентаряхъ за крестьянами, хотя бы это совсѣмъ не соотвѣтствовало дѣйствительности, т.-е. они стремились закрѣпить лишь бумажное искаженіе инвентарнаго закона. Разномысліе—слишкомъ существенное. Кромѣ того, на исполненіе всѣхъ повѣрочныхъ дѣйствій назначался всего годовой срокъ, въ который нельзя было произвести ихъ серьезно—особенно при требовавшейся массѣ землемѣрныхъ работъ—или можно было сдѣлать такія бѣглыя повѣрки, отъ какихъ осталось бы очень мало существеннаго. Такая путаница сразу являлась неблагопріятнымъ предзнаменованіемъ для исполненія закона, напоминая о старой грубоватой поговоркѣ: „законъ—что̀ дышло: куда повернешь, туда и вышло“. Не могла не внушать большихъ опасеній столь важная сторона нашей практической жизни, какъ зависимость примѣненія закона отъ разнообразныхъ и измѣнчивыхъ административныхъ вліяній, которымъ вообще суждено было играть большую роль въ судьбахъ крестьянскаго дѣла.

На этой сторонѣ дѣла нельзя не остановить особеннаго вниманія. Если съ перемѣнами различныхъ вѣтровъ крестьянскому дѣлу приходилось считаться при изданіи законовъ, то въ области примѣненія послѣднихъ—отъ взглядовъ и симпатій администраціи зависѣло такъ многое, что трудно даже рѣшить, которое изъ

Digitized by Google

двухъ вліяній на практикѣ сильнѣе: законодательное или административное? Не только въ разное время, но иногда и одновременно въ двухъ сосѣднихъ губерніяхъ дѣло велось различно. Въ одной и той же мѣстности, со смѣною администраторовъ, мѣнялись руководящія направленія. Въ виду того, что администраторы ставились у одного и того же дѣла, при однихъ и тѣхъ же требованіяхъ, естественно было бы ожиданіе видѣть на этихъ постахъ людей сходныхъ взглядовъ и стремленій, но въ дѣйствительности преемникъ часто оказывался почти полною противоположностью своего предшественника, и къ чему стремился одинъ—того не хотѣлъ другой. Колебанія старшихъ отражались въ дѣйствіяхъ младшихъ, большинство которыхъ руководилось соображеніями обычной служебной политики, и въ результатѣ—изъ дѣла исчезала цѣльность системы. Начнется оно въ одномъ направленіи, поведется въ другомъ, а завершится въ третьемъ,—и все это отражается на участи живыхъ людей. Въ отношеніи къ судьбамъ юго-западнаго крестьянскаго дѣла, рельефное представленіе о томъ могло бы дать одно сопоставленіе столь различавшихся между собою генералъ-губернаторовъ, какъ Бибиковъ и Анненковъ, Безакъ и кн. Дондуковъ. Видя, какъ мѣнялись направленія, нельзя было не чувствовать, что ни подъ однимъ изъ нихъ,—какъ бы авторитетно оно ни выступало,—твердой почвы нѣтъ, и завтра же можно ожидать новой перемѣны.

Объясненныя условія, въ связи съ результатами общественнаго оживленія начала шестидесятыхъ годовъ,—какъ подробнѣе изложено въ упомянутой статьѣ моей,—привели къ тому, что въ 1864 году образовалась въ ходѣ работъ по крестьянскому дѣлу края двойственность направленія. Тогда какъ изъ Петербурга шли неопредѣленныя и сбивчивыя вѣянія, а въ дѣйствіяхъ высшей кіевской администраціи, кромѣ колебаній, сказывались еще потуги обезцвѣтить работу повѣрки уставныхъ грамотъ бо̀льшею поддержкою помѣщичьихъ интересовъ, чѣмъ возстановленія правъ крестьянъ и улучшенія ихъ хозяйственнаго устройства,—оживляющее начало выступило въ случайно образовавшемся благопріятномъ составѣ „временной коммиссіи“ для исполнительныхъ распоряженій по обязательному выкупу, которая хотя и состояла подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернатора Анненкова, не благоволившаго къ существеннымъ перемѣнамъ, однако, при своемъ участливомъ и умѣломъ отношеніи къ дѣлу, успѣла пріобрѣсти большое практическое значеніе. Характеристика личнаго состава этой коммиссіи приведена была въ IV-ой главѣ упомянутой статьи. Такъ, въ Кіевѣ представилась своего рода борьба

Digitized by Google

двухъ сторонъ, изъ которыхъ за одною была фактическая власть, а за другою—живое участіе къ дѣлу, знаніе его и большая инициатива. Подъ вліяніемъ коммиссіи, удалось ввести въ преобразованный составъ губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій тоже живой элементъ, который хотя численно и представлялъ собою меньшинство, но зато—внутренно-содержательное, болѣе способное и дѣятельное, заботившееся объ успѣхѣ самаго дѣла, что давало ему значительное преимущество предъ массою остальныхъ, инертныхъ или даже тянувшихъ назадъ. И коммиссія, и этотъ элементъ одинаково являлись продуктомъ упомянутаго выше общественнаго движенія. Трудно было вначалѣ предвидѣть, которая изъ двухъ сторонъ возьметъ верхъ; болѣе вѣроятнымъ казалось даже, что попытки оживленія окажутся безсильными или завершатся незначительнымъ результатомъ, но къ осени 1864 года осязательный успѣхъ былъ все-таки уже достигнутъ, въ видѣ утвержденія двухъ подготовленныхъ въ Кіевѣ законовъ: одинъ изъ нихъ окончательно призналъ, что подлежащая отводу крестьянамъ „инвентарная земля“ есть—весь фактическій надѣлъ 1847 года въ тогдашнихъ границахъ, а другой—расширилъ область пониженія выкупныхъ платежей, предоставивъ генералъ-губернатору разрѣшать его и больше прежней пятнадцати-процентной нормы, въ случаяхъ сомнѣній въ крестьянской состоятельности.

Борьба двухъ теченій вызвала тревогу заинтересованныхъ лицъ, закулисныя хлопоты и массу сплетенъ, выражавшихъ стараніе набросить на проводившееся „временною коммиссіею“ направленіе тѣнь неблагонамѣренности, вредныхъ цѣлей и т. под., т.-е. возникли попытки дѣйствовать путемъ политическаго устрашенія. Въ упомянутой статьѣ моей было разсказано, какъ эти тревоги вызвали пріѣздъ въ Кіевъ тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ, П. А. Валуева, отъ котораго противники прочнаго крестьянскаго устройства почему-то ждали своего рода coup d'état, въ смыслѣ движенія назадъ. Но Валуевъ ограничился неопредѣленными рѣчами и намеками, лишь поставившими обѣ стороны въ большое недоумѣніе. Отсюда возникли неоправдавшіяся потомъ ожиданія, что болѣе рельефныя министерскія указанія явятся уже изъ Петербурга въ письменномъ видѣ, и это на нѣкоторое время усилило неясность положенія.

Такъ было въ началѣ осени 1864 года, когда, съ приближеніемъ сезона грязи и снѣга, затрудняющихъ всякіе земельные осмотры и межевыя работы, повѣрочныя дѣйствія сокращались

Digitized by Google

сами собою, и дѣло сводилось, главнымъ образомъ, къ процессу переписки. Тутъ оно стало на какое-то перепутье.

Тягостенъ былъ этотъ моментъ, но все-таки далеко не безнадеженъ, почему мѣстное крестьянское дѣло не теряло привлекательности для сколько-нибудь живого человѣка.

При всей темнотѣ близкаго будущаго, опасность видѣлась собственно въ отношеніи къ той или другой широтѣ развитія дѣла, но сохранялась вѣроятность сдѣлать не мало существеннаго. Живой силѣ еще оставался извѣстный просторъ. Какую ни приходилось дѣлать критическую оцѣнку этому моменту, все-же онъ выходилъ наиболѣе благопріятнымъ въ сравненіи со всѣми моментами предыдущей исторіи, когда дурныя для крестьянскаго населенія вліянія постоянно брали перевѣсъ, парализуя даже случайныя попытки къ улучшеніямъ; да и впереди на скорое наступленіе лучшаго момента разсчитывать было мудрено. Когда не угасла еще надежда на законодательныя и административныя улучшенія, то хотя трудно было идти впередъ, однако казалось возможнымъ сдерживать попятныя движенія и оберегать отъ искаженій примѣненіе началъ Положеній 19-го февраля. Если край, послѣ многихъ тяжкихъ временъ, дождался и такого момента, то, казалось, не слѣдуетъ упускать его, чтобы сдѣлать, по крайней мѣрѣ, все возможное въ интересахъ справедливаго устройства сельскаго населенія и дать ему увидѣть хоть когда-нибудь праздничный день и на своей улицѣ. Наконецъ, нельзя было забывать, что всякое возможное улучшеніе много зависитъ отъ личнаго состава работниковъ дѣла; если участливая сила устранится, то откроется широкій просторъ мертвенному или прямо вредному элементу, способному испортить весь результатъ такой опредѣляющей долгую будущность работы, какая выдвигается очень рѣдко, вѣками. Оттого живому тутъ было чему откликнуться, силы его просились въ дѣло. И вотъ, характерною чертою даннаго времени явилось то, что, въ отличіе отъ многихъ нашихъ административныхъ дѣлъ, въ области которыхъ господствуетъ служебная политика и люди стараются поддѣлаться къ болѣе могущественнымъ теченіямъ и лицамъ,— здѣсь оживленіе шло изъ второстепенныхъ и третьестепенныхъ по силѣ сферъ, гдѣ отыскивались люди, елико возможно отстаивавшіе то, къ чему не благоволила въ данное время старшая мѣстная власть.

Мнѣ пришлось войти въ дѣло какъ-разъ въ этотъ смутный моментъ, далеко не имѣя полныхъ свѣдѣній о томъ, что именно происходитъ въ краѣ. Издали, въ центрѣ Россіи, на основаніи

Digitized by Google

газетныхъ извѣстій, слуховъ, частной переписки и случайныхъ разсказовъ, можно было выводить только то, что идетъ борьба направленій. Когда я получилъ формальное предложеніе ѣхать въ подольскую губернію, къ должности мирового посредника, мнѣ неясно было—съ какимъ составомъ работниковъ придется встрѣтиться и кто тамъ за что стоитъ, такъ какъ именъ я узналъ въ Москвѣ очень мало, а характеристикъ—и того меньше. Помню только, что Аксаковъ указывалъ мнѣ полезную силу въ вице-предсѣдателѣ „временной коммиссіи", Г. П. Галаганѣ. Со всѣмъ этимъ пришлось знакомиться уже на мѣстѣ. Прежде всего надо было ѣхать въ Кіевъ, а уже оттуда — въ Каменецъ-Подольскъ.

I.

Первыя административныя встрѣчи.

Въ Кіевъ я прибылъ въ концѣ сентября 1864 года, всего черезъ нѣсколько дней послѣ выѣзда оттуда министра Валуева, когда городъ былъ полонъ разсказами о его посѣщеніи, рѣчахъ, возбужденныхъ надеждахъ и разочарованіяхъ. При всемъ интересѣ этого матеріала, разбираться въ немъ, однако, было мудрено, такъ какъ онъ заключалъ въ себѣ столько сбивчивости, что каждый могъ выводить какія угодно заключенія.

Надо было скорѣе приступать къ знакомству съ оффиціальными сферами крестьянскаго дѣла и браться за работу. Тутъ ждалъ меня новый и довольно широкій міръ. Въ теченіе какихъ-нибудь двухъ недѣль предстояло испытать самыя разнообразныя встрѣчи и пережить разнохарактерныя впечатлѣнія, слѣдовавшія одно за другимъ. Сперва руководящая кіевская сфера, потомъ мѣстный губернаторъ, губернское присутствіе и уѣздный мировой съѣздъ. Вездѣ различныя физіономіи. Поочередно выступили: оживляющее направленіе, узкія административныя понятія, внутренняя борьба и полная безцвѣтность. Далѣе предстояло знакомство съ самимъ крестьянскимъ населеніемъ, его устройствомъ, нуждами, общественною жизнью и выборнымъ управленіемъ. Только послѣ всего этого можно было оріентироваться среди условій, окружавшихъ состояніе крестьянскаго дѣла. Но все это яснѣе выступитъ при передачѣ въ послѣдовательномъ порядкѣ.

Надѣвъ фракъ, я отправился представиться генералъ-губернатору Анненкову, но его не засталъ; какъ разъ въ это время онъ уѣхалъ въ волынскую губернію. Зайдя въ генералъ-губерна-

228283

Digitized by Google

торскую канцелярію, пришлось узнать, что мнѣ слѣдуетъ обратиться во временную коммиссію. Справился о вице-предсѣдателѣ ея, Галаганѣ, но и онъ оказался въ отсутствіи изъ Кіева. Въ канцеляріи мнѣ дали адресъ коммиссіи, прибавивъ, что я найду тамъ члена ея, Воронина.

Пройдя двѣ пустыя комнаты въ помѣщеніи коммиссіи, я попросилъ служителя доложить обо мнѣ. Вслѣдъ затѣмъ вышелъ ко мнѣ высокій, плотный, среднихъ лѣтъ человѣкъ, который и оказался Воронинымъ. Встрѣтилъ онъ меня очень привѣтливо, и когда мы усѣлись рядомъ за какимъ-то присутственнымъ столомъ, я попросилъ его ознакомить меня съ общимъ положеніемъ дѣла и условіями предстоящей мнѣ дѣятельности. Воронинъ сжато, но довольно рельефно очертилъ это положеніе, указалъ на главные, бывшіе въ ходу вопросы, а также объяснилъ—въ чемъ состоитъ требуемая ближайшая дѣятельность мировыхъ съѣздовъ и посредниковъ и что могутъ они сдѣлать при сочувственномъ отношеніи къ дѣлу. Онъ сразу производилъ впечатлѣніе человѣка умнаго, дѣлового, знающаго и участливаго къ крестьянскимъ интересамъ.—Вы видите,—сказалъ онъ,—что при такихъ условіяхъ всякій желающій принести дѣйствительную пользу дѣлу найдетъ своему труду благодарное примѣненіе.

Сперва оба мы, не зная другъ друга, высказывались очень сдержанно, не затрогивая ни существовавшей борьбы направленій, ни какихъ-либо личныхъ характеристикъ. Но чѣмъ дальше шелъ разговоръ, наши рѣчи понемногу развязывались, и по отдѣльнымъ фразамъ мы стали понимать, что есть у насъ не мало общаго въ симпатіяхъ. Когда бесѣда уже значительно оживилась, я рѣшился коснуться вопроса о послѣдствіяхъ недавняго пріѣзда Валуева.—Кажется,—сказалъ я,—отъ этого пріѣзда ожидали нѣкотораго перелома въ направленіи крестьянскаго дѣла; можно ли сказать, насколько основательны подобныя предположенія?

Воронинъ, немного подумавъ, отвѣтилъ:

— Да ничего еще вѣрнаго сказать нельзя; откровенно говоря, мы услышали только нѣсколько фразъ, и очень вѣроятно, что ничего изъ этого не выйдетъ. Подождемъ—увидимъ.

— Значитъ, никакой реакціи еще не замѣтно?—быстро откликнулся я.

— Думаю, что никакого перелома не будетъ,—отвѣчалъ Воронинъ.

Разговоръ нашъ продолжался около часа, принимая характеръ дружелюбной бесѣды. Мой собесѣдникъ ободрялъ меня, и мнѣ ясно почувствовалось, что въ главныхъ цѣляхъ мы сходимся.

Digitized by Google

Когда бесѣда наша уже исчерпывалась, онъ сказалъ:—Можно бы освѣдомить васъ и больше, но теперь вамъ надо скорѣе отправляться на мѣсто, потому что время дорого. Жаль, что вы не могли теперь же познакомиться съ Г. П. Галаганомъ; онъ уѣхалъ въ деревню. Не задерживайтесь въ Кіевѣ, поѣзжайте въ Каменецъ, представьтесь тамъ губернатору, познакомьтесь съ членами губернскаго присутствія, принимайте участокъ и скорѣе погружайтесь въ дѣло. Не забывайте, что при вашемъ желаніи пользу вы принести можете и дѣло нуждается въ хорошихъ работникахъ.—При этомъ онъ назвалъ одного изъ членовъ губернскаго присутствія, посовѣтовавъ обратиться къ нему отъ его имени.

— Этотъ членъ присутствія,—прибавилъ Воронинъ,—объяснитъ вамъ нынѣшнее положеніе подробнѣе, и отъ него вы узнаете, съ чѣмъ и съ кѣмъ придется вамъ считаться въ дѣятельности.

Мы разстались. Первое впечатлѣніе получилось ободрительное. Этотъ часовой разговоръ съ Ворониным послужилъ началомъ нашихъ дружелюбныхъ отношеній, продолжавшихся потомъ двадцать-пять лѣтъ, до самой его смерти.

Отъ кіевской сферы слѣдовало перейти къ губернской. Пробывъ въ Кіевѣ всего дня два или три, я двинулся въ Каменецъ-Подольскъ. Видъ послѣдняго, когда я подъѣзжалъ къ нему, былъ такъ эффектенъ, что я не могу не сказать о немъ нѣсколько словъ.

Этотъ историческій городъ, извѣстія о которомъ, какъ о важномъ боевомъ пунктѣ, встрѣчаются еще въ лѣтописныхъ сказаніяхъ XII вѣка, представляется едва ли не самымъ оригинальнымъ въ Россіи. Расположенный на вершинѣ и по крутымъ склонамъ каменистаго полушара, окруженнаго текущею въ глубокой низинѣ мелкою рѣчкою Смотричемъ, которая, однако, высоко воздымается въ весеннее половодье отъ потоковъ съ Карпатскихъ предгорій,—очерченный старинными стѣнами и башнями и еще издали показывающій нѣкоторыя древнія зданія,—онъ напоминалъ объ очень давнихъ временахъ и русскаго, и польскаго, и турецкаго владычества. Вечеромъ, съ появленіемъ огней въ окнахъ домовъ, городъ напоминалъ собою полукруглую шапку, испещренную блестящими камнями. Крутой въѣздъ въ городъ по каменистой дорогѣ былъ сквозь массивную каменную башню, на которой—древняя латинская надпись съ именемъ Баторія, а съ противоположной стороны города—старинное турецкое каменное укрѣпленіе съ башнями и стѣнами, въ которыхъ сидятъ крупныя ядра—остатокъ давнихъ войнъ. Внутри—каѳедральная католическая церковь, при которой высокій минаретъ,

Digitized by Google

сохранившійся отъ временъ Магомета IV, когда турки нѣкоторое время владѣли Каменцомъ и эта церковь обращена была въ мечеть. Иные дома, построенные на крутыхъ склонахъ, съ одной стороны имѣли видъ одноэтажныхъ, а съ другой—трехъ-этажныхъ и четырехъ-этажныхъ. Пѣшеходы во многихъ мѣстахъ поднимались въ городъ и спускались внизъ по каменнымъ лѣстницамъ. Глядя на внѣшность этого города, невольно приходилось сознавать, что въ давнія времена тутъ точно былъ самый подходящій пунктъ для крѣпости, устройству которой много помогала сама природа, и что не даромъ этотъ городъ получилъ названіе Каменца. Неудивительно его значеніе въ первые вѣка русской исторіи. Зато интересная наружность окупалась недостаткомъ внутреннихъ удобствъ: улицы и проѣзды такъ узки, что мудрено разминуться двумъ встрѣчнымъ повозкамъ. Многое изъ этой старины впослѣдствіи расчищено, но тогда она еще сохранялась. Пріѣзжій же, прежде всего, чувствовалъ недостатокъ сносныхъ гостинницъ, вмѣсто которыхъ были еврейскіе „заѣзжіе дома", представлявшіе переходную ступень между постоялымъ дворомъ и настоящею гостинницею.

Помѣстившись вечеромъ въ одномъ изъ такихъ заѣзжихъ домовъ, я на другой день утромъ отправился къ губернатору, которымъ былъ всего съ небольшимъ за мѣсяцъ прибывшій въ Каменецъ артиллерійскій генералъ Сухотинъ. Въ пріемной залѣ никого не было, и я представлялся одинъ. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ доклада обо мнѣ какимъ-то чиновникомъ, въ залѣ показался военный генералъ большого роста, довольно полный и добродушнаго вида, въ форменномъ сюртукѣ и съ рукою на черной повязкѣ—слѣдомъ былой раны. Когда я назвалъ себя, онъ любезно усадилъ меня возлѣ стола, и начался между нами довольно длинный и не безхарактерный разговоръ, который я запомнилъ довольно хорошо.

Губернаторъ началъ рѣчь съ того, что теперь, слава Богу, на службу сюда пріѣзжаетъ не мало настоящихъ русскихъ людей. Давно уже надо было усилить здѣсь русскій элементъ, да вотъ только теперь спохватились. Значитъ, слѣдуетъ уже не плошать и дѣйствовать по настоящему. Надо показать, что такое русскій элементъ и пусть русское дѣло дѣлается русскими руками.

— Впрочемъ,—прибавивъ губернаторъ съ улыбкой,—оговоримтесь съ самаго начала за-просто: скажите откровенно—изъ какихъ вы, чтобъ такъ уже и знать? Вѣдь иные пріѣзжіе посредники думаютъ, что значеніе ихъ какое-то неизмѣримое, что губернаторъ для нихъ ничего не значитъ. Право, есть такіе, которые

Digitized by Google

полагаютъ, что не они мнѣ, а я имъ долженъ представляться; такъ ужъ скажите прямо, не смотрите ли и вы такъ на дѣло и власти?

Я отвѣчалъ, что такихъ взглядовъ не придерживаюсь.

— Бываютъ, видите-съ, еще такіе посредники, которые воображаютъ, что имъ можно дѣлать все, что вздумается, не считаясь ни съ какими правилами и указаніями; у меня, дескать, есть свои идеи, а потому самъ я себѣ руководство. Какъ вы на это посмотрите?

— Полагаю, что для руководства существуетъ законъ, съ которымъ и слѣдуетъ соображаться,—отвѣтилъ я.

— Ну, и прекрасно,—отозвался губернаторъ.—Вотъ именно такихъ понятій я и желаю. Значитъ, будемъ жить ладно, поведемъ дружно русское дѣло. Я, знаете, всегда радъ, когда сюда пріѣзжаютъ изъ коренной матушки Россіи: изъ Москвы, съ Волги, съ Оки; а вотъ чего не люблю—это когда наѣзжаютъ съ Днѣпра, съ Десны... Это совсѣмъ уже другой народъ.

— Чѣмъ же они такъ отличаются отъ другихъ? — полюбопытствовалъ я.

— Чѣмъ? Да между ними хлопоманы, украинофилы; у нихъ какія-то свои цѣли. На умѣ—гетманщина, коліевщина, Гонта!..

— Но вѣдь у насъ много преувеличиваютъ подобныя опасенія; какой же смыслъ въ настоящее время мечтать о подобныхъ вещахъ?

— Вотъ и видно, что человѣкъ вы только-что пріѣхавшій, а я ужъ приглядѣлся. Да вотъ, чтобы долго не толковать, я вамъ, по секрету, покажу такую штучку, что и вы удивитесь. У одного нашли и мнѣ представили.

Съ этими словами, губернаторъ отперъ ящикъ стола и вынулъ оттуда двѣ или три галицкія книжки.—Вотъ, поглядите, полюбуйтесь,—что вы объ этомъ скажете?

— Признаться, особеннаго тутъ ничего не вижу. Книжки на галицкомъ нарѣчіи, даже по содержанію не опасныя. Человѣкъ могъ добыть ихъ просто изъ любознательности. Бываютъ у насъ иногда въ обращеніи и прямо запрещенныя заграничныя книжки, но ихъ прочитаютъ, какъ интересное,—и только.

Кто и какимъ способомъ добылъ эти книжки для представленія губернатору—точно припомнить не могу, но, кажется, губернаторъ это объяснялъ.

— Нѣтъ, батюшка, нѣтъ. Ужъ коли завелись такія книжки, какъ эти, значитъ на умѣ: Гонта, Желѣзнякъ, уманская рѣзня, гетманская булава!.. Однако, дудки! Гетманская-то булава давно

Digitized by Google

въ Москвѣ, въ оружейной палатѣ; генералъ-губернаторъ не выдастъ,—попробуй-ка ее взять!.. Мой совѣтъ вамъ: никогда не держите у себя такихъ книжекъ. Можетъ быть, тамъ, въ срединѣ Россіи, это ничего, а здѣсь этого нельзя. Хоть бы показались интересны—и не читайте, прахъ ихъ возьми!

Разговоръ перешелъ къ дѣятельности по крестьянскому дѣлу.

— Я сейчасъ дамъ вамъ предложеніе вступить въ должность,—сказалъ губернаторъ,—вотъ только придетъ секретарь губернскаго присутствія. Теперь вашимъ участкомъ временно завѣдываетъ другой посредникъ,—такъ вы ужъ не откладывайте; дѣла наберется довольно, только успѣвай справляться. Много запущено. Надо вамъ сказать, что у насъ теперь, къ сожалѣнію, больше разговариваютъ, чѣмъ работаютъ. Все больше возбуждаютъ вопросы да вопросы, а настоящаго-то дѣла нѣтъ. Толковъ, фразъ, разсужденій — не оберешься. Между тѣмъ вотъ повѣрка уставныхъ грамотъ застоялась, выкупныхъ актовъ нѣтъ; на все это данъ срокъ, а много ли его осталось? Всего три мѣсяца, да и то не полныхъ,—что тутъ поспѣешь сдѣлать! Я ужъ и не знаю, что изъ этого выйдетъ. Министерство настаиваетъ, чтобы скорѣе кончить; Николай Николаевичъ, т.-е. генералъ-губернаторъ, тоже; внушаю и я;—однако ничего не помогаетъ и конца не видно. Тутъ бы приналечь, исполнять что требуется—да нѣтъ: все вопросы и вопросы, разговоры, болтовня, переписка, входящіе да исходящіе... И на бѣду все это находитъ еще поощреніе. Вотъ, и изворачивайся, какъ знаешь!

— Откуда же идетъ это поощреніе? — спросилъ я, догадываясь, куда мѣтитъ мой собесѣдникъ.

— Что жъ, нечего грѣха таить, шила въ мѣшкѣ не спрячешь; вотъ кіевская временная коммиссія то-и-дѣло раздуваетъ вопросы и конца имъ нѣтъ: и законовъ-то у насъ мало—нужно, видите, еще подбавить,—и мужику трудно платить, и надъ выкупными актами мудрить надо, и такъ далѣе. Издала инструкцію съ междустрочными намеками, и это только будоражитъ головы. А глядя на коммиссію, посредники и предсѣдатели мировыхъ съѣздовъ и себѣ туда же... Вонъ откуда вѣтеръ идетъ. Просто такое развели, что и Николай Николаевичъ жалуется, а справиться, унять—не можетъ.

Губернаторъ замѣтно разошелся, впавъ въ негодующій тонъ, и тутъ оставалось прималчивать и внимательно слушать.

— Для мужика уже довольно сдѣлано,—продолжалъ онъ.—Освободили, дали обязательный выкупъ,—теперь онъ собственникъ своей земли,—скинули 20 процентовъ повинности—все это пре-

Digitized by Google

красно, все это я понимаю; конечно, надо было защитить его отъ пановъ,—но чего-жъ еще больше? Нѣтъ, видите, надо еще чего-то, нужно его совсѣмъ избаловать, отъучить отъ порядка—вотъ и пошли вопросы да разсужденія, такъ что голова кругомъ идетъ. А изъ-за всего этого не только выкупныхъ актовъ нѣтъ, да еще неповиновеніе заводится. Вамъ, конечно, уже извѣстно, что теперь крестьяне переведены на выкупные платежи, которые должны вноситься въ казначейство. Понятно, тутъ требуется акуратность, чтобы какъ пришелъ срокъ—все было готово; я самъ за этимъ внимательно слѣжу, а между тѣмъ то-и-дѣло—недоимки. Нажму полицію, а она оправдывается: мужики платить не хотятъ, и тутъ—поблажка отъ мировыхъ посредниковъ. Спрашиваю посредниковъ — тѣ печалуются: тяжело, молъ, платить, не привыкли, всякіе тамъ неурожаи, градобитія и т. д. Я говорю, конечно, не про всѣхъ,—есть и исправные посредники, которые полицію поддерживаютъ,—однако, хлопотъ съ этимъ много.

— Не происходятъ ли затрудненія отъ новизны денежной повинности, на которую вездѣ разомъ перешли съ издѣльной, или отъ высоты самихъ платежей?—рѣшился я вставить.

— Нѣтъ, батюшка, и не задавайтесь такими мыслями. Просто, —неохота платить. Я вѣдь самъ изъ тульскихъ помѣщиковъ, и мужика хорошо знаю. Безъ толчка, безъ острастки исправенъ не будетъ, а на снисхожденіи и баловствѣ недалеко уѣдешь. У нашего мужика съ дѣдовъ такой обычай: скопилъ деньжонокъ—и въ кубышку, да подъ полъ гдѣ-нибудь и зароетъ. Есть тамъ и рубли, и золотые. А придетъ срокъ платить — плачется на всякія бѣды. Обращаю ваше вниманіе на то, что теперь главная заслуга посредниковъ — взысканіе выкупныхъ платежей въ срокъ и согласное дѣйствованіе въ этомъ съ полиціею. Нечего слушать, какъ мужики заговариваютъ зубы, потому что здѣсь простое упрямство. Они думаютъ, что стоитъ имъ не захотѣть платить, такъ это такъ и будетъ. Значитъ, они пропьютъ, а мы считайся съ недоимками? Нѣтъ, такъ нельзя. Вотъ ваше дѣло — переломить ихъ, пріучить къ платежу въ срокъ безъ отговорокъ. Они напрячутъ въ кубышки, да позарываютъ ихъ, и воображаютъ, что мы ихъ оттуда не достанемъ,—покажите же имъ, что это невѣрно. Они упрямятся, а вы ихъ переупрямьте,—пускай распечатываютъ дѣдовскія кубышки!—Въ рѣчи этой сквозила большая увѣренность въ правильномъ представленіи дѣла.

— Возьмите во вниманіе мое положеніе,—прибавилъ еще губернаторъ, нѣкоторое время помолчавъ. — Вотъ наступитъ 1-ое января срокъ выкупнымъ платежамъ. Ну, полагается еще пят-

Digitized by Google

надцать дней обожданія—а 16-го числа, значитъ, гдѣ окажутся недоимки, мнѣ надо идти туда со штыками? Что-жъ, и пойду, если доведутъ до этого.

Пришелъ секретарь, и губернаторъ приказалъ ему, не медля, приготовить предложеніе мнѣ вступить въ должность, прибавивъ, что бумага эта сегодня же будетъ ко мнѣ прислана. Мнѣ оставалось откланяться. Уходя съ этой первой губернаторской аудіенціи, я выносилъ сочетаніе впечатлѣній: русское дѣло, русскій элементъ, и на практикѣ—полиція и выкупные платежи, безъ всякаго выдумыванія вопросовъ.

Далѣе слѣдовало знакомство съ членами губернскаго присутствія. Кромѣ губернскихъ чиновъ, носившихъ это званіе по другимъ должностямъ (губернскій предводитель, губернскій прокуроръ и предсѣдатели палатъ: казенной и государственныхъ имуществъ), ихъ было четыре спеціальныхъ, занятыхъ исключительно крестьянскимъ дѣломъ, которые потому и представляли для меня больше интереса. Сверхъ того былъ еще членъ отъ министерства финансовъ, назначавшійся собственно въ виду развитія выкупной операціи.

Заѣхавъ къ одному изъ спеціальныхъ членовъ, я встрѣтилъ у него и другого, такъ что тутъ разомъ пришлось познакомиться съ двумя. Одинъ былъ небольшого роста, горбатый, пожилой человѣкъ, Канищевъ, когда-то бывшій въ военной службѣ и потомъ не мало послужившій въ гражданскомъ вѣдомствѣ; а другой — сѣдой отставной гусаръ, смоленскій помѣщикъ Пассекъ, братъ извѣстнаго нѣкогда въ литературномъ мірѣ Вадима Пассека. Третій членъ, съ которымъ я встрѣтился уже потомъ, былъ очень еще молодой кіевскій помѣщикъ, недавно сошедшій съ университетской скамьи, Гудимъ-Левковичъ. Судя по внѣшности, слѣдовало ожидать наиболѣе живого участія къ крестьянскому дѣлу отъ этого послѣдняго, а гораздо меньше отъ старика Пассека,—однако на дѣлѣ оказалось какъ разъ обратное. Гудимъ-Левковичъ выступалъ мѣстнымъ аристократикомъ и дѣйствовалъ двойственно, примыкая осторожно то къ одному, то къ другому направленію или ища средняго, и не упуская при томъ изъ виду карьерныхъ соображеній, хотя, несмотря на всю политику, карьера ему все-таки не удалась и онъ потомъ умеръ, не успѣвъ замѣтно выдвинуться. Напротивъ, помѣщикъ стараго времени, служившій еще въ первую николаевскую турецкую войну, Пассекъ, почти не выходившій изъ своего коричневаго съ золотыми снурками гусарскаго сюртука, былъ самымъ горячимъ защитникомъ крестьянскихъ интересовъ. Не могъ онъ уже, по старости, много

Digitized by Google

трудиться надъ бумагами, но его сужденія и оффиціально заявляемыя мнѣнія всегда были на сторонѣ свѣжаго направленія, которое—въ случаяхъ борьбы—онъ отстаивалъ неуклонно. Таково ужъ было время, что иные старики проникались новыми стремленіями, тогда какъ находилось еще не мало молодыхъ людей, которые, играя роль какихъ-то россійскихъ легитимистовъ, то придерживались двусмысленности, то тянули даже назадъ. Канищевъ представлялъ собою необыкновенно выносливую рабочую силу. Горячо, даже запальчиво отстаивая интересы крестьянскаго дѣла и присоединяясь къ направленію временной коммиссіи, а также будучи хорошимъ знатокомъ „Крестьянскихъ Положеній“ и тогдашнихъ нашихъ гражданскихъ порядковъ, онъ по уши втянулся въ дѣло, работалъ въ губернскомъ присутствіи и дома, днемъ и далеко за полночь, такъ что въ обществѣ его почти совсѣмъ не было видно. Крупнымъ недостаткомъ его было, однако, неумѣренное самолюбіе, казавшееся въ немъ иногда даже преобладающимъ мотивомъ, который впослѣдствіи и сбилъ его съ принятаго пути; изъ-за личныхъ несогласій съ товарищами уже въ болѣе благопріятное время, онъ до того увлекся полемическимъ задоромъ, что запутался въ непослѣдовательностяхъ, сталъ въ ложное положеніе и, спустя слишкомъ два года отъ описываемаго здѣсь времени, бросилъ свое мѣсто, найдя какую-то неказистую службу въ Петербургѣ. О четвертомъ членѣ присутствія не упоминаю по совершенной его незначительности, да онъ и исчезъ очень скоро изъ губерніи.

При такомъ составѣ руководителей дѣла въ губерніи, дѣятельность губернскаго присутствія не могла отличаться цѣльностью. Губернаторъ съ членами по другимъ должностямъ составляли постоянное большинство, а Пассекъ и Канищевъ представляли оппозицію. Тамъ была склонность къ старымъ традиціямъ и погребенію „вопросовъ“, а здѣсь отстаивались дѣйствительные интересы дѣла. Иногда борьба между сторонами обострялась сильно. Нѣкоторые же члены виляли между обѣими сторонами, высматривая—что возьметъ верхъ.

Съ первыхъ же дней, послѣ многихъ разговоровъ о дѣлѣ, я близко сошелся съ Канищевымъ и Пассекомъ, такъ что изъ насъ составился маленькій единомышленный кружокъ. Мы видѣлись чуть не каждый день, собираясь у кого-нибудь изъ насъ, и совѣщались почти по каждому серьезному вопросу, участвуя иногда вмѣстѣ въ составленіи разныхъ мнѣній, записокъ и докладовъ. Благодаря этому, я могъ быть въ курсѣ губернскихъ вопросовъ, зналъ, что происходитъ въ губернскомъ присутствіи;

Digitized by Google

а такъ какъ Пассекъ и Канищевъ состояли въ перепискѣ съ членами временной коммиссіи, то могъ слѣдить и за ходомъ кіевскихъ вѣяній. Пріѣзжавшіе въ губернскій городъ представители другихъ мировыхъ съѣздовъ тоже навѣдывались въ нашъ кругъ, что помогало разбираться и въ отношеніи къ общему личному составу мѣстныхъ работниковъ крестьянскаго дѣла.

Оставалось познакомиться съ тѣмъ мировымъ съѣздомъ, въ который попалъ я самъ, что мнѣ пришлось сдѣлать въ нѣсколько слѣдующихъ дней. Предсѣдателя и нѣкоторыхъ посредниковъ я нашелъ въ городѣ, а остальныхъ встрѣтилъ въ засѣданіяхъ, происходившихъ въ это время учащенно, по поводу повѣрки уставныхъ грамотъ. Но тутъ впечатлѣніе получилось уже совсѣмъ неважное, такъ какъ этотъ съѣздъ принадлежалъ къ двумъ-тремъ наиболѣе неудачнымъ въ губерніи. Предсѣдатель—мѣстный русскій помѣщикъ Софроновичъ, служившій прежде по учебному вѣдомству, былъ прекраснѣйшій человѣкъ и съ хорошими симпатіями, но невозможно мягкаго, уступчиваго характера, лишавшаго его необходимой для руководствованія дѣломъ самостоятельности. Обязанности свои онъ исполнялъ съ ординарною заботливостью, но пассивно, всего болѣе дорожа покоемъ и миромъ; а когда ему случалось попадать въ сферу борьбы—онъ умолкалъ, вздыхая, и позволялъ себѣ развѣ потомъ сѣтовать на чужую настойчивость или несговорчивость. Для представителей служебнаго міра у него находились мягкіе резоны; а когда, бывало, пристанетъ къ нему съ претензіями помѣщикъ,—онъ старался успокоивать его тѣмъ, что на все происходящее—воля Божія, которой слѣдуетъ покоряться. Мировыхъ участковъ въ уѣздѣ было шесть, но, при всей значительности состава управлявшихъ ими посредниковъ, подборъ послѣднихъ словно нарочно былъ сдѣланъ для обезличенія физіономіи съѣзда. Старался вникать въ дѣло и работать одинъ молодой офицеръ, но остальные были уже совсѣмъ плохи. Одинъ—скоро ушедшій на другую службу — чиновникъ съ иностранною фамиліею—всего больше интересовался тѣмъ, куда дуетъ вѣтеръ; затѣмъ два пожилыхъ майора, изъ которыхъ одинъ—прямой, честный и симпатичный, а другой, служившій прежде, кажется, въ провіантскомъ штатѣ и получившій посредничью должность по чьей-то протекціи, не безъ удовольствія иногда вспоминалъ о былыхъ теплыхъ служебныхъ мѣстахъ; и оба отличались крайнею слабостью въ знаніи Положеній и вообще по бумажной части, отчего въ ихъ участкахъ много значили письмоводители. Наконецъ, былъ еще украшенный боевымъ отличіемъ, за севастопольскую войну, отставной

Digitized by Google

офицеръ, который соединялъ съ этимъ наружнымъ признакомъ храбрости большое двуличіе, грозно командовалъ крестьянами и подлаживался къ болѣе значительнымъ помѣщикамъ; объ его управленіи участкомъ ходили довольно неблагопріятные слухи. Остальной участокъ достался мнѣ.

Подвергался потомъ этотъ составъ и перемѣнамъ, но тоже неудачнымъ. Попалъ въ него знакомый губернатору старикъ-учитель древняго типа, постоянно нюхавшій табакъ и уже ровно ничего не смысливший въ дѣлѣ, а также совершенно обезличенный продолжительною канцелярскою службою губернскій чиновникъ, всего боявшійся,—словомъ, этому съѣзду совсѣмъ не везло. Неблагопріятнымъ обстоятельствомъ для него была и близость къ губернскому городу, такъ какъ она давала больше поводовъ къ назначеніямъ по протекціи. Большинство крѣпко держалось за „мѣста“ съ хорошимъ по тогдашнему окладомъ, и этимъ ограничивались его заботы. Знаніе дѣла и бумажная часть ему не давались, и въ сколько-нибудь серьезныхъ случаяхъ люди терялись или путали. Иниціативы, самостоятельности мнѣній ждать было нечего,—люди пригодны были только къ исполнительности въ отношеніи къ прямымъ предложеніямъ и точнымъ указаніямъ.

Среди такого состава трудно было чувствовать себя хорошо, и не безъ досады приходилось сравнивать его съ лучшими съѣздами. Учиться было не у кого, когда каждый самъ нуждался въ указаніяхъ; напротивъ, скоро товарищи стали обращаться за совѣтами ко мнѣ—самому новому человѣку. Случалось, что, при разсмотрѣніи какого-нибудь дѣла на съѣздѣ, я высказывалъ мнѣніе и тутъ же писалъ резолюцію, ссылаясь на тотъ или другой законъ, а маіоръ, послѣ какого-нибудь разсужденія, заявлялъ, что совсѣмъ не согласенъ съ этимъ, но тутъ же бралъ изъ моихъ рукъ перо и подписывалъ резолюцію, такъ что рѣшеніе выходило единогласнымъ. Глядя на этотъ составъ, невольно приходилось вспоминать тѣ подозрѣнія въ разныхъ неблагонадежностяхъ, которыя иногда обращались на составъ крестьянскихъ учрежденій сверху и порою слышались отъ мѣстныхъ помѣщиковъ: ужъ не этотъ-ли маіоръ—коммунистъ и не этотъ-ли виляющій чиновникъ мечтаетъ о возбужденіи народныхъ волненій, симпатизируя коліевщинѣ?!..

Сойтись можно было только съ добродѣтельнымъ предсѣдателемъ и упомянутымъ выше молодымъ офицеромъ, почему мы втроемъ большею частью и составляли ядро съѣзда, тогда какъ прочіе держались врознь, каждый особо.

Такова была совокупность впечатлѣній, полученныхъ при

Digitized by Google

первомъ соприкосновеніи съ различными инстанціями, завѣдывавшими крестьянскимъ дѣломъ. Но это былъ собственно административный міръ, за которымъ долженъ былъ выступить самъ мировой участокъ или „ввѣренное мнѣ населеніе“ съ его устройствомъ, общественнымъ управленіемъ и бытовыми чертами. О необходимости скорѣе войти въ эту сферу, кромѣ ея интереса и собственнаго сознанія обязанности, съ самаго начала явились и внѣшнія напоминанія. Вмѣстѣ съ нагруднымъ „знакомъ“ мирового посредника и штемпелемъ для клейменія межевыхъ столбовъ, я принялъ большую кучу дѣлъ и неразрѣшенныхъ бумагъ, послѣ чего еще посыпались съ разныхъ сторонъ пакеты: отъ губернатора, губернскаго присутствія, губернскаго управленія, казенной палаты, полиціи и т. д. Просили свѣдѣній, распоряженій, сообщали разныя правила, препровождали для разслѣдованій крестьянскія и помѣщичьи жалобы и т. п. Надо было, хотя наскоро разобравшись въ этомъ матеріалѣ, объѣхать волости, чтобы сдѣлать кое-что изъ требуемаго, кое-чѣмъ распорядиться, давать отвѣты на просьбы и указанія крестьянскимъ властямъ. Тутъ ждали меня опять новыя впечатлѣнія.

II.

Крестьянское управленіе.

Нѣкоторые волостные старшины съ писарями успѣли уже навѣдаться ко мнѣ на третій или четвертый день послѣ моего прибытія въ городъ, прежде чѣмъ я могъ показаться въ участкѣ. И эти первые представители крестьянскаго выборнаго управленія производили довольно мизерное впечатлѣніе, особенно въ сравненіи съ знакомыми мнѣ типами великорусскихъ старшинъ. Въ нихъ замѣтна была большая робость, словно забитость. Они низко кланялись и очень несмѣло докладывали о дѣлахъ своихъ волостей, почти не рѣшаясь высказывать собственныхъ мнѣній. Сначала я подумалъ, что первые мои знакомцы представляютъ исключенія, но, объѣхавъ потомъ всѣ шесть волостей участка, долженъ былъ придти къ заключенію, что если это не безусловно общій, то преобладающій типъ.

Куда не похожи были Ѳедоръ Федчишинъ и Павло Григорчукъ на какого-нибудь великорусскаго Ѳедора Ивандва въ синей поддёвкѣ, бойкаго, развязнаго, рѣчистаго, вѣчно смотрящаго вверхъ, сознающаго и дающаго чувствовать силу своей власти,

Digitized by Google

которую надо было скорѣе сдерживать, чѣмъ поощрять! Здѣсь, напротивъ, приходилось напоминать старшинѣ, что онъ долженъ лучше понимать свой авторитетъ и больше пользоваться данною ему властью. Жалко было и получавшееся старшинами отъ обществъ вознагражденіе за службу, показывавшее, что не высоко ставили свое начальство и крестьянскіе сходы. Иные старшины получали рублей пятьдесятъ въ годъ, другіе—сорокъ, а одинъ даже—всего тридцать, такъ что жалованье за безпокойную и отвѣтственную службу составляло для нихъ очень небольшое подспорье къ средствамъ, получаемымъ отъ собственнаго крестьянскаго хозяйства, тогда какъ великорусскій Ѳедоръ Ивановъ получалъ иногда нѣсколько сотенъ рублей. Невысоко они стояли даже надъ волостными писарями—людьми наемными, но всегда старавшимися придавать большое значеніе своей грамотности, которая при тогдашнихъ условіяхъ, дѣйствительно, составляла немалую силу среди темной массы. Писаря были самый смѣшанный народъ. Между ними оказалось два отставныхъ коллежскихъ секретаря, споткнувшихся на прежнемъ служебномъ поприщѣ и, послѣ неуспѣшныхъ попытокъ поправить свою карьеру, примирившихся съ необходимостью пріютиться въ крестьянскомъ управленіи; дальше были—неудавшійся семинаристъ, заурядный грамотѣй неопредѣленнаго званія, а остальные—просто проходимцы. Жалованья писаря получали больше старшинъ, отъ шестидесяти до ста-двадцати рублей,—что было и естественно при отсутствіи у нихъ своего хозяйства, — но плохо было то, что они тоже относились къ старшинамъ какъ-то свысока, представляя изъ себя своего рода чиновниковъ и не желая уразумѣть, что настоящее-то начальство—старшина, мужикъ въ свиткѣ, а они—только исполнители его приказаній. Иного писаря старшина называлъ даже „паномъ“. Настрочитъ писарь бумагу и прямо требуетъ отъ безграмотнаго старшины его „печатки“, чтобъ накоптить ее надъ свѣчою и приложить къ бумагѣ въ качествѣ его подписи. Надо было внушать старшинѣ, что прежде дачи этой печатки онъ долженъ выслушать бумагу и добиваться объясненія ея смысла, а писарю—что онъ не долженъ выходить изъ предѣловъ того, чего желаетъ или на что согласенъ старшина.

Сельскіе старосты кланялись еще ниже, въ поясъ, и проявляли еще больше робости, а получали они рублей двадцать въ годъ. Между крестьянами старосту трудно было даже отличить, и только когда онъ, за двѣ-три минуты до своего служебнаго представленія, добудетъ гдѣ-то запрятанную свою медальку и нацѣпитъ ее себѣ на грудь, становилось замѣтно, что это вы-

Digitized by Google

ступаетъ крестьянское начальство. Грамотныхъ между должностными крестьянами не было ни одного. Вообще, очень было замѣтно, что при самомъ первоначальномъ установленіи крестьянскихъ властей — ихъ принизили, поставивъ въ роль какихъ-то безотвѣтныхъ приказчиковъ и вовсе не думая о поддержаніи того значенія выборной власти, какое предполагали для нея Положенія. Такъ относились къ нимъ и верхнія власти, и помѣщики, и самый замухрышный чиновникъ. Много требовалось усилій, чтобы ослабить вліяніе этой закваски.

Большою убогостью вида отличались и помѣщенія волостныхъ правленій. Нѣкоторыя устроены были въ тѣсныхъ домишкахъ, гдѣ по одну сторону сѣней—„канцелярія“, а по другую ютится писарское семейство; другія же—въ нанятой избушкѣ, гдѣ смѣшивалось то и другое, такъ что, разговаривая со старшиною и писаремъ о дѣлахъ или разсматривая бумаги, приходилось видѣть, какъ тутъ же по хозяйственнымъ надобностямъ шмыгаютъ писарша и дѣти; а одно волостное правленіе прямо напоминало какую-то запустѣлую корчму, внутри которой пустырь съ запыленными стѣнами и среди него столъ съ двумя-тремя жалкими стульями и ломанымъ шкафомъ для дѣлъ.

Необходимость поднятія значенія общественной власти, какъ въ отношеніи къ другимъ окружающимъ крестьянское управленіе должностнымъ лицамъ, такъ и въ глазахъ самихъ крестьянъ, была очевидна въ самомъ началѣ знакомства съ ними. Безъ того прочіе чиновники и даже субъ-чиновники, въ родѣ письмоводителей становыхъ и разсыльныхъ, задавятъ крестьянское управленіе произвольными требованіями. Надо было показать, что крестьянскія учрежденія — не что-либо такое, къ чему можно относиться совершенно пренебрежительно, но что тутъ требуется соблюденіе полной законности. Да если и сами крестьяне будутъ относиться къ выбраннымъ ими людямъ какъ къ чему-то неважному, то эти люди станутъ безсильны къ поддержанію необходимаго порядка и отъ нихъ нельзя будетъ требовать того, что требуется. Однако, для достиженія подобнаго подъема, при зародившихся традиціяхъ, нужна была продолжительная заботливость. Сами выборные часто жаловались, что ихъ не слушаютъ. Къ власти они были малопривычны. Припоминаю характерную бесѣду со старикомъ старшиною Ѳедоромъ Федчишинымъ. Онъ горько жаловался на непочтеніе нѣкоторыхъ бахвальствовавшихъ крестьянъ, особенно молодыхъ парней. „Що мини волость, хиба я не бачивъ волости“ (что мнѣ волость, развѣ я не видѣлъ волости?)—толковали они, по словамъ старшины:—„не боюсь я

Digitized by Google

волости!" „А вотъ, еслибъ его, когда онъ провинится,—добавлялъ старшина,—посадить подъ арестъ, а если больше виноватъ, то дать ему съ пять розогъ, то онъ заговорилъ бы иначе: „Охъ, знаю я, что̀ такое волость! Туда напрасно не сходишь,—тамъ накажутъ!" Пришлось ему объяснять принадлежащія ему права по взысканіямъ, т.-е., что онъ можетъ собственною властью наказать виновнаго рублевымъ штрафомъ, или двухдневнымъ арестомъ, или назначить его на двухдневную общественную работу, а въ болѣе важныхъ случаяхъ—предать волостному суду; но Федчишинъ только сомнительно разводилъ руками, обнаруживая, что не пріученъ къ пользованію властью. Въ другомъ случаѣ, тотъ же старшина жаловался, что „громада" (міръ) не цѣнитъ его трудовъ, даетъ ему всего тридцать рублей въ годъ, меньше, чѣмъ получаютъ всѣ другіе старшины; онъ, дескать, вполнѣ доволенъ былъ бы десятирублевою прибавкою, а безъ нея чувствуетъ себя обиженнымъ. На это я объяснилъ ему, что съ такою просьбою онъ долженъ обратиться къ волостному сходу, такъ какъ только отъ схода зависитъ назначеніе жалованья должностнымъ лицамъ. Но такъ какъ старшина продолжалъ жаловаться, увѣряя, что громада очень скупа, то я обѣщалъ ему помочь, сказавъ, что самъ попробую уговорить громаду. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени я заговорилъ на сходѣ о прибавкѣ, но услышалъ въ отвѣтъ, что хотя громада очень довольна своимъ старшиною, видитъ и цѣнитъ его службу, и ей даже совѣстно давать ему такъ мало,—однако, при всемъ томъ, прибавка для громады будетъ тяжела. Чтобъ пристыдить сходъ, я пригрозилъ, что если онъ не назначитъ прибавки, то я, видя службу старика, назначу ему ее отъ себя,—но на это только послѣдовалъ общій поклонъ съ выраженіемъ благодарности за такое участіе къ нуждамъ волости. Такъ мірской бюджетъ остался безъ добавочнаго обремененія, а мнѣ осталось исполнить свою угрозу, въ видѣ ежемѣсячной рублевой выдачи старику.

Не мало встрѣчалось и другихъ примѣровъ слабости авторитета крестьянскихъ властей, но распространяться о нихъ, конечно, не буду. Впечатлѣніе оставалось одно: не ростетъ такъ власть на малорусской почвѣ, какъ выростаетъ она на великорусской.

Помня бесѣду съ губернаторомъ, нельзя было не обратить особеннаго вниманія на состояніе платежнаго дѣла. Эта бесѣда подготовляла къ ожиданію встрѣтить большія недоимки и крестьянское упорство въ неплатежѣ, изъ-за котораго выступали перспективы разныхъ репрессій и способовъ доискиванія интересныхъ

Digitized by Google

„кубышекъ". Запущеніе недоимокъ вообще представлялось опаснымъ, потому что одни снисхожденія, сами по себѣ, ничего не разрѣшаютъ по существу, но грозятъ крестьянамъ, рано или поздно, очень непріятными послѣдствіями. Однако, какъ только я завелъ объ этомъ рѣчь въ первой волости, старшина доложилъ, что и подати, и „чинши" (такъ крестьяне называли выкупные платежи) всѣ, слава Богу, собраны и отвезены въ казначейство, хоть оно „и тяжко було сбирать". Требую для провѣрки квитанціи, и все это вполнѣ подтверждается: недоимки нѣтъ ни копѣйки. Въ другой, третьей волости—то же самое. Откуда же взялись эти сказанія о крестьянскомъ упорствѣ? Только въ одной волости оказалась недоимка рублей въ триста съ небольшимъ, составлявшая едва-ли четвертую часть текущаго платежа, но и она имѣла особое происхожденіе. Лѣтомъ въ этой волости было сильнѣйшее градобитіе, опустошившее и хлѣбныя поля, и огороды, и сады, гдѣ они были. Объ этомъ еще мой предмѣстникъ своевременно довелъ до свѣдѣнія губернскаго начальства, съ просьбою отсрочить или разсрочить платежъ, но результата не послѣдовало никакого, кромѣ предложенія взыскать. Мужики позажиточнѣе напряглись и уплатили, а бѣднота оказалась не въ силахъ и образовала недоимку. Требую старосту ближайшаго недоимочнаго селенія и напоминаю ему, что онъ долженъ принять всѣ мѣры къ побужденію неисправныхъ плательщиковъ, а онъ только руками разводитъ:

— Охъ, да и тяжко жъ взыскувыты! Ей Богу, у насъ есть таки, що имъ и пообѣдати не ма чимъ, не то, що платити; градъ такій бувъ, що Боже борони! У кого було що продать—попродали, а теперь и взять нечего.

Вырвавшійся возгласъ этотъ дышалъ правдивостью, да и обстоятельствами подтверждался. Встрѣчаю потомъ станового пристава и заходитъ у насъ рѣчь о платежахъ. Дошло до этой самой волости, и я вспоминаю о градобитіи и созданныхъ имъ затрудненіяхъ.

— А вы и вѣрите?—говоритъ становой.—Да мужики всегда жалуются; а что деньги у нихъ есть для платежа, такъ вотъ вамъ примѣръ. Прошлый срокъ недоимка была по той же самой волости, и меня командировали для взысканія; я и прибылъ съ казаками. Жаловались мужики и мнѣ; а какъ только мы пригрозили, такъ черезъ два часа принесли мнѣ всѣ деньги до копѣйки. Значитъ, были же онѣ у нихъ, только отдавать не хотѣли.

Такое сообщеніе не могло не заинтересовать меня, и я принялся потомъ за разслѣдованіе: все оказалось совершенно вѣрно.

Digitized by Google

И недоимка была, и становой съ казаками пріѣзжалъ, и деньги были сейчасъ представлены крестьянами полностью. Оставалась незамѣченною только подкладка. Какъ подошелъ жуткій моментъ —мужики къ мѣстному еврею. Тотъ вынулъ свои деньги, сколько было нужно, а мужики „позакладались", т.-е. сбыли за безцѣнокъ, что было можно, и обязались разными работами на будущее время,—разумѣется, по соотвѣтствующимъ подобному положенію цѣнамъ. А когда подошелъ новый срокъ платежа, тутъ и „закладаться" было не съ чѣмъ.

Писалъ я опять губернатору, ходатайствовалъ объ отсрочкѣ, указывалъ на необходимость дать пострадавшимъ оправиться и предотвратить разореніе, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, подорвется платежная исправность въ будущемъ, и недоимки выростутъ гораздо больше; разсматривалось это и въ губернскомъ присутствіи, но въ результатѣ я получилъ отказъ со ссылкою на тогдашній законъ, по которому вопросъ—не произошла ли недоимка отъ какихъ-либо несчастныхъ случаевъ и не слѣдуетъ ли оказать недоимщикамъ льготы и облегченія—подлежитъ обсужденію лишь послѣ безуспѣшнаго принятія всѣхъ мѣръ взысканія, включительно съ продажею имущества. То-есть, надлежало прежде разорить населеніе, а уже послѣ того поправлять послѣдствія разоренія. Впрочемъ, послѣ настойчивыхъ ходатайствъ и разныхъ личныхъ объясненій, тутъ все-таки дѣло обошлось безъ репрессивныхъ мѣръ. Сравнительно небольшая недоимка протянулась нѣкоторое время, до лучшаго урожая и результатовъ повѣрки уставныхъ грамотъ, послѣ чего она сгладилась сама собою.

При разговорахъ о платежахъ, наслушался я и о способахъ, практиковавшихся при взысканіи съ неисправныхъ крестьянъ. При безуспѣшности простыхъ понуканій, примѣнялся такъ называемый „грабёжъ": у мужика забиралось какое-нибудь имущество, тулупъ, свитка или иная одежда, причемъ эти вещи иногда закладывались въ кабакѣ; полученныя при залогѣ деньги поступали въ уплату повинности, а владѣльцу вещей предоставлялось выкупать ихъ впослѣдствіи. Немного же раньше практиковались и другіе, болѣе суровые способы взысканія.

— Наши мужики недоимки боятся,—разсказывалъ наиболѣе распорядительный старшина, Антонъ Бабійчукъ;—они еще помнятъ „закуціи".—Что же это за экзекуціи?—Такъ бывало еще „за панивъ" (при крѣпостномъ правѣ), да, можетъ, и немного позже.

Изъ подробныхъ объясненій эти способы оказались въ слѣ-

Digitized by Google

дующемъ видѣ: пришлютъ въ хату къ неисправному мужику понукателя,—тотъ и творитъ ему всякія пакости: опрокидываетъ въ печи горшки съ пищею, бьетъ стекла, портитъ вещи, рѣжетъ куръ и т. д.; а когда все это ужъ слишкомъ надоѣстъ хозяину, онъ и отдастъ, что̀ можетъ. Но самая дѣйствительная „закуція", по словамъ того же старшины, бывала „закуція по̀пиломъ", т.-е. золою. Изобрѣтательность тутъ выражалась въ слѣдующемъ: являются въ хату понукатели, выгребаютъ изъ печи на полъ золу, натаскиваютъ ее еще изъ другихъ мѣстъ и потомъ взбиваютъ собранную кучу прутьями и кнутьями такъ, что вся внутренность хаты наполняется ѣдкою пылью отъ пепла; тогда хозяина съ его семействомъ запираютъ внутрь хаты и сторожатъ, чтобы никто изъ нея не могъ выйти. Этой „закуціи" не выдерживалъ самый упрямый неплательщикъ: отдастъ все, что̀ у него есть. Да, тутъ, пожалуй, не удержалась бы никакая кубышка, еслибы она взаправду существовала у какого-нибудь завзятого копителя!

Одинъ помѣщикъ, въ разговорѣ о взысканіи выкупныхъ платежей, передавалъ мнѣ такія свои замѣчанія: когда взносили ихъ въ первый срокъ, видно было, что мужикъ продавалъ овцу, теленка, а теперь онъ уже продаетъ кожухъ (тулупъ), свитку или запасную шапку. Что̀ же будетъ дальше? Между тѣмъ, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ начала складываться особая форма продажи труда. Владѣлецъ давалъ мужику пятнадцать рублей, и тотъ обязывался за это работать круглый годъ по два дня въ недѣлю. Такимъ образомъ, здѣсь воскрешалась та самая пѣшая барщина, отъ которой населеніе было освобождено всего три года назадъ. Прежде мужикъ отбывалъ эту барщину за свой пѣшій земельный надѣлъ, а теперь, получивъ этотъ надѣлъ уже въ собственность, онъ, для оплаты его предъ казначействомъ, пріобрѣталъ средства цѣною той же барщины. И замѣтно было, что подобныя условія распространялись именно въ наиболѣе стѣсненныхъ селеніяхъ, гдѣ надѣлъ приближался къ минимальному размѣру, составляя десятины три съ небольшимъ на семейство, или при другихъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Гдѣ и когда земельныя и платежныя условія были лучше, тамъ этой формы продажи труда не замѣчалось.

Встрѣчаясь съ такими явленіями, нельзя было не задумываться надъ тѣмъ, какъ легко составлялись сверху представленія о мужикѣ и его отношеніи къ платежамъ. Ужъ не владѣетъ ли мужикъ особымъ талисманомъ, при помощи котораго онъ изъ трехъ десятинъ и подати заплатитъ, и высокіе выкупные пла-

Digitized by Google

тежи два раза въ годъ внесетъ, и самъ съ семьею досыта прокормится, и постоянно пьянъ будетъ, и въ кубышку все-таки отложитъ? Вѣдь думаютъ же люди, что въ платежномъ дѣлѣ вся штука въ томъ, чтобы добраться до этой кубышки и откупорить ее.

Въ одно изъ волостныхъ правленій я пріѣхалъ поздно ночью, усталый, и сейчасъ же улегся спать, примостившись у стѣнки, на деревянной скамьѣ. Разбудилъ меня рано утромъ громкій гулъ отъ множества голосовъ, слышавшійся со двора. Выглянувъ въ окно, я увидѣлъ, что весь дворъ и значительная часть деревенской улицы полны народомъ, среди котораго идетъ самый горячій разговоръ. Одни стоятъ, другіе разсѣлись на крыльцѣ волостного правленія, на валявшихся по двору бревнахъ, камняхъ и даже на плетневомъ заборѣ. Всѣ волнуются, размахиваютъ руками, слышатся громкіе возгласы, споры, но разобрать ничего нельзя. Было тутъ болѣе ста человѣкъ. Входитъ волостной писарь изъ коллежскихъ секретарей и объясняетъ, что крестьяне, успѣвъ уже узнать о моемъ пріѣздѣ, массою пришли съ жалобами на свои поземельныя обиды; къ этому онъ прибавилъ еще, что населеніе этой волости—народъ очень безпокойный, настойчивый и давно уже взволнованный. Я зналъ, что данная волость состоитъ изъ трехъ значительныхъ селеній, по которымъ состоялись выкупные договоры, утвержденные съ небольшимъ полгода назадъ; составлены-то они были давно, еще до обязательнаго выкупа, но процедура ихъ разсмотрѣнія настолько затянулась въ губерніи и въ главномъ выкупномъ учрежденіи, что дѣло завершилось уже тогда, когда всюду зашла рѣчь о повѣркѣ уставныхъ грамотъ. Едва я показался на крыльцѣ, толпа быстро сомкнулась, сняла шапки и стала предо мною стѣною. Говоръ поднялся съ разныхъ сторонъ, и понадобилось нѣкоторое время, чтобы установить поочередность рѣчей, позволявшую разбираться въ нихъ.

Оказалось, что крестьяне жалуются на самую суть выкупныхъ договоровъ. Они были зажиточнѣе другихъ, но главную поддержку этой зажиточности составляли фруктовые сады, расположенные среди помѣщичьихъ лѣсовъ. Нигдѣ я не видѣлъ потомъ такой значительности этого рода владѣнія. Сады разной величины были почти у каждаго хозяина, у нѣкоторыхъ доходили до 3 и 4 десятинъ, а въ общей совокупности по волости составляли много больше трехсотъ десятинъ. Значились эти сады въ инвентаряхъ, показаны были и по уставнымъ грамотамъ, но по выкупнымъ договорамъ надѣлъ былъ выкупленъ уже безъ са-

Digitized by Google

довъ. Для смягченія рѣзкости перехода въ крестьянскомъ положеніи, помѣщикъ согласился только оставить у крестьянъ сады на двѣнадцать лѣтъ за ту же повинность, какая назначена была за нихъ по уставнымъ грамотамъ, т.-е. по оцѣнкѣ полевой земли. Словомъ, на бумагѣ выходило такое противорѣчіе: крестьяне будто не желали удержать сады и отказались отъ ихъ выкупа, но въ то же время старались удержать ихъ у себя на возможно продолжительный срокъ за ту же плату, какая взносилась бы по ихъ выкупу; а какъ они относились къ нимъ на дѣлѣ—показывала уже та взволнованная масса, которая стояла предо мною. Фактически крестьяне еще пользовались садами, но опасались потерять ихъ черезъ двѣнадцать лѣтъ, и пришли требовать укрѣпленія ихъ за собою.

Помня, что выкупные договоры сохранены въ силѣ со всѣми послѣдствіями, и законъ этотъ еще не измѣненъ, я началъ съ прямого отказа: у васъ-де выкупъ по добровольному соглашенію, вы сами пожелали выкупить надѣлъ безъ садовъ,—значитъ, все такъ и должно остаться. Но это, разумѣется, нисколько не успокоило толпу. Посыпались протесты противъ документальной добровольности, стали разсказывать, какъ въ одномъ изъ окрестныхъ селеній производилось „усмиреніе“ съ расправами, какъ ихъ самихъ пугали подобною же расправою, если они не примутъ выкупного договора и т. д. Одни вопіяли, другіе плакали, масса становилась на колѣни. Натащили множество яблокъ и грушъ изъ своихъ садовъ, чтобы показать, какъ цѣнны эти сады, и качество плодовъ, дѣйствительно, подтверждало эту цѣнность. Обѣщали вѣкъ молить Бога за меня и заказать своимъ потомкамъ молиться за моихъ потомковъ, если сады будутъ за ними укрѣплены; словомъ, крестьянская аттака вышла такъ эффектна, что первая встрѣча съ достоинствомъ „добровольныхъ“ выкупныхъ договоровъ произвела на меня сильное впечатлѣніе, и я заколебался. Нѣкоторые мужики предъявили еще старинныя записи, доказывавшія принадлежность садовъ тѣмъ или другимъ изъ нихъ и признаніе этой принадлежности помѣщиками.

— Сады совсѣмъ наши съ дѣдовъ и прадѣдовъ, еще они ихъ садили, и паны добре это знаютъ,—за что-жъ у насъ ихъ отбираютъ, для чего мы платимъ теперь за батьковщину и дѣдовщину!—вопіяли крестьяне, выражая претензію на полное право собственности на плоды трудовъ своихъ предковъ. Но такъ какъ я отказывался признать эту собственность, то, спустя немного, они тономъ уступки сдѣлали другое предложеніе:

— Ну, такъ нельзя ли намъ хоть выкупить эти сады?

Digitized by Google

На это я отвѣтилъ, что еслибы и удалось какимъ-нибудь образомъ отстоять сады, то, разумѣется, не иначе, какъ путемъ выкупа, подъ условіемъ ежегодныхъ платежей, потому что даромъ никакія земли не даются. Тогда уже пошли разговоры о выкупѣ. Вспомнивъ одно мѣсто инструкціи и одинъ министерскій циркуляръ, касавшіеся возможности добавочныхъ выкуповъ тѣхъ частей надѣла, которыя не были выкуплены сразу, я немного оживился надеждою и сказалъ крестьянамъ, что просить о дополнительномъ выкупѣ садовъ они, конечно, могутъ, но я вовсе не ручаюсь за успѣхъ и они должны быть готовы встрѣтить неудачу. Притомъ, если они рѣшатся просить, то однихъ словесныхъ возгласовъ недостаточно, а надо всѣмъ тремъ селеніямъ постановить рѣшенія о ходатайствѣ на сходахъ, выбрать уполномоченныхъ и представить мнѣ мірскіе приговоры. На этомъ мы пока и покончили. Добавлю, что мірскія ходатайства были мнѣ очень скоро доставлены, я потомъ началъ дѣло, и, послѣ разныхъ перипетій, оно было-таки доведено до благополучнаго конца; спустя около года, у меня было даже согласіе помѣщика на выкупъ садовъ.

Еще въ одной волости пришлось встрѣтить новый сюрпризъ. Окончивъ разговоръ съ крестьянскими властями о текущихъ дѣлахъ, я замѣтилъ, что сельскій староста и сборщикъ какъ будто что-то хотятъ сказать, да все не рѣшаются. Выждавъ немного, я самъ спросилъ, что они имѣютъ заявить?

— А какъ же съ тѣмъ будетъ, что исправникъ насъ наказалъ?—робко проговорилъ староста.

— Какъ наказалъ? Когда? По какому случаю?

— А такъ. Помѣщикъ на насъ нажаловался, а исправникъ приказалъ принести розогъ и насъ обоихъ наказали. Такъ для насъ это дуже обидно, „бо мы люди выборни“.

Сначала я просто не рѣшался повѣрить этому. Вѣдь сельскій староста по закону освобожденъ отъ тѣлеснаго наказанія, слѣдовательно—могъ ли исправникъ рисковать собственною уголовною отвѣтственностью? Однако, по невѣдѣнію или самоувѣренности, все это дѣйствительно было совершено. Разспросилъ я другихъ крестьянъ и старшину, и они подтвердили, что мѣсяцъ назадъ, какъ разъ въ промежуткѣ времени между отъѣздомъ прежняго посредника и моимъ прибытіемъ въ участокъ, исправникъ распорядился именно такъ, какъ разсказывали староста и сборщикъ. Сколько я ни передумывалъ, такое дѣло оставлять было нельзя, потому что иначе полиція ужъ очень далеко зайдетъ въ своемъ произволѣ, и для меня совершенно неизбѣжно было

Digitized by Google

начать свое управленіе объявленіемъ ей войны. Разузнавъ обо всемъ обстоятельнѣе, я рѣшился немедленно сообщить объ упомянутомъ происшествіи губернатору, прося его дать дѣлу законный ходъ, въ полной увѣренности, что и онъ строго отнесется къ допущенному беззаконію. Такъ я и сдѣлалъ. Вернувшись съ объѣзда домой, написалъ и послалъ губернатору соотвѣтствующую бумагу, но результатъ вышелъ совсѣмъ не тотъ, какого я ожидалъ. Губернаторъ, по обычаю немалаго числа другихъ, имѣлъ слабость къ всегда покорной ему и угодливой полиціи. Онъ ничего мнѣ не отвѣтилъ, а стороною я узналъ, что онъ покосился на меня самого. По словамъ одного изъ членовъ губернскаго присутствія, онъ въ одномъ разговорѣ такъ отозвался обо мнѣ: „Вотъ, нашелъ объ чемъ писать! велика важность, что исправникъ старосту высѣкъ!“ Отношенія между нами ухудшились, и я заподозрѣнъ былъ въ прикосновенности къ „вопросамъ“ и баловству мужика. Впрочемъ, и то сказать: тутъ нужно русское дѣло дѣлать, а человѣкъ вдругъ поднимаетъ тревогу изъ-за наказаннаго старосты! Такъ бумага и залежалась въ губернаторской канцеляріи безъ движенія до перемѣны губернатора, а тогда и самъ покровительствуемый исправникъ исчезъ изъ губерніи.

Вслѣдъ за этою исторіею, вышло у меня и другое столкновеніе съ полиціей, по поводу вынырнувшей бытовой черты. Пришелъ ко мнѣ мужикъ съ жалобою и разсказалъ, что командированный исправникомъ полицейскій служитель, явившись въ деревню, приказалъ нѣсколькимъ крестьянамъ, въ томъ числѣ и ему, перевозить въ городъ исправничье сѣно, разумѣется, безплатно; жалобщикъ почему-то не могъ исполнить этого требованія; тогда полицейскій „заграбилъ“ у него свитку, заложилъ въ кабакѣ за два рубля и на полученныя деньги нанялъ для перевозки какого то шляхтича. Мужикъ не на привычную безплатность работы жаловался, но дороги ему были свитка и деньги. Я написалъ бумагу уже самому исправнику, требуя удовлетворенія мужика, и вручилъ эту бумагу самому жалобщику для передачи по адресу. Черезъ день, является ко мнѣ тотъ же мужикъ, уже сіяющій, показываетъ лично возвращенныя ему исправникомъ двѣ рублевыя бумажки, а затѣмъ приходитъ ко мнѣ и отвѣтная бумага, изъ которой явствуетъ, что жалобщикъ удовлетворенъ и во всемъ виновато самоволіе разсыльнаго, получившаго за то строгій выговоръ.

Вышло, что съ самаго начала я пріобрѣлъ себѣ искренняго врага въ полиціи; однако, это обстоятельство имѣло и хорошую

Digitized by Google

сторону: полиція стала гораздо осторожнѣе въ отношеніи къ населенію моего участка, и сколько-нибудь значительныхъ жалобъ на ея дѣйствія отъ крестьянъ я больше не получалъ въ теченіе полуторагодового управленія этимъ участкомъ.

Вотъ какова была совокупность впечатлѣній отъ перваго знакомства съ положеніемъ крестьянъ и ихъ управленія. Ясно стало, какъ еще велико наслѣдіе прошлаго и какъ много нужно стараній, чтобы поставить дѣло въ сколько-нибудь удовлетворительное положеніе и водворить законность съ огражденіемъ правъ.

III.

Конецъ Аннинковскаго управленія.

Осень 1864 и зима 1864—1865 годовъ заканчивали періодъ Аннинковскаго управленія юго-западнымъ краемъ и для крестьянскаго дѣла проходили вяло, при той же двойственности теченій, какая вообще отличала это управленіе. Монотонно, съ неувѣренностью въ успѣхѣ, тянулись повѣрочныя работы и не безъ борьбы разрѣшались возникавшіе практическіе вопросы. А съ другой стороны, въ это же время складывался характеръ вновь преобразованныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, и они довольно внимательно занимались изученіемъ тѣхъ нуждъ и интересовъ сельскаго населенія, съ которыми предстояло считаться при переустройствѣ крестьянскаго положенія.

Нашъ мировой съѣздъ собирался часто для выполненія процесса повѣрки уставныхъ грамотъ по точнымъ указаніямъ инструкціи временной коммиссіи. Посылались крестьянскимъ обществамъ повѣстки съ требованіемъ выбрать и прислать къ назначенному дню въ мировой съѣздъ уполномоченныхъ для заявленія возраженій противъ грамотъ. Явятся эти уполномоченные, прочитаются имъ подлежащія статьи Положеній съ словесными разъясненіями; медленно, съ остановками на каждомъ пунктѣ, прочтется уставная грамота; уполномоченные заявятъ объ отнятіи инвентарныхъ усадебъ, объ уменьшеніи полевого надѣла, объ обмѣнѣ какихъ-нибудь участковъ, и часто заявятъ не все, потому что одни уполномоченные вообще не могли помнить всего, бывшаго за семнадцать лѣтъ назадъ, а иногда недостаточно интересовались тѣмъ, что касалось не близкихъ имъ крестьянъ; пожалуются еще на тягость выкупныхъ платежей, объяснивъ, отъ чего именно она происходитъ. Все это записывалось, и въ ре-

Digitized by Google

зультатѣ обыкновенно слѣдовала почти стереотипная резолюція: о заявленныхъ возраженіяхъ сообщить помѣщику для представленія имъ объяснительныхъ свѣдѣній; просить мирового посредника такого-то участка произвести по такимъ-то пунктамъ заявленій мѣстное дознаніе, о послѣдствіяхъ коего представить въ непродолжительномъ времени мировому съѣзду; а одному изъ землемѣровъ поручить повѣрочное измѣреніе крестьянскаго надѣла. Затѣмъ уполномоченные отпускаются, пишутся бумаги помѣщику, посреднику и землемѣру, а далѣе все откладывается на неопредѣленное время, такъ какъ отъ помѣщика надо ждать объясненій, а землемѣрныхъ работъ производить нельзя, когда земля представляетъ площадь грязи или покрыта снѣгомъ; да и посреднику не по всѣмъ пунктамъ удобно было производить дознаніе, требовавшее земельныхъ осмотровъ, при трудности или невозможности отличать черноземъ отъ глины и песку, различать борозды и др. примѣты разныхъ урочищъ.

Такъ предъявится, бывало, въ день три-четыре уставныхъ грамоты, на что пойдетъ нѣсколько часовъ времени, а въ результатѣ пока накопляется только бумажный матеріалъ. Иногда, при близости къ городу деревень, которыхъ касалась повѣрка, мы выѣзжали и въ волости, но это мало помогало ускоренію, потому что встрѣчались такія же затрудненія для осмотровъ. Сравнительно большая законченность возможна была лишь тамъ, гдѣ возраженій почти вовсе не было или они, по своей незначительности, допускали быстрое разъясненіе. Поработаетъ съѣздъ надъ повѣркою дня два или три сряду, а потомъ—пауза: надо посредникамъ ѣхать въ участки и отвлекаться къ текущимъ дѣламъ управленія.

Неудобенъ и довольно томителенъ былъ такой порядокъ. Кромѣ затяжки, плохо было то, что центръ тяжести разслѣдованій оставался въ рукахъ каждаго отдѣльнаго посредника. Одинъ сдѣлаетъ мѣстное дознаніе толково, внимательно и участливо, соберетъ всѣ нужныя показанія и справки,—словомъ, выяснитъ все существенное; а другой,—по неумѣлости, невниманію или даже по какимъ-нибудь личнымъ склонностямъ, состряпаетъ все какъ-нибудь, распространится о пустякахъ и упуститъ важное. Поѣдутъ на дознаніе маіоръ или слишкомъ виляющій чиновникъ—что они привезутъ? Иныя дознанія требовали повтореній. Очевидно, нужно было больше объединяющаго дѣйствія мирового съѣзда, при которомъ каждый дѣятельный членъ его могъ бы оказывать вліяніе на дѣла чужихъ участковъ и сокращался бы просторъ значенію личныхъ особенностей. Однако, условіе это

Digitized by Google

явилось только въ концу года, когда новое измѣненіе инструкціи потребовало, чтобы вся провѣрка производилась на мѣстахъ коллективно мировымъ съѣздомъ, съ приглашеніемъ помѣщика или его довѣреннаго и съ участіемъ не только крестьянскихъ уполномоченныхъ, но и всѣхъ желающихъ явиться къ повѣркѣ крестьянъ. Только тогда явилась возможность разомъ получать всю массу крестьянскихъ возраженій, тутъ же выслушать помѣщичьи объясненія, здѣсь же произвести всѣ мѣстные осмотры и, прежде выѣзда съѣзда изъ селенія, составить полное заключеніе по существу повѣрки, за которымъ оставались лишь землемѣрныя работы.

Впрочемъ, перемѣна эта серьезно пригодилась только для будущаго времени, а въ описываемое—все тормазилось вліяніемъ неблагопріятнаго сезона. Энергическое движеніе дѣла предвидѣлось только съ открытіемъ весны, а до того приходилось ждать и писать.

Вынужденный досугъ можно и нужно было утилизировать въ другомъ отношеніи, изучая наличное положеніе и интересы крестьянства. Въ этомъ чувствовалась большая потребность, такъ какъ многіе были въ мѣстности людьми новыми, а при предстоящихъ работахъ необходимо было дѣйствовать сознательно, возможно лучше понимая значеніе каждой нужды и права. Въ первое время новымъ людямъ представлялось еще не мало неяснаго. Особенно приходилось интересоваться вопросомъ—отъ чего наиболѣе зависитъ крестьянская состоятельность, какія условія отражаются на ней сильнѣе? Разномыслія было довольно.

Тогда всего больше въ ходу была мысль о пониженіи выкупныхъ платежей. Находились люди, полагавшіе, что въ немъ почти вся суть, и что отъ платежнаго облегченія мужикъ всего скорѣе станетъ въ лучшее положеніе. Случалось слышать, что лучше мужику даже земли получить поменьше, лишь бы меньше платить. Законъ, расширявшій возможность пониженія платежей, былъ только-что проведенъ съ большимъ трудомъ, и новизна его, до извѣстной степени, заслоняла другія стороны крестьянскаго устройства. Однако, какъ ни важно было это дѣло, какъ ни рельефно выступала иногда трудность платить то, что назначено на основаніи уставныхъ грамотъ, все-же тутъ былъ не весь ключъ къ улучшенію крестьянскаго состоянія, а лишь одна сторона вопроса, на ряду съ которою стояла другая—размѣръ земельнаго надѣла, могущій увеличиваться съ возстановленіемъ инвентарнаго владѣнія. Не очень много требовалось времени и наблюденій, чтобы убѣдиться въ первостепенной важности именно

Digitized by Google

земельной стороны вопроса. Помню, какъ отзывались сами крестьяне при многочисленныхъ разговорахъ съ ними о подобныхъ предметахъ.

— Платить тяжко,—говорили они,—дай Богъ, чтобы намъ скорѣе уменьшили „чинши", а сказать по правдѣ—земля нужнѣе. Сбавятъ мнѣ чинша рубля три-четыре въ годъ—будетъ добре, однако только и будетъ, что три или четыре рубля. А вотъ если у меня прибавится земли, тогда, коли дастъ Богъ хорошій урожай, сколько я хлѣба сберу! И сами голодать не будемъ, и скотъ будетъ сытъ, и держать его можно больше. Будетъ и корова, и овца, и теленокъ; больше будетъ даже куръ и яицъ, можно и больше продать. Вотъ тутъ выйдетъ уже не три рубля.

Такіе крестьянскіе отзывы находили себѣ подтвержденіе при первыхъ серьезныхъ попыткахъ анализа сельскихъ бытовыхъ условій. Средства мужика слагались изъ двухъ элементовъ: урожая съ земельнаго надѣла и заработковъ отъ труда по найму; а главныя его нужды состояли въ содержаніи самого себя съ семействомъ, въ уплатѣ податей и во взносѣ выкупныхъ платежей. Но изъ этихъ нуждъ пропорціональна величинѣ надѣла была только уплата выкупного платежа, котораго требовалось 2 р. 64 коп. съ каждой полевой десятины; стоимость же собственнаго содержанія и размѣръ податей нисколько не зависѣли отъ числа надѣльныхъ десятинъ, такъ какъ первая опредѣлялась количествомъ ртовъ, а послѣдній выводился по числу ревизскихъ душъ; слѣдовательно, обѣ послѣднія нужды, будучи величинами постоянными, въ однихъ случаяхъ падали на большой, а въ другихъ—на малый надѣлъ. Поэтому, дѣло представлялось такъ: все получаемое съ одной десятины земли, за вычетомъ слѣдующаго за нее выкупного платежа, образуетъ остатокъ средствъ, добытый крестьянскимъ трудомъ и идущій на содержаніе семьи и подати; чѣмъ больше десятинъ въ надѣлѣ—тѣмъ больше такихъ остатковъ, тѣмъ легче кормиться и оплачиваться. При большомъ надѣлѣ, означенными остатками покроются и содержаніе, и подати; при меньшемъ—одно содержаніе безъ податей, которыя надо покрывать уже заработками; а при еще меньшемъ—остатковъ не хватитъ и на одно содержаніе, такъ что и часть послѣдняго, и всѣ подати уже очутятся въ зависимости отъ случайныхъ наемныхъ работъ. Да и этимъ значеніе величины надѣла еще не ограничивалось, потому что отъ нея зависѣла также и прибыльность самого наемнаго заработка. Когда мужикъ весь, со всѣми своими нуждами, зависитъ отъ этого заработка, онъ

Digitized by Google

продаетъ свой трудъ гораздо дешевле, чѣмъ когда зависитъ отъ него лишь отчасти. Въ предыдущей главѣ уже было показано, какъ принижалась цѣна труда при стѣсненномъ положеніи крестьянъ и какія тягостныя формы тутъ принимали условія найма.

Такимъ образомъ, зависимость крестьянской состоятельности отъ величины надѣла обозначалась совершенно ясно, и не даромъ крестьяне такъ дорожили этою величиною. Если важно было—*сколько* платить, то еще важнѣе—чтобы было *изъ чего* платить. Означенная величина, будучи кореннымъ условіемъ хозяйственнаго устройства, имѣла несомнѣнную связь и съ вопросомъ о пониженіи платежей, коль скоро законъ требовалъ соображенія этого пониженія со степенью состоятельности плательщиковъ. Хотя выкупные платежи нуждались въ уменьшеніи уже вслѣдствіе своего несоотвѣтствія современнымъ земельнымъ цѣнамъ, но и при одинаковомъ достоинствѣ земли малонадѣльный больше нуждался въ платежномъ облегченіи, чѣмъ лучше надѣленный.

Кромѣ платежнаго вопроса, на которомъ я остановился собственно для примѣра, было еще не мало другихъ, требовавшихъ изученія и вызывавшихъ въ первое время разномыслія; но распространяться о нихъ здѣсь не стану. Довольно сказать, что зима, о которой идетъ рѣчь, была порою оживленнаго обмѣна мнѣній и многихъ споровъ при встрѣчахъ представителей разныхъ мировыхъ съѣздовъ. Даже людямъ одинаковыхъ цѣлей и симпатій надо было хорошо столковаться по серьезнымъ пунктамъ прежде наступленія весенней рабочей поры, когда, какъ ясно уже предвидѣлось, нельзя будетъ ни медлить, ни отвлекаться къ обсужденію частныхъ вопросовъ отъ нетерпящаго отлагательствъ ежедневнаго разрѣшенія практическихъ случаевъ. Но потребность объединенія взглядовъ и способовъ дѣйствія усиливалась еще тѣмъ, что въ общей массѣ личнаго состава мировыхъ съѣздовъ далеко не было однородности, тогда какъ допускать рѣшеніе одинаковыхъ дѣлъ въ каждомъ уѣздѣ на свой ладъ—значило рисковать существенными неудачами въ участи всего дѣла. На этой неоднородности слѣдуетъ остановиться здѣсь нѣсколько внимательнѣе.

Въ IV главѣ статьи „Крестьянская реформа въ юго-западномъ краѣ“ („Вѣстникъ Европы“, сентябрь, 1900 г.) было уже сказано, какимъ разнообразіемъ отличался составъ претендентовъ на должности по крестьянскимъ учрежденіямъ. Но то были только претенденты, а ко времени развитія дѣятельности означенныхъ учрежденій устанавливались уже характерныя черты

Digitized by Google

ихъ фактическаго состава, какъ онъ образовался подъ вліяніемъ смѣшанности благопріятныхъ и неблагопріятныхъ условій выбора. Какъ объяснялось выше, не мало приложено было стараній къ привлеченію живыхъ и полезныхъ людей, но въ то же время дѣйствовали административныя традиціи, выражавшіяся въ неосмысленной подозрительности къ тѣмъ же живымъ, нравственно самостоятельнымъ людямъ, въ которыхъ предполагались разные „измы", а также въ назначеніяхъ по протекціи, наугадъ и по разнымъ служебнымъ соображеніямъ. Вліяніе заботъ временной коммиссіи перемѣшивалось съ вліяніемъ сортировки кіевской и губернской администраціи. Были примѣры, когда выживались полезные люди изъ-за вздора, пустыхъ сплетенъ и фантастическихъ представленій. Оттого въ образовавшемся составѣ сказывалось не одно то, что̀ могло дать для мѣстнаго крестьянскаго дѣла современное русское общество, но вся совокупность тогдашнихъ общественныхъ и административныхъ нравовъ. Избѣгнуть разнообразія составъ учрежденій не могъ, и въ немъ сложилось нѣсколько типичныхъ группъ, на которыхъ я здѣсь и остановлюсь.

Были люди, относившіеся къ дѣлу вполнѣ серьезно, смотрѣвшіе на реформу, какъ на вопросъ о лучшемъ устройствѣ самихъ крестьянъ. Чуждые обычныхъ служебныхъ, личныхъ интересовъ, они видѣли въ своемъ трудѣ не службу въ тѣсномъ смыслѣ, а „дѣятельность" на пользу населенія, оживляясь стремленіемъ поставить крестьянъ въ возможно независимое экономическое положеніе и утвердить согласную съ цѣлями Положеній самостоятельность ихъ общественнаго управленія. Словомъ, здѣсь на первый планъ ставился самъ мужикъ. Этотъ элементъ численно былъ невеликъ, но способенъ къ вліятельности по качеству.

Другую категорію представляли люди съ извѣстною политическою окраскою понятій. Эти считали умѣстнымъ заботиться о крестьянскихъ интересахъ главнымъ образомъ потому, что край былъ предъ ними западный, и не прочь были иногда спеціально постараться повредить помѣщикамъ.—„Хорошо этому мужичью, что паны взбунтовались, — слышалось иногда изъ среды такихъ людей, — иначе вѣкъ бы ему не видать того, что̀ оно теперь получаетъ. Мужики воображаютъ, будто все это такъ имъ и слѣдуетъ, будто все это именно для нихъ дѣлается. Какъ бы не такъ! *Мы* имъ даемъ—вотъ и все. Пусть намъ скажутъ спасибо".

Встрѣчались и видѣвшіе въ работѣ по крестьянскому дѣлу,

Digitized by Google

какъ обращавшему тогда на себя исключительное вниманіе, просто способъ служебнаго отличія.

Не мало было такихъ, понятія которыхъ не шли дальше простой исполнительности. Велитъ начальство отрѣзать землю крестьянамъ отъ помѣщиковъ—мы рѣжемъ; а завтра велитъ отрѣзать обратно помѣщикамъ отъ крестьянъ—мы и это исполнимъ съ тѣмъ же усердіемъ. Лишь бы начальству угодить и оно было довольно. Такіе легче ладили и съ помѣщиками: что жъ, молъ, мы дѣлаемъ то, что отъ насъ требуется; намъ-де и самимъ жаль, что приходится дѣлать вамъ непріятное, да что тутъ подѣлаешь! Конечно, думали они, мужику и того довольно, что онъ уже свободенъ,—чего жъ ему еще? Дали меду, такъ, видно, и ложки захотѣлось! Проникнуться сознаніемъ крестьянскаго права имъ было не по силамъ, и ихъ симпатіи скорѣе были на противоположной сторонѣ. Пассивность была основною чертою такихъ людей.

Попадались и чистокровные крѣпостники, пытавшіеся обдѣлывать, что можно, на свой ладъ, втихомолку или—при удобныхъ условіяхъ—явно; подъ шумокъ или гласно—только бы добиться своего.

Среди такихъ типовъ встрѣчались и отдѣльныя разновидности, на которыхъ останавливаться не стоитъ,—напр., лѣнивые, безвольные, ко всему равнодушные, не разсчитывавшіе ни на достиженіе извѣстныхъ результатовъ, ни на отличія. Все пассивное только цѣпко держалось за свои „мѣста“. Въ такую большую массу, какъ слишкомъ двѣсти человѣкъ въ трехъ губерніяхъ, не могло не проникнуть „всякаго жита по лопатѣ“, и, въ той или другой степени, люди не могли не вносить въ свою дѣятельность разнообразія понятій, привычекъ, разныхъ долей добросовѣстности и т. под., какія были свойственны общественнымъ группамъ, изъ которыхъ эти двѣсти человѣкъ вышли.

Правда, надъ всѣми ими носился оживляющій духъ, съ которымъ, волею-неволею, приходилось считаться: сдерживая несогласныя съ нимъ стремленія или поползновенія, защита крестьянскихъ интересовъ уже становилась дѣломъ чести; болѣе живой элементъ учрежденія сохранялъ извѣстный нравственный авторитетъ,—однако, этотъ же авторитетъ встрѣчалъ противодѣйствіе сверху, откуда, порою, слышались такія сужденія: „Эти посредники и предсѣдатели не могутъ понять своего назначенія; они задаются какими-то „убѣжденіями“, „направленіями“, забывая, что они—только исполнители, и не должны быть ничѣмъ больше; они становятся на какія-то ходули, воображаютъ себя

Digitized by Google

„дѣятелями", тогда какъ они просто чиновники, отъ которыхъ требуются не мнѣнія, а одна исполнительность по указаніямъ начальства; вся бѣда въ томъ, что они никакъ этого понять не могутъ". Такая проповѣдь, хотя и не въ очень рѣшительномъ тонѣ, слышалась не только въ описываемое время; она воскресла и нѣсколько лѣтъ спустя, уже въ самомъ концѣ устроительныхъ работъ, когда умершаго генералъ-губернатора Безака замѣнилъ кн. Дондуковъ. Однако, что же тутъ осуждалось? Живое отношеніе къ дѣлу, т.-е. именно то качество, изъ-за отсутствія котораго терпѣлось въ прошломъ столько бѣдъ, безъ чего подкашивалась сила лучшихъ намѣреній и даже лучшихъ правительственныхъ начинаній, безъ чего открывался широкій просторъ всякой недобросовѣстности. Когда было у насъ меньше надежныхъ и полезныхъ людей, если не при господствѣ безразличнаго отношенія ко всякимъ требованіямъ, къ добру и злу? Мертвыми людьми мы всегда были богаты, а въ живыхъ слишкомъ часто ощущался недостатокъ. Упомянутая проповѣдь, въ сущности, выражала жалобу на то, что въ людяхъ мало мертвечины и они не умѣютъ приспособиться такъ, чтобы живое дѣло не будило въ нихъ ровно ничего. Но вырвите у человѣка способность живо откликаться на живые интересы, т.-е. дѣйствовать по убѣжденію и въ силу симпатіи—какого бездушнаго автомата вы получите! Что, кромѣ личнаго интереса, останется у него въ побужденіяхъ? Трудно, однако, дается пониманіе различія между дѣйствованіемъ посредствомъ живыхъ людей и посредствомъ мертвыхъ орудій.

Однако, при наступленіи болѣе благопріятныхъ условій, несмотря на объясненную рознь представителей учрежденія, стало возможнымъ большое объединеніе ихъ дѣйствій. Разрѣшая при повѣркѣ уставныхъ грамотъ вопросы о крестьянскихъ правахъ и интересахъ, могли дѣйствовать согласно: и тотъ, кто сознательно и участливо относился къ этимъ правамъ; и тотъ, кто думалъ о преслѣдованіи политическихъ цѣлей; и искатель внѣшнихъ отличій и начальственныхъ благоволеній; и ничего не думавшіе, но пассивно державшіеся за „мѣста". У каждаго могли быть свои побужденія, своя особая мотивировка или никакой мотивировки, но въ ближайшихъ способахъ дѣйствія они могли сходиться на защитѣ крестьянскихъ интересовъ. Словомъ, стеченіе наличныхъ обстоятельствъ не разъ стушевывало ту рознь между людьми, которая, при иныхъ условіяхъ, проявилась бы во всей своей силѣ и рѣзкости. Впослѣдствіи, истые чиновники, въ своемъ внѣшнемъ усердіи къ крестьянскимъ интересамъ, могли

Digitized by Google

заходить даже гораздо дальше тѣхъ, кто относился къ этимъ интересамъ искреннѣе и сознательнѣе, но зато тѣмъ же чиновникамъ случалось доходить и до абсурда.

Но въ описываемую пору рознь была еще значительнымъ тормазомъ и сильнѣе, чѣмъ въ уѣздныхъ учрежденіяхъ, сказывалась въ губернскомъ мірѣ. Въ губернскомъ присутствіи она особенно поддерживалась участіемъ тѣхъ не-спеціальныхъ членовъ, которые засѣдали въ присутствіи по другимъ должностямъ, собственно крестьянскому дѣлу были чужды, и играли въ политику, считая для себя удобнымъ быть привѣскомъ къ губернаторскому голосу. Для характеристики этого, чтобы не разбрасываться въ подробностяхъ, передамъ исторію одного серьезнаго вопроса, выдвинутаго практикою дѣла какъ-разъ около момента смѣны Анненковскаго періода періодомъ новаго генералъ-губернаторскаго управленія.

Въ одномъ изъ участковъ нашего уѣзда обнаружился такой случай, что по измѣренію крестьянскаго надѣла въ немъ оказалось земли больше, чѣмъ показано было по уставной грамотѣ, то-есть въ послѣдней ошибочно былъ пропущенъ въ каждомъ крестьянскомъ участкѣ одинъ моргъ или около того. Платежи были исчислены, какъ вездѣ, на основаніи грамоты, т.-е. по меньшему количеству земли, и взносились крестьянами уже три раза. Мировой посредникъ пришелъ въ недоумѣніе—слѣдуетъ ли оказавшійся „излишекъ по измѣренію“ облагать добавочнымъ платежомъ? Не зная, какъ поступить, онъ представилъ этотъ вопросъ въ мировой съѣздъ. Я не могъ не заинтересоваться этимъ особенно, какъ по серьезному значенію дѣла, такъ и потому, что уже предвидѣлъ въ своемъ собственномъ участкѣ нѣсколько подобныхъ же примѣровъ. Пока у насъ шли объ этомъ частные разговоры, я высказалъ мнѣніе, что упомянутые излишки ни въ какомъ случаѣ обложенію не подлежатъ, такъ какъ, по правиламъ обязательнаго выкупа, Высочайше утвержденнымъ 8-го октября 1863 года, мировымъ съѣздамъ предоставлено было измѣнять надѣлъ и повинности лишь съ ограниченіемъ, именно „безъ права возвышать“ платежи, выведенные на основаніи грамотъ. Разъ эти платежи признаны предѣльными—повышать ихъ нельзя, тѣмъ болѣе, что и самая цѣль закона состояла въ томъ, чтобы съ момента объявленія выкупа положеніе крестьянъ, по крайней мѣрѣ, не ухудшалось. Возраженій со стороны товарищей я не встрѣтилъ, но все-таки попросилъ, чтобы дѣло было доложено съѣзду въ моемъ присутствіи; а если во время засѣданія меня въ городѣ не будетъ, то чтобы его отложили. Тутъ

Digitized by Google

я имѣлъ въ виду необходимость серьезно обосновать рѣшеніе въ объясненномъ смыслѣ на случай помѣщичьихъ жалобъ, и не могъ не дорожить такимъ рѣшеніемъ, потому что оставленіе на бо́льшемъ числѣ десятинъ платежа, исчисленнаго за мѣньшее, было равносильно пониженію платежей. Такъ какъ послѣднее проводилось еще съ большимъ трудомъ, то нельзя было пренебрегать тѣмъ способомъ облегченія крестьянъ, который являлся приложеніемъ готоваго текста закона.

Между тѣмъ, вышло иначе. Какъ разъ во время засѣданія съѣзда, я разъѣзжалъ по участку, а въ съѣздѣ забыли о моей просьбѣ и доложили дѣло. Мои нерѣшительные товарищи пришли въ затрудненіе, ка̀къ быть, и постановили уклончивую резолюцію: о возникшемъ вопросѣ представить на благоусмотрѣніе губернскаго присутствія. Вернувшись изъ объѣзда, я очень досадовалъ на эту нерѣшительную резолюцію, но постановленіе уже было подписано, и оставалось его исполнить. Надо было искать способовъ поправки. Мы кончили на томъ, что съѣздъ, входя съ представленіемъ въ присутствіе, добавитъ къ нему свои соображенія о томъ, что „излишковъ“ облагать не слѣдуетъ. Писать соображенія пришлось уже мнѣ, и я основалъ ихъ на точномъ смыслѣ упомянутаго закона. Зная, однако, какъ въ нашемъ губернскомъ присутствіи большинство склонно къ погребенію содержательныхъ вопросовъ, и къ тому же имѣя въ виду, что какъ разъ въ это время Канищевъ былъ въ командировкѣ, а Пассекъ боленъ,—слѣдовательно, большинство можетъ не встрѣтить и противодѣйствія,—я рѣшился еще прямо отъ себя представить о томъ же вопросѣ въ кіевскую временную коммиссію. Тутъ вышла новая помѣха: послѣдовала перемѣна генералъ-губернатора, одновременно съ которою коммиссія была упразднена, и исходъ дѣла совсѣмъ повисъ на губернскомъ присутствіи.

Прошло нѣсколько времени. Встрѣчаю разъ одного изъ членовъ присутствія и узнаю отъ него, что нашъ вопросъ собираются совсѣмъ похоронить. Подыскали въ первоначальныхъ правилахъ о приведеніи въ дѣйствіе Положеній 19-го февраля статьи, по которымъ, при обнаруженіи измѣреніемъ ошибочнаго показанія величины надѣла въ уставныхъ грамотахъ, показаніе это измѣняется, а повинности опредѣляются согласно вновь оказавшемуся количеству земли—и задумали примѣнить эти статьи къ нашему вопросу, т.-е. обложить излишки. А чтобы отдѣлаться отъ закона о невозвышеніи платежей, придумали объяснить его въ томъ смыслѣ, что онъ-де запрещаетъ увеличивать платежи не за „цѣлые“ надѣлы, а только въ выводѣ на каждую десятину,—

Digitized by Google

слѣдовательно, коль скоро десятинъ оказалось больше, то и платить слѣдуетъ больше.

Меня это встревожило,—но что̀ дѣлать? Вѣдь если рѣшитъ присутствіе—такъ и пойдетъ вездѣ; и во многихъ случаяхъ крестьяне, даже не получивъ никакой фактической прибавки къ своему надѣлу, станутъ платить больше, чѣмъ платили, т.-е. повѣрка по распоряженію правительства принесетъ имъ, вмѣсто облегченія, одно отягченіе. Я бросился къ больному Пассеку и сталъ уговаривать его непремѣнно быть въ томъ засѣданіи, гдѣ наше дѣло будетъ разсматриваться, чтобы, насколько можно, противодѣйствовать большинству. Пассекъ очень горячо отнесся къ дѣлу, и, хотя еще несовсѣмъ оправился, обѣщалъ быть въ засѣданіи. Мы тутъ же вмѣстѣ набросали аргументацію защиты соображеній, представленныхъ отъ имени нашего съѣзда, построивъ ее, приблизительно, такъ: статьи правилъ о приведеніи въ дѣйствіе положеній, допускающія измѣненіе платежей при обнаруженной измѣненіемъ невѣрности показанія величины надѣловъ въ уставныхъ грамотахъ, относятся лишь къ тѣмъ селеніямъ, по которымъ еще не состоялось выкупа, т.-е. гдѣ существуютъ еще временно-обязательныя отношенія; но въ юго-западномъ краѣ обязательный выкупъ объявленъ еще въ 1863 году, причемъ крестьянамъ назначены выкупные платежи, выведенные на основаніи уставныхъ грамотъ; ко всѣмъ этимъ платежамъ примѣнимъ уже позднѣйшій, спеціальный законъ 8-го октября 1863 года, запрещающій возвышать ихъ, исключая тѣхъ случаевъ, когда къ надѣлу присоединяются „новые“ участки изъ возвращаемаго инвентарнаго владѣнія. Это невозвышеніе относится къ „цѣльнымъ“ платежамъ за крестьянскій надѣлъ, а не къ подесятиннымъ выводамъ, о которыхъ въ законѣ 8-го октября ничего не говорится. Отсюда слѣдуетъ, что если, напримѣръ, въ надѣлѣ считалось $3^1/_2$ десятины, и сообразно тому назначенъ былъ платежъ, а потомъ оказалось 4 десятины, то за эти 4 десятины платежъ долженъ быть оставляемъ прежній, какъ за $3^1/_2$, и только въ случаѣ присоединенія къ нимъ новой, напр., пятой десятины, эта послѣдняя подлежитъ уже обложенію. Независимо отъ буквальнаго требованія закона, къ тому же приводитъ и соображеніе о самыхъ цѣляхъ повѣрки и обязательнаго выкупа. То и другое установлено для охраны крестьянскаго интереса,—слѣдовательно, въ результатѣ ихъ можетъ явиться или улучшеніе, или сохраненіе, но не ухудшеніе прежняго крестьянскаго положенія, а между тѣмъ, если облагать „излишки по измѣренію“, то выйдетъ, что крестьяне, владѣя, чѣмъ вла-

Digitized by Google

дѣли, станутъ платить больше, чѣмъ платили, т.-е. отъ попечительной правительственной мѣры получатъ именно ухудшеніе. Кромѣ того, толкованіе закона въ смыслѣ невозвышаемости однихъ „подесятинныхъ“ платежей лишено основанія и потому, что нельзя себѣ представить даже поводовъ къ возбужденію вопросовъ о возвышеніи платежей за каждую десятину,—слѣдовательно, закону тутъ не было бы противъ чего и направлять свое запрещеніе.

Въ губернскомъ присутствіи, какъ и ожидалось, вышла большая борьба: на одну сторону стали губернаторъ съ поддѣлывавшимися къ нему членами, а на другую—одинъ Пассекъ. Особенно настаивалъ губернаторъ: опять-де пошли безконечные „вопросы“, когда тутъ и вопроса-то никакого нѣтъ; вышло у мужика больше земли—пусть больше и платитъ, и пора положить конецъ этому баловству мужика. Большинство ему вторило, подсказывая толкованіе въ смыслѣ запрещенія повышать одни подесятинные платежи. Пассекъ, однако, твердо стоялъ на своемъ, доказывая, что прибавлять платежи можно только за земельныя прибавки, а не за излишки по измѣренію. Споры шли очень горячо, засѣданіе затянулось за полночь, никакого соглашенія не выходило, и дѣло на этотъ разъ кончилось лишь тѣмъ, что его отложили до слѣдующаго засѣданія. Черезъ недѣлю горячія пренія возобновились; перечитывали и пересуживали законъ, но дѣло не подвигалось. Напротивъ, стали обнаруживаться колебанія; членъ Гудимъ-Левковичъ началъ придумывать какое-то среднее рѣшеніе, и, наконецъ, дѣло еще разъ отложили. Тутъ вернулся изъ командировки Канищевъ и явился на подмогу Пассеку. Опять спорили, спорили, опять настаивалъ губернаторъ, но въ результатѣ сомнѣнія усилились уже настолько, что въ дѣлѣ, гдѣ сначала не хотѣли признавать и вопроса, согласились, наконецъ, усмотрѣть неясность. Послышались замѣчанія—не осторожнѣе ли будетъ представить все на разрѣшеніе генералъ-губернатора? Въ концѣ-концовъ, съ этимъ согласился и губернаторъ: „Ну, въ Кіевъ—такъ въ Кіевъ! Тамъ ужъ генералъ-губернаторъ порѣшитъ все разомъ, и повадки больше не будетъ!“

Вотъ съ какими затрудненіями приходилось у насъ считаться въ эту пору, когда дѣло касалось даже не вызова новаго закона, а примѣненія существующаго. Остается досказать дальнѣйшую исторію этого вопроса. Представленіе губернскаго присутствія пришлось разсматривать уже новому генералъ-губернатору, Безаку. Для болѣе полнаго выясненія дѣла, онъ счелъ нужнымъ затребовать отзывы всѣхъ губернскихъ присутствій и

Digitized by Google

мировыхъ съѣздовъ трехъ губерній, а затѣмъ, получивъ и разсмотрѣвъ ихъ, рѣшилъ именно въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно было представлено нашимъ мировымъ съѣздомъ, т.-е., что при обнаруженіи въ надѣлахъ только бо́льшаго количества земли противъ показанія уставныхъ грамотъ мировые съѣзды не имѣютъ права возвышать крестьянскихъ платежей, и это возвышеніе допускается лишь въ случаѣ прибавки къ надѣлу новыхъ участковъ.

Рѣшеніе это пришло уже лѣтомъ 1865 года, и какъ-то, скоро послѣ того, мнѣ пришлось быть по какому-то дѣлу у губернатора.

— А какъ хорошо рѣшилъ генералъ-губернаторъ дѣло объ излишкахъ надѣловъ по измѣренію! — сказалъ губернаторъ, словно забывъ, что онъ-то и былъ главнымъ противникомъ такого рѣшенія. — Вотъ теперь-то ужъ можно сказать — все ясно, какъ на ладони, и никакихъ сомнѣній.

— Да, рѣшеніе хорошее, — отвѣтилъ я, — и правильно выведено изъ закона.

— Вотъ, вотъ, именно: правильно и ясно. Теперь у васъ развязаны руки, дѣйствуйте только! — прибавилъ губернаторъ съ одобрительною улыбкою.

Первый годъ повѣрочныхъ работъ такъ и прошелъ съ небольшими результатами. Дѣло двигалось только теоретически, а повѣрокъ закончено было мало, выкупные акты числились единицами, сдѣланное вышло не совсѣмъ удачно, и то, что́ было начато, требовало многихъ передѣлокъ. Сравнительно лучше было въ остальныхъ двухъ губерніяхъ края; особенно заглядывались у насъ на волынскую, гдѣ, при вліяніи губернатора Черткова, тормазовъ было меньше, не производилось нажима по взысканію выкупныхъ платежей и пользованіе новыми законами не затруднялось, а по возможности систематизировалось и двигалось впередъ. Вообще, серьезно двинулось дѣло на практикѣ только съ 1865 года, который прежде всего принесъ крупную административную перемѣну.

IV.

Новый генералъ-губернаторъ.

Въ концѣ января 1865 года неожиданно получено было у насъ крупное извѣстіе: генералъ-губернаторъ Анненковъ уволенъ въ полугодовой отпускъ по прошенію, съ отчисленіемъ отъ

Digitized by Google

должности, а на его мѣсто, въ Кіевъ, переведенъ оренбургскій генералъ-губернаторъ, генералъ-отъ-артиллеріи Безакъ.

Наступалъ четырехлѣтній періодъ, оставившій глубокіе слѣды въ судьбахъ мѣстнаго крестьянскаго дѣла и ознаменовавшійся такими заботами объ устройствѣ крестьянъ, какихъ край не видѣлъ ни прежде, ни послѣ. Но тогда никто еще не предвидѣлъ ничего подобнаго. Крупною перемѣною заинтересовалась вся администрація, а намъ приходилось задаваться тревожнымъ вопросомъ: что̀ принесетъ новое назначеніе собственно для крестьянскаго дѣла,—какія ауспиціи можно усматривать въ выборѣ для Кіева оренбургскаго генералъ-губернатора, о которомъ у большинства были очень смутныя представленія?

Всѣ знали, что Безакъ—старый Николаевскій генералъ. По справкамъ выходило, что онъ—уже шестидесятипятилѣтній старикъ, командовалъ прежде артиллеріею, въ концѣ крымской войны былъ корпуснымъ командиромъ и въ военномъ мірѣ слылъ за человѣка очень дѣятельнаго, съ большою иниціативою. Говорили еще, что онъ умѣлъ составить себѣ большое состояніе. Въ Оренбургѣ ему пришлось быть и администраторомъ края, но о тамошней его дѣятельности мы могли судить только по газетамъ. Оренбургское управленіе было, во всякомъ случаѣ, преимущественно военное, между тѣмъ какъ въ юго-западномъ краѣ главныя задачи были гражданскія, повидимому для него новыя. Понятно, что недостаточность такихъ общихъ свѣдѣній побуждала обращаться съ вопросами къ людямъ, знавшимъ о Безакѣ больше или по прежней служебной близости, или изъ вторыхъ и третьихъ рукъ.

Отзывы получались все въ такомъ родѣ:—Это ничего, что карьера Безака была все военная; онъ настолько умный, дѣятельный и трудолюбивый человѣкъ, что скоро съумѣетъ хорошо ознакомиться и съ гражданскою частью. По нраву и привычкамъ—говорили—онъ суровъ, крутъ, часто рѣзокъ, но эта суровость уравновѣшивается умомъ; основныя черты его—независимость, сознаніе своей власти и большое самолюбіе; не дастъ онъ руководить собою министерству, и не сядетъ ему на шею кто-нибудь изъ служащихъ при немъ. Въ дѣло онъ вникаетъ самъ, бумаги не боится, а любитъ ее, все перечитываетъ лично, чтобы составить себѣ самостоятельное мнѣніе и не подпасть чужому вліянію даже въ частномъ случаѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ очень терпимъ и къ чужимъ мнѣніямъ. Самъ много не говоритъ, цѣдитъ слова сквозь зубы; если скажетъ—то уже что-нибудь вѣское; однако возраженія допускаетъ, обо всемъ разспроситъ, и

Digitized by Google

хотя поступитъ по своему сужденію, но очень терпѣливо и внимательно выслушаетъ, не затрудняясь принять и чужую дѣльную мысль. Самостоятельность доходитъ у него до того, что, не желая полагаться на начальственныя аттестаціи служащихъ вдали отъ него, Безакъ, при встрѣчѣ съ послѣдними, вступаетъ съ ними въ разговоры, имѣющіе характеръ нѣкотораго экзамена. Прибавляли даже, что въ такихъ случаяхъ онъ имѣлъ при себѣ особую записную книжку, въ которой выставлялъ проэкзаменованнымъ баллы и др. отмѣтки; да такъ и говорилъ, что я-де не хочу смотрѣть на людей чужими глазами, и когда кого изъ нихъ коснется дѣло—справляюсь по своимъ отмѣткамъ, чтобы судить о человѣкѣ самостоятельно.

Какъ ни характерны были эти отзывы, но все-же изъ нихъ нельзя было вывести ничего опредѣленнаго для будущаго отношенія Безака къ крестьянскому дѣлу, переживавшему тогда крайне критическій моментъ. Тутъ на всякіе разспросы слышалось одно:—На этотъ счетъ ужъ ничего вѣрнаго сказать не можемъ, кромѣ того развѣ, что медлить онъ не позволитъ; все зависитъ отъ того, какое направленіе онъ приметъ, чью сторону возьметъ; кажется, на практикѣ онъ мало имѣлъ дѣла съ крестьянами, и трудно угадать, станетъ ли онъ особенно ихъ защищать; ну, а если онъ станетъ на противную сторону, то это вамъ уже не вялый Анненковъ, не знавшій, куда обернуться. Тогда онъ разомъ все сократитъ, и многимъ придется либо уйти, либо дѣйствовать по его указкѣ.

Сомнѣнія наши длились долго, отчасти потому, что Безакъ, послѣ своего назначенія, не пріѣзжалъ въ Кіевъ три мѣсяца, оставаясь въ Петербургѣ. Тамъ въ это время дозрѣвали послѣдніе плоды трудовъ временной коммиссіи, въ видѣ перешедшихъ изъ нея въ министерство и главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія законодательныхъ работъ по возбужденнымъ мѣстнымъ вопросамъ, и Безакъ желалъ лично слѣдить за ходомъ ихъ разрѣшенія. Получались у насъ немногія распоряженія, которыя то возбуждали надежды, то приводили въ смущеніе, и совокупность такихъ вѣстей оставляла новаго генералъ-губернатора предъ нами какимъ-то сфинксомъ. Нашъ губернаторъ почему-то составилъ себѣ убѣжденіе, что Безакъ окажется рѣшительнымъ противникомъ и временной коммиссіи, и проводившагося ею направленія, и всѣхъ ея сторонниковъ, что онъ уйметъ „вопросы“, —словомъ, станетъ дѣйствовать въ томъ духѣ, какой проявлялъ онъ самъ. Такъ губернаторъ порою и высказывался:—Знаю я Безака; Александръ Павловичъ, это—нашъ, артиллеристъ; по-

Digitized by Google

рѣшитъ онъ всѣ мудрованія, заставитъ работать, безъ выдумокъ; теперь ужъ не то будетъ, что было при снисходительномъ Анненковѣ: теперь—дѣлай что велятъ, а кто мудритъ, тотъ живо вылетитъ.

Около половины февраля, на масляницѣ, вдругъ получается частное извѣстіе, что временная коммиссія упразднена. Оффиціально ничего еще не было объ этомъ получено, но слухъ имѣлъ большіе признаки достовѣрности, какъ бы подтверждая губернаторскія ожиданія. Многіе смутились, видя въ этомъ знаменіе неблагопріятнаго перелома, а губернаторъ еще больше воспрянулъ и задумалъ пойти на встрѣчу грядущей перемѣнѣ устройствомъ своего рода coup d'état. Какъ-то, въ одно мясляничное утро, собралось у меня нѣсколько товарищей, членовъ губернскаго присутствія и сосѣднихъ съѣздовъ. Сидѣли мы за блинами—вдругъ входитъ губернаторскій разсыльный съ пакетами. Кромѣ меня, пакеты были и всѣмъ присутствовавшимъ, и во всѣхъ ихъ оказалось по бумагѣ одного содержанія: повѣстка съ приглашеніемъ прибыть въ воскресенье вечеромъ въ губернаторскій домъ для участія въ особомъ совѣщаніи. Дѣло казалось загадочнымъ. На другой или третій день, при встрѣчѣ съ кѣмъ-то изъ болѣе близкихъ къ губернатору лицъ, изъ словъ его можно было вывести, что предстоящее совѣщаніе имѣетъ связь съ извѣстіемъ объ упраздненіи временной коммиссіи. Губернаторъ задумалъ собрать всѣхъ бывшихъ въ эти дни въ городѣ представителей разныхъ мировыхъ съѣздовъ, а также членовъ губернскаго присутствія, сказать имъ рѣчь о томъ, что пора уже перестать мудрить, предложить сокращеніе заботъ о пониженіи выкупныхъ платежей и, можетъ быть, составить даже протоколъ совѣщанія съ осужденіемъ направленія временной коммиссіи, и дать ему дальнѣйшій ходъ. Коммиссія-то вѣдь умерла, считаться съ нею ужъ нечего,—стало быть, почему же представителямъ крестьянскихъ учрежденій не выступить противъ нея открыто, особенно когда это какъ разъ подходитъ къ новому моменту! Въ виду такихъ свѣдѣній, надо было приготовиться къ преніямъ на совѣщаніи.

Пришелъ назначенный вечеръ; въ большую губернаторскую залу собралось около двадцати человѣкъ; вышелъ губернаторъ, и мы усѣлись вокругъ покрытаго сукномъ стола. Губернаторъ началъ съ того, что, вотъ, прошелъ цѣлый годъ, назначенный для повѣрочныхъ работъ, и совершенно безплодно. Много говорили, болтали, выдумывали, пересуживали, писали, а въ результатѣ—ничего. Цѣлый годъ—и только четыре „выкупныхъ пла-

Digitized by Google

тежа"! (Онъ такъ часто говорилъ о выкупныхъ платежахъ, что обмолвливался и вмѣсто „выкупной актъ"—говорилъ „выкупной платежъ"). Этакъ, господа, нельзя, пора перестать мудрить. И всему начало тутъ—временная коммиссія! Конечно, мы еще не знаемъ, что̀ съ нею будетъ,—добавилъ онъ съ двусмысленной улыбкой,—однако всѣмъ ея науськиваніямъ надо положить конецъ. Новый генералъ-губернаторъ больше не допуститъ. Вотъ, въ послѣднемъ журналѣ коммиссіи уже прямо предлагается „соразмѣрять выкупные платежи съ крестьянскою состоятельностью"! Вотъ до чего дошли! Вы, господа, должны руководиться однимъ закономъ, только закономъ, а не усчитываніемъ крестьянскихъ средствъ, не тѣмъ, что̀ у мужика въ карманѣ. Кто можетъ знать, что̀ у мужика есть, кто лазилъ къ нему въ карманъ? Это значитъ: кто больше пьянствуетъ, кто совсѣмъ пропился, тому еще платежи сбавляй, давай поощреніе за пьянство! Другой въ кубышки денегъ напрячетъ, да въ землю зароетъ, а мы ему за это—льготу! Нѣтъ, это не законъ! И обратите вниманіе на самое выраженіе: „соразмѣрять со средствами крестьянъ"! Что̀ вы на это скажете, господа,—вотъ хоть бы вы, г. предсѣдатель?—обратился губернаторъ къ одному изъ наиболѣе нелюбимыхъ имъ, предсѣдателю съѣзда фонъ-Баху.—Развѣ есть возможность судить о количествѣ крестьянскихъ средствъ?

Послѣдовалъ отвѣтъ, что такая возможность есть. Для доходности надѣла — качество почвы, примѣры урожаевъ, цѣны; для скотоводства—достаточность пастбищъ, для заработковъ—количество свободнаго времени и размѣръ наемной платы и т. д.

— Нѣтъ съ, позвольте, это совсѣмъ не то!—рѣзко отозвался губернаторъ.—Соразмѣрять со средствами, это, значитъ, надобно пересчитывать у мужика и овецъ, и куръ, и всякую живность, и всякую мелочь, какая у него водится. Онъ напрячетъ въ кубышку, а вы куръ считать? Воля ваша, это—чистый произволъ, и вотъ къ чему васъ подбивала временная коммиссія!

Нѣсколько времени еще прошло во взаимныхъ пререканіяхъ между губернаторомъ и фонъ-Бахомъ, а затѣмъ, улучивъ моментъ, выступилъ я.

— Мнѣ кажется,—сказалъ я,—что тутъ есть большое недоразумѣніе. Да, коммиссія употребляетъ выраженіе: „соразмѣрять съ крестьянскою состоятельностью"; но вѣдь и законъ 2-го сентября 1864 года [1]) прямо говоритъ, что выкупные платежи подлежатъ пониженію „въ случаѣ несостоятельности крестьянъ"

[1]) См. V главу статьи „Крестьянск. реформа въ ю.-з. краѣ".

Digitized by Google

къ ихъ взносу и „встрѣченнаго въ этомъ отношеніи сомнѣнія". Это—буквальное выраженіе закона; стало быть, законъ имѣетъ въ виду именно размѣръ крестьянскихъ средствъ къ платежамъ, и мы обязаны съ нимъ считаться. Значитъ, употребляя такое выраженіе, временная коммиссія не противорѣчитъ закону, а напротивъ, предлагаетъ исполнять точное требованіе закона; произволомъ было бы уклоненіе отъ него, а не примѣненіе къ дѣлу. Если не считаться съ крестьянскою состоятельностью, то что̀ останется отъ закона 2 сентября и въ чемъ будетъ состоять его исполненіе?

Губернаторъ недовольно обернулся ко мнѣ:—Да кто же можетъ усчитать мужицкія средства?—вѣдь тутъ пойдутъ однѣ фантазіи!

— Нѣтъ и надобности въ совершенно точномъ учетѣ, но довольно бываетъ признаковъ существованія условій обезпеченности и несостоятельности: размѣръ надѣла, достоинство земли, сравненіе платежей съ сосѣдними платами за землю, и т. д., и т. д. Всего сразу и переименовать нельзя. При установленіи платежей, не съ тѣмъ надо считаться, что̀ у мужика есть въ данную минуту и что̀ можетъ скоро исчезнуть или увеличиться, и едва-ли потому кто-нибудь затѣетъ на самомъ дѣлѣ считать куръ или овецъ. Платежи въ неизмѣнномъ размѣрѣ назначаются на сорокъ-девять лѣтъ,—слѣдовательно, необходимо принимать въ соображеніе такія условія крестьянской состоятельности, какія имѣютъ постоянный характеръ, вотъ хотя бы тѣ, которыя мы назвали.

Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ тоже стали заявлять, что они не видятъ никакого противорѣчія между закономъ и тѣмъ, что̀ предлагаетъ временная коммиссія. Стали приводить и частные примѣры. Чѣмъ дальше шли объясненія, тѣмъ замѣтнѣе стушевывался эффектъ губернаторскаго вступленія и настояній.

— Ну да, ну хорошо, вѣдь это вы такъ толкуете,—запальчиво опять выступилъ губернаторъ:—а знаете ли вы, какъ дѣйствуютъ другіе? Вотъ я вамъ разскажу, что̀ продѣлывали недавно въ брацлавскомъ уѣздѣ; тамъ мировой съѣздъ, по указаніямъ члена губернскаго присутствія Канищева (послѣдній былъ въ это время въ командировкѣ, въ уѣздахъ), принимался переворачивать весь крестьянскій скарбъ: ходили по дворамъ, въ мужицкія коморы (кладовыя) заглядывали, муку вѣсили, стожки хлѣба считали, овецъ пересчитывали, куръ, поросятъ,—даже, говорятъ, куръ щупали, чтобы узнать, сколько у нихъ будетъ яицъ! Вотъ что̀! Вотъ, вотъ какія послѣдствія имѣло постановленіе временной коммиссіи!

Digitized by Google

Въ совѣщаніи былъ и одинъ изъ брацлавскихъ посредниковъ, самый тихій чиновникъ. Одинъ изъ сосѣдей въ полголоса спросилъ его:—Неужели у васъ въ самомъ дѣлѣ такъ продѣлывали?—Ничего подобнаго!—отвѣтитъ тотъ:—это губернаторъ „такъ“...—Но почему же, въ такомъ случаѣ, вы молчите? вѣдь тутъ затрогивается достоинство вашего съѣзда?—Ахъ, зачѣмъ мнѣ возражать и спорить! пусть ужъ такъ сойдетъ!—робко отдѣлался скромный брацлавецъ, махнувъ рукой.

Сколько ни дѣлалъ губернаторъ усилій вернуться къ первоначальному наступательному тону—эффектъ не выгоралъ. Затребовано было, для большей ясности, и прочтеніе закона 2-го сентября,—однако, текстъ его только подтверждалъ, что между нимъ и постановленіемъ коммиссіи нѣтъ никакого разнорѣчія,—слѣдовательно, не существуетъ самаго вопроса о способахъ пониманія будто бы подстрекательныхъ внушеній этого постановленія. Большинство настраивалось сообразно видимому успѣху возраженій, остальные молчали. Становилось ясно, что никакого протокола противъ временной коммиссіи затѣвать будетъ неудобно. Засѣданіе затянулось, и надо было кончить его какъ-нибудь благовидно.

— Ну, хорошо,—произнесъ наконецъ губернаторъ:—я вижу, господа, что вы понимаете дѣло правильно. Мнѣ довольно въ этомъ убѣдиться,—я этого только искалъ,—значитъ, вы не будете поступать, какъ брацлавскіе. А теперь пора уже кончить засѣданіе, и я вамъ признаюсь, что былъ у меня еще другой умыселъ: я хотѣлъ всѣхъ васъ пригласить къ себѣ завтра обѣдать. Милости просимъ откушать въ такомъ-то часу. Только, господа, я по-русски: завтра ужъ великій постъ,—накормлю постнымъ; извините.

Такъ закончилось совѣщаніе, и мы разошлись въ недоумѣніи. На другой день состоялся обѣдъ, хотя постный, но широкій, и гостепріимный хозяинъ угощалъ насъ очень радушно. Шли общіе разговоры,—однако, временами, хозяинъ, нѣтъ-нѣтъ, да и сведетъ на текущія темы, такъ что опять слышится и про кубышку, и про то, что за весь годъ составлено только четыре „выкупныхъ платежа“. Провозглашенъ былъ тостъ съ пожеланіемъ, чтобы къ слѣдующему году всѣ выкупные акты были готовы и недоимокъ по губерніи не существовало. А когда, послѣ обильнаго угощенія и подачи ликеровъ, всѣ вышли въ гостиную—бесѣда снова сосредоточилась на этихъ темахъ, и оживившійся губернаторъ сталъ высказываться уже откровенно. „Что-жъ, молъ, между нами сказать, временная коммиссія благополучно скончa-

Digitized by Google

лась; этотъ мечтавшій о гетманской булавѣ Галаганъ и смутьянъ Воронинъ—больше не у дѣлъ; Безакъ не потерпѣлъ ихъ и живо отъ себя сплавилъ. Ну, а нѣтъ этихъ подстрекателей—некому будетъ васъ больше мутить,—значитъ, пора взяться за дѣло иначе,—вотъ о чемъ надо подумать". Пошли шуточки насчетъ удалившихся, охаиванье задерживавшихъ дѣло „вопросовъ"; помянулось пониженіе выкупныхъ платежей; зацѣпленъ былъ объясненный въ предыдущей главѣ и тогда еще не разрѣшенный вопросъ о необложеніи „излишковъ по измѣренію", съ добавленіемъ вскользь по моему адресу: „вотъ этотъ самый вопросъ, что вы такъ поддерживаете" и т. д. Очень немногіе подавали легкія возражательныя реплики, большинство молчало, но между губернскими чинами находились и поддакивавшіе. Положеніе становилось натянутымъ; однако, чѣмъ дальше, тѣмъ больше развивались оживленныя рѣчи нашего хозяина.

— Да, господа, примите къ свѣдѣнію, что Александръ Павловичъ—это не прежній генералъ-губернаторъ, съ нимъ шутить нельзя. Я его знаю. Впрочемъ, что-жъ: откровенничать, такъ откровенничать. Прямо вамъ скажу, что я уже послалъ Безаку аттестаціи, какъ кто здѣсь работалъ; пусть онъ видитъ, кто работалъ по настоящему, поддерживая порядокъ, а кто вмѣсто дѣла выдумывалъ вопросы, поддерживалъ баловство да безконечные входящіе и исходящіе. Теперь Александру Павловичу извѣстно, кто просто дѣло дѣлалъ и кто были сторонниками временной коммиссіи. Скоро увидите, какъ онъ распорядится.

Нѣкоторые намеки я имѣлъ основаніе принять лично на свой счетъ, какъ это поняли и другіе. Поэтому я взялъ шляпу и сталъ откланиваться.

— Нѣтъ, позвольте, куда же вы такъ торопитесь! — возразилъ на мой поклонъ словно спохватившійся губернаторъ.— Лучше, выпьемъ еще съ вами по бокальчику.

Я отказывался, отыскивая формальные предлоги для своего удаленія, но губернаторъ, взявъ меня подъ-руку, повелъ въ залу, гдѣ мы, ходя взадъ и впередъ, принялись объясняться.

— Я вижу, вы обидѣлись, вы приняли на свой счетъ,— сказалъ онъ,—но откровенно скажу, что это напрасно. Я говорилъ про другихъ, можетъ быть въ бесѣдѣ на-распашку сказалъ что-нибудь неосторожно, но вы этого такъ не принимайте,— мало ли что иногда скажется сгоряча. Если вы думаете, что я вамъ врагъ, такъ ошибаетесь,—вы скоро это увидите. Вотъ кстати бы намъ теперь только объясниться немножко.

Пошли взаимныя объясненія. Изъ нихъ выходило, что хотя

Digitized by Google

я тоже занимался „вопросами“, обнаруживалъ снисходительность къ крестьянамъ и проявлялъ влеченіе къ временной коммиссіи, но губернаторъ понимаетъ, что это исходило изъ добрыхъ побужденій; принимаетъ онъ въ соображеніе не однѣ эти стороны дѣятельности и смотритъ на меня не такъ, какъ на тѣхъ, о которыхъ только-что говорилъ.—Съ умершей коммиссіей, вѣчный ей упокой, считаться ужъ нечего,—говорилъ онъ, — лучше все прошлое забыть, а теперь пришло уже другое время и т. д. Мои возраженія принималъ онъ дружелюбно, и понемногу объясненія приняли совсѣмъ мирный характеръ. Въ заключеніе, губернаторъ еще прибавилъ:

— Вотъ что я вамъ хотѣлъ еще сказать, благо подошла удобная минута: зачѣмъ вы такъ унижаете полицію? Вотъ и на исправника взвели обвиненіе изъ-за какого-то старосты.

— Да какъ же прикажете уважать полицію, когда она позволяетъ себѣ превышеніе власти, вмѣшивается не въ свое дѣло, производитъ поборы и т. под.? Пусть дѣйствуетъ иначе, тогда и къ ней отношеніе будетъ другое.

— Знаю, все это знаю, — отвѣчалъ губернаторъ;—ну, да, она грязная, скверная, да зачѣмъ же топтать ее еще глубже въ грязь? можно бы поснисходительнѣе, помягче, полегче...

Объясненія длились съ полчаса и кончились дружелюбно, крѣпкими рукопожатіями. Я сейчасъ же ушелъ, оставивъ у губернатора еще изрядную группу гостей. Слѣдовало ли принять все высказанное въ полной цѣнѣ, или въ немъ выразился лишь подъемъ благодушнаго настроенія—предстояло разъяснить уже послѣдующему времени.

Прошло еще нѣсколько дней—и опять серьезная, какъ будто ободряющая новость. Хотя временная коммиссія упразднена, но два главные члены ея, Воронинъ и Сабанѣевъ, оставлены Безакомъ при себѣ, въ качествѣ причисленныхъ къ министерству и откомандированныхъ къ генералъ-губернатору для трудовъ по крестьянскому дѣлу. Ушелъ, собственно, одинъ Галаганъ, которому, при его независимомъ положеніи, такая роль не подходила. Еще немного спустя узнали, что Безакъ, принимая участіе въ окончаніи производившихся въ главномъ комитетѣ законодательныхъ работъ по возбужденнымъ коммиссіею вопросамъ, вызвалъ къ себѣ въ Петербургъ именно Воронина для помощи въ этихъ работахъ, да и Галаганъ находится тоже въ Петербургѣ и даетъ въ главномъ комитетѣ объясненія при разсмотрѣніи тѣхъ же законопроектовъ, параллельно съ крупнымъ кіевскимъ помѣщикомъ, гр. Бобринскимъ. Получилось такое впечат-

Digitized by Google

тлѣніе, что Безакъ еще не отрекается отъ дѣяній коммиссіи, когда считаетъ нужнымъ пользоваться ея силами. Упраздненіе коммиссіи стало объясняться тѣмъ, что новый генералъ-губернаторъ, при своемъ властномъ характерѣ, счелъ для себя неудобною собственно коллегіальность въ направленіи дѣла, желая дѣйствовать единолично, но въ отношеніи къ его личному направленію означеннымъ упраздненіемъ еще ничего не сказано. Все это повысило интересъ къ дальнѣйшимъ распоряженіямъ, и они не заставили себя ждать, прежде всего коснувшись остраго вопроса о пониженіи выкупныхъ платежей, считавшагося нѣкоторыми уже близкимъ къ погребенію.

Для этого вопроса подошелъ важный моментъ. Какъ объяснено въ прежней моей статьѣ, Высочайше утвержденнымъ 2 сентября 1864 года Положеніемъ разрѣшено было понижать выкупные платежи, по соображенію съ крестьянскою состоятельностью, безъ ограниченія какою-либо максимальною нормою, но въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, коль скоро пониженіе требовалось больше 15 процентовъ,—оно нуждалось въ генералъ-губернаторскомъ утвержденіи. Такимъ образомъ, отъ генералъ-губернатора зависѣло—какъ придать ему самое широкое примѣненіе, такъ и сократить его до ничтожныхъ размѣровъ, т.-е. одинъ изъ важнѣйшихъ интересовъ дѣла вполнѣ подчиненъ былъ административному вліянію. Первоначальное проектированіе пониженій предоставлялось мировымъ съѣздамъ, потомъ подвергалось критикѣ губернскаго присутствія, а далѣе дѣло приходило на окончательное рѣшеніе въ Кіевъ. Понятно, что проекты пониженій требовали объединенія, потому что еслибы въ каждомъ уѣздѣ ихъ составляли на свой ладъ, то даже при одинаковыхъ условіяхъ однимъ селеніямъ могло бы назначаться большое пониженіе, а другимъ—совсѣмъ малое или никакого, причемъ самому генералъ-губернатору трудно было бы разбираться въ подобной разноголосицѣ. Чтобы ограничить вліяніе случайныхъ усмотрѣній, надо было насколько можно точнѣе опредѣлить, при какихъ признакахъ несостоятельности уменьшать платежи и въ какихъ предѣлахъ по каждому признаку.

Мысль о такомъ объединеніи получила первое движеніе въ Волыни, по иниціативѣ губернатора Черткова. Еще въ концѣ 1864 года тамъ были собраны представители всѣхъ мировыхъ съѣздовъ для совѣщанія, которое успѣло установить нѣкоторыя общія основанія. Та же мысль подвигалась и временною коммиссіею, послѣ объѣзда ея членами нѣкоторыхъ мѣстностей, въ результатѣ чего явилось то самое постановленіе, противъ кото-

Digitized by Google

раго такъ возставалъ нашъ губернаторъ на описанномъ выше масляничномъ совѣщаніи и за бывшимъ на другой день обѣдомъ. Но едва коммиссія успѣла начать, какъ была уже упразднена и дѣло это осталось неконченнымъ. Тогда за него взялся Безакъ въ Петербургѣ. Въ срединѣ поста получено было его распоряженіе—созвать въ Кіевѣ и въ Каменцѣ съѣзды для систематизированія пониженій въ губерніяхъ кіевской и подольской. Въ составъ каждаго изъ нихъ должны были войти представители всѣхъ мировыхъ съѣздовъ губерніи, члены губернскаго присутствія, нѣсколько волынскихъ представителей, какъ пріобрѣвшихъ опытность въ данномъ дѣлѣ, и лицо, особо назначенное генералъ-губернаторомъ. Составленные съѣздами проекты системы пониженій подлежали представленію на генералъ-губернаторское разсмотрѣніе.

Созваніе съѣздовъ вызвало много самыхъ разнообразныхъ догадокъ, потому что никакихъ указаній относительно расширенія или сокращенія задачи пониженій дано не было. Съѣздамъ предоставлялась свобода высказываться. Развивается или парализуется вопросъ—объ этомъ каждый строилъ свои предположенія. Многіе стали готовить записки съ изложеніемъ своихъ соображеній, предвидѣлся боевой характеръ совѣщаній, но эти съѣзды, можно сказать, представили послѣдній актъ борьбы за направленіе въ мѣстномъ крестьянскомъ дѣлѣ.

V.

Завершеніе борьбы.

Нашъ съѣздъ состоялся въ Каменцѣ въ концѣ марта, на шестой недѣлѣ поста, и былъ очень многолюденъ: два ближайшихъ къ губернскому городу мировыхъ съѣзда въ полномъ составѣ; отъ остальныхъ десяти—предсѣдатели и по одному посреднику; мѣстное губернское присутствіе; изъ волынской губерніи одинъ членъ присутствія и предсѣдатели двухъ мировыхъ съѣздовъ; кромѣ того, генералъ-губернаторомъ былъ командированъ на съѣздъ бывшій членъ временной коммиссіи Сабанѣевъ. Всего собралось болѣе сорока человѣкъ.

Когда съѣхалось уже большинство, губернаторъ созвалъ насъ въ предварительное вечернее засѣданіе. Тутъ недоставало только очень немногихъ.—Что-жъ, господа,—открылъ засѣданіе губернаторъ:—черезъ день мы уже формально начнемъ обсуждать по-

Digitized by Google

ниженіе выкупныхъ платежей,—значитъ, теперь не мѣшаетъ подготовиться и сколько-нибудь столковаться. Вы до сихъ поръ такъ усердно раздували этотъ вопросъ, что многіе изъ васъ ужъ навѣрное сочинили разныя записки, соображенія, мнѣнія; такъ не откажитесь просвѣтить насъ заранѣе насчетъ того, что вы придумали.

Узнавъ, что записки дѣйствительно есть, онъ мнѣ первому предложилъ читать. Моя записка указывала нѣсколько главныхъ неблагопріятныхъ признаковъ крестьянскаго устройства, сообразно которымъ предлагалось пониженіе платежей: недоброкачественность земли, дальность полей отъ усадебной осѣдлости, недостаточный размѣръ надѣла, незначительность усадебъ и прекращеніе для крестьянъ пользованія лѣснымъ матеріаломъ. По каждому признаку проектировались особыя нормы пониженія съ объяснительною мотивировкою. Какъ только я кончилъ, губернаторъ обратился ко мнѣ съ агрессивнымъ вопросомъ:

— Хорошо-съ; а скажите мнѣ, до чего же дойдутъ, по вашему, выкупные платежи въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ сойдутся всѣ указанныя вами неблагопріятныя для крестьянъ условія,—т.-е., гдѣ и земля плоха, и лѣсу нѣтъ, и поля далеко отъ деревни, и надѣлъ маленькій? Признайтесь, что въ такомъ имѣніи вы доведете выкупной платежъ до нуля. Правда?

— Нѣтъ, до нуля не дойдетъ,—отвѣчалъ я,—но тутъ и мнѣ придется поставить вопросъ: чего же стоитъ крестьянское устройство при соединеніи столькихъ дурныхъ условій?

Губернаторъ отвѣтилъ предложеніемъ читать другія записки, которыхъ было нѣсколько. Однѣ предлагали ввести въ каждой мѣстности подраздѣленія по степени достоинства земли; по другимъ слѣдовало принимать въ соображеніе, кромѣ производительности надѣла, еще условія сбыта продуктовъ и т. д. Были и совсѣмъ безсодержательныя упражненія. Одинъ изъ посредниковъ, бывшій чиновникъ государственныхъ имуществъ, написалъ очень длинно, но почти все такое, что совсѣмъ не шло къ дѣлу; тутъ разсказывалось и про бывшую въ 1848 году холеру, когда умирало много домохозяевъ, отчего образовывались вакансы, и про существованіе деревень на каменистомъ берегу рѣки, и т. д., но не видно было лишь того, что предлагаетъ самъ авторъ. Хотя губернаторъ благоволилъ къ этому посреднику, однако недовольно замѣтилъ ему:—Вы намъ только какую-то исторію расписали!

Послѣ записокъ, начался легкій обмѣнъ мнѣній. Онъ мало прибавилъ, но ясно показалъ, до чего разнообразны въ участ-

Digitized by Google

никахъ ожиданія. Замѣтно стало, что пріѣзжіе находились подъ вліяніемъ массы предшествовавшихъ слуховъ, догадокъ и опасеній относительно того, какое именно наступаетъ направленіе. Распространяясь въ уѣздную глушь, эти слухи принимали крайне разнообразный характеръ. Инымъ казалось, что дѣло пониженія нѣсколько движется впередъ, но другіе думали, что оно погребается, и въ зависимости отъ того пріѣзжіе являлись то съ поникшею головою, то готовые со рвеніемъ доказывать богатство крестьянъ, исключающее всякія заботы о размѣрѣ ихъ повинностей. Слышны были искренніе голоса, но чувствовалась также смѣсь живого элемента съ мертвымъ, частицы общественной нравственной силы съ чиновничьею готовностью и услужливостью и даже съ антипатичною тенденціозностью. Все это располагало ожидать довольно тяжелой борьбы.

— Позвольте мнѣ сдѣлать одно замѣчаніе,—вкрадчиво вставилъ одинъ изъ пріѣзжихъ по поводу записки:—вотъ у меня въ участкѣ два сахарныхъ завода и тамъ крестьяне имѣютъ большіе заработки; что-жъ, неужели и тамъ намъ надо дѣлать пониженія?

Ему отвѣтили:—Сегодня заводы дѣйствуютъ, а завтра могутъ закрыться, между тѣмъ какъ выкупные платежи опредѣляются на 49 лѣтъ, и потому требуютъ для своего обезпеченія постояннаго надежнаго источника; вотъ вамъ и отвѣтъ. (Словно нарочно, одинъ изъ этихъ заводовъ дѣйствительно скоро закрылся).

— А я,—разсказываетъ другой пріѣзжій своему сосѣду,—всегда поступаю такъ: какъ только мировой съѣздъ постановитъ пониженіе, прибавляю особое мнѣніе: на все согласенъ, но съ тѣмъ, чтобы пониженіе, вмѣсто пятнадцати, было только въ пять процентовъ или не назначалось вовсе.

Словомъ, выступали уже попытки отличаться своимъ нерасположеніемъ къ пониженію. Однако, ожиданія тенденціозной борьбы, благодаря случайному обстоятельству, оправдались совсѣмъ не въ томъ видѣ, какой предполагался вначалѣ. Какъ видно изъ уже сказаннаго, проявленія оппозиціи исходили преимущественно изъ предположеній о неблаговоленіи къ пониженію высшаго начальства, а тутъ именно съ этой стороны выступило нѣчто смущающее. На другой день послѣ предварительнаго засѣданія, однимъ изъ членовъ губернскаго присутствія получено было изъ Петербурга письмо отъ Воронина, изъ котораго оказывалось, что Безакъ очень участливо относится къ положенію крестьянъ и дѣятельно изучаетъ всѣ стороны дѣла, а что онъ не противникъ пониженій, то это видно уже изъ того,

Digitized by Google

что онъ на дняхъ нисколько не затруднился утвердить крупное пониженіе по одному волынскому имѣнію. Содержаніе этого письма быстро распространилось между участниками съѣзда, которые, проживая въ городѣ, сообщались между собою, и произвело большое впечатлѣніе. Выходило, что прежнія представленія лишены твердаго основанія, и если новый генералъ-губернаторъ назначилъ съѣздъ, то не ради формы, а для дѣйствительно серьезнаго приведенія дѣла къ опредѣленной системѣ. Когда начали собираться къ открытію съѣзда въ губернаторскую залу, пошли оживленные толки и шушуканья по кружкамъ. Будущность, конечно, еще оставалась загадочною, однако брошено было крупное зерно сомнѣнія. Въ мудреное и нѣсколько забавное положеніе попали люди чиновничьяго закала, которымъ все равно, куда бы дѣло ни пошло, такъ какъ предъ ними вдругъ выросъ вопросъ: какъ быть, чтобы не попасть въ просакъ? Въ какую сторону тянуть, чтобы не разойтись съ желаніями начальства, и къ кому присоединяться при подачѣ мнѣній? При новыхъ разговорахъ съ ними уже послышалось, что на предварительномъ собраніи ихъ невѣрно поняли и что они хотѣли высказать что-то совсѣмъ другое. Такъ одинъ изъ значительныхъ элементовъ оппозиціи уже стушевался.

Съѣздъ былъ открытъ. Много глазъ обратилось на Сабанѣева, въ которомъ предполагали наибольшую освѣдомленность по части генералъ-губернаторскихъ намѣреній, но въ дѣйствительности онъ не вполнѣ былъ въ курсѣ дѣла и, при своей обычной осторожности, доходившей до уклончивости, держался замкнуто, избѣгая опредѣленныхъ указаній по существу и заботясь собственно о формальномъ движеніи. По предложенію губернатора, дѣло опять началось съ прочтенія записокъ, при чемъ моя снова фигурировала первою. Сабанѣевъ сейчасъ сдѣлалъ на нее замѣчаніе.

— Все это хорошо, — сказалъ онъ, — только вотъ едва-ли правильно ваше мнѣніе о размѣрѣ надѣла. Вы предлагаете усиливать пониженіе платежей тамъ, гдѣ надѣлъ особенно малъ, а между тѣмъ изъ приложенія къ 150-ой ст. Положенія видно, что законъ, раздѣляя губерніи на мѣстности, въ преобладаніи тѣхъ или другихъ размѣровъ надѣла видѣлъ признакъ извѣстнаго достоинства земли, слѣдовательно, гдѣ надѣлъ меньше, тамъ земля предполагается лучшая. Вотъ у васъ и выходитъ какъ будто несогласіе съ закономъ.

— Да, да, это вѣрно,—поспѣшно подкрѣпилъ съ своей стороны губернаторъ, какъ бы видя въ Сабанѣевѣ поддержку себѣ.

Digitized by Google

— Положеніе, дѣйствительно, предполагаетъ въ преобладаніи мѣньшихъ надѣловъ внѣшнее указаніе на достоинство земли,— отвѣтилъ я Сабанѣеву, — но теперь нашему обсужденію подлежитъ не одно достоинство земли и мы считаемся не только съ первоначальнымъ Положеніемъ, но и съ позднѣйшимъ его дополненіемъ 2-го сентября 1864 года, которое уже требуетъ, чтобы заключенія о пониженіи платежей основывались на условіяхъ крестьянской состоятельности вообще, въ чемъ бы они ни заключались. Слѣдовательно, нужно прежде всего рѣшить вопросъ: имѣетъ ли размѣръ надѣла вліяніе на крестьянскую состоятельность? И если имѣетъ, то нѣтъ основанія отказываться отъ принятія его въ соображеніе при заключеніяхъ о пониженіи. Такія заключенія не только не будутъ въ противорѣчіи съ закономъ, но именно выразятъ исполненіе точнаго смысла требованій Положенія 2-го сентября.

Сабанѣевъ не поддержалъ губернатора и ограничился уклончивою репликою:—Да я вовсе не настаиваю; это я замѣтилъ такъ, отъ себя; конечно, обсудить это слѣдуетъ съѣзду.

Послѣ записокъ начались сужденія. Самымъ безспорнымъ признакомъ состоятельности и несостоятельности, конечно, явилось достоинство земли, какъ основаніе производительности крестьянскаго надѣла. Тутъ не слышалось никакихъ возраженій, но большой расколъ немедленно образовался по вопросу, какъ опредѣлять эти достоинства и производительность? Большинство находило, что слѣдуетъ принимать въ основаніе характеръ почвы. черноземъ, суглинокъ, глину, супесь и т. п., причемъ для платежей цѣнить почвы въ установленномъ взаимномъ процентномъ отношеніи. Но противъ этого рѣшительно возсталъ гайсинскій предсѣдатель Энгельгардтъ, придумавшій свою систему, и къ нему вначалѣ присоединилось нѣсколько человѣкъ. По этой системѣ, въ основаніе полагался разсчетъ фактической урожайности: сколько зеренъ даетъ урожай на одно зерно посѣва? Если выходитъ самъ-семь—назначается одинъ платежъ, если самъ-третьй—другой и т. п. И съ перваго взгляда основаніе это выступало довольно благовидно.

— Судить о достоинствѣ земли по одному наружному ея обозрѣнію нельзя,—говорилъ представитель означенной системы: —нужны факты, изъ которыхъ бы видно было, что̀ именно даетъ земля. Поэтому надо въ каждомъ имѣніи пересматривать экономическія книги за десять лѣтъ и, на основаніи ихъ, дѣлать средніе выводы урожайности. Такое основаніе будетъ прочно и безспорно, тѣмъ болѣе, что на урожаи вліяетъ не одно достоин-

Digitized by Google

ство почвы, но также и атмосферическія условія. Въ помѣщичьихъ книгахъ будетъ виденъ результатъ всѣхъ этихъ условій.

Но на это отвѣчали рѣшительными возраженіями въ такомъ родѣ: какъ ни важенъ былъ бы выводъ изъ десятилѣтняго опыта, но для полученія его прежде всего нужны достаточныя и вполнѣ достовѣрныя данныя,—а можемъ ли мы вездѣ имѣть ихъ за подобный періодъ? Экономическія книги могутъ давать свѣдѣнія о *помѣщичьихъ* земляхъ, а намъ предстоитъ цѣнить *крестьянскія*, часто отъ нихъ отличающіяся, значитъ, изъ книгъ будетъ почерпнуто вовсе не то, что намъ пригодно. Развѣ можно заставлять крестьянъ платить дороже за ихъ плохую землю только потому, что помѣщикъ съ „своей“ собиралъ обильную жатву? Во многихъ имѣніяхъ экономическихъ книгъ за сколько-нибудь продолжительное время и не найдется,—что же тогда дѣлать? Въ иныхъ имѣніяхъ, особенно мелкихъ, книгъ даже вовсе не вели. Да если гдѣ и окажется достаточный экономическій архивъ—нельзя видѣть въ немъ чего-то непогрѣшимаго. Развѣ инвентари составлялись не такими же экономіями,—а сколько въ нихъ встрѣчается безсмыслицы! Лучшія имѣнія, по показаніямъ инвентарей, нерѣдко оказываются дававшими урожай самъ-четверть, а худшія—самъ-восемь; о великолѣпномъ черноземѣ писалось, что онъ требуетъ громаднаго удобренія, тогда какъ дрянныя земли выставлялись ненуждающимися въ удобреніи. На показаніяхъ книгъ, кромѣ вліянія почвы и атмосферныхъ условій, отражаются еще степень исправности или неряшливости хозяйства, степень добросовѣстности управляющихъ и экономовъ, которые нерѣдко обманывали своихъ господъ. Значитъ, мы рискуемъ получить не только не то, что относится къ крестьянскимъ землямъ, но и не то, что вѣрно изображаетъ достоинство помѣщичьихъ. Если мы рѣшимъ основываться на книгахъ въ такомъ интересномъ дѣлѣ, то кто поручится, что ихъ не станутъ теперь писать заднимъ числомъ? Наконецъ, насколько пришлось бы затянуть дѣло, заставивъ мировые съѣзды по каждому имѣнію копаться въ обрывкахъ книгъ и отдѣльныхъ листкахъ—и все-таки съ неувѣренностью, что получится цѣлесообразный матеріалъ. Между тѣмъ, качество почвы если не даетъ вполнѣ точныхъ данныхъ—какихъ и нигдѣ нельзя добыть,—то составляетъ признакъ ясный, наглядный.

Какъ ни сильны были, однако, подобныя возраженія—противники не сдавались, и обѣ стороны крѣпко стояли на своемъ: одна—за качество земли, а другая—за число зеренъ, почему представителей обѣихъ системъ шутя прозывали „землистами“ и

Digitized by Google

„зернистами". Послѣ многихъ споровъ, на сторону державшихся характера земли стало рѣшительное большинство, а на противоположную—представители гайсинскаго уѣзда съ какою-то маленькою прибавкою. Когда пренія уже достаточно разгорѣлись, выступилъ Сабанѣевъ:

— Вотъ мы ужъ много поговорили, много хорошихъ словъ выслушали, а дѣло все-таки не подвинулось. Между тѣмъ, главное-то—результатъ! Спорить можно очень долго, а придти-то надо къ чему-нибудь положительному. По моему бы,—конечно, вы можете согласиться или не согласиться,—всего лучше такъ: выберите изъ себя коммиссію человѣка въ три, пусть она разработаетъ проектъ, а послѣ мы его разсмотримъ въ собраніи. Вотъ сегодняшнее засѣданіе сколько-нибудь и подвинетъ дѣло.

Послышались-было возраженія, что дѣло коммиссіи—выработка подробностей, а установленіе началъ—дѣло собранія, которое до нихъ еще не договорилось, но Сабанѣевъ нашелъ, что отвѣтить—въ интересахъ формальнаго ускоренія: да вы и такъ, молъ, столкуетесь; кто изъ собранія имѣетъ что-нибудь сказать, тотъ скажетъ и членамъ коммиссіи, а теперь составимъ коммиссію, да и разойдемся.

Большинство согласилось. Выборъ коммиссіи устроили закрытою баллотировкою, записками, и въ результатѣ выбрали Капищева, меня и летичевскаго предсѣдателя, Краевскаго. Не попалъ въ коммиссію ни одинъ зернистъ.

Такъ дѣло сразу уведено было изъ собранія въ маленькій кружокъ. Полномочія собранія имѣла, собственно, одна наша коммиссія, но слабенькое меньшинство тоже не захотѣло уступать поля борьбы и принялось работать отдѣльно. Вышло двѣ партіи. Образовался большой перерывъ засѣданій, въ теченіе котораго большинству съѣхавшихся нечего было дѣлать. Многіе по временамъ навѣдывались къ намъ, а мы большею частью собирались у Пассека. Составлялись иногда большіе кружки; нѣкоторые заходили къ меньшинству, руководимому Энгельгардтомъ, но были и такіе, которые заглядывали въ оба кружка, приглядываясь, что будетъ, и дѣлая соображенія для себя.

Среди процесса нашихъ работъ вдругъ появилось новое омрачающее обстоятельство. Губернаторъ, за изображеннымъ въ предыдущей главѣ обѣдомъ, не даромъ проговорился, что представилъ Безаку аттестаціи тѣхъ, кого онъ не одобрялъ, и Безакъ на этотъ разъ положился на его аттестацію. Цѣлая группа людей изъ состава разныхъ съѣздовъ разомъ была уволена. Въ число удаленныхъ попали люди различные: были дѣйствительно

Digitized by Google

отличавшіеся лѣностью и неспособностью, но были также и вполнѣ полезные, не взлюбленные за направленіе. Попалъ даже членъ губернскаго присутствія Пассекъ, что̀ насъ очень огорчило. Говорили, что для удаленія его употребленъ былъ особый пріемъ: Пассекъ былъ расхваленъ, но съ прибавкою, что, къ сожалѣнію, онъ, по своей дряхлости, работать не можетъ, тогда какъ положеніе дѣла настоятельно требуетъ людей дѣятельныхъ, рабочихъ; а Безакъ, внявъ этому, и порѣшилъ. Не ручаюсь, однако, за вѣрность этого разсказа. На мѣсто Пассека назначенъ былъ губернаторскій любимецъ Энгельгардтъ. Старикъ Пассекъ былъ очень обиженъ своимъ удаленіемъ, но продолжалъ живо интересоваться дѣломъ и участвовать въ нашихъ совѣщаніяхъ. Я уцѣлѣлъ, и не могъ не припомнить недавняго намека губернатора, что онъ не смѣшиваетъ меня съ безусловно имъ нелюбимыми и что я скоро увижу доказательство тому. Впослѣдствіи нѣкоторые изъ уволенныхъ, по пріѣздѣ Безака въ Кіевъ, были вновь имъ назначены въ другіе уѣзды. Какъ бы то ни было, губернаторскіе фонды въ глазахъ многихъ поднялись и составилось мнѣніе о способности Безака къ скоропалительнымъ рѣшеніямъ, что еще разъ затемнило горизонтъ, усиливъ для части съѣзда сомнѣнія—куда тянуть, какая сторона возьметъ верхъ.

Наша коммиссія, работая надъ проектомъ, держалась въ оцѣнкѣ надѣловъ и платежей характера почвы, какъ болѣе яснаго признака, и примѣняла къ каждой почвѣ оцѣночныя основанія, принятыя въ инструкціяхъ вѣдомства государственныхъ имуществъ для казенныхъ крестьянъ. Одна почва цѣнилась на извѣстное число процентовъ выше или ниже другой. Вообще, мы дѣйствовали дружно, хотя и не безъ разномыслія. Чуть ли не единственный поводъ къ послѣднему дала моя мысль о необходимости, кромѣ качества почвы, считаться и съ размѣромъ надѣла. Одинъ членъ коммиссіи (Канищевъ), соглашаясь съ этою мыслью по существу, затруднялся внести ее въ проектъ, опасаясь лишняго осложненія и полагая, что сложность можетъ произвести неудобное впечатлѣніе на генералъ-губернатора.—Качество почвы—говорилъ онъ—дѣло ясное, а о размѣрѣ надѣла могутъ быть еще споры.—Другой же членъ коммиссіи не говорилъ ни да, ни нѣтъ, и дѣло по этому пункту не шло. Когда зашелъ объ этомъ разговоръ съ Сабанѣевымъ, то онъ тоже, не возражая по существу, совѣтовалъ мнѣ не настаивать, приводя политическія соображенія:—Надо-де дѣйствовать согласно; и такъ уже разнорѣчій много, зачѣмъ же выставлять, что и между вами

Digitized by Google

полнаго согласія нѣтъ! Да, впрочемъ, это я все такъ, отъ себя только говорю, дѣйствуйте какъ знаете!—прибавилъ онъ обычную оговорку. Мысль о размѣрѣ надѣла пошла въ ходъ уже впослѣдствіи.

Меньшинство же задалось довольно хитрою идеею: выражая наружную готовность даже къ широкимъ пониженіямъ, обставить дѣло такъ, чтобы на практикѣ изъ этого осуществлялось очень мало. Такой замыселъ какъ бы шелъ на встрѣчу всякому направленію, какое бы ни возобладало впереди. Если будетъ благопріятствованіе пониженію, то можно будетъ сказать: вотъ мы и готовы понижать широко; а если окажется противное, то готовъ другой выходъ: да вѣдь мы назначаемъ большія пониженія только для такихъ исключительныхъ случаевъ, которые встрѣтятся крайне рѣдко, а въ обыденныхъ случаяхъ все ограничится лишь маленькою сбавкою платежа или обойдется даже совсѣмъ безъ нея. Словомъ,—и есть пониженіе, и нѣтъ его. По этому проекту, значительныя пониженія выводились при урожаяхъ, показанныхъ по книгамъ что-то около самъ-другъ,—чего, конечно, и ожидать было мудрено,—а для урожаевъ чаще встрѣчающихся проектировались какія-то ничтожныя нормы. При отдаленности крестьянскихъ полей отъ деревни, пониженіе начиналось только съ 5 верстъ и съ 5 процентовъ, послѣ чего за каждую послѣдующую версту полагалось по одному добавочному проценту, и отсюда дѣлался выводъ, что крестьяне за одно удаленіе полей могутъ получать скидку до 15 процентовъ, тогда какъ, разумѣется, 15-верстныя разстоянія могли быть только въ воображеніи. Какъ ни чувствительно стѣсненіе хозяйства отъ дальности полей, но даже при пяти верстахъ, по проекту, мужикъ облегчался менѣе чѣмъ на пятиалтынный съ десятины въ годъ. Однако, во внѣшнемъ итогѣ такой хитрой системы получался большой эффектъ: при соединеніи всѣхъ невыгодныхъ условій, пониженіе выходило въ 117 процентовъ! Губернаторъ, какъ объяснено выше, заподозрилъ-было меня, что я хочу мѣстами сводить выкупной платежъ къ нулю, а тутъ изъ проекта вытекало, что въ иныхъ случаяхъ мужика не только слѣдуетъ совсѣмъ освободить отъ платежа, но еще помѣщикъ долженъ приплатить ему 17 процентовъ. Какой еще требовать защиты крестьянскаго интереса! Въ этой защитѣ авторъ проекта выступалъ даже plus catholique que le pape lui-même. Словомъ, общее основаніе выходило такое: на бумагѣ, для маловѣроятныхъ случаевъ, обѣщалось мужику очень много, а на дѣлѣ предвидѣлось нѣчто очень мизерное.

Digitized by Google

За нѣсколько дней до Пасхи опять состоялось общее собраніе для разсмотрѣнія двухъ готовыхъ проектовъ: большинства, т.-е. нашей коммиссіи, и Энгельгардтовскаго меньшинства. Опять пошли споры. Опять политично держался Сабанѣевъ, замѣтивъ только Энгельгардту, что допущеніе 117-процентнаго пониженія даже наружно представляетъ абсурдъ, противъ чего не нашелъ возраженія самъ авторъ хитрой системы. Но, при всей горячности споровъ, никакого соглашенія между двумя проектами послѣдовать не могло, такъ что участникамъ съѣзда оставалось только распредѣлиться между ними. Одни стали прикладывать руки къ проекту большинства, другіе—къ проекту меньшинства. Отъ послѣдняго къ рѣшительный моментъ перешло на нашу сторону еще нѣсколько человѣкъ и въ меньшинствѣ сохранилось всего два-три человѣка. Наружно торжество оставалось за нами, но это еще не было концомъ.

За проектами двухъ сторонъ съѣзда должно было еще слѣдовать заключеніе губернскаго присутствія, а тутъ обстоятельства измѣнились не въ нашу пользу. Съ уходомъ Пассека, исчезалъ въ присутствіи нашъ сторонникъ, а Энгельгардтъ самъ попалъ въ члены присутствія, усиливъ собою прежнее большинство. Участники съѣзда разъѣхались, увозя съ собою сомнѣнія объ исходѣ дѣла, губернское же присутствіе взялось направлять дѣло по своему. Оно не только примкнуло къ проекту меньшинства, но присоединило къ нему еще новый ухудшающій элементъ, введя такой пунктъ: если, при повѣркѣ уставной грамоты, въ имѣніи не найдется экономическихъ книгъ, свидѣтельствующихъ объ урожайности земель, то мировой съѣздъ долженъ поручить одному изъ землемѣровъ-таксаторовъ опредѣлить характеръ почвы и вывести урожайность, а потомъ на его заключеніи основать постановленіе о размѣрѣ платежей. Такъ члены мировыхъ съѣздовъ совсѣмъ устранялись присутствіемъ отъ одной изъ самыхъ важныхъ сторонъ дѣла и главная суть ея передавалась случайнымъ техникамъ очень невысокаго уровня познаній. У мирового съѣзда отнималось право отличать черноземъ отъ глины, и въ этомъ онъ долженъ былъ уступать рѣшенію землемѣра. Такъ какъ съ вопросомъ о пониженіи платежей связывался вопросъ о тысячахъ и десяткахъ тысячъ рублей выкупной суммы, то легко себѣ представить, какому соблазну подвергался бы тутъ попавшій въ жреческую роль землемѣръ. Помимо вольныхъ и невольныхъ ошибокъ, сколько бы могло тутъ развиться взяточничества! Вѣдь за заключеніе о размѣрѣ выкупной суммы могли бы платить дорого. Въ присутствіи нѣко-

Digitized by Google

торые слегка поспорили противъ такого рѣшенія, но отдѣльное письменное мнѣніе противъ постановленія подалъ одинъ Канищевъ.

Такъ у генералъ-губернатора сошлось три проекта: большинства, меньшинства и губернскаго присутствія. Безакъ пріѣхалъ въ Кіевъ уже въ концѣ апрѣля. Къ нему отправились всѣ губернаторы. Онъ сказалъ всѣмъ собравшимся короткую рѣчь, въ которой, между прочимъ, выразилъ, что обратитъ на ходъ крестьянскаго дѣла особое вниманіе и будетъ лично слѣдить за дѣйствіями всѣхъ къ нему приставленныхъ, энергично отстраняя всякія препятствія. Замѣтно стало, что послѣ кіевскихъ объясненій у всѣхъ руководителей лица стали серьезнѣе и распространилось мнѣніе, что настала дѣйствительно серьезная пора, когда нельзя будетъ пробавляться одними толками и тормазами. Немного погодя, пришло и рѣшеніе о результатахъ съѣздовъ. Нашему губернскому присутствію поручено было составить новую систему пониженій, принявъ въ основаніе проектъ большинства и добавочныя замѣчанія самаго генералъ-губернатора. Хитрая механика вычисленія зеренъ по экономическимъ книгамъ и рѣпающая роль землемѣровъ улетѣли безвозвратно.

Губернское присутствіе должно было преподать новыя, болѣе положительныя и пригодныя къ практическому пользованію нормы пониженій для отдѣльныхъ признаковъ хозяйственнаго положенія крестьянъ. Правда, и эта система впослѣдствіи оказывалась неохватывающею всѣхъ важныхъ практическихъ условій, но рѣшительная перемѣна чувствовалась уже въ томъ, что съ этого момента облегченіе платежей стало общимъ правиломъ. Система же расширялась и измѣнялась сообразно дальнѣйшимъ указаніямъ опыта.

Почти одновременно съ пріѣздомъ генералъ-губернатора появилось и нѣсколько новыхъ законовъ, чѣмъ наслѣдіе временной коммиссіи исчерпывалось.

Для ускоренія повѣрочныхъ работъ учреждались временно повѣрочныя отдѣленія. По Высочайше утвержденному 4-го апрѣля 1865 года Положенію, въ уѣздахъ, гдѣ это оказывалось нужнымъ, часть мировыхъ посредниковъ съ предсѣдателемъ съѣзда должна была производить повѣрки въ одной части уѣзда, а остальные, войдя въ составъ повѣрочнаго отдѣленія и имѣя особаго предсѣдателя—въ другой. Повѣрочныя отдѣленія на практикѣ учреждались не вездѣ, но гдѣ они были, тамъ дѣло значительно ускорялось одновременными дѣйствіями двухъ коллегій—съѣзда и отдѣленія.

Digitized by Google

Въ тотъ же день утверждены были еще два Положенія: о крестьянскихъ фруктовыхъ садахъ, расположенныхъ въ помѣщичьихъ лѣсахъ, и объ устраненіи практическихъ затрудненій къ возстановленію состава инвентарнаго надѣла. По первому, окончательно закрѣплялось признаніе крестьянскаво права на фруктовые сады, но съ тѣмъ, что помѣщикъ можетъ замѣнять ихъ отводомъ участковъ другой земли, пригодныхъ для разведенія такихъ же садовъ, съ предоставленіемъ крестьянамъ, въ вознагражденіе за деревья, или соотвѣтствующей денежной суммы, или пятнадцатилѣтняго пользованія деревьями прежнихъ садовъ.

По второму же Положенію дозволялось отступать отъ возстановленія надѣла въ старыхъ инвентарныхъ границахъ для слѣдующихъ случаевъ: когда нарушеніе этихъ границъ было слѣдствіемъ раздѣла имѣнія между сонаслѣдниками, продажи изъ имѣнія части земли, переселенія крестьянъ или прежняго существованія переложнаго хозяйства, а также если на отобранной отъ крестьянъ землѣ уже возведены цѣнныя помѣщичьи постройки, сносъ которыхъ явно обременителенъ. Во всѣхъ такихъ случаяхъ, вмѣсто возврата прежнихъ земель, допускался отводъ крестьянамъ новыхъ въ томъ же размѣрѣ и съ вознагражденіемъ за такой обмѣнъ или по соглашенію сторонъ, или въ видѣ добавочнаго еще пониженія выкупныхъ платежей, независимо отъ крестьянской состоятельности. При обнаруженіи же еще какихъ-либо непредусмотрѣнныхъ затрудненій къ возстановленію инвентарнаго надѣла, рѣшеніе предоставлялось усмотрѣнію генералъ-губернатора.

Спустя еще нѣсколько времени, 28-го апрѣля состоялся и законъ объ исправленіи выкупныхъ договоровъ и выкуповъ по одностороннему помѣщичьему требованію, утвержденныхъ до обязательнаго выкупа. Но способы этого исправленія оказались уже настолько сложными и затрудняющими дѣло, что въ новомъ законѣ видимо было отраженіе петербургской борьбы съ теченіями. По этому закону, въ случаѣ жалобъ крестьянъ на упомянутые выкупы, мировые съѣзды должны были „собирать свѣдѣнія“ о формальныхъ нарушеніяхъ въ дѣлѣ (учетъ крестьянскихъ подписей подъ приговорами и т. под.) и о тѣхъ потеряхъ, какія крестьяне понесли отъ неправильнаго выкупа. По признаніи его неправильности мировымъ съѣздомъ, губернскимъ присутствіемъ и генералъ-губернаторомъ, послѣдній предлагаетъ помѣщику добровольно удовлетворить крестьянскія претензіи, а въ случаѣ отказа—представляетъ черезъ министерство въ главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія о кассаціи состоявшагося выкупа, и только послѣ

Digitized by Google

этой кассаціи повѣрка крестьянскаго устройства могла быть начата мировымъ съѣздомъ уже на общемъ основаніи. Процессъ—крайне затяжной, и, благодаря тому, дѣло чрезвычайно затормазилось. Во время управленія Безака поспѣло исправленіе сравнительно немногихъ договоровъ по согласію помѣщиковъ, а остальные дождались новыхъ неблагопріятныхъ временъ, и теперь трудно даже сказать, какая часть старыхъ выкуповъ исправлена основательно, какая—неудачно и сколько ихъ осталось совсѣмъ безъ исправленія.

Пришла благопріятная для повѣрочныхъ работъ весенняя пора и мировые съѣзды взялись за истинно страдную для нихъ работу, длившуюся почти два года сплошь. Принципіальная борьба затихла, путь былъ уже расчищенъ законодательствомъ, а кіевская администрація энергично побуждала къ безостановочному движенію дѣла впередъ.

Съ начала же лѣта Безакъ принялся за объѣздъ уѣздовъ, посѣтивъ поочередно всѣ 36 въ трехъ губерніяхъ, и вездѣ сосредоточивая вниманіе на дѣятельности мировыхъ съѣздовъ. Показалась передъ ними невзрачная внѣшность новаго генералъ-губернатора—небольшой ростъ, черствое лицо, крашеные волосы, усы и короткія бакенбарды; не свѣтилось въ глазахъ доброты, но выражались умъ, проницательность и энергія; послышалась короткая, не претендующая на красоту, дѣловая рѣчь. Чувствовался внимательный, энергичный и умственно участливый къ крестьянскому дѣлу администраторъ, но чувствовался также и старый Николаевскій генералъ. Посѣщая мировые съѣзды, Безакъ по цѣлымъ часамъ выслушивалъ чтеніе требуемыхъ имъ на выборъ повѣрочныхъ протоколовъ по разнымъ имѣніямъ, разспрашивалъ, вступалъ въ объясненія съ отдѣльными лицами, дѣлалъ замѣчанія, давалъ свои указанія и настойчиво требовалъ быстроты и обстоятельности работъ. Имѣлъ онъ при себѣ — какъ разсказывали о немъ прежде—и записную книжку, въ которую заносилъ про себя отмѣтки какъ по поводу хода дѣлъ, такъ и относительно личной характеристики членовъ мировыхъ съѣздовъ, отчего губернскія аттестаціи начали терять рѣшающее значеніе. Лично мнѣ приходилось бесѣдовать съ нимъ неоднократно, такъ какъ скоро я былъ назначенъ предсѣдателемъ мирового съѣзда. Становилось замѣтно, что Безакъ сознательно воспринялъ направленіе временной коммиссіи, придавъ ему силу своей власти, но вмѣстѣ съ тѣмъ крутость и рѣзкость пріемовъ, какихъ, конечно, не было бы при руководствѣ коммиссіи. Это направленіе,

Digitized by Google

съ развитіемъ его примѣненія, становилось у Безака и дѣломъ самолюбія. Поддерживало его умственное сознаніе, что надо устроить крестьянъ хорошо. Чутко относился Безакъ къ отзывамъ печати, находя время читать, и не чуждъ былъ мысли объ историческомъ значеніи своей дѣятельности. Настойчивость въ ускореніи дѣла получила оправданіе на практикѣ, такъ какъ почти вся масса дѣлъ успѣла завершиться въ Безаковское управленіе, и лишь сравнительно небольшому остатку ихъ, послѣ его смерти, пришлось испытать вліяніе новыхъ неблагопріятныхъ административныхъ условій.

Вообще, въ судьбахъ мѣстнаго крестьянскаго дѣла много значили случайности: образовался благопріятный составъ временной коммиссіи, сдѣланъ довольно удачный выборъ генералъ-губернатора—и дѣло пошло; смѣнились эти люди—и все измѣнилось. Основной успѣхъ дѣла зависѣлъ не столько отъ общей системы, сколько отъ того, какая часть его успѣетъ разрѣшиться въ сравнительно благопріятное время.

Весь 1864 и начало 1865 года были эпохою, когда только съ трудомъ вырабатывались будущія черты крестьянскаго устройства, но еще очень мало переходили въ область практическаго дѣла. Много было колебаній, но главный интересъ и характерность придавалъ этой эпохѣ именно тотъ процессъ борьбы, оффиціальной, умственной и нравственной, который подготовилъ положеніе, наступившее къ лѣту 1865 года, при несомнѣнномъ участіи проникшаго въ служебныя сферы живого общественнаго элемента. Оттого и пришлось сказать объ этомъ времени такъ много. Нужды дѣла сквозь массу препятствій были вынесены на свѣтъ. Пришелъ періодъ крестьянскаго дѣла, который можно назвать Безаковскимъ и который принесъ много, но еще не получилъ достаточной исторической оцѣнки. На порогѣ этого періода останавливаю настоящее повѣствованіе.

Ѳ. Воропоновъ.

Digitized by Google

ПЕТЕРБУРГЪ

Городъ тумановъ и сновъ
Встаетъ предо мною
Съ громадой неясною
Грузныхъ домовъ, —

Съ цѣпью дворцовъ,
Отраженныхъ холодной Невою...
Жизнь торопливо бредетъ
Здѣсь къ цѣли незримой...
Я узнаю тебя съ прежней тоской,
Городъ больной, —

Неласковый,—городъ любимый...
Ты меня мучишь, какъ сонъ,
Вопросомъ несмѣлымъ...
Ночь,—но мерцаетъ зарей небосклонъ,
Ты весь побѣжденъ—
Сумракомъ бѣлымъ.

Digitized by Google

* * *

Счастья нѣтъ,—есть только отраженье
Неземного въ темнотѣ земной;
Такъ сіяетъ блескъ свѣтилъ далекихъ,
Отраженный темною волной.

Брось весло,—пусть волны замираютъ,
Чуть замѣтно зыблясь въ тишинѣ,
И любуйся яркимъ отраженьемъ
Свѣтлыхъ звѣздъ на дремлющей волнѣ!

Поликсена Соловьева.

Digitized by Google

КРАТКАЯ ЗАПИСКА

о

возникшемъ, въ годъ Гэнъ-цзы, бѣдствіи, составленная лѣнивымъ отшельникомъ Пустыннаго острова.

Съ китайскаго.

Еще въ годъ Цзя-у (20-й годъ правленія Гуанъ-сюй), когда мы готовились къ войнѣ съ Японіей, я, по глупому своему разумѣнію, утверждалъ, что воевать не слѣдуетъ, потому что намъ воевать—только стыдъ нажить. При возникновеніи событій настоящаго года Гэнъ-цзы, я опять увѣрялъ, что никакъ не слѣдуетъ воевать; но разъ война возникла, то и бѣдствіе, постигшее насъ, оказалось сравнительно больше, чѣмъ въ годъ Цзя-у. Несмотря на то, чиновники, ученые и народъ все еще восхваляютъ чудодѣйственную силу секты „большого кулака“. Пользуясь такимъ обстоятельствомъ, я хочу разсказать все, что̀ знаю объ этомъ дѣлѣ, въ надеждѣ вывести моихъ соотечественниковъ изъ заблужденія.

Ученіе секты „большого кулака“ есть отрасль теоріи о восьми гуа [1]). Еще въ правленіе Цзя-цина и Дао-гуана (1795—1851), по докладамъ чжилійскаго генералъ-губернатора На-янь-чена и другихъ, изданы были императорскіе указы о запрещеніи этой секты. Но то было время, когда мы не имѣли еще торговыхъ сношеній съ иностранцами; слѣдовательно, въ основахъ ученія

[1]) Теорія о „восьми гуа“, или о восьми цѣльныхъ и разсѣченныхъ линіяхъ, изложена въ классической книгѣ „И-цзинъ“, приписываемой редакціи Конфуція.—*Переводчикъ.*

Digitized by Google

этой секты не могла лежать ненависть къ иностранцамъ. За послѣдніе же годы, когда циркулярно по всему Китаю предписано было образовать народное ополченіе, то знатоки дѣла говорили: „если въ народѣ не будетъ ружей и пушекъ, то обученіе ополченцевъ военному дѣлу не принесетъ никакой пользы; а если раздать ружья и пушки, то на это у насъ не хватитъ, съ одной стороны, средствъ, а съ другой—явится опасность, что намъ самимъ (при случаѣ) трудно будетъ справиться съ ними". Но консервативные наши сановники заявили: „пусть ополченцы хорошенько упражняются въ умѣньи владѣть *кулакомъ* и палкою—этого для нихъ достаточно".

Въ угоду такой мысли шань-дунскій губернаторъ Юй-сянь распорядился, чтобы шань-дунская молодежь принялась за обученіе владѣть кулакомъ и палкою, разъяснивъ притомъ, что, благодаря этому искусству, не только можно защищать себя и свои семейства, но и противодѣйствовать обидамъ, причиняемымъ иностранцами. Послѣдователи секты „большого кулака", обучаясь наружно какъ ополченцы, тайно учились разнымъ фокусамъ, волшебству и заклинаніямъ. Юй-сянь не могъ нарадоваться успѣхамъ своихъ ополченцевъ; но никогда не подумалъ о томъ, что нынѣшняя чиновная карьера осквернена, что окружные и уѣздные начальники давно уже забыли, какъ нужно воспитывать и прокармливать народъ. Вдобавокъ къ этому, при часто случающихся бѣдствіяхъ отъ неурожаевъ, народъ никогда не можетъ быть сытымъ; и если такой бѣдный, невоспитанный и голодный народъ соберется въ кучу и станетъ учиться военному дѣлу, а притомъ еще плѣнится волшебствомъ, то возможно ли, чтобы онъ не возсталъ противъ властей и не произвелъ безпорядковъ? Однакоже, народъ не всегда обладаетъ смѣлостью открыто возстать противъ власти; тогда измышляется поводъ въ родѣ того, что надо прогнать иностранцевъ и извести туземныхъ христіанъ. Такой образъ дѣйствія у насъ, въ высшихъ сферахъ, согласуется съ сумасброднымъ сужденіемъ лицъ правительственныхъ, а въ низшихъ—отвѣчаетъ общественному мнѣнію народа. Если же кто рѣшается порицать насъ за это, того обвиняютъ въ своекорыстіи и въ несочувствіи къ общественнымъ интересамъ. Такимъ образомъ, голодающій народъ не имѣетъ другого способа спасаться отъ неурожаевъ, какъ только со всѣхъ сторонъ собираться въ безпорядочныя толпы и бродить, снискивая пропитаніе.

У насъ, въ Китаѣ, гражданскія и военныя дѣла находятся въ плохомъ положеніи: богатства истощились; войска имѣютъ изнуренный видъ; такъ что и въ мирное-то время мы боимся, чтобы

Digitized by Google

не развалиться; съ какой же стати мы осмѣливаемся еще возбуждать войну? Губернатору Юй-сяню слѣдовало бы раздавать пособіе пострадавшимъ и наказывать негодяевъ; съ одной стороны, успокоивать народъ, а съ другой—усмирять, и такимъ образомъ водворить порядокъ; а онъ, напротивъ, вѣрилъ въ послѣдователей секты „большого кулака", какъ въ боговъ, и покровительствовалъ имъ, какъ своимъ возлюбленнымъ дѣтямъ. Когда одинъ изъ областныхъ начальниковъ, вмѣстѣ съ командиромъ мѣстныхъ войскъ, напалъ на боксеровъ и убилъ нѣсколько человѣкъ изъ нихъ, то Юй-сянь въ гнѣвѣ сказалъ: „На какомъ основаніи вы рѣшились убивать мой вѣрный народъ?"—и сдѣлалъ строгій выговоръ областному начальнику, а военнаго чиновника отрѣшилъ отъ службы. Поощренные этимъ, послѣдователи секты „большого кулака" распространились по всей Шаньдунской провинціи, жгли церкви, убивали иностранцевъ и туземныхъ христіанъ, такъ что иностранныя правительства нашли нужнымъ предъявить китайскому двору строгое требованіе объ удаленіи Юй-сяня отъ должности губернатора.

Вотъ краткое описаніе того, какъ послѣдователи секты „большого кулака" распространились въ провинціи Шань-дунъ.

Когда Юй-сянь прибылъ въ Пекинъ и получилъ аудіенцію, то, въ разсчетѣ на возвратъ къ прежней должности, докладывалъ, что „боксеры" суть самый вѣрный народъ, и что, сверхъ того, они обладаютъ сверхъестественною силою волшебства и заклинаній, предохраняющихъ ихъ отъ пуль и ядеръ. Если пустить ихъ въ дѣло, то, безъ потери одного солдата и безъ затраты одной крупинки провіанта, мы можемъ, какъ бы однимъ мановеніемъ руки, разбить и уничтожить скопища иностранцевъ. Отуманенные императорскіе принцы, а за ними столичные и прибывавшіе въ Пекинъ изъ Чжи-ли и Шань-дуна провинціальные чиновники наперерывъ старались поддержать это мнѣніе. Но императоръ и императрица-мать судили иначе: они перевели Юй-сяня на губернаторскій постъ въ Шань-си, а губернаторомъ Шань-Дуна назначили Юань-ши-кая.

На пути Юань-ши-кая изъ столицы къ югу одинъ изъ уѣздныхъ начальниковъ поднесъ ему книгу о сектѣ „большого кулака" подъ заглавіемъ: „И-хо-цюань-цзяо-юань-люкао". Въ этой книгѣ, между прочимъ, было сказано, что община „большого кулака", собственно, есть дурная секта, которая, подъ видомъ ненависти къ иностранцамъ, имѣетъ сокровенныя и своекорыстныя цѣли, и что, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, надо предохранять честный народъ, чтобы онъ не былъ одураченъ сектантами;

Digitized by Google

а для этого необходимо сначала обрубить вѣтви, а потомъ вырвать съ корнемъ и самый стволъ. Юань-ши-кай послѣдовалъ этому совѣту, и, по прибытіи его на должность, въ Шань-дунѣ водворилось спокойствіе.

Главари „большихъ кулаковъ“ удалились изъ Шань-дуна на сѣверъ—въ область Хэ-цзянь-фу [1]), гдѣ проживало большое число евнуховъ, и подкупили ихъ, съ тѣмъ, чтобы получить доступъ во дворецъ и показать свое волшебное искусство передъ князьями и герцогами. Но эти князья и герцоги уже раньше были наслышаны объ этомъ изъ сумасбродныхъ разсказовъ столичныхъ чиновниковъ; а когда во-очію увидали волшебные фокусы, представленные главарями „большихъ кулаковъ“, то вознегодовали даже на то, что они явились такъ поздно. Главарямъ разрѣшено было устроить жертвенникъ для совершенія религіозныхъ обрядовъ; и съ тѣхъ поръ стали величать ихъ: „наставникъ длинной палки“ или „наставникъ короткой палки“. Въ то же время внутри—во дворцѣ—придворныя дамы и евнухи, а внѣ—въ городѣ—маньчжурскіе и китайскіе офицеры и солдаты стали изучать и преподавать другъ другу искусство „большихъ кулаковъ“. Среди столичныхъ чиновниковъ были такіе, которые за рекомендацію этихъ негодяевъ повысились въ чинахъ; но были и такіе, которые въ душѣ не сочувствовали имъ, и все-таки восхваляли ихъ, чтобы заслужить къ себѣ симпатію. Кромѣ того, главари „большого кулака“ пустили въ ходъ денежныя взятки, и поддерживали связь двора съ городомъ; такъ что всѣ въ одинъ голосъ напѣвали, что государство получило великое счастіе въ ниспосланныхъ съ неба святыхъ людяхъ. Такимъ образомъ, всѣ государственные люди были одурачены, и пламя, зажженное „большимъ кулакомъ“, сильно разгорѣлось. Въ областяхъ Шунь-тянь [2]), Бао-динъ, Тянь-цзинь, Хэ-цзянь и проч. начались безпорядки. Если находили у кого-нибудь иностранную бумагу или полотно, то немедленно убивали того; а если случалось убивать такихъ людей, у которыхъ не было иностранныхъ вещей, то оправдывались клеветою, что въ прежнемъ перерожденіи тѣ были христіанами.

Вотъ краткое описаніе того, какъ секта „большого кулака“ распространилась въ Пекинѣ.

Если правитель имѣетъ подвластный себѣ народъ, но не можетъ самъ воспитать его ни литературно, ни нравственно, ни рели-

[1]) Въ провинціи Чжи-ли. Областной городъ находится отъ Пекина въ разстояніи 205 верстъ и отъ Бао-динъ-фу въ 70 верстахъ.—*Перев.*

[2]) Собственно пекинское градоначальство. — *Перев.*

Digitized by Google

гіозно, а допускаетъ сторонняго человѣка къ воспитанію, то нельзя винить этого сторонняго. Если въ государствѣ есть проповѣдники христіанства и христіане, но оно не можетъ военною силою устрашить ихъ и пріостановить, а дозволяетъ пропаганду и обращеніе въ христіанство, то нельзя винить въ этомъ миссіонеровъ и христіанъ. Если желательно отомстить за такой срамъ, то есть средство: надо лежать на соломѣ, питаться горькою снѣдью и старательно обдумывать основы хорошаго правленія; но нельзя, руководясь гнѣвомъ одного утра и опрометчиво обнаживъ мечь, свирѣпствовать и, въ противность всѣмъ законамъ, своевольно жечь и убивать; ибо это будетъ уже возмущеніе, а не преданность престолу. Развѣ законно то, что, не прерывая дипломатическихъ сношеній, мы сидимъ и спокойно смотримъ, какъ дурной народъ убиваетъ нашихъ сосѣдей?! Величественный Китай опирается не на общественную совѣсть, созидающую города,—молится не въ многочисленныхъ своихъ храмахъ, а проситъ помощи у дьяволовъ (боксеровъ);—это есть настоящее навожденіе, а вовсе не даръ неба! Въ сумасшествіи своемъ онъ утверждалъ, что это—преданность престолу, крѣпкое единодушіе и даръ неба. Вслѣдствіе этого, одни поручали жизнь и судьбу цѣлыхъ семействъ охранѣ разбойниковъ „большого кулака“; другіе желали вербовать 30 или 50 тысячъ „большихъ кулаковъ“ для усиленія императорскихъ войскъ; третьи, наконецъ, настаивали на скорѣйшемъ открытіи военныхъ дѣйствій, чтобы сверхъестественная сила „большихъ кулаковъ“ пораньше проявилась; словомъ, общій шумъ походилъ на стрекотаніе кузнечиковъ и на клокотаніе кипящей воды,—и все это была ложь!

Когда полковникъ Янъ былъ четвертованъ „большими кулаками“, то военное министерство его же еще и осудило. Когда дивизіонный начальникъ Нэ-ши-ченъ напалъ на повстанцевъ „большого кулака“, и разбилъ ихъ [1]), то вице-канцлеръ Ганъ-и порицалъ его за грубость. Съ этихъ поръ „большіе кулаки“ сдѣлались особенно наглыми, и перебили до сотни иностранцевъ—и до тысячи туземныхъ христіанъ; рубили телеграфные столбы и разрушали желѣзныя дороги; жгли и грабили деревни и поселки, рѣзали чиновниковъ, разбивали тюрьмы, и вообще безпрепятственно чинили разнообразныя злодѣйства. Поэтому еще въ прошломъ году, осенью и зимою, иностранныя державы дѣлали

[1]) При мѣстечкѣ Ань-динъ, на полудорогѣ между Тянь-цзинемъ и Пекиномъ.—*Перев.*

Digitized by Google

письменныя представленія нашему кабинету о скорѣйшемъ усмиреніи разбойниковъ; иначе они сами расправятся съ ними; но мы отклоняли эти представленія пустыми отговорками. Когда же, весною и лѣтомъ настоящаго года, они упрекали насъ въ болѣе рѣзкихъ и настойчивыхъ выраженіяхъ, то вдовствующая императрица и императоръ высказали искреннее желаніе оказать нѣжность отдаленнымъ людямъ; князь Цинъ, канцлеры Жунъ-лу и Ванъ-вэнь-шао, министръ Ляо-шоу-хэнъ и товарищъ министра Сюй-цзинъ-ченъ, настоятельно просили объ усмиреніи бунтовщиковъ; но принцъ Дуань обозвалъ ихъ измѣнниками; а князья Гунъ (И?) [1]) и Чжуанъ, герцогъ Инъ, канцлеры Ганъ-и и Сюй-тунъ, министры Чжао--шу-цяо и Ци-сю горячо поддерживали его мнѣніе. Остальные же чиновники, увидѣвши волшебное искусство „большихъ кулаковъ", прославляли ихъ, какъ преданный престолу народъ.

Вслѣдствіе этого, въ первый декадѣ 5-й луны, злодѣи „большого кулака", преслѣдуя христіанъ-туземцевъ, вступили въ Пекинъ и подняли шумъ. Тогда только приказано было китайскимъ и маньчжурскимъ войскамъ напасть на нихъ и переловить; но многіе изъ офицеровъ и солдатъ были уже на сторонѣ „большихъ кулаковъ"; и потому кабинетъ, попавъ между двухъ огней, оставался въ нерѣшительности; а планъ великихъ и малыхъ иностранныхъ державъ объ отправленіи собственныхъ войскъ для усмиренія мятежниковъ окончательно созрѣлъ.

Вотъ краткое описаніе возникновенія раздора между Китаемъ и иностранными державами.

Когда мятежники „большого кулака" гремѣли въ Пекинѣ подъ именемъ вѣрноподданнаго народа, чжилійскій генералъ-губернаторъ Ю-лу представилъ было докладъ о запрещеніи этой секты; но кабинетъ и пекинскій градоначальникъ не дали хода этому докладу. Тѣмъ не менѣе, 14-го числа 5-й луны (28-го мая), Ганъ-и и Чжао-шу-цяо прибыли въ Бао-динъ-фу и Чжочжоу [2]) для успокоенія „большихъ кулаковъ"; но главари мятежниковъ, надѣясь на свою волшебную силу, предстали гордо, и не только не кланялись этимъ сановникамъ, но еще нахально требовали казни двухъ начальниковъ уѣздовъ, Синь-ченъ-сянь и Лай-шуй-сянь [3]), и призванія дивизіоннаго командира Дунъ-фу-сяна для нападенія на иностранцевъ; а предложеніе объ успо-

[1]) Вѣроятно опечатка. Князь Гунъ давно умеръ; надо думать, что тутъ разумѣется князь И.—*Перев.*

[2]) Округъ въ области Шунь-тянь-фу.—*Перев.*

[3]) Уѣзды въ области Бао-динъ-фу.—*Перев.*

Digitized by Google

коеніи рѣшительно отвергли. 17-го числа (31-го мая) сановники Ганъ и Чжао возвратились въ Пекинъ. На слѣдующій день (1-го іюня) мятежники „большого кулака“ одновременно произвели поджоги и убійства въ Чжо-чжоу, въ Пекинѣ и въ Тянь-цзинѣ.

Въ Тянь-цзинѣ къ этому времени собралось до 35 и 36 тысячъ „большихъ кулаковъ“; и тогда же пришло къ устьямъ р. Бай-хэ до 30 иностранныхъ военныхъ судовъ съ дессантными войсками, изъ которыхъ выдѣлена была часть для слѣдованія въ Пекинъ съ цѣлью охраны иностранныхъ посольствъ. 20-го числа (3-го іюня) правительство по телеграфу отдало приказаніе Ю-лу и Нэ-ши чену не пропускать охрану. На это командующіе иностранными войсками заявили, что такъ какъ Китай потакаетъ мятежникамъ, то иностранныя державы рѣшили сами усмирить ихъ, о чемъ уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ было заявлено пекинскому кабинету; „нынѣ же мы получили извѣстія, что „большіе кулаки“ намѣреваются сдѣлать нападеніе на посольства, и дольше медлить не можемъ“. Въ 8-мь часовъ вечера они потребовали отъ коменданта Ло-жунъ-гуана сдачи фортовъ Да-гу, чтобы тамъ помѣстить иностранный дессантъ; и когда онъ на это не согласился, то въ 3 часа утра съ иностранныхъ военныхъ судовъ началась бомбардировка, отъ которой Да-гу пало. 21-го числа (4-го іюня) Ю-лу, по просьбѣ кандидата на должность дао-тая, Тань-вэнь-хуаня, призвалъ „большихъ кулаковъ“ на защиту противъ враговъ. Иностранные командиры не полагали, что императорскія войска вдругъ сойдутся съ мятежниками, и не ожидали, чтобы они внезапно общими силами напали на Цзы-чжу-линь [1]) и убили многихъ старыхъ и слабыхъ иностранныхъ кунцовъ. Ю-лу представилъ объ этомъ хвастливую реляцію, съ добавленіемъ, что Ло-жунъ-гуанъ разгромилъ и потопилъ два иностранныя судна. Государственный секретаріатъ, редактируя по этому случаю указъ, и не зная, что то была случайная побѣда, не заслуживающая излишнихъ восторговъ, представилъ все необыкновеннымъ подвигомъ и раздулъ дѣло похвальными изреченіями по адресу и-хо-туаньцевъ (большихъ кулаковъ) и порицаніемъ иностранцевъ, и предписывалъ остальнымъ губерніямъ Китая послѣдовать этому примѣру и обзавестись „большими кулаками“.

По началу, вступленіе на китайскую территорію иностранцы объясняли желаніемъ подавить мятежъ и спасти своихъ послан-

[1]) Предмѣстье Тянь-цзиня, прилегающее съ запада къ иностранному кварталу.— *Перев.*

Digitized by Google

никовъ; но съ этого времени стало понятно, что тутъ крылась прямая вражда къ Китаю. Они заняли крѣпость Синь-ченъ и укрѣпленный провіантскій складъ Цзюнь-лянъ-ченъ, и распредѣляли свои войска такъ, чтобы обманывать нашу армію и вызывать напрасную трату пороха и патроновъ. Наша армія состояла изъ 40 или 50 баталіоновъ (инъ) подъ командою Нэ-ши-чена, Ма-юй-куня, Люй-бэнь-юаня и Мэй-дунъ-и, и хотя одерживала неоднократно маленькія побѣды, но не могла ни на шагъ приблизиться къ иностранной концессіи. 5-го числа 6-й луны (18-го іюня) арсеналъ и кумирня Хай-гуань-сы [1]) заняты были иностранцами, — причемъ убито множество „большихъ кулаковъ"; тутъ только чиновники и народъ поняли, что волшебство и заклинанія не спасаютъ мятежниковъ отъ пуль! Глава тянь-цзиньскихъ „большихъ кулаковъ", по фамиліи Ванъ, принялъ ядъ и умеръ. Ю-лу на его мѣсто призвалъ цзинъ-хайскаго [2]) предводителя мятежниковъ; но тотъ не осмѣлился вступить въ сраженіе съ иностранцами, а только ежедневно убивалъ и грабилъ окрестныхъ жителей и путниковъ. Убитыхъ было безъ счета, и рѣка (Бай-хэ) сплошь покрылась плавающими трупами. Къ югу отъ Тянь-цзиня — въ округахъ и уѣздахъ Цзинъ-хай, Цинъ, Цанъ-чжоу, Янь-Шань, Цинъ-юнь и Гу-ченъ столпилось „большихъ кулаковъ" свыше 100.000 человѣкъ, которые спеціально занимались грабежомъ мирнаго населенія, но не соглашались идти на защиту Тянь-цзиня отъ непріятеля. 11-го числа (24-го іюня) иностранцы подступили къ городу, и пробили двѣ бреши въ восточной стѣнѣ; а затѣмъ, отъ полустанка желѣзной дороги обошедши Цинъ-сянь съ сѣвера, они заняли мѣстность Ма-чанъ-сюнь, и такимъ образомъ раздѣлили наши силы. 13-го числа (26-го іюня) Нэ-шичень цѣлый день сражался на южной сторонѣ города; но, получивъ три раны въ животъ съ выпадомъ кишокъ, онъ умеръ. 17-го числа (30-го іюня) непріятель открылъ канонаду ядрами, начиненными ядовитымъ веществомъ; жестоко изувѣченныхъ и убитыхъ было такъ много, что и солдаты, и мятежники, разбѣжались. 18-го числа (1-го іюля) Тянь-цзинь сдался. Ю-лу бѣжалъ въ Бао-динъ-фу; а интендантъ, дао-тай тянь-цзиньской морской таможни и всѣ чиновники направились въ Янъ-аю-цинъ и думали собрать тамъ разбитыя войска; но у нихъ не было провіанта.

---

[1]) Находится прямо къ югу отъ иностраннаго поселенія и построена на искусственной насыпи.—*Перев.*

[2]) Уѣздъ въ области Тянь-цзинь-фу.—*Перев.*

Digitized by Google

Вотъ краткое описаніе понесеннаго нами пораженія и потери Тянь-цзиня.

Государство всегда само вызываетъ пораженіе. Когда люди порождаютъ заблужденіе, и когда народный умъ остается неразвитымъ,—это показываетъ болѣзнь государства. А когда князья и графы впадаютъ въ безуміе, тогда является бѣда для престола. Императрица-мать и императоръ хотя и мудры, но въ такихъ случаяхъ оказываются какъ бы однорукими (безсильными). Когда десятки тысячъ красныхъ повязокъ (большихъ кулаковъ) пришли въ движеніе подобно саранчѣ, и когда дворъ и правительство извѣстились, что иностранныя державы, вмѣсто Китая, двигаются на усмиреніе мятежа, то призвали изъ Цзи-чжоу [1]) въ Пекинъ Дунъ-фу-сяна. Этотъ Дунъ-фу-сянъ въ началѣ правленія Тунъ-чжи подъ видомъ начальника народнаго ополченія прыгалъ по хребтамъ горъ [2]) (безчинствовалъ) въ провинціяхъ Шэнъ-си и Гань-су и въ Бэй-шанѣ. Дѣянія его за это время подробно описаны въ оффиціальной исторіи подъ заглавіемъ: Цинъ-динъ-фанъ-ляо. Но впослѣдствіи онъ смирился, и въ качествѣ командующаго хуньскими войсками совершилъ нѣсколько подвиговъ и оказалъ помощь въ провинціи Гань-су; но эти подвиги, не въ мѣру прославленные, въ дѣйствительности не имѣли особаго значенія. Только тѣ, которые ѣдятъ ушами (т.-е. неумѣющіе еще ѣсть), смотрѣли на Дунъ-фу-сяна, какъ на каменный столбъ (опору) государства, и потому при встрѣтившейся окказіи призвали его въ столицу; да и тутъ наружно они показывали скорбный видъ (по причинѣ тяжелыхъ обстоятельствъ), а внутренно разсчитывали получить съ него взятку. Дунъ-фу-сянъ отлично это зналъ, понималъ и относился къ разнымъ князьямъ и графамъ съ полнымъ пренебреженіемъ. Потому, когда 14-го числа 5-й луны (28-го мая) при дворѣ состоялось совѣщаніе о мирѣ или войнѣ, онъ заявилъ, что желаетъ войны съ иностранцами, но отказывался усмирять мятежниковъ; не послушался даже и указа императрицы, который испрошенъ былъ на этотъ случай канцлеромъ Жунъ-лу. Сановники консервативной партіи стали дорожить Дунъ-фу-сяномъ; и вопросъ о томъ, усмирять ли мятежниковъ, или воевать съ иностранцами, остался безъ разрѣшенія. Мятежники пришли отъ этого въ восторгъ, и восхваляли мужество Дунъ-

[1]) Округъ въ области Шунь-тянь-фу, гдѣ расквартированъ былъ со времени японской войны отрядъ его войскъ, выведенный изъ Синь-цзяна и Гань-су на защиту Пекина отъ японцевъ, но ко времени не поспѣвшій.—*Перев.*

[2]) Тутъ надо разумѣть, что Дунъ-фу-сянъ былъ подстрекателемъ дунганскаго движенія.—*Перев.*

Digitized by Google

фу-сяна. Онъ же съ своей стороны нисколько не вѣрилъ чудодѣйственной силѣ „большихъ кулаковъ“, но по необходимости потворствовалъ, такъ какъ большая половина его офицеровъ и солдатъ побраталась съ ними.

Нѣкоторыя правительственныя лица, знакомыя немного съ положеніемъ вещей, надѣялись на содѣйствіе Россіи, и потому хотѣли выслать „большихъ кулаковъ“ изъ Пекина для сопротивленія войскамъ другихъ иностранныхъ государствъ; но они не знали, что войска Дунъ-фу-сяна уже неизмѣнно настроены были на истребленіе иностранцевъ, не разбирая, какого они государства, а вмѣстѣ съ этимъ и мирное населеніе обречено было на разореніе и истребленіе. Дунъ-фу-сянъ уже не въ силахъ былъ предотвратить это. 15-го числа (29-го мая) солдатами Дунъ-фу-сяна убитъ былъ чиновникъ-писецъ японской миссіи; а на слѣдующій день „большіе кулаки“ сдѣлали нападеніе на Цзяо-минь-сянъ, т.-е. на улицу посольствъ; но, увидѣвъ тамъ пушки, тотчасъ же хотѣли удалиться; однако были поддержаны войсками Дунъ-фу-сяна, нѣсколько дней подрядъ жгли христіанскіе храмы и перебили нѣсколько тысячъ туземныхъ христіанъ. Кромѣ того, солдаты отряда Шэнъ-цзи-инъ убили германскаго посланника.

Иностранцы, при своей малочисленности, должны были отбиваться отъ громадной массы нападающихъ. Во время усиленной перестрѣлки, какая-то шальная пуля попала во дворецъ; императорскія войска и „большіе кулаки“ въ одинъ голосъ закричали, что иностранцы хотятъ напасть на дворецъ! Вслѣдствіе этого войскамъ Дунъ-фу-сяна приказано обратиться къ охранѣ дворца; а солдаты и „большіе кулаки“, соединившись подъ этимъ предлогомъ, безчинствовали и днемъ, и ночью, совершали поджоги и грабежъ. Никто уже не смѣлъ остановить ихъ. Башня надъ воротами Чженъ-янъ-мынь, почти всѣ казенныя и частныя зданія на улицахъ Да-чжа-ланъ, Си-хэ-янь, Чжу-бао-ши—были выжжены. У воротъ Цянь-мынь съ внутренней и внѣшней стороны валялось нѣсколько тысячъ человѣческихъ труповъ.

Во время осады посольствъ войсками Дунъ-фу-сяна, иностранные офицеры съ своими солдатами защищали преимущественно англійское посольство, на которое нападающіе особенно сильно напирали. Иностранцы сдѣлали-было внезапную вылазку; но войска изъ отряда Ху-шэнь-инъ и масса „большихъ кулаковъ“, стоявшихъ прямо противъ воротъ, отбили ее и заставили вернуться въ посольство. Тѣ иностранные солдаты, которые не успѣли попасть въ посольство, взбѣжали на городскую стѣну, заняли башню Чжунъ-синъ-тай, и, засѣвши въ разныхъ углубле-

Digitized by Google

ніяхъ, отстрѣливались, и такъ упорно защищались, что нападающіе въ теченіе двухъ дней не могли ихъ выбить. Сравнительно съ солдатами Дунъ-фу-сяна они стрѣляли болѣе мѣтко, и успѣли за эти дни ранить и убить шесть офицеровъ и около тысячи солдатъ. Наконецъ, когда у иностранцевъ провизія и боевые припасы стали приходить къ концу, а нападенія и осада не ослаблялись, они устроили баррикады и возвели высокія стѣны, и въ нихъ засѣли. Дунъ-фу-сянъ, указывая на это обстоятельство и желая сломить упорную защиту иностранцевъ, отказался идти на защиту Тянь-цзиня.

Между тѣмъ иностранныя державы настоятельно указывали намъ, что нападеніе на дипломатическихъ представителей противорѣчитъ международному праву и вызываетъ всюду сильное негодованіе, а потому и бѣдствіе для Китая будетъ безграничное. Тогда отъ многихъ столичныхъ и провинціальныхъ чиновниковъ стали поступать доклады съ просьбами не нападать на посланниковъ. 29-го числа (12 іюня) канцлеръ Жунъ-лу испросилъ указъ и большими буквами написалъ оный на доскахъ для обнародованія. Въ указѣ говорилось объ охранѣ посольствъ и о воспрещеніи стрѣлять по нимъ. Но солдаты Дунъ-фу-сяна, продолжая нападенія свои попрежнему, говорили, что мы не можемъ не стрѣлять уже потому, что иностранцы побили насъ, и хотятъ, кромѣ того, погубить извѣстнаго имъ нашего начальника, Дунъ-фу-сяна. Такимъ образомъ, благая мысль нашего правительства не достигла цѣли. Перестрѣлка продолжалась, и пули свистѣли по разнымъ направленіямъ; такъ что многіе придворные чины на пути были ранены въ своихъ паланкинахъ и экипажахъ. Въ средней декадѣ 6-й луны (отъ 23 іюня до 3 іюля) китайскій кабинетъ извѣстилъ иностранныя правительства, что всѣ посланники живы и здоровы; но этому нигдѣ не повѣрили.

Вотъ краткое описаніе волненій и безпорядковъ въ Пекинѣ.

Когда еще императорскія войска не соединились съ мятежниками „большого кулака“, Японія, Англія и Соединенные-Штаты совѣтовали вдовствующей императрицѣ передать бразды правленія императору, уплатить свыше 10.000.000 ланъ въ вознагражденіе за жизнь убитыхъ иностранцевъ, за разрушенные дома и разграбленное имущество, открыть всѣ еще не открытыя для иностранной торговли мѣста, лежащія по берегу океана и по рѣкамъ Янъ-цзы-цзяну и другимъ, и на этихъ условіяхъ заключить миръ. Германія и Франція на это не соглашались, говоря, что, по опредѣленію судьбы, настало время раздѣлить арбузъ (Китай), и что этого случая упускать не слѣдуетъ. Россія,

Digitized by Google

издавна имѣющая съ нами секретные договоры, думала извлечь пользу, какъ искусный рыболовъ, и покровительственно предложила обоимъ нашимъ дворамъ (императрицѣ-матери и императору) послѣдовать примѣру корейскаго короля, и временно удалиться въ русское посольство, обѣщая за это прислать большую армію на помощь намъ противъ остальныхъ иностранныхъ державъ. Однакоже неожиданно военныя обстоятельства измѣнились: убитъ японскій чиновникъ, произведено нападеніе на англійское посольство, а въ сраженіяхъ при Тянь-цзинѣ пало много русскихъ; такъ что обсужденіе вышеизложенныхъ предложеній не могло имѣть мѣста. Тогда великія иностранныя державы заключили соглашеніе общими силами напасть на Китай. Къ нимъ присоединились и второстепенныя державы: Италія, Австрія, Голландія, Португалія и Бельгія. Кромѣ того, германскій императоръ, услышавъ, что его посланникъ убитъ, воспылалъ гнѣвомъ, послалъ нѣсколько броненосцевъ съ сухопутными войсками на востокъ, и поклялся подъ стѣнами своей столицы отмщеніемъ. Отъ всѣхъ иностранныхъ кабинетовъ получены были телеграммы, что если посланники будутъ убиты, то арбузъ (Китай) безъ всякихъ разсужденій будетъ раздѣленъ, и что всѣ вліятельныя китайскія лица будутъ казнены. Однакоже, изъ опасенія, что такимъ способомъ будетъ нанесенъ огромный вредъ торговлѣ, въ телеграммахъ добавлялось, что соединенныя войска идутъ только на выручку посланниковъ; и еслибы мы собственными силами могли охранить посланниковъ и подавить мятежъ, то дѣло могло принять другой оборотъ.

Вотъ краткое изложеніе плановъ иностранныхъ державъ.

Изъ подававшихъ совѣты, но нераскаявавшихся въ вызванной бѣдѣ сановниковъ—большинство крѣпко стояло на томъ, что заключать миръ безполезно; и только одинъ или два, понимающіе дѣло, старались какъ-нибудь все устроить; почему, съ одной стороны, предписано было по телеграфу китайскимъ представителямъ при иностранныхъ дворахъ посѣтить министерства иностранныхъ дѣлъ и принести благодарность (за участіе), а съ другой—приказано Ли-хунъ-чжану прибыть въ Пекинъ. А все-таки всѣмъ генералъ-губернаторамъ и губернаторамъ написанъ былъ строгій наказъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось, что „слово: миръ—нельзя сохранить навсегда въ сердцѣ“, и что „по принципу безъ войны нельзя достигнуть мира“. При такомъ воинственномъ настроеніи явись недостатокъ въ оружіи и снарядахъ, то приходилось бы требовать таковые изъ отдаленныхъ провинцій, лежащихъ по берегамъ океана и цзяновъ (большихъ

Digitized by Google

рѣкъ); при недостаткѣ же провіанта надо было закупать его въ Шань-дунѣ, Цзянъ-си, Шэнъ-си и Шань-си, гдѣ какъ разъ случился неурожай; да и легко ли было бы перевезти все это. Въ случаѣ, еслибы войска сильно пострадали, то потребовалось бы передвигать подкрѣпленія изъ такихъ отдаленныхъ губерній, какъ Гуй-чжоу, Юнь-нань, Гань-су и Синь-цзянъ. А вѣдь въ началѣ столкновенія никто и не подумалъ объ этихъ трудностяхъ, и вышло похоже на то, что начнешь копать колодезь, когда уже пить захочешь. Какъ же можно разсчитывать на побѣду, когда принимаешься за войну среди торопливаго приготовленія къ ней?!

Чжилійскій казначей Тинъ-цзэ [1]), при первыхъ слухахъ о побѣдахъ въ Тянь-цзинѣ, распорядился всѣ христіанскіе храмы (и угодья при нихъ) описать въ казну. Когда „большіе кулаки" напали на (иностранную) колонію Дунъ-лю, и не могли овладѣть ею, тотъ же казначей послалъ имъ на помощь съ войсками полковника Чжанъ-ши-ханя, который, учинивъ грабежи и убійства, вернулся. Шань-сійскій губернаторъ Юй-сянь, единственно по навѣтамъ подлыхъ людей изъ черни, казнилъ 42-хъ иностранцевъ и болѣе сотни туземныхъ христіанъ; да кромѣ того пригласилъ еще въ Шань-си шайку „большихъ кулаковъ". Въ это же время въ Пинъ-динъ-чжоу, Тай-юань-фу, Пинъ-яо-чжоу и Хо-чжоу [2]), на протяженіи нѣсколькихъ сотъ ли, голодная чернь, подъ предлогомъ вражды къ христіанству, разрушила телеграфную линію и произвела разные безпорядки. По поводу этихъ безобразій лянъ-цзянскій (нанкинскій) и ху-гуанскій (учанскій) генералъ-губернаторы Лю-кунь-и и Чжанъ-чжи-дунъ сдѣлали по телеграфу представленія и просили о подавленіи мятежа; но этимъ представленіямъ не было дано никакого хода. Присоединившійся-было къ этимъ представленіямъ ху-бейскій губернаторъ, Юй-инь-линъ, послѣ раскаялся. По тѣмъ же самымъ причинамъ генералъ-губернаторы и губернаторы юго-восточныхъ провинцій заключили съ (мѣстными представителями) иностранныхъ правительствъ условіе—„не нападать другъ на друга". Къ этому условію наши сановники забыли, однакоже, сдѣлать оговорку въ томъ смыслѣ, что хотя и безъ достаточнаго законнаго основанія, но силою вещей мы можемъ быть вынуждены къ нападенію. Часто бываетъ, что бѣдный народъ обращается въ негодяевъ и мятежниковъ. А если намъ придется послать войска и военные припасы въ защиту столицы, то у себя ничего не останется для

---

[1]) Разстрѣлянный по суду союзниковъ въ Бао-динъ-фу.—*Перев.*

[2]) Области и округа въ провинціи Шань-си.—*Перев.*

Digitized by Google

самозащиты, и при малѣйшемъ недоразумѣніи народное настроеніе можетъ вызвать тотчасъ же усобицу. Конечно, такая оговорка въ основѣ имѣла бы предвзятую мысль, ибо если бы всѣ приморскія и лежащія по берегамъ цзяновъ провинціи открыли военныя дѣйствія, то несомнѣнно, что войска десяти слишкомъ иностранныхъ державъ, по заранѣе составленному плану о раздѣлѣ арбуза, каждое въ отдѣльности отвоевали бы себѣ территоріи излюбленныхъ провинцій; а мы не только не ослабили бы тяньцзиньскаго бѣдствія, но еще ввергли бы въ несчастіе сотни милліоновъ народа. Тѣмъ не менѣе, противъ означеннаго условія ху-бэйскій губернаторъ, Юй-инь-линъ, представилъ обвинительный докладъ.

Между тѣмъ, мнѣнія нашихъ государственныхъ чиновъ раздѣлились. Одни просили поспѣшить выпровожденіемъ посланниковъ изъ Пекина, чтобы замедлить военныя дѣйствія; другіе предлагали придать бодрости войскамъ Дунъ-фу-сяна и перевести ихъ въ авангардъ противъ непріятеля, чтобы безъ нихъ возстановить спокойствіе въ Пекинѣ; третьи совѣтовали, чтобы дворъ, подъ видомъ охоты, выѣхалъ на западъ и укрылся, такимъ образомъ, отъ враговъ; четвертые настаивали на скорѣйшемъ заключеніи мира. Но какъ трудно было двинуть Дунъ-фу-сяна и его войска, когда фавориты двора, опиравшіеся на него сначала и вручавшіе ему свою судьбу, боялись его потомъ, какъ тигра! Что касается перенесенія столицы, то объ этомъ давно говорились жалкія слова, но ничего не приготовлялось; а когда это понадобилось, то съ громаднымъ трудомъ нашли лошадей и телѣги для свиты. Если просить мира, то приходилось лишиться всѣхъ вліятельныхъ въ правленіи лицъ, строго наказать „большихъ кулаковъ“ и отрѣзать много хорошихъ земель. Компетентныя въ дѣлѣ лица считали это еще за счастіе для насъ, потому что такимъ образомъ хоть кое-какъ могъ сохраниться престолъ; но глупые люди говорили, что въ этомъ для насъ большой срамъ, да притомъ еще бѣда коснется князей императорской фамиліи и людей дорогихъ, что̀ представляетъ непреодолимыя затрудненія. Въ добавокъ ко всему этому, Ли-хунъ-чжанъ, не желая возбуждать къ себѣ гнѣвъ массы мятежниковъ, остановился тогда нарочно на срединѣ дороги (въ Шанъ-хаѣ).

Вотъ краткое изложеніе плановъ столичныхъ и провинціальныхъ чиновниковъ послѣ понесеннаго пораженія.

Нужно знать, что побѣждающій въ самой природѣ своей носитъ основаніе для побѣды, а побѣжденный—также въ природѣ своей носитъ основаніе для пораженія. Этотъ принципъ подготовляется

Digitized by Google

тысячелѣтіями. У насъ, въ Китаѣ, всегда и всѣ, отъ высшихъ до низшихъ, нажимаютъ другъ друга въ погонѣ за личною пользою; и потому какъ защитники мира, такъ и защитники войны, одинаково не могутъ избыть своей вины. Но при нынѣшнихъ обстоятельствахъ защитники войны по преимуществу имѣютъ тройкую вину. Первую я назову *отсутствіемъ сердечной чистоты* (презрѣніе къ знанію). Не говорю уже о глупыхъ и сумасбродныхъ людяхъ,—но вотъ, напримѣръ, даже иные графы постоянно носятъ личину учености, а на самомъ дѣлѣ только и знаютъ, какъ бы вызвать войну. Напротивъ, мудрые люди, въ стремленіи къ самоуглубленію, если не знаютъ чего другого, то должны знать хоть то, что нельзя полагаться только на самихъ себя. Конфуцій (если чего-либо не зналъ) спрашивалъ у всякаго, а не у однихъ только учителей. Мэнъ-цзы стыдился, что онъ хуже другихъ. Ченъ-цзы, Чжу-цзы и другіе святые мужи старались изучить и понять законы всякаго дѣла; оттого въ сердцѣ ихъ царили миръ и спокойствіе. Еслибы эти святые мужи теперь опять родились, то ни подъ какимъ видомъ не допустили бы насъ до такой необдуманности и глупости. Не одобряющій священныя книги и бросающій ихъ въ сторону, не читая, не пойметъ истиннаго знанія, и останется невоспитаннымъ. Для истинно мудраго мужа незнаніе и одной какой-либо вещи есть уже стыдъ; наше же нежеланіе знакомиться съ европейскою цивилизаціею значитъ приняться за легкое, бросивъ трудное; значитъ, не знать, что въ основахъ правленія иностранцевъ ясно проглядываютъ законы династіи Чжоу (1134—258 до Р. Хр. [1]); значитъ, смотрѣть на необыкновенныхъ и могучихъ (иностранныхъ) непріятелей—какъ на (слабыхъ) инородцевъ, жившихъ тысячи лѣтъ тому назадъ, и съ необузданнымъ задоромъ затѣвать съ ними вражду. Какъ же можно, при такихъ условіяхъ, избѣжать вреда для государства?!

Вторую вину защитниковъ войны я назову *отсутствіемъ любви къ народу*. Народная нищета и истощеніе богатствъ къ настоящему времени достигли у насъ высшихъ предѣловъ. Въ годъ Цзя-у (20-й годъ правленія Гуанъ-сюй) на военныя издержки, на уплату контрибуціи и на выкупъ (оккупированныхъ японцами) земель мы истратили свыше 300.000.000 ланъ серебра. Всѣ эти милліоны послѣдовательно выжаты были изъ крови и костей народа, чтобы вывести государство изъ затрудненія. Цѣны на всѣ жизненные продукты поднялись, и народъ,

[1]) Законы полумиѳической династіи Чжоу служатъ для китайцевъ неизмѣннымъ идеаломъ блестящаго правленія и благоденствія государства. — *Перев.*

Digitized by Google

въ безвыходномъ положеніи своемъ, вынужденъ былъ рѣшиться на разбой и думать о возмущеніи. Такимъ образомъ, не поставивши еще войска на военное положеніе, мы уже боялись, какъ бы не развалиться. А между тѣмъ, наши консервативные сановники, родившіеся и воспитавшіеся въ роскоши, и смутно понимавшіе бѣдственное положеніе народа, проповѣдывали, что въ Китаѣ земли обширны и естественныя богатства огромны, и что въ одинъ мигъ мы можемъ истребить такихъ ничтожныхъ островныхъ варваровъ (иностранцевъ). Какъ не почесть такія рѣчи о войнѣ крайне легкомысленными?!

Третью вину я назову *погоней за пустой славой*. Защитники войны, сплошь и рядомъ, утромъ представляютъ доклады и проекты (о войнѣ), а вечеромъ уже отправляютъ своихъ женъ и домочадцевъ въ безопасныя мѣста, потому что прекрасно знаютъ, что не побѣдятъ. Они нарочно хвастаются, чтобы добиться популярности и пріобрѣсти хорошую репутацію въ толпѣ. Защитники войны, въ своихъ сужденіяхъ, опирались на разныя книги, записки и преданія, составлявшіяся со временъ Сунской династіи (960—1279 г. по Р. Хр.) и донынѣ и одобрявшіяся только гнилыми учеными; но такой худой тысячелѣтній предразсудокъ причинилъ уже немало вреда и обществу, и государству. Нынѣшнее положеніе дѣлъ совсѣмъ измѣнилось (противъ прежняго), и тѣ, которые на этотъ разъ настаивали на войнѣ, въ будущемъ непремѣнно вызовутъ сильныя нареканія противъ себя со стороны людей компетентныхъ.

Изъ совокупности этихъ трехъ причинъ возникла большая ошибка, вовлекшая государство въ опасность, повергшая народъ въ сильныя страданія, подавшая счастливый поводъ къ войнѣ рыцарямъ пяти материковъ и обрушившая на Китай такое бѣдствіе, какого не видано было въ теченіе четырехъ тысячъ лѣтъ! Прочитавъ относящіеся къ этому дѣлу оффиціальные документы и частныя извѣстія, я составилъ настоящую записку, не выразивъ въ ней и десятитысячной доли своего горя и негодованія.

Послѣ открытія военныхъ дѣйствій въ Да-гу и Тянь-цзинѣ, когда коммерческіе шанхайскіе пароходы пріостановили свое движеніе, то въ одинъ рейсъ сбытъ китайскихъ и иностранныхъ товаровъ сократился болѣе чѣмъ на милліонъ ланъ; значитъ, за десять рейсовъ получилось сокращеніе разныхъ торговыхъ операцій на 10 слишкомъ милліоновъ. Поэтому всѣ торговые порты приняли унылый видъ; торговая предпріимчивость была угнетена; богатыя семьи наперерывъ стали требовать свои сбереженія, отчего банки и мѣняльныя лавки принуждены были закрыться при

Digitized by Google

общемъ замѣшательствѣ. Въ Су-чжоу, Чжень-цзянѣ, Канъ-чжоу, Нинъ-бо и Вэнь-чжоу, торговые дома одинъ за другимъ обанкротились и закрылись; множество людей потеряли занятія; кредитъ и ссуды прекратились; наличнаго серебра недоставало для обращенія, капиталисты понесли громадные убытки. Проживающіе въ Шанхаѣ китайцы распространяли ложный слухъ, что на этотъ разъ императорскія войска силою могутъ сжечь всѣ иностранныя поселенія и перебить иностранцевъ. Опасаясь, что бѣды этой не миновать и китайцамъ, они стали уѣзжать внутрь страны, причемъ за нанятыя лодки пришлось платить по 30 и 40 тысячъ чоховъ въ день. Иностранцы, видя, что китайцы разбѣжались, стали задумываться, и въ свою очередь разъѣхались въ разныя мѣста. Между тѣмъ, въ разныхъ областяхъ и уѣздахъ воры и разбойники, пользуясь этимъ случаемъ, смѣло принялись за свое дѣло. Ученые, земледѣльцы, ремесленники и торговцы—всѣ попали въ бѣду и затрудненія. Во всѣхъ приморскихъ и лежащихъ по цзянамъ провинціяхъ за текущій годъ оказался большой недочетъ въ сборѣ пошлинъ и ликина. Такимъ образомъ, военныя дѣйствія въ Чжилійской провинціи весьма неблагопріятно отразились и на благосостояніи южныхъ провинцій, а уже одно это служитъ доказательствомъ того, что настоящее положеніе не сходно съ прежнимъ. Между тѣмъ, бѣжавшіе изъ Пекина ученые и чиновники распускаютъ еще сумасбродные разсказы о чудотворной силѣ „большихъ кулаковъ“, и разсказы эти, быстро распространяясь и передаваясь, всюду находятъ себѣ вѣру. Глупый народъ, пользуясь этимъ, подниметъ бунтъ, и явится общая опасность!

Послѣсловіе.—Прочитавъ вчера сочиненіе островного отшельника, въ которомъ онъ прямо и убѣдительно истолковалъ всю нелѣпость секты „большого кулака“, трудность сопротивленія иностранцамъ и вредъ, причиненный государству и народу, я поспѣшно переписалъ его въ нѣсколькихъ экземплярахъ, для всеобщаго свѣдѣнія, съ тою цѣлью, чтобы всѣ узнали, что заблужденія секты „большого кулака“ ни къ чему негодны, и что не слѣдуетъ вновь затѣвать войну съ иностранцами; и хотя это не можетъ принести уже пользы общему положенію государства, но зато можетъ спасти одинъ какой-нибудь уголокъ.—Редактировалъ человѣкъ изъ мѣстности Ци-хуай (анонимъ) въ концѣ лѣта 26-го года правленія Гуанъ-сюй.

Перев. В. Успенскій.

г. Урумчи.

Digitized by Google

ПЕРЕДЪ КАРТИНОЙ

РАЗСКАЗЪ.

— Я надѣюсь, что мы не встрѣтимся съ Алексѣемъ Михайловичемъ,—тревожнымъ шопотомъ говорила стройная молодая женщина, пока швейцаръ въ помѣщеніи „Общества поощренія художествъ", на Морской, снималъ съ нея нарядную весеннюю ротонду. Спутникъ ея, молодой человѣкъ лѣтъ тридцати, слегка пожалъ плечами.

— Я вѣдь просилъ тебя не ѣхать,—уныло отвѣтилъ онъ, очевидно повторяя фразу, которую уже не разъ произносилъ съ утра:—я предупреждалъ тебя, я просилъ...

Молодая женщина уже не слушала его. Она подошла къ зеркалу и, поднявъ вуалетку, начала поправлять на лбу завитки своихъ красивыхъ, пепельнаго цвѣта, волосъ.

— Онъ всегда бывалъ на выставкѣ по утрамъ,—продолжала она тѣмъ же шопотомъ,—и всегда уходилъ, когда начинался съѣздъ. И потомъ, на выставкѣ такъ легко сдѣлать видъ, будто не замѣчаешь. Стоитъ только пристально смотрѣть на какую-нибудь картину. Онъ вѣдь и самъ къ намъ не подойдетъ... Какъ ты думаешь, Юрій? Что жъ ты молчишь?

— Что же мнѣ говорить? Я просилъ тебя,—ты не послушалась. И что за фантазія! Въ первый день выставки, вчера только пріѣхали... Ты не успѣла даже отдохнуть съ дороги. Смотри, какой у тебя видъ сегодня,—на тебѣ вѣдь лица нѣтъ. Уйдемъ!

Она остановила его нетерпѣливымъ движеніемъ и начала подниматься по ступенямъ лѣстницы, съ которой спускались

Digitized by Google

многочисленные посѣтители, успѣвшіе уже осмотрѣть всю выставку. Дамы были въ нарядныхъ платьяхъ, въ красивыхъ весеннихъ шляпахъ, и тѣмъ не менѣе многія изъ нихъ съ невольной завистью провожали глазами стройную фигуру молодой бѣлокурой женщины въ длинномъ темносинемъ платьѣ изъ легкаго сукна. Она быстро поднималась, опустивъ голову и стараясь ни на кого не смотрѣть. Только на минуту остановилась она у кассы, чтобы купить билетъ и каталогъ картинъ, и тотчасъ же начала нервно перелистывать его.

— Навѣрно, онъ что-нибудь выставилъ,—твердила она:— онъ всегда выставлялъ. Говорятъ, онъ былъ боленъ... Киселевъ... Лемохъ... вотъ, Нильскій! Всего только одна картина: „Зависть“. Юрій, „Зависть“,—что бы это могло быть?—И, не дожидаясь его отвѣта, она почти побѣжала, мимоходомъ лорнируя выставленныя картины, но не останавливаясь ни передъ одной изъ нихъ и спѣша все дальше и дальше. Юрій Павловичъ едва поспѣвалъ за ней, удивленный и взволнованный ея страннымъ возбужденіемъ...

Годъ тому назадъ, жена довольно извѣстнаго художника, Марья Александровна Нильская, безумно въ него влюбилась и рѣшила бросить мужа и маленькую, восьмилѣтнюю дочь. Онъ увезъ ее за границу; цѣлый годъ прожили они во Франціи и только вчера вернулись въ Петербургъ. Уже сегодня настояла она на томъ, чтобы ѣхать на передвижную выставку, и съ утра безъ умолку говорила и о томъ, какъ ей не хочется встрѣтиться съ мужемъ, и какъ любопытно ей видѣть его картину, какъ она непремѣнно поѣдетъ, но поѣдетъ позднѣе, когда толпа уже отхлынетъ и не такъ легко будетъ встрѣтить знакомыхъ.

И, дѣйствительно, народу уже было немного,—оставались лишь запоздалые посѣтители.

Многіе отдыхали и, сидя, продолжали лѣниво смотрѣть на какое-нибудь полотно; другіе стояли маленькими группами, бесѣдуя, кто о видѣнныхъ картинахъ, кто о совершенно посторонникъ предметахъ. Въ залѣ было душно, а потому, многія лица казались утомленными, нѣкоторыя изъ нихъ внезапно оживлялись при видѣ знакомой физіономіи. Раздавались сдержанныя восклицанія; подобно легкому жужжанію, звенѣла праздная свѣтская болтовня, и картины въ слабѣющемъ вечернемъ освѣщеніи казались тоже утомленными и какъ бы смущенными тѣмъ, что ихъ, созданныхъ съ такой любовью и трудомъ, выставили теперь на судъ этой равнодушной толпы.

Digitized by Google

— Это Вѣрочка!—воскликнула вдругъ Марья Александровна и судорожно сжала руку Юрія Павловича.

Онъ растерянно оглянулся, но кругомъ были все чужія, незнакомыя ему лица. Тогда онъ поднялъ глаза и вздрогнулъ, пораженный большой картиной, отъ которой такъ и вѣяло силой и свѣжестью могучаго молодого таланта, и передъ которой, несмотря на позднее время, стояла небольшая толпа цѣнителей. „Зависть“—было написано на дощечкѣ, прикрѣпленной къ широкой темно-бронзовой рамѣ.

Картина изображала аллею Лѣтняго сада поздней осенью, въ ясный сентябрьскій день. Сквозь воздушный переплетъ вѣтвей глядѣло холодное блѣдно-голубое небо; солнечные лучи освѣщали мягкимъ блескомъ темные стволы липъ и развѣсистыхъ кленовъ и играли на пожелтѣвшихъ листьяхъ, которые легли на землю густымъ золотистымъ ковромъ.

Вдали, между деревьевъ, едва виднѣлись красноватыя стѣны Инженернаго Замка, и неподвижно въ прозрачномъ воздухѣ возвышалась статуя Антиноя, навѣвая своимъ потемнѣвшимъ мраморомъ воспоминанія объ иныхъ, промелькнувшихъ дняхъ.

Въ глубинѣ аллеи были изображены на скамейкѣ двѣ женщины. Одна изъ нихъ, молоденькая, съ красивымъ, южнаго типа лицомъ, очевидно бонна-иностранка, сидѣла съ неподвижно устремленнымъ вдаль скучающимъ и безучастнымъ взоромъ.

Другая была женщина лѣтъ тридцати, миловидная, скромно одѣтая. На колѣни къ ней вскарабкался кудрявый пятилѣтній мальчикъ и, обнявъ ее обѣими ручонками, прижался къ ея груди своимъ раскраснѣвшимся сіяющимъ личикомъ. Онъ, видимо, игралъ и рѣзвился, и вдругъ, охваченный безотчетнымъ порывомъ, съ звонкимъ смѣхомъ бросился къ матери и прильнулъ къ ней всѣмъ своимъ маленькимъ, трепещущимъ отъ радости тѣломъ.

И наконецъ, нѣсколько въ сторонѣ, но привлекая всеобщее вниманіе, стояла бѣлокурая дѣвочка лѣтъ девяти, въ круглой шляпѣ, убранной крэпомъ, и въ черномъ траурномъ платьѣ. Она, очевидно, тоже играла и, можетъ быть, отъ души веселилась, но, озадаченная неожиданнымъ порывомъ своего маленькаго товарища, внезапно перестала играть и глубоко задумалась.

Безпечная улыбка замерла на ея губахъ; руки, въ которыхъ она еще продолжала держать скакалку, безжизненно повисли, и большіе темно-голубые глаза съ выраженіемъ тоски и невольной зависти остановились на матери съ сыномъ. И ей бы хотѣлось такъ же броситься, такъ же приласкаться, высказать на своемъ смутномъ дѣтскомъ языкѣ переполнившее ея маленькое сердце

Digitized by Google

желаніе любви и участія, и вотъ, можетъ быть въ первый разъ, пахну́ло на нее своимъ холодомъ суровое дыханіе жизни, и вся она какъ бы съёжилась и присмирѣла, испуганная и пристыженная сознаніемъ своего одиночества.

Художникъ заставлялъ свою дочку очень рѣдко позировать и старался писать съ фотографіи или даже на память, и тѣмъ не менѣе изображенная на картинѣ дѣвочка была поразительно на нее похожа, и мать сразу узнала ее. Воображеніе ея, дополняя портретъ, живо воскресило любимое дѣтское личико, такъ часто съ горячей лаской прижимавшееся къ ея лицу.

Неужели же отецъ въ самомъ дѣлѣ уловилъ въ ея дѣтскихъ глазахъ это недѣтское скорбное выраженіе?

— Какъ она измѣнилась!—тихо произнесла Марья Александровна, прижимая къ губамъ носовой платокъ.—Вѣрочка!—вырвался изъ груди ея слабый стонъ, и она вдругъ всхлипнула.

— Пойдемъ! — испуганно прошепталъ Юрій Павловичъ; но она упрямо покачала головой и продолжала стоять, неподвижно смотря на полотно, охваченная воспоминаніями.

— Этакій молодецъ!—восторженно произнесъ какой-то старикъ,—очевидно любитель, — останавливая проходившаго мимо господина.—Вы обратите вниманіе,—вѣдь это лучшая картина всей выставки. Да, молодецъ!

Марья Александровна оглянулась съ смущенной и почти радостной улыбкой, которая сразу слетѣла съ ея лица.

Въ былое время она чуть ли не на свой счетъ принимала подобныя похвалы и гордилась ими, но теперь,—теперь вѣдь она была чужая.

— Какое чудное выраженіе у дѣвочки!—Подожди, мама, я не могу оторваться.

— А мальчикъ, смотри, совсѣмъ вѣдь живой!

— Сиротка!—произнесъ чей-то кроткій голосъ.

Марья Александровна вздрогнула и опустила голову. Она одна изъ всей этой обступившей ее толпы знала, что изображенная на картинѣ дѣвочка въ черномъ платьѣ—вовсе не сирота, что у нея есть мать, но что мать эта ее бросила. И теперь эта мать стояла беззащитная и растерянная передъ судомъ большихъ дѣтскихъ глазъ, смотрящихъ на нее съ молчаливымъ укоромъ.

И чѣмъ дольше смотрѣли они на нее, тѣмъ живѣе и ярче выступали изъ прошлаго образы минувшихъ годовъ.

И вспомнилось ей то время, когда мужъ ея не былъ еще

Digitized by Google

знаменитъ, когда оба они были бѣдны и молоды, когда Вѣрочкѣ было годика два.

Какъ хорошо было то время!

Они жили въ маленькой квартирѣ на Потемкинской. Весной изъ Таврическаго сада доносился запахъ распускающихся почекъ и ликующее щебетанье птицъ.

Въ небольшихъ, залитыхъ солнечнымъ свѣтомъ комнатахъ было такъ весело и такъ уютно. Мужа почти никогда не бывало дома,—онъ съ утра до вечера работалъ въ академіи и возвращался домой счастливый, но измученный и утомленный.

Марья Александровна по цѣлымъ днямъ оставалась одна, но ей некогда было скучать. Все время хлопотала она въ своемъ гнѣздѣ, то шила, то возилась на кухнѣ, то шла съ Вѣрой гулять. Вѣру она бы никому не поручила. Часами слушала она ея дѣтскій лепетъ, играла съ ней, забавляла ее. Ей доставляло неизъяснимое наслажденіе варить для Вѣрочки кашку, купать ее, укладывать спать. Когда Вѣрочка обвивала своими пухлыми ручонками ея шею и прижималась къ ней своей бѣлокурой головкой, Марьѣ Александровнѣ казалось, что она безгранично счастлива, что иного, лучшаго счастья нѣтъ и не можетъ быть.

Мужа она любила и гордилась имъ, гордилась его успѣхами, и съ радостью встрѣчала его, когда онъ возвращался домой, но почти никогда его ни о чемъ не разспрашивала, а напротивъ разсказывала ему обо всемъ, что̀ случилось въ его отсутствіи, разсказывала о Вѣрочкиныхъ проказахъ, повторяла ея слова. Вѣра, бывало, спитъ въ своей бѣлой, мягкой постелькѣ, въ комнатѣ темно и тихо, едва только слышится ея ровное дыханіе; а рядомъ, въ маленькой, ярко освѣщенной столовой, сидятъ за самоваромъ Алексѣй Михайловичъ и Марья Александровна, и молодая женщина, сіяющая и счастливая, безъ умолку щебечетъ, никогда не успѣвая всего высказать, подѣлиться всѣми своими впечатлѣніями.

Но время шло. Алексѣй Михайловичъ становился извѣстнымъ художникомъ. Скромная квартира на Потемкинской была давно покинута. Для Вѣры Марья Александровна наняла француженку-бонну, дѣлать ей было теперь почти нечего,—она начала скучать. Какъ ребенку, которому старыя игрушки давно надоѣли, ей захотѣлось чего-то новаго. Живая ея кукла выросла и сдѣлалась менѣе забавной.

Марья Александровна любила ее не меньше, любила ее, можетъ быть, сильнѣе, чѣмъ прежде, но это ужъ не было первымъ, инстинктивнымъ и горячимъ чувствомъ любви, которое занимало

Digitized by Google

всѣ ея помыслы и удовлетворяло всѣмъ запросамъ ея души. Теперь возникли новые неясные запросы, на которые она не находила отвѣта.

Ее стало раздражать, что у мужа есть свой особый міръ творчества и вдохновенія, который для нея совершенно чуждъ. И ей захотѣлось вторгнуться въ этотъ міръ, жить его жизнью, интересоваться тѣмъ, что интересовало его.

Когда она была еще невѣстой, она всегда мечтала, что будетъ помощницей и совѣтницей мужа, что съ ней онъ будетъ дѣлиться всѣми своими замыслами, посвящать ее во всѣ тайны своей творческой мысли. Появленіе на свѣтъ Вѣрочки затмило на время это желаніе, но теперь оно проснулось съ новой силой. Она стала ревниво слѣдить за мужемъ, вѣчно чего-то ожидая и вѣчно разочаровываясь. По временамъ она видѣла, какъ загоралось его лицо, какъ охватывало его кипучее лихорадочное возбужденіе. Въ такія минуты она пыталась съ нимъ сблизиться, разгадать тайну его вдохновеннаго порыва; но Алексѣй Михайловичъ отдѣлывался обыкновенно двумя, тремя незначительными фразами и запирался въ своей мастерской или куда-то уходилъ и пропадалъ на нѣсколько часовъ. Она давно знала за нимъ эту привычку убѣгать изъ дому и до устали бродить по улицамъ, ничего вокругъ себя не видя и обдумывая какую-нибудь внезапно блеснувшую ему мысль. Прежде она относилась къ этой его странности съ ребяческимъ уваженіемъ и только изрѣдка позволяла себѣ добродушно надъ ней подсмѣиваться. Теперь она начала все чаще и чаще раздражаться.

— Я будто для тебя чужая, — не вытерпѣла она разъ; — мнѣ иногда кажется, что ты меня не любишь.

Въ голосѣ ея звучали гнѣвъ и обида. Онъ поблѣднѣлъ.

— Маруся,— сказалъ онъ ласково, но очень серьезно:— брось это. Ты только напрасно будешь мучить и себя, и меня. Неужели же ты не чувствуешь, что я тебя люблю! Умоляю тебя, вѣрь мнѣ,—доказать тебѣ мою любовь я не съумѣю.—И она ему повѣрила, но тоска ея не улеглась, и Алексѣй Михайловичъ съ тревогой сталъ поглядывать на ея измѣнившееся и поблѣднѣвшее лицо.

— Что съ тобой, Маруся, ты больна? — спросилъ онъ ее однажды.

— Мнѣ скучно,—отвѣтила она, едва сдерживая слезы.

— Ты бы занялась какимъ-нибудь дѣломъ,—отвѣтилъ онъ. —Право, Маруся, возьми себя въ руки!

Digitized by Google

Слова эти показались ей очень обидными, и она перестала жаловаться, но въ душѣ начала считать себя очень несчастной.

Потянулись томительные, безпросвѣтные дни. Иногда по вечерамъ, когда Вѣра спала, а Алексѣй Михайловичъ работалъ или его не было дома, она садилась за рояль и начинала играть, и вдругъ руки ея медленно опускались, и она заливалась горькими молчаливыми слезами.

Наконецъ, здоровье ея совсѣмъ разстроилось, и врачи послали ее за границу.

Алексѣй Михайловичъ работалъ тогда надъ большой картиной и не могъ ѣхать съ семьей.

— Поправляйся, моя радость,—говорилъ онъ женѣ,—пиши мнѣ; я вѣдь ужасно буду безъ васъ скучать.

Вѣрочка была очень взволнована. Сердце ея разрывалась отъ предстоящей разлуки.

— Папа,—шопотомъ сказала она отцу въ день отъѣзда,—возьми меня на руки, походи со мной.

— Ахъ, Вѣрушка, — засмѣялся Нильскій, — ты вѣдь уже большая!

— Папа, — проговорила она еще тише, и румяное ея личико поблѣднѣло, и губы дрогнули отъ сдерживаемыхъ рыданій,— папа, вѣдь это въ *послѣдній* разъ!.

Въ Интерлакенѣ Марья Александровна познакомилась съ Юріемъ Павловичемъ Гарденинымъ. Онъ былъ тоже боленъ и тоже скучалъ. Недавно потерялъ онъ мать, которую безконечно любилъ, и со времени ея смерти влачилъ жалкое, опостылѣвшее ему существованіе.

Онъ былъ добрый и неглупый человѣкъ съ ласковымъ голосомъ и мягкими, слегка неловкими движеніями. На Марью Александровну онъ не произвелъ сперва особенно сильнаго впечатлѣнія,—ужъ, конечно, не произвелъ того впечатлѣнія, какое въ былые годы, когда она была еще совсѣмъ молоденькой, восторженной дѣвушкой, произвелъ на нее своими пылкими рѣчами Алексѣй Михайловичъ, въ сіяніи занимавшейся славы.

Алексѣй Михайловичъ такъ и остался для нея недосягаемымъ идеаломъ, но съ Гарденинымъ она любила встрѣчаться; ей было пріятно слушать его ласковый голосъ, бесѣдовать съ нимъ о далекой родинѣ, о Вѣрѣ, обо всемъ, что̀ приходило въ голову. А чего только не приходило въ голову въ эти жаркіе лѣтніе дни, когда горы окутывались сизой дымкой и прозрачныя облака высоко рѣяли въ лазурномъ небѣ!

Вѣрочка сразу полюбила Гарденина корыстной дѣтскою лю-

Digitized by Google

бовью; а онъ ее баловалъ, покупалъ ей игрушки; онъ, видимо, радъ былъ къ кому-нибудь привязаться. Марью Александровну умиляло его отношеніе къ Вѣрочкѣ, трогала его любовь къ покойной матери, его тоска по ней.

Она постоянно о ней разспрашивала, бережно и нѣжно дотрогивалась до его сердечной раны, утѣшала его, старалась развеселить, сама ни на что не жаловалась, но все-таки безсознательно и невольно давала ему понять, что и у нея въ жизни какой-то разладъ, что и ей мучительно хочется участія.

Осенью они вмѣстѣ вернулись въ Петербургъ.

Въ первые дни Алексѣй Михайловичъ какъ ребенокъ радовался возвращенію жены и дочки, все время былъ дома, шутилъ, бесѣдовалъ съ ними, не спускалъ Вѣрочку съ рукъ. Его приводилъ въ восторгъ цвѣтущій видъ Марьи Александровны, ея блестящіе глаза, счастливая улыбка.

— Мы съ тобой снова переживаемъ медовый мѣсяцъ,—говорилъ онъ со смѣхомъ.

Медовый мѣсяцъ длился, однако, недолго.

Нильскій оканчивалъ уже свою картину, и не прошло и недѣли, какъ работа опять всецѣло поглотила его. Марья Александровна снова осталась одна, но на этотъ разъ она отнеслась покойнѣе къ своему одиночеству.

Ее раза два въ недѣлю, а потомъ чуть ли не каждый день сталъ навѣщать Гарденинъ.

Алексѣй Михайловичъ мелькомъ встрѣчался съ нимъ, дружелюбно пожималъ его руку и забывалъ объ его существованіи. Женѣ онъ безгранично вѣрилъ, и ему и въ голову не приходило къ кому бы то ни было ее ревновать. Еслибы онъ вздумалъ ее ревновать, Марья Александровна возмутилась бы и обидѣлась. Она была убѣждена, что Юрій Павловичъ внушаетъ ей самое безкорыстное дружеское чувство, и что для него она тоже не болѣе какъ другъ. Онъ приносилъ ей книги, читалъ ей вслухъ, они играли въ четыре руки, болтали по цѣлымъ часамъ, бывали вмѣстѣ въ театрѣ, и Марья Александровна радовалась, что теперь она не одна, что Юрій Павловичъ ей такъ искренно преданъ.

А Юрій Павловичъ уже давно пересталъ себя обманывать. Онъ давно понималъ, какого рода чувство влечетъ его къ Нильскимъ, и когда Вѣрочка съ повеселѣвшимъ личикомъ выбѣгала къ нему на встрѣчу и, какъ привычную дань, брала его конфекты и подарки, ему нерѣдко становилось стыдно, и онъ говорилъ себѣ, что совершаетъ нехорошее, нечестное дѣло, что

Digitized by Google

онъ подкупаетъ Вѣру и цѣной конфектъ хочетъ отнять у нея самое дорогое и самое любимое.

— „А впрочемъ,—успокоивалъ онъ себя въ такія минуты самобичеванія,—я у нея ничего не отнимаю. Марья Александровна любитъ мужа, меня она не любитъ и не полюбитъ никогда. И слава Богу".—И онъ глубоко вздыхалъ.

Ему становилось все тяжелѣе и тяжелѣе, но уйти, порвать съ Марьей Александровной было бы—онъ это чувствовалъ—ему не подъ силу.

— „И для чего?—обманывалъ онъ себя.—Я страдаю одинъ, и если мнѣ хочется страдать, то никому до этого нѣтъ дѣла. Я никому не мѣшаю".

Разъ какъ-то,—это было уже въ концѣ марта,—онъ пообѣдалъ у Нильскихъ и послѣ обѣда очень долго у нихъ засидѣлся.

Алексѣй Михайловичъ извинился и куда-то уѣхалъ, а Гарденинъ остался съ Марьей Александровной въ гостиной. Онъ чувствовалъ, что и ему давно пора встать и уѣхать, что разговоръ ихъ не клеится, что Марья Александровна тяготится его присутствіемъ, и все-таки онъ продолжалъ сидѣть и молчать.

Марья Александровна была блѣднѣе обыкновеннаго, жаловалась на головную боль и была раздражительна.

— Сыграйте что-нибудь!—сказала она наконецъ.

— Хотите въ четыре руки?—спросилъ Гарденинъ.

— Нѣтъ!—коротко отвѣтила она.

Онъ подошелъ къ роялю, открылъ его и началъ играть безъ нотъ. Марья Александровна быстро шила, не поднимая головы и нахмуривъ брови.

— Что это вы сейчасъ сыграли?—спросила она вдругъ.

— Это Шумана, изъ „Карнавала",—отвѣтилъ онъ, вспыхнувъ.

— Да, я знаю, но что, что это?—Она уже не шила и пристально смотрѣла на него возбужденными глазами, полными нетерпѣнія и страха.

— Что это?—еще разъ настойчиво повторила она.

— Это было „aveu",—отвѣтилъ онъ медленно.

Она это знала,—она знала, что это было „aveu",—она знала, что тѣ слова признанія, которыя онъ не смѣлъ произнести, вылились у него теперь въ звукахъ. Но ей хотѣлось, чтобы онъ ихъ произнесъ. Ей было страшно ихъ услышать, но, все равно, она устала ждать.

— Вы хотите знать, почему я его сыгралъ?—прибавилъ онъ едва слышно:—потому, что я васъ люблю. Я долго молчалъ, я не хотѣлъ говорить, но вы меня заставили.

Digitized by Google

И вдругъ, испугавшись и не выдержавъ ея взгляда, онъ опустилъ глаза и заигралъ какую-то бравурную вещь.

Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ Марья Александровна сидѣла неподвижно, постепенно блѣднѣя и тяжело дыша.

— Простите, я... я пойду взглянуть, что дѣлаетъ Вѣра,— безсвязно пролепетала она наконецъ и, свернувъ дрожащими руками работу, вышла изъ комнаты.

Когда она, собравшись съ духомъ, вернулась въ гостиную, Гарденинъ уже уѣхалъ.

Прошло дней пять, и Юрій Павловичъ не показывался къ Нильскимъ, и каждый разъ, какъ Марья Александровна говорила себѣ: „онъ больше не пріѣдетъ“,—она чувствовала въ сердцѣ острую боль, и ей становилось такъ страшно и холодно, что она всѣми силами старалась забыть и не думать. Но забыть было трудно, и только теперь, когда Гарденинъ исчезъ и она оглянулась на свою жизнь въ послѣдніе мѣсяцы, поняла она, насколько сплелись ихъ существованія, и какъ тяжело ей будетъ жить безъ него. Теперь она жила еще прошедшимъ, боясь заглядывать въ будущее, обманывая себя, стараясь чѣмъ-нибудь заняться и безсознательно надѣясь, что онъ еще вернется. Она припоминала все, что было, припоминала всѣ, даже самыя незначительныя его слова, и воспоминаніе о нихъ было ей пріятно, какъ ласка.

Глотая слезы, она бродила по дому, какъ во снѣ, разсѣянно отвѣчала на вопросы, хваталась за какое-нибудь дѣло и сейчасъ же бросала его, не въ силахъ бороться съ все возроставшей тревогой.

— Боже мой, Боже, что же мнѣ дѣлать?—съ ужасомъ спрашивала она себя, чувствуя, что изнемогаетъ, и крѣпко сжимая свои холодѣющія руки. И такая охватывала ее жалость къ самой себѣ, что она начинала съ ненавистью смотрѣть на окружающихъ, какъ на враговъ, которымъ она приноситъ себя въ жертву, которые отнимаютъ у нея то, что для нея дороже жизни. „Имъ хорошо,—думала она,—они веселы и покойны, какое имъ дѣло до меня? Они нарочно дѣлаютъ видъ, будто не замѣчаютъ, какъ я страдаю“.

Ее самоё пугала эта ненависть, и она всѣми силами старалась ее подавить, заставляла себя ласкать Вѣру, просматривала ея тетради, и вдругъ, не дослушавъ отвѣта, отталкивала ее отъ себя, поспѣшно уходила въ свою комнату, бросалась въ кресло и начинала рыдать.

На седьмой день она, сгорая отъ стыда, послала Гарденину

Digitized by Google

коротенькую, робкую записку, въ которой писала, что ей нужно съ нимъ переговорить, и что она проситъ его заѣхать къ нимъ вечеромъ. Еслибы у нея спросили, зачѣмъ она это сдѣлала, она бы не съумѣла отвѣтить. Она чувствовала, что поступила дурно и нечестно, но что иначе поступить она не могла. Правда, она увѣряла себя, что увидѣть его ей необходимо, что, можетъ быть, все объяснится, и они еще могутъ остаться друзьями, но въ душѣ она ничему этому, конечно, не вѣрила и послала записку только потому, что хотѣла его увидѣть.

И чѣмъ меньше часовъ оставалось до вечера, тѣмъ быстрѣе и тревожнѣе билось ея усталое сердце, измученное безсонными ночами и тяжелой борьбой, которую она пережила со времени ихъ послѣдняго свиданія. Нервы ея были напряжены, какъ слишкомъ сильно натянутыя струны,—малѣйшее прикосновеніе могло ихъ порвать.

За обѣдомъ она ничего не ѣла, а послѣ обѣда ушла въ гостиную, подошла къ окну и, прижавшись лицомъ къ холодному стеклу, начала напряженно прислушиваться къ шуму подъѣзжающихъ экипажей и съ нетерпѣніемъ считать минуты. Теперь уже она ни о чемъ не думала, ничего не жалѣла,—она только ждала.

Она страшно вздрогнула, когда горничная принесла ей письмо. Письмо было отъ Гарденина „Не могу быть,—писалъ онъ,—такъ какъ долженъ съ курьерскимъ ѣхать въ Москву; меня вызвали по дѣлу въ имѣніе".

Горничная постояла, дожидаясь отвѣта, и, не дождавшись, ушла, а Марья Александровна все еще перечитывала письмо, пытаясь его понять, и не понимала.

И вдругъ съ такой ясностью представилось ей, какъ велико было обрушившееся на нее несчастье, съ такой силой проснулось въ ней безумное желаніе не дать Гарденину уѣхать, вернуть его во что бы то ни стало, что она чуть, было, громко не вскрикнула. Ей даже показалось, что она закричала; она чувствовала, какъ въ головѣ у нея стучитъ, а сердце ея такъ билось и замирало въ груди, что, казалось, вотъ, вотъ, оно разорвется.

Она прошла въ прихожую и надѣла шляпу.

— Вы уѣзжаете, барыня?—спросила удивленная горничная.—Вамъ ротонду подать?

Марья Александровна посмотрѣла на дѣвушку и ничего не отвѣтила,—она не слышала вопроса. Ротонду она все-таки безсознательно надѣла и безсознательно вышла на улицу.

Digitized by Google

— Извозчика прикажете?—раздался какой-то голосъ, заставившій ее опомниться. Да, нужно было извозчика, но куда нанимать? Она долго не могла сообразить.

— На Николаевскій вокзалъ!—проговорила она, задыхаясь отъ волненія, и только когда она очутилась въ пролеткѣ и застоявшаяся лошадь дернула и быстро понеслась, поразило ее наконецъ сознаніе того, что она дѣлаетъ. Она хотѣла-было остановить извозчика, крикнуть ему, чтобы онъ вернулся, но сердце ея снова сжалось такою болью, что она не могла ничего сказать,—только вся съёжилась и невольнымъ движеніемъ обѣими руками закрыла лицо.....

Была ли она счастлива теперь? Искупало ли ея счастье ту казнь, которой она теперь подверглась? Какъ ни старалась она не задавать себѣ этого вопроса и не думать, настойчивый голосъ все громче и громче твердилъ:—нѣтъ и нѣтъ! Нѣтъ, уже не разъ въ продолженіе минувшаго года охватывало ее гнетущее чувство пустоты и неудовлетворенности, охватывала жгучая тоска по прошлому. И теперь тоска эта навалилась на нее всей своей тяжестью. Ей захотѣлось опять бѣжать,—но куда?

Утромъ она такъ рвалась на выставку, съ неясной надеждой увидѣть что-то близкое, милое, родное. И вотъ что она увидѣла! Если это была месть, то какъ же она была жестока! Она понимала, что теперь для нея не можетъ уже быть и рѣчи о счастьѣ, даже призрачномъ, даже искусственномъ. Вѣчной отравой будетъ для нея воспоминаніе о любимомъ и горестномъ дѣтскомъ личикѣ, которое она никогда не забудетъ, —нѣтъ, никогда. И она все стояла, не обращая вниманія на то, что давно уже прозвучалъ звонокъ, что послѣдніе посѣтители поспѣшно уходили. Она все стояла.

— Маруся, милая!—умоляющимъ голосомъ произнесъ, наконецъ, Юрій Павловичъ:—пойдемъ же, вѣдь давно пора, поѣдемъ домой.

Марья Александровна очнулась, будто ее разбудили.

— Домой?—съ усиліемъ повторила она, не отрывая глазъ отъ картины.

— Да, домой.—И Юрій Павловичъ вдругъ поблѣднѣлъ, потому что глаза Марьи Александровны были полны того же выраженія укора и зависти, съ которымъ смотрѣла на него съ полотна бѣловурая дѣвочка въ черномъ платьѣ.

В. Б—на.

Digitized by Google

ВОПРОСЪ

о

ДЕШЕВЫХЪ КВАРТИРАХЪ

ДЛЯ РАБОЧАГО КЛАССА.

Вопросъ о дешевомъ и вмѣстѣ здоровомъ помѣщеніи для бѣднаго населенія большихъ городовъ представляетъ повсюду очень трудную задачу. Въ крупные промышленные центры безпрерывно совершается притокъ различныхъ элементовъ изъ провинціи, что увеличиваетъ и безъ того большую скученность ихъ населенія. Туда идетъ семейный человѣкъ, который находитъ, что дома жить не при чемъ, или желаетъ лучшаго. Бываетъ такъ, что сначала онъ оставляетъ свою семью въ деревнѣ, а потомъ, устроившись, вызываетъ ее къ себѣ. Но нерѣдко онъ не дѣлаетъ послѣдняго изъ чисто экономическихъ разсчетовъ. Въ деревнѣ есть своя изба и прожить тамъ дешевле, нежели въ городѣ. Потому для отца семейства прямая выгода—оставить жену и дѣтей дома. Тогда онъ самъ устраивается на холостую ногу. Въ большой городъ родители посылаютъ неженатаго сына, чтобы онъ своимъ заработкомъ покрылъ нѣкоторыя неотложныя нужды, напр. уплату податей. Ему волей-неволей приходится устраиваться одиноко. Нерѣдко въ большой городъ отправляется молодая дѣвушка съ цѣлью найти себѣ тамъ какое-либо занятіе. Обыкновенно она принадлежитъ къ очень бѣдной семьѣ и оказывается лишнимъ ртомъ, отъ котораго желательно избавиться, или бываетъ круглой сиротой, обязанной полагаться исключительно на свои собственныя силы. Если въ городѣ у нея нѣтъ родственниковъ, у кото-

Digitized by Google

рыхъ она можетъ жить, то она должна пристраиваться у чужихъ. Въ большіе города стремится также не мало такихъ людей, которые предпочитаютъ жить на чужой счетъ и вовсе не желаютъ работать: нищіе, бродяги, различные преступники. Весь этотъ одинокій людъ, хорошій и дурной, обязательно долженъ найти въ городѣ пріютъ и устроиться такъ или иначе.

Одинокіе рабочіе люди, пріѣзжающіе въ большой городъ для заработка, живутъ въ разнообразныхъ квартирныхъ условіяхъ. Прежде всего они помѣщаются, часто только на короткое время, до пріисканія другого жилища, у своихъ родныхъ, знакомыхъ или просто земляковъ. Затѣмъ, если нельзя тамъ остаться, то пріискиваютъ себѣ какое-либо другое убѣжище. Деревенскій житель, попавшій въ первый разъ въ большой городъ, чувствуетъ себя до того потеряннымъ въ немъ, что готовъ мириться съ самымъ отвратительнымъ угломъ въ самой ужасной конурѣ, лишь бы не разставаться со своими земляками. Онъ очень хорошо понимаетъ, что у нихъ онъ скорѣе найдетъ помощь и добрый совѣтъ, нежели у совершенно чужихъ и незнакомыхъ. Это же сознаніе побуждаетъ одинокихъ людей, пріѣхавшихъ въ большой городъ изъ одной и той же мѣстности, соединяться въ артели и селиться въ одной квартирѣ. При изслѣдованіи жилищъ петербургскихъ рабочихъ, намъ нерѣдко приходилось встрѣчать подобные случаи. Жизнь въ артели удовлетворяетъ потребности одинокаго рабочаго имѣть возлѣ себя кого-нибудь близкаго и обходится дешевле.

Очень многіе изъ одинокихъ мужчинъ устраиваются на квартирахъ у семейныхъ людей. Въ такомъ случаѣ рабочій весьма рѣдко занимаетъ отдѣльную комнату. Если это и бываетъ, то послѣдняя оказывается очень микроскопическихъ размѣровъ и часто напоминаетъ собою просто темный чуланъ. Намъ приходилось видѣть въ жилищахъ бѣднаго петербургскаго населенія такого рода отдѣльныя помѣщенія. Темный уголъ отгораживается отъ остальной комнаты перегородкой. Иногда послѣдняя не доходитъ до потолка, а иногда надъ угломъ устраивается нѣчто въ родѣ крыши. За перегородкой можетъ установиться кровать и табуретка, иногда столъ. Подобное помѣщеніе, несмотря на темноту и тѣсноту, тамъ господствующія, всегда цѣнится дороже обыкновеннаго угла, потому что человѣкъ чувствуетъ себя тамъ изолированнымъ отъ остальныхъ жильцовъ. Нерѣдко въ семейныхъ квартирахъ мнѣ приходилось встрѣчать одинокихъ мужчинъ, нанимающихъ кровать въ темныхъ коридорахъ, передніхъ, на кухнѣ. Но чаще всего они устраиваются иначе. Квартирные

Digitized by Google

хозяева отводятъ одну, двѣ или болѣе комнатъ для одинокихъ и пускаютъ туда только ихъ. Въ такомъ случаѣ рабочіе или сами подыскиваютъ себѣ товарищей и земляковъ, или хозяева сдаютъ койку, а еще чаще полкойки—кому пришлось. Благодаря этому обстоятельству, совершенно незнакомые люди тѣснятся вмѣстѣ на небольшомъ пространствѣ въ одной комнатѣ или занимаютъ даже одну кровать. Безъ всякаго сомнѣнія, совмѣстная жизнь при подобныхъ условіяхъ очень часто оказывается не особенно пріятной. Мы встрѣчаемъ также не мало примѣровъ, что хозяинъ, у котораго одинокіе рабочіе находятъ занятіе, даетъ имъ квартиру отъ себя. Если въ томъ случаѣ, когда они нанимаютъ квартиру самостоятельно, санитарное положеніе послѣдней оказывается невозможнымъ по отношенію къ простору, освѣщенію дневнымъ свѣтомъ, чистотѣ воздуха и всей окружающей обстановки, то въ послѣднемъ все это бываетъ еще хуже. Слѣдующіе два примѣра показываютъ намъ, какъ хозяева заботятся о помѣщеніяхъ своихъ рабочихъ.

Обѣ квартиры населены петербургскими ломовыми извозчиками. Одна изъ нихъ находится на Васильевскомъ Островѣ и состоитъ изъ двухъ комнатъ, въ которыхъ помѣщается двадцать человѣкъ. На каждаго приходится не болѣе половины кубической и квадратной сажени. Въ одной комнатѣ господствуетъ полумракъ. Рабочіе спятъ на нарахъ, шириною 14 вершковъ. Страшная грязь и духота. Другая квартира находится на Петербургской Сторонѣ. Она расположена въ первомъ этажѣ грязнаго деревяннаго дома и состоитъ изъ двухъ комнатъ и кухни. Помѣщеніе сырое. Водопровода въ квартирѣ нѣтъ, и вода хранится въ простой кадкѣ въ кухнѣ. Изъ шести оконъ, находящихся во всѣхъ трехъ помѣщеніяхъ, два выходятъ къ грязно-содержимому простому отхожему мѣсту, откуда постоянно распространяется зловоніе. Освѣщеніе дневнымъ свѣтомъ дурно. Форточка всего одна. Кромѣ нея, есть еще два вентилятора, но они никогда не употребляются. Здѣсь живетъ также двадцать человѣкъ, и на каждаго приходится, приблизительно, столько же кубическаго и квадратнаго пространства, какъ и въ первой квартирѣ. Есть двѣ кровати для четырехъ человѣкъ. Остальные всѣ спятъ на нарахъ, имѣя въ своемъ распоряженіи 15 вершк. ширины. О чистотѣ и вентиляціи никто не заботится. Подобную квартиру даетъ своимъ рабочимъ хозяинъ-домовладѣлецъ. Очевидно, онъ отвелъ имъ самое худшее помѣщеніе въ своемъ домѣ.

Такъ размѣщаются одинокіе рабочіе, которые пріѣзжаютъ въ Петербургъ на болѣе или менѣе продолжительное время, рас-

Digitized by Google

полагая остаться въ немъ годъ, два и болѣе. Что касается до пришлыхъ временныхъ рабочихъ,—напр., пріѣзжающихъ въ столицу только на лѣтніе заработки,—то нерѣдко они устраиваются подобнымъ же образомъ: соединяются въ артели и нанимаютъ самостоятельно квартиру или разселяются по угламъ. Иногда они получаютъ квартиру отъ хозяина, у котораго работаютъ, помѣщаются въ лѣтнихъ баракахъ или просто на баркахъ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ санитарныя условія ихъ жилищъ представляютъ очень печальную картину.

Въ 1898 году петербургская городская санитарная коммиссія предприняла изслѣдованіе жилищъ рабочихъ, пріѣзжающихъ въ столицу на лѣтніе заработки. Осмотры показали, что тамъ господствуетъ страшная тѣснота. Сдавая углы, квартирные хозяева не обращаютъ никакого вниманія на кубическій объемъ помѣщенія. Жильцы также проявляютъ къ этому совершенное равнодушіе. Квартирантовъ пускаютъ до тѣхъ поръ, пока не исчезнетъ всякая возможность поставить гдѣ-нибудь койку. Спятъ не только въ комнатахъ, но и въ темныхъ коридорахъ, въ кухнѣ, въ передней. Для спанья служатъ простыя деревянныя койки, 20—24 вершка ширины, на которыхъ въ большинствѣ случаевъ спятъ по-двое. Кровати размѣщены такъ, что изголовье одной тѣсно примыкаетъ къ ногамъ другой. Часто вмѣсто нихъ употребляются многомѣстныя нары, сдѣланныя нерѣдко просто изъ нестроганныхъ досокъ. На нихъ всѣ спятъ въ повалку; перегородокъ не имѣется. Грязь, духота, отсутствіе вентиляціи, а нерѣдко и дневного свѣта, служатъ характерной чертой подобныхъ жилищъ.

Бываетъ также, что пришлые рабочіе помѣщаются въ ночлежныхъ домахъ. Идутъ туда иногда ненаходящіе работы или потерявшіе мѣсто. Но ночлежные дома служатъ пріютомъ главнымъ образомъ для людей уже опустившихся и испорченныхъ: нищихъ, бродягъ, преступниковъ. Въ Петербургѣ подобнаго рода учрежденія, особенно принадлежащія частнымъ лицамъ, представляютъ изъ себя нѣчто невозможное. Ночлежники спятъ на нарахъ, спятъ подъ нарами и въ промежуткахъ между ними въ такомъ количествѣ, сколько можетъ помѣститься бокъ-о-бокъ. Матрацевъ имъ не полагается. Масса мокраго и вонючаго тряпья, наполняющаго воздухъ отвратительнымъ смрадомъ, обсушивается около печей и каминовъ въ той же комнатѣ, которая предназначена для спанья. Иногда чьи-нибудь онучи, положенныя въ печь для просушки, начинаютъ тлѣть и наполняютъ комнату чадомъ и угаромъ. Отхожее мѣсто нерѣдко расположено довольно далеко отъ помѣщенія, и потому ночлежники, вмѣсто него, поль-

Digitized by Google

зуются дворомъ. Въ кухнѣ постоянно находится толпа грязныхъ людей, которые идутъ черезъ нее въ отхожее мѣсто и обратно, готовятъ въ ней себѣ горячую закуску, а иногда просто грѣются, лежа на кухонномъ столѣ. Все это представляетъ очень безотрадную картину.

Ночлежные дома не только въ Петербургѣ, но и въ другихъ русскихъ большихъ городахъ отличаются въ высшей степени анти-санитарными условіями. По свидѣтельству д-ра Матвѣева, скученность подобныхъ учрежденій въ Саратовѣ такова, что ее надо было бы уменьшить въ восемь разъ, чтобы удовлетворить требованіямъ гигіены. На такомъ пространствѣ, гдѣ, согласно послѣдней, могло бы помѣститься 0,8, 4,0, 29 чел., на самомъ дѣлѣ помѣщается 9, 80, 256 ночлежниковъ. Во всѣхъ ночлежныхъ пріютахъ обнаруживается сырость, нечистота, грязь. Всѣ они представляютъ такой видъ, какъ будто споконъ вѣку они не чистились и не ремонтировались. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ нѣтъ никакихъ приспособленій для провѣтриванія, а въ другихъ если и есть форточка, то ею обыкновенно не пользуются. Потому воздухъ въ частныхъ ночлежныхъ домахъ не только спертый и удушливый, но даже прямо зловонный, вызывающій дурноту у непривычнаго человѣка. Зимней ночью подобное учрежденіе представляетъ слѣдующую картину: „Масса людей копошится въ безпокойствѣ на грязныхъ нарахъ, не находя себѣ всю ночь покоя и сна, вслѣдствіе полной невозможности дышать отъ громаднаго количества угольной кислоты, смѣшанной съ ядовитыми продуктами испаренія тѣлъ и одежды ночлежниковъ. Они сбрасываютъ съ себя одежду, бѣлье, прикрывающія ихъ лохмотья, и остаются совершенно нагими, надѣясь хоть этимъ уменьшить мучительное чувство удушья и облегчить дыханіе, — но изъ этого, конечно, ничего не выходитъ. На минуту является обманчивое чувство какъ бы прохлады, но дышать все-таки нечѣмъ. И мечется цѣлую ночь несчастный ночлежникъ на своей грязной, кишащей клопами и другими насѣкомыми нарѣ“.

Въ подобныхъ учрежденіяхъ многіе проводятъ цѣлыя недѣли и даже мѣсяцы, оставаясь тамъ не только по ночамъ, но и днемъ. Есть много и такихъ, которые живутъ въ ночлежныхъ домахъ нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ. Изъ 1.216 саратовскихъ ночлежниковъ таковыхъ оказалось 562 человѣка.

Всѣ ночлежныя помѣщенія въ Саратовѣ темноваты. Въ нихъ есть не мало комнатъ совершенно темныхъ, безъ оконъ. Для искусственнаго освѣщенія употребляется дурной керосинъ, который не горитъ, а коптитъ, портя и безъ того уже дурной воз-

Digitized by Google

духъ. Нѣкоторыя зданія до того ветхи, что угрожаютъ разрушеніемъ, и опасны для жизни ихъ обитателей.

Здѣсь совершенно умѣстно напомнить то впечатлѣніе, которое было произведено на графа Льва Толстого посѣщеніемъ московскихъ ночлежныхъ домовъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ:

„Всѣ квартиры были полны, — говоритъ онъ, — всѣ койки были заняты не однимъ, а часто двумя. Ужасно было зрѣлище по тѣснотѣ, въ которой жался этотъ народъ, и по смѣшенію мужчинъ съ женщинами. Женщины, не мертвецки-пьяныя, спали съ мужчинами. Многія женщины съ дѣтьми на узкихъ койкахъ спали съ чужими мужчинами. Ужасно было зрѣлище по нищетѣ, грязи, оборванности и испуганности этого народа. И, главное, ужасно по тому огромному количеству людей, которые были въ этомъ положеніи. Одна квартира и потомъ другая такая же, и третья, и десятая, и двадцатая, и нѣтъ имъ конца. И вездѣ тотъ же смрадъ, та же духота, то же смѣшеніе половъ, тѣ же пьяные до одуренія мужчины и женщины, и тотъ же испугъ, покорность и виновность на всѣхъ лицахъ".

Все вышеприведенное относится преимущественно къ одинокимъ мужчинамъ, живущимъ въ большихъ городахъ для заработка или пребывающимъ тамъ вслѣдствіе какихъ-либо другихъ побужденій. Что касается до одинокихъ работницъ, то условія ихъ жизни, въ большинствѣ случаевъ, также представляются очень тяжелыми.

Изъ тѣхъ наблюденій, которыя намъ пришлось произвести при изслѣдованіи жилищъ рабочихъ, мы могли сдѣлать выводъ, что у одинокихъ работницъ существуетъ большая потребность въ лучшемъ жилищѣ, нежели у одинокихъ работниковъ. Одинокая дѣвушка или женщина-работница, въ общемъ, всегда получаетъ меньше мужчины. Несмотря на это, она часто затрачиваетъ на свое жилище больше послѣдняго. Нанимая уголъ, постороннія рѣдко помѣщаются по двѣ на одной кровати, что̀ мы сплошь и рядомъ встрѣчаемъ среди петербургскихъ мужчинъ-рабочихъ. Если двѣ женщины занимаютъ одну кровать, то почти всегда это бываютъ родственницы: мать съ дочерью, бабушка съ внучкой, двѣ сестры и т. д. Одинокая работница старается пріютиться или въ одной комнатѣ съ другими женщинами, или въ помѣщеніи семейныхъ квартирныхъ хозяевъ, или семейныхъ жильцовъ. Иногда она ютится одна въ какомъ-нибудь темномъ коридорѣ или кухнѣ. Бываютъ также случаи, что она помѣщается въ одной комнатѣ съ одинокими мужчи-

Digitized by Google

нами. Это нежелательное явленіе встрѣчается въ Петербургѣ не особенно часто, но, во всякомъ случаѣ, существуетъ.

Многія промышленныя учрежденія, гдѣ примѣняется женскій трудъ, устраиваютъ для одинокихъ женщинъ общежитія. Послѣднія встрѣчаются чаще всего въ различныхъ швейныхъ мастерскихъ. Такъ какъ въ нихъ, обыкновенно, бываютъ ученицы, для которыхъ нужно какое-нибудь помѣщеніе, то кстати устраивается жилье и для работницъ. Санитарныя условія подобныхъ жилищъ часто оставляютъ желать очень многаго. Если и существуютъ отдѣльныя спальныя комнаты, то въ нихъ бываетъ и тѣсно, и душно. А нерѣдко ученицы и работницы помѣщаются ночью въ той же мастерской, гдѣ днемъ работаютъ.

Таковы жилищныя условія порядочныхъ работницъ, имѣющихъ болѣе или менѣе постоянный заработокъ. Что касается до одинокихъ женщинъ, которыя не принадлежатъ къ ихъ числу,—не имѣющихъ постояннаго заработка, нищихъ, бродягъ,—то для нихъ, какъ и для мужчинъ подобнаго сорта, находится пріютъ въ ночлежныхъ домахъ. Изъ 1.216 челов. въ саратовскихъ ночлежныхъ пріютахъ, 187 было взрослыхъ женщинъ.

Въ большихъ городахъ вопросъ объ улучшеніи жилищъ бѣднаго населенія тѣсно связанъ съ улучшеніемъ жилищъ одинокихъ работниковъ и работницъ. При очисткѣ одной нездоровой мѣстности въ Гласго, былъ сдѣланъ подсчетъ населенія, которое необходимо было выселить оттуда. Собранныя свѣдѣнія показали, что посторонніе жильцы составляли 14% всего населенія однокомнатныхъ квартиръ, 27%—дву-комнатныхъ и 32%—трехъ-комнатныхъ. Изъ этихъ данныхъ гласговское городское управленіе вывело заключеніе, что если устроить особыя помѣщенія для одинокихъ, то уменьшится скученность въ семейныхъ квартирахъ. Руководствуясь подобнымъ соображеніемъ, оно устроило шесть ночлежныхъ домовъ для мужчинъ и одинъ для женщинъ. Его примѣру послѣдовали нѣкоторые частные предприниматели и выстроили также нѣсколько ночлежныхъ домовъ. Въ 1890 г. въ Гласго въ подобныхъ учрежденіяхъ могло помѣститься 7.230 чел. Такая мѣра оказала несомнѣнное вліяніе на уменьшеніе скученности. Процентъ такъ называемыхъ „ticketed houses“ (домовъ, гдѣ полиція находила чрезмѣрную скученность) упалъ съ 71% до 29%, что способствовало улучшенію санитарнаго положенія всего города.

Въ большихъ русскихъ городахъ также существуетъ обычай пускать жильцовъ въ семейныя квартиры. При изслѣдованіи жилищъ петербургскихъ рабочихъ намъ пришлось убѣдиться, что

Digitized by Google

только ничтожная часть семейныхъ квартирохозяевъ обходилась безъ нихъ. При этомъ оказалось, что главный контингентъ жильцовъ составляютъ одинокіе мужчины. Потому улучшеніе жилищъ послѣднихъ занимаетъ не послѣднее мѣсто въ ряду различныхъ санитарныхъ мѣръ для оздоровленія столицы.

За границей мы встрѣчаемъ довольно любопытное обсужденіе даннаго вопроса. Тамъ находятся лица, которыя высказываются противъ постройки образцовыхъ ночлежныхъ домовъ для одинокихъ мужчинъ или „отелей для бѣдныхъ“, какъ ихъ обыкновенно называютъ. Такъ, м-ръ Mills, построившій подобный домъ, за послѣдніе годы, въ Нью-Іоркѣ, вызвалъ нападки одного американскаго филантропа.

„Я совершенно согласенъ съ вами,—говоритъ послѣдній,—что необходимы строгія правила въ ночлежныхъ домахъ и тщательный надзоръ надъ ними. Но признаю неправильнымъ ваше мнѣніе, что ночлежные дома, устраиваемые муниципалитетомъ или филантропами, могутъ оказать существенное вліяніе на улучшеніе города и помочь нуждающимся. Въ данномъ случаѣ, я совершенно не могу васъ понять. Безъ всякаго сомнѣнія, вы должны сознавать, что жизнь въ подобныхъ учрежденіяхъ не можетъ быть полезной для общества. А между тѣмъ, ихъ улучшеніе служитъ для привлеченія туда все бо̀льшаго и бо̀льшаго числа людей. Многіе изъ тѣхъ, которые идутъ въ хорошіе отели для бѣдныхъ,—сыновья, пренебрегающіе своими родителями, мужья, бросившіе своихъ женъ и дѣтей, вообще, люди, которые должны бы выполнять извѣстныя обязанности, имѣть свой домашній очагъ, приносить пользу обществу, но уклоняются отъ этого. Что̀ должны представлять изъ себя существа, живущія въ подобныхъ казармахъ и освободившія себя отъ всякаго долга и обязанностей?

„Однимъ изъ доказательствъ необходимости подобныхъ учрежденій служитъ малый заработокъ. Но они сами могутъ создавать работниковъ, которые, находя въ нихъ полное удовлетвореніе для себя, перестанутъ стремиться къ повышенію своей заработной платы.

„Мнѣ кажется, что вашъ дешевый отель составляетъ большое зло для нашего города, и я надѣюсь, что другіе не послѣдуютъ вашему примѣру“.

Такимъ образомъ, по мнѣнію нью-іоркскаго филантропа, постройка хорошихъ жилищъ, предназначенныхъ исключительно для одинокихъ мужчинъ, способствуетъ тому, что послѣдніе начинаютъ пренебрегать своими семейными и гражданскими обя-

Digitized by Google

занностями, и даже отнимаетъ у нихъ стремленіе улучшить свое положеніе своими собственными силами.

Смотря на данный вопросъ съ подобной точки зрѣнія, въ концѣ концовъ можно придти къ заключенію, что ничего не надо дѣлать. Думая такимъ образомъ, мы, пожалуй, откажемся протянуть руку помощи неумѣющему плавать человѣку, который тонетъ на нашихъ глазахъ. „Пусть учится плавать, — скажемъ мы, — авось, какъ-нибудь и выберется самъ".

Подобный взглядъ представляется особенно неправильнымъ по отношенію къ дешевымъ и здоровымъ жилищамъ, устраиваемымъ для бѣднаго населенія. Опытъ показалъ, что они имѣютъ благотворное вліяніе не только на физическое здоровье жильцовъ, но и на повышеніе ихъ нравственнаго уровня. Лучшія жилища, при соблюденіи извѣстныхъ требованій, которымъ должны подчиняться ихъ обитатели, вызываютъ лучшія привычки и вовсе не способствуютъ развитію у нихъ индифферентизма къ своей собственной судьбѣ. Лордъ Bell, говоря объ образцовыхъ ночлежныхъ домахъ въ Гласго, замѣчаетъ: „Въ результатѣ получается не только улучшеніе положенія ихъ жильцовъ, но и пробужденіе въ нихъ стремленія къ лучшему". М. Николь, казначей гласговскаго городского управленія, — слѣдовательно, человѣкъ, который имѣетъ возможность близко познакомиться съ сутью дѣла, — говоритъ: „Образцовые ночлежные дома имѣютъ большое значеніе въ нравственномъ и физическомъ отношеніи. Они могутъ окупать себя и пріучаютъ населеніе къ порядку, что̀ много значитъ само по себѣ. Двадцатилѣтній опытъ показалъ, что они улучшаютъ положеніе и всѣхъ остальныхъ ночлежныхъ домовъ, измѣняютъ характеръ жильцовъ къ лучшему, оказываютъ благотворное вліяніе на народное здравіе и доставляютъ пять процентовъ чистаго барыша". Джорджъ Дэвисъ, пасторъ въ одной изъ лондонскихъ частей, Вестминстерѣ, неутомимый посѣтитель самыхъ дурныхъ ночлежныхъ пріютовъ, замѣтилъ, что приведеніе въ исполненіе болѣе строгихъ требованій относительно ночлежныхъ домовъ вообще и постройка лордомъ Rowton образцоваго отеля для бѣдныхъ оказали несомнѣнное вліяніе на улучшеніе нравственности и повышеніе матеріальнаго благосостоянія ихъ обитателей.

Можно было бы привести еще нѣсколько доказательствъ того, какое большое значеніе имѣетъ постройка образцовыхъ домовъ для бѣднаго населенія вообще и улучшеніе жилищъ одинокихъ въ частности, но и только-что приведенныхъ совершенно достаточно для этого. Подобная мѣра не только способствуетъ со-

Digitized by Google

храненію физическаго здоровья населенія, но и пробужденію въ немъ потребности къ лучшему. Это совершенно понятно. Если взять для сравненія петербургскую артельную или угловую квартиру, гдѣ тѣснятся одинокіе работники вдвоемъ на одной узенькой койкѣ или на нарахъ, грязныхъ, изобилующихъ насѣкомыми, и заграничный образцовый отель для бѣдныхъ съ его чистенькими отдѣленіями для каждаго человѣка, желѣзными кроватями, опрятными матрацами и постельнымъ бѣльемъ, даровыми ваннами, библіотекой, читальной комнатой и такъ далѣе, то нельзя будетъ усомниться въ томъ, что послѣдній окажетъ болѣе благотворное вліяніе на своихъ обитателей, нежели первыя.

Что касается до финансовой стороны дѣла, то улучшенные ночлежные дома и отели для бѣдныхъ представляются выгодными предпріятіями и даютъ не менѣе пяти процентовъ въ годъ чистаго барыша. Капиталисты найдутъ въ нихъ вѣрное помѣщеніе для своихъ денегъ.

Изъ вышеприведеннаго описанія мы видимъ, что въ русскихъ большихъ городахъ ночлежные дома отличаются наихудшими санитарными условіями. Артельныя и угловыя квартиры, гдѣ ютятся одинокіе, дурны, но ночлежные дома—еще хуже. Потому естественно было бы думать, что прежде всего надо обратить вниманіе на послѣдніе. Мы признаемъ весьма желательнымъ, чтобы городскія власти установили болѣе строгій надзоръ надъ существующими ночлежными домами и занялись улучшеніемъ ихъ санитарнаго положенія. Что касается до постройки новыхъ, то мы отдаемъ предпочтеніе постройкѣ дешевыхъ отелей для бѣдныхъ одинокихъ рабочихъ, но не ночлежныхъ домовъ для того сброда, который обыкновенно наполняетъ послѣдніе. Первое оказывается наиболѣе выгоднымъ для общества.

Ночлежный домъ представляетъ изъ себя самый низшій сортъ жилищъ въ цивилизованномъ обществѣ. Туда идутъ, главнымъ образомъ, отбросы послѣдняго. Только иногда попадаютъ и порядочные рабочіе, которые почему-либо остались безъ занятій.

Въ одномъ изъ саратовскихъ ночлежныхъ домовъ были собраны свѣдѣнія о тѣхъ лицахъ, которыя въ немъ находили пріютъ. Наибольшую часть ихъ составляли мѣщане, чернорабочіе и неграмотные, преимущественно мужской молодой элементъ. Старики, женщины и дѣти дали всего четвертую часть. Изъ 1.216 ночлежниковъ во всѣхъ саратовскихъ ночлежныхъ домахъ только 134 чел. были неспособны къ труду. Остальные 1.082 могли работать.

По словамъ д-ра Матвѣева, 90% всего наличнаго числа

Digitized by Google

ночлежниковъ имѣютъ возможность зарабатывать кусокъ насущнаго хлѣба, но въ общемъ всѣ они очень бѣдны. Отвратительное жилище, грязныя лохмотья вмѣсто одежды, сухой черный хлѣбъ, гнилая рыба, въ лучшемъ случаѣ—грязный кипятокъ, подъ видомъ щей или супа, рубцы, печенка, шея, легкія, для пищи,—вотъ какова ихъ жизнь.

Почему эти люди должны влачить такое жалкое существованіе? Д-ръ Матвѣевъ объясняетъ данное явленіе слѣдующимъ.

Случай или судьба выбиваетъ человѣка изъ колеи жизни, и онъ попадаетъ въ ночлежный домъ. Голодный, холодный, въ отрепьяхъ, слабый, съ надорванными силами отъ плохого питанія и нужды, онъ отправляется оттуда на поиски куска насущнаго хлѣба. Работа есть, но не всегда и не для всѣхъ. Для работы нужно или знаніе какого-либо ремесла, или здоровыя и сильныя мышцы. Но у ночлежника нѣтъ ни того, ни другого. Ремесла онъ въ большинствѣ случаевъ не знаетъ, а для труда чернорабочаго у него не хватаетъ силъ. Работодатель это знаетъ,—знаетъ, что такому рабочему цѣна грошъ, а поэтому грошъ ему онъ и даетъ. Но и такая работа не всегда находится, особенно осенью и зимой.

Такимъ образомъ д-ръ Матвѣевъ видитъ главную причину, которая удерживаетъ людей, способныхъ къ труду, въ ночлежномъ домѣ,—въ скудномъ заработкѣ или отсутствіи послѣдняго. Намъ кажется, что подобный выводъ страдаетъ односторонностью. Изъ статистики, приводимой д-ромъ Матвѣевымъ, видно, что изъ 455 ночлежниковъ одного дома 30 человѣкъ знали какое-нибудь ремесло: серебряники, столяры, сапожники и проч. При желаніи они могли бы найти себѣ работу. Что касается до мускульнаго труда, то ночлежники далеко не всегда представляютъ изъ себя такія слабыя существа, которыя оказываются не въ состояніи имъ заниматься.

Интересуясь вопросомъ, кто населяетъ ночлежные дома, мы посѣтили одинъ изъ петербургскихъ, наиболѣе благоустроенныхъ, принадлежащій обществу ночлежныхъ домовъ. Среди ночлежниковъ было много здоровыхъ и сильныхъ людей, которые могли бы исполнять трудъ, требующій довольно большой мускульной работы. Смотритель дома сообщилъ намъ также, что громадное число ночлежниковъ состоитъ не изъ такихъ, которые почему-либо не могутъ работать, но изъ такихъ, которые не желаютъ этого: привычныхъ бродягъ, нищихъ и проч. Не мало тамъ бываетъ также людей, которые совершенно опустились вслѣдствіе пьянства. Порядочные рабочіе, постоянно живущіе въ Петер-

Digitized by Google

бургѣ, даже при очень тяжелыхъ условіяхъ жизни, во время безработицы, туда не пойдутъ. А если случай и загонитъ ихъ туда, то они остаются тамъ недолго. Временно-пріѣзжающіе рабочіе, напр. катальщики дровъ съ барокъ, нерѣдко ищутъ пріюта въ ночлежныхъ домахъ,—вѣроятно, находя это болѣе выгоднымъ и удобнымъ для себя, нежели нанимать постоянную квартиру. Вообще же, въ ночлежныхъ домахъ собираются преимущественно негодные или вредные для общества люди.

Вопросъ о томъ, кто наполняетъ ряды отбросовъ общества, представляется очень важнымъ въ данномъ случаѣ. Идутъ ли туда преимущественно пришлые изъ деревень, или болѣе или менѣе постоянные жители города? Статистика д-ра Матвѣева даетъ намъ отвѣтъ на это. Изъ 256 ночлежниковъ въ одномъ домѣ, крестьянъ было только 61 чел., а мѣщанъ 130 человѣкъ; остальные были военные, почетные граждане, чиновники, дворяне, цеховые и нѣкоторые другіе. Такимъ образомъ, города создаютъ большую часть того люда, который наполняетъ ночлежные дома.

Въ этомъ отношеніи очень интересны свѣдѣнія, приводимыя Чарльсомъ Бутсомъ въ его сочиненіи „Life and labour of the people of London“.

Въ рабочемъ домѣ и больницѣ для бѣдныхъ одного лондонскаго прихода, Whitechapel, были собраны свѣдѣнія о происхожденіи лицъ, обращавшихся туда за помощью. Оказалось, что 58,4% находящихся въ рабочемъ домѣ и 54,4% пользовавшихся больницей родилось въ Лондонѣ. Эти цифры покажутся еще больше, если принять во вниманіе, что въ данномъ приходѣ было всего 28% взрослаго населенія, родившагося въ Лондонѣ.

Остальные обитатели рабочаго дома и больницы принадлежали къ пришлымъ. Огромная часть ихъ прожила въ Лондонѣ болѣе двадцати лѣтъ.

Такимъ образомъ, большіе города несомнѣнно способствуютъ созданію того элемента, который наполняетъ ночлежные и рабочіе дома, больницы для бѣдныхъ и т. д. Потому на ихъ обязанности лежитъ главнымъ образомъ принятіе мѣръ, предупреждающихъ подобное явленіе.

Выше мы уже упоминали о томъ, какое большое значеніе для физическаго и нравственнаго здоровья населенія имѣютъ образцовые ночлежные дома и отели для бѣдныхъ. Это представляетъ хорошую предупреждающую мѣру. Благодаря вліянію подобныхъ учрежденій, одинокій рабочій сохранитъ не только

Digitized by Google

физическое здоровье, но пріобрѣтетъ также чувство собственнаго достоинства, которое будетъ предохранять его отъ нравственнаго паденія. Такимъ образомъ будетъ предупреждаться появленіе того элемента, который наполняетъ ночлежные дома низшаго разряда. Люди, родившіеся въ городѣ или постоянно живущіе въ немъ долгое время, даютъ главнымъ образомъ негодныхъ или вредныхъ членовъ общества. Потому прежде всего слѣдуетъ позаботиться объ улучшеніи ихъ жилищъ.

Не говоря уже объ Англіи, которая ранѣе всѣхъ другихъ странъ обратила вниманіе на улучшеніе ночлежныхъ домовъ и занялась постройкой дешевыхъ отелей для бѣдныхъ одинокихъ рабочихъ, другія европейскія страны и Америка также начинаютъ слѣдовать ея примѣру и пытаются, при помощи улучшенія жилищъ, хотя нѣсколько уменьшить дурное вліяніе городовъ на физическое и нравственное здоровье населенія, удѣляя при этомъ немалую долю вниманія постройкѣ домовъ для одинокихъ рабочихъ.

Въ Гамбургѣ существуетъ компанія, которая занимается устройствомъ дешевыхъ и очень хорошихъ ресторановъ. Въ 1892 году она открыла весьма хорошій ночлежный домъ, названный „Конкордія“. Его постройка обошлась въ 950.000 марокъ. Онъ содержитъ въ себѣ 425 кроватей. Въ одной комнатѣ помѣщается не болѣе двухъ человѣкъ. Въ каждой спальнѣ существуетъ большое окно, выходящее на открытый дворъ. Въ зданіи много дневного свѣта, превосходная вентиляція, безукоризненная чистота. Въ нижнемъ этажѣ устроена прачешная, гдѣ, кромѣ стирки, также занимаются починкой бѣлья за дешевую плату. Есть ванны, но, къ сожалѣнію, за нихъ берутъ отдѣльную плату, и потому ими очень мало пользуются. За спальную комнату на двоихъ взимается 70 пфенниговъ за одну ночь. Если обитатель уплатилъ за пять ночей подъ-рядъ, то ему дается добавочная марка на двѣ ночи даромъ. Если онъ платитъ аккуратно въ продолженіе трехъ недѣль, то четвертую онъ живетъ даромъ. За два мѣсяца постоянной платы дается третій безплатный. При „Конкордіи“ устроенъ прекрасный дешевый ресторанъ.

„Конкордія“ окупаетъ себя и приноситъ 3—5% въ годъ. Въ сравненіи съ господствующимъ типомъ ночлежныхъ домовъ, она представляетъ изъ себя большой шагъ впередъ, но во многомъ уступаетъ отелямъ для бѣдныхъ, выстроеннымъ въ Нью-Іоркѣ м-ромъ Mills, о которомъ мы уже упоминали.

Свои дома онъ открылъ для жилья только въ послѣдніе годы,

Digitized by Google

и они представляютъ изъ себя новѣйшій образецъ отелей для бѣдныхъ. Побужденія, которыми онъ руководствовался при ихъ устройствѣ, м-ръ Mills высказалъ при открытіи своего перваго дома. Онъ говоритъ, что существуетъ вопіющая нужда въ порядочныхъ помѣщеніяхъ для людей, имѣющихъ небольшой заработокъ. Свой домъ онъ предназначаетъ не для тѣхъ лѣнтяевъ и пьяницъ, которые экономятъ на пищѣ и одеждѣ, чтобы истратить деньги на водку. Подобные люди туда не допускаются. Только человѣкъ, обладающій чувствомъ собственнаго достоинства, живущій на свой собственный заработокъ, желающій быть независимымъ и пользоваться нѣкоторымъ комфортомъ, найдетъ тамъ пріютъ. М-ръ Mills не скрываетъ, что въ своемъ предпріятіи онъ руководствовался гуманными побужденіями и желаніемъ помочь своимъ ближнимъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ утверждаетъ, что онъ осуществляетъ это на коммерческихъ началахъ, и надѣется получать барышъ,—потому не считаетъ свои дома благотворительными учрежденіями. Онъ старается только, чтобы бѣднякъ, за ту цѣну, которую въ состояніи заплатить, получилъ возможныя удобства, научился лучше думать о себѣ и быть болѣе человѣчнымъ и хорошимъ гражданиномъ.

Въ двухъ домахъ м-ра Mills'a имѣется 2.155 кроватей, помѣщающихся въ отдѣльныхъ комнатахъ. Для ста кроватей назначена плата 30 центовъ за ночь. За всѣ остальныя взимается по 20 центовъ. Въ домѣ устроена прекрасная читальня, курильная комната, кабинетъ для письма, библіотека, различныя игры. Безплатными ваннами пользуются болѣе пятой части всѣхъ ночлежниковъ ежедневно. Есть прачешная, гдѣ каждый желающій можетъ самъ выстирать свое бѣлье и высушить. Во всякомъ этажѣ есть чистая туалетная комната, снабженная необходимыми принадлежностями. При домѣ устроены также разныя приспособленія, которыя можно найти только въ первоклассныхъ отеляхъ. Спальныя отдѣленія, площадью около квадратной сажени, снабжены прекрасными желѣзными кроватями со стальной сѣткой, волосянымъ матрацомъ, подушками и хорошимъ постельнымъ бѣльемъ. Въ отдѣленіи есть коврикъ, стулъ и шкапикъ съ замкомъ. Каждый можетъ удержать за собой свое отдѣленіе продолжительное время, уплачивая деньги впередъ за ночь. При отелѣ существуетъ хорошій ресторанъ, гдѣ за дешевую плату можно получить удовлетворительную пищу. Обѣдъ, состоящій изъ супа, мясного блюда, овощей, дессерта и чая, кофе или молока, стоитъ всего 15 центовъ.

Для ночлежниковъ установлены нѣкоторыя правила, которымъ

Digitized by Google

они обязаны подчиняться. Съ половины десятаго до половины шестого спальныя отдѣленія должны оставаться свободными. На дворѣ огонь тушится въ 11 час. вечера, а въ общихъ комнатахъ—въ полночь. Въ спальномъ отдѣленіи можетъ помѣщаться только одинъ человѣкъ. Спиртные напитки и пьяные люди въ отель не допускаются. Куреніе и громкій разговоръ въ спальныхъ комнатахъ и коридорахъ запрещены.

Отели м-ра Mills'a пользуются большой популярностью среди бѣднаго населенія Нью-Іорка. Они постоянно наполнены жильцами, а зимой приходится многимъ отказывать. Въ отдѣленія по 20 центовъ попадаетъ нѣкоторое количество ночлежниковъ низшаго разряда. Но большинство одѣты очень чисто и прилично и ведутъ себя подобно джентльменамъ. Послѣдній разрядъ ночлежниковъ составляютъ люди, которые ищутъ работы или не имѣютъ постоянныхъ занятій. Есть много и такихъ, заработокъ которыхъ малъ и требуетъ экономіи. Вообще, большинство тамъ живущихъ не принадлежитъ ни къ числу тѣхъ людей, которые наполняютъ дешевые ночлежные дома, ни къ числу тѣхъ, которые помѣщаются въ хорошихъ отеляхъ, а состоитъ изъ одинокихъ рабочихъ людей, которые прежде ютились, гдѣ пришлось.

Несмотря на различныя удобства и дешевую плату, м-ръ Mills не несетъ убытка со своего предпріятія. Это, конечно, объясняется громаднымъ количествомъ жильцовъ, а также умѣньемъ вести дѣло.

Отели м-ра Mills'a въ Нью-Іоркѣ, лорда Rowton'a въ Лондонѣ, м-ра Burns'a въ Гласго и различныя попытки этого рода на европейскомъ континентѣ показываютъ намъ, что для улучшенія жилищъ бѣдныхъ работниковъ въ большихъ городахъ дѣлается довольно много. Относительно работницъ слѣдуетъ сказать обратное. Несмотря на то, что, благодаря своему меньшему заработку сравнительно съ мужчинами, работницѣ приходится уплачивать изъ него болѣе значительный процентъ на жилище и жить въ такихъ же дурныхъ помѣщеніяхъ, какъ и мужчины, теряя тамъ свое физическое и нравственное здоровье,—о ней очень мало заботятся. За-границей мы находимъ только слабыя попытки улучшенія жилищъ одинокихъ работницъ. Въ Лондонѣ, гдѣ выстроены городомъ и частными лицами нѣсколько очень хорошихъ домовъ для одинокихъ бѣдныхъ работниковъ, только христіанская ассоціація женщинъ устроила квартиры, гдѣ могутъ помѣститься 514 одинокихъ работницъ. Въ Нуддерсфильдѣ существуетъ порядочный ночлежный домъ для женщинъ только на 12 кроватей; въ Гласго, повидимому для низшаго раз-

Digitized by Google

ряда работницъ или бродягъ,—на 125 кроватей. Фирма „Bon Marché“ въ Парижѣ устроила довольно удовлетворительныя жилища для женщинъ, находящихся на ея службѣ. Въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ также дѣлаются слабыя попытки въ этомъ родѣ, но въ общемъ очень мало. Объяснить данное явленіе мы можемъ отчасти тѣмъ, что одинокихъ женщинъ-работницъ значительно меньше, нежели мужчинъ. Потому ихъ жилищныя условія не такъ сильно бросаются въ глаза. Но онѣ заслуживаютъ не мѣньшаго вниманія. Одинокая молодая работница, поселившись въ одной квартирѣ со всякимъ сбродомъ, очень часто оказывается въ очень печальномъ и безпомощномъ положеніи. Грубая окружающая среда мало-по-малу отнимаетъ у нея все хорошее, что она пріобрѣла въ семьѣ, и создаетъ изъ нея порочное существо, которое постепенно доходитъ до самой низкой ступени паденія.

Въ заключеніе надо замѣтить, что въ нашихъ большихъ городахъ было бы очень желательно устройство хорошихъ жилищъ для одинокихъ работниковъ и работницъ въ родѣ заграничныхъ отелей для бѣдныхъ. Они способствовали бы не только повышенію умственнаго и нравственнаго уровня населенія, но и улучшенію существующихъ ночлежныхъ домовъ. Они отвлекали бы изъ послѣднихъ лучшую часть ночлежниковъ: порядочнаго рабочаго, потерявшаго занятіе или пріѣхавшаго для пріисканія мѣста, временныхъ рабочихъ и т. д. Кромѣ того, образцовые дома для одинокихъ, служа примѣромъ санитарнаго благоустройства, могли бы оказать вліяніе въ этомъ отношеніи и на ночлежные дома. Примѣръ всегда и вездѣ является хорошимъ учителемъ. И въ данномъ случаѣ онъ, навѣрное, способствовалъ бы постепенному исчезновенію существующихъ въ русскихъ городахъ ночлежныхъ пріютовъ, которыхъ нельзя и назвать человѣческимъ жильемъ.

М. И. Покровская.

Digitized by Google

РАБЫНЯ

РОМАНЪ.

— The slave. By Robert Hichens. London, 1900.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I *).

Послѣ того, какъ Обрэ переѣхалъ въ Паркъ-Лэнъ, ему принесли однажды съ прежней квартиры карточку. На ней было напечатано: „Альфъ Фликъ. Чудо-семейство Фликовъ". Въ углу карточки было написано карандашомъ круглымъ дѣтскимъ почеркомъ: „Большой театръ Варьете, Чампіонъ-Сквэръ". Изъ этого можно было заключить, что Альфъ воспользовался приглашеніемъ Обрэ и приходилъ къ нему въ гости. Обрэ написалъ мальчику записку, приглашая его въ Паркъ-Лэнъ, но нѣсколько недѣль не было никакого отвѣта. Это, впрочемъ, не удивило Обрэ, потому что онъ какъ-то видѣлся съ Діамондой, узналъ отъ нея, что Фликн уѣхали на гастроли въ Марсель и не должны были вернуться въ Англію раньше весны. Въ одинъ прекрасный весенній день лакей съ видимымъ изумленіемъ ввелъ Альфа въ гостиную Обрэ. Мальчикъ вошелъ съ своимъ обычнымъ невозмутимымъ и увѣреннымъ видомъ. Волосы его были тщательно расчесаны и прилипли ко лбу, потому что были намочены водою. На немъ былъ огромный, завязанный бантомъ галстухъ, купленный во Франціи, и въ одной рукѣ онъ держалъ мягкую черную

---

[1]) См. выше: іюнь, 723 стр.

Digitized by Google

шляпу. Когда лакей вышелъ, то Альфъ подбросилъ свою шляпу на воздухъ такъ, что она завертѣлась со свистомъ и упала какъ разъ на большую китайскую вазу. Потомъ онъ очень важно раскланялся съ Обрэ, который пригласилъ его садиться. Онъ сразу опустился на кресло съ такимъ видомъ, какъ будто исполнилъ все нужное, упорно, не моргая, смотрѣлъ на Обрэ, и только въ глазахъ его мелькала неуловимая насмѣшка. Обрэ, удивляясь и не понимая, зачѣмъ онъ пришелъ, счелъ, однако, нужнымъ завести разговоръ:

— Вы, кажется, были въ Марсели?

— Да, сэръ.

— Имѣли успѣхъ?

— Оглушительный. Четыре вызова каждый вечеръ послѣ „сцены съ трупомъ"; французишки—не такіе болваны, какъ можно подумать по ихъ лопотанью.

Онъ проговорилъ нѣсколько невнятныхъ словъ, удивительно вѣрно подражая пѣвучей звонкости французской рѣчи и сопровождая свои слова усиленной жестикуляціей, удивительно характерной, хотя и каррикатурной. Произнеся послѣднюю фразу, онъ снова погрузился въ молчаніе, устремивъ на Обрэ свои маленькіе сѣрые глаза.

— Воображаю, какъ всѣ радуются вашему возвращенію въ Милькъ-Кортѣ,—сказалъ Обрэ.

— О, нѣтъ, сэръ! Дѣло-то не въ Милькъ-Кортѣ, — проговорилъ мальчикъ, покосился недовѣрчиво на Обрэ и вдругъ оттопырилъ правую щеку языкомъ.

Обрэ почувствовалъ, что по какой-то тайной причинѣ маленькій акробатъ относился къ нему довольно недружелюбно.

— Помните, какъ я васъ провожалъ тогда отъ насъ домой?— спросилъ мальчикъ.

Обрэ утвердительно кивнулъ головой.

— Вы замѣтили, что я за вами слѣдилъ? Я вѣдь все понялъ.

— Что такое вы поняли?

— Вашу игру, сэръ.

— Какую игру? Что вы такое говорите?

— Ди уже одинъ разъ провалилась сквозь сѣтку и чуть не сломала себѣ шею. Вѣдь съ нею это и еще разъ можетъ случиться. Не правда ли?

Въ лицѣ Альфа появилось старческое выраженіе. Обрэ, наконецъ, начиналъ догадываться, на что намекалъ его посѣтитель, и онъ сталъ ему милъ, благодаря этому,—хотя намекъ мальчика и смутилъ его.

Digitized by Google

— Вѣдь миссъ Діамонда не акробатка,—какъ же она могла провалиться сквозь сѣтку?—спросилъ онъ.

— Это у меня такая манера выражаться. Однимъ словомъ, я стою у каната и оберегаю Ди, чтобы она не свалилась.

Его маленькіе сѣрые глаза приняли грозное выраженіе.

— Вы вѣдь ходите въ Милькъ-Кортъ не для того, чтобы играть въ мячикъ съ Сузи,—продолжалъ онъ серьезно. — И не для того, чтобы заниматься съ Чарли,—я полагаю.

— Я былъ у васъ, потому что миссъ Діамонда пригласила меня въ день своего рожденія и потому что я къ ней сердечно расположенъ.

На подвижномъ лицѣ Альфа появилась гримаса.

— Сердечно расположенъ! — повторилъ онъ.—Тотъ человѣкъ тоже былъ сердечно расположенъ. Несмотря на это, она все-таки провалилась сквозь сѣтку въ самомъ лучшемъ видѣ. Я не допущу, чтобы съ нею еще разъ это случилось, мистеръ. Я прямо вамъ это говорю. Я оберегаю Ди, чтобы она не свалилась съ каната. Вотъ что.

Его лицо приняло серьезное, упрямое выраженіе, и весь онъ напоминалъ собою маленькую злую собачку, стерегущую свою хозяйку. Кончикъ намоченной пряди волосъ на лбу слегка приподнялся, какъ у ощетинившагося звѣрка, а жесткими, костлявыми, маленькими руками онъ судорожно сжималъ колѣни, пристально глядя на Обрэ.

— Такъ-то!—повторилъ онъ съ вызывающимъ видомъ.

— Вы ровно ничего не понимаете, Альфъ,—сказалъ Обрэ.— Поговорите объ этомъ съ миссъ Діамондой, и она вамъ объяснитъ, какъ дико то, что вы придумали.

Альфъ улыбнулся совсѣмъ не по-дѣтски.

— Тотъ тоже былъ сердечно расположенъ къ Ди,—повторилъ онъ.

— Тотъ былъ подлецъ, — сказалъ Обрэ горячо и начиная слегка раздражаться.

— Такихъ подлецовъ очень много,—проговорилъ Альфъ съ упорной недовѣрчивостью.—Бросьте все это, мистеръ, бросьте!— продолжалъ онъ послѣ короткаго молчанія. — Знаете, какъ въ пѣснѣ поется: „Оставьте бѣдняжку, оставьте ее“!..

Въ его манерахъ было такое странное смѣшеніе мужской рѣшительности и насмѣшливости дьяволёнка, его лицо выражало попеременно такую заботливую грусть и горькую житейскую мудрость, что Обрэ казалось, будто онъ сидитъ не съ однимъ, а съ двумя или тремя людьми разныхъ возрастовъ и разнаго

Digitized by Google

умственнаго развитія. Онъ рѣшился говорить съ Альфомъ болѣе откровенно.

— Я понимаю, что̀ вы подразумѣваете,—сказалъ онъ,—и нахожу вполнѣ естественнымъ, что вамъ пришла въ голову такая мысль, но все-таки вы ошибаетесь. Мы съ миссъ Діамондой—добрые друзья, и по моей винѣ съ ней никогда не случится ничего дурного.

— Вы, можетъ быть, такъ и думаете, но это потому, что вы не дѣвушка.

— Причемъ же это здѣсь?

— Это ужъ такая судьба. Мужчина можетъ дольше держать гири, чѣмъ дѣвушка, и потому онъ дольше, чѣмъ она, можетъ оставаться добрымъ другомъ, какъ вы говорите. Пока вы будете думать, что Ди въ полной безопасности на канатѣ, а она въ это время уже свалится,—какъ съ нею это уже разъ и случилось. Держите ухо востро̀, мистеръ, и обдумайте хорошенько, что̀ можетъ произойти въ будущемъ. Во всякомъ случаѣ, я васъ предупредилъ, что я стою у каната и гляжу въ оба.

Проговоривъ это, онъ вскочилъ съ кресла. Ему, очевидно, надоѣла долгая вынужденная неподвижность, и онъ жаждалъ движенія.

— Терпѣть не могу сидѣть!—сказалъ онъ, сразу весь мѣняясь.—Ну, теперь баста!

Одну секунду онъ стоялъ не шевелясь, и было что-то мальчишеское въ его очевидномъ желаніи поскорѣе изобразить что-нибудь.

— Видѣли мой новый фокусъ? — вдругъ закричалъ онъ, и прежде чѣмъ Обрэ успѣлъ отвѣтить, онъ схватилъ со стола книгу—это оказался „Маріусъ“ Вальтера Петерса — прошелся по полу на рукахъ, вытянувъ туловище и ноги кверху, подбросилъ книгу на воздухъ, поймалъ ее на большой палецъ ноги и сталъ перебрасывать съ одной ступни на другую, быстро двигаясь на рукахъ то туда, то сюда.

Въ эту минуту въ дверь постучались, и сэръ Рёбенъ вошелъ, чтобы поговорить съ Обрэ о какихъ-то дѣлахъ. Прежде всего ему бросились въ глаза ноги маленькаго акробата и подпрыгивающій въ воздухѣ „Маріусъ“—и онъ остановился въ полномъ изумленіи. Альфъ медленно изогнулся дугой, перегнулся нѣсколько разъ, становясь то на ноги, то на руки,—наконецъ, принялъ естественное положеніе и серьезно посмотрѣлъ на сэра Рёбена.

— По настоящему это продѣлывается съ мячикомъ,—про-

Digitized by Google

говорилъ онъ, кладя на столъ chef d'oeuvre Петерса,—но его легко замѣнить чѣмъ угодно.

— А-а!—произнесъ сэръ Рёбенъ, который все еще стоялъ у дверей, съ улыбкой глядя на маленькаго акробата:—ты учишься гимнастикѣ, Обрэ?

Обрэ немного смутился.

— М-ръ Альфъ Фликъ,—онъ взглянулъ на Альфа,—другъ одного изъ моихъ друзей,—добавилъ онъ.

Альфъ поклонился.

— Чудо-семейство Фликовъ, сэръ,—сказалъ онъ сэру Рёбену въ видѣ поясненія. Потомъ схватилъ свою шапку, подбросилъ ее къ потолку, подставилъ подъ нее свою голову, и, очутившись въ шляпѣ, направился къ выходу. Сэръ Рёбенъ остановилъ его.

— Вы куда-нибудь торопитесь, мой милый?—спросилъ онъ.

— Никуда особенно,—отвѣчалъ Альфъ.—Что вамъ угодно, сэръ?

Онъ окинулъ испытующимъ взоромъ всю маленькую старческую фигуру сэра Рёбена, замѣтилъ его красную феску, и ему пришло въ голову—не „злой ли это, гадкій турка"?

— Хотите вы видѣть какой-нибудь фокусъ, сэръ?—прибавилъ онъ, видимо угадавъ желаніе сэра Рёбена и готовясь исполнить цѣлый рядъ кувырканій; но сэръ Рёбенъ остановилъ его.

— Только не здѣсь,—сказалъ онъ.—Хотите показать ваши фокусы одной дамѣ?

— Ея величеству?—сказалъ Альфъ, принимая взволнованный драматическій видъ.—Ея величество никогда не видала Фликовъ, и должна увидать ихъ всѣхъ за-разъ, въ настоящемъ представленіи. Вы никогда не видали чудо-Фликовъ въ двигающихся картинахъ, сэръ? какъ они изображаютъ выростающую виноградную лозу,—змѣю до и послѣ того, какъ она съѣдаетъ маленькаго бѣднаго кролика,—машину, проѣзжающую въ часъ шестьдесятъ миль? Вы никогда этого не видали, сэръ?

— Никогда,—сказалъ сэръ Рёбенъ.—Но я говорю не объ ея величествѣ, такъ что можно обойтись и безъ двигающихся картинъ. Хочу позабавить Кэриль,—прибавилъ онъ, обращаясь къ Обрэ.

Обрэ кивнулъ утвердительно головой. Ему казалось, что если лэди Кэриль увидитъ Альфа, то это приблизитъ хотя немного Діамонду къ этому другому живому брилліанту.

— Хорошо, я согласенъ,—проговорилъ Альфъ и послѣдо-

Digitized by Google

валъ за сэромъ Рёбеномъ, въ концертный залъ, гдѣ Анно потерпѣлъ такое пораженіе.

Бѣлые стулья чинно стояли вдоль стѣнъ. Рояль такъ и оставался на маленькой эстрадѣ.

— Подождите здѣсь одну минуту,—сказалъ сэръ Рёбенъ Альфу.—Я сейчасъ приведу мою даму.—Онъ вышелъ, какъ всегда немного шаркая ногами.

— Что онъ, турокъ?—спросилъ Альфъ у Обрэ.

Обрэ улыбнулся и покачалъ отрицательно головой.

— Ну, все-таки, продолжалъ Альфъ,—мнѣ сдается, что онъ что-то въ этомъ родѣ. А кто же эта дама? Вѣдь у этихъ турокъ...

По его выраженію было видно, что онъ хочетъ сказать что-то неприличное объ интимной жизни восточныхъ народовъ, но въ эту минуту сэръ Рёбенъ вернулся въ сопровожденіи лэди Кэриль, которая была одѣта для выѣзда. Она была вся въ черномъ, что всегда еще подчеркивало сіяющую бѣлизну ея лица. Альфъ уставился на нее съ яснымъ восхищеніемъ, что придало ему почти сентиментальный видъ.

— Ну ужъ если это не ея величество, такъ все-таки это сама королева брилліантовъ!—прошепталъ онъ Обрэ.

— Сейчасъ у насъ будетъ представленіе, какъ у султана въ его частномъ театрѣ, Кэриль,—сказалъ сэръ Рёбенъ.—Мастеръ Фликъ, вотъ дама, о которой я говорилъ. Хотите показать ей ваше искусство?

Альфъ отбѣжалъ въ сторону и, двигаясь какъ бы между рампой и опущеннымъ занавѣсомъ, сталъ кивать головой, дуть на руки и потирать ихъ, какъ дѣлаютъ опытные акробаты. Продѣлывая все это, онъ достигъ эстрады и легко вскочилъ на нее. Онъ уже хотѣлъ стащить съ себя куртку, какъ вдругъ остановился.

— Вы мнѣ позволите, милэди?—спросилъ онъ, обращаясь къ лэди Кэриль.—Она кивнула ему головой. Ей нравилось это нарушеніе обычнаго дневного порядка.

Альфъ мгновенно сбросилъ куртку и вертѣлся въ воздухѣ, какъ мячъ. Лэди Кэриль сидѣла возлѣ самой эстрады, чтобы лучше видѣть его, совсѣмъ такъ же, какъ она сидѣла въ туманную ночь во время концерта Анно, слушая пѣсню о жемчужинѣ. Но теперь у нея былъ веселый видъ, какъ у школьницы. Когда Альфъ остановился, чтобы перевести духъ, она захлопала ему.

— Браво!—закричала она.

Digitized by Google

Альфъ остановился у стѣны, пристально глядя на лэди Кэриль, къ которой, очевидно, были направлены всѣ его мысли и для которой одной онъ и старался,—и крикнулъ:

— Хотите видѣть, какъ я жонглирую, милэди?

— Да, хочу,—отвѣчала она.

Альфъ оглядѣлся.

— Мнѣ нужно какую-нибудь вещь для жонглированія,—дайте мнѣ что-нибудь, милэди!—сказалъ онъ, осматривая ее.

Платье лэди Кэриль было заколото спереди длинной змѣей изъ темно-зеленой эмали съ большими желтыми аметистами вмѣсто глазъ.

— Дайте мнѣ змѣйку, милэди,—сказалъ Альфъ, протягивая къ ней руку.—Я ее сдѣлаю живой для васъ.

При первыхъ его словахъ, лэди Кэриль положила руку на змѣю и отрицательно покачала головой, но послѣднія слова, казалось, измѣнили ея рѣшеніе.

— Сдѣлаете ее живой?—повторила она.

— Да-съ,—сказалъ Альфъ.—Заставлю ее ползать по мнѣ, какъ настоящую и ручную. Лэди Кэриль отстегнула змѣю и передала ее ему. Сэръ Рёбенъ, наблюдавшій за тѣмъ, какъ она колебалась и какъ потомъ это колебаніе исчезло, взглянулъ на Обрэ. Альфъ взялъ змѣю осторожно, почти нѣжно своими жесткими, жилистыми руками. Онъ завернулъ рукава своей рубашки и обнажилъ руки. Потомъ сталъ быстро перекладывать змѣю изъ одной руки въ другую; она скользила между разставленными пальцами и ползла по согнутой ладони. Въ этомъ состояло все искусство. Онъ, казалось, позволялъ зеленой змѣйкѣ съ выпуклыми желтыми глазами дѣлать, что она хотѣла, и она, очевидно, хотѣла ползать. Безчисленныя движенія рукъ мальчика были такъ ловки и проворны, что совершенно ускользали отъ непривычнаго взгляда. Казалось только, что змѣя ожила и сама двигается. Лэди Кэриль совсѣмъ забыла о мальчикѣ; она съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за маленькимъ зеленымъ существомъ, которое было ея собственностью и такъ смирно лежало у нея на груди, а теперь вдругъ стало проявлять такое странное оживленіе и неожиданную способность двигаться. Наконецъ Альфъ, съ необыкновенно таинственнымъ видомъ, заставилъ змѣю скользнуть въ карманъ своего жилета.

— Она устала, милэди,—замѣтилъ онъ,—хочетъ бай-бай.

Онъ поправилъ рукава рубашки, натянулъ на себя куртку и спрыгнулъ съ эстрады. Лэди Кэриль смотрѣла на него болѣе чѣмъ съ восхищеніемъ,—съ тѣмъ особеннымъ и полнымъ внима-

Digitized by Google

ніемъ, съ какимъ дѣти смотрятъ на чудодѣевъ. Она ничего не сказала, но все-таки протянула руку.

— О, милэди, ей не надо мѣшать,—сказалъ Альфъ, слегка щупая свой карманъ.—Какъ? она уже проснулась!

И какимъ-то необычайнымъ движеніемъ онъ сдѣлалъ такъ, что змѣя выскользнула изъ кармана, поползла, вздрагивая, по его рукѣ и упала къ лэди Кэриль на колѣни. Послѣдняя подняла ее и осмотрѣла.

— У меня постоянно было такое чувство, какъ будто она живая,—сказала она.

Потомъ она приколола змѣю къ своему платью и поблагодарила Альфа за представленіе. Было ясно, что Альфъ совсѣмъ потерялъ свое сердце.

— Мнѣ бы хотѣлось,—сказалъ онъ тихо сэру Рёбену, когда лэди Кэриль встала, чтобы уходить: — мнѣ бы хотѣлось, чтобы эта дама видѣла наши двигающіяся картины, чтобы она увидала выростающую виноградную лозу.

— Она ее увидитъ,—сказалъ сэръ Рёбенъ съ добротой, которая тронула Обрэ.

— Кэриль,—прибавилъ онъ:—мастеръ Фликъ хочетъ, чтобы ты видѣла его и его родственниковъ въ движущихся картинахъ.

— Да, съ Вогсаломъ и всѣми остальными, милэди!—закричалъ Альфъ съ забавной серьезностью.—Выростающая виноградная лоза, змѣя—только не ваша—до и послѣ того, какъ она съѣдаетъ маленькаго бѣднаго кролика, машина, дѣлающая въ часъ 60 миль. Ничего подобнаго вы не увидите ни въ какомъ театрѣ, милэди,—особенно выростающая лоза. Я изображаю гроздь винограда на самой верхней вѣткѣ.

Лэди Кэриль улыбнулась ему, но уже довольно равнодушно. Повидимому, мысль увидать представленіе Альфа и его родственниковъ не особенно восхищала ее.

— Можетъ быть, я пріѣду когда-нибудь,—сказала она и вышла, потрогивая свою змѣйку и глядя внизъ, на нее.

— Въ такомъ случаѣ я...—началъ Альфъ.—Да она, кажется, и впрямь повѣрила, что ея змѣя живая!..

Сэръ Рёбенъ разсмѣялся.

— Это—благодаря вашему искусству,—сказалъ онъ.

Онъ вынулъ два соверена и далъ ихъ Альфу, который подбросилъ ихъ на воздухъ и поймалъ оба, подставивъ, когда они падали, оттопыренные карманы своего жилета.

— Я обѣщаю вамъ, что привезу милэди посмотрѣть, какъ

Digitized by Google

вы изображаете верхнюю гроздь винограда на лозѣ, —сказалъ сэръ Рёбенъ.—Такъ что вы ужъ не безпокойтесь.

Альфъ весь просіялъ отъ радости.

— Ужъ я для нея постараюсь! — воскликнулъ онъ: — вѣдь она прямо-таки королева брилліантовъ.

— А! вы это замѣтили?—сказалъ сэръ Рёбенъ и, взглянувъ на Обрэ, вышелъ вслѣдъ за лэди Кэриль.

— Что, этотъ турокъ—отецъ, что-ли, этой дамы?—спросилъ Альфъ.

— Этотъ джентльмэнъ—ея мужъ,—отвѣчалъ Обрэ холодно.

Альфъ свистнулъ.

— Вотъ такъ штука!—произнесъ онъ.

Онъ смотрѣлъ на Обрэ, то сжимая, то вытягивая губы.

— А для васъ?—прибавилъ онъ.

— Что для меня?—спросилъ Обрэ.

— Для васъ это не удивительно?

Обрэ не отвѣчалъ, и направился къ выходу.

— Ну-съ,—произнесъ Альфъ, слѣдуя за нимъ:—я отправляюсь. Не буду больше надоѣдать вамъ.

Они пришли въ обширную переднюю, и Обрэ самъ отворилъ выходную дверь. Альфъ стоялъ и смотрѣлъ на него. День былъ солнечный, и яркій свѣтъ падалъ на обоихъ. Взглянувъ назадъ, на темную, роскошно расписанную переднюю, гдѣ журчала тонкая струя фонтана, Альфъ проговорилъ:

— Такъ, значитъ, турокъ ея мужъ,—правда?

Онъ снова взглянулъ на Обрэ.

— А вы—ея братъ?

— Нѣтъ,—сказалъ Обрэ.

— И не родственникъ?

— Нисколько.

Альфъ подбросилъ шапку и поймалъ ее прямо на голову.

— Скажите ему, турку-то, чтобы онъ не забылъ привезти свою даму посмотрѣть на наше представленіе,—сказалъ онъ.—Счастливо оставаться, мистеръ!—и онъ исчезъ за дверями.

Обрэ вернулся въ свои комнаты, сѣлъ въ кресло и сталъ думать о Діамондѣ. Ему вспомнились слова Альфа, что она одинъ разъ уже провалилась сквозь сѣтку, и что онъ не допуститъ, чтобы это случилось еще разъ. Этого теперь не могло, конечно, случиться. Ему живо представилась фигура мальчика, когда онъ сидѣлъ, опершись руками въ колѣни, и онъ ему казался такимъ милымъ.

Digitized by Google

II.

Сэръ Рёбенъ всегда держалъ свое слово. Онъ не забылъ обѣщанія, даннаго имъ Альфу, но двѣ или три недѣли прошли, прежде чѣмъ представилась возможность исполнить это обѣщаніе. Въ теченіе этихъ недѣль Обрэ нашелъ случай повидаться съ Діамондой. Посѣщеніе Альфа произвело на него впечатлѣніе и заставило задуматься надъ тѣмъ, чего прежде онъ даже мысленно не допускалъ, какъ возможное. Ему хотѣлось видѣть Діамонду теперь, когда предостереженія Альфа сдѣлали его болѣе осторожнымъ и подозрительнымъ. Онъ пошелъ встрѣчать Діамонду послѣ представленія. Былъ апрѣль мѣсяцъ, и на землю тихо сошла теплая весенняя ночь. Днемъ было нѣсколько ливней и въ дыханіи ночи чувствовалось что-то упоительное даже въ безобразныхъ улицахъ, подобно аромату фіалокъ въ погребѣ. Стоя въ ожиданіи на тротуарѣ, противъ театральнаго подъѣзда, Обрэ увидалъ, какъ подъѣхалъ тяжелый омнибусъ съ чудо-семействомъ Фликовъ. Обрэ отошелъ въ сторону; ему не хотѣлось встрѣчаться съ Альфомъ именно теперь. Издали онъ видѣлъ, какъ выскакивали акробаты изъ омнибуса съ свойственной имъ ловкостью и быстро скрывались въ подъѣздѣ. Альфъ былъ послѣднимъ. Онъ сдѣлалъ, по обыкновенію, какой-то удивительный скачокъ для забавы собравшихся зѣвакъ. Они засмѣялись и проводили его апплодисментами. Обрэ подошелъ ближе и сталъ ждать. Онъ живо чувствовалъ прелесть ночи, несмотря на отвратительный узкій и темный проѣздъ, въ которомъ стоялъ, и его потянуло куда-нибудь подальше, въ деревню. Ему представились сельскія улицы, съ веселыми огоньками въ окнахъ котэджей, съ садами, овѣянными атмосферой тишины и покоя. Кто-то нѣжно коснулся его руки. Онъ вздрогнулъ и увидалъ, что передъ нимъ стояла Діамонда.

— Здравствуйте!—сказала она своимъ тихимъ голосомъ.—Можно подумать, что вы заснули или замечтались!

— Можетъ быть и замечтался, Діамонда, — отвѣчалъ онъ. Онъ вдругъ замѣтилъ легкую краску на ея лицѣ, и подивился, отчего она покраснѣла. Онъ забылъ, что до сихъ поръ всегда называлъ ее—„миссъ Діамонда“.

— Вы очень устали за сегодняшній вечеръ?—спросилъ онъ.

— Нисколько,—отвѣчала она.

— Не хотите ли отправиться въ паркъ и посидѣть тамъ

Digitized by Google

немного? Такъ тепло, точно лѣтомъ, и тамъ мы будемъ далеко отъ этихъ домовъ и городского шума.

— Отлично!—согласилась Діамонда.—Я никогда не бывала въ паркѣ ночью.

Онъ кликнулъ извозчика и велѣлъ ему ѣхать на уголъ Гайдъ-Парка.

Когда они подъѣхали, то Діамонда легко выскочила изъ экипажа. Она была очень весела, и ее забавляло это маленькое приключеніе. Когда они входили въ ворота, то полицейскій посмотрѣлъ на нихъ съ двусмысленной улыбкой. Обрэ замѣтилъ это, но его спутница не замѣтила ничего. Они пересѣкли широкую дорогу и подошли къ деревьямъ.

Всходила луна, озаряя края легкихъ, мелкихъ облаковъ и придавая небу прозрачность и таинственность. Діамонда радостно оглядывалась кругомъ.

— Какъ хорошо!—сказала она.—Куда же мы пойдемъ?

Мимо нихъ прошло нѣсколько оборванцевъ, бросая на нихъ нахальные, выспрашивающіе взгляды. Обрэ вдругъ захотѣлось броситься на нихъ.

— Пойдемте подъ деревья и отыщемъ себѣ два стула,—сказалъ онъ.—Вы не боитесь, что трава сырая?

— Я?—нисколько.

Они нашли два стула подъ деревьями, далеко отъ прохожей дороги. Фонари горѣли далеко; далеко стучали экипажи. Діамонда сняла свою соломенную шляпу, подставляя легкому вѣтерку свои пушистые темные волосы.

— Какъ пріятно здѣсь послѣ театра!—сказала она.—Точно маленькая вакація. Ахъ! вы никогда не видали меня на вакаціи. Я тогда дѣлаюсь совсѣмъ другая.

— А на сколько времени васъ отпускаютъ? — спросилъ Обрэ, смотря на луну сквозь древесныя вѣтви.

— На двѣ недѣли. Я тогда уѣзжаю въ *Винчестеръ* на морѣ.

— Съ кѣмъ?

— Съ Сузи. Мы тамъ останавливаемся въ гостинницѣ. Одно лѣто Альфъ къ намъ пріѣзжалъ. А одинъ разъ и *онъ*.

Она остановилась, и глаза ея наполнились слезами.

— О, Господи! какъ намъ было весело тогда!—продолжала она.—Онъ бралъ Сузи съ собою—ловить креветокъ. Дѣвочка съ ума сходила отъ радости, играя среди скалъ въ маленькихъ лужицахъ. Сколько разъ она въ нихъ падала,—но вѣдь соленая вода полезна—онъ это всегда говорилъ. О, Боже мой!

Digitized by Google

Темная фигура вынырнула изъ мрака и встала передъ ними.

— Два пенса пожалуйте,—пробормотала она, отворачивая голову и протягивая руку.

Обрэ заплатилъ, взялъ два билета, и фигура удалилась, разыскивая въ темнотѣ другія пары.

— Мнѣ чуть дурно не сдѣлалось, — сказала Діамонда, — такъ онъ вдругъ появился! Мнѣ бы здѣсь страшно было одной.

Она пододвинулась ближе къ Обрэ. Онъ чувствовалъ, какъ ея стройное тѣло касалось его руки.

— Въ тотъ годъ и Альфъ пріѣзжалъ, — продолжала Діамонда.—Мы любили смотрѣть вмѣстѣ восходъ солнца.

Она отклонилась немного въ сторону, и по ея позѣ Обрэ понялъ, что она вся ушла въ свои воспоминанія.

— Ахъ, какой Альфъ былъ смѣшной!—продолжала она.—Онъ разъ ночью при лунѣ сталъ выдѣлывать на пескѣ всѣ свои фокусы,—ну, точно какой-то чертенокъ! И какъ онъ перепугалъ тогда одну старую лэди,—она какъ закричитъ: „Да это самъ чортъ на берегу“!.. Мы просто умерли отъ смѣха. Я не знаю, что бы мы стали дѣлать безъ Альфа.

— А вы его очень любите?—спросилъ Обрэ.

— Да. Онъ добрый мальчикъ. Онъ все готовъ для меня сдѣлать. Да онъ даже...—она колебалась.

— Ну?—произнесъ Обрэ.

— Онъ хотѣлъ съ *нимъ* расправиться, когда... вы знаете. Для меня онъ на все готовъ. Вѣдь онъ хоть и маленькій такой, а ничего не боится. Вотъ потому-то всѣ и говорятъ, что съ нимъ никогда не можетъ быть несчастнаго случая. Вогсалъ готовъ за него жизнь отдать,—такъ онъ имъ гордится.

— Онъ говорилъ вамъ, что былъ у меня?

— Да, и что жонглировалъ передъ этой дамой. Онъ просто сумасшествуетъ,—такъ хочетъ опять ее увидать. Говоритъ, что она—королева брилліантовъ. А вѣдь этотъ старый бука—простите, я хотѣла сказать, мужъ ея...

— Сэръ Рсбенъ?

— Да. Онъ обѣщалъ привезти ее посмотрѣть выростающую виноградную лозу. Что же, она пріѣдетъ?

— Конечно, пріѣдетъ.

— Ну, такъ увидите, что Альфъ будетъ выдѣлывать въ этотъ вечеръ. Онъ для этого случая готовитъ какую-то новую штуку, ужасно опасную. Она его совсѣмъ плѣнила. Просто страсть!

Обрэ улыбнулся. Но обожаніе Альфа къ лэди Кэриль доставляло ему удовольствіе и внушало ему почти любовь къ ма-

Digitized by Google

ленькому дьяволёнку. Онъ сидѣлъ молча, думая о ней и о томъ очарованіи, которое въ ней было и которое испытывали всѣ, даже маленькій акробатъ. Вдругъ онъ почувствовалъ, что Діамонда коснулась его руки.

— О чемъ вы думаете?—спросила она.

— Не знаю. Всегда какъ-то задумываешься въ лунную ночь.

— Да, и мнѣ тоже въ такія ночи приходитъ на умъ: зачѣмъ это люди такъ зло относятся другъ къ другу? Развѣ это не странно?

— Не съумѣю объяснить вамъ. Во всякомъ случаѣ, мы съ вами, Діамонда, никогда не сдѣлаемъ другъ другу никакого зла.

— О! вы-то никогда, я въ этомъ увѣрена.

И опять Обрэ показалось, что она ближе придвинулась къ нему.

— Впрочемъ, — продолжалъ онъ, — люди сами не могутъ знать, на что они способны. У нихъ бываютъ добрыя минуты, но бываютъ и злыя.

— А вы думаете, что они всегда сознаютъ свою жестокость?—сказала она.—Вы думаете, *они* сознавалъ? У меня часто является такое сильное желаніе это знать. И порою мнѣ кажется, что у меня въ душѣ что-то бьется, трепещетъ, точно птица. Я хотѣла бы выразить, что̀ это такое, да не могу. Вѣдь это смѣшно, правда? Разъ какъ-то я сказала объ этомъ м-ру Кингу, а онъ говоритъ...—она замолчала.

— Ну, что̀ же онъ говоритъ?

— А онъ говоритъ: „Это ни отъ чего больше не происходитъ, какъ только отъ желудка, миссъ Діамонда. И вы этого не запускайте,—онъ говоритъ,—а то будетъ трудно вылечить“. И потомъ прислалъ мнѣ пилюли. Онъ очень добрый. Я пилюли принимала, только онѣ не помогли. Вотъ и сегодня я то же чувствую. Я думаю, это отъ луны.

— Да, и со мной это бываетъ,—сказалъ Обрэ.

Онъ уже забылъ о предостереженіяхъ Альфа и о своемъ намѣреніи убѣдиться, основательны они или нѣтъ. Его увлекала безсознательная прелесть Діамонды. Какъ сильно и просто она чувствовала! Какъ мало знала!

— Однако, что̀ же это можетъ быть?—проговорила она.

— Только не то, что̀ говоритъ м-ръ Кингъ и что̀ предполагаетъ большинство людей,—не разстройство печени или что-нибудь въ этомъ родѣ. Нѣтъ, Діамонда, никогда не старайтесь удерживать такія чувства. Никогда не старайтесь не имѣть совсѣмъ никакихъ чувствъ.

Digitized by Google

Самъ того не сознавая, онъ произнесъ эти слова съ внезапной силой. Она посмотрѣла на него съ изумленіемъ.

— Знайте, Діамонда,—продолжалъ онъ,—это очень страшно: не быть способнымъ испытывать даже настоящаго горя.

Онъ повернулся и смотрѣлъ ей прямо въ лицо. Рука его лежала на тонкой спинкѣ стула, на которомъ она сидѣла. Облако, проплывая, закрыло луну, и вѣтеръ качнулъ вѣтви деревьевъ надъ ихъ головами. Нѣсколько капель влаги, задержанной листьями, скатились и упали, какъ холодныя слезы, на лицо Діамонды. Она стерла ихъ своей тонкой рукой. Лицо ея выражало замѣшательство, какъ лицо ребенка, которому разсказываютъ сложную исторію.

Они сидѣли нѣсколько времени въ глубокомъ молчаніи. Двѣ или три обнявшіяся парочки промелькнули между деревьями. Онѣ шептали какія-то безумныя слова или хихикали въ темнотѣ. Одна дѣвушка, въ длинной черной кофтѣ и шляпѣ, разукрашенной перьями и лентами, вырвалась отъ своего кавалера и бросилась очень неловко бѣжать, оглядываясь черезъ плечо, чтобы знать, бѣжитъ ли онъ за нею. Онъ бросился въ погоню. Она взвизгнула съ выраженіемъ ужаса, но и торжества, попробовала-было убѣжать, но споткнулась на пень и упала. Онъ схватилъ ее за руку. Она разразилась пронзительными криками и смѣхомъ, стала съ хохотомъ бороться, кувыркаться и наконецъ покатилась по травѣ. Онъ поднялъ ее, надѣлъ ей на растрепавшіеся волосы свалившуюся шляпу, обхватилъ ее рукой и утащилъ, а она истерически визжала и дѣлала видъ, что сопротивляется. Діамонда наблюдала за ними спокойно и безъ того отвращенія, которое испытывалъ Обрэ. Она давно привыкла къ такимъ грубымъ сценамъ.

— Вотъ раздурачились-то!—сказала она, когда темныя фигуры, вертясь и изгибаясь, исчезли во мракѣ.—А я всего этого не люблю.

— Еще бы! надѣюсь, что нѣтъ,—сказалъ Обрэ.

— Да и отецъ никогда не позволилъ бы намъ, дѣвушкамъ, такъ свободно себя держать. Впрочемъ, и *онъ* никогда бы не позволилъ себѣ ничего такого. А я всегда буду себя вести такъ, какъ еслибы... еслибы все кончилось какъ слѣдуетъ.

— Вы все еще о немъ думаете, Діамонда?

— О, да.

— Вы все такъ же чувствуете себя несчастной?

Ему хотѣлось испытать и убѣдиться въ неосновательности

Digitized by Google

подозрѣній Альфа. Она готовилась отвѣчать, но вдругъ сжала губы и посмотрѣла на Обрэ.

— Иногда,—проговорила она наконецъ.

— Не всегда?

— Теперь нѣтъ; при васъ я забываю о своемъ горѣ.

Это признаніе вышло у нея безъ малѣйшаго замѣшательства. Обрэ почувствовалъ себя неловко, сознавъ справедливость предсказаній Альфа.

— Почему же такъ?—спросилъ онъ.

— Не знаю. Вѣроятно, потому, что мнѣ пріятно быть съ вами.

— А еслибъ мы никогда и не встрѣчались?—Блѣдный лунный свѣтъ, скользнувъ сквозь вѣтви деревьевъ, освѣтилъ блѣдное лицо, въ которомъ вдругъ появилось выраженіе безпокойства.

— Почему же? Что вы это? Теперь вы познакомились съ отцомъ и съ Альфомъ и со всѣми, и я думала...

— Что?

— Я думала, что вы—нашъ настоящій другъ.—Обрэ взялъ ее за руку. Было что-то въ нервномъ звукѣ ея голоса, что заставило его это сдѣлать. Онъ любилъ, любилъ и теперь, какъ всегда, любовью, не имѣвшей ничего общаго со всѣмъ, что совершалось въ его жизни. Но ни къ одному человѣку онъ не испытывалъ такой горячей и чистой дружбы, какъ къ Діамондѣ. Она явилась въ ужасную минуту его жизни и безсознательно спасла его отъ безнадежнаго, глубокаго отчаянія. Въ его чувствѣ къ ней не было никакой темной страсти, никакого низкаго, томительнаго желанія. Она сжала свои тонкіе пальцы, удерживая его руку. Рука у нея была холодная и влажная отъ капель, упавшихъ съ древесныхъ листьевъ, и которыя она стерла съ своего лица. Влажное прикосновеніе этой руки, не выпускавшей его руку, вызвало въ немъ чувство холода и страха. Онъ подумалъ объ Альфѣ; ему казалось, что онъ видитъ маленькіе сѣрые глаза акробата, пристально наблюдающіе за нимъ изъ-за темнаго угла парка.

— Зачѣмъ это вы такъ дѣлаете?—раздался голосъ Діамонды.

— Что дѣлаю?

— Такъ скрежещете зубами?

— Да неужели?

— Да, точно сердитесь.

— Можетъ быть, я и сержусь.

— На меня? За что?

Digitized by Google

— Нѣтъ, не на васъ, Діамонда,—на васъ никогда,—но на судьбу, на жизнь, на ту силу, которая насъ такъ странно создала.

— Какъ! На то, что наши родители поженились?

— Нѣтъ, на ту силу, которая создала всѣхъ, и мужчинъ, и женщинъ.

— Такъ это вы Бога разумѣете. Какой вы злой! Не сердитесь на Бога,—вѣдь это и безполезно къ тому же.

Она точно дѣлала выговоръ Сузи.

— Это совершенно безполезно,—продолжала она, все еще держа его руку въ своихъ рукахъ, которыя начинали согрѣваться отъ этого прикосновенія.—Это все равно, какъ еслибы я стала сердиться на madame за то, что она не даетъ мнѣ отдѣльнаго выхода. Мы все должны переносить терпѣливо.

— Конечно. Но... но... вы не должны давать мнѣ ничего такого, что помѣшало бы мнѣ переносить жизнь терпѣливо.

Онъ нагнулся къ ней.

— Я!—сказала она.—Что такое вы говорите?

— Да, вы, Діамонда. Будьте всегда моимъ другомъ, именно другомъ. Пойдемте!

Онъ всталъ. Ея руки, согрѣвшіяся и начинавшія постепенно горѣть, дали ему понять, что продолжать такъ сидѣть было бы опасно. Діамонда тоже встала, но съ видимой неохотой.

— Развѣ уже надо уходить?—сказала она.

— Сыро подъ деревьями.

— Въ такомъ случаѣ погуляемъ немного. Мнѣ еще не хочется уходить.

Обрэ сознавалъ, что было бы лучше уйти совсѣмъ, но не могъ выдержать ея умоляющаго взгляда. Они тихо пошли по травѣ и вышли на большую дорогу. Тамъ медленно двигались люди, иные вмѣстѣ, другіе въ одиночку и крадучись, какъ шпіоны. Послѣдніе были плохо одѣты и имѣли отталкивающій, лишенный человѣческаго достоинства видъ.

— Что имъ тутъ нужно?—спросила Діамонда.

— Не знаю,—отвѣчалъ Обрэ.—Вѣроятно, они и сами не съумѣли бы отвѣтить на этотъ вопросъ. Развѣ вы не знаете, что Лондонъ кишитъ людьми, которые бродятъ днемъ и ночью безъ всякой опредѣленной цѣли, а только съ надеждой найти что-нибудь или кого-нибудь, кто бы измѣнилъ ихъ существованіе и облегчилъ ихъ нужды?

— Да, мнѣ попадаются такіе люди на улицахъ, но что они могутъ здѣсь найти?

Digitized by Google

— Мнѣ кажется, они и сами этого хорошенько не знаютъ. Не глядите на нихъ.

Она послушно отвела глаза отъ бродившихъ въ темнотѣ фигуръ.

— Какъ бы мнѣ хотѣлось гулять съ вами такъ каждый вечеръ!—сказала она просто.—Развѣ мы не могли бы поѣхать какъ-нибудь на денекъ въ деревню?

— Днемъ я бываю очень занятъ,—отвѣчалъ Обрэ быстро, почти рѣзко. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Поднялся вѣтеръ, и въ его влажномъ дыханіи чувствовалось что-то таинственное.

— Скоро дождь пойдетъ,—сказалъ Обрэ.—Намъ нужно идти назадъ.

— Да, пойдемте,—согласилась Діамонда.

Ея голосъ звучалъ принужденно и въ немъ не было обычной пріятности. Обрэ догадывался о причинѣ этого. Онъ не глядѣлъ на нее.

Когда они шли, направляясь къ выходу, то онъ чувствовалъ, что между ними разверзается пропасть. Онъ зналъ, что она страдала, какъ чувствительный цвѣтокъ, закрывающій лепестки отъ чуждаго прикосновенія. Когда они подошли къ воротамъ, то Діамонда проговорила:

— Я сяду въ омнибусъ. Нѣтъ, не провожайте меня, пожалуйста, сегодня, нѣтъ!

Въ ея голосѣ слышалась рѣшимость. Обрэ подсадилъ ее на подножку омнибуса и смотрѣлъ, какъ она взбиралась по лѣстницѣ наверхъ.

Онъ не замѣтилъ проѣхавшей мимо двумѣстной кареты сэра Рёбена, ѣхавшаго на балъ съ лэди Кэриль. Но сэръ Рёбенъ ясно разглядѣлъ его и Діамонду въ ту минуту, когда они выходили изъ воротъ парка. Онъ вдругъ нагнулся и сталъ смотрѣть въ окно кареты.

— Что̀ такое, Рёбенъ?—спросила лэди Кэриль.

— Нѣтъ, это мнѣ такъ что-то показалось на улицѣ,—отвѣчалъ сэръ Рёбенъ. Онъ откинулся назадъ и снова устремилъ глаза на жену. Когда онъ чувствовалъ себя очень старымъ и уставшимъ,—а за послѣднее время это часто съ нимъ случалось, особенно по вечерамъ,—то видъ лэди Кэриль, этой рабыни его, сіявшей радостью и молодостью, доставлялъ ему чувство отдохновенія и успокоенія. Онъ жаждалъ напиться изъ того источника, изъ котораго она такъ обильно черпала свою жизненную силу, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ, какъ будто какой-то мягкій,

Digitized by Google

но тяжелый и безпощадный звѣрь лежалъ у него на груди и душилъ его. Онъ старался его сбросить, но не могъ, и отъ усилія чувство тяжести только увеличивалось.

Прошло нѣсколько дней, и однажды сэръ Рёбенъ сообщилъ Обрэ, что досталъ ложу въ театръ въ Чампіонъ-Сквэрѣ.

— Передай это твоему пріятелю, маленькому бѣсенку,— прибавилъ онъ.—Вѣдь онъ влюбился въ Кэриль, и будетъ доволенъ, узнавъ, что она пріѣдетъ посмотрѣть, какъ представляютъ онъ и его родственники. Кстати, я пригласилъ твою мать съ нами въ ложу.

Лэди Рангклифъ рѣдко бывала въ Паркъ-Лэнѣ. Она чувствовала себя тамъ очень неуютно, и такъ какъ ей было трудно притворяться, то она не являлась на неоднократныя приглашенія Аллабрутовъ, даже не приводя уважительныхъ причинъ.

— Ваша мать недолюбливаетъ меня, — сказала однажды Кэриль Обрэ.

— Ахъ, нисколько!—отвѣчалъ онъ поспѣшно.—Но она вѣдь всегда такъ занята. Вѣчно возится съ своими бѣдными.

— Да, но все-таки я знаю, что она меня недолюбливаетъ. Еслибы это было не такъ, почему бы ей не пріѣзжать къ намъ? А вѣдь они были большими друзьями съ моимъ мужемъ, и она должна желать ему счастья. А я сдѣлала его счастливымъ настолько, насколько—сдѣлала его счастливымъ.

— Да.—Обрэ не нашелся сказать ничего больше. Онъ былъ очень доволенъ, когда лэди Рангклифъ приняла приглашеніе сэра Рёбена ѣхать съ ними въ театръ. Онъ написалъ объ этомъ Діамондѣ, съ которой не видался послѣ прогулки въ паркѣ, и получилъ слѣдующій отвѣтъ:

„Еслибы вы знали, что дѣлается съ Альфомъ. Онъ приготовилъ какой-то новый фокусъ, и все время говоритъ о королевѣ бриллiантовъ. Онъ увѣряетъ, что она сойдетъ съ ума отъ восторга, когда увидитъ, какъ онъ нырнетъ. Въ это время никакой музыки не будетъ, одни барабаны будутъ бить. Я ему говорю, что они такъ бьютъ только на похоронахъ, когда хоронятъ военныхъ. Сузи и всѣ наши будутъ въ театрѣ, чтобы посмотрѣть его новую штуку, и я попрошу позволенія у madame постоять за кулисами съ Лиль“. Письмо было подписано:

„Ваша вѣрная Діамонда Маннерсъ“.

Обрэ сообщилъ лэди Кэриль, съ какимъ волненіемъ ее ожидаютъ въ театрѣ, и о тѣхъ особыхъ приготовленіяхъ, которыя дѣлались въ честь ея. Она слегка улыбнулась.

— Этотъ вашъ маленькій другъ похожъ на гнома,—сказала

Digitized by Google

она.—Мнѣ кажется, что онъ вылѣзъ изъ какого-нибудь древеснаго ствола, чтобы продѣлать свои фокусы, и въ одинъ прекрасный день исчезнетъ гдѣ-нибудь въ лѣсу, среди листвы, и никто никогда больше его не увидитъ.

— Онъ просто обожаетъ васъ,—сказалъ Обрэ.

— Въ самомъ дѣлѣ! неужели? — проговорила она такимъ ледянымъ тономъ, что Обрэ на мгновеніе стало холодно. Но потомъ онъ вспомнилъ, что вѣдь лэди Кэриль не была знакома съ семьей Альфа, не знала, на какой пьедесталъ возводили его всѣ домашніе, а слѣдовательно и не могла ясно себѣ представить, что ея присутствіе въ театрѣ будетъ величайшимъ событіемъ въ скромной жизни Милькъ-Корта.

Лэди Рангклифъ пріѣхала обѣдать въ Паркъ-Лэнъ въ день представленія, послѣ котораго сэръ Рёбенъ собирался отправиться съ лэди Кэриль на большой балъ въ Портманъ-Сквэрѣ, куда былъ приглашенъ и Обрэ. На этомъ балу долженъ былъ присутствовать одинъ изъ членовъ королевской фамиліи. Лэди Кэриль была вся въ черномъ. На ней былъ ея знаменитый изумрудъ, и еще множество изумрудовъ въ черной оправѣ украшали ея бѣлокурую голову, возвышаясь надъ прической. Она имѣла сіяющій видъ, но сэръ Рёбенъ—лэди Рангклифъ это тотчасъ же замѣтила—опять страдалъ отъ простуды и мучился кашлемъ. Видъ у него былъ очень утомленный.

— Вамъ навѣрное не слѣдовало бы выѣзжать сегодня,—отрѣзала она.—Видъ у васъ ужасный.

— Я всегда сопровождаю Кэриль,—отвѣчалъ онъ.

Лэди Рангклифъ услышала упрямую нотку въ его голосѣ, вспомнила объ его умершей женѣ—и ничего больше не сказала.

Когда доложили, что экипажи поданы, то сэръ Рёбенъ укутался въ огромное мѣховое пальто, которое дѣлало его похожимъ на какого-то страннаго маленькаго звѣрка. Онъ усталой походкой направился къ каретѣ вслѣдъ за женою. Обрэ поѣхалъ съ матерью въ ея экипажѣ. Дорогой они мало говорили, но у нихъ всегда разговоръ плохо клеился. Лэди Рангклифъ замѣтила, что у сэра Рёбена больной видъ.

— Я думаю, что это обыкновенная простуда, — сказалъ Обрэ.—Ему вредно жить въ Англіи послѣ жаркаго климата.

— Да, ему слѣдовало бы опять туда уѣхать; но, можетъ быть, это будетъ вредно для нея?

— Для лэди Кэриль? Не знаю. Мнѣ кажется, она создана для солнца.

Эти слова какъ-то непроизвольно вырвались у него, но онъ

Digitized by Google

тотчасъ заговорилъ о другомъ, и больше не возвращался къ начатому разговору. Лэди Рангклифъ такъ была бы рада подольше поговорить съ сыномъ въ полу-мракѣ кареты; его откровенность доставила бы ей почти райское блаженство, но ей приходилось довольствоваться молчаніемъ и сознаніемъ, что сынъ ее любитъ такъ, какъ только мать можетъ желать быть любимой.

Вѣтеръ задувалъ огни, горѣвшіе передъ театральнымъ подъѣздомъ. Аллабруты и Рангклифы взошли въ ложу какъ разъ передъ началомъ балета. Театръ былъ полонъ. Чудо-семейство Фликовъ всегда привлекало многочисленную публику. Въ этотъ вечеръ кромѣ нихъ еще какая-то длинная и странная француженка пѣла отвратительныя пѣсенки объ ужасахъ парижскихъ улицъ. Она была блѣдна, просто одѣта и у нея были черныя перчатки, доходившія до самыхъ плечъ. Тусклымъ голосомъ пѣла она, изображая жизненную трагедію бѣдняковъ и преступниковъ. А нарядное свѣтское общество спѣшило послѣ обѣда въ театръ, чтобы услышать изъ ея блѣдныхъ устъ разсказъ о нравственномъ паденіи жертвъ морфина или о тѣхъ ужасахъ, которые снятся пьяницамъ.

Обрэ сидѣлъ между своей матерью и лэди Кэриль и смотрѣлъ балетъ. Діамонда не должна была появляться раньше сцены на островѣ. Въ ожиданіи ея, Обрэ вспоминалъ всѣ обстоятельства своего перваго знакомства съ Діамондой. Наконецъ занавѣсъ поднялся, открывая знакомую декорацію, и сердце Обрэ учащенно забилось. Забили барабаны и рядъ молодыхъ дѣвушекъ понесся впередъ. Между ними была и Діамонда, которую очень мѣнялъ золотисто-рыжій парикъ и гибкія, томныя движенія восточнаго танца. Она взглянула на Обрэ. Сэръ Рёбенъ нагнулся впередъ и сталъ разсматривать ее въ бинокль. Ему хотѣлось знать, та ли это дѣвушка, которую онъ видѣлъ съ Обрэ въ воротахъ парка. У него невольно возникала мысль о пошлой интригѣ, а многолѣтній горькій опытъ нашептывалъ ему, что всѣ мужчины одинаковы. Онъ взглянулъ на Обрэ, и увидалъ, что его глаза устремлены на лэди Кэриль. Лэди Рангклифъ, очень рѣдко бывавшая въ театрѣ, была всецѣло поглощена происходившимъ на сценѣ. Она поворачивала голову, чтобы лучше слышать музыку, и, не отрываясь, смотрѣла въ бинокль.

— Эта танцовщица хорошо танцуетъ, Обрэ,—сказалъ сэръ Рёбенъ.

— Да, очень хорошо.

— Мнѣ хотѣлось бы знать, такая ли она и внѣ сцены,—

Digitized by Google

продолжалъ сэръ Рёбенъ, внимательно наблюдая за своимъ крестникомъ.

Обрэ ничего не отвѣтилъ. Онъ отвелъ глаза отъ лэди Кэриль и, казалось, слѣдилъ за представленіемъ.

— Вѣроятно она очень обыкновенная и неинтересная,—заключилъ сэръ Рёбенъ. Онъ замѣтилъ, какъ при этихъ его словахъ Обрэ покраснѣлъ,—и подумалъ: „Неужели онъ уже излечился?"

Передъ возможностью такого факта онъ вдругъ почувствовалъ презрѣніе къ своему крестнику. Когда кончился балетъ и занавѣсъ упалъ, то сэръ Рёбенъ сталъ разговаривать, между приступовъ кашля, съ лэди Рангклифъ. Лэди Кэриль сидѣла молча и, казалось, не обращала никакого вниманія на то, что многіе изъ публики разглядывали ее съ интересомъ. Молчалъ и Обрэ, думая о томъ состояніи возбужденнаго ожиданія, въ которомъ долженъ былъ находиться теперь Альфъ. Онъ взглянулъ на толпу людей, которые всѣ сливались въ одну темную массу подъ расписнымъ потолкомъ, сіявшимъ электрическими огнями. Гдѣ-нибудь среди этой публики сидѣла и Сузи съ маленькимъ Чарли. Обрэ представлялъ себѣ, какъ они должны были волноваться, и какъ гордились тѣмъ, что Альфъ—ихъ родственникъ. И въ самомъ дѣлѣ, дѣти сидѣли въ первомъ ряду галлереи за рѣшоткой и не замедлили сообщить своимъ сосѣдямъ, что близко заинтересованы въ предстоявшемъ представленіи. Вскорѣ всѣ уже знали, что маленькій мальчикъ и дѣвочка въ первомъ ряду, съ красными отъ волненія и сіявшими отъ радостнаго ожиданія лицами—приходились родственниками „чудо-Фликамъ" и жили въ самомъ тѣсномъ общеніи съ знаменитымъ Альфомъ. Всегда серьезно настроенному Бобу то-и-дѣло приходилось отвѣчать на вопросы, которые ему задавали сидѣвшія рядомъ съ ними лица изъ публики: мальчишки изъ райка, вдругъ сдѣлавшіеся необыкновенно почтительными, два солдата въ ярко-красныхъ мундирахъ, нѣсколько молодыхъ женщинъ въ нарядныхъ шляпкахъ и одна дородная дама съ золотыми серьгами и въ шолковой накидкѣ, объявившая, что „страсть какъ любитъ всякихъ смѣльчаковъ, все равно, кто бы они ни были!"

Къ концу балета возбужденное состояніе дѣтей еще усилилось. Они вытягивали шею изъ-за рѣшотки и пискливыми голосами давали объясненія публикѣ. Сузи, все замѣчавшая, какъ настоящая женщина, разсмотрѣла Обрэ въ ложѣ возлѣ сцены.

— Вонъ тамъ этотъ джентльменъ! — пропищала она. — Джентльменъ, который, помнишь, приходилъ къ намъ ужинать!

— А вонъ и эта *красавица*!—закричалъ Чарли, замѣтивъ

Digitized by Google

блѣдное лицо и золотистые, украшенные изумрудами волосы лэди Кэриль. Альфъ не скрывалъ своего обожанія, и разсказывалъ дѣтямъ о лэди Кэриль, представляя ее какой-то чудесной сказочной королевой. Бобъ, не утративъ своего степеннаго вида, все-таки нагнулся впередъ, чтобы посмотрѣть на нее, и глаза доброй половины публики на галлереѣ устремились на ложу сэра Ребена.

— Такихъ, какъ она, немного, ужъ это вѣрно!—сказалъ одинъ изъ солдатъ.

— Батюшки вы мои, что̀ за драгоцѣнные камни!—вскричала дородная дама въ шолковой накидкѣ и съ золотыми серьгами.—Небось, какія деньги-то за нихъ заплачены!

Въ это время надъ головами публики, сидѣвшей въ креслахъ внизу, была протянута, съ помощью невидимыхъ канатовъ и блоковъ, большая сѣтка. Надъ этой сѣткой покачивалась маленькая трапеція, съ которой свѣшивалась веревка.

— Онъ туда полѣзетъ! — закричалъ Чарли, внѣ себя отъ волненія.—Онъ полѣзетъ на потолокъ!

Занавѣсъ взвился, и семейство Фликовъ выпрыгнуло на авансцену, граціозно раскланиваясь и улыбаясь самоувѣренной и развязной улыбкой.

— А гдѣ же мальчикъ?—спросилъ одинъ изъ солдатъ.

— Его еще нѣтъ,—пропищалъ Чарли.—Онъ потомъ самъ *пойдетъ*. А это Вогсаль, *который зинаетъ* на моей *сестлѣ*.

И онъ весь покраснѣлъ, какъ горячій уголекъ, отъ гордости и самодовольства.

Къ великолѣпной фигурѣ Вогсала очень шло черное трико, расшитое серебромъ по рисунку, сдѣланному Лиль, о чемъ Суси поспѣшила сообщить окружающей публикѣ. Онъ стоялъ въ свободной позѣ послѣднимъ въ ряду родственниковъ, съ лицомъ, повернутымъ по направленію кулисъ. Съ минуту длилось молчаніе, и всѣ были неподвижны, послѣ чего, по знаку, данному Вогсаломъ, Альфъ выбѣжалъ на сцену, быстро семеня ногами, кивая головой съ прилизанными и намоченными волосами и посылая воздушные поцѣлуи. Обрэ увидалъ Діамонду и Лиль, выглядывавшихъ изъ-за кулисъ, чтобы видѣть новое торжество своего маленькаго брата. Онъ замѣтилъ также, какъ Діамонда украдкой бросила взглядъ на ихъ ложу. Ея большіе глаза остановились сначала на лэди Кэриль, а потомъ она перевела ихъ на него, и Обрэ вдругъ захотѣлось знать, не были ли вызваны эти два быстрые взгляда какимъ-нибудь вполнѣ женскимъ чувствомъ.

Лэди Рангклифъ, страстно любившая всякія упражненія, тре-

Digitized by Google

бующія большой силы и смѣлости, вся подалась впередъ, нервно подергивая головой.

— Этотъ мальчикъ отлично тренированъ,—сказала она.— На немъ нѣтъ ни золотника жира. Изъ него вышелъ бы прекрасный жокей. Не правда ли, Обрэ?

— Да, мама,—отвѣчалъ Обрэ, и обратился къ лэди Кэриль:

— Сегодня онъ будетъ дѣлать всѣ свои штуки только для васъ,—сказалъ онъ ей.

Она холодно улыбнулась Альфу, чтобы показать, что узнала его. Альфъ увидалъ эту улыбку, и его глаза засверкали при свѣтѣ рампы. Въ эту минуту онъ особенно гордился своей физической ловкостью, и это чувство гордости пробѣжало огнемъ по его жиламъ. Онъ зналъ, что Чарли, Сузи и Бобъ смотрѣли на него съ галлереи. Взглядывая искоса, онъ видѣлъ Лиль и Діамонду за кулисами. А королева брилліантовъ улыбалась ему изъ своей ложи. Это былъ величайшій день въ его жизни, и онъ чувствовалъ, что въ немъ зарождалось сверхъестественное возбужденіе и какая-то демоническая отвага. Ему хотѣлось совершить что-нибудь такое, чего прежде онъ никогда не пробовалъ. И подъ звуки музыки мозгъ его усиленно заработалъ. Машинально схватилъ онъ тамбуринъ, брошенный ему Вогсаломъ, и потрясая въ воздухѣ бубенчиками, сталъ ударять въ него, въ то время какъ его братья и отецъ исполняли первую фигуру. Онъ все время смотрѣлъ на лэди Кэриль. Ему хотѣлось сдѣлать такъ, чтобы ея щеки вспыхнули и глаза загорѣлись. Въ немъ проснулось страстное желаніе актера подчинить себѣ человѣка, который изъ всей публики наименѣе способенъ взволноваться. Онъ сразу увидалъ, опытнымъ, привыкшимъ къ толпѣ глазомъ, что своею смѣлостью легко приведетъ въ восторгъ даму въ черномъ съ рѣзкими чертами лица—мысленно онъ назвалъ ее безобразной,—сидѣвшую рядомъ съ лэди Кэриль. Но въ то же время онъ чувствовалъ, что долженъ совершить почти чудо, чтобы заставить затрепетать эту сказочную королеву. Всѣ эти мысли въ мгновеніе ока промелькнули въ его головѣ, сопровождаемыя звуками громкой музыки. Потомъ настала его очередь. Онъ отбросилъ въ сторону тамбуринъ, протянулъ руки, чтобы привлечь на себя вниманіе, завертѣлся кубаремъ, сдѣлалъ скачокъ въ воздухѣ и упалъ, какъ мертвое тѣло, на ноги своего отца. Руки его были прижаты къ туловищу, ноги вытянуты и большіе пальцы ногъ повернуты кверху. Это была знаменитая сцена съ мертвымъ тѣломъ: Альфа перебрасывали отъ одного родственника къ другому, подбрасывали высоко на воздухъ, бросали на самый край сцены, ставили

Digitized by Google

на большой палецъ ноги, запускали, какъ волчокъ, во всѣ четыре стороны и держали въ стоячемъ положеніи на головѣ, причемъ онъ все время сохранялъ упругость и неподвижность трупа. Эта сцена всегда пользовалась успѣхомъ и иногда повторялась, если аплодисменты бывали очень настойчивы. Альфъ и сегодня хотѣлъ бы, чтобы ее повторили, потому что, изображая мертвое тѣло, онъ имѣлъ время обдумывать смѣлый фокусъ, особенную, неподражаемую штуку, такое кувырканіе съ необыкновенной высоты, которое должно было, наконецъ, плѣнить эту волшебницу, съ огромнымъ драгоцѣннымъ камнемъ на бѣлоснѣжной груди.

Вогсалъ принялъ лежачее положеніе, и Альфа подбросили высоко на воздухъ по направленію къ нему. Все продолжая думать, Альфъ сдѣлалъ необходимое усиліе для того, чтобы перевернуться два раза на лету. Онъ упалъ какъ разъ на подставленныя подошвы ногъ Вогсала. Раздались громкіе аплодисменты. Альфъ едва обратилъ на нихъ вниманіе. Правда, это была новая трудная штука, и онъ надѣялся произвести ею сильное впечатлѣніе, но теперь, въ присутствіи этой равнодушной красавицы, этого казалось недостаточно. Вогсалъ высоко подбросилъ его, и онъ завертѣлся, какъ мячъ.

— Можно побожиться, что онъ неживой, — проговорила дама въ накидкѣ, добродушное лицо которой было все покрыто каплями пота. Чарли и Сузи сидѣли совершенно безмолвно. Широко-раскрытыми, неподвижными глазами смотрѣли они на своего великаго родственника, какъ смотрятъ на священное видѣніе.

Между тѣмъ Альфа продолжали крутить, вертѣть, катать и подбрасывать подъ непрерывные звуки веселой музыки. Онъ не могъ видѣть лэди Кэриль, а ему очень хотѣлось знать, слѣдитъ ли она за нимъ. Теперь, во всякомъ случаѣ, она обратитъ вниманіе, когда его станутъ поднимать къ потолку. Онъ въ послѣдній разъ взлетѣлъ высоко на воздухъ, весь изогнулся, перевернулся два раза и всталъ на подмостки, спокойно оглядывая безчисленную публику. Дыханіе его не ускорилось, щеки не покраснѣли. Онъ поклонился, по своему обыкновенію, бокомъ въ отвѣтъ на сильнѣйшіе аплодисменты и взглянулъ на ложу сэра Рёбена. Лэди Кэриль сидѣла опустивъ голову и глядѣла на свой изумрудъ. Кровь бросилась въ лицо мальчика, и онъ, тяжело дыша, отошелъ въ уголъ. Онъ не вышелъ оттуда, несмотря на требованія повторенія. Отецъ взглянулъ на него, но Альфъ только покачалъ головой. Старый Фликъ не настаивалъ. Онъ зналъ, что Альфъ никогда ничего не дѣлалъ на публичномъ представленіи

Digitized by Google

безъ основательной причины. На сцену выступилъ Вогсалъ, и гордость Чарли и Сузи была еще разъ удовлетворена горячимъ одобреніемъ окружавшей ихъ публики. Но симпатія галлереи, равно какъ и симпатія обитателей Милькъ-Корта, главнымъ образомъ все-таки принадлежала Альфу. Вогсалъ, при всей своей ловкости, не воспламенялъ публику до такой степени, какъ Альфъ, который своимъ крошечнымъ ростомъ и смѣлостью, доходившей до дервости, какъ-то особенно дѣйствовалъ на воображеніе толпы. Когда кончился „выходъ“ Вогсала, то семейство Фликовъ приготовилось къ „движущимся картинамъ“, какъ они ихъ называли. Въ этомъ представленіи принимали участіе всѣ шестеро: отецъ и пять сыновей. Это былъ настоящій блестящій калейдоскопъ. Фликъ-отецъ, могучій и коренастый, какъ вѣковой дубъ, служилъ великолѣпнымъ фундаментомъ для каждой новой фигуры. Сыновья карабкались по немъ, какъ кошки, цѣпляясь ногами за его широкія бедра, бросались къ нему на плечи и, въ свою очередь, помогали всѣмъ своимъ тѣломъ тѣмъ изъ братьевъ, которые лѣзли еще выше. Быстрота и та напряженная, почти яростная сила, съ которой составлялась и потомъ распадалась каждая фигура, ослѣпляла зрителей и производила впечатлѣніе быстраго движенія машины или фантастической игры огненныхъ языковъ.

Лэди Рангклифъ была совершенно поглощена представленіемъ. Она то-и-дѣло нервно подергивала головой и щурила свои близорукіе глаза. Но лэди Кэриль сохраняла полное спокойствіе. Сэръ Рёбенъ наблюдалъ за нею изъ глубины ложи. Вниманіе Обрэ было привлечено тѣмъ, что дѣлалось на сценѣ. Онъ былъ лично заинтересованъ въ представленіи, думалъ о Діамондѣ, сочувствовалъ горячему восторгу Чарли и Сузи, даже немного гордился, совершенно по-дѣтски, этимъ представленіемъ, потому что зналъ интимную жизнь всей семьи, всѣ ея безпокойства, ея сердечность и искренность.

Теперь настала очередь „выростающей лозы“. Фликъ выстроились на фонѣ большого холста, изображавшаго рѣшотку, вокругъ которой должна была обвиться виноградная лоза; Альфъ стоялъ спокойно, не принимая участія въ дѣйствіяхъ остальной семьи. Старшій Фликъ захлопалъ въ ладоши; Альфъ быстро повернулся, отошелъ, пятясь задомъ, къ рампѣ, разбѣжался, прыгнулъ къ отцу, вскарабкался къ нему на плечи, сталъ ему на голову, скользнулъ, съ поразительной быстротой, обвиваясь вокругъ ногъ и рукъ всѣхъ братьевъ и, наконецъ, достигъ высшей точки всей группы, гдѣ и принялъ видъ какого-то шара или виноградной кисти, согнувшись вдвое. Послѣдовала минутная

Digitized by Google

пауза, во время которой Фликн стояли неподвижно, какъ фигуры, вырѣзанныя изъ чернаго дерева, а скрипки въ оркестрѣ играли пронзительное tremolo. Потомъ раздался ударъ большого барабана. Этотъ могучій звукъ, казалось, встряхнулъ черную гроздь съ верхней вѣтки, и она покатилась внизъ. Толстая дама въ накидкѣ закричала отъ страха:

— Господи, онъ убьется! Расшибется на смерть!—взвизгнула она, закрывая разгоряченное лицо пухлыми руками.

Но вдругъ она услыхала взрывъ апплодисментовъ, и подняла голову. Фликн строились въ рядъ передъ рампой, весело улыбались и расланивались. Зазвонилъ звонокъ, и занавѣсъ медленно опустился, скрывая ихъ отъ зрителей. Дама въ накидкѣ вздохнула съ облегченіемъ.

— А я-то думала, что онъ убился до смерти!—пробормотала она. — Такъ и думала, что разбился въ куски. Вѣрно говорю.

Солдаты и всѣ окружавшіе смѣялись надъ ея волненіемъ, стучали ногами, пронзительно свистали и апплодировали. Сузи и Чарли стучали своими маленькими кулаками о перила, пока руки ихъ не сдѣлались совсѣмъ красными. Занавѣсъ снова взвился. Теперь настала очередь Альфа. Онъ выступилъ впередъ. Тамъ, высоко на галлерѣ, Бобъ, Сузи и Чарли трепетали отъ ожиданія. Даже старшій изъ нихъ, несмотря на свойственную ему сдержанность и серьезность, не могъ дольше скрывать своего волненія. За кулисами Лиль и Діамонда стояли неподвижно, устремивъ глаза на Альфа. Оркестръ пересталъ играть, и среди наступившаго молчанія Альфъ подбѣжалъ къ рампѣ, впрыгнувъ въ сѣтку, протянутую надъ партеромъ и, осторожно подвигаясь по ней, съ плавностью ловкаго танцора, достигъ веревки, спускавшейся съ трапеціи. Онъ схватилъ ее, подалъ знакъ, и его подняли на воздухъ. Ноги его были сжаты и все упругое, вытянутое тѣло покачивалось изъ стороны въ сторону. Поднимаясь такимъ образомъ къ трапеціи, висѣвшей какъ разъ по срединѣ между поломъ и потолкомъ огромнаго театра, онъ очутился въ уровень съ лэди Кэриль, которая, наконецъ, обратила на него вниманіе. Внезапно прекратившаяся музыка заставила ее поднять голову. Повидимому она забыла о своемъ изумрудѣ, сѣла такъ, чтобы лучше видѣть Альфа и, замѣтивъ, что онъ смотритъ на нее, слегка улыбнулась и сказала что-то Обрэ, стоявшему за ея кресломъ.

Порывъ неудержимой смѣлости охватилъ мальчика. Его мускулы напряглись, маленькія жесткія руки сильнѣе сжали веревку и все тѣло сдѣлалось какъ будто стальнымъ. Лэди Рангклифъ

Digitized by Google

поднесла бинокль къ глазамъ. Сэръ Рёбенъ вытянулъ шею, чтобы лучше видѣть. Альфъ достигъ трапеціи, схватилъ ее одной рукой, выпустилъ веревку, покачался въ воздухѣ, перебросилъ ногу черезъ перекладину и усѣлся на ней, спокойно оглядываясь кругомъ. Вогсалъ подошелъ къ самому краю сцены и стоялъ, подбоченившись и пристально глядя на брата съ безстрастнымъ выраженіемъ, подъ которымъ скрывались сильное волненіе и восхищеніе. Сузи прижалась къ Чарли. Ей, повидимому, становилось страшно. Чарли отодвинулся и отстранилъ ее локтемъ. Альфъ поглощалъ все его вниманіе, и онъ не хотѣлъ отвлекаться какими-то женскими глупостями. Бобъ сказалъ Сузи: „Ш-ш!", а дама въ накидкѣ прошептала два раза сдавленнымъ голосомъ: „Господи, Боже мой!" Сразу смолкшая музыка произвела какое-то жуткое впечатлѣніе на публику. Только маленькая фигурка въ черномъ трико съ серебряной вышивкой, царившая надъ толпою, имѣла беззаботный и безпечный видъ. Но зато какая жизнь трепетала въ ней, какой дикій вихрь юнаго счастья и отваги! Альфъ казался въ высотѣ какою-то черной птицей. Онъ точно парилъ надъ театромъ, выбирая мѣсто, чтобы камнемъ упасть съ высоты. Онъ даже посвистывалъ, какъ птица. Дама въ накидкѣ вздрогнула, услыхавъ этотъ ясный, тонкій звукъ.

Ея нервная система была чувствительнѣе, чѣмъ можно было предположить, судя по ея наружности. Вогсалъ услыхалъ свистъ и отвѣтилъ на него. Снизу продолжали тянуть веревку, и тонкая трапеція, на которой сидѣль Альфъ, скользила незамѣтно все выше, къ огнямъ, горѣвшимъ на потолкѣ. Всѣ сидѣвшіе въ переднихъ рядахъ креселъ повернули головы и подняли лица, принявшія странный бѣловатый оттѣнокъ отъ холоднаго свѣта электрическихъ лампъ. Волненіе Сузи, Чарли и даже Боба—хотя онъ тщательно скрывалъ это—достигло высшей степени, когда ихъ знаменитый родственникъ, поднявшись на одинъ уровень съ ними, осчастливилъ ихъ, дружески кивнувъ имъ головою (это было замѣчено всѣми окружавшими) и сталъ подниматься еще выше, къ расписному потолку, на фонѣ котораго казался маленькой черной мушкой.

Сузи сжала маленькую, влажную руку Чарли, издавъ какой-то дѣтскій звукъ: не то вздохъ, не то кряхтѣнье. Дама въ накидкѣ стала шумно дышать.

— Къ чему это еще потащили туда ребенка, что̀ ему тамъ дѣлать?—проговорила она, скатывая въ комочекъ свой носовой платокъ и видимо страдая отъ страха.—Голова кружится смотрѣть на него. Что̀ такое онъ будетъ тамъ дѣлать?

Digitized by Google

— Онъ прыгнетъ внизъ на сѣтку,—сказалъ Бобъ, стараясь говорить спокойно, какъ подобаетъ всякому вполнѣ серьезному молодому человѣку.

— Прыгнетъ — что?! Да онъ убьется, онъ себѣ шею сломитъ!—воскликнула толстая дама, закрывая глаза одной рукой, а другой хватаясь за голову.

Бобъ улыбнулся.

— О! съ Альфомъ никогда не можетъ случиться никакого несчастья!—отвѣчалъ онъ.—Онъ ничего не боится,—ему это все равно, что вамъ спрыгнуть со стула, сударыня.

— Съ Альфомъ никогда не будетъ несчастнаго *случія*!—пропищалъ Чарли.—Ахъ! ахъ!

Въ оркестрѣ вдругъ раздался ударъ барабана, рѣзкій и короткій. Альфъ всталъ на трапецію. Вогсалъ выступилъ на шагъ впередъ, не спуская глазъ съ своего маленькаго брата, который готовился нырнуть внизъ головою въ сѣтку, сдѣлавъ на лету два опасныхъ скачка. Чтобы сдѣлать все это, Альфъ долженъ былъ стать лицомъ къ сценѣ, и теперь онъ становился, устремивъ глаза на лэди Кэриль, которая была видна ему тамъ, далеко внизу. Раздался глухой бой барабановъ; онъ усиливался, переходилъ въ гулкій громъ и снова затихалъ зловѣщимъ ропотомъ. Вогсалъ захлопалъ въ ладоши, подавая этимъ сигналъ. Вдругъ Альфъ перевернулся на трапеціи и сталъ лицомъ въ противоположную сторону. Вогсалъ вздрогнулъ отъ изумленія.

— Что это онъ задумалъ? — прошепталъ Фликъ-отецъ, сохраняя на лицѣ стереотипную улыбку, съ которой онъ всегда обращался къ публикѣ. Вогсалъ покачалъ головой. Глухой грохотъ барабановъ усилился. Альфъ отнялъ одну руку отъ красной веревки, на которой висѣла трапеція.

— Господи! — прошепталъ Вогсалъ:—онъ хочетъ прыгнуть назадъ! вотъ дьяволёнокъ!—и его неподвижное, какъ бы каменное лицо густо покраснѣло отъ волненія.

Грохотъ барабановъ все усиливался. Альфъ наклонился, отнялъ и другую руку отъ веревки и прыгнулъ назадъ.

Въ воздухѣ блеснуло серебро, и тѣло мальчика съ глухимъ стукомъ упало въ сѣтку. Напряженно ожидавшая толпа разразилась бурей рукоплесканій. Вогсалъ подошелъ къ краю сѣтки, чтобы подать Альфу руку, когда онъ будетъ перескакивать на сцену. Но Альфъ лежалъ неподвижно, вытянувшись въ сѣткѣ надъ цѣлымъ моремъ блѣдныхъ, повернутыхъ кверху лицъ.

— Ишь, бѣсенокъ! Какъ притворяется, чтобы напугать ихъ!—прошепталъ Вогсалъ братьямъ, вытянувшимся въ рядъ сзади него.

Digitized by Google

Онъ привыкъ къ проказамъ Альфа. Братья улыбнулись. Вдругъ аплодисменты смолкли; слышался только зловѣщій бой барабановъ. Публика на галлереѣ и въ ложахъ нагибалась, чтобы заглянуть въ сѣтку. Полная дама, въ накидкѣ, отняла свою пухлую руку отъ глазъ и сказала:

— Слава Богу! Я такъ рада, что это кончилось. Я нахожу, что это просто жестоко, и такія вещи нужно запрещать,—вѣрно я говорю!

Бой барабановъ прекратился. Удивленные и испуганные барабанщики опустили свои палочки. Краска исчезла съ лица Вогсала; молча прыгнулъ онъ въ сѣтку и наклонился надъ Альфомъ.

— Вылѣзай же, Альфъ!—проговорилъ онъ.—Ты ихъ всѣхъ напугалъ!

— Возьми меня на руки!—прошепталъ Альфъ.

Губы у него совершенно побѣлѣли.

— Господи!—выговорилъ Вогсалъ.

Онъ нагнулся и взялъ брата на руки. Потомъ, переступая по сѣткѣ колеблющимися шагами и невольно подпрыгивая на ходу, онъ понесъ Альфа къ сценѣ надъ головами публики, глядѣвшей на нихъ съ испуганнымъ удивленіемъ.

— Поставь меня на ноги,—прошепталъ Альфъ.—Слышишь, Вогсъ? Я хочу раскланяться на вызовы.

Вогсалъ сталъ поддерживать его въ стоячемъ положеніи. Онъ улыбнулся, поднялъ руку, послалъ воздушный поцѣлуй, хотѣлъ наклонить голову, но не могъ.

— Господи! Какъ больно!—прошепталъ онъ.

Занавѣсъ упалъ; никто не аплодировалъ. Всѣ были испуганы. Воцарилась глубокая тишина.

Черезъ минуту или двѣ занавѣсъ немного оттащили назадъ, и высокій, весь лоснящійся господинъ, во фракѣ и съ блестящимъ цилиндромъ въ рукахъ, подошелъ къ рампѣ. Онъ поднялъ свою большую, пухлую руку, на которой блестѣлъ огромный брилліантовый перстень.

— Нѣтъ ли въ театрѣ доктора? — сказалъ онъ громко. — Если есть, то дирекція покорнѣйше проситъ его пожаловать за кулисы.

III.

Около полуночи лэди Кэриль разговаривала съ принцемъ. Онъ отпускалъ ей множество довольно тяжеловѣсныхъ компли-

Digitized by Google

ментовъ и, произнося ихъ, не спускалъ глазъ съ ея огромнаго изумруда. Позднѣе, онъ сказалъ хозяйкѣ дома:

— У принцессы нѣтъ такихъ великолѣпныхъ драгоцѣнныхъ камней, какъ у лэди Кэриль. Сэръ Рёбенъ—или второй Монте-Кристо, или же открылъ философскій камень, превращающій все въ золото.

Хозяйка дома улыбнулась довольно двусмысленно. У нея былъ при этомъ такой лукавый видъ, что любопытство принца еще болѣе разгорѣлось. Онъ любилъ узнавать раньше другихъ лондонскія сплетни.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ онъ въ полголоса, отстраняясь отъ горячей перепелки, лежавшей у него на тарелкѣ.

Хозяйка дома нагнулась къ нему черезъ цвѣты.

— Говорятъ, ваше высочество,—прошептала она,—что сэръ Рёбенъ не похожъ на Монте-Кристо. У героя Дюма источники доходовъ не были ограничены.

— А-а! Ну, а у сэра Рёбена?

— Въ Сити говорятъ, что если онъ еще долго проживетъ, то разорится.

Принцъ посмотрѣлъ на сэра Рёбена, ужинавшаго за сосѣднимъ столомъ.

— У него не такой видъ, чтобы онъ могъ промотать свое состояніе.

— По натурѣ онъ не таковъ, но онъ во власти очень странной женщины.

Принцъ улыбнулся и рѣшилъ поближе познакомиться съ лэди Кэриль.

Обрэ за ужиномъ не было. Онъ появился въ танцовальномъ залѣ около часа ночи, какъ-разъ въ то время, когда лэди Кэриль и ея мужъ собирались уѣзжать. Онъ былъ очень блѣденъ и вѣки его покраснѣли. Поздоровавшись съ хозяйкой дома, онъ прямо подошелъ къ лэди Кэриль.

— Пожалуйста, я долженъ вамъ сказать два слова,—проговорилъ онъ.—Пойдемте, сядемъ.

Онъ отвелъ ее въ оконную нишу. Оркестръ игралъ вальсъ.

— Кэриль,—сказалъ Обрэ нетвердымъ голосомъ:—бѣдный мальчикъ умираетъ.

— Какой ужасъ!—проговорила она.

Въ ея лицѣ появилось выраженіе спокойной жалости.

— Я такъ и думала, что онъ серьезно пострадалъ.

Она бросила взглядъ на танцующихъ. Дама съ удивительными брилліантами въ волосахъ пронеслась, вальсируя, мимо

Digitized by Google

оконной ниши, въ которой они сидѣли. Свѣтъ люстры упалъ на драгоцѣнные камни. Они засверкали. Лэди Кэриль слегка нагнулась впередъ, чтобы лучше разсмотрѣть даму.

— Какъ это грустно!—прибавила она.

— Въ самомъ дѣлѣ ужасно!—повторилъ Обрэ взволнованно.

Звуки вальса вызывали въ немъ чувство тошноты. Ощущеніе было совершенно физическое.

— У него какое-то страшное внутреннее поврежденіе,—продолжалъ онъ,—причиняющее жестокія боли. Сначала думали сдѣлать операцію... Какъ этотъ оркестръ невыносимо громко играетъ!

— Да. Это мода въ этомъ году. Бѣдный мальчикъ!

— Потомъ рѣшили, что операція, все равно, его не спасетъ.

Обрэ прочистилъ себѣ горло, какъ будто охрипъ отъ простуды. У него на лбу выступили капли пота.

— Вѣроятно, нигдѣ оконъ не отворено,— сказалъ онъ съ раздраженіемъ.—Невыносимо жарко!

— Я этого не чувствую, — возразила лэди Кэриль. — Мы только-что собрались уѣзжать.

— Тѣмъ лучше, потому что, видите ли, онъ, вѣроятно, умретъ рано утромъ.

— Какъ, утромъ?

— Да.

— Какой ужасъ!

— Онъ желаетъ... ему хотѣлось бы... Вы знаете, у умирающихъ являются странныя фантазіи...

— Въ самомъ дѣлѣ? Я не люблю думать о смерти.

Въ тонѣ ея голоса послышалось нѣкоторое упорство. Обрэ этого не замѣтилъ. Онъ былъ мучительно возбужденъ, хотя казался спокойнымъ и сидѣлъ неподвижно рядомъ съ нею.

— Его отвезли домой, въ... въ Милькъ-Кортъ. Это близко отъ театра, то-есть, не очень далеко. Послушайте, Кэриль,—вы не захотите туда поѣхать сейчасъ?

Она сдѣлала движеніе, и ея платье слегка зашуршало.

— Я!—проговорила она быстро.—Зачѣмъ? Для чего? Что-жъ я могу сдѣлать?

— Конечно, ничего, чтобы спасти его, бѣдняжку.

— Ну, да, вотъ именно. Эти вещи ужасны, но ничего не подѣлаешь. При немъ есть докторъ, конечно?

Дама съ удивительными бриллiантами опять пронеслась мимо нихъ. Лэди Кэриль внимательно прослѣдила за нею глазами.

Digitized by Google

— Докторъ ничего не можетъ подѣлать. Кэриль, онъ васъ хочетъ видѣть.

— Меня?

Обрэ снова откашлялся.

— Моя мать уже тамъ. Она вѣдь отлично умѣетъ ухаживать.

— А я совсѣмъ не умѣю.

— Не въ этомъ дѣло. Онъ именно видѣть васъ хочетъ.

— Но, право, это странно! Зачѣмъ?

Съ каждой фразой ея голосъ звучалъ холоднѣе.

— Зачѣмъ? Затѣмъ, что, видите ли, Кэриль, онъ сдѣлалъ этотъ прыжокъ, отъ котораго онъ умретъ черезъ нѣсколько часовъ... онъ сдѣлалъ его для васъ, несчастный! Онъ не подготовился къ нему. Онъ думалъ... онъ хотѣлъ...

Обрэ остановился и плотно сжалъ губы. Онъ сердился на самого себя. Наконецъ, онъ проговорилъ очень быстро:

— Онъ хотѣлъ сдѣлать что-нибудь необыкновенное, чтобы понравиться вамъ.

— Какъ это странно!

— Это было просто безуміе, но онъ самый... я никогда не видалъ болѣе смѣлаго мальчика. И вотъ теперь онъ поплатился за это. Но передъ смертью онъ хочетъ васъ видѣть. Послушайте, Кэриль, вы не пугайтесь. Тамъ нѣтъ ничего такого... ужаснаго. Это поврежденіе—вѣдь оно внутреннее, вы понимаете. У него такой же видъ, какъ обыкновенно, увѣряю васъ—только онъ очень блѣденъ. Онъ совершенно...

— Я не могу ѣхать,—сказала лэди Кэриль, и лицо ея исказилось выраженіемъ отвращенія.

— Но, Кэриль...

— Я не могу... я не могу!—Она произнесла это рѣзко.

— Но, Кэриль, почему же? Заѣзжайте хоть на нѣсколько минутъ. Ему хочется, чтобы вы ему сказали... вы... ему... это дико, я знаю... онъ хочетъ, чтобы вы ему сказали, что вамъ было интересно въ театрѣ... понимаете... что его представленіе доставило вамъ удовольствіе.

— Да, да. Вы ему это и скажите. Поѣзжайте и скажите ему это. Бѣдный мальчикъ!

Она отколола нѣсколько бѣлыхъ лилій отъ своего корсажа.

— Вотъ, возьмите и передайте ихъ ему вмѣстѣ съ моимъ привѣтомъ. Скажите, что онѣ были на мнѣ весь вечеръ, и что я ихъ ему посылаю, что я опечалена... огорчена... что мнѣ очень понравилось его представленіе... что я нахожу его чудес-

Digitized by Google

нымъ... Рёбенъ, Рёбенъ!—позвала она мужа.—Поѣдемъ домой. До свиданія, м-ръ Геррикъ!

— Зачѣмъ ты дала Обрэ лиліи? — спросилъ сэръ Рёбенъ, когда они садились въ карету.

— Я просила его передать ихъ этому бѣдному мальчику. Онъ сильно расшибся. Я подумала, что цвѣты доставятъ ему удовольствіе, утѣшатъ его, можетъ быть.

— Кэриль!

Въ каретѣ было темно, но по голосу было слышно, что сэръ Рёбенъ растроганъ. Онъ взялъ жену за руку.

— Вотъ какая ты добрая!

И по тону его голоса можно было заключить, что онъ немного удивленъ.

— Я надѣюсь, что это не кончится плохо,—продолжалъ онъ.

— О, я тоже надѣюсь. Съ акробатами вѣдь часто бываютъ такіе случаи, не правда ли?.. и потомъ они поправляются?

— Конечно. Дастъ Богъ, и на этотъ разъ все кончится благополучно. Я радъ, что ты послала эти лиліи.

Онъ поцѣловалъ ее въ темнотѣ кареты, и почувствовалъ, что щека ея болѣе горяча, чѣмъ обыкновенно.

IV.

Обрэ вышелъ въ Портманъ-Сквэръ, держа въ рукахъ лиліи лэди Кэриль. Ихъ душный, нездоровый ароматъ производилъ на него впечатлѣніе чего-то искусственнаго. Онъ чувствовалъ, что ненавидитъ эти цвѣты, но держалъ ихъ очень осторожно, стоя на мостовой, передъ рядомъ каретъ съ зажженными фонарями. Человѣкъ побѣжалъ ему за извозчикомъ. Дожидаясь его, онъ слышалъ еще звуки оркестра, игравшаго лансье. Лакеи, стоявшіе кучкой у дверей, смотрѣли на цвѣты, которые онъ держалъ въ рукахъ, перешептывались и улыбались. Обрэ обрадовался, когда, наконецъ, подъѣхалъ извозчикъ.

Весь погруженный въ свои мысли, откинулся онъ на спинку экипажа, и даже вздрогнулъ, услыхавъ неожиданно голосъ извозчика:

— Куда прикажете, сэръ?

— Поѣзжайте въ Милькъ-Кортъ, Грэмъ-Стритъ, — сказалъ онъ.

— Куда, сэръ? — переспросилъ извозчикъ удивленнымъ голосомъ.

Digitized by Google

— Милькъ-Кортъ, близъ Чампіонъ-Сквэра. Поѣзжайте какъ можно скорѣе!

— Вотъ такъ штука! — пробормотатъ извозчикъ, закрывая дверцу маленькаго окошечка, черезъ которое говорилъ.—Милькъ-Кортъ!

Онъ стегнулъ лошадей, и рядъ ожидавшихъ каретъ промелькнулъ и исчезъ изъ глазъ. Обрэ не смотрѣлъ кругомъ. Тяжелый ароматъ лилій раздражалъ его нервы. Онъ подумалъ о томъ, гдѣ эти лиліи будутъ скоро лежать, и снова испыталъ желаніе, часто являвшееся у него и прежде: ему хотѣлось узнать, чувствуютъ ли что-нибудь цвѣты. Если чувствуютъ, то какими безпомощными должны они сознавать себя въ рукахъ людей! Эти лиліи взяли изъ бальнаго зала, чтобы положить ихъ, быть можетъ очень скоро, на грудь мертвеца.

— Это Чампіонъ-Сквэръ, сэръ,—раздался голосъ извозчика.—Точно-то я не знаю, гдѣ Грэмъ.

Обрэ далъ ему указанія, куда ѣхать, и скоро показались высокія, красныя съ бѣлымъ строенія Милькъ-Корта.

Подойдя къ большому дому, въ которомъ жили Слэги, Обрэ испыталъ чувство трусости, почти ужаса. Ему казалось, что горе надвигается на него какъ непобѣдимый врагъ. Онъ простоялъ нѣсколько времени во дворѣ, прежде чѣмъ собрался съ духомъ и рѣшился постучать въ ту дверь, въ которую въ первый разъ ввела его Діамонда, вечеромъ въ день своего рожденія. Ему необыкновенно ясно вспомнился этотъ вечеръ: счастливая группа родственниковъ, собравшаяся у огня, картина на стѣнѣ, изображавшая туристку въ пелеринкѣ; вспомнились замѣчанія присутствовавшихъ и ясно представилась фигура Альфа въ то время, какъ онъ соскальзывалъ со спинки стула къ столу, накрытому для ужина. Все это вспомнилось такъ живо—и вмѣстѣ съ тѣмъ казалось такимъ далекимъ. Наконецъ онъ постучалъ въ дверь. Немедленно послышался звукъ шаговъ, и Бобъ слегка пріотворилъ дверь.

— Она не пріѣхала, сэръ?—спросилъ онъ съ безпокойствомъ, увидавъ что Обрэ стоитъ одинъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Обрэ, переступая черезъ порогъ.

Бобъ взглянулъ на лиліи.

— Когда же она пріѣдетъ, сэръ?

Обрэ покачалъ головой.

— Какъ!—вырвалось у Боба.—Вѣдь онъ просто—я ужъ и не знаю...

Обрэ направился въ гостиную, дверь которой была полу-

Digitized by Google

открыта. Оттуда доносился шопотъ голосовъ. Войдя, Обрэ увидалъ, что комната полна народа. Всѣ стояли, какъ будто ожидая, что ихъ сейчасъ позовутъ. Всѣ Фликн были въ сборѣ, кромѣ Вогсала. М-съ Слэгъ и Лиль плакали, уткнувши лицо въ платокъ. М-ръ Слэгъ, страшно блѣдный и съ остановившимися глазами, выпятилъ впередъ губы и какъ будто собирался засвистать. Когда Обрэ вошелъ въ комнату, то шопотъ сразу стихъ, и всѣ устремили глаза на него и на его лиліи. Только обѣ женщины, едва взглянувъ на него, продолжали плакать, отвернувшись къ стѣнѣ. Было что-то страшное въ этой кучкѣ молчаливо выжидающихъ людей.

М-ръ Слэгъ первый прервалъ молчаніе. Неестественно тихимъ голосомъ, какимъ говорятъ въ церкви, онъ спросилъ:

— М-ръ Геррикъ, сэръ, такъ, значитъ, эта лэди не пріѣдетъ?

— Она... она не можетъ пріѣхать,—сказалъ Обрэ, тщетно стараясь принять непринужденный видъ.—Она прислала вотъ эти цвѣты. Она очень опечалена и огорчена.

Какими холодными и пустыми показались ему самому эти слова!

— Ну, что̀ Альфъ?—спросилъ онъ.

М-ръ Слэгъ опять сжалъ и выпятилъ губы.

— Плохо, очень плохо, сэръ. Докторъ, кажется, сейчасъ выйдетъ. Онъ не можетъ ничего подѣлать.

Наступившее молчаніе было прервано приходомъ доктора. Онъ тихо вошелъ, застегивая перчатки. Это былъ пожилой, крѣпко сложенный человѣкъ съ добродушнымъ лицомъ. Всѣ глаза устремились на него. Даже обѣ женщины повернули къ нему свои заплаканныя лица. Онъ взялъ м-ра Слэга подъ руку и увелъ его въ коридоръ. Было слышно, какъ они тамъ шептались, потомъ донесся звукъ удаляющихся шаговъ и тихо закрывшейся двери.

М-ръ Слэгъ вернулся въ комнату, оглядѣлъ присутствовавшихъ и откашлялся, точно собирался говорить рѣчь. Онъ произнесъ торжественно:

— Докторъ говоритъ, что ему нечего дѣлать. Онъ придетъ еще разъ утромъ—если понадобится.

М-ръ Фликъ вдругъ обернулся къ нему и сказалъ съ глухимъ раздраженіемъ.

— Понадобится! Что̀ онъ подъ этимъ разумѣетъ? Конечно, понадобится.

— Видишь ли,—м-ръ Слэгъ, казалось, собирался съ силами, чтобы сдѣлать что-то необычайно трудное:—видишь ли,—по-

Digitized by Google

вторилъ онъ,—я ужъ тебѣ прямо скажу, Самъ. Мертвому докторовъ не нужно.

М-ръ Фликъ приподнялся со стула. Обрэ показалось, что онъ готовъ ударить Слэга. Потомъ онъ опять упалъ на стулъ, вытянулъ свои могучія руки и уронилъ на нихъ голову. Въ коридорѣ послышался легкій шелестъ, и лэди Рангклифъ просунула голову въ дверь.

— Пожалуйста, подите сюда!—сказала она, обращаясь къ женщинамъ.—Нужно поскорѣе согрѣть еще припарку.

Лиль поднялась вся дрожа.

— Пойдемъ, мама!—проговорила она сквозь рыданія.

Она взяла мать подъ руку. М-съ Слэгъ встала и послѣдовала съ ней въ кухню. Лэди Рангклифъ прослѣдила за ними глазами и сдѣлала знакъ Обрэ, чтобы онъ вышелъ къ ней въ коридоръ. Обрэ повиновался и заперъ за собою дверь. Въ коридорѣ было довольно темно. Лэди Рангклифъ стояла рядомъ съ сыномъ совсѣмъ близко и глядѣла ему въ лицо своими близорукими глазами.

— Гдѣ же она, Обрэ?—спросила она, нервно подергивая головой.—Онъ все спрашиваетъ, когда она пріѣдетъ.

Обрэ густо покраснѣлъ. Одно мгновеніе онъ колебался. Потомъ, въ первый разъ въ жизни, онъ сказалъ своей матери сознательную ложь.

— Мама, я нашелъ, что не слѣдуетъ привозить ее сюда.

— Почему, Обрэ? — спросила лэди Рангклифъ, наклоняя голову, чтобы лучше слышать.

— Я нашелъ, что ей лучше не пріѣзжать. Она слишкомъ молода. Она еще никогда... никогда не видала (голосъ его перешелъ въ шопотъ)... смерти.

— Ты хочешь сказать, что не просилъ ее пріѣхать?—сказала лэди Рангклифъ, нарочно пристально глядя въ лицо сына.

Обрэ наклонилъ голову и протянулъ ей лиліи.

— Она была ужасно огорчена и прислала вотъ эти цвѣты. Она отколола ихъ отъ своего платья, чтобы прислать ему.

Но лэди Рангклифъ не взяла лиліи. Она стояла неподвижно, и лицо ея въ полумракѣ приняло странно суровое выраженіе. Она указала ему на боковую дверь.

— Обрэ, ты можешь повторить ему эту ложь,—сказала она.—Да... постарайся... сдѣлай такъ, чтобы онъ повѣрилъ. Не нужно его больше мучить.

И она быстро замигала глазами, уходя въ кухню.

Обрэ остался одинъ въ коридорѣ, колеблясь и не зная,

Digitized by Google

что̀ дѣлать. Его вдругъ стали одолѣвать тоска и усталость. Черезъ минуту онъ машинально пошелъ за матерью и заглянулъ черезъ дверь въ кухню.

Тамъ былъ разведенъ огонь. Раскаленные уголья ярко освѣщали очагъ. Лэди Рангклифъ стояла у кухоннаго стола, дожидаясь припарки. Передъ нею былъ разложенъ кусокъ кисеи. Фамильныя драгоцѣнности, украшавшія ея длинную, тонкую шею, сверкали при огнѣ.

Стоя въ ожиданіи, она то-и-дѣло подергивала головой, и тѣнь, отбрасываемая на стѣнѣ ея фигурой, повторяла то же движеніе,—только тѣнь производила болѣе комичное, безобразное впечатлѣніе. М-съ Слэгъ и Лиль были заняты подогрѣваніемъ овсяной муки и сопровождали свою работу рыданіями.

— Дай мнѣ, пожалуйста, ложку, мама!—проговорила Лиль, всхлипывая.

— Какую ложку, Лиль?—спросила та едва слышно.

— Деревянную. Ахъ, мама,—это убьетъ Вогсала! Ахъ, это его убьетъ!

Овсяная мука начала дымиться.

Обрэ, стоя въ дверяхъ, почувствовалъ ея запахъ.

— Что̀, уже горячо?—спросила лэди Рангклифъ дѣловымъ тономъ.

— Да, милэди,—всхлипнула Лиль.

— Ну, отлично. Несите ее сюда, я заверну въ кисею.

Лиль взяла деревянную ложку и, переложивъ муку на тарелку, понесла ее къ столу, но ея руки такъ дрожали, что тарелка выскользнула, упала на полъ и разбилась. Молодая женщина бросилась на стулъ и разразилась истерическими рыданіями, повторяя:

— Не могу я, не могу... О, Альфъ! Альфъ!

Лэди Рангклифъ опустилась на колѣни, быстро собрала муку и завернула ее въ кисею. Потомъ взяла другую тарелку, положила на нее припарку и направилась къ дверямъ. Но прежде чѣмъ уйти, она подошла къ Лиль, нагнулась къ ней, поцѣловала и сказала:

— Ничего, моя милая. Постарайтесь быть твердой. Вспомните, что мы должны сдѣлать все отъ насъ зависящее, чтобы облегчить его страданія.

— Да, да,—проговорила Лиль.—Но только это такъ ужасно! Я такъ боюсь...

Обрэ былъ понятенъ ея страхъ. Ему казалось, что узкій

Digitized by Google

коридоръ, въ которомъ онъ стоялъ, былъ весь полонъ какого-то ужаса. Проходя мимо сына, лэди Рангклифъ остановилась.

— Когда я положу ему эту припарку, то ты можешь войти, Обрэ,—сказала она.—Это облегчитъ его на нѣсколько минутъ. Бѣдный ребенокъ! Онъ мужественъ, какъ левъ—такая сила воли!—И она ушла, оставляя за собою легкіе клубы пара отъ горячей муки. Черезъ три или четыре минуты она вернулась.

— Теперь можешь войти,—прошептала она.

Обрэ двинулся по коридору, ожидая чего-то ужаснаго. Подойдя къ двери той комнаты, гдѣ лежалъ Альфъ, онъ постучалъ. Діамонда отворила дверь. У нея всегда было блѣдное лицо, и теперь она была все та же, только въ ея широко раскрытыхъ глазахъ появилось особенно напряженное выраженіе. Увидавъ Обрэ, она кивнула ему и посмотрѣла на лилін.

— Онъ васъ спрашиваетъ,—прошептала она.—Онъ уже знаетъ, что она не пріѣдетъ.

Обрэ снова почувствовалъ тотъ же острый стыдъ, который испыталъ, когда солгалъ своей матери.

— Вогсъ здѣсь,—продолжала Діамонда.—Онъ не хочетъ уйти ни на минуту.

Она шире растворила дверь, и Обрэ вошелъ въ комнату. Стѣны ея были оклеены дешевыми сѣрыми обоями съ разбросанными по нимъ пучками красныхъ цвѣтовъ. Возлѣ одного изъ узкихъ оконъ, выходившихъ во дворъ, стоялъ рукомойникъ съ мѣднымъ тазомъ. У этого же окна, опираясь въ стѣну спиной, стоялъ Вогсалъ. Онъ снялъ пальто и въ своемъ черномъ съ серебромъ костюмѣ производилъ странное, неподходящее и театральное впечатлѣніе, какъ будто нарядился для какой-нибудь игры или маскарада. Его сильныя, мускулистыя руки были скрещены на могучей груди, и онъ стоялъ совершенно неподвижно, устремивъ глаза на узкую желѣзную кровать, на которой лежалъ его братъ.

Обрэ тоже взглянулъ туда съ чувствомъ мучительнаго страха. Онъ смутно ожидалъ увидѣть что-то ужасное, что собственно—онъ самъ не зналъ.

Альфъ лежалъ на спинѣ; голова его ушла въ мягкую подушку, которая, приподнимаясь вокругъ лица, на половину закрывала уши. Волосы его все еще были прилизаны и прилѣплены ко лбу, покрытому потомъ. Лицо его было совсѣмъ бѣлое. Чтобы облегчить немного невыносимую боль, онъ подобралъ колѣни подъ пестрымъ одѣяломъ, такъ что ступни его ногъ стояли прямо на простынѣ. Его руки были вытянуты вдоль ту-

Digitized by Google

ловища и пальцы судорожно сжаты, а ротъ полу-открытъ. Отъ времени до времени онъ начиналъ тяжело дышать. Когда Обрэ посмотрѣлъ на него, то онъ чуть-чуть повернулъ голову и попробовалъ кивнуть. Возлѣ кровати стоялъ камышевый стулъ.

— Садитесь, сэръ,—сказалъ Альфъ. — Голосъ его звучалъ какъ обыкновенно, только въ немъ слышалась какая-то сухость.

Обрэ сѣлъ. Альфъ вопросительно посмотрѣлъ на лиліи. Обрэ тихонько положилъ ихъ ему на кровать.

— Зачѣмъ это?—спросилъ Альфъ, глядя на цвѣты, но не трогая ихъ.

Обрэ почувствовалъ, что недостаточно владѣетъ своимъ голосомъ, и потому ничего не отвѣтилъ.

— Ну, что же, сэръ?—спросилъ Альфъ.

— Это она прислала ихъ вамъ въ знакъ своей дружбы.

— Она... какъ, эта лэди?

— Да. Эти цвѣты были на ней. Она отколола ихъ отъ своего платья и дала ихъ мнѣ, чтобы я отвезъ ихъ вамъ.

— А! — произнесъ Альфъ и, съ усиліемъ взглянувъ вбокъ на своего брата, прибавилъ:

— Выйди на минуту, Вогсъ. Хорошо?

Вогсалъ отрицательно покачалъ головой.

— Да, Вогсъ, прошу тебя,—сказалъ Альфъ капризно, двигая нетерпѣливо ногами подъ одѣяломъ.—Говорю тебѣ, уйди!

— Зачѣмъ?—спросилъ Вогсалъ, не двигаясь.

— Я хочу поговорить съ...

Онъ не договорилъ и заскрежеталъ зубами. Все лицо его исказилось.

Обрэ содрогнулся.

— Ради Бога, лежи смирно, Альфъ, и не разговаривай!— сказалъ Вогсалъ. Онъ тоже весь дрожалъ.

Въ комнатѣ наступила тишина. Капли пота сбѣгали со лба Альфа и текли по щекамъ. Онъ судорожно сжималъ руками стеганое одѣяло. Глаза его были устремлены въ потолокъ. На лицѣ его было сердитое выраженіе. Наконецъ онъ опять повторилъ:

— Уходи, Вогсъ, уходи!

На этотъ разъ въ его голосѣ было что-то такое, что заставило его брата послушаться. Онъ тихо направился къ двери, открылъ ее и вышелъ, не оглянувшись. Альфъ посмотрѣлъ на Обрэ и на лиліи.

— Значитъ, она не пріѣдетъ,—сказалъ онъ.

Обрэ покачалъ головой. Онъ не былъ въ состояніи передать словами отказъ лэди Кэриль.

Digitized by Google

— А почему она не пріѣдетъ?—спросилъ Альфъ.—А?

Ему на минуту стало легче и онъ разжалъ пальцы.

— Было очень поздно,—заикаясь, пробормоталъ Обрэ.

Онъ все-таки не могъ послушаться матери. Онъ не могъ произнести лжи этому маленькому существу, стоявшему на порогѣ великой истины.

— Ей не захотѣлось пріѣхать,—сказалъ Альфъ.

Онъ помолчалъ, и потомъ прибавилъ:

— Но все равно. Это не важно.

Произнося эти слова, онъ сдѣлалъ умышленное или нечаянное движеніе, и лиліи лэди Кэриль упали съ постели на полъ. Онъ, казалось, не замѣтилъ этого. Безумная жалость овладѣла Обрэ.

— Она можетъ пріѣхать завтра,—сказалъ онъ.

— Ну, это ужъ ни къ чему, — повторилъ Альфъ, и Обрэ ничего не могъ ему отвѣтить.

— Ну, да это ничего, — проговорилъ мальчикъ, какъ будто говоря съ самимъ собою и отвѣчая на собственныя мысли. Потомъ онъ посмотрѣлъ на Обрэ.

— Ну, а понравилось ей — спросилъ онъ — представленіе-то? А?

— Да.

— Это вѣрно?

— Вѣрно. Я знаю. Она нашла... она нашла его великолѣпнымъ.

— Ну хорошо.

Двѣ или три минуты онъ лежалъ спокойно съ неподвижно поднятыми колѣнями. Казалось, онъ усиленно думалъ. Наконецъ, онъ проговорилъ:

— Вы знаете Кинга?

— Ну да, конечно.

— Онъ славный малый—Кингъ. Вы какъ думаете?

— Да,—отвѣчалъ Обрэ.—Но, кажется, онъ не особенно нравится миссъ Діамондѣ.

Альфъ повернулъ голову на подушкѣ и пристально посмотрѣлъ на него.

— Да, потому что вы ей нравитесь, сэръ.

— Я? Я только хочу, чтобы она была счастлива.

Альфъ посмотрѣлъ ему прямо въ глаза.

— Видите ли что, сэръ, — сказалъ онъ. — Порѣшимъ это дѣло. Я не могу больше оберегать Ди. Сегодняшнее паденіе меня прикончило.

Digitized by Google

— Но вы можете поправиться.

— Нѣтъ, со мной все кончено, — повторилъ онъ. — Я не слыхалъ, что̀ говорилъ докторъ, да мнѣ этого и не нужно. Когда Вогсъ поднялъ меня изъ сѣтки, для меня все уже стало ясно.

Обрэ положилъ руку на горячую руку Альфа.

— Если вамъ что-нибудь отъ меня нужно,—сказалъ онъ,— то говорите все прямо.

— Оставьте Ди, сэръ. Оставьте ее совсѣмъ. Перестаньте видаться съ нею. Вы ей нравитесь.

— Мы друзья.

— Вы благороднаго происхожденія, а она—нѣтъ. Перестаньте видаться съ нею, и они столкуются съ Кингомъ. Теперь этого не можетъ случиться, пока вы тутъ. Не будьте другомъ Ди,—изъ этого не выйдетъ толка. Пусть она поплачетъ и будетъ думать, что вы—такой же, какъ другіе,—такой же, какъ этотъ газетный писака.

— Это ужасно тяжело!—сказалъ Обрэ.

— А мнѣ не тяжело оставлять ее безъ защитника!?

Въ первый разъ, казалось, онъ подумалъ о себѣ съ жалостью, и слезы сверкнули въ его маленькихъ глазахъ.

— Хорошо, я не буду видаться съ Діамондой, — сказалъ Обрэ, глядя въ сторону.—Можетъ быть, вы и правы. Но я никогда не хотѣлъ сдѣлать ей никакого зла.

— Я знаю, что не хотѣли. Бѣдная... бѣдная Ди!

Въ комнатѣ стало тихо. Блѣдный свѣтъ проникъ въ окно, только отчасти закрытое тонкой бѣлой сторой. Это былъ свѣтъ луны, умиравшей отъ близости разсвѣта. Альфъ тяжело вздохнулъ. Обрэ быстро повернулся къ нему.

— Альфъ!—проговорилъ онъ почти страстно:—видитъ Богъ какъ я хотѣлъ бы сдѣлать для васъ что-нибудь.

— Вы уже сдѣлали, сэръ. Я чувствую облегченіе, право. Вогсъ теперь можетъ войти, а вы, пожалуйста... пожалуйста, попросите эту высокую даму дать мнѣ лекарство, которое докторъ оставилъ на случай, если ужъ... мнѣ совсѣмъ станетъ плохо.

Послѣднія слова были произнесены быстро и перешли въ тихій сдерживаемый плачъ. Обрэ поспѣшно всталъ. Отворивъ дверь, онъ почти наткнулся на Вогсала, который стоялъ какъ разъ за дверью въ коридорѣ. Вогсалъ взглянулъ на него и бросился въ спальную.

— Мама! мама!—позвалъ Обрэ:—гдѣ ты?

Лэди Рангклифъ поспѣшно вышла изъ кухни, и въ то же время дверь гостиной отворилась, и м-ръ Фликъ показался на по-

Digitized by Google

рогѣ. Онъ стоялъ въ полосѣ свѣта, уставившись глазами на лэди Рангклифъ и Обрэ.

— Мама,—поспѣшно проговорилъ Обрэ:— иди помочь ему. Тебѣ докторъ далъ какое-то лекарство—онъ требуетъ его... Ужасно!

— Что такое хотите вы дѣлать съ моимъ мальчикомъ?—сказалъ м-ръ Фликъ невѣжливымъ, грубымъ тономъ, не владѣя собою отъ страха и любви.—Я не хочу, чтобы съ нимъ что-нибудь дѣлали. И что это значитъ, что докторъ его такъ оставилъ?

Онъ сталъ посреди коридора, загораживая своей огромной фигурой путь въ комнату Альфа, а сыновья столпились въ дверяхъ. Лэди Рангклифъ показала ему коробочку съ лекарствомъ.

— Это морфій,—сказала она.—Онъ облегчитъ его страданія. Пожалуйста, пропустите меня и позвольте дать ему лекарство.

— А ему это не повредитъ?

— Нѣтъ, это спасетъ его отъ невыносимой боли.

Изъ спальни раздался призывающій крикъ Альфа:

— Лэди, лэди!

Его голосъ былъ ужасенъ. М-ръ Фликъ задрожалъ и отступилъ. Лэди Рангклифъ прошла въ спальную. Тогда всѣ братья Фликъ вышли въ коридоръ. Ихъ сильныя, мужественныя лица были пепельнаго цвѣта отъ ужаса. Всѣ они стояли прислушиваясь и затаивъ дыханіе. Они услыхали, какъ Альфъ задыхался, и какъ шуршало платье лэди Рангклифъ, а потомъ раздался тихій жуткій звукъ. Это Воксалъ рыдалъ, прислонившись къ окну и закрывая руками уши.

— Что это такое?—спросилъ м-ръ Фликъ.

Діамонда вышла въ коридоръ и взяла его подъ-руку.

— Пойдемте отсюда, пойдемте! — прошептала она и увела его назадъ въ гостиную.—Теперь вы всѣ должны сидѣть смирно, —сказала она нѣжно.—Лэди поможетъ ему. — Она заставила его сѣсть и снова вышла. Въ коридорѣ она встрѣтилась съ лэди Рангклифъ, которая сказала ей:

— Черезъ нѣсколько минутъ ему станетъ легче отъ морфія. Онъ васъ спрашиваетъ.

Діамонда вошла въ комнату Альфа. Агонія уже началась, и глаза его были обращены на дверь.

Воксалъ опирался о косякъ окна, схватившись руками за голову. Онъ не издавалъ никакого звука, только плечи его вздрагивали. Альфъ сдѣлалъ Діамондѣ знакъ, чтобы она сѣла у кро-

Digitized by Google

вати. Она взяла его руку и держала ее въ своихъ до тѣхъ поръ, пока морфій не началъ дѣйствовать. Онъ вытянулъ ноги и вздохнулъ разъ или два.

— Теперь лучше?—спросила Діамонда. Онъ утвердительно кивнулъ головой.

— Мнѣ хочется видѣть Сузи,—сказалъ онъ,—и Чарли.

— Они ужъ легли. Женни съ ними.

— Но вѣдь они не спятъ еще!—сказалъ Альфъ.

Повидимому ему казалось невѣроятнымъ, чтобы кто-нибудь въ домѣ могъ спать.

— Зачѣмъ ты хочешь ихъ видѣть, Альфъ?—спросила Діамонда.

— Потому что мнѣ такъ хочется. Развѣ нельзя?

Діамонда встала и пошла въ дѣтскую.

— Женни,—сказала она, тихонько отворяя дверь:—Женни!

Женни подошла съ блѣднымъ заплаканнымъ и испуганнымъ лицомъ.

— Что такое?

— Дѣти спятъ?

— Да. Они ужасно плакали, но наконецъ заснули. А что?

— Альфъ хочетъ ихъ видѣть.

— Зачѣмъ? О, Ди, ему лучше?

Діамонда покачала головой.

— Нѣтъ, не думаю. Это не то.

Слезы покатились по щекамъ Женни.

— Что же, разбудить ихъ?—спросила она сквозь рыданія.

— Ужъ не знаю,—отвѣтила Ди, колеблясь.

Она вошла въ комнату и посмотрѣла на Сузи и Чарли, крѣпко спавшихъ въ своихъ маленькихъ кроваткахъ. Розовые кулачки Сузи лежали на бѣломъ одѣялѣ. Чарли держалъ одинъ палецъ въ полу-открытомъ рту. Они ровно и тихо дышали.

— Жалко будить,—сказала Діамонда.

— Но только... о, Женни! Если мы теперь ихъ не разбудимъ, то утромъ, пожалуй, будетъ слишкомъ поздно.

— Слишкомъ поздно! Для кого, Ди? — спросила Женни нервнымъ голосомъ.

— Для Альфа,—отвѣтила Діамонда. Женни ничего не сказала и сѣла на край кровати. Діамонда раздумывала.

— Женни,—сказала она наконецъ. — Мы ихъ возьмемъ и отнесемъ къ Альфу. Постарайся не разбудить ихъ. А тамъ пусть онъ дѣлаетъ, что захочетъ. Ты возьми Сузи.

Она нагнулась и съ большой осторожностью взяла на руки

Digitized by Google

младшаго брата. Онъ пробормоталъ что-то и сдѣлалъ движеніе руками, но не проснулся. Дѣти были въ изнеможеніи послѣ всѣхъ волненій, испытанныхъ въ теченіе вечера. Когда Діамонда и Женни внесли дѣтей къ Альфу, то онъ зашевелился на кровати.

— Они спятъ! — прошепталъ онъ, увидѣвъ ихъ закрытые глаза.

— Разбудить ихъ? — спросила Діамонда.

— Нѣтъ, не нужно. Поднесите ихъ ко мнѣ.

Діамонда нагнулась къ нему, держа Чарли на рукахъ. Альфъ пристально поглядѣлъ на ребенка, погладилъ его свѣсившуюся ручку и сказалъ:

— Теперь Сузи.

Женни подошла, опустилась на колѣни у кровати и вдругъ расплакалась.

— Тише! — прошепталъ Альфъ, но Сузи уже открыла глаза. Она посмотрѣла на Альфа затуманеннымъ взглядомъ и надула розовыя губы. Съ большимъ трудомъ Альфъ приподнялъ голову, чтобы поцѣловать ее.

— Прощай, прощай, Сузи! — тихо сказалъ онъ.

— Прощай! — повторила Сузи неяснымъ тонкимъ голоскомъ.

Голова Альфа откинулась на подушку. Дѣтей унесли въ дѣтскую. Когда они проснулись утромъ, Альфъ уже не могъ больше цѣловать ихъ. Морфій оказалъ свое благотворное дѣйствіе. На нѣкоторое время боли значительно уменьшились, но на разсвѣтѣ агонія возобновилась, и онъ видимо сталъ слабѣть. Лэди Рангклифъ шепнула Діамондѣ, чтобы она позвала отца и братьевъ. Они всѣ пришли и стали вокругъ кровати, глядя на маленькаго брата, который всегда былъ ихъ общей гордостью. Діамонда послѣдняя поцѣловала его. Тогда Альфъ слабо прошепталъ имя Вогсала. Тотъ подошелъ, взялъ его за руку, крѣпко сжалъ и почти грубо потрясъ ее.

— Одинъ бы денекъ поупражняться, и ты бы отлично спрыгнулъ, — сказалъ онъ громко, наклоняясь надъ постелью.

Альфъ слабо двинулся, вытянулся и остался неподвижнымъ.

V.

Когда Альфъ умеръ, Обрэ съ матерью вышли на зарѣ въ Ковентъ-Гарденъ. Небо было сѣрое и холодное, и вѣтеръ поднималъ и кружилъ соръ, скопившійся на грязныхъ камняхъ мо-

Digitized by Google

стовой. Лэди Рангклифъ шагала, укутавшись въ свою накидку и повязавъ голову чернымъ кружевнымъ шарфомъ. Передъ лавочкой съ навѣсомъ, въ глубинѣ которой лежало множество красныхъ розъ, она остановилась.

— Мнѣ нужно цвѣтовъ,—сказала она, обращаясь къ торговцу, маленькому, блѣдному человѣку.—Пожалуйста, дайте мнѣ пучокъ побольше.

Торговецъ подалъ ей букетъ красныхъ розъ и сказалъ цѣну.

— Съ тобой есть деньги, Обрэ? У меня ничего нѣтъ,—проговорила она.

Обрэ дрожащими руками съ трудомъ вытащилъ изъ кошелька соверенъ.

„Эта парочка возвращается съ пирушки“,—подумалъ маленькій продавецъ, умудренный опытомъ.

Онъ внутренно расхохотался, посмотрѣвъ на лэди Рангклифъ, и подивился, какъ можно было выбрать такую странную даму для кутежа.

— Нужно сейчасъ же отнести эти цвѣты тутъ недалеко, черезъ дорогу,—сказала лэди Рангклифъ.

— Куда именно, сударыня?—спросилъ маленькій человѣкъ съ возростающимъ удивленіемъ.

Лэди Рангклифъ назвала нумеръ въ Милькъ-Кортѣ, подождала, пока посланный не ушелъ съ цвѣтами, и тогда отправилась дальше въ сопровожденіи сына. Скоро имъ попался кэбъ, она остановила его и сѣла въ экипажъ. Обрэ захлопнулъ дверцу.

— Ты не поѣдешь со мною, Обрэ?—спросила она.

Онъ отрицательно покачалъ головою. Его лицо казалось сѣрымъ при утреннемъ свѣтѣ. На минуту онъ облокотился на дверцу экипажа.

— Зачѣмъ ты послала эти цвѣты, мама?—спросилъ онъ.

Лэди Рангклифъ не отвѣчала.

— Я знаю,—сказалъ Обрэ.—Тебѣ хотѣлось... хотѣлось прикрыть ея лиліи.

— Я послала ему свѣжія розы; бѣдняжка вполнѣ заслужилъ ихъ,—сказала лэди Рангклифъ.

Обрэ отнялъ руки отъ дверцы, и кучеръ стегнулъ своихъ жалкихъ клячъ.

Только въ эту минуту Обрэ отдалъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, что думала его мать о лэди Кэриль. До сихъ поръ онъ былъ слишкомъ взволнованъ и оглушенъ быстротой и ужасомъ предшествовавшихъ событій. Онъ сознавалъ ясно только одно—полнѣйшую неохоту возвращаться именно теперь въ Паркъ-Лэнъ,

Digitized by Google

и черезъ нѣсколько времени стоялъ на широкомъ подъѣздѣ своего родительскаго дома въ Итонъ-Сквэрѣ. Лэди Рангклифъ отворила ему, прежде чѣмъ онъ успѣлъ позвонить.

— Я думала, что ты, можетъ быть, придешь, Обрэ,—сказала она спокойно.—Пройди въ комнату отца. Его нѣтъ дома.

Больше она ничего не сказала, повернулась и быстро пошла по лѣстницѣ наверхъ. Обрэ почувствовалъ къ ней нѣжную благодарность за ея молчаніе и за то, что она оставила его одного.

Когда все кругомъ проснулось, ему было необходимо отправиться въ Паркъ-Лэнъ. Онъ твердо сознавалъ свои обязанности въ качествѣ наемнаго помощника своего крестнаго отца и совершенно не хотѣлъ уклоняться отъ нихъ. Часть его гардероба оставалась въ домѣ отца. Онъ переодѣлся, напился чаю въ отцовскомъ кабинетѣ, надѣлъ шляпу и перчатки. Было одиннадцать часовъ утра. Съ минуту онъ колебался, идти ли ему къ матери передъ уходомъ. Потомъ спустился въ нижній этажъ и остановился передъ дверью будуара лэди Рангклифъ. Онъ услышалъ, какъ она ходила по комнатѣ, съ шумомъ заперла что-то, и отворилъ дверь. Лэди Рангклифъ обернулась, чтобы посмотрѣть, кто вошелъ. Обрэ приблизился къ ней и неожиданно поцѣловалъ ее.

— Спасибо тебѣ за эту ночь, мама! — проговорилъ онъ и быстро вышелъ изъ комнаты, оставивъ мать всю вспыхнувшей, какъ молодая дѣвушка.

Придя въ Паркъ-Лэнъ, Обрэ отворилъ дверь собственнымъ ключомъ и прошелъ въ свои комнаты. На письменномъ столѣ лежало множество писемъ, на которыя онъ долженъ былъ отвѣчать. Онъ сѣлъ и принялся за работу. Черезъ полчаса вошелъ сэръ Рёбенъ. Онъ тотчасъ же замѣтилъ выраженіе утомленія и почти ужаса на лицѣ своего крестника.

— Ну, что этотъ бѣдный мальчикъ?—спросилъ онъ, садясь у стола и плотнѣе надвигая феску на свои жидкіе волосы.

— Онъ умеръ сегодня рано утромъ,—отвѣчалъ Обрэ, распечатывая конвертъ и пробѣгая глазами письмо.

Лицо сэра Рёбена выразило искренній ужасъ.

— Умеръ... Боже мой!—сказалъ онъ.—Что же, онъ сильно страдалъ?

— Очень сильно,—отвѣтилъ Обрэ.—Тутъ вотъ есть письмо отъ Перкинса по поводу закладной,—прибавилъ онъ.

Онъ прочелъ письмо вслухъ.

Сэръ Рёбенъ посмотрѣлъ на него сначала съ изумленіемъ, потомъ съ жалостью, понявъ причину его страннаго поведенія.

Digitized by Google

— Мнѣ хотѣлось бы поговорить объ этомъ мальчикѣ,—сказалъ онъ.

Онъ увидалъ, что Обрэ вздрогнулъ, но все-таки продолжалъ:

— Кэриль такъ волновалась о немъ. Она будетъ ужасно огорчена.

Обрэ ничего не сказалъ.

— Онъ былъ въ сознаніи до конца?—спросилъ сэръ Рёбенъ.

— Да.

— И онъ взялъ лиліи?

— Да.

Голосъ Обрэ звучалъ холодно и принужденно. Тонъ его поразилъ сэра Рёбена.

— Съ ея стороны это было такъ мило—послать ихъ ему!?—сказалъ онъ, какъ будто спрашивая.—А обрадовался онъ имъ, бѣдняжка?

Обрэ вдругъ посмотрѣлъ на своего крестнаго отца.

— Да какъ онѣ могли бы доставить ему удовольствіе?

— Но почему же? Я тебя не понимаю.

— Вѣдь онъ хотѣлъ совсѣмъ другого.

— Да чего же такого онъ хотѣлъ?

— Видѣть самоё лэди Кэриль.

Наступило минутное молчаніе. Потомъ сэръ Рёбенъ началъ:

— Что такое ты хочешь сказать? Онъ хотѣлъ... онъ просилъ...

— Видѣть ее передъ смертью. Да. Я пріѣхалъ на балъ съ его порученіемъ... и она дала мнѣ лиліи.

Сэръ Рёбенъ опять поправилъ свою феску. Въ его глазахъ было странное выраженіе,—не то печальное, не то горько-насмѣшливое. Онъ думалъ о томъ, какъ поцѣловалъ свою жену въ каретѣ, когда они возвращались съ бала. Въ эту самую минуту раздался стукъ въ дверь, и вошла лэди Кэриль. Обрэ всталъ, чтобы поздороваться съ нею.

— Ну, что?—спросила она.—Что этотъ бѣдный мальчикъ? Отдали вы ему мои цвѣты?

— Да,—отвѣчалъ Обрэ.

— Онъ былъ доволенъ? Что онъ сказалъ?

— Не помню.

Сэръ Рёбенъ былъ пораженъ сходствомъ голосовъ Обрэ и его матери, когда онъ проговорилъ эту отрывистую фразу.

— Ну, а теперь, какъ онъ себя чувствуетъ?—продолжала лэди Кэриль.

Digitized by Google

Она подошла къ письменному столу и стояла, положивъ на него одну руку.

— Онъ умеръ,—проговорилъ Обрэ безъ всякаго волненія.

Лэди Кэриль отступила назадъ.

— Умеръ!—воскликнула она недовѣрчиво.—Уже умеръ!

— Онъ умеръ нѣсколько часовъ тому назадъ, — сказалъ Обрэ.

— Какой ужасъ!—проговорила она.

— Было еще гораздо ужаснѣе, пока онъ былъ живъ.

— Ахъ, не говорите!—сказала она, протягивая руку, какъ будто для того, чтобы остановить его.—Не надо!

— Онъ получилъ твои цвѣты, Кэриль, — сказалъ сэръ Рёбенъ.—Они не опоздали.

— Ну, это хорошо, я рада.

Она произносила слова быстро, направляясь къ мужу.

— Я еще пошлю цвѣтовъ. Бѣдный мальчикъ!

— О цвѣтахъ не безпокойтесь,—сказалъ Обрэ.—Моя мать уже послала множество цвѣтовъ. Она была при немъ до конца.

— Твоя мать!—проговорилъ сэръ Рёбенъ.—До конца!

Онъ оглянулся на жену. Лэди Кэриль сказала въ отвѣтъ на этотъ взглядъ:

— Лэди Рангклифъ училась ухаживать за больными.

— А-а!—протянулъ сэръ Рёбенъ.—Вотъ въ чемъ дѣло.

Онъ готовъ былъ разсмѣяться, вспомнивъ опять о своемъ поцѣлуѣ въ каретѣ. Лэди Кэриль все еще стояла возлѣ его кресла, какъ бы не зная, что ей дѣлать.

— Бѣдный, бѣдный мальчикъ!—снова повторила она.

Обрэ не обращалъ на нее вниманія. Онъ смотрѣлъ на письма, разложенныя на столѣ, видимо желая продолжать работу. Лэди Кэриль воспользовалась этимъ.

— Я не буду вамъ мѣшать,—сказала она, поворачиваясь, чтобы уйти. — У меня, собственно, не было никакого дѣла къ вамъ, а только я не могла удержаться, чтобы не придти узнать, что тамъ дѣлалось. Меня это такъ безпокоило. А теперь—какой ужасъ... ужасъ!

Она вышла изъ комнаты. Обрэ усѣлся, чтобы продолжать работу, а сэръ Рёбенъ помѣстился у противоположнаго края стола, посматривая отъ времени до времени на Обрэ. Лицо молодого человѣка было блѣдно и сурово, и сэръ Рёбенъ подумалъ: „Наконецъ, мой урокъ принесъ ему пользу. Теперь онъ ее знаетъ“. Но потомъ вспомнилъ собственное заблужденіе и подивился своей способности обманываться, несмотря на долгій жизненный опытъ.

Digitized by Google

Вѣдь онъ ласкалъ Кэриль послѣ концерта Аннѣ, подумавъ, на мгновеніе, что она будетъ жалѣть его, если онъ умретъ. Вѣдь онъ поцѣловалъ ее въ темнотѣ кареты, возвращаясь съ бала, растроганный тѣмъ, что она послала лиліи умирающему акробату. Даже онъ могъ обманываться! А этотъ юноша—развѣ ему могъ когда-нибудь пойти въ пользу урокъ, трудный до такой степени, что даже старикъ, выучившій его давнымъ-давно, забывалъ его съ такою легкостью?

— Сэръ Рёбенъ, — сказалъ Обрэ, когда утренняя работа была окончена:—мнѣ нужно... я хочу поговорить съ вами.

— Что такое, мой милый?

Обрэ опустилъ глаза.

— Я долженъ прекратить мои занятія у васъ.

— А-а!—произнесъ сэръ Рёбенъ.

— Вы были слишкомъ добры ко мнѣ, но все-таки я долженъ отказаться.

— Не назвавъ мнѣ причины?

Обрэ все еще стоялъ, опустивъ глаза, какъ будто ему было очень стыдно, но онъ старался побороть въ себѣ это чувство.

— Я не знаю, могу ли я назвать какую-нибудь причину,— отвѣтилъ онъ тихо.—Но я долженъ уйти. Мнѣ очень жаль.

Сэръ Рёбенъ понялъ то чувство горечи, которое омрачало юную душу Обрэ именно теперь.

— Я не стану тебя удерживать,—сказалъ онъ спокойно.— Но мнѣ будетъ очень недоставать тебя.

— Мнѣ ужасно жаль,—повторилъ Обрэ.

Больше они ничего не сказали другъ другу, да и не время было разговаривать. Въ тотъ же день лэди Рангклифъ получила слѣдующую телеграмму:

„Урокъ, который мнѣ хотѣлось дать,—кажется, принесъ пользу. — Рёбенъ Аллабрутъ“.

Къ вечеру явился и Обрэ со своими вещами.

— Я проживу у тебя нѣсколько дней, мама, если можно,— сказалъ онъ.—Я бросилъ занятія у сэра Рёбена. Ты вѣдь знаешь, —онъ это все придумалъ только для меня. Въ сущности, ему никого не нужно.

Лэди Рангклифъ не стала разсуждать по поводу случившагося, но въ ея обращеніи съ сыномъ въ этотъ вечеръ чувствовалась особенная, скрытая нѣжность.

Обрэ отправился на похороны маленькаго Альфа. На него этотъ обрядъ произвелъ самое странное впечатлѣніе. До тѣхъ поръ онъ ни разу не бывалъ на похоронахъ. Онъ стоялъ на

Digitized by Google

Бромптонскомъ кладбищѣ въ толпѣ людей, какихъ прежде и представить себѣ не могъ. Среди нихъ было много разныхъ акробатовъ, явившихся отдать послѣдній долгъ тому, кто стоялъ во главѣ ихъ всѣхъ, несмотря на свой дѣтскій возрастъ. Были тамъ и балетныя танцовщицы, принесшія цвѣты, чтобы осыпать ими могилу. Были и балаганные актеры, съ широкими, какъ будто сдѣланными изъ резины лицами; были всякаго рода горбуны и другіе уроды, умѣвшіе извлекать пользу изъ своихъ физическихъ недостатковъ на потѣху публики съ извращеннымъ вкусомъ; были силачи, разрывавшіе цѣпи; мимическіе актеры и кулачные бойцы съ бычачьими затылками, любившіе Альфа за его удивительную смѣлость и безстрашіе. Большинство этихъ людей совсѣмъ не привыкло слушать торжественныя слова и изреченія изъ священнаго писанія или думать серьезно о жизни, не имѣющей ничего общаго съ ихъ профессіей. По непривычкѣ, они чувствовали себя неловко и непріятно, помимо огорченія, причиненнаго имъ потерею „добраго маленькаго товарища“. Нѣкоторые изъ нихъ косились на балетныхъ танцовщицъ и начали было улыбаться, но опомнились и, сдѣлавъ страшное усиліе, приняли видъ, долженствовавшій, по ихъ мнѣнію, выражать покорность волѣ Всемогущаго. Особенно трагическое выраженіе было у профессіональныхъ комиковъ. Можетъ быть, это былъ для нихъ настоящій отдыхъ отъ ихъ публичной дѣятельности.

Всѣ чудо-Флики стояли впереди толпы. Они были неузнаваемы въ своихъ приличныхъ случаю черныхъ парахъ и высокихъ цилиндрахъ съ широкими траурными перевязями.

Впрочемъ, шляпы теперь были сняты, и они стояли съ обнаженными головами. Ихъ костюмы сглаживали то, что было особеннаго въ ихъ наружности. Ихъ великолѣпное сложеніе и удивительные мускулы были скрыты, и они принимали неуклюжія позы, неловко переступая ногами въ блестящихъ кожаныхъ башмакахъ. Теперь Вогсалъ былъ самымъ младшимъ изъ братьевъ. Онъ смотрѣлъ на яму, вырытую въ землѣ, и переводилъ глаза на гробъ съ тѣломъ мальчика, которымъ онъ такъ гордился. Никогда не разлучаясь съ Альфомъ, онъ привыкъ видѣть его въ постоянномъ движеніи. Альфъ не только самъ былъ очень живой, но его дьявольская ловкость оживляла, казалось, всѣ неодушевленные предметы, которыхъ онъ касался. Поэтому было что-то неестественное и страшное въ его теперешнемъ спокойствіи. Лиль стояла рядомъ съ мужемъ, глядя на него испуганными глазами. Діамонда держала за руки Сузи и Чарли. Сузи плакала. Но Чарли былъ слишкомъ возбужденъ новизною положенія,

Digitized by Google

чтобы предаваться горю. Онъ таращилъ глаза то въ одну, то въ другую сторону, стараясь понять ужасную сцену, происходившую вокругъ него. Отъ времени до времени его вниманіе на минуту или на двѣ всецѣло поглощалось его новымъ чернымъ костюмомъ и короткими черными чулками, отъ которыхъ его голенькія ноги казались особенно бѣлыми. Потомъ его занялъ ящикъ, стоявшій по срединѣ толпы. Онъ указалъ на него пальцемъ, дернулъ Діамонду за платье и прошепталъ:

— А тамъ-то что?

Діамонда взглянула на него, покачала головой и зарыдала. Это испугало Чарли, и, видя, что и Сузи плачетъ, онъ заплакалъ самъ, уткнувъ лицо въ платье Діамонды. М-ръ Слэгъ взялъ его на руки и невнятно прошепталъ ему какія-то слова утѣшенія. Очутившись такъ высоко, Чарли немного успокоился и уставился глазами на пастора съ черными бакенбардами удивительныхъ размѣровъ.

Все вниманіе Обрэ было обращено на маленькій кружокъ людей, для которыхъ Альфъ былъ главнымъ жизненнымъ интересомъ, гордостью и радостью. Онъ смотрѣлъ на заплаканное лицо Діамонды и вспоминалъ, какъ она разъ сказала:

— Развѣ Альфъ можетъ когда-нибудь успокоиться!..

Упало нѣсколько капель дождя. Балетныя танцовщицы торопливо раскрывали зонтики и подбирали подолы платьевъ.

Когда наступила послѣдняя минута и гробъ скрылся отъ глазъ, то Обрэ подумалъ о Кэриль. Ея холодная, чарующая красота была причиной этого трагическаго случая съ Альфомъ, а слѣдовательно и этой церемоніи. Это она вырыла могилу и опустила въ нее трупъ мальчика.

Дождь барабанилъ по зонтикамъ, и толпа торопливо расходилась.

Обрэ сдержалъ слово, данное имъ умершему мальчику. Онъ не пошелъ повидать Діамонду послѣ похоронъ. Онъ написалъ ей письмо съ выраженіемъ сочувствія, и получилъ очень оффиціальный отвѣтъ. Послѣ этого онъ совсѣмъ бросилъ знакомство съ нею. Альфъ просилъ его быть жестокимъ, и онъ былъ жестокъ, быть можетъ, болѣе всего къ самому себѣ. Покровитель Діамонды исчезъ, но Обрэ сказалъ самому себѣ, что теперь ее и нечего было оберегать. А о собственномъ одиночествѣ онъ не думалъ.

Лэди Рангклифъ удивлялась, почему онъ никогда не упоминалъ о семьѣ, въ трагической судьбѣ которой былъ замѣшанъ.

Digitized by Google

Она сама изрѣдка посѣщала Милькъ-Кортъ, и замѣтила, что Діамонда никогда не заговаривала объ Обрэ.

Это двойное молчаніе смущало и волновало ее. Обрэ никогда не разсказывалъ ей, какъ познакомился съ Діамондой. Ей хотѣлось бы знать, какъ это произошло, но она не думала ничего дурного ни объ этой простой и теперь такой грустной молодой дѣвушкѣ, ни о своемъ сынѣ. Иногда она отправлялась на Бромптонское кладбище и отвозила цвѣты на могилу „бѣднаго мальчика".

VI.

Въ обществѣ продолжали оживленно толковать о лэди Кэриль и сэрѣ Рёбенѣ. Многихъ удивляла та невозмутимая ясность, съ какой она принимала драгоцѣнности, сыпавшіяся на нее градомъ. Что касалось сэра Рёбена, то въ немъ ясности не было. Его беззаботная щедрость напоминала собою быстро ростущее капризное тропическое растеніе, особенно пышно расцвѣтающее передъ увяданіемъ. Къ нему ужъ подползало сѣдое, унылое чувство старости, и тяжелый, безпощадный звѣрь давилъ ему грудь, и онъ не могъ стряхнуть его. Въ припадкахъ своей расточительной щедрости онъ находилъ какое-то острое услажденіе. Нѣкоторые люди чувствовали, что было что-то ужасное въ его жаждѣ дарить, и, правда, онъ дарилъ для того, чтобы избавиться отъ ужаса. Но Кэриль не принадлежала къ числу этихъ чуткихъ людей, и онъ зналъ, что она никогда не пойметъ его. Въ своихъ мысляхъ она всегда отожествляла его съ драгоцѣнными камнями. Нѣкоторые думали, что въ ней было что-то неестественное и что она любила своего мужа, другіе—что она была ловкой притворщицей. Но она не любила и не притворялась. Его поступки ее вполнѣ удовлетворяли. Его страстная щедрость дѣлала ее счастливой. У нея не было желанія понять его сложную натуру. Она довольствовалась тѣмъ, что мужъ понималъ ее. Все скрытое и тайное въ его жизни для нея не существовало. Духъ умершей креолки не преслѣдовалъ ея. Она не прислушивалась къ тому, что говорили въ городѣ, къ перешептыванью дѣльцовъ, хорошо знакомыхъ со всѣми хитросплетеніями финансовыхъ операцій. Она не замѣчала того вниманія, съ какимъ всѣ къ ней относились, а вмѣстѣ съ тѣмъ о ней толковали вездѣ, начиная съ высшаго свѣта и кончая воровскими притонами.

Иногда правда такъ же странно всплываетъ на поверхность лондонской жизни, какъ и ложь. Настоящая причина смерти

Digitized by Google

Альфа скоро стала всѣмъ извѣстна. Онъ, недостаточно напрактиковавшись, сдѣлалъ необыкновенный прыжокъ, только чтобы доставить удовольствіе лэди Кэриль. Этотъ прыжокъ убилъ его, а она отказалась придти на минуту къ его смертному одру и сказать ему, что ей понравилось его представленіе. Какими-то незамѣтными путями отъ убитой горемъ семьи разсказъ объ этомъ распространился повсюду и сдѣлался предметомъ обсужденій.

Но въ теченіе сезона произошло еще нѣчто болѣе интересное, что̀ взволновало особенно женщинъ. Смерти маленькаго акробата не придавали особеннаго значенія. Альфъ былъ божествомъ въ Милькъ-Кортѣ, и балетныя танцовщицы плакали надъ его могилой. Но Аннò былъ богомъ въ гораздо болѣе широкихъ сферахъ, и дамы не изъ балета готовы были заплакать, еслибы съ нимъ случилось какое-нибудь несчастіе. Аннò принялъ ангажементъ въ Оперу на лѣто. Онъ нигдѣ не пѣлъ послѣ концерта въ Паркъ-Лэнѣ и не показывался въ парижскомъ обществѣ. Въ газетахъ передавалось много слуховъ о немъ. Писали, что онъ потерялъ голосъ, былъ боленъ, собирался бросить сцену и заняться сельскимъ хозяйствомъ. Всѣ эти слухи благополучно замолкли, когда было объявлено, что онъ пріѣхалъ въ Лондонъ и будетъ пѣть въ теченіе всего сезона.

Лэди Сэнтъ-Орминъ была въ восторгѣ. Она вернулась изъ-за границы съ нѣсколькими новыми protégés и множествомъ удивительныхъ парижскихъ платьевъ.

Аннò выступилъ первый разъ въ оперѣ въ половинѣ мая. По обыкновенію онъ исполнялъ партію верховнаго жреца, и его поклонники собрались во множествѣ, чтобы шумно привѣтствовать его. Лэди Сэнтъ-Орминъ сидѣла въ своей ложѣ бенуара возлѣ сцены, Аллабруты—недалеко отъ нея. М-съ Паркинсонъ, въ желтомъ бархатѣ и съ желтыми украшеніями, занимала кресло въ партерѣ. Всѣ критики были на лицо, перешептывались или дѣлали замѣтки въ записныхъ книжкахъ. Въ концѣ третьяго акта одинъ изъ нихъ сказалъ другому:

— Ради Бога, что̀ такое съ Аннò?

— Я думаю, онъ не въ духѣ,—отвѣчалъ тотъ.

— Самое непріятное пѣніе, какое я когда-либо слышалъ.

— Прежней мягкости и прелести его голоса—какъ не бывало!

— Мнѣ кажется, что онъ поетъ, какъ человѣкъ, не любящій музыки,—сказалъ второй критикъ, обладавшій нѣкоторою тонкою проницательностью.

— Не простудился ли онъ, переѣзжая каналъ, — сказала

Digitized by Google

лэди Сэнтъ-Орминъ молодому композитору, произведенія котораго отличались необыкновенной сладостью.

Сэръ Рёбенъ нагнулся къ лэди Кэриль. Ея сверкающіе брилліанты привлекали въ этотъ вечеръ вниманіе даже самыхъ искреннихъ любителей музыки, тѣснившихся толпой на галлереѣ.

— Кэриль,—сказалъ онъ:—слышишь ли ты, что ты сдѣлала съ его голосомъ?

Занавѣсъ снова взвился. Аннò, въ широкомъ, расшитомъ облаченіи, стоялъ на неудобныхъ ступеняхъ храма. Его могучія руки были воздѣты къ небу, и онъ началъ пѣть торжественный гимнъ, который подхватывала толпа неопрятныхъ итальянцевъ, стоявшихъ внизу. Кэриль стала слушать. Голосъ Аннò звучалъ хрипло и сухо, какъ будто жрецъ былъ разсерженъ.

— Слушай! слушай!—произнесъ сэръ Рёбенъ, касаясь руки своей жены.—Слышишь? Эта нота!—а эта!—и онъ улыбнулся ей.

— Ты находишь, что онъ не въ голосѣ, Рёбенъ?

Она оглядѣла публику и потомъ поднесла бинокль къ глазамъ, чтобы разсмотрѣть сапфиры, сверкавшіе краснымъ огнемъ на платьѣ какой-то дамы въ противоположной ложѣ.

— Прискорбно, весьма прискорбно!—сказалъ Поль Виллэ, авторъ „Пѣсни о жемчужинѣ“.

Онъ сидѣлъ въ ложѣ бенуара съ дородной вдовствующей графиней и черноволосой отставной актрисой, на которой недавно женился.

— Настоящее посрамленіе!—добавилъ онъ.

Видъ онъ имѣлъ растолстѣвшаго, и тонъ очень авторитетный. Онъ зарабатывалъ теперь восемь гиней въ часъ, давая уроки пѣнія и „создавая“ голоса по новой методѣ, которая, по его словамъ, была ему открыта во снѣ.

Вдовствующая графиня согласилась, что хоръ пѣлъ отвратительно.

— Нѣтъ, нѣтъ—Аннò! — воскликнулъ Виллэ.—Его голосъ въ ужасномъ состояніи. Онъ долженъ обратиться ко мнѣ. Mon Dieu! Послушайте, какъ онъ беретъ это fa!

— Аннò слѣдуетъ истолочь въ ступкѣ,—сказала одна остроумная молодая дѣвица въ партерѣ высокому господину, большому любителю охоты, сидѣвшему съ нею рядомъ и почти заснувшему.

— Ступка должна быть побольше, — отвѣчалъ любитель охоты, зѣвая.

На верху, на галлереѣ, гдѣ на деревянныхъ скамейкахъ помѣщались люди болѣе развитые умственно и лучше и серьезнѣе

Digitized by Google

относившіеся къ музыкѣ, было высказано еще болѣе замѣчаній и сердечныхъ сожалѣній. Широкоплечій, бородатый человѣкъ, съ партитурой въ рукахъ и въ широкомъ костюмѣ цвѣта горчицы, замѣтилъ, что Аннѝ пѣлъ безъ всякой искренности.

— Голосъ у него не въ порядкѣ,— сказалъ онъ.—Но въ его пѣніи есть еще что-то худшее. Онъ весь какъ будто не въ порядкѣ. А обыкновенно онъ бывалъ такъ великолѣпенъ въ этой партіи.

Онъ покачалъ своей львиной головой, а маленькая женщина, въ скромномъ зеленомъ платьѣ, сидѣвшая съ нимъ рядомъ, прошептала:

— Да, Вильямъ, я также это замѣтила.

Аннѝ привыкъ встрѣчать повсюду удачу. При немъ всегда находился его услужливый, дѣятельный слуга—его искусство. Теперь все измѣнилось. Искусство возмутилось, и онъ былъ поставленъ втупикъ. Онъ не могъ растрогать лэди Кэриль своимъ пѣніемъ, возненавидѣлъ музыку и сталъ относиться къ ней презрительно. Онъ проклиналъ свое долгое и терпѣливое служеніе искусству. Воспоминаніе о годахъ ученія было ему невыносимо. Всѣ жертвы, принесенныя имъ музыкѣ, вставали вокругъ него какъ привидѣнія, то блѣдныя и трагическія, то злыя и насмѣшливыя. Въ юности, когда жизнь распахивала передъ нимъ двери, онъ захлопнулъ эти двери, отказался отъ всякаго удовольствія и весь предался непрерывному труду. И вотъ какова была его награда. Одна потеря заставила его забыть весь прежній успѣхъ. Перемѣна, происшедшая съ его голосомъ, стала басней всего города, и вслѣдствіе этого на воображеніе всѣхъ еще сильнѣе стала дѣйствовать ослѣпительная фигура лэди Кэриль, возвышавшаяся надъ жизненнымъ водоворотомъ въ блескѣ своего знаменитаго изумруда, на которомъ была вырѣзана ея судьба. Ея странная любовь къ драгоцѣннымъ камнямъ сдѣлалась извѣстной лондонскимъ оккультистамъ, звѣздочетамъ, гадалкамъ и ясновидящимъ. Одна гадалка явилась къ лэди Кэриль, была принята и изрекла слѣдующее пророчество:

— Я вижу васъ счастливой во мракѣ, куда никогда не придетъ ни одинъ изъ вашихъ друзей, съ человѣкомъ, котораго ни одинъ изъ вашихъ друзей не захочетъ знать. И тамъ, во мракѣ, вы носите большой драгоцѣнный камень, у васъ много денегъ и вы покинуты всѣми людьми, которые теперь васъ окружаютъ.

Лэди Кэриль улыбнулась, напоила гадалку чаемъ, подарила ей золотой и въ тотъ же вечеръ, послѣ обѣда, разсказала обо

Digitized by Google

всемъ сэру Рёбену. Онъ нахмурился и посмотрѣлъ на нее съ страннымъ выраженіемъ.

— Ты вѣришь предсказаніямъ, Рёбенъ?—спросила она.

— Иногда они сбываются,—отвѣтилъ онъ.

Въ тотъ же день, вернувшись домой, онъ снова упомянулъ о своемъ желаніи увидать Кэриль при свѣтѣ южнаго солнца.

— Будущей зимой мы поѣдемъ путешествовать,—сказалъ онъ.—Я увезу тебя за океанъ, въ тѣ мѣста, гдѣ у меня были рабы.

Вдругъ онъ схватилъ ее за руки и посмотрѣлъ на ея красивое лицо; предъ нимъ блеснули украшавшіе ее брилліанты.

— Счастливая!—проговорилъ онъ, повторяя слова предсказанія.—Во мракѣ—съ человѣкомъ, котораго не захочетъ знать ни одинъ изъ твоихъ друзей. Кэриль, гдѣ же я тогда буду?

Его лицо исказилось выраженіемъ страсти, а глаза его пытливо наблюдали за нею. Казалось, онъ соображалъ что-то.

— Большой драгоцѣнный камень—это твой изумрудъ,—продолжалъ онъ, какъ будто говоря съ самимъ собою:—да,—изумрудъ. Съ нимъ ты будешь счастлива. Я понимаю—понимаю. Но вѣдь я далъ тебѣ его. Я бы долженъ былъ быть тѣмъ человѣкомъ.

Онъ выпустилъ ея руки и сѣлъ на диванъ, все еще слѣдя за нею глазами, въ которыхъ мелькало выраженіе подозрительности.

— Когда я поѣду,—продолжалъ онъ,—я вѣдь могу и тебя взять съ собою. Ты должна путешествовать со мною повсюду, гдѣ бы я ни былъ! Вѣдь я далъ тебѣ счастье—я!

— Да, Рёбенъ,—сказала она.—И я всюду поѣду съ тобою.

— Ну, а если это будетъ невозможно?—проговорилъ онъ въ полголоса.

— Почему? Какой ты странный сегодня!..

Теперь его взглядъ устремился на ея изумрудъ, и выраженіе страстной ненависти появилось въ его глазахъ. Онъ указалъ на изумрудъ своимъ худымъ, смуглымъ пальцемъ.

— Это останется, — произнесъ онъ хрипло. — Мой даръ останется, а я... Иди ложиться спать, Кэриль,—иди ложиться!

Онъ быстро отвернулся отъ нея. Она послушалась и вышла изъ комнаты. Какой-то инстинктъ подсказалъ ей не надѣвать ея изумруда нѣсколько дней послѣ этого разговора. Она любовалась на него тайкомъ, и ей очень хотѣлось, чтобы мужъ совсѣмъ забылъ о немъ.

Въ теченіе всего сезона сэръ Рёбенъ повсюду сопровождалъ

Digitized by Google

жену. Всѣ привыкли видѣть его маленькую, сгорбленную фигуру, двигавшуюся по многолюднымъ пріемнымъ комнатамъ, слегка шаркая ногами, или сидѣвшую, устало откинувшись на спинку кресла въ оперѣ. Лэди Кэриль была весела, и онъ хотѣлъ, чтобы ее вездѣ видѣли такою. Онъ всегда жалѣлъ восточныхъ людей, которые скрываютъ отъ чужихъ глазъ свои сокровища. Въ этомъ отношеніи ему больше нравились европейскіе нравы, тѣмъ болѣе, что самъ онъ въ глубинѣ души оставался некультурнымъ человѣкомъ. Его радовало, что Кэриль приносила несчастіе людямъ. Когда всѣ стали говорить, что Аннѝ потерялъ голосъ, то онъ подумалъ объ умершей креолкѣ,—и почувствовалъ удовлетвореніе. Аннѝ стали гораздо меньше приглашать пѣть въ концертахъ, чѣмъ въ прежніе годы, и оперная дирекція стала относиться къ нему пренебрежительно,—онъ былъ заходящей звѣздой,—но сэръ Рёбенъ написалъ ему, приглашая пѣть въ Паркъ-Лэнѣ. А Поль Виллэ явился къ нему, настойчиво совѣтуя подвергнуть свой голосъ вліянію его новой методы. Сэръ Рёбенъ предложилъ ему щедрое вознагражденіе, а Поль Виллэ—цѣлый рядъ даровыхъ уроковъ. Аннѝ послалъ Виллэ къ чорту, позвонилъ лакею и велѣлъ ему вывести Виллэ и никогда больше не принимать. Предложеніе сэра Рёбена онъ отклонилъ, отказавшись пѣть въ концертѣ, устроиваемомъ лэди Кэриль. Сэръ Рёбенъ улыбался, читая письмо. Виллэ сталъ ѣздить повсюду, браня Аннѝ и разсказывая о его неблагодарности.

— Кто, какъ не я,—восклицалъ онъ,—способствовалъ его величайшему успѣху, давъ ему первому спѣть мою „Пѣсню о жемчужинѣ“!

Аннѝ, крайне тщеславный по натурѣ, испытывалъ адскія мученія. Когда онъ входилъ въ театръ на репетиціи, то въ глазахъ его появлялось дикое подозрительное выраженіе. А въ обществѣ онъ всегда бывалъ на сторожѣ, опасаясь какого-нибудь знака невниманія,—все ему казалось признакомъ того, что онъ потерялъ свое прежнее обаяніе. Аннѝ теперь часто имѣлъ удовольствіе видѣть Поля Виллэ, окруженнаго обожательницами, въ то время какъ его едва замѣчали.

Разъ онъ былъ приглашенъ пѣть въ концертѣ, устроенномъ м-съ Паркинсонъ. На этомъ концертѣ были Аллабруты, monsieur и madame Виллэ, лэди Сэитъ-Орминъ и все свѣтское музыкальное общество. Аннѝ пѣлъ хрипло и нетвердо, безъ настоящей законченности и безъ всякой тонкости выраженія. Онъ видѣлъ, какъ Виллэ пожималъ плечами. Въ концѣ вечера новый баритонъ, изъ Парижа, спѣлъ „Пѣсню жемчужины“ съ измѣнен-

Digitized by Google

нымъ концомъ. Виллэ аккомпанировалъ ему. Всѣ были въ восторгѣ. Аннѳ рано уѣхалъ. Черезъ два или три дня онъ явился къ лэди Кэриль и засталъ ее дома одну. Она протянула ему руку. Онъ поклонился, не беря ея руки, и когда лакей вышелъ изъ комнаты, сказалъ:

— Вы довольны, милэди? Вы рады? Скажите мнѣ!—Онъ говорилъ грубо, едва владѣя своимъ голосомъ и глядя пристально на лэди Кэриль, которая смотрѣла на него съ спокойнымъ удивленіемъ.

— Чтѳ вы хотите сказать, monsieur?—спросила она.

— Развѣ вы не смѣетесь надъ моей гибелью? Не смѣетесь вмѣстѣ съ Виллэ, вмѣстѣ со всѣмъ Лондономъ?

— Надъ вашей гибелью! Нѳ вы не погибли. Чтѳ такое вы говорите?

— Я говорю то, чтѳ всѣ говорятъ. Сила моего пѣнія исчезла. Говорятъ, что мой талантъ погибъ. Это вы—вы его погубили. Говорятъ, что я не умѣю больше управлять моимъ голосомъ. А развѣ я не умѣлъ управлять имъ до встрѣчи съ вами? Я утверждаю, что умѣлъ. Онъ подчинялъ мнѣ все общество, это общество, которое теперь смѣется надо мною, mon Dieu! Я покорялъ всѣхъ, кого хотѣлъ, до встрѣчи съ вами. Я отдалъ моему искусству все—юность, умъ, силы физическія и нравственныя. Я все принесъ ему въ жертву,— о, эти жертвы!.. Но для васъ это непонятно. Вы никогда не приносили никакихъ жертвъ. Вы довольствуетесь тѣмъ, что принимаете ихъ отъ другихъ. Но я— я былъ рабомъ музыки—говорю вамъ,—чтобы сдѣлать музыку моимъ рабомъ—слышите—моимъ? Все, чтѳ я хотѣлъ имѣть, я получилъ, благодаря музыкѣ, все—все, до встрѣчи съ вами.

— Monsieur Аннѳ!..

— Я любилъ музыку—и говорю вамъ, что я любилъ ее за то, чтѳ она для меня дѣлала и давала мнѣ. Теперь я ненавижу ее за то, что она не хочетъ для меня сдѣлать, и отъ ненависти къ ней я падаю, падаю все ниже. Мой голосъ еще здѣсь!— быстрымъ движеніемъ онъ поднялъ руку и коснулся своего горла.—Глупцы говорятъ, что онъ пропалъ. Я утверждаю, что онъ не пропалъ. Но какъ могу я управлять голосомъ, предавая его проклятію? Скажите мнѣ—вы! Всѣ они смѣются, и Виллэ вмѣстѣ съ другими,—этотъ человѣкъ, котораго я спасъ отъ голодной смерти! Они не хотятъ меня больше слушать. И все это отъ того, что вы—вы смѣялись, вы не слушали, вы сопротивлялись, вы презирали мое пѣніе настолько же, насколько вы презираете

Digitized by Google

все и всѣхъ,—этого юношу, который отъ васъ уѣхалъ,—вашего мужа,—все—все, кромѣ вашего огромнаго изумруда!..

Въ немъ чувствовалось страстное возбужденіе. Глаза у него были точно у сумасшедшаго.

Лэди Кэриль, пытавшаяся вначалѣ остановить потокъ его рѣчи, теперь сидѣла совершенно молча. Лицо ея приняло холодное и жесткое выраженіе, но глаза были устремлены на Аннò съ видимымъ интересомъ.

— Вашъ изумрудъ,—повторилъ онъ,—говорятъ, что это—единственная вещь, которую вы любите, которая васъ трогаетъ. А! Теперь вы слушаете! Теперь вы слышите! Такъ и есть! Значитъ, правду говорятъ!

Вдругъ онъ потерялъ всякое самообладаніе, нагнулся впередъ и воскликнулъ:

— О! еслибы я могъ вырвать — еслибы я могъ такъ же вырвать его у васъ, какъ вырвали вы все у меня! Еслибъ я—еслибъ я...

Онъ рѣдкимъ движеніемъ поднялъ руки, какъ бы собираясь схватить что-то, и протянулъ ихъ къ груди лэди Кэриль.

Она внезапно вскочила. Все спокойствіе въ ней исчезло. Она имѣла видъ страшно взволнованный, страшно испуганный. Она схватилась руками за грудь и остановилась у двери. Въ эту самую минуту дверь изъ передней отворилась, и сэръ Рёбенъ вошелъ въ комнату. Она схватила его за руку одной рукой, продолжая держать другую на груди.

— Рёбенъ! Рёбенъ!—воскликнула она, задыхаясь, хриплымъ отъ ужаса голосомъ. Потомъ, повернувшись къ Аннò, она прошептала въ лицо ему:

— Воръ!

Она опустила взглядъ къ себѣ на грудь. Тамъ не сверкало никакого драгоцѣннаго камня. Сэръ Рёбенъ слегка поддерживалъ ее, глядя на пѣвца и ожидая объясненія отъ него. Аннò подошелъ къ нимъ. Въ лицѣ его появилось выраженіе какого-то дикаго любопытства. Онъ остановился совсѣмъ близко отъ нихъ и произнесъ:

— Онъ у нея тутъ, онъ у нея тутъ—спрятанъ—эта единственная вещь, которую она любитъ! Обыщите ее и увидите!

Потомъ онъ повернулся, чтобы уходить, и, уже держась за ручку двери, сказалъ, обращаясь къ сэру Рёбену:

— Вы не боитесь? Вы не боитесь прикасаться къ ней? Да что̀ она такое? Что̀ она такое?—Больше онъ не произнесъ ни

Digitized by Google

слова. Казалось, онъ былъ въ ужасѣ отъ лэди Кэриль и поспѣшно вышелъ изъ дома.

Сэръ Рёбенъ отстранилъ руку жены и коснулся ея груди. Онъ почувствовалъ что-то твердое, спрятанное подъ платьемъ. Она вскрикнула и оттолкнула его руку.

— Ахъ, Кэриль!—сказалъ онъ:—береги свое сокровище, но не забывай, что это я его тебѣ подарилъ, и не бойся меня.

Тогда она обвила руками его шею и спрятала лицо у него на груди.

VII.

Аннò не пѣлъ больше въ этомъ году въ оперѣ. Онъ попросилъ дирекцію освободить его отъ контракта, ссылаясь на нездоровье. М-ръ Вильсонъ объявилъ ему покровительственнымъ тономъ, что онъ можетъ уѣхать во всякое время безъ всякой помѣхи и препятствій со стороны дирекціи.

— Примите мой совѣтъ, Аннò, дружище,—сказалъ онъ,—дайте отдохнуть вашему голосу. Разводите розы, займитесь сельскимъ хозяйствомъ и садоводствомъ. Желаю вамъ всего хорошаго. Бернардинъ будетъ исполнять ваши партіи.—Бернардинъ былъ новый баритонъ, котораго м-ръ Вильсонъ отыскалъ гдѣ-то въ Лапландіи или въ другомъ столь же отдаленномъ мѣстѣ. Онъ сгоралъ желаніемъ замѣнить Аннò.

— Бернардинъ занимался съ Виллэ,—прибавилъ м-ръ Вильсонъ, покручивая усы.

Аннò раскланялся. Повернувшись, чтобы уходить, онъ почувствовалъ страшное желаніе поколотить или даже убить м-ра Вильсона, но, конечно, овладѣлъ собою. Черезъ нѣсколько дней онъ уже былъ въ Парижѣ, гдѣ у него было множество очень странныхъ знакомствъ. Каждую недѣлю ему препровождали изъ Лондона газету, прочитывая которую, онъ какъ бы съ птичьяго полета обозрѣвалъ жизнь высшаго лондонскаго общества. Изъ Парижа онъ не переставалъ слѣдить за лэди Кэриль. Однажды онъ прочиталъ замѣтку, въ которой говорилось о ея большомъ изумрудѣ. Въ какомъ-то обществѣ одинъ современный магъ дотронулся до него и разсказалъ лэди Кэриль отчасти ея прошлое, отчасти будущее. Аннò показалъ эту замѣтку человѣку, съ которымъ сидѣлъ въ это время въ café.

Отношенія Обрэ къ Аллабрутамъ за послѣднее время не были особенно близкими. Онъ часто встрѣчался съ ними въ обществѣ, часто разговаривалъ съ ними, но послѣ смерти Альфа

Digitized by Google

онъ всегда испытывалъ какую-то неловкость, находясь съ Кэриль. Онъ былъ увѣренъ, какъ всегда, что она не понята другими, свѣтомъ, но и ему она показалась безчеловѣчной на балу въ тотъ вечеръ, когда умиралъ Альфъ. Потомъ онъ сталъ разсуждать съ собою. Онъ мысленно рѣшилъ, что въ Кэриль все еще было много дѣвическаго, и что она просто испугалась и отступила передъ ужасомъ еще никогда ею не виданной смерти. Развѣ это не было вполнѣ естественно? Онъ зналъ, что мать его безмолвно осудила ее за отказъ исполнить требованіе Альфа, но вѣдь въ характерѣ его матери всегда было что-то мужественное. Кэриль была испугана и даже не отдала себѣ отчета въ томъ впечатлѣніи, которое ея особенная красота произвела на маленькаго акробата. Повидимому, она никогда не думала о своемъ вліяніи на другихъ и о той власти, которую ея красота могла имѣть надъ мужчинами. Все это и заставляло Обрэ цѣнить ее такъ высоко. Эпизодъ съ Альфомъ заставилъ его отступить временно отъ Кэриль, и теперь еще она ему казалась далекой, но его привязанность оставалась неизмѣнной. Въ Паркъ-Лэнѣ продолжалась по прежнему постоянная покупка драгоцѣнныхъ камней. Тамъ появлялись очень странные люди: восточные торговцы изъ-за океана, шведы съ жемчугами, индійскіе торговцы и евреи, искавшіе покупателей для своихъ хозяевъ въ Парижѣ, въ Вѣнѣ, въ Тунисѣ и Персіи, сибиряки и кавказцы, люди изъ степей Азіи и изъ Бразиліи. Лэди Кэриль никогда не обращала вниманія на деньги, которыя платились за ея любимыя вещи, а сэръ Рёбенъ никогда не говорилъ съ нею о деньгахъ. Но на биржѣ стали часто обсуждать странность и сложность его огромныхъ денежныхъ оборотовъ. Онъ съ какой-то дикой жадностью бралъ деньги подъ большіе проценты и велъ крупную игру на биржѣ.

— Аллабрутъ нуждается въ деньгахъ,—говорили биржевики,—и ему все равно, какимъ бы способомъ ихъ ни достать.

Еще никогда сэръ Рёбенъ не жилъ такъ, какъ жилъ теперь въ своемъ вѣчномъ стремленіи покупать драгоцѣнности для своей рабыни. Его неестественная энергія днемъ еще усиливалась, а ночью ярче разгорались воспоминанія о дняхъ юности. Кэриль, принимая его необузданную щедрость, была ему покорной рабой. Она вполнѣ принадлежала генію, который велъ ее къ чудесамъ волшебнаго подземелья. Онъ вспоминалъ объ умершей креолкѣ и, держа въ своихъ объятіяхъ Кэриль, смѣялся надъ преслѣдовавшей его тѣнью. Когда онъ мягкими шагами подходилъ къ женѣ, принося ей какую-нибудь новую драгоцѣнность, то онъ

Digitized by Google

оглядывался черезъ плечо, не слѣдитъ ли за нимъ завистливая тѣнь.

Къ концу сезона онъ выразилъ свое давнишнее желаніе увидать свою жену въ иной обстановкѣ, среди женщинъ другой расы и совсѣмъ иныхъ привычекъ. Она слушала его страстное описаніе тѣхъ странъ, гдѣ онъ путешествовалъ, той удивительной обстановки, въ которой онъ жилъ. Но въ ея длинныхъ глазахъ не вспыхивало выраженіе интереса. Мысли о дикой природѣ и дикихъ народахъ, о могучихъ, жестокихъ мужчинахъ и о покорныхъ, безотвѣтныхъ женщинахъ или о жизни гаремныхъ затворницъ—подобныя мысли не волновали, не трогали ея и не вызывали ни малѣйшей краски на ея блѣдномъ лицѣ.

— Ты не хочешь ѣхать, Кэриль?—сказалъ сэръ Рёбенъ.—Ты не хочешь?

— О, нѣтъ, Рёбенъ,—отвѣчала она ему:—мнѣ хотѣлось бы видѣть эти мѣста, этихъ людей.

Но онъ отлично видѣлъ, что это было не такъ. Она была настолько удовлетворена, что больше ничего не хотѣла. Съ минуту онъ сидѣлъ молча, испытывая чувство холода и безсилія, потомъ въ его глазахъ промелькнулъ недовѣрчивый, хитрый огонекъ. Онъ наклонился къ ней, какъ въ тотъ разъ за обѣдомъ, когда передавалъ ей и Обрэ свои мысли и странныя сказки о драгоцѣнныхъ камняхъ.

— Развѣ тебѣ не хотѣлось бы, Кэриль,—сказалъ онъ мягко,—увидѣть тѣ страны, откуда привозятъ драгоцѣнные камни?

Ея лицо измѣнилось,—въ немъ появилось выраженіе живого интереса.

— Знаешь ли ты,—продолжалъ онъ,—что одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ въ цѣломъ свѣтѣ сапфировъ былъ найденъ въ Бенгаліи бѣднымъ дровосѣкомъ. Онъ не любилъ драгоцѣнные камни, какъ ты. А ты вотъ вѣчно живешь здѣсь, въ холодной Англіи, куда драгоцѣнные камни привозятся, правда, но гдѣ они все-таки какъ бы въ изгнаніи. Развѣ онъ не зналъ о драгоцѣнныхъ камняхъ больше тебя, и развѣ онъ не былъ къ нимъ ближе тебя, этотъ бѣдный дровосѣкъ, нашедшій одно изъ самыхъ знаменитыхъ сокровищъ Европы! А твой изумрудъ, твое второе *я*—вѣдь изумрудныя горы лежатъ возлѣ египетскаго города Асна. А ты не хочешь видѣть Египта? Неужели ты не хочешь видѣть Перу, гдѣ когда-то жили жрецы, разсказывавшіе народу о богинѣ Эсмеральдѣ,—о тебѣ, Кэриль, о тебѣ. Кто можетъ утверждать въ самомъ дѣлѣ, что ты не богиня Эсмеральда, страннымъ, таинственнымъ образомъ вновь сошедшая на землю?

Digitized by Google

Можетъ быть, ты снова воплотилась, чтобы составить одно цѣлое съ твоимъ большимъ изумрудомъ здѣсь, въ моемъ домѣ, вмѣстѣ со мной.

Сильнѣйшее волненіе овладѣло имъ. Это волненіе захватило и ее. Въ подобныя минуты этотъ маленькій человѣкъ совершенно зачаровывалъ ее. Ей казалось, что онъ зажегъ факелъ и, держа ея нѣжную руку въ своей, уносилъ ее,—уносилъ ее съ собою на крыльяхъ своей страстной рѣчи. Они умчались вмѣстѣ далеко въ эту душную лѣтнюю ночь, когда въ Лондонѣ пировали и спали, когда женщины прокрадывались вдоль улицъ, вглядываясь въ темноту своими впалыми, голодными глазами, на скамьяхъ вдоль набережной, скорчившись, засыпали нищіе, а въ паркѣ—утомленныя голодныя дѣти, просидѣвшія до полночи въ укромныхъ мѣстахъ между деревьями, теперь вылѣзали, ложились въ траву у воды и дремали. Въ эту ночь Рёбенъ и Кэриль путешествовали и видѣли странныя вещи. Они побывали въ Бразиліи и повидали старую негритянку, нашедшую брилліантъ, который Парижъ долгое время называлъ „звѣздою юга". Въ Аравіи они любовались опалами. Они слушали молитву, похожую на крикъ, искателей жемчуга на водахъ Индійскаго океана. Въ пустынныхъ пространствахъ Сибири топазы улыбались имъ, а въ горахъ Кавказа на нихъ смотрѣли глаза бирюзы. Въ эту ночь Кэриль, засыпая, сказала своему мужу:

— Возьми меня съ собой, Рёбенъ,—я хочу путешествовать съ тобою по свѣту.

Онъ засмѣялся, крѣпко сжалъ ее своими тонкими, высохшими руками и сказалъ:

— Прежде всего я повезу тебя въ страну солнца, гдѣ когда-то жилъ среди рабовъ, потому что вѣдь и ты—раба моя Эсмеральда.

— Какъ это?—спросила она.

— Если даже не моя раба, то раба своихъ драгоцѣнностей.

Засыпая, она почувствовала на своихъ губахъ его сухія губы, и послѣдній звукъ, достигшій ея слуха, былъ тихій смѣхъ ея мужа въ темнотѣ.

VIII.

Когда всѣ стали разъѣзжаться изъ Лондона въ іюлѣ, Аллабруты остались въ Паркъ-Лэнѣ. Послѣ той ночи, когда сэръ Рёбенъ такъ увлекъ свою жену страстными фантастическими разсказами, Кэриль утратила свое прежнее душевное равновѣсіе. Она сдѣлалась безпокойной, томясь желаніемъ болѣе широкихъ

Digitized by Google

горизонтовъ. Тяжелыя рѣшотки на окнахъ, ограничивавшія ея зрѣніе, когда она бывала дома, порождали въ ней безпокойныя мысли, вызывая представленіе о тюрьмѣ. Часто сэръ Рёбенъ, неожиданно входя къ ней, заставалъ ее ходившею по комнатѣ изъ угла въ уголъ. Онъ улыбался, невольно сравнивая ее съ красивымъ звѣремъ въ клѣткѣ.

— Почему ты такъ улыбаешься, Рёбенъ?— спросила она.

Онъ не сказалъ ей, что радовался тому, что своими рѣчами такъ встревожилъ ея душу.

— У тебя явилось, наконецъ, желаніе путешествовать?— сказалъ онъ.

— Да, явилось. Когда мы поѣдемъ?

— А когда ты хочешь ѣхать?

— Ты знаешь, Рёбенъ.

Она и не старалась сказать ему, совершенно полагаясь на его полнѣйшее пониманіе.

— Да,—отвѣчалъ онъ,—мнѣ кажется, я знаю. Кэриль, мы проживемъ здѣсь спокойно, пока не кончится лондонскій мертвый сезонъ. Мы будемъ отдыхать, какъ отдыхаютъ во время долгой жары на Востокѣ. Мы будемъ отдыхать, окруженные тѣмъ, что мы такъ любимъ.

При этихъ словахъ она улыбнулась.

— Кромѣ того,—продолжалъ онъ,—мнѣ нужно устроить нѣкоторыя дѣла, привести въ порядокъ нѣкоторыя вещи, кое съ кѣмъ повидаться. Въ теченіе этого мертваго сезона все это можно устроить. А потомъ, осенью, мы отправимся путешествовать на родину драгоцѣнныхъ камней. Это будетъ странное путешествіе,—не правда ли? Лондонъ не будетъ знать, зачѣмъ мы ѣдемъ и куда, и что за цѣль нашего путешествія. Мы будемъ нѣжно охранять нашу тайну.

— Да, да.

Теперь она успокоилась. Она усѣлась и стала улыбаться почти мечтательно. Ея сѣрые глаза, обращенные къ окнамъ, закрытымъ рѣшотками, казалось, созерцали какіе-то отдаленные предметы.

— Отдохни, Кэриль, отдохни немного!—сказалъ онъ.—Вѣдь наше странствіе будетъ долгое и мы побываемъ во многихъ краяхъ.

Произнося послѣднія слова, онъ, казалось, былъ пораженъ какой-то горькой мыслью. Лицо его омрачилось, и онъ замолчалъ, но потомъ довѣрчиво повторилъ:

— Да, во многихъ, во многихъ краяхъ.

Digitized by Google

Послѣднею новостью въ этомъ сезонѣ было извѣстіе, что Аллабруты собираются совершить кругосвѣтное путешествіе.

Они отказались отъ всѣхъ приглашеній на лѣто въ деревню; даже не собирались ѣхать къ лэди Сэнтъ-Орминъ въ Гэмпширъ. Она наняла тамъ мызу и дѣлала приготовленія, чтобы населить ее французскими композиторами, итальянскими пѣвцами, русскими писателями и всѣми англичанами, умѣющими благоговѣть и преклоняться.

Лэди Рангклифъ уѣхала въ имѣніе мужа, а Обрэ отправился къ своимъ друзьямъ въ Шотландію. Monsieur и madame Виллэ поспѣшили въ Гомбургъ, въ погоню за какими-то высокопоставленными особами. Нездоровая духота исключительно жаркаго лѣта окутывала Лондонъ, тяжело опускалась на опустѣвшія улицы и приникала къ домамъ, имѣвшимъ слѣпой видъ, благодаря закрытымъ ставнямъ. Эта душная жара томительно тяготѣла надъ рѣкою, какъ задыхающееся чудовище, обдавала зноемъ узкіе переулки бѣдныхъ кварталовъ, наполняя каждый день мучительнымъ желтымъ блескомъ и тоскливой дремотой, а каждую ночь—бездонной чернотой и томительной безсонницей.

Лѣниво бродили истомленные люди по городу. Женщины сидѣли у открытыхъ оконъ, слѣдя за ссорами играющихъ въ пыли дѣтей, мечтая о жизни на берегу моря, гдѣ дуетъ соленый, животворный вѣтеръ и слышится шопотъ волнъ. А за рѣзными рѣшотками своего дома сэръ Рёбенъ и лэди Кэриль наслаждались долгимъ отдыхомъ, въ ожиданіи отъѣзда въ тѣ страны, которыя рисовало имъ ихъ воображеніе.

Кэриль успокоилась и проводила въ одиночествѣ долгіе часы, предаваясь своимъ мечтамъ или прилежно читая книги. Эти книги были ей подарены сэромъ Рёбеномъ. Это были исторіи драгоцѣнныхъ камней, описанія странъ, гдѣ они находятся, изобрѣтательные разсказы объ ихъ предполагаемыхъ добрыхъ и злов редныхъ свойствахъ, объ ихъ составѣ и вліяніяхъ. Одна изъ этихъ книгъ была очень старая. Ея темный коричневый переплетъ, на которомъ вмѣсто этикетки съ названіемъ остались одни оборванныя лохмотья, сначала отнялъ у Кэриль всякую охоту брать книгу въ руки, но, разъ прочитавъ ее, она была совершенно очарована ею и задумалась надъ новымъ способомъ леченья, описаннымъ въ книгѣ. Тамъ приводились многочисленные примѣры цѣлебныхъ свойствъ драгоцѣнныхъ камней.

Однажды вечеромъ она очень много толковала мужу объ этой книгѣ и о своей вѣрѣ въ то, что въ ней было написано.

— Еслибъ мнѣ нужно было выбирать какую-нибудь профес-

Digitized by Google

сію, Рёбенъ,—сказала она,—то я сдѣлалась бы докторомъ и стала бы исцѣлять драгоцѣнными камнями. Они замѣняли бы мнѣ лекарства.

И она передала ему нѣсколько разсказовъ о томъ, какъ люди съ помощью драгоцѣнныхъ камней вылечивались отъ ужаснѣйшихъ страданій.

Сэръ Рёбенъ выслушивалъ эти сказки. Онѣ казались ему сказками „Тысячи и одной ночи“ и дѣлали Кэриль еще болѣе похожей на прекрасную рабыню.

Ночь была жаркая и тихая. Большая августовская луна стояла надъ городомъ. Сэръ Рёбенъ велѣлъ слугѣ-арабу отдернуть драпировку отъ двери той комнаты, гдѣ они сидѣли, чтобы можно было слышать, какъ звенѣли въ сѣняхъ струи фонтана, съ плескомъ котораго сливался голосъ Кэриль.

Однажды, возвращаясь къ разговору о цѣлебныхъ свойствахъ драгоцѣнныхъ камней, она сказала мужу:

— Рёбенъ, я буду изучать этотъ предметъ, и если ты когда-нибудь заболѣешь, то я вылечу тебя однимъ изъ твоихъ же подарковъ.

Онъ лежалъ, откинувшись на подушки дивана, и ничего не сказалъ. Она посмотрѣла на него совсѣмъ близко съ любопытствомъ. Въ первый разъ и, быть можетъ, вслѣдствіе своего новаго увлеченія, она замѣтила въ немъ особенное оживленное выраженіе, свойственное человѣку въ ненормальномъ состояніи здоровья.

— Ты совершенно здоровъ, Рёбенъ?—спросила она.

— Почему ты меня спрашиваешь?—отвѣчалъ онъ сквозь облако табачнаго дыма.

Она пододвинулась къ нему поближе и дотронулась до его руки. Онъ вздрогнулъ и сѣлъ.

— Ты хочешь отыскать во мнѣ болѣзнь, Кэриль?—спросилъ онъ тихо.

— Нѣтъ, нѣтъ, Рёбенъ!

И она заговорила о другомъ. Но послѣ этого вечера онъ сталъ замѣчать, что она наблюдала за нимъ съ новымъ внимательнымъ выраженіемъ въ глазахъ и болѣе чѣмъ когда-либо зачитывалась своими книгами.

Душные дни проходили. Къ сэру Рёбену являлось множество посѣтителей. Онъ часто запирался съ дѣловыми лицами изъ Сити. Его близкій отъѣздъ на долгое время сталъ всѣмъ извѣстенъ. Повидимому, очень многимъ хотѣлось видѣть его до отъѣзда. Онъ никогда не говорилъ съ Кэриль объ этихъ посѣщеніяхъ, и она ими нисколько не интересовалась.

Digitized by Google

Яхта сэра Рёбена „Изумрудъ“ стояла снаряженная въ Соутгамптонѣ. Они должны были отплыть въ послѣднихъ числахъ сентября. Кэриль замѣчала, смотря съ своей новой докторской точки зрѣнія, что странное выраженіе неестественнаго оживленія все усиливалось въ лицѣ сэра Рёбена. Она наблюдала за нимъ, и онъ это зналъ, какъ зналъ все, что она дѣлала, почти все, что она думала. Эта новая въ ней способность наблюденія была непріятна ему. Это дѣлало ее другой, а онъ не хотѣлъ, чтобъ она была другою.

— Никогда не мѣняйся!—сказалъ онъ ей однажды.

И рѣшилъ закрывать глаза на всякую перемѣну въ ней, еслибъ эта перемѣна и явилась. Онъ весь отдался теперь порыву жизненной энергіи, иногда пробуждающейся у стариковъ. Уединившись въ своемъ большомъ, безмолвномъ и роскошномъ домѣ, среди замирающей жизни огромнаго города, онъ хотѣлъ устроить себѣ повтореніе медоваго мѣсяца. Кэриль была молода, какъ настоящая новобрачная, и ему захотѣлось тоже притвориться молодымъ. Такъ прошли августовскіе дни и закатились вмѣстѣ съ августовской луной.

Насталъ сентябрь, принося съ собою признаки и предчувствія осени. Чѣмъ болѣе приближалось время отъѣзда, тѣмъ чаще заговаривалъ сэръ Рёбенъ о предстоявшемъ путешествіи. Ему уже слышался шумъ океана и видѣлось сіяніе тропическаго солнца.

— Я ненавижу Лондонъ!—вырвалось у него какъ-то разъ неожиданно, и въ глазахъ появилось выраженіе почти ужаса.

Кэриль сидѣла въ креслѣ, читая книгу о драгоцѣнныхъ камняхъ. Она подняла голову.

— Почему?—спросила она.

Мужъ собрался отвѣчать ей, но раздумалъ и ничего не сказалъ. Было ясно, что слова готовы были сорваться съ его губъ, но онъ сдержалъ ихъ въ послѣднее мгновенье. Видя, что Кэриль пристально смотритъ на него, онъ подумалъ и сказалъ:

— Онъ утомилъ меня. Вотъ и все. У меня въ крови страсть къ путешествіямъ!

Кэриль снова углубилась въ чтеніе. Прочитавъ двѣ или три страницы, она услыхала голосъ мужа.

— Ты воображаешь, что я не совсѣмъ въ нормальномъ состояніи, Кэриль?—въ его голосѣ слышалась подозрительность. Она опустила книгу.

— Не въ нормальномъ состояніи?—повторила она.—То-есть, какъ это?

— Это ужъ ты должна мнѣ сказать.

Digitized by Google

— Но я этого и не думаю!—сказала она, желая сдѣлать ему пріятное.

— Ты увѣрена, что эта мысль ни разу не приходила тебѣ за послѣднее время?

Она, улыбаясь, покачала головой, но въ эту минуту поняла, что и онъ сознавалъ, что въ немъ совершался какой-то странный процессъ. Было ли это что-нибудь физическое или нравственное, или же и то, и другое вмѣстѣ?

— Мнѣ кажется, что у тебя—какъ бы это сказать...—она остановилась, соображая, что̀ именно ей казалось:—что ты кажешься необыкновенно молодымъ въ послѣднее время,—докончила она.

Онъ видимо остался доволенъ.

— Только и всего? Да, я чувствую себя молодымъ. Ты меня дѣлаешь молодымъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я женился на тебѣ, я стряхнулъ съ себя бремя старости.

Весь этотъ вечеръ онъ былъ очень веселъ, много говорилъ, то шутя, то давая волю своему воображенію. Но, оставшись одна, Кэриль стала рыться въ своихъ книгахъ, пока не нашла одну, озаглавленную: „Странность всего привычнаго“. Это была любопытная, довольно несвязная книга, написанная издателемъ одной газеты, весьма распространенной среди оккультистовъ. Слѣдующее мѣсто особенно сильно поразило Кэриль. Смутное воспоминаніе о немъ и заставило ее взять книгу съ полки и снова перелистать ея страницы.

„Духъ жизни непрестанно бесѣдуетъ съ нами, но мы не хотимъ его слушать. Онъ существуетъ и говоритъ въ драгоцѣнныхъ камняхъ, въ деревьяхъ, цвѣтахъ и растеніяхъ. Иногда наше равнодушное отношеніе къ тому, что̀ онъ говоритъ намъ, сердитъ его и приводитъ въ отчаяніе. Это случается часто, когда онъ говоритъ въ человѣческомъ тѣлѣ. Но никогда не бываетъ Духъ жизни въ такомъ безпокойномъ состояніи, какъ передавая намъ вѣсть въ періодъ, непосредственно предшествующій моменту, въ который онъ долженъ уйти изъ человѣческаго тѣла. Онъ встаетъ тогда, какъ отъѣзжающій гость, протягиваетъ намъ руку и говоритъ: „Прости!“... Какъ часто мы отклоняемъ эту руку и не слушаемъ прощальнаго привѣта! Какъ часто жалуемся мы потомъ, что внезапное исчезновеніе Духа жизни поразило насъ своею неожиданностью, что мы были совершенно подавлены горемъ и ужасомъ! Такъ называемыя внезапныя смерти устрашаютъ насъ. Это случается потому, что мы никогда не стараемся быть по настоящему наблюдательными. Я убѣжденъ, что Духъ жизни

Digitized by Google

рѣдко или никогда не покидаетъ тѣла, не подавъ предварительно опредѣленнаго знака, что онъ собирается это сдѣлать. Однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ изъ этихъ признаковъ является необычная и кажущаяся неестественной веселость, оживленность, пламенная энергія или сильное безпокойство, выказываемое мужчиной или женщиной".

Вслѣдъ за этимъ авторъ приводилъ примѣры людей, выказавшихъ такое неестественное оживленіе и безпокойство непосредственно передъ своею такъ-называемою смертью и когда они казались совершенно здоровыми. Потомъ онъ старался доказать, что нѣкоторые драгоцѣнные камни предсказываютъ иногда смерть своихъ обладателей. Особенно онъ приписывалъ такое свойство сапфиру, который,—по вѣрованію древнихъ,—теряя способность предохранять отъ смерти, указываетъ моментъ, когда у него отнимается его предохранительная сила. Онъ, по словамъ автора книги, становится тусклымъ, затуманеннымъ и почти чернымъ, какъ будто смущаясь собственною безполезностью и безсиліемъ.

Дойдя до этого мѣста, Кэриль отложила книгу и долго сидѣла погруженная въ думы.

Въ тотъ же вечеръ къ обѣду она надѣла удивительное сапфировое кольцо, подаренное ей мужемъ вскорѣ послѣ свадьбы.

Сэръ Рёбенъ не особенно много разговаривалъ за обѣдомъ, но Кэриль казалось, что его безмолвное оживленіе и впечатлѣніе необыкновенной энергіи, производимое его неподвижной фигурой, еще значительно усилились.

Она думала о только-что прочтенной книгѣ и смотрѣла на сапфиръ, медленно вертя кольцо на пальцѣ. Ей хотѣлось, чтобы мужъ надѣлъ его. Ей хотѣлось сдѣлать тогда наблюденіе надъ камнемъ. Въ ней проснулось глубокое любопытство, въ которомъ не было ничего общаго со страхомъ. Это было совершенно особенное чувство, отдѣльное отъ всѣхъ другихъ.

Ей хотѣлось доказать самой себѣ... что? Едва ли она могла бы отдать себѣ ясно отчетъ въ своемъ желаніи. Она смотрѣла на сапфиръ, потомъ подняла глаза на мужа.

Онъ сидѣлъ, откинувшись на спинку кресла и вытянувъ ноги. Въ рукѣ онъ держалъ стаканъ вина, готовясь поднести его къ губамъ. Прежде часто рука его дрожала, когда онъ бралъ что-нибудь, но въ этотъ вечеръ она была тверда, какъ скала. Онъ медленно прихлебывалъ вино. Потомъ поставилъ стаканъ на столъ и сказалъ:

— Я купилъ тебѣ сегодня подарокъ, Кэриль.

Digitized by Google

— Какой? Драгоцѣнный камень?—спросила она быстро.

— Нѣтъ, походную шкатулку, чтобы прятать твои драгоцѣнности. Я зналъ, что ты захочешь взять ихъ или часть изъ нихъ съ собою на яхту.

Она поблагодарила его.

— Я покажу ее тебѣ послѣ обѣда, — сказалъ онъ; — она удивительно устроена и въ ней столько замысловатыхъ приспособленій.

Выкуривъ папиросу и выпивъ кофе, онъ велѣлъ слугѣ-арабу принести шкатулку въ курительную комнату, гдѣ они сидѣли. Онъ отперъ ее и сталъ показывать Кэриль всѣ многочисленные выдвижные ящики, скрытыя углубленія, маленькія дверцы, гнѣздышки для ожерелій и узенькіе желобки для колецъ. Она разсматривала все это, но съ меньшею живостью, чѣмъ онъ ожидалъ. Шкатулка была устроена такъ, чтобы въ ней могло помѣститься какъ можно больше драгоцѣнностей, и при этомъ была сравнительно невелика. Кэриль и сэръ Рёбенъ разговорились о томъ, что̀ можетъ стоить ея содержимое, если всю ее наполнить. Вдругъ сэру Рёбену пришла блестящая мысль.

— Уложимъ твои драгоцѣнности въ шкатулку, — сказалъ онъ,—чтобы ужъ она была готова къ нашему путешествію.

— Къ нашему путешествію,—повторила она.—Хорошо.

Видъ у нея былъ какой-то озабоченный. Онъ не понималъ, отчего это, и ему захотѣлось расшевелить и развлечь ее. Поэтому онъ рѣшилъ сейчасъ же начать укладку драгоцѣнностей, въ увѣренности, что ихъ видъ и прикосновеніе къ нимъ пробудятъ Кэриль отъ тѣхъ странныхъ туманныхъ сновъ, которые, повидимому, заволакивали ея душу. Онъ самъ пошелъ на верхъ за ея драгоцѣнными камнями. Все время, пока его не было въ комнатѣ, Кэриль сидѣла, глядя на сапфиръ, украшавшій ея палецъ, упиваясь его рѣдкой красотой и чистымъ голубымъ блескомъ. Развѣ могъ такой сіяющій камень затуманиться и сдѣлаться чернымъ? Это казалось невозможнымъ.

Сэръ Рёбенъ возвратился. Слуга-арабъ унесъ кофе. Походная шкатулка стояла открытая на диванѣ.

— Теперь, Кэриль, иди помогать мнѣ вынимать твои драгоцѣнности изъ футляровъ.

Онъ разставилъ ихъ въ комнатѣ по длиннымъ диванамъ, потомъ подошелъ къ стѣнѣ, и вся комната озарилась электрическимъ свѣтомъ. Кэриль встала и открыла два или три футляра. Драгоцѣнные камни, находившіеся въ нихъ, заискрились красными, бѣлыми, пестрыми, желтыми и зелеными огнями. Сэръ Рёбенъ

Digitized by Google

открылъ остальные футляры. Огромный изумрудъ засверкалъ на своемъ бѣлоснѣжномъ бархатномъ ложѣ. Большая, гладкая, молочно-бѣлая жемчужина, купленная сэромъ Рёбеномъ у индійца за пять тысячъ фунтовъ стерлинговъ, нѣжно сіяла среди болѣе яркихъ и замѣтныхъ окружавшихъ ее драгоцѣнностей: среди цѣлаго ряда рубиновъ, бриллiантовыхъ цѣпей, искрившихся сапфировъ и аметистовъ, среди украшеній, тѣсно усаженныхъ бирюзой, изумрудами и опалами и ярко-красными, кровавыми гранатами. Вся комната наполнилась самымъ разнообразнымъ блескомъ, яркимъ, матовымъ, смолистымъ и стекловиднымъ.

— Я люблю смотрѣть на тебя такъ, когда ты стоишь среди твоихъ драгоцѣнныхъ камней, Кэриль, — сказалъ ея мужъ. — Теперь мы вмѣстѣ съ тобою—въ волшебномъ подземельѣ Аладина.

Въ немъ появилось какое-то почти дѣтское веселье, и онъ взялъ ее за руку.

— Ну, хорошо!—воскликнула она, впадая въ его тонъ. — Если ты геній драгоцѣнныхъ камней, то ты долженъ быть покрытъ ими. Они должны цѣпляться за твою одежду, какъ будто любятъ тебя.

Она нѣжно разсмѣялась.

— Дай, я наряжу тебя, какъ генія!—воскликнула она.

Она была весело возбуждена. Сэръ Рёбенъ охотно подчинился ея милой фантазіи. Все это было похоже на какую-то гаремную игру,—а вокругъ нихъ раскинулся Лондонъ, горячій и черный, дремавшій въ какомъ-то тягостномъ оцѣпенѣніи.

— Ты хочешь нарядить меня въ драгоцѣнности,—сказалъ онъ,—и сдѣлать меня похожимъ на восточнаго царя?

— Да, да! Развѣ ты не съ Востока?

— Сегодня я это особенно чувствую. А ты, ты — настоящая прекрасная черкешенка, съ твоей ослѣпительной кожей и блестящими глазами.

Онъ хотѣлъ поцѣловать ее, но она быстро отступила назадъ. Мгновенное выраженіе страха или отвращенія промелькнуло въ ея лицѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ! — воскликнула она. — Нельзя, пока ты не сдѣлаешься моимъ настоящимъ геніемъ.

Она взглянула на сапфиръ на своемъ пальцѣ, потомъ—на руки своего мужа и, быстро подойдя къ дивану, стала вынимать изъ футляровъ драгоцѣнные камни. Онъ внимательно наблюдалъ за нею, думая совершенно по-юношески о поцѣлуѣ, въ

Digitized by Google

которомъ она ему отказала, но который остался за нею. Она подошла къ нему съ руками, полными драгоцѣнныхъ камней.

— Вотъ бриллiантовая цѣпь для генiя,—сказала она, вѣшая ее ему на шею. — Вотъ изумрудъ для его фески,— и она прикрѣпила ему изумрудъ къ фескѣ, которую онъ носилъ на головѣ.—А вотъ и рубины для его одежды.

Медленными движенiями, въ которыхъ было что-то чувственное, покрыла она драгоцѣнными камнями шолковые лацканы его смокинга. Сапфировъ она ему не надѣла, но каждый камень, который она прикрѣпляла, приближалъ ее къ цѣли; она шла къ ней, не торопясь, съ наслажденiемъ предвкушая удачу и чувствуя страстный, никогда не испытанный ею раньше интересъ. Она заставляла мужа поворачиваться во всѣ стороны. Его смуглое лицо улыбалось среди драгоцѣнныхъ камней, а смуглыя руки прикасались съ привычной осторожностью и нѣжностью къ драгоцѣнностямъ, украшавшимъ его узкую грудь. И Кэриль видѣла, что эти драгоцѣнности, вмѣсто того, чтобы совершенно затмевать его, еще сильнѣе выдѣляли и подчеркивали оживленное выраженiе его лица и ту жизненную силу и энергiю, которыя, казалось, исходили изъ всего его существа. Она осторожно и украдкой наблюдала за нимъ.

— Теперь я—настоящiй раджа,—сказалъ онъ.—Ну, что, идутъ мнѣ мои драгоцѣнности? Скажи мнѣ, Эсмеральда!

Снова онъ хотѣлъ коснуться губами ея губъ. Она избѣжала его поцѣлуя, принявъ равнодушный видъ, а въ сущности, преслѣдуя скрытую отъ него цѣль.

— Подожди, Рёбенъ, подожди!—воскликнула она.—У тебя еще нѣтъ колецъ на рукахъ.

Говоря это, она сняла съ третьяго пальца сапфировое кольцо.

— Вотъ что ты долженъ надѣть,—сказала она.

— Оно для меня мало,—возразилъ онъ.—Оно мнѣ не будетъ впору.

— Попробуй... попробуй, на маленькiй палецъ.

Онъ сдѣлалъ невольную гримасу, потому что она почти грубо надвинула кольцо на маленькiй палецъ его правой руки.

— Какая ты сильная и энергичная, Кэриль! — сказалъ онъ. — Ну, да, оно надѣлось, но все-таки очень узко. Теперь я—настоящiй волшебный геній! Кэриль, ты слышишь? Я говорю: я теперь настоящiй волшебный геній! — повторилъ онъ, потому что она ничего не отвѣчала и, казалось, даже не слышала его.

Digitized by Google

Она внимательно смотрѣла на сапфиръ на его рукѣ, и ея пристальный взглядъ горѣлъ нетерпѣніемъ.

— Да, Рёбенъ, ты теперь волшебный геній. Пойдемъ и сядемъ.

Она подвела его къ дивану. Онъ сѣлъ, скрестивъ ноги и принявъ лѣнивую, немного надменную, восточную позу. Случайно его рука, на которой былъ надѣтъ сапфиръ, легла такъ, что ее совершенно закрыла подушка дивана. Кэриль попробовала тихонько отодвинуть подушку.

— Зачѣмъ ты это дѣлаешь?—спросилъ онъ.

— Тебѣ удобно?

— Совершенно. Я могъ бы просидѣть такъ цѣлые часы.

Подушка все еще заслоняла его руку. Кэриль нахмурилась. Видно было, что она была чѣмъ-то недовольна. Она безпокойно задвигалась на диванѣ. Сэръ Рёбенъ началъ говорить объ ихъ приближавшемся путешествіи съ свойственнымъ ему страннымъ полу-фантастическимъ, полу-серьезнымъ краснорѣчіемъ. По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, оживленіе его все усиливалось. Кэриль замѣчала это. Никогда еще онъ не казался такимъ удивительно, почти неестественно молодымъ и энергичнымъ. Можетъ быть, драгоцѣнные камни передавали ему часть своего блеска. Во время его рѣчи она много разъ задавала себѣ этотъ вопросъ. Рука его все еще была закрыта шолковой подушкой, и она не могла видѣть сапфира. Это обстоятельство ужасно раздражало ее и такъ занимало, что она едва слушала то, что онъ говорилъ. Наконецъ, она рѣзко прервала его:

— Рёбенъ, — сказала она: — какъ ты можешь сидѣть такъ неудобно сгорбившись? Ты долженъ отдохнуть послѣ обѣда. Ложись, а я подложу подушки тебѣ подъ голову.

Онъ покачалъ головой.

— Зачѣмъ мнѣ отдыхать? Вѣдь я—геній, а не обыкновенный смертный. Въ тебѣ нѣтъ ничего романическаго, Кэриль. Твое представленіе о геніи, который долженъ лежать и отдыхать послѣ обѣда, не дѣлаетъ тебѣ чести.

И онъ продолжалъ говорить о ихъ путешествіи. Теперь онъ былъ на Цейлонѣ. Она стиснула зубы. Съ большимъ трудомъ удерживалась она, чтобы не отдернуть подушки, закрывавшей его руку. Удивительныя краски Цейлона сверкали и быстро проносились передъ ея глазами. На мгновеніе она закрыла ихъ и подняла руки, чтобы зажать уши, но быстро овладѣла собою и продолжала сидѣть, слушая съ притворнымъ вниманіемъ. Съ Цейлона сэръ Рёбенъ перенесся въ Индію. Его описаніямъ,

Digitized by Google

казалось, не будетъ конца, и онъ видимо думалъ, что Кэриль совершенно увлечена открывающеюся передъ ней перспективою. Его воображеніе и память работали одновременно, выливаясь въ огненныхъ словахъ и стремясь все впередъ и впередъ. Кэриль замѣчала все это, и контрастъ между неподвижностью его тѣла и страстнымъ оживленіемъ его рѣчи казался ей невыносимымъ. Вдругъ у нея явилась счастливая мысль.

— Рёбенъ, ты не куришь,—сказала она.—Я принесу тебѣ папиросу.

— Спасибо, Кэриль,—отвѣтилъ онъ.

Она встала съ дивана. Онъ сидѣлъ, слѣдя за нею, пока она подошла къ столу, на которомъ стоялъ ящикъ съ папиросами. Онъ опустилъ вѣки такъ, что ея фигура представлялась ему туманной, похожей на видѣніе. Полузакрывъ глаза, онъ продолжалъ глядѣть на нее чувственнымъ взглядомъ, слѣдилъ, какъ она подняла серебряную крышку ящика, вынула изъ него папиросу и пошла назадъ, осторожно держа ее нѣжными пальцами. Она подошла къ нему.

— Вотъ возьми, Рёбенъ.

На мгновеніе онъ остался неподвижнымъ, продолжая глядѣть на нее. Никогда еще онъ не наслаждался такъ живо и такъ сильно сознаніемъ того, что она ему принадлежитъ, какъ въ этотъ вечеръ.

— Рёбенъ!..—повторила она, и въ ея голосѣ послышалось раздраженіе.

Онъ поднялъ свою руку изъ-за подушки и протянулъ ее за папиросой. Она дала ее ему и наклонилась, чтобы посмотрѣть на сапфиръ въ то время, какъ онъ произносилъ, растягивая слова, съ лѣнивой страстью:

— Огня, моя Эсмеральда!

Кэриль вздрогнула. Она быстро повернулась, опять подошла къ столу и взяла маленькій серебряный стаканчикъ, въ которомъ рдѣлъ огонекъ. Сэръ Рёбенъ нагнулся впередъ. Онъ взялъ папиросу въ зубы и опять спряталъ руку за подушку. Папироса коснулась стаканчика и загорѣлась. Кэриль едва удержалась, чтобы не вскрикнуть отъ нетерпѣнія и гнѣва. Ей хотѣлось бросить стаканчикъ на полъ. Но въ ту минуту, когда она готова была потерять послѣднее самообладаніе, ея мужъ поднялъ руку съ дивана, вынулъ папиросу изо рта и сказалъ:

— Что такое, Кэриль? Почему у тебя такой раздраженный видъ?

Не отвѣчая, она пристально глядѣла на сапфиръ. Въ камнѣ

Digitized by Google

не было больше той прозрачной ясности и удивительной окраски, дѣлавшихъ его такимъ рѣдкимъ по красотѣ. Легкая дымка заволокла его, и онъ сдѣлался почти чернымъ. Нагнувшись, чтобы ближе разсмотрѣть его, она уронила серебряный стаканчикъ.

— Кэриль, ради Бога, что̀ такое?

Сэръ Рёбенъ нагнулся легко и быстро и поднялъ стаканчикъ съ пола. Она слѣдила глазами за его рукой совершенно разочарованная. Онъ отставилъ стаканчикъ въ сторону.

— Почему ты такъ смотришь на мою руку? Что̀ ты нашла въ ней такого удивительнаго?

— Черный сапфиръ!—произнесла она.

Онъ взглянулъ на кольцо.

— Какія необыкновенныя фантазіи являются у тебя!—воскликнулъ онъ.—Сапфиръ этотъ совсѣмъ не черный. Развѣ это можетъ быть?

— Черный, — повторила она: — онъ почернѣлъ на твоемъ пальцѣ.

Въ ея голосѣ было такое особенное, глубокое значеніе, что онъ былъ испуганъ какъ бы предчувствіемъ угрожающей опасности.

— На моемъ пальцѣ?—проговорилъ онъ.—Развѣ это можетъ имѣть на него вліяніе?

И вдругъ, почти безсознательно, онъ сталъ стараться снять кольцо, но это было трудно сдѣлать, такъ какъ оно было дѣйствительно мало ему. Кольцо впилось въ тѣло; усиліе снять его было безполезно и только причиняло боль. Невозможность исполнить совершенно инстинктивное желаніе показало ему всю нелѣпость этого желанія.

— Какъ глупо!—воскликнулъ онъ.—Зачѣмъ мнѣ его снимать? Только оно мало,—вѣдь я и говорилъ,—его будетъ трудно стащить.

— Да, — произнесла она, продолжая глядѣть на него необыкновенно внимательно.

Онъ читалъ въ ея глазахъ выраженіе страстнаго ожиданія. Это выраженіе было такъ опредѣленно, такъ живо, что ему казалось, что она выражала его въ словахъ.

— Чего ты ждешь?—сказалъ онъ безпокойно.

Онъ оглянулся во всѣ стороны. Онъ стоялъ и прислушивался, самъ не зная—къ чему. Часть ея мыслей и настроенія передалась и ему, но не вполнѣ, такъ что онъ не могъ ясно отдать себѣ отчета въ своемъ предчувствіи. Такъ эхо повторяетъ слова вѣрно, но безсознательно.

Digitized by Google

— Кэриль, да что же такое?—повторилъ онъ настойчиво.—Скажи же мнѣ, чего ты ждешь?

Въ его голосѣ слышался страхъ.

— Это ты долженъ мнѣ сказать,—почти прошептала она.

— Я?—пробормоталъ онъ.—Я?

При этихъ словахъ внезапный порывъ жизни охватилъ его. Потокъ мыслей затопилъ его мозгъ. Огни запрыгали передъ его глазами. Какая-то страшная сила подхватила его и повлекла къ ужасной зіяющей безднѣ. Кэриль видѣла, что съ нимъ происходило, потому что все, что онъ испытывалъ, отражалось въ его наружности, придавая всему его существу видъ неестественнаго и безобразнаго напряженія. Она видѣла, какъ онъ двинулся къ ней, и машинально протянула руки, чтобы подхватить его. Но прежде чѣмъ она его коснулась, жизнь вдругъ исчезла въ немъ, какъ гаснетъ свѣтъ лампы, поставленной на окошко, отъ порыва ночного вѣтра. Еще мгновеніе онъ стоялъ передъ нею, весь потемнѣвшій, какъ окно, въ которомъ умеръ свѣтъ лампы; потомъ закачался и упалъ къ ея ногамъ—лицомъ внизъ. Она стояла неподвижно, глядя на темную массу на полу, и тонкая улыбка промелькнула на ея лицѣ.

— Сапфиръ сказалъ мнѣ правду!—прошептала она и почувствовала радостный трепетъ. Это было мгновенное чувство, но и когда оно исчезло, она не испытала ужаса. Она встала на колѣни, тихо и осторожно повернула голову мужа и посмотрѣла на его лицо. Его глаза были широко раскрыты и глядѣли на нее. Въ нихъ не было отсутствія выраженія. Онъ не былъ мертвъ, и среди украшавшихъ его драгоцѣнностей только сапфиръ казался затуманеннымъ и темнымъ. Она вспомнила о цѣлебномъ свойствѣ нѣкоторыхъ драгоцѣнныхъ камней, и вновь ее охватило страстное любопытство и желаніе.

Когда, черезъ нѣсколько минутъ, слуга-арабъ внесъ въ комнату воду со льдомъ, которую сэръ Рёбенъ имѣлъ обыкновеніе пить на ночь, то онъ увидалъ, что его господинъ лежалъ неподвижно на полу и голова его покоилась на подушкѣ. Лэди Кэриль сидѣла съ маленькой книжкой въ рукахъ, вся погруженная въ чтеніе. Отъ ярлыка, на которомъ старинными буквами было написано названіе книги, оставались только обрывки.

Арабъ нагнулся, посмотрѣлъ близко на своего господина, потомъ подошелъ къ лэди Кэриль и тихонько коснулся ея руки.

Digitized by Google

Она вздрогнула и подняла голову. Но потомъ сдѣлала ему знакъ, чтобъ онъ не мѣшалъ ей.

— Я вылечу его,—сказала она, указывая на сэра Рёбена.— Я вылечу его, Даубъ, не бойся.

Но арабъ заставилъ ее встать и подвелъ къ сэру Рёбену. Въ его глазахъ не было больше никакого выраженія. Онъ былъ мертвъ.

П. С.

Digitized by Google

ИЗЪ
ИСТОРІИ ПРОСВѢЩЕНІЯ
СИБИРСКИХЪ ИНОРОДЦЕВЪ.

Характеризуя состояніе начальнаго образованія въ Забайкальѣ, составитель „Обзора Забайкальской области“ за 1897 г. находитъ его весьма безотраднымъ: число училищъ въ области оказывается ничтожнымъ, и почти все тамошнее населеніе, и русское, и инородческое, коснѣетъ въ невѣжествѣ. Причина плохого состоянія начальнаго образованія у забайкальскихъ инородцевъ, по мнѣнію составителя „Обзора“, заключается въ томъ, что у бурятъ и тунгусовъ, составляющихъ $^1/_3$ всего населенія области, очень слабо распространено сознаніе необходимости обученія, а также въ томъ, что большинство изъ нихъ ведетъ кочевую или бродячую жизнь, съ которой несовмѣстно устройство школы. Въ послѣдніе годы, оговаривается авторъ, „стало замѣтнымъ возростаніе, какъ у русскаго, такъ и у инородческаго населенія, запроса на начальное образованіе, но отсутствіе средствъ на учрежденіе новыхъ училищъ и на преобразованіе одноклассныхъ въ двухклассныя лишаетъ возможности удовлетворять вполнѣ этой одной изъ самыхъ насущныхъ потребностей“. Намъ кажется, что указанныя выше причины неудовлетворительнаго состоянія начальнаго образованія у забайкальскихъ инородцевъ —не только не исчерпывающаго характера, но даже не главныя. Фактъ слабаго распространенія русскаго просвѣщенія среди забайкальскихъ бурятъ и тунгусовъ чрезвычайно сложнаго характера, и онъ можетъ быть объясненъ только при тщательномъ

Digitized by Google

анализѣ того положенія, которое занимаютъ съ нѣкотораго времени эти инородцы, и образа дѣйствія лицъ и учрежденій, на обязанность которыхъ возложено руководство народнымъ просвѣщеніемъ.

Было время, когда отъ необходимости удѣлять нѣкоторое вниманіе вопросу о просвѣщеніи инородцевъ отдѣлывались весьма просто: заявлялось, что инородцы вымираютъ, что они тупы, неспособны къ ученію, и возиться съ ними не стоитъ труда. Такая легенда создалась также, съ легкой руки Георги, а затѣмъ и Словцова, относительно бурятъ, главнаго инородческаго населенія Забайкальской области. Но близкое изученіе характера и способностей бурятъ доказало всю несостоятельность этой легенды. Уже Николай Бестужевъ, прожившій много лѣтъ среди бурятъ, въ своихъ „Разсказахъ стараго моряка“ характеризуетъ ихъ такъ: „буряты смѣтливы и на все способны; въ умственномъ отношеніи они идутъ наравнѣ со всѣми лучшими племенами человѣческаго рода“. Чѣмъ больше знакомились съ бурятами, тѣмъ больше убѣждались, что это племя—любознательное, способное, даровитое. О способностяхъ бурятъ отзываются хорошо даже лица, вообще не очень благосклонно относящіяся къ этимъ инородцамъ, а, по мнѣнію огромнаго большинства учителей бурятскихъ и русскихъ училищъ, бурятскіе мальчики обнаруживаютъ несомнѣнно хорошія умственныя способности, большую сообразительность и замѣчательную любознательность и воспріимчивость, не говоря объ ихъ прилежаніи, которое весьма часто ставится въ примѣръ русскимъ ихъ товарищамъ. Потерпѣвъ пораженіе на этомъ пунктѣ, просвѣтители стали распространять слухъ, что буряты знать не хотятъ русскаго просвѣщенія, и что такъ какъ насилія въ такихъ случаяхъ употреблять невозможно, то ихъ волей-неволей приходится предоставлять ихъ невѣжеству и дикости. Доводъ этотъ обладалъ бы неопровержимой убѣдительностью, еслибы только онъ оправдывался фактами, но небольшая историческая справка покажетъ намъ, что если кто-нибудь и виноватъ въ печальномъ положеніи начальнаго образованія у забайкальскихъ инородцевъ, то во всякомъ случаѣ не сами инородцы.

Всѣ нынѣ существующія при степныхъ думахъ приходскія училища для бурятскихъ дѣтей возникли 40—50, а то и больше лѣтъ тому назадъ; учителями назначались обыкновенно буряты же, такъ какъ дѣти, присылаемыя изъ улусовъ, не знали ни слова по-русски и не стали бы вовсе учиться, еслибы учителемъ оказался чужой русскій человѣкъ.

Digitized by Google

Болѣе или менѣе интеллигентныхъ людей среди бурятъ можно было насчитывать единицами, а изъ нихъ далеко не всѣ соглашались идти въ учителя. Понятно, что на цензъ учителей приходскихъ училищъ обращалось очень мало вниманія; довольствовались тѣмъ, чтобы учитель зналъ немного русскій языкъ, умѣлъ плавно читать, хорошо (красиво) писать и считать. При такой постановкѣ школьнаго дѣла, успѣхи учащихся были очень слабы; мальчики учились въ школахъ годы, а выносили очень мало. И буряты скоро поняли, что приходское училище нуждается въ улучшеніи, что нужны лучшіе учителя, что имъ, наконецъ, необходимы свои, вполнѣ образованные люди. Они съ радостью встрѣчаютъ въ 60-хъ годахъ вѣсть о предполагающемся въ Читѣ открытіи пансіона; жертвуютъ въ его пользу огромныя деньги (одни хоринскіе буряты пожертвовали 38.000 р.), а когда пансіонъ на самомъ дѣлѣ открывается—посылаютъ въ Читу 30 мальчиковъ, ассигновавъ на каждаго по 150 р. въ годъ. При пансіонѣ открывались постепенно классы, въ которыхъ предметы проходились въ объемѣ гимназическаго курса. Въ 1868 г. уже было открыто четыре класса, бурятскіе мальчики оказывали весьма хорошіе успѣхи; и всѣ были увѣрены, что пансіонъ вскорѣ будетъ преобразованъ въ полную гимназію. Но въ 1869 г. пансіонъ неожиданно закрылся, такъ какъ была обнаружена огромная растрата денегъ, собранныхъ начальствомъ въ пользу этого учебнаго заведенія.

Такимъ образомъ буряты лишились единственнаго разсадника просвѣщенія, который въ будущемъ могъ бы снабжать ихъ образованными, хоть сколько-нибудь годными учителями. Попытки инородцевъ увеличить число школъ въ своихъ улусахъ тоже потерпѣли полную неудачу. Частныя школы, гдѣ предполагалось обучать дѣтей монгольскому и тибетскому языкамъ, были признаны нежелательными. Пробовали буряты также улучшать свои приходскія училища. Такъ, въ 1864 г., ачинскіе буряты составили приговоръ объ основаніи при Николаевскомъ приходскомъ училищѣ *библіотеки* и отпускаютъ по 100 р. въ годъ на содержаніе ея. Въ 1883 г. въ этой библіотекѣ уже имѣлось книгъ и учебныхъ пособій на 763 р. Въ ачинскомъ приходскомъ училищѣ хоринскаго вѣдомства дѣло тоже расширяется. Вмѣсто одного учителя, *въ виду наплыва учениковъ*, признается необходимымъ содержать двухъ, причемъ старшему учителю, за плодотворную дѣятельность, жалованье увеличивается съ 475 р. до 600 р. въ годъ. Подобныя же попытки расширить дѣятельность приходскихъ училищъ замѣчаются и въ селенгинскомъ и баргу-

Digitized by Google

зинскомъ вѣдомствахъ. Но всѣ эти улучшенія оказывались совершенно ничтожными палліативами.

Нуждалась въ просвѣщеніи огромная масса, а учились только единицы. Населеніе между тѣмъ быстро росло, кое-гдѣ оно удвоилось, даже утроилось, а число школъ (5—6) оставалось все то же. Буряты не жалѣли денегъ, изъявляли готовность на жертвы, лишь бы имъ были открыты пути къ просвѣщенію, но въ отвѣтъ на подобныя ходатайства неизмѣнно получались или отказы, или формальныя отговорки, ничего не объяснявшія и откладывавшія разрѣшеніе жгучаго вопроса на неопредѣленное время.

Несомнѣнно, что застой въ школьномъ дѣлѣ у забайкальскихъ инородцевъ обусловливался совершенно ненормальной постановкой его. Всѣ бурятскія приходскія училища основаны въ мѣстахъ осѣдлыхъ, т.-е. такихъ, гдѣ преобладающее населеніе составляютъ крещенные инородцы. Имѣлось при этомъ въ виду пріучать маленькихъ номадовъ къ осѣдлой, культурной жизни; но эта цѣль большею частью не достигалась, ибо крещенные инородцы далеко не могутъ быть названы носителями русской культуры. Они сами очень крѣпко придерживаются обычаевъ своихъ предковъ, довольно плохо иногда говорятъ по-русски и во всякомъ случаѣ весьма охотно говорятъ по-бурятски между собою. При такихъ условіяхъ бурятскій мальчикъ, проживъ нѣсколько лѣтъ въ селеніи, едва-едва усвоивалъ русскую рѣчь. Родители такими успѣхами своихъ дѣтей оставались очень недовольны, ибо, съ ихъ точки зрѣнія, училище должно было бы дать, прежде всего, знаніе русскаго языка, столь необходимое при сношеніяхъ съ русскими. Не менѣе поверхностны оказывались прочія свѣдѣнія, которыя приносили изъ школы домой бурятскіе мальчики. Дѣло въ томъ, что учебный матеріалъ, проходимый вообще въ приходскихъ училищахъ, оказывался совершенно неподходящимъ для ребенка-номада. Для него всѣ эти свѣдѣнія о злакахъ, о мятьѣ конопли, объ изготовленіи холста и пр. были пустыми звуками. Ему приходилось сразу знакомиться съ цѣлой массой новыхъ понятій, и онъ ихъ усвоивалъ съ трудомъ, а затѣмъ весьма легко забывалъ. Неудивительно, что бурятскіе мальчики, кончившіе приходское училище, черезъ два-три года по возвращеніи домой, не только забывали все, что проходили по учебникамъ, но разучивались нерѣдко говорить и писать по-русски. А такіе рецидивы безграмотности чрезвычайно неблагопріятно дѣйствовали на родителей учащихся. Уваженіе и довѣріе къ приходскому училищу падало, и всякій мало-мальски состоятельный бурятъ старался посылать своихъ сыновей въ ближайшій городъ,

Digitized by Google

въ городское или уѣздное училище, или даже въ гимназію. Тамъ, разсуждали родители, мальчики по крайней мѣрѣ научатся говорить по-русски, и знанія кое-какія пріобрѣтутъ.

Бурятскія приходскія училища можно было бы, конечно, поднять, оживить, но для этого нужны были образованные, преданные дѣлу просвѣщенія учителя, а такихъ именно учителей у бурятъ нѣтъ—и, надо опять-таки оговориться, не по ихъ винѣ.

Сознавая, что школьное дѣло не можетъ быть поставлено хорошо полуграмотными, неподготовленными учителями, буряты неоднократно ходатайствовали о допущеніи бурятскихъ мальчиковъ въ иркутскую учительскую семинарію. Они выражали готовность содержать мальчиковъ на свой счетъ, доказывали, что у нихъ нужда въ хорошихъ учителяхъ, со спеціальнымъ педагогическимъ образованіемъ, неотложна; но на всѣ ходатайства получался одинъ отвѣтъ,—что въ иркутскую учительскую семинарію принимаются только лица *православнаго вѣроисповѣданія*. Такимъ образомъ передъ инородцами ставилась альтернатива: или довольствоваться своими полу-образованными учителями, или приглашать чужихъ учителей—православныхъ или крещенныхъ инородцевъ. А такъ какъ буряты никакъ не могли себѣ объяснить, зачѣмъ имъ, буддистамъ, имѣющимъ свою вѣру и желающимъ учиться русскому языку, ариѳметикѣ, географіи и другимъ *свѣтскимъ* наукамъ, непремѣнно нуженъ *православный учитель*, то они предпочли остаться при старомъ положеніи. Такое рѣшеніе вопроса не покажется удивительно, если принять во вниманіе, что православные учителя въ Забайкальѣ нерѣдко не прочь поглумиться надъ инородцемъ и показать ему, что они, люди „высшей расы", дѣлаютъ азіатамъ большое одолженіе, обучая ихъ.

Былъ моментъ, когда забайкальскимъ инородцамъ улыбнулась надежда увидѣть своихъ образованныхъ родовичей учителями и просвѣтителями. Это было именно тогда, когда стали поговаривать объ открытіи въ Читѣ полной мужской гимназіи. Буряты и тунгусы съ радостью откликнулись на призывъ къ пожертвованіямъ въ пользу гимназіи и собрали около 132.000 руб. (а всего было собрано 182.000 руб.). Надежды ихъ, однако, не оправдались. Гимназія не готовила учителей, притомъ большинство мальчиковъ, учившихся въ гимназіи, вынуждены бывали оставлять ее до окончанія курса, такъ какъ родители ихъ не видѣли прямой пользы отъ изученія ихъ дѣтьми разныхъ непонятныхъ наукъ. Были и такіе воспитанники, которые кончали и гимназію, и университеты, но часть изъ нихъ оставалась въ столицахъ, другая—хотя и возвращалась въ свои родныя степи—

Digitized by Google

принимала больше участіе въ общественныхъ дѣлахъ, а просвѣщеніемъ своего народа почти не занималась. Притомъ ихъ было очень мало, а одна ласточка, какъ извѣстно, весны не дѣлаетъ. Благодаря всѣмъ такимъ обстоятельствамъ, забайкальскіе инородцы стоятъ и понынѣ передъ вопросомъ о просвѣщеніи столь же безпомощно, какъ и 40—50 лѣтъ тому назадъ. А между тѣмъ жизнь въ Забайкальѣ за эти 40—50 лѣтъ измѣнилась кореннымъ образомъ. Нужда въ просвѣщеніи, хоть элементарномъ, стала неотложной; жизнь новая, незнакомая, безпощадная обступаетъ со всѣхъ сторонъ забайкальскаго инородца; прежніе способы борьбы за существованіе устарѣли,—надо усвоивать новые, нужно знаніе новыхъ условій жизни, нужно умѣнье разобраться во вновь возникающихъ отношеніяхъ,—а постигнуть все это инородецъ смогъ бы только тогда, еслибы хоть нѣсколько поднялся умственно, хоть сколько-нибудь просвѣтился. Не предоставить же ихъ себѣ самимъ въ такой критическій моментъ! Прогрессъ жизни не ждетъ,—онъ концентрическими кругами захватываетъ инородцевъ; обмѣнъ проникаетъ въ самые глухіе улусы,—обмѣнъ не по законамъ рынка и свободной конкурренціи, а кулацкій, эксплуататорскій. Желѣзная дорога ухитряется извлекать для себя „свободныя руки“ инородцевъ изъ самыхъ отдаленныхъ угловъ, изъ глубины степей и тайги. Къ чему можетъ привести инородцевъ безпощадная эксплуатація наѣзжихъ купцовъ и чему можетъ научить полудикаго тунгуса или степного бурята та пестрая толпа, которая работаетъ на пріискахъ или при желѣзной дорогѣ,—легко себѣ представить. А противовѣса всѣмъ этимъ гибельнымъ вліяніямъ забайкальскіе инородцы никакого противоставить не могутъ. Болѣе состоятельные такъ или иначе приспособляются къ новымъ условіямъ жизни: они усвоиваютъ пріемы русскихъ, разстаются со своими обычаями, замѣняютъ старую мораль родового быта современною. Они все чаще и чаще посылаютъ своихъ дѣтей въ городскія и уѣздныя училища, считая городъ очень хорошей школой жизни. Понятно, что дѣти такихъ бурятъ, по окончаніи курса наукъ, больше думаютъ о своемъ собственномъ благополучіи, нежели о своихъ сородичахъ. Какъ болѣе образованные, они становятся во главѣ своего народа въ качествѣ тайшей, родоначальниковъ, старостъ, но дѣйствовать сознательно, солидарно въ интересахъ этого народа они большею частью не способны: имъ не хватаетъ для этого нравственной подготовки и широты взгляда. Словомъ, забайкальскіе инородцы имѣютъ полу-интеллигенцію, направляющую ихъ повседневную общественную жизнь, но у нихъ нѣтъ еще настоя-

Digitized by Google

щей интеллигенціи, которая умѣла бы ставить широкія задачи и разрѣшать ихъ безкорыстно, съ самоотверженіемъ истинныхъ общественныхъ дѣятелей. И положеніе забайкальскихъ инородцевъ въ виду выдвигаемыхъ теперь жизнью серьезныхъ задачъ—по истинѣ печальное. Спрашивается: гдѣ же выходъ изъ этого положенія? И есть ли, вообще, выходъ? По нашему, безусловно есть. Буряты—народъ настолько способный, они настолько сохранили душевной свѣжести и такъ закалились въ борьбѣ за существованіе, что могутъ многое сдѣлать, лишь бы имъ на пути не ставили непреодолимыхъ препятствій. Статистико-экономическія изслѣдованія Забайкальской области доказали, какъ хорошо справилась огромная часть бурятъ и тунгусовъ съ такой трудной задачей, какъ переходъ отъ чисто скотоводческаго быта къ осѣдло-земледѣльческому, и мы не сомнѣваемся, что они такъ же справились бы съ задачей распространенія въ народѣ начальнаго образованія. Но надо имъ помочь хоть тѣмъ, чтобы не заграждать имъ пути. Если инородцамъ нужны просвѣщенные учителя, слѣдуетъ открыть передъ ними двери учительскихъ семинарій, къ какому бы вѣроисповѣданію учащіеся ни принадлежали. Закрывая доступъ въ семинаріи инородцамъ-буддистамъ, учебное начальство этимъ самымъ какъ бы признается, что не вѣритъ въ благотворное дѣйствіе нашей науки.

Въ самомъ дѣлѣ, неужели же сила нашего просвѣщенія такъ ничтожна, что знанія, пріобрѣтенныя многолѣтнимъ усидчивымъ трудомъ, всѣ новые завѣты цивилизаціи, всѣ горизонты, открываемые передъ нами европейской наукой, могутъ померкнуть передъ невѣжественной критикой степного бурята или даже схоластической критикой ламы? Опасаться того, что учителя-буддисты, по окончаніи учительской семинаріи, все-же будутъ строить какія-то козни—значитъ абсолютно не вѣрить въ силу нашего знанія, и мы положительно отказываемся понимать, что могло вызвать такую мѣру, какъ запрещеніе бурятамъ-буддистамъ поступать въ учительскія семинаріи. Одно изъ двухъ: если наше просвѣщеніе совершеннѣе, лучше того, которое буряты могутъ получить изъ Монголіи или Тибета, то намъ нечего бояться его конкурренціи; если же наша наука такъ безсильна сама по себѣ, что боится соперничества ламайской науки, то намъ остается одно—благородно ретироваться, а не прибѣгать къ мѣрамъ принужденія или стѣсненія. По нашему, тутъ не можетъ быть никакихъ колебаній. Мы вѣримъ глубоко, что европейская наука имѣетъ огромную притягательную силу, и еслибы ее дали такому любознательному народу, какъ буряты, въ надлежащей формѣ,—

Digitized by Google

завоеванія ея въ улусахъ были бы поразительны. Сильно ошибаются тѣ, которые думаютъ, что кочевая жизнь мѣшаетъ правильному устройству школьнаго дѣла среди бурятъ. Огромное большинство этихъ инородцевъ нынѣ живетъ довольно большими улусами, да и разстояніе между улусами совсѣмъ не такъ велико. Будь у бурятъ хорошіе учителя, можно было бы множество улусовъ обратить въ центры просвѣщенія; лишнія стойбища бурятъ представляютъ, въ большинствѣ случаевъ, довольно неподвижные пункты, и для преданнаго дѣлу просвѣщенія учителя не представляло бы никакого труда собирать въ одномъ мѣстѣ дѣтей изъ нѣсколькихъ ближайшихъ улусовъ. Бурятскія дѣти привыкли къ стужѣ; они—прекрасные наѣздники и отлично управляются съ конемъ, и если крестьянскія дѣти отправляются зимой въ школу въ ближайшую деревню за двѣ, три и даже пять верстъ пѣшкомъ, то бурятскимъ мальчикамъ это было бы еще легче дѣлать, такъ какъ у нихъ почти у всѣхъ имѣются лошади или верховыя, или упряжныя. Такія школы встрѣтили бы также большое сочувствіе въ бурятской массѣ, такъ какъ онѣ избавили бы многихъ бѣдныхъ родителей отъ лишнихъ расходовъ по содержанію дѣтей въ чужомъ селеніи, и кромѣ того давали бы имъ (родителямъ) возможность пользоваться услугами мальчиковъ въ послѣклассное время. Есть еще одинъ путь, при помощи котораго мы могли бы заинтересовать инородцевъ своей наукой, своими знаніями. Среди бурятъ очень распространена монгольская грамотность; нерѣдки улусы, гдѣ 25, 50 и даже 75% всего мужского населенія читаютъ и пишутъ по-монгольски [1]). Но это богатое пріобрѣтеніе пока приноситъ имъ мало пользы; монгольская свѣтская литература крайне бѣдна; религіозныя же сочиненія, большею частью составляющія переводы съ тибетскаго, мало кому доступны, и грамотный бурятъ, при всемъ своемъ желаніи, не можетъ удовлетворить своей любознательности. Между тѣмъ небольшая группа хорошихъ учителей-бурятъ, прошедшихъ спеціальный педагогическій курсъ, могли бы имъ открыть цѣлый новый міръ знанія. У насъ имѣется не мало хорошихъ популярныхъ книжекъ для народа. Однѣ знакомятъ съ главнѣйшими явленіями природы; другія прекрасно объясняютъ и описываютъ жизнь разныхъ народовъ въ различныхъ странахъ; третьи будятъ совѣсть, учатъ, какъ жить лучше, честнѣе; четвертыя

[1]) Во время статистическаго изслѣдованія Забайкальской области въ 1897 г. буряты сплошь и рядомъ скрывали, что они грамотны по-монгольски; боялись они какихъ-то послѣдствій, еслибы обнаружилось, что среди нихъ сильно распространена монгольская грамотность.

Digitized by Google

дають практическія свѣдѣнія, необходимыя всякому въ повседневной жизни. Для цѣлой группы учителей не стоило бы большого труда перевести на первое время хоть нѣкоторыя изъ такихъ книжекъ на монгольскій языкъ. Имъ бы, конечно, помогли въ такой работѣ многіе родовичи, у которыхъ до сихъ поръ не хватало иниціативы начать такое дѣло, но у которыхъ нашлась бы охота и умѣнье помочь иниціаторамъ своимъ посильнымъ трудомъ, и мы не сомнѣваемся, что такимъ путемъ сердца инородцевъ во много разъ скорѣе были бы привлечены къ русской культурѣ, нежели всякими другими путями; ибо никто не умѣетъ быть столь признательнымъ за истинно оказанную помощь, какъ простой человѣкъ, человѣкъ изъ народа, и особенно инородецъ. А такія книжки давали бы инородцамъ именно ту духовную пищу, въ которой они такъ долго нуждаются, которой они такъ давно жаждутъ. Словомъ, распространенію образованія среди инородцевъ можно содѣйствовать самыми разнообразными способами. Стоитъ только захотѣть; а захотѣть мы должны. Мы знаемъ, что однимъ распространеніемъ просвѣщенія не излечиваются всѣ недуги, но хорошо будетъ и то, если для просвѣщенія инородцевъ будетъ сдѣлано хоть что-нибудь, и если эти небольшіе результаты хоть сколько-нибудь облегчатъ имъ борьбу съ обступающими ихъ неблагопріятными условіями.

М. К.

Digitized by Google

ИЗЪ

РИЧАРДА ГАРНЕТТА

1.—Пловцы.

Насъ было семеро, и въ лебедѣ-челнѣ
Безмолвно мы гребли съ надеждою во взорѣ;
Стремились пылко мы къ далекой сторонѣ,
И привлекало насъ невѣдомое море.

Но тутъ предстала намъ русалка при лунѣ,
Плѣняла пѣснь ея волшебною отрадой:
—„Забудьте о моряхъ, о дальней сторонѣ,
Идите въ мой чертогъ лазоревый ко мнѣ,—
Объятія мои да будутъ вамъ наградой!..“

Она разсѣялась мгновенно, какъ туманъ,
Но мы все ждемъ ее съ надеждою во взорѣ;
Своими чарами опуталъ насъ обманъ,—
На мѣстѣ мы стоимъ, вдали отъ чуждыхъ странъ,
И не влечетъ пловцовъ невѣдомое море.

Digitized by Google

2.—Восточная сказка.

Налогомъ разоренъ, подобнымъ грабежу,
Туземецъ умолялъ о милости раджу:
—Плоды моихъ трудовъ забралъ ты, повелитель,
Остался ни-при-чемъ смиренный твой проситель,
И такъ какъ изъ меня до капли выжать сокъ,
То укажи, молю, счастливый уголокъ,
Въ которомъ я бы могъ трудиться на свободѣ.—
—Что жъ,—вымолвилъ раджа,—ступай себѣ въ Мадрасъ.—
—Но братъ твой, господинъ, тамъ правитъ въ томъ же родѣ.—
—Въ Пенджабъ!—Тамъ дядя твой не меньше грабитъ насъ.—
—Въ Тангеръ!—Племянникъ твой—въ томъ городѣ правитель.—
—Ну, къ чорту уходи!—воскликнулъ повелитель,
Упорствомъ бѣдняка разгнѣванный въ конецъ.
—Увы! Онъ, государь, твой царственный отецъ!—

О. Михайлова.

Digitized by Google

ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗДОРОВЬЕ

ПО ДАННЫМЪ

САНИТАРНОЙ СТАТИСТИКИ

I.

Впервые въ 1896 году, въ Парижѣ, а затѣмъ въ Петербургѣ, была выставлена картина Рошгросса: „Борьба за счастье". Большое полотно, написанное безъ яркихъ красокъ, но полное жизни, производило громадное впечатлѣніе всюду, гдѣ только выставлялась эта картина; толпа посѣтителей невольно останавливалась передъ превосходной композиціей и переживала то, что̀ изобразилъ въ картинѣ художникъ. Что̀ же такъ привлекало и останавливало вниманіе? Прежде всего бросается въ глаза высокая и крутая скала; на эту скалу, по ея крутизнамъ, карабкаются, ползутъ люди; громадная толпа внизу стремительно двигается также къ вершинѣ скалы; въ этой толпѣ не видно спокойствія; она возбуждена, она какъ бы потеряла почву подъ ногами, и вся, цѣликомъ, стремится къ тому, что̀ въ видѣ неяснаго о̀браза носится въ облакахъ, къ тому невѣдомому, неопредѣленному, къ тому счастью, котораго такъ жадно желаетъ толпа, всѣ отдѣльныя лица въ этой разнохарактерной толпѣ. По мѣрѣ того какъ мы вглядываемся попристальнѣе въ отдѣльныя фигуры, интересъ къ картинѣ возростаетъ съ каждою минутой. Тутъ и женщины, тутъ и мужчины, здѣсь и богатые, здѣсь и бѣдные, представители культуры и чернаго, тяжелаго труда; элегантные, изысканно одѣтые франты и модницы, и наряду

Digitized by Google

съ этимъ—босоногіе, разбитые и увязанные отъ поврежденій и ранъ чернорабочіе; чопорные, пожилые люди—и увлеченные молодые энтузіасты; живущіе надеждой—и уже кончающіе свои счеты съ жизнью.

Вся эта масса людей стремительно гонится за призракомъ счастья; въ этой погонѣ за счастьемъ, желая, во что бы то ни стало, получить его, люди не замѣчаютъ, какой тяжелый, кровавый слѣдъ они оставляютъ за собою. Сверган слабыхъ и двигаясь по трупамъ ихъ, они идутъ и идутъ впередъ, не замѣчая того, что дѣлается позади нихъ и рядомъ съ ними; кажется, вотъ они достигли счастья, а между тѣмъ и тутъ новыя жертвы, новыя преграды. Затоптанные, умершіе и умирающіе видны здѣсь и тамъ; протянутыя руки къ неясному призраку полны мольбы, мольбы горячей, полной жизни. Обнаженная рука женщины въ бальномъ платьѣ, жилистая, крѣпкая рука рабочаго, восторженно поднятыя руки молодой женщины, стиснутыя до боли руки дѣвушки—всѣ молятъ о счастьѣ.

Жизнь блещетъ во всѣхъ уголкахъ этой картины, и ясная, опредѣленная мысль художника еще болѣе подчеркивается тою декораціей, которую умѣло далъ онъ своей картинѣ. Внизу и вдали—громадный городъ, тысячи зданій, тысячи крышъ можно обозрѣвать съ этой скалы, и все это подернуто сѣрой дымкой пыли, копоти, отъ множества фабричныхъ трубъ, жадно выбрасывающихъ продукты сгоранія, отравляющихъ воздухъ, всю атмосферу большого торговаго города, въ которомъ тысячи человѣческихъ жизней приносятся въ жертву какому-то призраку, чему-то неопредѣленному, неясному, тому счастью, которое такъ удачно изображено Рошгроссомъ.

Картина производитъ глубокое впечатлѣніе и яснымъ отпечаткомъ ложится въ мозгу; впечатлѣніе не скоро проходитъ, много мыслей роится въ головѣ, но анализъ беретъ свое, и, отрѣшаясь отъ картины, невольно спросишь себя: неужели же городъ, эта сѣрая дымка, эти закоптѣлыя трубы, вся эта суетолока городской интенсивной жизни производятъ всѣхъ тѣхъ, которые такъ жадно стремятся достичь счастія, которые безъ разбора давятъ себѣ подобныхъ,—неужели городъ, именно городъ, могъ дать такую яркую картину, которая написана художникомъ?

Оставляя картину, переносясь изъ области художественнаго творчества къ тѣмъ фактамъ, которые приходится наблюдать въ современной жизни, посмотримъ, нѣтъ ли въ нихъ такихъ, которые могли бы показать намъ, что такое городъ. И

Digitized by Google

нѣтъ ли въ городѣ такихъ особенностей, которыя могутъ вредно вліять на его обитателей?

Вторая половина XIX столѣтія и по преимуществу послѣднее двадцатилѣтіе знаменуется выдающимся общественнымъ явленіемъ, а именно: чрезвычайнымъ ростомъ городовъ и рѣзкимъ подъемомъ городской жизни. Во всѣхъ культурныхъ странахъ сельское населеніе оставляетъ родныя нивы, насиженныя мѣста въ деревняхъ и стремится въ города. Такое стремленіе, конечно,—не случайное явленіе, и обусловливается тѣмъ, что населеніе деревень, вслѣдствіе особенныхъ запросовъ современной жизни, роковымъ образомъ тяготѣетъ къ городу и по необходимости должно жить такъ, какъ живетъ городъ. Въ настоящее время городская жизнь представляетъ такое крупное общественное явленіе, съ такими особенностями, что всякій человѣкъ, отдающій себѣ отчетъ въ окружающей его обстановкѣ, необходимо долженъ остановиться на немъ и по возможности ознакомиться съ нимъ.

Успѣхи техники въ области пара и электрической энергіи, дающіе возможность съ громаднымъ преимуществомъ замѣнять многія отрасли ручного труда, наряду съ этимъ усовершенствованные пути сообщенія—сдѣлали то, что людскія сношенія достигли высокой степени: обмѣнъ деревни съ городомъ такъ возросъ, что деревенскій житель не можетъ теперь господствовать, какъ онъ господствовалъ раньше; богатства городовъ быстро возростаютъ; облегченный и доступный кредитъ въ городахъ даетъ возможность капиталу накладывать свою тяжелую руку на всѣ отрасли производства и труда, и мы теперь являемся очевидцами необычайнаго роста городовъ, развивающихся съ изумительною скоростью и быстротою.

Если взять Англію и посмотрѣть, какъ въ этой странѣ увеличивались города, то мы увидимъ, что въ 1688 году, послѣ Лондона, столицы государства, только два города, Бристоль и Норвичъ, имѣли отъ 28.000 до 29.000 жителей и, кромѣ Лондона, еще въ одиннадцати городахъ было болѣе 4.000 жителей. Развертывая статистическія таблицы, которыми при своихъ разсчетахъ пользуются современные статистики, легко замѣтить, что въ настоящее время въ этомъ всемірномъ городѣ, пригороды котораго отдѣляются отъ самаго города условленною границею и гдѣ курьерскій поѣздъ съ головоломною быстротою несется по заселеннымъ городскимъ мѣстамъ болѣе получаса,

Digitized by Google

прежде чѣмъ достигнетъ центральнаго желѣзнодорожнаго вокзала, въ этомъ Лондонѣ живетъ столько жителей, сколько жило во всей Англіи въ XV столѣтіи и сколько теперь живетъ въ королевствѣ Даніи.

Обрабатывающая промышленность въ Англіи достигла высокаго развитія, и наряду съ этимъ выросло и городское населеніе. Въ Шотландіи, въ этой странѣ со строгимъ деревенскимъ строемъ и вѣками освященною любовью къ простору полей и луговъ, совершается рѣзкій переворотъ. За десять лѣтъ, съ 1871 по 1881 годъ, деревенское населеніе сократилось на 4%, а въ слѣдующее десятилѣтіе—на $5^1/_3$%; наряду съ этимъ городское населеніе выросло на 14 и 18%, а приростъ сельчанъ былъ очень малъ. По переписи 1891 года, шотландцевъ было болѣе 4.000.000 человѣкъ, и изъ нихъ постоянно жили въ деревнѣ только 928.000 человѣкъ, въ городахъ—2.631.300 человѣкъ, и частью въ городѣ, частью въ деревнѣ — 465.800. Высчитывая отношеніе между этими крупными общественными группами и сравнивая прошлое Шотландіи съ настоящимъ, легко замѣтить, что въ прежнія времена на одного горожанина приходилось три деревенскихъ жителя,—теперь, наоборотъ, на одного деревенскаго жителя приходится три горожанина.

То, что такъ ясно замѣтно для Шотландіи, повторяется по всей Англіи, и старые города графствъ со своей многовѣковой исторіей, съ чудными остатками старины и той упорной и горячей борьбой, которую приходилось выносить имъ, теперь совершенно забыты и, оставшись привлекательными для туриста, отдали все свое значеніе новымъ городамъ, новымъ центрамъ, въ которыхъ промышленные интересы нашли себѣ полное удовлетвореніе. Манчестеръ, Ливерпуль, Бирмингамъ и многіе другіе города королевства составляютъ тѣ промышленныя сердца, въ которыхъ бьется полный пульсъ современной жизни. И если приростъ жителей въ городахъ будетъ идти съ тою же энергіею, какъ это было до сихъ поръ, то, какъ говоритъ Шоу, въ города „скоро соберется около трехъ четвертей всего англійскаго народа“.

Не въ одной Англіи мы замѣчаемъ это поразительное явленіе. Германія послѣ франко-прусской войны проявила такую энергію, такой подъемъ народнаго духа, передъ которыми останавливаются всѣ лучшія политико-экономическія силы, и въ то время какъ до провозглашенія германской имперіи въ городахъ жила только одна треть,—теперь уже половина нѣмцевъ, если не больше. Въ Голландіи и Бельгіи наблюдается то же тяго-

Digitized by Google

тѣніе къ городамъ, и торговые и промышленные центры являются тою притягательною силою, къ которой стремится деревня. Во Франціи этотъ приростъ не такъ очевиденъ, такъ какъ приростъ населенія, вслѣдствіе слабой рождаемости, крайне малъ; тѣмъ не менѣе, и эта страна не представляетъ исключенія. Большіе города возросли, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, и Парижъ, напримѣръ, за сто лѣтъ увеличилъ свое населеніе въ пять разъ, Ліонъ и Марсель — въ три раза, и можно думать, что теперь во Франціи городское населеніе составитъ 40% всѣхъ жителей, въ то время какъ въ 1851 году въ городахъ жила только четвертая часть.

Переносясь за океанъ, въ Сѣверо-Американскіе Штаты, мы видимъ, что, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, жили въ городахъ только $1^1/_2$ милліона жителей, а теперь—20 милліоновъ. Ростъ американскихъ городовъ—чрезвычайный, изъ ряда вонъ выходящій. Небольшіе поселки и удачно выбранныя мѣста съ богатой природою въ очень короткій срокъ превращаются въ громадные торговые и культурные центры. Фермерская жизнь, если и имѣетъ мѣсто на обширныхъ территоріяхъ и въ новыхъ штатахъ на Западѣ, сокращается въ восточныхъ и, если можно такъ выразиться, уже пережившихъ періодъ фермерской жизни и вступившихъ на путь индустріальный, на путь обрабатывающей промышленности. Эти города восточныхъ штатовъ увеличиваются какъ на счетъ пришлаго, эмигрирующаго изъ Европы населенія, такъ и на счетъ деревенскихъ поселянъ. Въ частности, перемѣщеніе общественныхъ группъ по государствамъ и изъ деревни въ городъ, другими словами, вліяніе городовъ на сельское населеніе ясно видно изъ слѣдующихъ цифръ:

	% горожанъ.	% поселянъ.
Въ Германіи въ 1871 году.	36,1	63,9
„ „ „ 1890 „	47,0	53,0
Во Франціи въ 1851 году	25,5	74,5
„ „ „ 1886 „	36,0	64,0
Въ Соедин. Штатахъ въ 1840 году. . . .	8.5	91,5
„ „ „ „ 1890 „	23,1	70,9

Такое передвиженіе населенія должно неминуемо сопровождаться какими-либо общественными явленіями, и если начать отыскивать ихъ, то мы легко отмѣтимъ многія изъ нихъ.

Вглядываясь въ ростъ любого большого города, въ немъ всегда можно найти ту первоначальную территорію, изъ которой началъ образовываться городъ,—въ немъ всегда есть центръ, къ которому сводятся всѣ дороги; и если правъ былъ гордый

Digitized by Google

римлянинъ, когда говорилъ, что всѣ дороги ведутъ въ Римъ, то, съ другой стороны, правы всѣ современные горожане большихъ городовъ, которые станутъ утверждать, что всѣ дороги города сходятся въ центрѣ; въ немъ жизнь, въ немъ дается тонъ городской жизни,—этотъ центръ господствуетъ надъ всѣмъ городомъ и придаетъ ему ту или другую внѣшность. Для насъ имѣютъ значеніе не крупные административные центры, а тѣ города, въ которыхъ промышленная дѣятельность свиваетъ прочное гнѣздо. Ростъ такихъ городовъ не есть дѣло случая; ростъ ихъ обусловленъ самою жизнью, и приливъ въ нихъ новаго населенія совершается съ необыкновенною быстротою. Не обращаясь къ росту городовъ западной Европы, остановимъ вниманіе на Москвѣ, и мы увидимъ, что въ этомъ городѣ за послѣднія 15 лѣтъ населеніе ежегодно прибываетъ, въ среднемъ, на 15.000 человѣкъ. Москва уже теперь является однимъ изъ величайшихъ городовъ Европы и въ своей окружности насчитываетъ милліонъ жителей.

Если представить себѣ эту территорію,—нѣтъ, лучше не представлять ея, а лучше обозрѣть ее или съ высоты нашего Кремля, или, что̀ лучше, Воробьевыхъ горъ. Какая масса жилыхъ домовъ, общественныхъ зданій, фабрикъ, заводовъ разстилается передъ глазами, какой огромный человѣческій муравейникъ, сколько проявленій духовной и промышленной жизни сосредоточивается въ этомъ городѣ, въ этомъ сердцѣ Россіи, сколько человѣческихъ жизней находятъ здѣсь себѣ счастье и сколько, наряду съ этимъ, несбывшихся надеждъ, разбитыхъ жизней!—да вѣдь это та же картина Рошгросса...

Чудный осенній или ясный морозный день, съ прозрачнымъ воздухомъ нашей географической широты, представляетъ Москву въ особомъ свѣтѣ: Москва съ высоты—одинъ изъ красивѣйшихъ городовъ; однако, нѣтъ ли чего-либо въ ней такого, что̀ можетъ расхолодить и непріятно дѣйствовать на его обитателей? Спускаясь съ высотъ и попадая въ этотъ городъ, обозрѣватель сразу поражается ея неблагоустройствами: плохо мощенныя улицы, тучи песку, пыли, грязь, нечистота во дворахъ, недостатокъ воды, отсутствіе уличныхъ стоковъ, подчасъ невыносимое зловоніе, плохія жилыя помѣщенія, обиліе промышленныхъ заведеній, которыя, вслѣдствіе быстраго роста города, очутились въ городской чертѣ и по роду своихъ производствъ заражаютъ воздухъ, и многое другое—невольно останавливаютъ вниманіе вновь прибывшаго. Москва—одинъ изъ городовъ Европы, который несетъ за свое

Digitized by Google

нерадѣніе заслуженную кару, такъ какъ смертность въ Москвѣ очень высока.

Фактъ давно извѣстный, что деревенскіе округа не даютъ такой высокой смертности, какую даютъ города, и въ то время, какъ въ деревенскихъ округахъ Англіи, по Фарру, смертность не превышаетъ 17,5 на 1.000 жителей, въ Лондонѣ она равна 24, и во всѣхъ англійскихъ городахъ, въ среднемъ, — 28 на 1.000 жителей. По даннымъ Финкельнбурга, для всей Пруссіи смертность равна 25,7 на 1.000, а для Берлина она равна 31,5 на ту же 1.000 живущихъ. Гдѣ бы мы ни просматривали статистику смертности, мы вездѣ увидимъ, что *въ городахъ смертность значительно выше, чѣмъ въ деревнѣ, — вотъ первая отрицательная сторона густо населенныхъ мѣстъ.* Мало того, замѣчена строгая зависимость между густотою населенія и смертностью; чѣмъ скученнѣе живутъ обитатели города, чѣмъ меньше воздуха и пространства приходится на одного жителя, тѣмъ больше смертность, тѣмъ больше, наряду съ этимъ, смертность отъ заразныхъ болѣзней,—какъ это очень убѣдительно показалъ д-ръ Полякъ для Варшавы. Но не въ этомъ одномъ отношеніи сказывается неблагопріятное вліяніе городовъ. Дѣтская смертность въ городахъ очень велика и, по датской статистикѣ, на 1.000 родившихся дѣтей умирали:

	Въ рабочемъ классѣ.	Въ остальныхъ классахъ населенія.
Въ Копенгагенѣ	204	167
„ провинціальныхъ городахъ. .	147	113
„ деревняхъ	120	118

Напряженный, тяжелый трудъ, который приходится нести мужскому населенію въ городахъ, сказывается какъ въ большей заболѣваемости, такъ и въ большей смертности ихъ. Для города Кёльна и его окрестностей эта зависимость сказывается въ слѣдующихъ цифрахъ: изъ 1.000 живущихъ въ возрастѣ отъ 30 до 50 лѣтъ умираетъ:

	Среди мужчинъ.	Среди женщинъ.
Въ городѣ Кёльнѣ	19,0	12,0
„ земледѣльческомъ округѣ того же наименованія.	13,0	12,4

Вообще слѣдуетъ сказать, что какъ на дѣтскій, такъ и на пожилой возрастъ жизнь въ городахъ дѣйствуетъ крайне неблагопріятно, отнимая у нихъ годы жизни.

Digitized by Google

Причины такой высокой смертности лежатъ частью во внѣшнихъ условіяхъ городской жизни, частью же — и даже большею — стоятъ въ связи съ тою средою, въ которой приходится проводить время городскимъ жителямъ, какъ во время своихъ служебныхъ обязанностей, такъ и дома.

Не имѣя возможности въ короткой статьѣ указать на рядъ крайне интересныхъ цифръ, иллюстрирующихъ эту сторону городской жизни, остановимъ вниманіе на жилищахъ рабочихъ, этихъ забытыхъ, но необходимыхъ представителей труда.

Въ юго-восточной части Москвы раскинулись на большомъ пространствѣ нѣсколько большихъ заводовъ и ткацкихъ и прядильныхъ фабрикъ. Тысячи рабочихъ рукъ, тысячи семей рабочихъ ютятся по близости тѣхъ промышленныхъ учрежденій, въ которыхъ протекаетъ добрая половина ихъ жизни. Однако, посмотрите, гдѣ они живутъ, въ какой атмосферѣ ростутъ ихъ дѣти! Изслѣдованія, которыя были опубликованы недавно женщиною-врачомъ госпожею Ротъ и обнимающія наблюденія за десятилѣтній срокъ, заслуживаютъ особаго вниманія.

Всѣмъ извѣстенъ фактъ, что городъ Москва явился неподготовленнымъ по отношенію жилищъ, когда наплывъ въ него пришлаго населенія возросъ, и жилищная нужда или извѣстный „квартирный вопросъ“ составляетъ злобу дня. Если эта неподготовленность города тяжело отзывается на среднемъ обывателѣ, то она еще тяжелѣе, неизмѣримо тяжелѣе, ложится на простолюдина. Рабочій на фабрикѣ долженъ по необходимости селиться близко отъ нея, такъ какъ наибольшій срокъ времени, которымъ онъ располагаетъ для удовлетворенія своихъ потребностей питанія, составляетъ отъ одного, полутора и до двухъ часовъ въ продолженіе дня. Въ этотъ часъ онъ долженъ дойти до квартиры, долженъ пообѣдать, и снова придти на фабрику, чтобы, по свистку, быть за своимъ станкомъ или приборомъ, который ввѣренъ его надзору. Есть ли тутъ возможность выбора чистаго, свѣтлаго, съ достаточнымъ просторомъ, съ достаточнымъ объемомъ воздуха жилища? Конечно, нѣтъ; приходится брать то, что есть, первый попавшійся домъ, который рѣшается пріютить эту „душу живу“, считается годнымъ для жилья, и рабочій нанимаетъ или койку, или часть комнаты, или каморку.

Какая дороговизна существуетъ въ этихъ домахъ, переполненныхъ рабочими, видно изъ тѣхъ данныхъ, которыя приводятся тѣмъ же авторомъ. Квадратная сажень пола квартиры даетъ дохода, въ среднемъ, 1 руб. 50 коп., а въ каморкахъ она доходитъ до 3 рублей и выше. Чѣмъ скученнѣе живутъ рабочіе,

Digitized by Google

тѣмъ бо́льшую цѣну приходится имъ платить за квартиру; каждая пядь пола доставляетъ высшій барышъ. Объемъ воздуха значительно ниже того минимума, который требуется для одного человѣка, и въ среднемъ равняется 0,70 куб. сажени,—и нельзя не согласиться съ заявленіемъ автора, говорящаго, что „эта мѣрка громадна для человѣка, какъ живой машины, но не для человѣка, къ которому мы предъявляемъ извѣстныя нравственныя требованія". Не будетъ казаться ни страннымъ, ни удивительнымъ, если рабочій, изо дня въ день проводящій свое трудовое время въ такой обстановкѣ по необходимости,—въ свободное время, въ праздничные дни, оставляетъ свой непривѣтливый, сырой, темный, душный, зловонный уголъ и бѣжитъ на улицу, бѣжитъ въ любой трактиръ, чтобы тамъ найти удовлетвореніе своей наболѣвшей душѣ.

Жизнь въ этихъ каморочныхъ квартирахъ представляетъ такую массу отрицательныхъ сторонъ, что становится страшно за людей и трудно было бы ожидать, чтобы живущіе въ такой обстановкѣ не страдали, не только физически, но и нравственно. Если таково вліяніе плохихъ квартиръ на взрослыхъ, то каково же оно должно быть на подростковъ и дѣтей? Заразныя болѣзни находятъ здѣсь себѣ удобную почву и сотни молодыхъ жизней погибаютъ, не успѣвая вырости. Если прибавить къ этому нравственную атмосферу, окружающую дѣтей, атмосферу пьянства, грубаго, фабричнаго разгула, разнузданности, отсутствіе всякихъ моральныхъ устоевъ, то по истинѣ не разъ содрогнется умъ и сердце за этихъ „забытыхъ" людей.

Пико прямо говоритъ, что „жилищный вопросъ составляетъ краеугольный камень всей соціальной проблемы настоящаго времени. Никакое доброе чувство не можетъ держаться въ этихъ жилищахъ, готовящихъ городскихъ бѣдняковъ. Семейное начало подрывается въ корень и гибнетъ. Бѣднякъ возвращается въ свой подвалъ съ отвращеніемъ и при первой возможности бѣжитъ въ кабакъ. Жена и дѣти также не выносятъ домашней жизни. И такое положеніе вещей угрожаетъ не однимъ только рабочимъ классамъ, но и здоровью всего общества, ибо эпидеміи зарождаются и разносятся именно изъ этихъ очаговъ всевозможной инфекціи". „Нужно быть не только добродѣтельнымъ человѣкомъ, но просто героемъ,—говоритъ Дю-Мениль,—чтобы, живя въ подвалахъ, не воспылать ненавистью къ обществу". „Я изучалъ,—писалъ Бланки,—съ величайшею внимательностью частную жизнь работника, и смѣло утверждаю, что нездоровое жилище есть исходная точка нищеты и всякихъ пороковъ".

Digitized by Google

Если таковы условія, въ которыхъ живутъ рабочіе нашихъ окраинъ, то, съ другой стороны, санитарныя условія квартиръ точно также заставляютъ желать многаго, и горожанинъ, по необходимости живущій въ городѣ осень, зиму и часть весны, съ удовольствіемъ переселяется на лѣто за городъ, „на дачу".

Сомнѣнія нѣтъ, что хорошая санитарная обстановка города можетъ сдѣлать многое, и должно настойчиво твердить о необходимыхъ исправленіяхъ или улучшеніяхъ тѣхъ условій, которыя неблагопріятно отзываются на здоровьѣ обитателей вслѣдствіе жизни въ городахъ. Однако, какъ бы ни улучшали эти условія, тѣмъ не менѣе едва ли можно будетъ такъ оздоровить городъ, чтобы онъ могъ сравниться съ деревней. Своевременное удаленіе отбросовъ и даже совершенная канализація, чистота почвы, обиліе воды и цѣлый рядъ другихъ санитарныхъ мѣръ, которыми имѣютъ въ виду оградить горожанъ отъ вредно дѣйствующихъ причинъ, не могутъ замѣнить намъ тѣхъ внѣшнихъ, благопріятно дѣйствующихъ на нашъ организмъ, на наше общее самочувствіе, условій, которыя такою широкою рукою даетъ намъ природа.

Чѣмъ моложе возрастъ, тѣмъ сильнѣе сказываются условія городской жизни, и маленькій горожанинъ уже съ ранняго дѣтства носитъ на себѣ отпечатокъ особенной впечатлительности, воспріимчивости, нервности, даже неустойчивости, физической слабости; маленькій горожанинъ, это—тепличное растеніе, требующее внимательнаго ухода. Масса впечатлѣній, получаемыхъ ребенкомъ при жизни въ городѣ, заставляютъ его умъ много работать; наблюдательность его не знаетъ отдыха, картины уличной жизни, интересныя витрины со множествомъ разнообразныхъ вещей, останавливающихъ вниманіе ребенка, слишкомъ рано обогащаютъ его рядомъ свѣдѣній. Наоборотъ, спокойное созерцаніе природы отсутствуетъ; чистый, возбуждающій воздухъ лѣсовъ, полей, луговъ—ему недоступенъ, а между тѣмъ въ немъ организмъ черпаетъ свою силу, свое здоровье.

Подобно дѣтямъ и юношамъ, отдаютъ свою дань городу и люди въ полномъ расцвѣтѣ силъ. Интенсивная, напряженная дѣятельность, требующая огромнаго запаса какъ физическихъ, такъ и духовныхъ силъ, порождаетъ рядъ болѣзней, въ которыхъ болѣе всего страдаютъ органы, на долю которыхъ достается наибольшая работа, а именно сердце, почки, мозгъ. Обильное употребленіе возбуждающихъ средствъ, среди которыхъ алкоголь стоитъ на первомъ планѣ, вызываетъ у горожанъ частое заболѣваніе сердца и почекъ.

Digitized by Google

По прусской статистикѣ, изъ 10.000 живущихъ заболѣваютъ:

	въ городѣ		въ деревнѣ	
	мужчинъ	женщинъ	мужчинъ	женщинъ
Болѣзнями сердца. . .	3,1	3,4	0,9	0,9
Болѣзнями почекъ. . .	2,8	1,7	0,8	0,4

Тѣ же данныя, собранныя германскимъ санитарнымъ вѣдомствомъ, показываютъ намъ, что число умирающихъ на тѣ же 10.000 отъ болѣзней мозга значительнѣе въ городахъ, чѣмъ въ деревняхъ, и въ то время какъ въ городахъ изъ мужчинъ умираетъ 9,8, а изъ женщинъ 7,5,—въ деревняхъ значительно меньше, втрое меньше, а именно изъ мужчинъ 3,2 и женщинъ—2,6. Вспоминая, какое вредное вліяніе оказываетъ ночная работа, сверхсмѣтная работа, увеличивающая рабочій день до 16—18 часовъ въ сутки,—такъ какъ только при такихъ необычныхъ усиліяхъ удается получить необходимую заработную плату, чтобы удовлетворить насущныя жизненныя потребности,—и цѣлый рядъ другихъ неблагопріятныхъ условій,—станетъ очевидною тираннія города, низводящая человѣка до степени простой машины въ огромной лабораторіи городской жизни.

Типичнѣйшая болѣзнь конца прошлаго вѣка, неврастенія, превосходное описаніе которой сдѣлано впервые американцемъ Брэдомъ, есть продуктъ жизни въ американскихъ городахъ-колоссахъ; а сколько такихъ больныхъ въ настоящее время—трудно себѣ представить; къ сожалѣнію, этому нервному разстройству не ведется подсчета, но врачамъ хорошо извѣстна эта болѣзнь, проявляющаяся какъ слабыми симптомами въ видѣ общей слабости, усталости, плохого сна или безсонницы, такъ и тяжелыми разстройствами вплоть до нарушенія психической дѣятельности,—и во многомъ, если не сказать во всемъ, виною городъ.

Всѣ только-что приведенные факты, равно и статистическія данныя въ достаточной мѣрѣ показываютъ, какимъ богатымъ матеріаломъ располагаетъ современная гигіена. Въ настоящее время цифровой матеріалъ настолько обширенъ, что даетъ право не только обобщать явленія, но и предлагать на основаніи изученія ихъ цѣлый рядъ санитарныхъ мѣръ.

Правъ былъ Гёте, когда сказалъ, „что если цифры и не управляютъ міромъ, то показываютъ, какъ міръ управляется“. Санитарная статистика широко пользуется цифровыми выводами и на основаніи ихъ было предложено много разумныхъ мѣръ. Съ болѣзнями массъ можетъ бороться только гигіена; только она одна можетъ указать, гдѣ причины, порождающія недуги

Digitized by Google

общественныхъ группъ, и только въ ней одной можно найти указанія на то, какъ лечить общественные недуги.

II.

Животный организмъ и, въ частности, человѣкъ можетъ существовать въ окружающей средѣ только при извѣстныхъ условіяхъ; между средой и животнымъ организмомъ существуетъ постоянное взаимодѣйствіе.

Правильныя отправленія органовъ, а слѣдовательно, и жизнь всего организма, возможны только тогда, когда среда обладаетъ извѣстными свойствами, благопріятными для его существованія; измѣненіе этихъ необходимыхъ для жизни свойствъ колеблется въ довольно узкихъ предѣлахъ; отступленія за эти предѣлы обыкновенно тяжело отзываются на существованіи, и человѣку грозятъ какою-либо болѣзнью и даже смертью.

Если взглянуть на таблицу смертности, въ которой можно найти группировку умершихъ по причинамъ смерти, то замѣтимъ, что на первомъ мѣстѣ стоитъ число случаевъ смерти дѣтей отъ болѣзней пищеварительнаго тракта и заразныхъ, затѣмъ слѣдуетъ бугорчатка, остальныя инфекціонныя заболѣванія и, наконецъ, простуда. Или, группируя тѣ же случаи по причинамъ, обусловливающимъ смерть, на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить зараженіе, инфекцію, затѣмъ неправильное питаніе и, наконецъ, недостаточную регуляцію тепла.

Во внѣшнихъ условіяхъ существованія лежитъ причина болѣзней, а слѣдовательно, и смертности, и потому чѣмъ совершеннѣе будутъ изучены эти условія, тѣмъ надежнѣе и вѣрнѣе будутъ мѣропріятія въ борьбѣ съ вредными вліяніями. Однако, прежде чѣмъ перейти къ изученію этихъ условій, необходимо показать, чѣмъ располагаетъ гигіена, которая занимается „внѣшними жизненными условіями и обычной обстановкой человѣка, и старается открыть въ нихъ тѣ факторы, которые чаще и въ болѣе значительной степени даютъ поводъ къ разстройствамъ въ организмѣ, или въ состояніи ослабить его способность къ дѣятельности“.

Невольно задаешь вопросъ: гдѣ мѣрило, при посредствѣ котораго можно было бы воочію показать благотворное вліяніе санитарныхъ мѣропріятій?

Если, при оцѣнкѣ какого-либо заболѣванія, лечебной медицинѣ приходятся обращать вниманіе на ближайшія причины и

Digitized by Google

тѣ внѣшнія условія, среди которыхъ имѣлъ мѣсто тотъ или другой случай, то гигіена захватываетъ вопросъ и шире, и глубже. Здравохраненіе обращаетъ вниманіе по преимуществу не на единичные случаи, но на массу, и конечною своею цѣлью ставитъ выясненіе тѣхъ причинъ, которыми могли обусловливаться болѣзни въ массѣ; здравохраненіе, шагъ за шагомъ изучая причины, обусловливающія большую или меньшую рождаемость, болѣзненность и смертность населенія, вмѣстѣ съ тѣмъ выясняетъ рядъ условій, способствующихъ или противодѣйствующихъ имъ. Орудіемъ для такого рода изслѣдованій служитъ статистическій методъ и, въ частности, санитарная статистика. При посредствѣ этого метода можно производить, если можно такъ выразиться, массовыя наблюденія, благодаря чему отдѣльныя случайности сглаживаются и какое-либо общественное явленіе обрисовывается въ возможной полнотѣ; во многихъ случаяхъ удается подмѣтить извѣстную законность, повторяемость явленій. „Открытіе подобныхъ законосообразностей имѣетъ величайшее значеніе для общественной гигіены и для всѣхъ санитарныхъ мѣропріятій вообще", —говоритъ профессоръ Эрисманъ. — „Констатировавъ постоянство извѣстнаго неблагопріятнаго явленія, мы получаемъ возможность составить болѣе или менѣе раціональный планъ борьбы съ нимъ, даже въ томъ случаѣ, если ближайшія причины его остаются еще невыясненными. Санитарная статистика и открываемыя ею статистическія законосообразности или эмпирическіе законы составляютъ краеугольный камень общественно-гигіеническихъ мѣропріятій".

Само собою разумѣется, что вліяніе неблагопріятно дѣйствующихъ условій среды на человѣческій организмъ крайне разнообразно, и изученіе ихъ можетъ быть достигнуто или личнымъ наблюденіемъ, или опытомъ, но есть цѣлый рядъ общественныхъ явленій, которыя не могутъ быть изучены другимъ путемъ, какъ только статистическимъ; мало того, въ томъ же статистическомъ методѣ мы имѣемъ контроль надъ санитарными мѣропріятіями, благодаря которому возможно судить о цѣлесообразности работы въ области общественнаго здоровья. Обратимся, однако, къ фактамъ и посмотримъ, что они намъ даютъ.

Статистика показываетъ, что сила смертности въ различныхъ государствахъ Европы представляетъ значительныя колебанія. Такъ, по даннымъ Бодіо, среднее число умершихъ въ годъ на 1.000 жителей той или другой страны колеблется въ большихъ предѣлахъ отъ 17,3 до 38,0 на 1.000 жителей. Наименьшая смертность, ниже 20-ти на 1.000, встрѣчается въ сѣверныхъ

Digitized by Google

государствахъ — Швеціи, Норвегіи и Даніи; въ государствахъ западной и отчасти центральной Европы смертность уже выше и колеблется отъ 20 до 30 на 1.000, и, наконецъ, свыше 30 мы встрѣчаемъ смертность въ государствахъ восточной части Европы; наибольшая смертность встрѣчается въ Сербіи—32, въ Европейской Россіи—36,7 и, наконецъ, въ Венгріи—38. Подобное явленіе можно отмѣтить не только въ цѣломъ государствѣ, но и въ отдѣльныхъ большихъ городахъ. Наивысшая смертность въ большихъ городахъ опять-таки замѣчается въ восточной части европейскаго материка, и еслибы у насъ была такая же смертность, какъ въ Англіи или во Франціи, то мы имѣли бы только $^2/_3$ настоящаго числа смертныхъ случаевъ, т.-е. $^1/_3$ часть погибающихъ оставалась бы въ живыхъ. Потери, которыя приходится нести городамъ или государствамъ вслѣдствіе высокой смертности, огромны. Петтенкоферъ говоритъ, что гор. Мюнхенъ теряетъ ежегодно вслѣдствіе болѣзней населенія около $1^1/_2$ милліона рублей. Эрисманъ для Москвы эту потерю опредѣляетъ около 8 милліоновъ, а Рошаръ для населенія Франціи высчитываетъ этотъ убытокъ въ колоссальной цифрѣ 708 милліоновъ франковъ. Эти немногія данныя показываютъ, какимъ тяжелымъ бременемъ ложатся на народонаселеніе его болѣзни.

Оставляя въ сторонѣ ту связь, которая существуетъ между рождаемостью и тѣми экономическими условіями, среди которыхъ приходится жить населенію, можно утверждать, что самое число смертей, общая смертность, коэффиціентъ смертности, довольно опредѣленно говорятъ намъ о степени общественнаго здоровья.

Болѣе подробное ознакомленіе съ цифрами смертности указываетъ на то, что разница между ними главнымъ образомъ состоитъ въ связи съ большею или меньшею дѣтскою смертностью: гдѣ она выше, тамъ коэффиціентъ смертности также высокъ; конечно, не одно только это условіе вліяетъ на увеличеніе числа смертей, но во всякомъ случаѣ этому фактору должно принадлежать огромное значеніе. При сравненіи смертности дѣтей въ возрастѣ трехъ, четырехъ, пяти лѣтъ, мы видимъ, что въ Норвегіи умираетъ 17,6% на 1.000 дѣтей, въ Англіи и Франціи—по 36, въ Пруссіи—42,6 и въ Россіи—64,5, т.-е. смертность дѣтей въ этомъ возрастѣ превышаетъ норвежскую почти въ четыре раза. Дальнѣйшее сравненіе возрастной смертности указываетъ намъ на еще болѣе печальное явленіе; въ то время, какъ въ Норвегіи и вообще въ Скандинавіи коэффиціентъ смертности съ возрастомъ становится меньше, въ Россіи смертность и въ цвѣтущемъ возрастѣ, наиболѣе продуктивномъ для госу-

Digitized by Google

дарственной и экономической жизни страны, остается довольно высокою.

Тщательное изученіе причинъ, уменьшающихъ возрастную смертность, равно и увеличивающихъ ее, служитъ серьезнымъ указателемъ для тѣхъ мѣропріятій въ области частной и общественной гигіены, которыми въ настоящее время располагаетъ медицина. Однимъ изъ важныхъ факторовъ, вліяющихъ на высоту смертности, является экономическое состояніе страны, и данныя статистики Кёреши для Буда-Пешта даютъ тому яркое подтвержденіе.

Опредѣляя среднюю продолжительность жизни умершихъ въ возрастѣ выше 5-ти лѣтъ, исключивъ такимъ образомъ дѣтскую смертность и раздѣливъ населеніе по зажиточности на богатыхъ, средняго достатка и, наконецъ, бѣдныхъ и нищихъ, онъ нашелъ, что для первой группы—богатыхъ—средняя продолжительность жизни равняется 52 годамъ, для второй группы—46 и, наконецъ, для бѣдныхъ—только 41-му году 7-ми мѣсяцамъ,—другими словами, „дитя, выросшее въ хорошей обстановкѣ и достигшее 5-лѣтняго возраста, можетъ разсчитывать прожить цѣлыхъ 10 лѣтъ больше, чѣмъ ребенокъ бѣдныхъ родителей".

Другія данныя того же статистика показываютъ намъ, что чѣмъ богаче живетъ народонаселеніе, чѣмъ оно зажиточнѣе, обезпеченнѣе, тѣмъ меньше погибаетъ людей отъ заразныхъ болѣзней и чахотки, и тѣмъ больше замѣчается случаевъ старческой слабости, дряхлости и нервныхъ страданій въ видѣ апоплексій (нервнаго удара) и параличей. Естественнымъ поэтому является вопросъ: какія же болѣзни по преимуществу обусловливаютъ высокую смертность?

По оффиціальному отчету баварскаго министерства внутреннихъ дѣлъ за 1877—78 гг., отъ разныхъ болѣзней дыхательнаго аппарата, которыя въ настоящее время въ большинствѣ причисляются также къ заразнымъ формамъ, умерло около 8%, отъ чахотки—также 8% и отъ различныхъ заразныхъ болѣзней, каковы: тифъ, скарлатина, корь и т. п.—до 16%, или, въ общемъ, 32%. Въ Пруссіи отъ эпидемическихъ болѣзней умираетъ 19% и отъ чахотки 10,7%,—то-есть, смертность еще выше; въ Англіи болѣзни легкихъ вмѣстѣ съ чахоткою составляютъ больше четверти всѣхъ умершихъ, заразныя же болѣзни вообще—болѣе одной шестой. Статистика смертности большихъ городовъ съ ихъ скученнымъ населеніемъ даетъ еще болѣе неутѣшительные итоги; число умирающихъ въ городахъ очень велико; въ Берлинѣ на 100 смертныхъ случаевъ приходится около 44—46 смертей отъ

Digitized by Google

заразныхъ болѣзней и заболѣваній дыхательныхъ органовъ, включая и чахотку; въ Москвѣ тѣ же болѣзни даютъ около 60%, а въ Петербургѣ—еще выше, около 64%.

Въ частности, нѣкоторыя болѣзни, постоянно господствующія среди населенія, заслуживаютъ особеннаго вниманія, и на первомъ планѣ слѣдуетъ поставить у насъ въ Россіи дифтерію, получившую такую печальную извѣстность на нашемъ югѣ и востокѣ.

Дифтерія въ предѣлахъ Россіи видимо существуетъ уже давно. Такъ, еще докторъ Маркевичъ въ Кіевѣ, въ своемъ сочиненіи „О народонаселеніи полтавской губерніи", изданномъ въ 1855 году, указываетъ намъ, что злокачественная жаба была одною изъ главныхъ причинъ дѣтской смертности. Послѣ крымской войны въ различныхъ мѣстахъ наблюдались отдѣльныя вспышки дифтеріи, но долгое время, по разнымъ причинамъ,—по недостаточности статистическихъ свѣдѣній, по несвоевременности доставленія ихъ, по недостатку врачей, такъ какъ районы для наблюденія были крайне велики, наконецъ потому, что дифтерія не принимала грозныхъ размѣровъ послѣднихъ эпидемій, а наблюдались только отдѣльные спорадическіе случаи,—они мало занимали общество, но въ концѣ 70-хъ годовъ южныя губерніи Россіи жестоко пострадали отъ этой болѣзни. Такъ, напримѣръ, въ полтавской губерніи умерло отъ дифтеріи въ 1875 году 480 человѣкъ, а въ слѣдующемъ году смертность возросла въ 10 разъ и умерло 4.935 человѣкъ; возростатъ число умершихъ продолжало до 1879 года, когда отъ дифтеріи погибло 20.367 человѣкъ; въ послѣдующіе годы смертность, унеся такую массу жертвъ, стала ослабѣвать, но все еще была велика. Во многихъ уѣздахъ смертность доходила до 12 на 1.000, а въ миргородскомъ уѣздѣ—даже до 20 на 1.000. По отдѣльнымъ участкамъ, гдѣ дифтерія свила себѣ гнѣздо, смертность была ужасающая; такъ, въ мѣстечкѣ Сорочинцы заболѣло 28% изъ наличнаго состава населенія и умерло изъ заболѣвшихъ 79%. За четырехлѣтнее существованіе эпидеміи переболѣла *третья* часть населенія и умерла почти *шестая*. Наиболѣе страдало дѣтское населеніе въ возрастѣ до 15-ти лѣтъ, среди которыхъ по преимуществу дифтерія и намѣчала свои жертвы; дѣти до 2-хъ лѣтъ менѣе воспріимчивы и видимо легче переносятъ болѣзнь, чѣмъ дѣти отъ 2-хъ до 10-ти лѣтъ; въ общемъ, заболѣла почти половина всего дѣтскаго населенія—до 42%.

Если дифтерія даетъ такую ужасную картину, то при этомъ необходимо отмѣтить только одно обстоятельство: дифтерія только

Digitized by Google

тогда даетъ столь высокую заболѣваемость и смертность, когда распространяется въ видѣ эпидеміи. Совершенно иное наблюдается по отношенію къ другой, самой губительной болѣзни,—по отношенію туберкулеза (бугорчатки), и въ частности чахотки легкихъ. По свидѣтельству Гирша, отъ $^1/_7$ до $^1/_5$ всего числа умирающихъ нужно отнести на долю бугорчатки, а заболѣваемость ею, вѣроятно, еще выше (по Cornet—доходитъ до $^1/_3$). Согласно указаніямъ Рошара, во Франціи, въ 1886 году, убытки отъ смерти и болѣзни отъ чахотки, при населеніи въ 38,6 милліоновъ человѣкъ, достигли 500 милліоновъ франковъ. Таковы тѣ неощутительные единичные случаи, когда имъ подводятъ итоги!

Культура, принося цѣлый рядъ усовершенствованій, вмѣстѣ съ тѣмъ еще недостаточно выдвинула санитарные вопросы; вопросы гигіены и общественнаго здоровья еще не составляютъ вопросовъ первостепенной важности. Культура двигаетъ массу впередъ, голова загромождается цѣлыми рядами спеціальныхъ свѣдѣній, современная жизнь все больше и больше отвлекаетъ человѣка отъ природы, гонитъ его въ города съ ихъ вѣчной суетолокой и постояннымъ усиленнымъ запросомъ на нервную работу——мозговую работу—вплоть до переутомленія, результатомъ чего является масса больныхъ или же людей, не стойкихъ въ борьбѣ съ болѣзнями.

Что дѣйствительно земледѣльческая среда и частое пребываніе на свѣжемъ, открытомъ, доступномъ для постояннаго обновленія воздухѣ дѣйствуетъ благотворно на организмъ, показываютъ статистическія данныя Швейцаріи, по которымъ оказалось, что въ деревняхъ смертность отъ чахотки достигаетъ 1,1 на 1.000 человѣкъ, въ смѣшанномъ населеніи 1,7, а въ промышленныхъ округахъ уже 2,5 на 1.000, т.-е. смертность возростаетъ болѣе, чѣмъ вдвое. Далѣе мы видимъ, что лишеніе свободы, угнетающія психическія вліянія дѣйствуютъ пагубно на человѣческій организмъ, созидая благопріятныя условія для развитія болѣзни. Беръ для тюремъ нашелъ, что въ нихъ смертность отъ чахотки бываетъ въ 3—4 раза больше, чѣмъ внѣ ихъ; такъ, при общей смертности въ 14—15%, въ тюрьмахъ она доходитъ до 40—50%, а въ одиночномъ заключеніи—даже до 60%. Изслѣдованія Штангеева и Пирскаго точно также показываютъ намъ, что извѣстное соціальное положеніе не остается безъ вліянія на распространеніе бугорчатки. При поголовномъ осмотрѣ крестьянскаго населенія извѣстныхъ районовъ въ нашихъ южныхъ губерніяхъ оказалось, что больше всего заболѣваютъ

Digitized by Google

чахоткой холостые мужчины, затѣмъ уже слѣдуютъ незамужнія женщины; живущія же въ брачномъ сожительствѣ болѣе выносливы въ борьбѣ съ этою болѣзнью, чѣмъ внѣ его.

Перенесемся въ другую область; посмотримъ, какъ на человѣка вліяютъ тѣ искусственныя условія, которыя по необходимости создаются имъ, чтобы защитить себя отъ вредно дѣйствующихъ условій естественной среды, и остановимъ вниманіе только на жилищѣ.

Жилище защищаетъ человѣка отъ случайныхъ колебаній состоянія атмосферы, говоря обыденнымъ языкомъ—отъ непогоды; оно создаетъ особую газовую оболочку, въ которой человѣкъ можетъ сохранить свое тепловое равновѣсіе и тѣмъ самымъ даетъ возможность развивать ему массу трудовой энергіи; но то же самое жилище, если оно не удовлетворяетъ извѣстнымъ санитарнымъ требованіямъ, можетъ быть источникомъ многихъ бѣдъ, такъ какъ въ плохо устроенныхъ и содержимыхъ жилищахъ накопляется масса продуктовъ газоваго обмѣна, вредно дѣйствующихъ на работу органовъ и ткани, накопляется масса сору, грязи и отбросовъ домашняго хозяйства, которыя могутъ служить источникомъ или же матеріаломъ для поддержанія жизни возбудителей многихъ инфекціонныхъ болѣзней.

Изслѣдованія, предпринятыя съ цѣлью выясненія вліянія жилищъ на ихъ обитателей, довольно велики и многочисленны, но мы остановимъ вниманіе на работахъ особой коммиссіи, изслѣдовавшей квартирный вопросъ въ городѣ Варшавѣ, и особенно той части, которая посвящена описанію подвальныхъ жилищъ.

Если населеніе живетъ тѣсно, скученно, а слѣдовательно и бѣдно, то при такихъ условіяхъ элементарныя требованія гигіены—чистота и опрятность—едва ли могутъ быть соблюдены, а отсутствіе этихъ требованій роковымъ образомъ ведетъ къ тяжелымъ послѣдствіямъ. Еще Руссель, съ цифрами въ рукахъ для большихъ городовъ Ирландіи, показалъ, что между высотою смертности и числомъ жильцовъ на одну комнату существуетъ опредѣленное отношеніе, а Сойка нашелъ, что если на одного человѣка въ городахъ Англіи приходится 102 квадратныхъ ярда квартирнаго пространства, то ежегодно умираетъ изъ 49 человѣкъ одинъ; если же пространство это равняется только 32 квадратнымъ ярдамъ, то умираетъ уже одинъ изъ 32. То же подтверждаетъ Кёреши для Буда-Пешта и Вассерфуръ для Берлина. По Кёреши смертность отъ заразныхъ болѣзней для Буда-Пешта представляется такою: комнаты, обитаемыя однимъ или двумя лицами, даютъ смертность въ 20 на тысячу, отъ 3 до

Digitized by Google

4-хъ жильцовъ—29 на тысячу, отъ 6 до 10—уже 32 на тысячу, и при населеніи большемъ, чѣмъ въ 10 человѣкъ—колоссальную цифру—79 на тысячу обитателей. Въ Берлинѣ, гдѣ на одинъ домъ приходится среднимъ числомъ по 91 обитателю, изъ 1.000 живущихъ въ такихъ кварталахъ умирало 38 человѣкъ; при меньшемъ населеніи въ домахъ, и именно при 34 человѣкахъ, изъ тѣхъ же 1.000 живущихъ умираетъ только 18 въ годъ.

Профессоръ Фохтъ для квартиръ гор. Берна твердо установилъ другой весьма важный фактъ, что тѣ жилища, которыя лишены благодѣтельнаго вліянія солнечнаго свѣта, дали высшую болѣзненность и смертность, и старая итальянская пословица справедливо говоритъ: „куда не попадаетъ солнечный свѣтъ, туда приходитъ врачъ". Чѣмъ моложе, чѣмъ слабѣе организмъ, тѣмъ тяжелѣе должны отзываться эти неблагопріятныя условія, и дѣтскій организмъ платитъ этимъ плохимъ квартирнымъ условіямъ ужасную дань. Госелэ для города Лилля, въ которомъ существуютъ ужасные жилые подвалы, показалъ, что изъ 21.000 дѣтей, не достигшихъ пятилѣтняго возраста, умираетъ 20.700 человѣкъ.

Что же мы видимъ въ подвальныхъ жилищахъ Варшавы? Въ то время, какъ на одну комнату приходится два жильца (1,83), въ подвальныхъ помѣщеніяхъ—4,36; наряду съ этимъ объемъ воздушнаго куба очень малъ,.. и въ Варшавѣ много такихъ подваловъ, гдѣ на одного жильца приходится не болѣе 3—4 куб. метровъ воздуха, т.-е. меньше четверти того наименьшаго пространства, которое опредѣляется законоположеніями различныхъ государствъ на одного человѣка для казармъ и училищъ. Высота подваловъ не превышаетъ въ среднемъ 2,3 метра, средняя площадь подвальнаго помѣщенія равняется 4 квадратнымъ саженямъ, и на такой-то площади живутъ 4—5 человѣкъ, живутъ семьи, отдавая въ наемъ углы или часть помѣщенія; прибавляя къ этому стоимость 1 куб. сажени воздуха, которая въ подвалахъ и чердакахъ наивысшая, станетъ ясною та ужасная санитарная обстановка, въ которой приходится влачить, въ полномъ значеніи этого слова, свое существованіе бѣдняку.

Представивъ такимъ образомъ нѣсколько фактовъ и ограничиваясь этими указаніями, добытыми изученіемъ при посредствѣ статистическаго метода, я позволю себѣ привести и другіе,— я представлю результаты работъ въ области общественнаго здравохраненія.

Англійскій народъ, первый оцѣнившій значеніе санитарныхъ

Digitized by Google

мѣръ, сталъ широко проводить ихъ въ жизнь. Англійскій народъ можетъ во многихъ случаяхъ служить образцомъ такой работы на пользу городского населенія, и то, чего не могли достигнуть лечебными мѣрами въ теченіе ряда лѣтъ, а именно пониженія смертности, то стало возможнымъ, какъ только удалось провести рядъ общественно-санитарныхъ мѣръ. Даже на мѣстахъ возникновенія заразы,—что̀ можно видѣть относительно холеры въ Индіи,—въ Калькуттѣ правильнымъ дренажемъ почвы, устройствомъ канализаціи, проведеніемъ чистой воды, удалось значительно ослабить интенсивность ея. Подобные же результаты можно замѣтить во многихъ городахъ западной Европы. Что такого рода мѣры не только вліяютъ на одну какую-либо болѣзнь, а и на смертность вообще, это можно считать вопросомъ уже выясненнымъ. Такъ, въ Данцигѣ, послѣ устройства канализаціи въ довольно короткій срокъ, за 7 лѣтъ, смертность съ 36 на 1.000 жителей упала до 28,5, а смертность отъ брюшного тифа, который раньше уносилъ многихъ, свелась почти къ нулю. Англійскій инженеръ Latham, сравнивая смертность въ городѣ Кройдонѣ до и послѣ производства санитарныхъ работъ, показываетъ намъ всю выгоду отъ такихъ мѣропріятій. Оказалось, что средняя смертность за нѣсколько лѣтъ до устройства водопровода и стоковъ въ этомъ городѣ равнялась 23,66, а послѣ устройства, въ послѣдующія 13 лѣтъ, она упала до 18,64 на 1.000 жителей. Дѣлая разсчетъ на разницу въ уменьшеніи смертности, онъ нашелъ, что за этотъ короткій срокъ удалось сохранить 1.307 жизней, и, сравнивая стоимость этихъ жизней съ затратами на санитарныя сооруженія, оказалось, что уменьшеніе болѣзненности и смертности населенія этого города не только окупило первоначальныя затраты, но даже дало 25% прибыли.

Проф. Цимссенъ, разрабатывая статистику умершихъ отъ туберкулеза для города Мюнхена съ 1871 по 1888 годъ и располагая ее по трехлѣтіямъ, нашелъ, что:

Съ 1871—73	умерло	5,5%	на	1000	живущихъ
„ 1874—76	„	4,10%	„	„	„
„ 1877—79	„	4,07%	„	„	„
„ 1880—82	„	3.84%	„	„	„
„ 1883—85	„	3,99%	„	„	„
„ 1886—88	„	3,06%	„	„	„

т.-е., смертность отъ чахотки сравнительно за короткій срокъ уменьшилась на 1,84,—на добрую треть, какъ выражается авторъ. По послѣднимъ даннымъ, сообщеннымъ проф. Боллинге-

Digitized by Google

ромъ, оказывается, что улучшеніе гигіеническихъ условій во многихъ городахъ западной Европы повело къ тѣмъ же результатамъ.

Въ 1881 году въ Мюнхенѣ умирало 40,8 на 1000 жителей, а въ 1893 году—30,8; въ Берлинѣ, за тѣ же года, смертность съ 34,7 упала до 25,7, а въ Вѣнѣ—съ 69,29 до 42. Всюду, гдѣ только были широко организованы и приведены въ исполненіе общественныя санитарныя работы, въ самомъ непродолжительномъ времени результатъ сказывался на общей смертности. Англійскій статистикъ Фарръ, разбираясь въ массѣ данныхъ, сообщенныхъ англійскими городами, имѣлъ возможность вычислить ту цифру смертности, которая, по его мнѣнію, можетъ служить лучшимъ показателемъ санитарнаго состоянія страны, города или той или другой мѣстности: эта цифра—17 на 1.000.

Сравненіе показало, что даже въ деревенскихъ округахъ, гдѣ жители пользуются чистымъ воздухомъ, гдѣ трудъ почти все время на открытомъ воздухѣ, и тамъ смертность не спускается ниже 15 на тысячу. Эта норма позволяетъ тому же статистику, просмотрѣвъ отчеты многихъ европейскихъ городовъ и государствъ, придти къ выводу, что Лондонъ есть самая здоровая изъ европейскихъ столицъ, несмотря на частые туманы и ту кипучую дѣятельность въ области промышленности, какую развиваетъ эта столица. Такъ, въ теченіе іюня мѣсяца 1892 года, въ Лондонѣ умерло 10,3 на тысячу жителей, въ то время какъ въ Берлинѣ—18,3, въ Парижѣ—20,5 и въ Вѣнѣ—22,5. Поразительный примѣръ связи, которая существуетъ между уменьшеніемъ смертности и улучшеніемъ санитарныхъ условій, представляетъ столица Скандинавіи—Стокгольмъ. Съ 1871 по 1875 г. въ этомъ городѣ умирало 35,3, съ 1876—1880 г.—28,7, съ 1881—1885 г.—24 и 1886—1890 г.—только 20,8 на тысячу. Уменьшеніе смертности преимущественно сказалось на болѣзняхъ дыхательныхъ органовъ, заразныхъ и пищеварительнаго тракта. Отъ заразныхъ болѣзней смертность упала на-половину. Въ 1892 году умерло отъ бугорчатки только 2,87, а отъ брюшного тифа—0,18 на тысячу, или, другими словами, два человѣка на 10.000 населенія. Въ Вѣнѣ, по докладу доктора Камерера, замѣчалось то же самое. Данныя Камерера обнимаютъ огромный промежутокъ времени въ 60 лѣтъ и крайне интересны:

Digitized by Google

Въ	1830—39	годахъ	умирало	46,6	на	1000	человѣкъ
„	1840—49	„	„	42,3	„	„	„
„	1850—59	„	„	41,1	„	„	„
„	1860—69	„	„	34,2	„	„	„
„	1870—79	„	„	33,1	„	„	„
„	1880—89	„	„	28,0	„	„	„
„	1890	„	„	25,18	„	„	„

Уменьшеніе смертности особенно сказалось на заразныхъ болѣзняхъ, каковы брюшной и сыпной тифы, дизентерія, катарръ желудка и кишокъ и чахотка. Съ 1873 года число умершихъ отъ заразныхъ болѣзней по отношенію общаго числа умершихъ, выраженное въ процентахъ, съ 24% упало на 19% въ 1879 г.; переводя это на деньги, капитализируя эти смерти, оказывается, что, за послѣднія десять лѣтъ, санитарныя мѣры сберегли порядочный капиталъ въ 8.336.800 гульденовъ.

Если таковы результаты, полученные для большихъ культурныхъ центровъ Запада, то еще болѣе останавливаютъ вниманіе благіе результаты, полученные послѣ многихъ усилій, имѣвшихъ цѣлью улучшеніе санитарныхъ условій для цѣлой страны.

Въ Англіи съ 1837 по 1860 г. умирало на каждую 1.000 жителей въ годъ 22,5; а съ 1871 по 1880 г. эта цифра нѣсколько уменьшилась и равнялась 21,3, и съ 1891 по 1895 г. уже умирало только 18,8 [1]). Значеніе такого, на первый взглядъ небольшого уменьшенія выступаетъ яснѣе, если пересчитать его на населеніе всего Соединеннаго Королевства. Такъ, въ 1895 году, по оффиціальнымъ даннымъ, умерло 735.000 человѣкъ; еслибы коэффиціентъ смертности оставался тотъ же, что̀ и въ шестидесятыхъ годахъ, то число умершихъ было бы 881.000 человѣкъ (не слѣдуетъ упускать изъ виду вообще приростъ населенія, но, для простоты, предполагаемъ, что населеніе осталось одно и то же),—стало быть, благодаря улучшенію санитарныхъ

[1]) Въ Англіи, въ 1837 году, была введена регистрація смертныхъ случаевъ, съ правильнымъ оповѣщеніемъ этой работы для свѣдѣнія всего населенія. Въ 1840 и 1843 годахъ палатою общинъ были назначены особыя комиссіи, которыя изучали санитарныя состоянія многихъ мѣстъ и преимущественно городовъ Англіи. Данныя, представленныя этой комиссіей, послужили основаніемъ для перваго „акта объ общественномъ здравіи“ въ 1848 году. За этимъ актомъ было учреждено особое управленіе — „главный санитарный совѣтъ“, компетенція котораго крайне широка; наконецъ, въ 1875 году многія санитарныя постановленія пересмотрѣны, исправлены, дополнены и изданы, въ видѣ отдѣльнаго акта: „Биль объ общественномъ здоровьѣ“.

Digitized by Google

условій, страна сберегла 146.000 человѣкъ, цѣлую армію, или ежедневно 400 человѣкъ.

Но не на одну смертность оказываетъ вліяніе это улучшеніе санитарныхъ условій,—уменьшается и заболѣваемость населенія. Строгая статистика въ Англіи, по вычисленіямъ Фарра, показала, что въ обыкновенное время, когда нѣтъ какихъ-либо повальныхъ болѣзней, можно считать, что число больныхъ въ каждый день года равняется двойному числу числа смертныхъ случаевъ за годъ; если взять тотъ же 1895-й годъ, то число больныхъ равнялось 1.470.000 человѣкъ. Еслибы смертность была прежняя, то число больныхъ равнялось бы 1.762.000 или, другими словами, въ 1895 году заболѣло на 292.000 человѣкъ меньше; а такъ какъ каждый больной стоитъ странѣ 2 шиллинга въ день, то, слѣдовательно, страна ежедневно сберегаетъ 29.000 фунтовъ стерлинговъ, или десять съ половиною милліоновъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ, что на наши деньги составляетъ сто милліоновъ рублей.

Приведенныя немногія данныя ясно показываютъ, что общественно-санитарныя мѣропріятія, стоющія очень дорого, съ лихвою окупаются и рѣзко отражаются на экономіи государственнаго механизма, почему правъ былъ Дизраэли, когда говорилъ, что „общественное здравіе есть фундаментъ, на которомъ покоятся благоденствіе народа и могущество государства“ [1]).

В. Е. Игнатьевъ.

---

[1]) Литература: Альбертъ *Шоу*, „Городскія управленія въ Западной Европѣ“, Москва, 1899 г. — *Гуго*, „Новѣйшія теченія въ англійскомъ городскомъ самоуправленіи“, Спб., 1898 г. — *Rubner*, „Hygienisches von Stadt und Land“. — *Захарьинъ*, „Здоровье и воспитаніе въ городѣ и за городомъ“, Москва, 1873 г.—*Ротъ*, А. К., „Дѣятельность въ безплатной лечебницѣ при фабрикѣ торговаго дома „А. Михайловъ и сынъ“, Москва 1899 г.—„Итоги санитарной переписи гор. Варшавы“, т. I.—*Святловскій*, „Подвальныя жилища“.

Digitized by Google

ПОРТРЕТЪ

Палитра ждетъ тебя, прекрасное явленье,
Въ потомство передать дай краскамъ по холсту—
Изъ поколѣнія въ другое поколѣнье—
Твою волшебную, какъ сказка, красоту!

Я молодость твою отъ времени укрою,
Головку—отъ зимы, отъ сумрака—чело.
На старыхъ правнуковъ прабабкой молодою
Ты взглянешь, какъ глядишь, и въ будущемъ свѣтло!

Ни горе, ни болѣзнь, ни страсти, ни ошибки,
Ни всѣ заботы дня съ безсонницей ночей
Не удалятъ отъ устъ чарующей улыбки,
Не охладятъ тепла сіяющихъ очей.

Твой правнукъ, возвратясь въ домъ отчій,—стариками
Друзей утекшихъ лѣтъ на родинѣ найдетъ,
Но, на тебя взглянувъ, къ поблекшей старой рамѣ
Онъ отъ живыхъ людей съ восторгомъ подойдетъ.

Ни складокъ на лицѣ его ты не замѣтишь,
Ни блекнущихъ ланитъ, ни снѣга въ волосахъ,
И на привѣтъ его улыбкою отвѣтишь,
Знакомой лаской въ немеркнущихъ очахъ.

Любуяся тобой, онъ вспомнитъ дни расцвѣта
Обманутыхъ надеждъ, былыхъ весеннихъ грёзъ,

Digitized by Google

И сердце оживитъ воспоминаній лѣто,
Въ груди растаетъ ледъ и отойдетъ морозъ.

Любуяся тобой, отдастся онъ мечтами
Тому, что̀ далеко осталось позади...
Иди ко мнѣ! Я жду съ палитрой и кистями.
Мольбертъ мой у окна. Красавица, иди!

Н. Б. Хвостовъ.

Digitized by Google

ВОЗСОЕДИНЕНІЕ
СТАРОЙ ФИНЛЯНДІИ
СЪ НОВОЮ.

(1811 г.)

Историческій очеркъ.

I.

Часть нынѣшней выборгской губерніи была, какъ извѣстно, присоединена къ Россійской имперіи по ништадтскому миру 30-го августа 1721 года—къ „имперіи", потому что какъ разъ во время торжества, по случаю заключенія этого мира, Петръ Великій принялъ титулъ Императора Всероссійскаго. Въ этой завоеванной тогда части Финляндіи сохранено было дѣйствіе стариннаго земскаго уложенія (landstag) короля Христофора и городскихъ законовъ, а жителямъ присоединеннаго края предоставлена была свобода вѣроисповѣданія. Вслѣдъ затѣмъ, черезъ двадцать слишкомъ лѣтъ, а именно по абовскому миру 1743 года, къ Россіи была присоединена еще часть Финляндіи, простирающаяся до рѣки Кюммене; жителямъ этого вновь покореннаго края также предоставлена была свобода религіи, но въ немъ уже не примѣнялось уложеніе короля Христофора, а законъ 1736 года, введенный въ шведской Финляндіи за нѣсколько лѣтъ до абовскаго мира.

Обѣ эти части Финляндіи составили такъ называемую „ста-

Digitized by Google

рую Финляндію", занимавшую 376 квадр. миль и насчитывавшую въ 1811 году, ко времени ея возсоединенія съ остальной „новой Финляндіей", пріобрѣтенной отъ Швеціи по фридрихсгамскому миру, около 200.000 чел. населенія. Такимъ образомъ составилась нынѣшняя выборгская губернія, которая въ продолженіе частью 90 лѣтъ, а частью около 70 лѣтъ была русской провинціей. Положеніе „старой Финляндіи" за этотъ періодъ времени успѣло въ нѣкоторомъ отношеніи замѣтно измѣниться, и притомъ измѣниться не совсѣмъ къ лучшему, что слѣдуетъ приписать главнымъ образомъ слѣдующимъ обстоятельствамъ: указанному выше двойственному внутреннему порядку въ обѣихъ частяхъ провинціи, плохой администраціи и хозяйничанью въ краѣ вліятельныхъ владѣльцевъ жалованныхъ имѣній и ихъ управляющихъ.

Въ Финляндіи, кромѣ восточной Кореліи, крѣпостного права не существовало вовсе, и, съ присоединеніемъ части ея къ Россіи, свобода крестьянъ была обезпечена ништадтскимъ и абовскимъ мирными трактатами съ Швеціей. Правительственнымъ распоряженіемъ 29-го апрѣля 1726 года подтверждалось между прочимъ, что подати въ покоренномъ краѣ должны быть распредѣляемы „во избѣжаніе разоренія края" такимъ же образомъ, какъ во времена шведскаго владычества; абовскимъ мирнымъ договоромъ за жителями покореннаго края утверждены были ихъ права и привилегіи, которыми они пользовались при шведскихъ корояхъ; всѣ эти права утверждены были и за прежде присоединенной частью Финляндіи. Между тѣмъ, тотчасъ же послѣ присоединенія старой Финляндіи, огромныя въ ней имѣнья жалуются за разныя заслуги лицамъ, пользовавшимся большимъ вліяніемъ при дворѣ. Этимъ новымъ владѣльцамъ удается добиваться цѣлаго ряда указовъ и распоряженій изъ Петербурга, оказывающихъ имъ всякаго рода милости на счетъ крестьянъ пожалованныхъ имъ имѣній. Экономическое положеніе крестьянъ ухудшается. Вслѣдствіе постепеннаго обѣдненія края, крестьяне начинаютъ впадать въ экономическую зависимость отъ господъ помѣщиковъ, которые умѣли также выбирать себѣ соотвѣтствующихъ управляющихъ въ имѣнья. Эти послѣдніе являлись не только замѣстителями помѣщиковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ бы правительственными чиновниками. На ихъ обязанности, въ большинствѣ случаевъ, лежало поддержаніе общественнаго порядка, сборъ казенныхъ податей, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ ихъ рукахъ сосредоточивалась и судебная власть. Полагаясь на защиту своихъ вліятельныхъ господъ, они проявляли полный произволъ въ обращеніи съ крестьянами и, совершенно игнорируя ихъ права и привилегіи, почти приравъ-

Digitized by Google

нивали ихъ къ крѣпостнымъ въ русскихъ помѣстьяхъ: широко примѣняли наказаніе розгами, подвергали тюремному заключенію и т. п. Если же крестьяне, выведенные изъ терпѣнія, осмѣливались обращаться съ жалобами къ судебнымъ властямъ, то они, пользуясь безсиліемъ этихъ послѣднихъ, обыкновенно только усиливали свои притѣсненія и прижимки.

Во второй половинѣ XVIII-го вѣка положеніе крестьянъ ухудшается еще болѣе, благодаря усилнвающемуся стремленію владѣльцевъ жалованныхъ имѣній, въ цѣляхъ извлеченія большихъ выгодъ изъ своихъ помѣстій, добиться отъ правительства тѣхъ же правъ въ отношеніи ихъ финляндскихъ имѣній, какими они пользовались въ остальной Россіи. И дѣйствительно, свободные люди въ жалованныхъ имѣніяхъ начинаютъ постепенно закрѣпощаться, пока они, наконецъ, фактически не обратились почти совершенно въ крѣпостныхъ,—„glebae adscripti“; ихъ даже стали продавать вмѣстѣ съ землей, и отъ былой свободы едва сохранили они одно только право—не быть проданными лично.

Первоначально во многихъ мѣстностяхъ старой Финляндіи крестьяне упорно отказывались платить увеличенный оброкъ и ходить чаще прежняго на барщину. Дѣло доходило даже до суда, но въ этихъ тянувшихся обыкновенно безъ конца процессахъ, во время которыхъ дѣла переносились изъ инстанціи въ инстанцію, побѣдителями все-таки, въ концѣ концовъ, оставались большею частью вліятельные владѣльцы. Такимъ образомъ постепенно отмѣнялось прежнее распредѣленіе оброковъ и податей, и крестьяне теряли право свободнаго выселенія, закрѣпощались къ землѣ. Переходъ этотъ произошелъ далеко не мирнымъ путемъ. Крестьяне не оставались равнодушными къ попранію ихъ правъ и прибѣгали иногда къ сопротивленіямъ силою. Этотъ мрачный періодъ въ исторіи старой Финляндіи ознаменованъ цѣлымъ рядомъ возстаній крестьянъ; такихъ бунтовъ насчитываютъ не менѣе *двадцати восьми* за сравнительно небольшой промежутокъ времени. Для подавленія подобныхъ крестьянскихъ бунтовъ приходилось прибѣгать даже къ военной силѣ, а во многихъ имѣньяхъ вошло даже въ обычай выгонять крестьянъ на барщину при помощи той же военной силы. Въ сохранившихся до нашихъ дней письмахъ нѣкоего К. Г. Кликъ (Anjalamannen), относящихся къ этой эпохѣ, встрѣчается слѣдующая характеристика положенія дѣлъ въ старой Финляндіи: „Существовали—пишетъ онъ—и такіе господа, которые были глубоко убѣждены, что подвластные имъ крестьяне были, въ сущности, ихъ крѣпостными; другіе присвоивали себѣ право выселять крестьянъ изъ ихъ владѣній, но наряду съ подоб-

Digitized by Google

ными лицами встрѣчались и такіе, которые ограничивались лишь умѣреннымъ оброкомъ деньгами или зерномъ по разсчету, установленному еще во время шведскаго владычества"... Та же путаница въ понятіяхъ господствовала и въ судахъ, на разрѣшеніе которыхъ восходили дѣла между крестьянами и помѣщиками. Среди высшей администраціи также, повидимому, замѣчался подобный же хаотическій взглядъ на существующій въ краѣ правовой порядокъ.

Наконецъ, за угнетаемыхъ крестьянъ поднялъ свой голосъ самъ военный губернаторъ старой Финляндіи — Мейендорфъ, человѣкъ возвышенныхъ въ этомъ отношеніи взглядовъ; но и этотъ крупный администраторъ оказался безсильнымъ въ борьбѣ съ владѣльцами жалованныхъ имѣній, пользовавшихся огромнымъ довѣріемъ и вліяніемъ при дворѣ. Такъ, правительствующій сенатъ въ 1804 году, по поводу тяжбы между крестьянами въ Сальмисѣ и графомъ Орловымъ, опредѣлилъ, что каждое заявленіе крестьянъ о правѣ свободнаго выселенія со своихъ мѣстъ должно разсматриваться какъ ослушаніе волѣ монарха, и наказываться какъ преступленіе.

Графъ Г. М. Армфельтъ, игравшій, какъ будетъ указано ниже, самую выдающуюся роль въ дѣлѣ возсоединенія выборгской губерніи, высказывалъ незадолго до этого „возсоединенія", въ письмѣ къ женѣ (5-го ноября 1811 г.), мечту, что въ скоромъ времени „несчастныя существа въ старой Финляндіи могутъ надѣяться опять увидѣть гражданское существованіе (existence civile) и выйдутъ изъ своего скотскаго состоянія" [1]). Въ запискахъ, составленныхъ Армфельтомъ по порученію императора Александра I, по вопросу объ округленіи Финляндіи [2]), состояніе старой Финляндіи рисуется очень мрачными чертами. Указавъ на тяжелое и безправное положеніе крестьянъ, доводящее ихъ до отчаянія и даже до преступленій, Армфельтъ добавляетъ, что правосудіе въ этомъ разоренномъ краѣ было продажно, и достоинство его роняло негодностью самихъ судей; экономическое положеніе населенія было нищенское; ни одна даже изъ сравнительно умѣренныхъ податей не могла быть уплачиваема; богатые лѣса въ странѣ были истреблены; разореніе было полное и общее. Надо полагать, что описанія Армфельта не были преувеличенными. По поводу своей записки, внесенной въ государственный совѣтъ, въ которомъ Армфельтъ въ это

[1]) Переписка Армфельта.

[2]) Всѣхъ ихъ хранится въ бумагахъ Армфельта четыре; при одной имѣется собственноручный конспектъ

Digitized by Google

время пользовался правомъ голоса, онъ писалъ, въ самый день внесенія записки, Фр. Шернвалю: „Увидимъ, выйду ли я съ честью изъ этого дѣла. Все, что могу сказать, это—то, что я доволенъ своимъ мемуаромъ, хотя никто, конечно, не найдется въ Петербургѣ, кто хотѣлъ бы написать его, а еще менѣе прочесть въ присутствіи нѣкоторыхъ лицъ. Это прямая атака противъ тѣхъ беззаконій и того насилія, которымъ подвергалась старая Финляндія, со времени ея покоренія". Не мало найдется писемъ и записокъ очевидцевъ-современниковъ, вполнѣ подтверждающихъ жалкое состояніе старой Финляндіи во время, непосредственно предшествовавшее „возсоединенію". Капитанъ Г. Веренгіельмъ, проѣзжавшій лѣтомъ 1808 года, въ качествѣ военнопленнаго послѣ капитуляціи Свеаборга, черезъ восточную Финляндію во внутреннюю Россію, свидѣтельствуетъ, что „финскіе крестьяне, хотя они еще не крѣпостные, имѣютъ, однако, чрезвычайно угнетенный видъ"... И. Маннергеймъ, въ своихъ „запискахъ" о поѣздкѣ „финской депутаціи" черезъ ту же восточную Финляндію, замѣчаетъ, что „разница между нашей и старой Финляндіей болѣе чѣмъ замѣтна".

Наконецъ, печальное состояніе старой Финляндіи засвидѣтельствовано было и съ высоты престола. Въ заботахъ своихъ о нуждахъ этого края, императоръ Александръ I учредилъ 19 мая 1802 г. особую коммиссію для изслѣдованія дѣйствительнаго положенія дѣлъ въ „Старой Финляндіи". Въ изданномъ по этому случаю императорскомъ указѣ говорится, что „со времени присоединенія Финляндіи къ Россіи" были приняты различныя мѣры къ тому, чтобы улучшить экономическое положеніе этой страны и народное въ ней благосостояніе, но „къ скорби Нашей"—значится далѣе въ указѣ—„страна эта въ настоящее время оказывается въ дѣйствительности въ такомъ жалкомъ состояніи, которое мало отличается отъ того, въ какомъ она находилась во время ея покореній". Но коммиссія эта была вскорѣ, а именно 18 октября 1809 года, распущена, и на ея мѣсто учреждена была новая, съ программой, составленной уже соотвѣтственно измѣнившимся къ тому времени обстоятельствамъ.

Безспорно, за время съ 1721 по 1811 гг., старая Финляндія успѣла до нѣкоторой степени обрусѣть, главнымъ образомъ въ томъ смыслѣ, что большинство землевладѣльцевъ-помѣщиковъ въ ней были русскіе дворяне и вельможи; торговля также перешла, благодаря угнетенности мѣстнаго населенія въ экономическомъ отношеніи, въ руки русскихъ купцовъ, и русская рѣчь при такихъ условіяхъ получила нѣкоторое распространеніе въ массѣ

Digitized by Google

народонаселенія, но тѣмъ не менѣе тѣ же обстоятельства не позволяли обрусенію пустить болѣе глубокіе корни, обоснованные не на произволѣ и насиліяхъ, а на культурномъ воздѣйствіи.

Габріэль Лагусъ, въ своей исторіи города Выборга [1]), не безъ основанія указываетъ, что обрусенію выборгской губерніи не благопріятствовалъ именно установившійся въ ней порядокъ высшаго управленія. Первоначально во главѣ мѣстной администраціи очень долгое время стоялъ графъ Шуваловъ, чуждый, какъ извѣстно, всякой обрусительной идеи; затѣмъ губернія подчинена была лифляндской коллегіи, которая, благодаря въ особенности тому, что въ Выборгѣ жило множество единовѣрныхъ финляндцамъ нѣмцевъ, конечно, не была склонна къ обрусенію края и, наоборотъ, оберегала прежнія права и привилегіи края. По словамъ Лагуса, шведскій король Густавъ IV Адольфъ лично убѣдился, во время своего посѣщенія Выборга, что въ старой Финляндіи сохранились не только еще старые шведскіе законы, но и народные обычаи, воззрѣнія и самая народная жизнь не подверглись существенному измѣненію и вполнѣ сохранили свои національныя черты.

Вотъ, слѣдовательно, въ какомъ состояніи должна была представиться старая Финляндія взгляду гуманнѣйшаго императора Александра I, когда онъ, послѣ фридрихсгамскаго мира въ 1809 году, могъ, наконецъ, лично и ближе познакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ восточной Финляндіи и сравнить его съ состояніемъ остальной части Финляндіи, расположенной по ту сторону рѣки Кюммене.

II.

18-го октября 1809 года, т.-е. черезъ нѣсколько недѣль послѣ заключенія фридрихсгамскаго мира, послѣдовалъ Высочайшій указъ императора Александра I, которымъ учреждена была одна общая коммиссія для разсмотрѣнія дѣлъ, касающихся устройства какъ „недавно присоединенной Финляндіи“, такъ и „старой финляндской губерніи“. Уже это обстоятельство служитъ указаніемъ, что императору Александру I не была уже чужда въ то время мысль о возсоединеніи обѣихъ частей Финляндіи, и въ этомъ именно направленіи далъ онъ первый толчокъ теченію событій. Врядъ ли представляется возможнымъ видѣть первоначальное возникновеніе идеи округленія Финляндіи въ замыслахъ такъ-

[1]) Lagus, „Ur Wiborgs historia“. 1893.

Digitized by Google

называемыхъ „аньяльскихъ заговорщиковъ“. Это общественное движеніе, проявившееся сравнительно задолго до присоединенія Финляндіи Россіей, а именно въ царствованіе Густава III, имѣло своей цѣлью отдѣленіе Финляндіи отъ Швеціи и образованія изъ нея самостоятельнаго государства. Иниціаторомъ и душой этой партіи, получившей наименованіе „аньяльцевъ“, называютъ полковника Г. М. Спренгтпортена, игравшаго выдающуюся роль при Густавѣ III, и котораго этотъ король считалъ настолько опаснымъ держать при дворѣ, что отправилъ даже на казенный счетъ путешествовать за границу. Во время этого путешествія произошло сближеніе Спренгтпортена, жизнь котораго протекала чрезвычайно бурно, въ различнаго рода превратностяхъ, съ графомъ Г. М. Армфельтомъ, тогда еще двадцати-двухлѣтнимъ юношей. Мечты „аньяльцевъ“ не только хорошо были извѣстны русскому правительству, но даже нашли въ немъ сочувствіе и поддержку, чего, конечно, не могло быть, еслибы въ замыслы заговорщиковъ входило предположеніе о присоединеніи къ отторгаемой отъ Швеціи Финляндіи тѣхъ ея частей, которыя находились подъ скипетромъ русской императрицы. Сочувствіе русскаго правительства замысламъ „аньяльцевъ“ объясняется, напротивъ того, стремленіемъ ослабить свою многовѣковую сѣверную соперницу—Швецію, не причиняя тѣмъ самымъ себѣ никакого ущерба. Дѣйствительно, когда „аньяльцы“ обратились за поддержкой къ Россіи, особое государственное совѣщаніе, разсматривавшее по повелѣнію императрицы Екатерины II ихъ домогательства, высказалось за поддержаніе ихъ стремленія къ обособленію отъ Швеціи, и сама императрица отвѣтила аньяльскому представителю, что финляндцы могутъ разсчитывать на ея помощь „во всемъ, что будетъ согласоваться съ пользою Россіи“ [1]).

Существуютъ также указанія, что мысль о возсоединеніи выборгской губерніи съ остальной Финляндіей была впервые высказана въ началѣ войны 1808 года Спренгтпортеномъ въ его „Новогднихъ размышленіяхъ 1808 года“, въ которыхъ, между прочимъ, намѣчался планъ возсоединенія старой Финляндіи съ остальной частью этой страны послѣ совершеннаго ея покоренія.

Но врядъ ли можно допустить, что мысль объ округленіи Финляндіи была заимствована императоромъ Александромъ I отъ кого-либо и тѣмъ болѣе отъ Спренгтпортена, не пользовавшагося у императора никакимъ вліяніемъ. Всякаго рода предположенія и планы объ образованіи самостоятельной Финляндіи

[1]) Danielson, „Wiborgs-läns återförening med det öfriga Finland“.

Digitized by Google

существовали и до, и послѣ того, какъ Александръ I категорически выразилъ свое намѣреніе, не имѣвшее, разумѣется, ничего общаго съ этими планами. Въ 1810 г., между прочимъ, даже Армфельтъ, въ письмѣ къ другу своего дѣтства, генералу Аминову (въ февралѣ мѣсяцѣ, т.-е. лишь нѣсколько мѣсяцевъ послѣ фридрихсгамскаго мира), развивалъ идею самостоятельности Финляндіи подъ англійской гарантіей, а въ бумагахъ Армфельта имѣется его собственноручная записка, носящая характеръ замѣтокъ къ мемуару: „Considération sur les affaires de continent, présentées au marquis de Wollesley", въ которой тотъ же планъ развитъ довольно подробно. Однако, всѣ эти проекты и предположенія имѣли въ виду, главнымъ образомъ, всякаго рода политическія комбинаціи междугосударственныхъ отношеній и касались обще-европейскихъ интересовъ, тогда какъ дѣло возсоединенія выборгской губерніи съ Финляндіей по ту сторону рѣки Кюммене являлось по характеру своему вопросомъ внутренней политики, въ основѣ котораго положены были гуманнѣйшія побужденія его иниціатора: чувство справедливости и забота о благосостояніи подданныхъ.

„Вопросъ объ округленіи финляндскаго государства, — говоритъ историкъ Александра I, Н. К. Шильдеръ, въ своемъ капитальномъ трудѣ: „Императоръ Александръ Первый" [1], — былъ уже давно рѣшенъ въ умѣ императора Александра, и едва ли мысль объ этомъ принадлежала Сперанскому, хотя современники и признавали его виновникомъ этого проекта [2]); напротивъ того, подобное облагодѣтельствованіе завоеваннаго края вполнѣ соотвѣтствовало излюбленнымъ, сокровеннымъ мыслямъ государя и было тѣсно связано съ его представленіемъ о превосходствѣ конституціоннаго порядка надъ неограниченнымъ самодержавіемъ".

[1]) Т. III, стр. 8.

[2]) Напр., П. В. Чичаговъ, въ письмѣ къ графу С. Р. Воронцову, пишетъ: „Le premier jour de mon entrée au Conseil, on proposa d'assimiler les deux Finlandes. J'allais m'y opposer, je demandai, à quoi cela pouvait être bon et quel changement cela devait produire pour notre ancienne Finlande? Spéransky a eté le promoteur de ce projet. Il voulut répondre, mais l'Empereur lui-même prit la parole et m'assura que cela ne produirait aucun changement, que toutes les deux étaient gouvernées sur les mêmes principes, que par le fait était déjà réunies, on ne les réunissait que de nom. Je n'étais point d'humeur à entrer dans de grands détails, et encore moins à manifester ma première séance par une dispute avec le souverain, et je n'ai plus rien à dire. Vraisemblablement, si j'avais même dit beaucoup de choses que j'eusse même donné de bonnes raisons en opposition aux très mauvaises qu'on alléguait alors, cela n'aurait produit aucun effet. Je l'ai vu ensuite par expérience. Tout ce que voulait Spéransky devait se faire immanquablemet, et toute opposition devenait une peine perdue". Архивъ князя Воронцова, кн. 20-я, стр. 178.

Digitized by Google

Дѣйствительно, что касается Сперанскаго, то никакіе историческіе источники не даютъ до сихъ поръ достаточнаго освѣщенія его роли въ вопросѣ о возсоединеніи старой и новой Финляндіи. Однако, изъ того обстоятельства, что 17-го апрѣля 1809 года императору Александру угодно было возложить на него званіе канцлера абовскаго университета, а также, что въ своихъ „Наблюденіяхъ, касающихся Финляндіи", онъ съ нескрываемой симпатіей говоритъ о законахъ и учрежденіяхъ Финляндіи, и, наконецъ, изъ того, что въ основу устройства новоприобрѣтеннаго по фридрихсгамскому миру края онъ высказалъ принципъ: „Финляндія есть государство, а не губернія",—можно придти къ выводу, что къ этому вопросу онъ относился сочувственно, —но тѣмъ не менѣе отсюда еще не слѣдуетъ, что онъ былъ его иниціаторомъ.

Нельзя также приписывать этотъ проектъ генералу барону Г. М. Армфельту.

Мысль о „возсоединеніи", повидимому, сложилась въ умѣ императора въ видѣ вполнѣ опредѣленнаго рѣшенія гораздо ранѣе, чѣмъ Армфельту представилась возможность высказать императору свои воззрѣнія по этому вопросу. Существуютъ, однако, указанія, что Армфельтъ, будучи еще шведскимъ подданнымъ и проживъ съ мая мѣсяца бо́льшую часть лѣта 1810 года въ своихъ финляндскихъ имѣніяхъ (Оминне), составилъ здѣсь особую записку о финляндскихъ дѣлахъ, которую и отвезъ тогда же въ Петербургъ, куда онъ ѣздилъ для того, чтобы подготовить свое переселеніе изъ Швеціи въ Финляндію. Эту записку (memorial) онъ вручилъ 10-го іюня черезъ Сперанскаго государю. Никакого разговора съ императоромъ Александромъ I о Финляндіи въ этотъ пріѣздъ у него не было, и самъ Армфельтъ свидѣтельствуетъ, что императоръ сказалъ ему „лишь нѣсколько вѣжливыхъ и банальныхъ фразъ". Но въ поданной имъ запискѣ, на которую, по увѣренію Сперанскаго, императоръ не преминетъ обратить должное вниманіе, Армфельтъ представилъ „просвѣщенному взгляду и справедливому отеческому сердцу монарха" картину, представляемую раздѣленной на двѣ части въ продолженіе почти столѣтія Финляндіей; „члены одной и той же націи,—между прочимъ значилось въ этой запискѣ,—живущіе въ однихъ и тѣхъ же климатическихъ условіяхъ, говорящіе на одномъ и томъ же языкѣ, имѣющіе одинаковые нравы и одинаковые въ общемъ добродѣтели и недостатки, могутъ такимъ образомъ совершенно стать чуждыми другъ другу, потерять все сходство и общность,

Digitized by Google

составляющія необходимое основаніе разумнаго единенія и совмѣстной дѣятельности на пользу общественную".

Разумѣется, этому отдаленному намеку никакъ нельзя придавать какого-либо значенія при выясненіи обстоятельствъ возникновенія въ императорѣ намѣренія округлить Финляндію. Во второй пріѣздъ Армфельта въ Петербургъ, происходившій почти черезъ годъ, а именно въ маѣ 1811 года, когда Армфельтъ былъ вызванъ самимъ императоромъ изъ Финляндіи, онъ былъ 19-го мая приглашенъ къ императорскому столу, а послѣ обѣда удостоенъ продолжительной бесѣдой государя, въ которой его величество вполнѣ точно уже формулировалъ свое рѣшеніе объединить обѣ части Финляндіи.

Вотъ какъ самъ Армфельтъ передаетъ этотъ знаменательный разговоръ въ письмѣ къ женѣ, писанномъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ на другой же день послѣ бесѣды:

„Моя аудіенція продолжалась $1^1/_2$ часа, и нельзя болѣе меня радоваться бесѣдѣ съ монархомъ, быть довольнѣе этимъ самодержцемъ милліоновъ. Его образъ мыслей о благѣ Финляндіи таковъ, что эта страна должна быть счастлива, если забіяки не помѣшаютъ ея благополучію. Мое же несчастіе въ томъ, что я не имѣю достаточнаго понятія въ дѣлахъ, чтобы оказаться достойнымъ того милостиваго довѣрія, которое государь, кажется, питаетъ къ моему патріотизму и моимъ способностямъ. Я, по его желанію, долженъ провести зиму въ Петербургѣ, въ качествѣ перваго человѣка этой страны, которому, благодаря тому, будетъ открытъ болѣе легкій доступъ къ особѣ императора. О нашихъ законахъ и конституціи его величество высказался такимъ образомъ: Я сказалъ:—„Je conçois que V. M. I. ne peut qu'être embarrassée de toutes les formes, qu'exige la marche de l'autorité; non que V. M. I. puisse en être autrement genée que par extrême différence qu 'Elle y trouve entre les mêmes formes et celles, dont le reste de l'emprire se gouverne".—„Mon cher baron,—me répondit l'empereur,—je vous jure que ces formes me plaisent bien davantage que cet exercice d'un libre arbitre, qui n'a pour base que ma volonté et qui admet un principe de perfection chez le souverain, qui n'est pas — hélas! — dans l'humanité. Ici (въ Финляндіи) je ne peux me tromper, que parce que je le veux bien; toutes les lumières me sont offertes; là je ne suis entouré que d'incertitude et presque toujours d'habitudes, qui ont suppléé aux loix. Vous verrez,—ajouta-t-il,—comme je pense sur cela là, où il y a moyen d'opérer un changement dans mes états, puisque incessament je vais réunir la vielle Finlande à

Digitized by Google

vous autres et lui donner la même constitution et les mêmes formes de liberté". („Вполнѣ понимаю, что тѣ порядки, которыхъ проситъ финляндское правительство, затрудняютъ ваше императорское величество. Но затрудненіе вашего императорскаго величества является только вслѣдствіе того, что эта форма правленія такъ рѣзко отличается отъ порядковъ въ остальной имперіи".—„Добрѣйшій баронъ,—отвѣтилъ мнѣ императоръ,—клянусь вамъ, что эти порядки нравятся мнѣ гораздо болѣе, чѣмъ пользованіе свободной волею, основанной лишь на моей личной волѣ и предполагающей въ монархѣ такую степень совершенства, которая, увы, несвойственна человѣчеству. Тамъ я могу ошибиться только въ такомъ случаѣ, еслибы я этого пожелалъ, такъ какъ всѣ свѣдѣнія предоставляются въ мое распоряженіе; тутъ же я окруженъ одними сомнѣніями и почти всегда привычками, замѣнившими собою законы. Вы увидите,—прибавилъ онъ,—какъ я думаю объ этомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда представится возможнымъ произвести перемѣну въ моихъ государствахъ, потому что я имѣю въ виду присоединить въ скоромъ времени старую Финляндію къ остальной ея части и даровать ей ту же конституцію и тѣ же формы свободы" [1]).

Армфельтъ, очарованный мыслями Александра I, замѣтилъ: „Императоръ ангелъ и *умный* ангелъ. Работать съ нимъ — это рай" [2]).

Такимъ образомъ, императоръ категорически заявилъ о своемъ намѣреніи *въ скоромъ же времени* (incessament) возсоединить выборгскую губернію съ остальной Финляндіей. Намѣреніе это, повидимому, сложилось у Александра I послѣ того, какъ онъ во-очію убѣдился въ положеніи дѣлъ въ частяхъ Финляндіи по обѣ стороны рѣки Кюммене, убѣдился въ преимуществахъ порядка, существовавшаго въ новоприобрѣтенномъ краѣ, убѣдился, наконецъ, въ томъ „жалкомъ" состояніи, въ которомъ находилась масса населенія, главнымъ образомъ крестьяне, въ старой Финляндіи. Гуманныя воззрѣнія Александра I подсказали ему мысль освободить сотни тысячъ людей отъ гнета, близкаго къ крѣпостной зависимости, совершить великое освободительное дѣло, подобное тому, которое черезъ полъ-вѣка навсегда запечатлѣло имя Александра II въ сердцахъ родного ему русскаго народа.

„Это, дѣйствительно, великое дѣло,—писалъ 5-го ноября

---

[1]) Elof Tegnér: „Gustaf-Mauritz Armfelt". Stockholm. 1887. III, p. 294.

[2]) Тамъ же, p. 295.

Digitized by Google

1811 г. Армфельтъ своей женѣ,—и для человѣчества немалый успѣхъ, потому что несчастныя существа въ старой Финляндіи могутъ надѣяться, что они опять увидятъ гражданское существованіе (existence civile) и выйдутъ изъ своего „скотскаго“ состоянія“.

Но не многіе изъ современниковъ съумѣли оцѣнить возвышенность намѣренія императора. На современниковъ, въ большинствѣ случаевъ, это событіе не произвело никакого впечатлѣнія.

„При неизмѣримомъ пространствѣ земель, коимъ владѣетъ Россія, — писалъ одинъ изъ такихъ современниковъ, — нѣкоторые только посмотрѣли на то, какъ на уступку немногихъ десятинъ богатою вотчиною другой небольшой сосѣдней деревнѣ, одному же съ нею помѣщику принадлежащей. Всѣ взоры устремлены были на западъ и на югъ, а до сѣвера никому дѣла не было. Лучше сказать, никто почти не узналъ о томъ; въ этомъ случаѣ Россія была какъ огромная хоромина, для изображенія величины которой есть поговорка, что въ одномъ углу обѣдаютъ, а въ другомъ не вѣдаютъ“ [1]).

Даже въ руководящихъ сферахъ самой Финляндіи далеко не всѣ понимали вполнѣ значеніе этого политическаго событія и сомнѣвались въ пользѣ возсоединенія къ ихъ родинѣ старой Финляндіи; одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Армфельта—баронъ Ребиндеръ—выразился, какъ говорятъ, такимъ образомъ: „Выборгская губернія—тотъ утесъ, о который разобьется самостоятельность Финляндіи“. Позднѣе (въ 1826 году) онъ представлялъ даже докладъ, не имѣвшій, впрочемъ, никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій, о томъ, чтобы возвратить обратно Россіи три уѣзда этой губерніи.

Но возсоединеніе старой Финляндіи имѣло несомнѣнную связь съ политическимъ состояніемъ Европы въ то время. Наполеонъ находился тогда на высотѣ своего могущества и самовластно рѣшалъ судьбы міра, направляя ревнивые взоры на свою могущественную соперницу—Россію. Этой послѣдней нельзя было особенно разсчитывать на миролюбіе и слабость Швеціи [2]), отъ которой столицу Россіи отдѣляла только недавно передъ тѣмъ покоренная Финляндія; общественное же мнѣніе этой послѣдней, безъ сомнѣнія, не могло еще примириться съ тѣмъ, что исконный ея врагъ—Россія—стала теперь ея ближайшимъ другомъ; безъ сомнѣнія, она чувствовала нѣкоторое тяготѣніе къ Швеціи.

[1]) Записки Ф. Ф. Вигеля. Москва. 1892. Часть 3-я, стр. 184.

[2]) Наслѣдникомъ престарѣлаго и слабаго Карла XIII былъ въ это время провозглашенъ извѣстный наполеоновскій генералъ Бернадотъ.

Digitized by Google

„Не ждите, государь, — говорилъ Александру I въ 1812 г. Эренстремъ [1]),—чтобы финляндцы могли въ столь короткое время проникнуться чувствомъ дружбы и расположенія къ русскому народу, на который они смотрѣли, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, какъ на народъ имъ враждебный, или чтобы они могли вдругъ порвать узы дружбы и любви къ Швеціи, съ которой были связаны въ теченіе пятисотъ лѣтъ, и отъ которой заимствовали свою вѣру, языкъ, образованность, свои законы и обычаи. Ваши взгляды, государь, слишкомъ возвышенны и великодушны, чтобы вы могли не презирать въ душѣ народъ, способный измѣнить, такъ сказать, въ одинъ день свои склонности, свои чувства, привязанности и свою признательность, какъ мы мѣняемъ бѣлье".

При такихъ условіяхъ Россія должна была особенно позаботиться о томъ, чтобы на случай угрожавшей ей европейской войны обезпечить себя мирнымъ путемъ отъ всякаго нападенія со стороны Швеціи, не терявшей еще надежду создать въ Финляндіи благопріятное положеніе вещей для обратнаго ея завоеванія.

Фр. Шернваль въ своемъ мемуарѣ, находящемся въ бума-

---

[1]) Въ запискахъ Іоанна-Альберта Эренстрема этотъ разговоръ императора Александра I, происходившій въ Гельсингфорсѣ въ самый день прибытія императора въ 1812 г., переданъ такимъ образомъ: „Разговоръ продолжался такъ долго, что я, можетъ быть, и противъ правилъ строгаго этикета, осмѣлился напомнить государю, что было уже поздно, и ему, утомленному путешествіемъ, слѣдовало бы теперь отдохнуть. Указаніе это, однако же, не было ему непріятно. Послѣ глубокаго поклона я вышелъ въ смежную комнату; государь слѣдовалъ туда за мною, продолжая разговоръ. Онъ желалъ узнать, довольна ли Финляндія настоящимъ своимъ положеніемъ. На это я отвѣтилъ: „Je ne me trouve pas dans les cas, Sire, de répondre avec exactitude et connaissance de cause à cette question. Je n'ai pas été assez longtemps dans le pays pour avoir pu m'informer de cette situation, et depuis qu'il a plu à Votre Majesté de me charger de la présidence du comité des bâtisses, je suis fixé ici et moins que jamais en état de connaître la disposition des esprits dans les provinces. Ce dont je suis sûr, parce que cela m'a été confirmé de tout, c'est que la personne de V. M. est généralement aimée en Finlande, qu'on est rempli d'admiration pour sa magnanimité, ainsi que de la plus profonde reconnaissance pour sa justice et sa bonté. Mais que V. M. ne s'attende pas, qu'en si peu de temps les Finlandais puissent se livrer à des sentiments d'intimité et d'affection envers la nation russe, que pendant des siècles ils ont envisagé comme une nation ennemie, ou que tout d'un coup ils puissent rompre leurs liaisons d'amitié et d'attachement avec la Suède, avec laquelle ils ont été unis pendant cinq cents ans et d'où ils ont tiré leur religion, leur langue, leur civilisation, leurs lois et leurs usages. Vos sentiments, sire, sont trop élevés et trop généreux pour que dans votre âme vous ne méprisassiez une natoin, capable de changer en un jour, ainsi dire, ses penchants, ses sentiments, ses affections et sa reconnaissance comme on change une chemise".

Digitized by Google

гахъ Армфельта, писалъ между прочимъ: „Здравая политика Россіи должна признавать, что лучше имѣть въ Финляндіи вѣрную, мирную и твердую границу противъ Швеціи, нежели покоренную провинцію, постоянно готовую мстить за свою конституціонную свободу и за дѣйствительныя и незаслуженныя страданія и обиды, которыя причинялись бы ей безъ достаточнаго повода и надобности".

Такимъ образомъ, Александръ I, благодѣтельствуя Финляндіи, не только поступалъ такъ изъ побужденій любви къ человѣчеству, изъ-за своихъ либеральныхъ воззрѣній, но также и по глубокимъ государственнымъ соображеніямъ, а потому весьма странно слышать и читать въ наши дни мнѣніе, внушенное, повидимому, слишкомъ узко понимаемымъ національнымъ, что воссоединеніе выборгской губерніи съ остальной Финляндіей представляется „однимъ изъ самыхъ грустныхъ фактовъ нашей исторіи, такъ какъ имъ оскорблено русское національное чувство и унижено наше государственное достоинство", что „это мирное отторженіе отъ Россіи завоеванія Петра Великаго свидѣтельствуетъ о нашемъ неуваженіи къ самимъ себѣ и къ тѣмъ дѣятелямъ, которые составляютъ гордость и славу русскаго народа. Петръ I, пріобрѣтая выборгскую губернію, желалъ усилить и укрѣпить государственное тѣло Россіи, имѣлъ въ виду спокойствіе столицы, а также добивался внутренней и внѣшней безопасности; а императоръ Александръ I „безъ насилія извнѣ, одною каплею чернилъ" отдалъ это русское пріобрѣтеніе „горсти иноземныхъ враговъ—шведамъ, ненавидящимъ Россію", забывъ, что завоеванія суть достоянія цѣлаго народа" [1]).

Такимъ образомъ, вѣроятнѣе всего, что мысль объ округленіи Финляндіи принадлежала самому императору Александру I; вѣрнымъ же и усерднымъ исполнителемъ этой монаршей воли явился баронъ Густавъ-Морицъ Армфельтъ, человѣкъ съ ярко выраженной индивидуальностью и богато одаренный во всѣхъ отношеніяхъ.

III.

4-го апрѣля 1811 года, Армфельтъ покидаетъ навсегда Швецію и переселяется на свою родину—въ Финляндію. Здѣсь его встрѣчаютъ съ большимъ почетомъ (на Аландѣ, въ Або) какъ мѣстныя военныя и гражданскія власти, такъ и населеніе. Съ

[1]) Абовъ, „Густавъ-Морицъ Армфельтъ."—„Наблюд." 1896 г.

Digitized by Google

этого момента Армфельтъ уже перестаетъ существовать для Швеціи и переноситъ всю свою энергичную и неутомимую дѣятельность въ новоприобрѣтенный Россіею край.

Интересно поэтому выяснить отношенія Армфельта къ обоимъ названнымъ государствамъ въ связи съ его характеристикою.

Отецъ Густава-Морица Армфельта, баронъ Магнусъ-Вильгельмъ, прославившійся своей красивой наружностью, владѣлъ небольшимъ помѣстьемъ въ Финляндіи [1]). Онъ занималъ постъ абовскаго губернатора, дослужившись на военной службѣ до генеральскаго чина. Здѣсь, въ Финляндіи, у него родился 31 марта 1757 года [2]) сынъ Густавъ-Морицъ. Бойкій, смѣтливый и увлекающійся мальчикъ уже шестнадцати лѣтъ окончилъ курсъ кадетскаго корпуса и былъ произведенъ въ офицеры, а вскорѣ затѣмъ, благодаря покровительству друга своего отца, полковника Спренгтпортена, пользовавшагося большимъ вліяніемъ при дворѣ, былъ переведенъ на службу въ гвардію въ Стокгольмъ. Съ этого времени начинается его чрезвычайно богатая приключеніями самостоятельная жизнь. Войдя въ блестящее высшее шведское общество, слѣдовавшее примѣру двора молодого короля, весело проводившаго время въ разнообразныхъ развлеченіяхъ, молодой Армфельтъ не могъ не почувствовать всей тягости матеріальной необезпеченности; однако это обстоятельство не мѣшало ему стремиться попасть ко двору. Вскорѣ (въ 1775 г.) ему дѣйствительно удается заслужить вниманіе Густава III; произошло это во время поѣздки короля въ Финляндію, куда Армфельтъ, какъ мѣстный уроженецъ, былъ назначенъ его сопровождать. Счастье, повидимому, начинало улыбаться молодому человѣку, унаслѣдовавшему отъ отца красивую наружность, а съ нею и славу „le beau Suédois“. Однако дуэль, бывшая послѣдствіемъ какого-то романическаго похожденія, навлекла на него неудовольствіе короля. Армфельтъ отправляется тогда искать счастья въ иностранной службѣ и уѣзжаетъ, въ качествѣ спутника Спренгтпортена, въ заграничное путешествіе. Это скитанье по бѣлу-свѣту, во время котораго Армфельту удается завязать связи во вліятельныхъ сферахъ при дворахъ европейскихъ монарховъ, послужило для него прекрасной жизненной школой. Онъ пріобрѣлъ необходимый опытъ, знаніе жизни и человѣческой души, пріобрѣлъ тотъ особенный лоскъ свѣтскаго человѣка, которымъ не только очаровывалъ дамскія сердца, но побѣждалъ и сердца королей.

---

[1]) Это было имѣнье, пожалованное отъ казны, такъ называемый бустель (boställe).

[2]) Самъ Армфельтъ считаетъ днемъ своего рожденія 1-е апрѣля.

Digitized by Google

Въ 1780 г., онъ возвращается въ Стокгольмъ; принятый съ открытыми объятіями при дворѣ, Армфельтъ вскорѣ становится любимцемъ Густава III, неизмѣннымъ его товарищемъ, неистощимымъ во всякаго рода развлеченіяхъ. Несмотря на свою молодость (ему было всего двадцать-три года), Густавъ-Морицъ сдѣлался не только „maître des plaisirs“ при шведскомъ дворѣ, но и пользовался, повидимому, огромнымъ вліяніемъ на окружавшее его придворное общество. Оксеншерна, напримѣръ, свидѣтельствуетъ, что онъ обладалъ дѣйствительно „умѣньемъ быть въ обществѣ: его голосъ, его шутки, его нападки страстно выслушивались иными пажами“.

Молодой, чрезвычайно изящный и красивый собой, Армфельтъ соединялъ въ себѣ наиболѣе типичныя черты царедворца той эпохи: очаровательное обращеніе, изысканныя манеры, веселость, находчивость и остроуміе, не щадившее никого, умѣнье приспособляться къ лицамъ и обстановкѣ и въ то же время изумительное легкомысліе, въ особенности по отношенію къ женщинамъ, и ту нравственную распущенность, которой отличалась великосвѣтская жизнь конца XVIII вѣка. Молодая и остроумная герцогиня Зюдерманландская такъ характеризовала съ этой стороны Густава-Морица Армфельта въ 1782 году: „Мнѣ кажется, что сердце его, въ сущности, не злое, но у него есть крупный недостатокъ — это страсть блестѣть своей бойкостью; ради остраго словца онъ можетъ пожертвовать всѣмъ, и это вредитъ ему“.

Дѣйствительно, своимъ острымъ перомъ и неумолимой, злой критикой онъ наживалъ себѣ массу враговъ, которые, озлобленные негодованіемъ, не хотѣли замѣчать даже такихъ неоцѣнимыхъ въ немъ качествъ, какъ безспорная талантливость, энергія, упорство въ трудѣ, настойчивость въ достиженіи намѣченной цѣли, несомнѣнный смѣлый реформаторскій строй мысли, вполнѣ согласованный съ пылкимъ воображеніемъ и изобрѣтательностью насчетъ всякаго рода плановъ и проектовъ. Адлербергъ, характеризуя въ своихъ историческихъ запискахъ Армфельта въ молодые годы, пишетъ: это былъ человѣкъ „красивый, интересный, склонный къ увлеченіямъ, и изобрѣтатель въ нихъ новаго, насмѣшливый, тщеславный, вѣтренный, но съ хорошей головой и съ убѣжденіями, которыя онъ умѣетъ примѣнить, и вмѣстѣ съ тѣмъ дерзкій, нерадивый, сладострастный и расточительный человѣкъ, съ потребностями, не знающими границъ“. Другіе, какъ, напримѣръ, Ферзенъ, еще болѣе рѣзки въ своихъ характеристикахъ Армфельта; зато не мало было у послѣдняго преданныхъ и восторженно отзывавшихся о немъ друзей, въ числѣ которыхъ

Digitized by Google

былъ Адлерспарре, письма къ которому Армфельта проливаютъ свѣтъ на многіе моменты въ жизни этого выдающагося человѣка. Особенно обращаетъ на себя вниманіе склонность Армфельта къ романическимъ похожденіямъ. Энебладъ даже подчеркиваетъ въ немъ „свободомысліе, какъ въ нравственности, такъ и въ религіи“. Самъ же Армфельтъ писалъ про себя: „je suis vif, tendre et sensible; mais une constitution forte et sensuelle ne se corrige pas avec la vertu même“.

Въ числѣ многихъ романовъ Армфельта особенно широкую огласку получила его любовная интрига съ извѣстной въ то время красавицей—статной, высокой и прелестной Магдалиной Руденшельдъ, фрейлиной принцессы Софіи-Альбертины. „La belle Madeleine“, какъ прозвали юную красавицу, блистала въ то время при дворѣ Густава III, пользуясь общимъ поклоненіемъ. Связь ея съ Армфельтомъ была роковой для всей послѣдующей ея жизни. Приговоренная впослѣдствіи вмѣстѣ съ нимъ къ смертной казни за государственную измѣну, она едва избѣжала позорной плахи; ея интимныя отношенія къ Армфельту получили самую широкую огласку, имя ея было осрамлено; послѣ многолѣтняго заточенія въ темницѣ, она увидѣла опять свободу для того только, чтобы, падая все ниже и ниже въ общественномъ мнѣніи, дойти до грубаго разврата и одиноко влачить послѣдніе годы своего существованія почти въ совершенномъ нищенствѣ, не встрѣчая поддержки даже близкихъ родныхъ.

Для полной характеристики Армфельта слѣдуетъ еще замѣтить, что, кромѣ славы искуснаго царедворца, ловкаго и умнаго дипломата, онъ пользовался еще извѣстностью, какъ военачальникъ, стяжавшій себѣ боевую славу на поляхъ битвъ въ Померанiи, Норвегіи и Финляндіи. Хотя военныя дарованія Армфельта многими и оспариваются, быть можетъ даже не безъ основанія, но тѣмъ не менѣе его извѣстный докладъ—„Mémoire politique et militaire sur les circonstances présentes“, въ которомъ онъ съ большимъ предвидѣніемъ будущаго излагалъ военно-политическія воззрѣнія на событія войны 1812 г., этотъ докладъ, почти во всемъ оправдавшійся, указываетъ, что Армфельтъ, кромѣ несомнѣннаго государственнаго ума, обладалъ и вѣрнымъ стратегическимъ взглядомъ.

Въ Россіи Армфельтъ впервые появляется во время своихъ странствованій со Спренгтпортеномъ. Затѣмъ, въ 1783 году, онъ присутствовалъ при свиданіи Густава III съ императрицей Екатериной въ Фридрихсгамѣ. Отъ этого свиданія, какъ извѣстно, Густавъ III ждалъ огромныхъ послѣдствій, надѣясь заручиться

Digitized by Google

содѣйствіемъ Россіи въ вопросѣ объ отторженіи отъ Даніи Норвегіи и присоединеніи ея къ Швеціи. Однако, надежды Густава не только не оправдались,—напротивъ того, между обоими дворами произошло охлажденіе, дошедшее почти до открытой вражды.

По возвращеніи изъ Фридрихсгама, Армфельтъ женился на фрейлинѣ Гедвигѣ Делагарди,—своей всепрощающей и самоотверженной любовью поддерживавшей впослѣдствіи мужа въ самые тяжелые годы его жизни.

Въ 1788 году, во время войны Швеціи съ Россіей, Армфельтъ командовалъ отрядомъ и былъ даже раненъ. Его дипломатическому искусству приписывается заключеніе мира въ Вереле (на р. Кюммене), который, несмотря на то, что далеко не былъ блестящъ для Россіи, тѣмъ не менѣе настолько удовлетворилъ императрицу Екатерину, что на Армфельта посыпались отъ нея подарки и награды.

1-го марта 1792 года, въ Швеціи произошло событіе, сыгравшее огромную роль въ жизни Армфельта: Густавъ III былъ убитъ Анкарсвердомъ, во время выхода изъ маскарада. За малолѣтствомъ короля Густава IV Адольфа и при ничтожествѣ регента, дяди его, Карла Зюдерманландскаго, государствомъ фактически правилъ Рейтергольмъ—личный врагъ Армфельта. Этому послѣднему, болѣе чѣмъ кому-либо изъ прочихъ „густавіановъ", составившихъ оппозицію новому правительству, нельзя было оставаться долѣе въ Швеціи. Вотъ почему, не добившись назначенія генералъ-губернаторомъ въ Померанію, принадлежавшую еще въ то время Швеціи, Армфельтъ отправляется странствовать по Европѣ. Все это время онъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими „густавіанами", продолжалъ вести оживленныя сношенія съ русскимъ правительствомъ, направленныя противъ установившагося въ Швеціи новаго правленія. И вотъ, когда онъ, наконецъ, получаетъ назначеніе на постъ министра въ Италію, зорко слѣдившее за нимъ шведское правительство получаетъ свѣдѣнія о компрометтирующихъ его сношеніяхъ съ Россіей и рѣшается его арестовать. Но во-время предупрежденный Армфельтъ успѣваетъ бѣжать въ Россію.

Тѣмъ не менѣе, высшій судъ въ Стокгольмѣ разсматриваетъ дѣло о немъ и его соучастникахъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ, и 22-го сентября 1794 года приговариваетъ Армфельта, Эренстрема и Руденшельда къ лишенію чести и смертной казни. Приговоръ этотъ въ отношеніи Армфельта былъ утвержденъ; но такъ какъ, въ виду его бѣгства, казнь не могла быть приведена въ исполненіе, то къ позорному столбу на мѣстѣ

Digitized by Google

казни было приговорено объявленіе, гласившее: „Густавъ-Морицъ (фамилія поименована не была) отечества измѣнникъ, лишается защиты закона (fridlös) на пространствѣ всего шведскаго государства и въ подвластныхъ ему земляхъ".

Изгнанный такимъ образомъ подъ страхомъ смерти изъ своего отечества, Армфельтъ и въ Россіи не встрѣтилъ радушнаго пріема. 22-го мая 1794 года, онъ отправленъ былъ подъ фамиліей Брандта въ Калугу, откуда ему воспрещенъ былъ всякій выѣздъ. Не красна была его жизнь въ этой глуши. Съ воцареніемъ императора Павла I, графиня Гедвига Армфельтъ тщетно хлопочетъ за мужа передъ императоромъ; ей отказываютъ даже въ аудіенціи. Въ Швеціи, гдѣ за Армфельта не менѣе энергично хлопочетъ эта самоотверженная женщина, ей удается добиться, 16-го ноября 1799 г., повелѣнія короля о возстановленіи имени, дворянства и чести мужа [1]), и это повелѣніе было опубликовано въ 1800 году.

Въ это время Армфельтъ, получившій разрѣшеніе выѣхать изъ Калуги еще въ декабрѣ 1797 г., путешествовалъ по Европѣ. Тамъ, въ 1801 г., онъ получаетъ увѣдомленіе о назначеніи шведскимъ envoyé въ Вѣну. Очевидно, присутствіе Армфельта въ Стокгольмѣ и даже въ Швеціи считается опаснымъ и нежелательнымъ. За границей Армфельтъ пространствовалъ съ 1798 по 1802 годъ. Онъ все еще не порываетъ связи съ Швеціей и даже дѣлаетъ попытки вернуться опять къ государственной въ ней дѣятельности. Послѣ кончины императора Павла (около мѣсяца спустя), Армфельтъ прожилъ нѣкоторое время въ своемъ имѣніи Оминне, въ шведской Финляндіи. Плодомъ досуга, которымъ онъ пользовался въ деревнѣ, явился его мемуаръ: „Relation des évènements, qui ont rapport à la mort de Paul I, empereur de toutes les Russies"; этотъ мемуаръ онъ представилъ, при письмѣ отъ 22 апрѣля 1801 г., королю Густаву IV Адольфу. Затѣмъ, передъ столкновеніемъ съ Россіей въ 1807 г., Армфельтъ дѣлаетъ вторичную попытку, написавъ свои „Мысли о защитѣ Финляндіи". Однако, попытки эти не измѣнили установившихся отношеній къ нему шведскаго правительства. Недовольство Армфельта Швеціей ростетъ. Въ то же время въ Россіи наблюдается совершенно обратное отношеніе къ Армфельту; высказывается желаніе привлечь его на свою сторону и даже проектируется предположеніе вручить ему главное начальствованіе надъ покоренной шведской

[1]) Повсемѣстное преслѣдованіе Армфельта въ Швеціи прекращено было въ октябрѣ 1797.

Digitized by Google

Финляндіей [1]). Но Армфельтъ категорически отвергъ сдѣланную въ этомъ направленіи, черезъ Алопеуса [2]), попытку; даже послѣ паденія Свеаборга, когда южная Финляндія, а съ нею и имѣнье Армфельта, перешли въ русскія руки, онъ, не колеблясь, предпочитаетъ конфискацію его имѣнія принятію русскаго подданства: „Будь, что будетъ,—писалъ онъ,—низостями не покупаю хлѣба [3]).

Однако отношенія его къ Швеціи продолжали ухудшаться, угрожая полнымъ разрывомъ. Армфельтъ начинаетъ даже подумывать о переѣздѣ навсегда въ покоренную Финляндію, но его останавливаетъ еще мысль, что она—русская. Его даже возмущаютъ до глубины души всякія предположенія о томъ, будто онъ переходитъ въ русское подданство. Въ октябрѣ 1809 года, онъ въ письмахъ своихъ рѣзко протестуетъ противъ подобныхъ слуховъ: „Я никогда не думалъ и не говорилъ, что желалъ бы поступить на русскую службу". Біографъ Армфельта, Тегнеръ, удостовѣряетъ, что онъ далеко еще не былъ въ это время доброжелателенъ къ Россіи.

Но долго такое положеніе, очевидно, не могло продолжаться, и Армфельтъ долженъ былъ, наконецъ, склониться въ ту сторону, въ которую толкали его сами событія. Черезъ годъ онъ начинаетъ, повидимому, сдаваться на компромиссы: „Не могъ ли бы я,—спрашиваетъ онъ русскаго представителя въ Швеціи,—Сухтелена,—получить все это такъ, чтобы, не дѣлаясь русскимъ, остаться независимымъ, и тогда я разсчитался бы здѣсь со всякой службой и отправился бы странствовать по свѣту—въ Парижъ, въ Швейцарію; въ противномъ же случаѣ—что остается мнѣ дѣлать"?.. Армфельтъ сознаетъ всю безвыходность своего положенія. Въ маѣ 1810 года, онъ рѣшается, наконецъ, переѣхать въ Оминне. При болѣе близкомъ знакомствѣ съ положеніемъ дѣлъ въ Финляндіи со времени ея покоренія, предубѣжденія Армфельта противъ Россіи начинаютъ постепенно разсѣиваться. Онъ, какъ утверждаетъ его біографъ, во-очію убѣдился, что русское владычество не легло тяжелымъ бременемъ на страну, а напротивъ того, со стороны русскаго правительства замѣчается стремленіе закрѣпить связь новоприобрѣтеннаго края съ имперіей на культурныхъ началахъ, сблизить интересы обоихъ народовъ, цементируя эту связь признательностью побѣжденныхъ и уступчивостью побѣдителей. У Армфельта начинаетъ склады-

[1]) Главнокомандующій графъ Буксгевденъ.

[2]) М. И. Алопеусъ—епископъ въ Борго.

[3]) Въ письмѣ къ Адлерспарре.

Digitized by Google

ваться убѣжденіе, что Россія, стремясь создать изъ Финляндіи какъ-бы аванпостъ, оберегающій имперію отъ всякаго покушенія съ сѣвера, не только держится совершенно правильной политики, но и проводитъ ее въ жизнь вполнѣ цѣлесообразными мирными средствами. „Способъ, которымъ они желаютъ держать Финляндію въ рукахъ,—пишетъ онъ осенью 1810 г.,—въ сущности соотвѣтствуетъ этому плану, хотя, желая добра, они, однако, дѣлаютъ глупости. Правда, они ничего не даютъ, но и не берутъ изъ страны ни полушки. Впрочемъ, достатокъ—общій, а у многихъ—настоящее богатство".

Такимъ образомъ, путь примиренія уже найденъ. Армфельтъ начинаетъ ясно понимать обоюдныя отношенія княжества и имперіи, ихъ общіе интересы, и признаетъ полное raison d'être установившагося положенія: Россія, предоставляя Финляндіи внутреннюю самостоятельность, тѣмъ самымъ привлекаетъ ее къ себѣ и тѣмъ гарантируетъ безопасность со стороны Швеціи. Симпатіи Армфельта рѣзко склоняются въ пользу русской политики; отвергнутый въ Швеціи, но признанный въ Финляндіи—на своей родинѣ, онъ начинаетъ проникаться интересами этой послѣдней, а вмѣстѣ съ тѣмъ видѣть всю выгоду укрѣпленія ея связи съ Россіей. Побывавъ лѣтомъ 1810 года въ Петербургѣ, чтобы подготовить свое переселеніе въ Финляндію, онъ уже пишетъ своей женѣ: „Ты видишь, моя Геддочка, что мой взглядъ былъ вѣренъ, и если я въ скоромъ времени не сдѣлаюсь русскимъ, то моя поѣздка сюда не приведетъ ни къ чему".

Въ это время шведскій сеймъ въ Оребро совершенно устранилъ отъ престола династію Вазы и провозгласилъ наслѣдникомъ неспособнаго и дряхлаго Карла XIII—наполеоновскаго генерала Бернадота. Ненависть Армфельта къ Бонапарту была слишкомъ хорошо извѣстна всѣмъ, не исключая даже самого Наполеона. Очевидно, Армфельтъ долженъ былъ при такихъ условіяхъ окончательно порвать все со Швеціей, и дѣйствительно, вотъ что пишетъ онъ въ это время: „Разъ, что не принцъ Густавъ будетъ наслѣдникомъ, то мнѣ уже рѣшительно все равно, будетъ ли имъ Понте-Корво, или мамелюкъ Рустанъ. Я готовлюсь къ тому, чтобы не быть подъ такимъ владычествомъ". И Армфельтъ перешелъ въ русское подданство. Въ Швеціи, въ отвѣтъ на это, его и жену его лишили графскаго титула, но онъ получилъ такой же въ Россіи отъ Александра I—благодѣтеля его родного края. Работая въ Россіи, сближаясь съ русской жизнью, учась понимать русскій народъ, Армфельтъ постепенно проникается къ нему уваженіемъ. Во время отечественной войны,

Digitized by Google

слѣдя за дѣйствіями Кутузова и за народнымъ настроеніемъ, Армфельтъ пишетъ: „Русскій народъ превзошелъ испанцевъ и покрылъ себя неувядаемой славой. Никогда нельзя себѣ представить тѣхъ огромныхъ жертвъ, которыя были въ этой странѣ принесены чистѣйшею любовью къ Богу и отечеству и преданностью монарху. Какой народъ! Какой національный духъ! Я не смѣю сдѣлать никакого сравненія ни съ тѣмъ, что я пережилъ, ни съ другими воспоминаніями, какого бы рода они ни были“... „Въ чужой странѣ,—пишетъ онъ въ другомъ письмѣ,—я нахожу все, на что имѣлъ право въ томъ краю, которому принесъ въ даръ столько лѣтъ службы, и пролилъ кровь въ борьбѣ съ тѣмъ, кто теперь осыпаетъ меня проявленіями своей доброты“.

IV.

Итакъ, усерднымъ и ревностнымъ исполнителемъ намѣренія императора Александра I объединить новую и старую Финляндіи явился Армфельтъ. Изъ сдѣланной выше характеристики этого выдающагося дѣятеля и его отношеній къ Швеціи и Россіи съ достаточной ясностью видно, что, вручая дѣло „возсоединенія“ въ руки Армфельта, государь отнюдь не рисковалъ отдать его „горсти иноземныхъ враговъ—шведамъ, ненавидящимъ Россію“ [1]), а человѣку, серьезно понимающему пользу своей родины и необходимость болѣе тѣсной связи ея съ русской имперіей, человѣку, понявшему намѣренія императора, проникнутому уваженіемъ къ русскому народу [2]) и безповоротно порвавшему всякія связи со Швеціей.

Намѣреніе императора округлить Финляндію не могло быть осуществлено тотчасъ же; осенью долженъ былъ быть образованъ въ Петербургѣ особый финляндскій комитетъ, и лишь послѣ того соединительная реформа могла быть окончательно завершена. Предсѣдателемъ комитета финляндскихъ дѣлъ былъ назначенъ, 7-го ноября 1811 г., Армфельтъ, за исключеніемъ котораго, а также ген.-маіора Аминова и статсъ-секретаря Ребиндера, всѣ остальные члены (лагманъ І. В. Гисингеръ, Г. І. Валленъ, а впослѣдствіи, съ присоединеніемъ къ Финляндіи выборгской губерніи, и статскій совѣтникъ Розенкампфъ) были юристы, что было особенно важно уже потому, что дѣла Финляндіи находи-

[1]) Какъ увѣряетъ, напр., г. Абовъ.

[2]) Не таково было его отношеніе къ правительственнымъ учрежденіямъ и лицамъ, стоящимъ во главѣ ихъ.

Digitized by Google

лись въ совершенно хаотическомъ порядкѣ: отъ Сперанскаго, напр., доставлено было четыре воза нерѣшенныхъ финляндскихъ дѣлъ. Въ началѣ декабря 1811 года, комитетъ приступилъ къ занятіямъ. Армфельтъ доноситъ по этому поводу императору, что „учрежденіе новаго комитета и всѣ новыя доказательства отеческой доброты, которыя ваше величество только-что явили Финляндіи, произвели сильное впечатлѣніе даже въ Швеціи, и въ такой мѣрѣ, что многія лица изъ всѣхъ классовъ помышляютъ о переѣздѣ и водвореніи здѣсь“ (т.-е. въ Финляндіи). Вотъ именно въ качествѣ предсѣдателя этого комитета Армфельтъ и получилъ Высочайшее повелѣніе провести соединительную реформу.

Еще 19 октября (1811 г.), т.-е. вскорѣ послѣ прибытія въ Петербургъ, Армфельтъ писалъ женѣ: „Сегодня началъ я мою большую работу по соединенію вновь обѣихъ Финляндій, и если мнѣ посчастливится исполнить ее, то я пожну великое удовлетвореніе, и какъ человѣкъ съ сердцемъ, и какъ гражданинъ“. За дѣло онъ принялся съ изумительной энергіей. „Въ этой странѣ,—пишетъ Армфельтъ изъ Петербурга,—не годятся „mezzo termine“ (умѣренные пріемы) и нельзя дѣлать никакихъ уступокъ въ ущербъ справедливости и чести“. Прямодушіе, съ которымъ Армфельтъ отнесся къ этому дѣлу, достаточно указываетъ, что имъ не руководили никакія другія побужденія, кромѣ желанія блага своей родинѣ. „Такъ какъ я въ этомъ дѣлѣ слѣдовалъ убѣжденію, чести и совѣсти, то я ставлю себя не только выше всякихъ толковъ („le quand dit-on“), но и выше всего того, что можетъ случиться со мною лично, такъ какъ я предпочитаю страницу въ исторіи всѣмъ корыстолюбивымъ и эгоистическимъ преимуществамъ“.

Онъ первоначально работалъ, совѣщаясь во всемъ съ императоромъ, съ которымъ работать было для него, какъ самъ онъ выражался, „раемъ“. Прямодушная откровенность Армфельта нравилась императору, который писалъ ему по этому поводу: „Loin de trouver à redire à votre franchise, général, je vous suis, au contraire, infiniment gré, et vous invite instamment à continuer toujours de même. C'est la meilleure et la véritable manière de m'être utile“. („Я далекъ отъ мысли осуждать вашу откровенность, генералъ; напротивъ, я вамъ очень признателенъ за все, и прошу васъ и на будущее время продолжать въ томъ же духѣ. Это—лучшій и самый настоящій способъ быть мнѣ полезнымъ“).

Такимъ образомъ, совмѣстная работа привела ихъ къ обоюдному

Digitized by Google

удовольствію, и Армфельтъ могъ только радоваться за будущность своей родины. „Въ Финляндіи слѣдовало на колѣняхъ благодарить Бога за счастье, которымъ мы пользуемся. Оно легко можетъ кончиться, такъ какъ одна человѣческая жизнь составляетъ все наше блаженство“,—писалъ онъ въ началѣ 1812 г. своему брату, разумѣя императора Александра I.

5-го ноября, императоръ одобрилъ составленный Армфельтомъ мемуаръ, въ которомъ въ яркихъ и правдивыхъ чертахъ обрисовано было современное состояніе старой Финляндіи,—состояніе почти полнаго упадка. Какъ средство упорядоченія дѣлъ въ краѣ, предлагалось перенести границу Финляндіи къ Сестрорѣцку и Ладожскому озеру и обезпечить манифестомъ жителямъ старой Финляндіи тѣ же законы и конституціонныя права, которыми пользовалась остальная Финляндія [1]); сообразно этому, memorial Армфельта заключалъ въ себѣ слѣдующіе главнѣйшіе отдѣлы: конституція, религія, законы и государственная экономія. Какъ на основные законы, Армфельтъ указывалъ на форму правленія 1772 года и на актъ соединенія и безопасности 1789 года. Мѣстное русское управленіе, съ гражданскимъ губернаторомъ во главѣ, надлежало замѣнить выборгскимъ ландсгевдингомъ, съ управленіемъ, устроеннымъ по образцу таковыхъ въ прочей Финляндіи. На обязанности ландсгевдинга возлагалось упорядоченіе податного обложенія и введеніе поземельнаго размежеванія. Судебная власть въ Выборгѣ сосредоточивалась въ гофгерихтѣ, а церковныя дѣла и народное просвѣщеніе передавались въ вѣдѣніе борговскому епископу.

Этотъ докладъ былъ 6-го ноября разсмотрѣнъ въ присутствіи самого императора въ государственномъ совѣтѣ, причемъ императоръ, какъ уже было указано выше, самолично выражалъ на запросъ по поводу доклада, сдѣланнаго членомъ совѣта П. В. Чичаговымъ. Затѣмъ, на слѣдующій же день, императоръ утвердилъ подписью своей письмо къ епископу въ Борго, М. И. Алопеусу, въ которомъ ему предлагалось тотчасъ же, „не выжидая объявленія общаго гражданскаго соединенія“, принять подъ свое попеченіе новыхъ духовныхъ чадъ въ старой Фин-

[1]) Въ своихъ „Réflexions sur la réunion de l'Ancienne et de la Nouvelle Finlande“ Армфельтъ писалъ: „Съ тѣхъ поръ, какъ новая Финляндія очутилась подъ могущественнымъ скипетромъ кроткаго Александра, счастливые жители ея съ восторгомъ видятъ, что сохранена ихъ конституція, оставлены ихъ законы... Но для полнаго счастья имъ желательно заключить въ свои братскія объятія народъ, живущій по другую сторону Кюммене; они хотятъ, чтобы и тѣ наслаждались плодами свободной конституціи и справедливости“.—Danielson.

Digitized by Google

ляндіи, которыя съ этихъ поръ въ духовномъ отношеніи „должны быть подвѣдомственны его епископской епархіи". Наконецъ, 11-го (23-го) декабря послѣдовали два Высочайшихъ манифеста, — одинъ для имперіи, другой—для великаго княжества, и такимъ образомъ оффиціально объявлено было возсоединеніе выборгской губерніи съ остальной Финляндіей.

Манифестъ 11-го декабря, опубликованный обычнымъ порядкомъ въ Россіи, заключалъ въ себѣ слѣдующее: „Съ присоединеніемъ Новой Финляндіи къ Россійской имперіи, различіе между Старою и Новою Финляндіею, какъ въ наименованіи ихъ, такъ и въ самомъ образѣ управленія, находя излишнимъ и настоящему положенію сего края несвойственнымъ, внявъ мнѣнію государственнаго совѣта, признали Мы за благо постановить слѣдующее: 1. Старую и Новую Финляндію отнынѣ совокупно именовать Финляндіею; 2. Прежняя Финляндская губернія, наравнѣ съ губерніями, въ Финляндіи существующими, отнынѣ состоять будетъ въ главномъ управленіи, для сей страны Нами учрежденномъ" [1]).

Манифестъ, изданный 23-го декабря въ Финляндіи, заключалъ въ себѣ гораздо большее число постановленій. Въ первомъ же его параграфѣ опредѣляется, что финляндская губернія присоединяется къ великому княжеству финляндскому и, какъ составная его часть, будетъ впредь именоваться выборгской губерніей; затѣмъ, въ послѣдующихъ параграфахъ постановлялось, что всѣ государственные доходы съ этой губерніи должны поступать, съ 1812 года, въ финляндскую государственную казну; что управленіе новой губерніи должно быть учреждено на основаніи правилъ, существующихъ и для прочихъ финляндскихъ губерній, и городъ Выборгъ назначается губернскимъ. Выборгская губернія должна временно, до учрежденія особаго гофгерихта, подлежать юрисдикціи абовскаго гофгерихта и принадлежать борговской епархіи, причемъ въ этотъ гофгерихтъ назначается еще одинъ членъ, а въ правительствующій совѣтъ—два члена спеціально отъ выборгской губерніи. Съ 1-го января 1812 г., въ возсоединенной губерніи должны были уже примѣняться финскіе законы. Временный комитетъ въ Выборгѣ, работавшій надъ осуществленіемъ соединительной реформы, долженъ былъ состоять изъ членовъ, избираемыхъ правительствующимъ совѣтомъ, и предсѣдательство въ немъ возложено было на ландсгевдинга. Всѣ прежніе чиновники, какъ административные,

[1]) Полное собр. закон., томъ XXXI, ст. 24907.

Digitized by Google

такъ и судебные, за исключеніемъ городскихъ магистратовъ, отставлялись отъ должностей, съ сохраненіемъ имъ жалованья на полгода. Въ милиціонномъ дѣлѣ вводился общій для княжества порядокъ.

Но особенное вниманіе, конечно, отведено было въ указѣ вопросу объ упорядоченіи отношеній помѣщиковъ и крестьянъ. Съ введеніемъ въ дѣйствіе финскихъ законовъ, права помѣщиковъ по отношенію къ ихъ крестьянамъ были весьма ограничены, и всѣ указы, изданные послѣ ништадтскаго и абовскаго договоровъ, на которыхъ обосновывались эти права помѣщиковъ, были, такимъ образомъ, отмѣнены; юридическое положеніе крестьянъ сразу улучшилось, а для урегулированія ихъ экономическаго положенія на правительствующій совѣтъ было возложено выработать новое оброко-обложеніе.

Императоръ Александръ I съ живымъ интересомъ относился къ этой соединительной реформѣ. Онъ внимательно просматривалъ всѣ доклады, относящіеся къ ней, и часто собственноручно дѣлалъ въ нихъ исправленія или замѣчанія.. Такъ, въ одномъ изъ рескриптовъ, находящихся въ бумагахъ Армфельта, онъ зачеркнулъ слова: „incorporée à notre empire", — опредѣляющія отношеніе Финляндіи къ имперіи.

Такимъ образомъ, дѣятельность Армфельта въ этомъ періодѣ реформы стоитъ въ тѣсной связи съ дѣятельностью самого императора. Но Армфельтъ особенно гордился своимъ дѣломъ. Избравъ въ правители новой губерніи подполковника Карла Шериваля, Армфельтъ писалъ его брату Фридриху: „Когда я достигъ соединенія Финляндіи, когда теперь это великое дѣло, какъ въ политическомъ, такъ и въ моральномъ отношеніи совершилось; когда я, послѣ тягчайшей борьбы, достигъ почетной, а для человѣчества и Финляндіи въ высшей степени полезной побѣды, — меня удивило бы, еслибы благородный человѣкъ и вполнѣ добрый финнъ измѣнилъ мнѣ, когда я призываю его усердіе и дѣятельность для завершенія этого предпріятія" [1]). Своей женѣ Армфельтъ писалъ 28-го декабря 1811 года: „Еслибы мнѣ пришлось этимъ закончить мою политическую карьеру, то я считалъ бы честью эту побѣду въ пользу угнетеннаго человѣчества".

31-го декабря 1811 года, послѣдовалъ Высочайшій указъ, гласившій: „Манифестомъ, въ 11 день декабря 1811 года изданнымъ, присоединивъ Выборгскую губернію къ Великому Княжеству Финляндіи, вслѣдствіе того, нынѣ признали Мы за благо

[1]) Въ декабрѣ 1811 г.—Кастренъ—„Två landshöfdingar".

Digitized by Google

постановить главныя правила, на коихъ преобразованіе сей губерніи имѣетъ быть располагаемо, и кои должны служить руководствомъ какъ финляндскому Генералъ-Губернатору, Совѣту и мѣстному начальству, такъ и частнымъ лицамъ, въ точномъ исполненіи означеннаго манифеста" [1]).

Проектъ этого указа, составленный Армфельтомъ, былъ представленъ императору, и Александръ I собственноручно сдѣлалъ нѣсколько въ немъ исправленій, а затѣмъ одобрилъ этотъ проектъ. Первый пунктъ указа, говорящій „о правахъ сословій", былъ включенъ самимъ императоромъ. Въ этомъ пунктѣ значится: „Порядокъ представленія всѣхъ сословій на сеймѣ государственныхъ чиновъ учреждается въ Выборгской губерніи на общихъ правилахъ, въ конституціи Великаго Княжества Финляндіи опредѣленныхъ" [2]).

Второй пунктъ манифеста 31 декабря заключалъ постановленія „о губернскихъ чинахъ и присутственныхъ мѣстахъ"; третій—„о правахъ владѣльцевъ и объ отношеніяхъ между помѣщиками и крестьянами", и, наконецъ, четвертый—„о мѣрахъ исполнительныхъ".

Осуществленіе и проведеніе въ жизнь реформы было, впрочемъ, дѣломъ нелегкимъ. Въ лицѣ Карла Шернваля, предсѣдательствовавшаго въ организаціонномъ комитетѣ, Армфельтъ нашелъ чрезвычайно энергичнаго и неутомимаго помощника. Съ другой стороны, Армфельтъ всегда находилъ могущественную поддержку въ самомъ монархѣ, сказавшемъ ему: „Если вы замѣтите противодѣйствіе въ проведеніи вашихъ намѣреній, то сообщите только мнѣ,—у меня найдутся хорошія шпоры" [3]). Дѣйствительно, Армфельтъ очень нуждался въ поддержкѣ императора, такъ какъ ему не легко было искоренить во многихъ помѣщикахъ „esprit d'aristocratie et de barbarie" [4]). Соединительная реформа главнымъ образомъ была противна интересамъ вліятельнаго класса помѣщиковъ, которымъ, конечно, не могли нравиться новые порядки, ограничивавшіе ихъ беззаконія и произволъ.

„Права и обязанности владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ вообще, равно какъ и въ особенности права помѣщиковъ,—значилось въ манифестѣ 31 декабря 1811 года,—по финляндской конституціи въ гейматахъ или хозяйственныхъ дѣлахъ крестьянъ ихъ (на что бы они ни простирались, на оброкъ, работу или

[1]) Полное собр. зак., т. XXXI, ст. 24934.

[2]) Тамъ же, и Кастренъ, стр. 364.

[3]) „Hufvudstadsbladet", 1900.

[4]) Слова Армфельта.

Digitized by Google

другія повинности) постепенно приводимы будутъ въ тѣ же самые предѣлы, по коимъ отправляются тѣ и другія въ Новой Финляндіи" (ст. 11).

„Для точнѣйшаго и постояннаго опредѣленія общественныхъ обязанностей, равно какъ и частныхъ отношеній крестьянъ и земледѣльцевъ къ ихъ помѣщикамъ, правительствующій совѣтъ составитъ начертаніе правилъ оцѣнки земель и расчисленія податей и другихъ повинностей съ недвижимыхъ имуществъ" (ст. 12).

„До изданія же сихъ правилъ: 1) государственныя подати взимать на основаніи существующаго порядка; 2) въ губерніяхъ, по нейшлотскому трактату присоединенныхъ, при опредѣленіи обязанностей крестьянъ къ ихъ помѣщикамъ, руководствоваться ревизіею 1728 года; въ провинціяхъ же, пріобрѣтенныхъ по трактату абовскому, держаться правилъ, тогда существовавшихъ. Частныя повинности, сими положеніями въ свое время опредѣленныя, имѣютъ быть исправляемы во всей ихъ силѣ; всѣ же другіе, послѣдующими учрежденіями введенныя и съ вышеозначенными несогласныя, до изданія общаго узаконенія, въ предъидущей статьѣ предначертаннаго, отмѣняются" (ст. 13).

„Права и обязанности крестьянъ и земледѣльцевъ, поселенныхъ въ Финляндіи, какого бы они ни были происхожденія и откуда бы переведены они ни были, опредѣляются на тѣхъ же самыхъ правилахъ, какъ и вообще для всѣхъ коренныхъ обывателей Финляндіи" (ст. 15).

„Споры, каковые бы могли возникнуть по сему предмету между частными лицами, поступаютъ на разрѣшеніе судовъ Великаго Княжества по принадлежности; въ сужденіи ихъ они руководствуются существующими законами и правилами сего Положенія" (ст. 17).

Многіе изъ прежнихъ помѣщиковъ предпочли даже распродать скорѣе свои имѣнья, чтобы не подчиниться невыгодному для нихъ порядку. „Законы и конституціонные порядки—для нихъ чумные желваки",—писалъ Армфельтъ; а въ одномъ изъ меморіаловъ, поданныхъ имъ императору, между прочимъ, говорилось: „много лѣтъ уже вліятельныя лица соединились для того, чтобы лишить крестьянъ защиты законовъ"; слова эти значились въ томъ самомъ меморіалѣ, въ которомъ указывалось на всякаго рода проволочки, чинимыя центральными учрежденіями въ дѣлѣ упорядоченія положенія крестьянъ въ выборгской губерніи, и испрашивалось соотвѣтствующее Высочайшее повелѣніе министру юстиціи.

Однако, несмотря на неудовольствіе старыхъ помѣщиковъ

Digitized by Google

и чиновниковъ и оказываемое ими противодѣйствіе, несмотря даже на несочувствіе и нѣкоторыхъ финляндскихъ помѣщиковъ, организаціонный комитетъ, съ Шернвалемъ во главѣ, выполнилъ свою задачу соединенія выборгской губерніи съ такой энергіей, что уже къ концу 1813 г. всѣ главнѣйшія работы были окончены. Составленные имъ проекты были, затѣмъ, разсмотрѣны государственнымъ совѣтомъ и постепенно представлены на утвержденіе императора, послѣ чего и были изданы, какъ особыя постановленія для выборгской губерніи.

Такимъ образомъ завершилось предпринятое императоромъ Александромъ I въ гуманныхъ цѣляхъ дѣло освобожденія сотни тысячъ крестьянъ отъ гнета и произвола крѣпостничества, вмѣстѣ съ соединеніемъ Старой Финляндіи съ Новою.

V.

Какъ извѣстно, выборгская губернія за истекшій девятидесятилѣтній періодъ успѣла почти сравняться въ своемъ развитіи съ остальной Финляндіей во всѣхъ отношеніяхъ. Такого положенія выборгская губернія достигла, конечно, не сразу, а путемъ усилій нѣсколькихъ поколѣній. Еще Армфельтъ, въ бытность свою въ званіи финляндскаго генералъ-губернатора много трудился надъ поднятіемъ благосостоянія выборгской губерніи, бывшей когда-то чуть ли не житницей всей Финляндіи, во всякомъ случаѣ—наиболѣе промышленной въ странѣ. Онъ даже мечталъ о проведеніи съ этой цѣлью Сайменскаго канала. Но главнѣйшей заботой устроителей вновь присоединенной губерніи являлось, безспорно, ея земельное устройство, упорядоченіе аграрныхъ отношеній восточно-финляндскихъ крестьянъ. Вопросъ о выкупѣ такъ-называемыхъ донаціонныхъ земель былъ разрѣшенъ, наконецъ, сеймомъ только въ 1863 году. Безъ выкупа жалованныхъ имѣній экономическое положеніе крестьянъ не могло быть, разумѣется, улучшено въ достаточной мѣрѣ. Для реализаціи выкупа разновременно и послѣдовательно изъ государственныхъ средствъ княжества было израсходовано 17.293.466 фин. марокъ, не считая другихъ отдѣльныхъ расходовъ. Эту сумму казна выплатила отчасти безвозвратно, частью же она пополняется ежегодно крестьянскими податями, которыя постановлено было взимать въ продолженіе извѣстнаго числа лѣтъ съ тѣмъ, чтобы размѣры погашенія не превышали прежнихъ крестьянскихъ оброковъ. Только въ 1899 году крестьяне бывшаго жалованнаго имѣ-

Digitized by Google

нія Сазанлахта получили „шкатовыя“ грамоты на заселенное ими имѣніе. Передъ тѣмъ, такія же шкатовыя грамоты были выданы крестьянамъ на земляхъ, выкупленныхъ казной, бывшихъ жалованныхъ имѣній Корписелькя и Суоярви. Надобно полагать, что въ скоромъ времени будутъ окончательно сведены разсчеты по продажѣ въ шкатовое владѣніе всѣхъ выкупленныхъ имѣній.

Наряду съ упорядоченіемъ земскаго вопроса, не мало приложено было энергіи и труда, а также произведено затратъ на улучшеніе промышленности и торговли въ этой губерніи, отставшей въ этомъ отношеніи отъ прочихъ. Въ 1853 г., была осуществлена мечта Армфельта и открытъ для судоходства Саймепскій каналъ, устройство котораго обошлось странѣ въ 12,5 милл. марокъ. Затѣмъ, желѣзная дорога и пароходныя сношенія связали эту губернію съ прочими, и съ тѣхъ поръ она, можно сказать, сравнялась съ ними въ экономическомъ отношеніи.

Народонаселеніе губерніи, составлявшее въ 1811 году лишь 208.619 человѣкъ, достигло къ 1890 году до 351.600; въ томъ числѣ говорящихъ по-русски насчитывалось около 4.000 человѣкъ. Особенное вниманіе обращено было на народное образованіе, и хотя грамотность въ губерніи въ процентномъ отношеніи въ настоящее время нѣсколько ниже, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ Финляндіи, а именно—совершенно неграмотныхъ въ выборгской губерніи насчитывается 6,1%, тогда какъ во всей странѣ—лишь 2,1; несмотря на то, что сравнительно небольшая часть населенія этой губерніи имѣла возможность пройти полный курсъ народной школы, тѣмъ не менѣе, успѣхи въ этомъ отношеніи достигнуты, какъ видно изъ приведенныхъ цифръ, громадные, въ особенности при сравненіи съ данными о состояніи грамотности, за тотъ же 1890 годъ, въ другихъ государствахъ, гдѣ было неграмотныхъ: въ Англіи—14%, въ Австріи—27%, во Франціи—32%, въ Италіи—46%, въ Испаніи—52%, и т. д.

А. Т—на.

Digitized by Google

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1901.

Рожденіе Е. И. В. Великой Княжны Анастасіи Николаевны и Высочайшее повелѣніе 5-го іюня.—Работы коммиссіи по переустройству средней школы. — Сокращеніе гимназическаго курса.—„Единая“ школа и древніе языки. — Школа и національность.—Еще о „земской“ реформѣ въ западномъ краѣ и на окраинахъ.—Вопросъ о виленскомъ генералъ-губернаторствѣ.

Ея Императорское Величество Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна 5-го минувшаго іюня, въ Петергофѣ, благополучно разрѣшилась отъ бремени дочерью Великою Княжною, нареченною при святой молитвѣ Анастасіею. Въ тотъ же день состоялось слѣдующее Высочайшее повелѣніе:

„Государь Императоръ, въ неизреченной Своей милости и въ любвеобильномъ снисхожденіи къ увлеченіямъ учащейся молодежи, Высочайше повелѣть соизволилъ:

„1) Студентовъ Императорскихъ университетовъ, уволенныхъ изъ сихъ заведеній за участіе въ безпорядкахъ и отбывающихъ въ настоящее время воинскую повинность въ видѣ наказанія, которые имѣютъ по семейному положенію льготу 1-го разряда или имѣютъ тѣлесные недостатки, дѣлающіе ихъ неспособными къ службѣ въ строю, нынѣ же уволить отъ обязательной службы.

„2) Всѣхъ остальныхъ студентовъ, отбывающихъ нынѣ воинскую повинность въ видѣ наказанія, возстановить въ правахъ по отбыванію сей повинности, безъ отношенія къ назначенному имъ сроку службы въ войскахъ.

„3) Въ видѣ изъятія изъ закона считать срокъ службы всѣмъ студентамъ, отбывающимъ нынѣ воинскую повинность въ видѣ наказанія, съ перваго числа мѣсяца, слѣдующаго за ихъ поступленіемъ на службу“.

Въ началѣ минувшаго мѣсяца вниманіе всего русскаго общества было обращено на коммиссію, работавшую, подъ предсѣдательствомъ

Digitized by Google

министра народнаго просвѣщенія, надъ переустройствомъ средней школы. Отъ коммиссіи, учрежденной съ тою же цѣлью года два тому назадъ, новая коммиссія отличалась какъ своимъ составомъ, такъ и способомъ дѣйствій. Прежняя коммиссія была чрезвычайно многочисленна, трудъ ея подвигался впередъ очень медленно; новая коммиссія состояла всего изъ двадцати-пяти членовъ, засѣдала почти ежедневно и менѣе чѣмъ въ двѣ недѣли покончила съ своей задачей [1]). Къ участію въ ней были призваны, кромѣ высшихъ чиновъ учебнаго вѣдомства, и академики (П. В. Никитинъ и А. Н. Пыпинъ, оба—бывшіе профессора с.-петербургскаго университета), и профессора (П. Г. Виноградовъ и А. И. Кирпичниковъ), и представители высшихъ спеціальныхъ школъ, и директора гимназій и реальныхъ училищъ; въ числѣ членовъ ея былъ и медикъ, для научнаго освѣщенія физіологическихъ вопросовъ, связанныхъ съ постановкой школьнаго дѣла. Имена нѣкоторыхъ изъ членовъ коммиссіи заранѣе служили ручательствомъ въ томъ, что она услышитъ голосъ русскаго общества, пойметъ и раздѣлитъ чувства, возбуждаемыя, въ громадномъ его большинствѣ, господствующей учебной системой. Оправдывается эта надежда всѣмъ тѣмъ, что̀ сообщалось въ печати о дѣятельности коммиссіи. Не будетъ больше той пропасти между различными разрядами среднихъ учебныхъ заведеній, которая заставляетъ родителей предрѣшать судьбу своихъ дѣтей, прежде чѣмъ успѣли обрисоваться ихъ наклонности и вкусы. Въ младшихъ классахъ среднихъ школъ, къ какой бы категоріи онѣ ни принадлежали, преподаваніе будетъ поставлено настолько одинаково, что никакихъ серьезныхъ затрудненій переходъ изъ одной въ другую представлять не будетъ. Отпадетъ восьмой годъ ученья, безъ всякой надобности и пользы замедляющій окончаніе средняго образованія. Уже этого одного было бы достаточно, чтобы возвести проектируемую реформу на степень истиннаго блага для русской учащейся молодежи, а слѣдовательно и для всего русскаго народа; но перемѣна, повидимому, будетъ еще болѣе глубокой. Предстоитъ, повидимому, коренное измѣненіе программъ средней школы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, расширеніе круга лицъ, для которыхъ открытъ доступъ въ университетъ. Если вѣрить газетамъ, къ числу необязательныхъ предметовъ коммиссія отнесла не только греческій, но и латинскій языкъ. Древніе языки сохранятъ выдающуюся роль только въ небольшомъ числѣ классическихъ гимназій, пріуроченныхъ къ университетскимъ и еще нѣкоторымъ большимъ городамъ. И въ этихъ гимназіяхъ, впрочемъ, преподаваніе латинскаго языка будетъ начинаться только съ третьяго, преподаваніе греческаго

[1]) Весьма вѣроятно, впрочемъ, что трудъ коммиссіи былъ значительно облегченъ работами ея предшественницы.

Digitized by Google

языка—только съ четвертаго класса, при значительно меньшемъ, чѣмъ теперь, количествѣ уроковъ (по латинскому языку—30 недѣльныхъ часовъ вмѣсто 42, по греческому—20 вмѣсто 33). Во всѣхъ другихъ среднихъ (не-спеціальныхъ) учебныхъ заведеніяхъ латинскій языкъ будетъ изучаться только желающими, изъ которыхъ составится (вѣроятно—начиная съ 4-го класса) латинское отдѣленіе; остальные ученики образуютъ реальное отдѣленіе, въ которомъ мѣсто латинскаго языка должны занять естествовѣдѣніе и черченіе. Въ старшихъ классахъ такъ-называемой единой школы (но не въ классическихъ гимназіяхъ) вводится преподаваніе законовѣдѣнія. Обязательнымъ, въ этой школѣ, признается изученіе *двухъ* новыхъ языковъ (въ классическихъ гимназіяхъ—только одного). Гораздо болѣе видное мѣсто, чѣмъ теперь, займетъ преподаваніе русскаго языка, русской литературы, исторіи и отечествовѣдѣнія. Для послѣдняго назначается, вмѣстѣ съ географіей, 15 часовъ, и заканчиваться изученіе его будетъ въ шестомъ классѣ (въ настоящее время географіи посвящено, въ первыхъ четырехъ классахъ гимназіи, всего 8 часовъ, изъ которыхъ только два приходятся на долю географіи Россіи). Предполагается, далѣе, усилить занятія гимнастикой и воинскими физическими упражненіями, а также ввести подвижныя игры, ручной трудъ, регулярныя школьныя экскурсіи и прогулки. Аттестаты зрѣлости рѣшено замѣнить свидѣтельствами объ окончаніи курса. Отъ окончившихъ курсъ единой школы по латинскому отдѣленію будетъ требоваться дополнительный экзаменъ по греческому языку при поступленіи на историко-филологическій факультетъ, а отъ окончившихъ курсъ по реальному отдѣленію—дополнительный экзаменъ по латинскому языку при поступленіи на факультеты юридическій, медицинскій и восточный (въ объемѣ, установленномъ соотвѣтствующими факультетами). Первый шагъ къ осуществленію этой послѣдней реформы уже сдѣланъ: молодымъ людямъ, окончившимъ курсъ въ реальномъ училищѣ, разрѣшено поступать въ военно-медицинскую академію, подъ условіемъ выдержанія экзамена изъ латинскаго языка, по программѣ первыхъ четырехъ классовъ гимназіи. Позволительно ожидать, что эта мѣра будетъ распространена какъ на медицинскіе, такъ и на физико-математическіе факультеты (если только по отношенію къ послѣднимъ удержано будетъ требованіе знакомства съ латинскимъ языкомъ). Замѣтимъ, мимоходомъ, что возможность пріобрѣтенія солидныхъ медицинскихъ свѣдѣній безъ основательнаго знанія обоихъ древнихъ языковъ доказана у насъ уже давно, примѣромъ женскихъ врачебныхъ курсовъ и женскаго медицинскаго института. Мѣра, открывающая реалистамъ доступъ къ изученію медицины, симпатична какъ сама по себѣ, такъ и потому, что она отнимаетъ у

Digitized by Google

нашихъ обскурантовъ главный ихъ аргументъ противъ женщинъ-врачей и высшаго женскаго образованія.

Чѣмъ радикальнѣе готовящееся преобразованіе, тѣмъ больше оно затрогиваетъ привычекъ, предразсудковъ, интересовъ—и тѣмъ больше, слѣдовательно, встрѣчаетъ враговъ, тайныхъ и открытыхъ. Перестройка средней школы едва ли явится исключеніемъ изъ этого общаго правила. Противъ нея должны ополчиться всѣ охранители quand même, всѣ боязливые рутинеры, всѣ приверженцы тенденцій, наиболѣе яркимъ представителемъ которыхъ былъ гр. Д. А. Толстой—и, съ другой стороны, всѣ убѣжденные поклонники классицизма. Покамѣсть эти различные голоса слышатся сравнительно рѣдко; не началась еще ежедневная пальба изъ главной газетной твердыни реакціоннаго доктринерства—но безъ борьбы, ожесточенной и упорной, дѣло обойтись не можетъ: слишкомъ тѣсна связь между преданіями, колеблемыми проектомъ реформы, и устоями обскурантизма, такъ пышно расцвѣтшаго въ послѣднія десятилѣтія. Весьма можетъ быть, что главная аттака будетъ ведена за кулисами: печать извѣстнаго оттѣнка такъ давно не стояла въ оппозиціи къ власти, что не рѣшится, быть можетъ, прямо выступить противъ новшества, идущаго изъ правительственныхъ сферъ. Гораздо удобнѣе для нея дѣйствовать изъ-за спины тѣхъ противниковъ реформы, искренность которыхъ столь же несомнѣнна, какъ и ихъ просвѣщенность. Къ числу такихъ противниковъ принадлежитъ профессоръ кн. С. Н. Трубецкой, статья котораго, появившаяся въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ", удостоилась перепечатки и одобрительнаго отзыва въ газетѣ г. Гринмута. Великодушно забывая характеристику реакціонной печати, данную кн. Трубецкимъ, годъ или два тому назадъ, въ полемикѣ съ кн. Цертелевымъ, „Московскія Вѣдомости" радостно привѣтствуютъ въ немъ своего союзника. И эта радость вполнѣ понятна: еслибы точка зрѣнія, на которую сталъ кн. Трубецкой, могла быть признана правильной, то побѣда, по крайней мѣрѣ въ области мысли, должна была бы остаться за классицизмомъ. Князю Трубецкому кажется, что „въ нашемъ обществѣ растетъ не по днямъ, а по часамъ стихійное влеченіе къ безграмотству и невѣжеству, являющееся грознымъ предвѣстникомъ надвигающагося варварства". Признаками этого *стихійнаго влеченія* кн. Трубецкой считаетъ какъ „неприкрытый, злобный обскурантизмъ", такъ и „плачъ неутѣшной Рахили о переутомленіи виѳлеемскихъ младенцевъ",—какъ „походъ противъ нѣкоторыхъ буквъ россійскаго алфавита",—такъ и *„походъ противъ классицизма"*,—какъ „травлю женскихъ курсовъ", такъ и „агитацію, стремящуюся обратить высшія учебныя заведенія въ студенческіе клубы, съ оффиціантами въ синихъ фракахъ, или въ бюро для устройства различныхъ процессій". „Когда люди",—продолжаетъ кн.

Digitized by Google

Трубецкой,—„когда люди, считающіе себя ревнителями просвѣщенія и всеобщаго обученія, неустанно возглашаютъ, что ученье — свѣтъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ требуютъ, чтобы дѣтей и юношей учили какъ можно меньше и чтобы ихъ, по возможности, освобождали отъ всякаго серьезнаго умственнаго труда — мы недоумѣваемъ. Намъ понятно, когда враги просвѣщенія видятъ въ немъ чуму, но намъ странно, когда его друзья принимаютъ по отношенію къ нему противочумныя мѣры. Во всякомъ случаѣ крайности слишкомъ часто сходятся теперь въ одномъ лозунгѣ: *поменьше ученья*!.. Въ области школьной реформы у насъ *сумлеваться* [1]) не принято. Для того, чтобы *оболванить* самую коренную реформу средней школы, не требуется ни спеціальныхъ знаній, ни даже общаго образованія; достаточно одной смѣлости и рѣшительности, иногда даже одной ненависти къ теперешней школѣ". На чью мельницу подливается здѣсь вода—это не требуетъ поясненій. Для сторонниковъ мрака,—а кн. Трубецкой видитъ ихъ тамъ же, гдѣ и мы,—почтенный профессоръ, самъ того не желая, создаетъ позицію какъ нельзя болѣе удобную и выгодную: онъ даетъ имъ возможность выступать въ роли защитниковъ просвѣщенія. На самомъ дѣлѣ, конечно, оно не нуждается въ такой защитѣ. Лозунгъ: „поменьше ученья" не только не можетъ считаться общимъ для крайнихъ реформаторовъ и крайнихъ охранителей—онъ непримѣнимъ ни къ тѣмъ, ни къ другимъ. „Поменьше *учащихся*" — вотъ настоящій девизъ послѣднихъ; „поменьше *ненужнаго*, забивающаго ученья" — вотъ pium desiderium первыхъ. Школьный классицизмъ, въ его господствующей формѣ, требуетъ отъ учащихся работы отнюдь не малой—но онъ дѣлаетъ образованіе трудно доступнымъ для большинства и направляетъ ученье на пути, наиболѣе далекіе отъ жизни. Именно этимъ и только этимъ онъ дорогъ крайнимъ реакціонерамъ—и ненавистенъ „крайнимъ реформаторамъ", т.-е., въ сущности, всѣмъ желающимъ *измѣненія системы*, а не частичныхъ, робкихъ поправокъ и передѣлокъ. Предложеній, которыя клонились бы къ *свободѣ отъ ученья*, къ существенному уменьшенію суммы знаній, пріобрѣтаемыхъ въ средней школѣ, къ обращенію школы въ мѣсто отдыха и забавы — мы до сихъ поръ не встрѣчали.

Присмотримся поближе къ вѣроятнымъ основамъ обвиненія, взводимаго кн. Трубецкимъ на „реформаторовъ-педагоговъ" — обвиненія, типичнаго для цѣлой группы противниковъ реформы. Быть можетъ, къ числу такихъ основъ относится проектируемое сокращеніе курса

[1]) Непосредственнымъ поводомъ къ статьѣ кн. Трубецкого послужила попытка нѣкоторыхъ московскихъ педагоговъ достигнуть упрощенія русской орѳографіи,—попытка, напомнившая автору легендарную резолюцію генерала Сухозанета: „сумлеваюсь, штопъ кюлю успѣлъ оболванить".

Digitized by Google

средней школы съ восьми до семи лѣтъ [1])? Но вѣдь ни для кого теперь не тайна, что прежняя семиклассная гимназія давала лучшую подготовку или, по крайней мѣрѣ, бо́льшее развитіе, чѣмъ нынѣшняя восьмиклассная. Таково, за рѣдкими исключеніями, убѣжденіе окончившихъ курсъ гимназіи тридцать и болѣе лѣтъ тому назадъ—и съ ними въ этомъ отношеніи почти никогда не расходятся ихъ преемники. Если въ воспоминаніяхъ о гимназіи у первыхъ преобладаетъ доброе чувство, у вторыхъ — раздраженіе, не смягчаемое даже давностью, то это объясняется, между прочимъ, горечью, накопляющеюся въ душѣ восьмиклассниковъ. Тяжело сознавать себя прикованнымъ на цѣлый годъ къ средней школѣ, когда она больше ничего дать не можетъ, когда все дѣло сводится къ ненужному, крайне утомительному вслѣдствіе своей ненужности повторенію пройденнаго. Тяжело, чувствуя себя способнымъ къ самостоятельной работѣ, подчиняться школьнымъ порядкамъ и топтаться на одномъ мѣстѣ, когда пора двинуться впередъ. Тяжела во многихъ случаяхъ, и для самого учащагося, и для его родителей, отсрочка того момента, когда первый перестаетъ нуждаться въ матеріальной поддержкѣ со стороны послѣднихъ. Слишкомъ часто въ восьмомъ классѣ теряется или ослабѣваетъ привычка къ труду, растрачивается понапрасну значительная часть энергіи, которая нашла бы себѣ подходящее примѣненіе въ университетѣ. Безусловныхъ защитниковъ восьмого класса въ его настоящемъ видѣ мы до сихъ поръ не встрѣчали; но намъ приходилось слышать, что слѣдовало бы сохранить восьмилѣтній курсъ ученья, посвятивъ послѣдній годъ основательному изученію предметовъ, теперь проходимыхъ въ гимназіи кое-какъ (напр. космографія, физика, логика) или вовсе не проходимыхъ (напр. психологія, законовѣдѣніе). Мы думаемъ, что та же цѣль можетъ быть достигнута, съ гораздо бо́льшимъ успѣхомъ, отчасти измѣненіемъ программъ въ старшихъ классахъ средней школы, отчасти введеніемъ въ университетѣ общихъ для всѣхъ факультетовъ образовательныхъ курсовъ, о которыхъ неоднократно шла рѣчь въ печати и попытки осуществленія которыхъ были уже дѣлаемы на практикѣ [2]). Итакъ, сокращеніе гимназическаго курса съ восьми до семи лѣтъ не имѣетъ ничего общаго съ формулой: *поменьше ученья*; оно знаменуетъ собою только болѣе раціональное распредѣленіе учебнаго матеріала.

---

[1]) Объ уменьшеніи продолжительности курса средней школы болѣе, чѣмъ на одинъ годъ, до сихъ поръ, сколько намъ извѣстно, вовсе не было рѣчи. Замѣтимъ, въ добавокъ, что въ реальныхъ училищахъ (считая и дополнительный классъ) ученье и теперь продолжается только семь лѣтъ, и, слѣдовательно, сокращеніе курса касается однѣхъ лишь гимназій.

[2]) См. ниже, „Общественную Хронику“.

Digitized by Google

Не заключается ли *уменьшеніе ученья* въ замѣнѣ древнихъ языковъ, вполнѣ или отчасти, другими предметами, усвоеніе которыхъ требуетъ меньше усилій со стороны учащихся? Мы сталкиваемся здѣсь съ тезисомъ о незамѣнимости, будто бы, древнихъ языковъ, какъ „умственной гимнастики". Аргументы въ пользу и противъ этого тезиса исчерпаны уже давно, и мы считаемъ излишнимъ возобновлять старый споръ, важность котораго въ значительной степени преувеличена силою привычки. Нѣтъ такого предмета, изученіе котораго, при извѣстной опытности преподавателя, не могло бы развить охоту и умѣнье трудиться—и нѣтъ, съ другой стороны, такого напряженія умственныхъ силъ, которое, преслѣдуя чисто формальные результаты, не приводило бы къ усталости и апатіи. Количествомъ труда, употребленнаго для пріобрѣтенія знаній, не измѣряется ни достоинство ихъ, ни прочность; иначе слѣдовало бы признать, что съ наибольшей пользой они даются ученикамъ мало даровитымъ, но усернымъ. Весьма цѣнны, конечно, педагогическіе пріемы, благодаря которымъ работа ученика становится систематичной, послѣдовательной, самостоятельной—но они не пріурочены къ однимъ древнимъ языкамъ; даже самые рьяные поклонники послѣднихъ допускаютъ возможность такихъ пріемовъ въ области математики. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что достаточно поводовъ къ ихъ примѣненію представляетъ и преподаваніе новыхъ языковъ, въ особенности иностранныхъ,—разумѣется, если ему отведено надлежащее мѣсто, если признана его равноправность съ такъ называемыми „главными" предметами (нужно надѣяться, впрочемъ, что въ преобразованной средней школѣ раздѣленія предметовъ на главные и второстепенные не будетъ вовсе). Что при новомъ учебномъ строѣ увеличится сумма получаемыхъ учениками *свѣдѣній*—этого, вѣроятно, не станутъ отрицать и защитники status quo; но мы идемъ дальше и утверждаемъ, что увеличится и сумма *ученья*, т.-е. возрастетъ производительный, реальный, а не мнимый трудъ учащихся. Теперь, когда на первомъ планѣ стоятъ въ гимназіи предметы антипатичные громадному большинству, когда утомленіе, вызываемое классными и домашними занятіями, не уравновѣшивается живымъ интересомъ, любовью къ дѣлу,—среди учениковъ процвѣтаетъ „отлыниванье" отъ ученья, обходъ школьныхъ требованій. Широко распространены различные способы *казаться* знающимъ, въ сущности зная очень мало (пользованіе подстрочниками и подсказываньемъ, списыванье чужихъ работъ, вдалбливанье съ помощью репетитора, оставляющее въ памяти едва замѣтный, быстро сглаживающійся слѣдъ). Бороться съ этимъ глубоко вкоренившимся зломъ преобразованной средней школѣ будетъ гораздо легче, потому что въ ней не будетъ главнаго источника антагонизма между вкусами уче-

Digitized by Google

никовъ и предъявляемыми къ нимъ требованіями. Мы далеки отъ мысли, чтобы древніе языки всегда и неизбѣжно принадлежали къ числу предметовъ, отталкивающихъ ученика, парализующихъ желаніе учиться; мы очень хорошо знаемъ, что при извѣстныхъ условіяхъ они могутъ быть изучаемы съ пользой и даже съ удовольствіемъ — но именно этихъ условій у насъ въ настоящее время нѣтъ, и создать ихъ едва ли возможно. Почти всеобщей, во-первыхъ, является у насъ антипатія къ существующему гимназическому строю, краеугольный камень котораго—обязательное изученіе обоихъ древнихъ языковъ. Въ основаніи ея лежитъ, отчасти, способъ осуществленія гимназическаго устава 1871 года, проникнутый презрѣніемъ къ общественному мнѣнію, сухимъ, бездушнымъ формализмомъ и прямолинейнымъ упорствомъ, очень похожимъ на неразборчивость въ выборѣ средствъ; но въ глазахъ большинства крайности исполненія неразрывно сливаются съ системой, и настроеніе, вызванное первыми, обращается противъ послѣдней. Дальнѣйшій шагъ по пути смягченій, внесенныхъ гр. Деляновымъ въ ригоризмъ гр. Д. А. Толстого, не примирилъ бы русское общество съ порядкомъ, знаменующимъ, для него вавилонское плѣненіе русской школы; не измѣнилось бы и традиціонное нерасположеніе къ гимназіи, уже три десятилѣтія сряду переходящее, словно по наслѣдству, отъ одного поколѣнія гимназистовъ къ другому. Весьма важно, далѣе, и то, что вѣра въ единоспасающую силу классическаго образованія поколеблена даже тамъ, гдѣ она держалась всего крѣпче и откуда ее заимствовали наши доморощенные фанатики классицизма. Въ Германіи передъ реалистами начинаютъ открываться двери университетовъ; во Франціи появляются школы новаго типа и распространяются взгляды, которые еще недавно были бы провозглашены непозволительною ересью. Отсюда неизбѣжный ростъ сомнѣній въ законности господства классической школы на русской почвѣ.

Никто не утверждаетъ, что знаніе древнихъ языковъ составляетъ интегральную часть *средняго* образованія: оно считается необходимымъ только какъ фундаментъ для *высшаго общаго* образованія и пріурочивается, поэтому, только къ одной категоріи среднихъ учебныхъ заведеній—къ гимназіямъ, за которыми и признается монополія подготовки къ университету. Въ основаніи этого взгляда, еще недавно возводившагося на степень аксіомы, лежитъ крупная ошибка. Университеты, въ томъ видѣ, въ какомъ они существуютъ теперь, давно уже не соотвѣтствуютъ своему названію, давно уже перестали быть *учеными* школами, дающими дѣйствительно *общее*, т.-е. всестороннее образованіе. Нѣкоторые изъ университетскихъ факультетовъ—медицинскій, юридическій, восточный—въ такой же мѣрѣ спеціальныя

Digitized by Google

прикладныя школы, какъ и институты разныхъ наименованій (сельскохозяйственный, лѣсной, горный, технологическій, путей сообщенія и др.). Остальные факультеты—историко-филологическій и физико-математическій—имѣютъ менѣе прикладной характеръ, но общеобразовательными, въ полномъ смыслѣ этого слова, ихъ все-таки назвать нельзя, и непосредственную связь съ древними языками представляетъ только первый. Трудно объяснить себѣ, почему изученіе медицины требуетъ знанія обоихъ древнихъ языковъ, а къ изученію сельскаго хозяйства или лѣсоводства можно приступить не учившись ни латинскому языку, ни греческому. И тамъ, и тутъ главную роль играютъ чисто практическія задачи; и тамъ, и тутъ переходу къ прикладнымъ предметамъ предшествуютъ весьма серьезныя научныя занятія (анатоміей и физіологіей въ одномъ случаѣ, ботаникой и зоологіей—въ другомъ, физикой и химіей—въ обоихъ). Если изъ среды медиковъ выходятъ иногда профессора и кабинетные ученые, то вѣдь то же самое можно сказать и о бывшихъ студентахъ сельско-хозяйственнаго или лѣснаго института. Математикой инженеръ путей сообщенія долженъ владѣть не въ меньшей степени, чѣмъ окончившій курсъ на физико-математическомъ факультетѣ,—а гимназическій аттестатъ обязательно долженъ имѣть только второй. Сама жизнь, слѣдовательно, доказываетъ возможность высшаго образованія безъ классическихъ устоевъ, и рѣчь можетъ идти только о томъ, для какихъ отраслей его и въ какой мѣрѣ необходимо знаніе древнихъ языковъ. На эту единственно правильную точку зрѣнія стала коммиссія П. С. Ванновскаго, предположивъ установить дополнительные экзамены: по греческому языку—для окончившихъ курсъ въ латинскомъ отдѣленіи „единой“ школы, если они желаютъ поступить на историко-филологическій факультетъ университета, и по латинскому языку—для окончившихъ курсъ въ реальномъ отдѣленіи, если они желаютъ поступить на факультеты медицинскій, юридическій или восточный.

Нетрудно предвидѣть, но нетрудно и опровергнуть возраженія, которыя можетъ вызвать это рѣшеніе коммиссіи. Могутъ сказать, что изученіе предмета второпяхъ, передъ самымъ экзаменомъ и исключительно ради экзамена, непремѣнно должно оказаться поверхностнымъ, фиктивнымъ. Но развѣ знанія, медленно, постепенно пріобрѣтаемыя въ школѣ, не оказываются, сплошь и рядомъ, столь же поверхностными, если единственнымъ стимуломъ къ ихъ пріобрѣтенію была необходимость получить удовлетворительныя отмѣтки? Многіе ли изъ нынѣшнихъ гимназистовъ въ состояніи читать, черезъ годъ или два послѣ выпуска, латинскаго или греческаго автора, даже не изъ числа особенно трудныхъ? Предметъ, изучаемый добровольно, въ сравнительно зрѣлые годы, усвояется обыкновенно гораздо скорѣе, врѣзы-

Digitized by Google

вается въ память гораздо глубже, чѣмъ обычный, да еще въ добавокъ нелюбимый матеріалъ школьнаго преподаванія. Сосредоточеніе воли, въ виду близкой и дорогой цѣли, дѣлаетъ чудеса; затрудненія, передъ которыми останавливается мальчикъ, учащійся по принужденію, легко преодолѣваются юношей, свободно избирающимъ для себя излюбленную дорогу. Пишущій эти строки убѣдился въ этомъ по собственному опыту: рѣшившись, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ окончанія курса, изучить греческій языкъ, онъ менѣе чѣмъ въ годъ могъ переводить Софокла. Конечно, онъ не зналъ всѣхъ правилъ греческой этимологіи и синтаксиса—но вѣдь не въ нихъ, какъ это теперь признается почти всѣми, заключается суть и цѣль знакомства съ древними языками, и не они будутъ служить главнымъ содержаніемъ дополнительныхъ экзаменовъ, проектируемыхъ коммиссіею: иначе не предполагалось бы уменьшить въ такой мѣрѣ число уроковъ, отводимыхъ древнимъ языкамъ въ будущихъ классическихъ гимназіяхъ... Выборъ спеціальности не всегда пріурочивается къ самому послѣднему моменту. Если въ ученикѣ латинскаго отдѣленія „единой“ школы влеченіе къ исторіи, философіи или языкознанію проснется хотя бы за годъ до окончанія курса, онъ успѣетъ, ко времени вступленія въ университетъ, запастись необходимыми свѣдѣніями по греческому языку; то же самое слѣдуетъ сказать объ ученикѣ реальнаго отдѣленія, рѣшающемся изучить латинскій языкъ съ цѣлью получить доступъ на факультетъ юридическій, медицинскій или восточный. Въ крайнемъ случаѣ и тому, и другому достаточно отложить на одинъ годъ вступленіе въ университетъ—и, конечно, они употребятъ этотъ годъ съ бо̀льшей пользой, чѣмъ еслибы провели его на скамьяхъ нынѣшняго восьмого класса. Система, на которой остановилась коммиссія, хороша именно тѣмъ, что она отдаляетъ безповоротное рѣшеніе, сохраняетъ какъ можно дольше свободу перехода съ одного пути на другой, возможность исправить невольную ошибку. Нужно только облегчить для молодыхъ людей пользованіе правомъ, которое имъ предоставитъ законъ. Трудно изучить латинскій или греческій языкъ въ короткое время, безъ опытнаго руководителя—а оплатить его трудъ изъ собственныхъ средствъ будутъ въ состояніи лишь немногіе. Учителямъ латинскаго языка въ „единой“ школѣ и учителямъ греческаго языка въ классической гимназіи слѣдовало бы вмѣнить въ обязанность открывать вечерніе курсы: первымъ—для учениковъ реальнаго отдѣленія „единой“ школы, желающихъ учиться латинскому языку, вторымъ—для учениковъ латинскаго отдѣленія той же школы, желающихъ учиться греческому языку. Въ тѣхъ городахъ, гдѣ не будетъ классическихъ гимназій, преподаваніе греческаго языка можетъ быть возложено на одного изъ учителей латинскаго языка. При такомъ

Digitized by Google

порядкѣ перемѣна первоначально выбранной—или указанной родителями—дороги не могла бы сдѣлаться привилегіей однихъ достаточныхъ людей... Есть полное основаніе надѣяться, что уменьшенію числа лицъ, *учившихся* древнимъ языкамъ, будетъ соотвѣтствовать увеличеніе числа лицъ, *знающихъ* эти языки, занимающихся ими съ любовью, находящихъ въ нихъ не только точку опоры для своей дѣятельности, но и источникъ живыхъ наслажденій. *Количественная* потеря будетъ болѣе чѣмъ уравновѣшена *качественнымъ* выигрышемъ. Интересъ къ классической древности, упавшій у насъ именно въ эпоху господства школьнаго классицизма, поднимется, быть можетъ, до прежней или еще бо̀льшей высоты, когда школьное изученіе обоихъ древнихъ языковъ перестанетъ быть условіемъ sine qua non для доступа въ университетъ, безъ различія факультетовъ.

Проектируемую реформу средняго образованія нѣкоторые о̀рганы печати привѣтствуютъ потому, что видятъ въ ней путь къ устройству *національной* школы. Имъ возражаютъ газеты, стоящія обыкновенно на сторонѣ самаго узкаго націонализма. „Московскія Вѣдомости“, напримѣръ, ссылаются на авторитетъ Хомякова, чтобы доказать, что даже славянофилы вовсе не думали о созданіи спеціально русской школы и считали древніе языки (въ чемъ сходился съ ними, впослѣдствіи, и Вл. Соловьевъ) необходимой основой гимназическаго образованія. Мы думаемъ, что *національность* школы, не имѣющая ничего общаго съ *націонализмомъ*, должна и можетъ выражаться только въ особо тщательномъ изученіи всего касающагося данной страны, ея прошедшаго и настоящаго. Это изученіе отнюдь не должно идти въ ущербъ тому, что̀ одинаково важно вездѣ и для всѣхъ. Еслибы для полноты и основательности средняго образованія, какъ ступени къ высшему, было необходимо знаніе древнихъ языковъ, въ томъ объемѣ, въ какомъ они преподаются въ нынѣшней гимназіи, никакими „національными“ или „націоналистическими“ соображеніями нельзя было бы оправдать существенное отступленіе отъ дѣйствующей системы. Въ области образованія, какъ и во всякой другой, болѣе чѣмъ странно руководствоваться только пристрастіемъ къ *своему* и нерасположеніемъ къ *чужому*. Изъ того, что классицизмъ до сихъ поръ играетъ важную роль въ германской, англійской, французской школѣ, еще отнюдь не слѣдуетъ, что онъ не долженъ играть аналогичной роли у насъ въ Россіи. Наше сочувствіе реформѣ обусловливается не тѣмъ, что она ведетъ къ торжеству національнаго начала, а тѣмъ, что она разумна и цѣлесообразна. Весьма важно, конечно, и то, что она позволяетъ усилить преподаваніе русскаго языка, русской литературы, географіи и исторіи Россіи—но какъ ни цѣнно это

Digitized by Google

пріобрѣтеніе, отъ него слѣдовало бы отказаться, еслибы оно должно было повлечь за собою пониженіе уровня средняго образованія.

Уже во время своихъ занятій коммиссія П. С. Ванновскаго не принимала никакихъ особыхъ мѣръ къ сохраненію ихъ въ тайнѣ; тѣмъ болѣе широкую гласность она предполагаетъ дать результатамъ своей работы. Сгруппированные по отдѣламъ, они будутъ разосланы попечителямъ учебныхъ округовъ, для обсужденія въ педагогическихъ совѣтахъ, а также губернаторамъ, для обсужденія въ совѣщаніяхъ, въ составъ которыхъ войдутъ предводители дворянства, предсѣдатели земскихъ управъ, городскіе головы и другія лица, по усмотрѣнію правительства. Можно надѣяться, что одновременно съ этимъ работы коммиссіи будутъ оглашены во всеобщее свѣдѣніе и сдѣлаются доступными для подробнаго разбора въ печати.

Такъ-называемая (по образцу извѣстной этимологіи: „lucus—a non lucendo“) „земская“ реформа въ западныхъ и окраинныхъ губерніяхъ Россіи продолжаетъ быть предметомъ славословій со стороны реакціонной печати — славословій тѣмъ болѣе горячихъ, что защита этой реформы равносильна порицанію или отрицанію существующихъ земскихъ учрежденій. До какихъ софизмовъ доходитъ все превозмогающее усердіе хвалителей, объ этомъ можно судить по слѣдующему примѣру. Стараясь доказать, что *назначеніе* гласныхъ неизбѣжно дастъ гораздо лучшіе результаты, чѣмъ выборъ, „Московскія Вѣдомости“ восклицаютъ: „не слѣдуетъ забывать, что земскіе гласные назначаются министромъ внутреннихъ дѣлъ и что еслибы областная администрація, вслѣдствіе какихъ-либо личныхъ отношеній, и обошла назначеніемъ человѣка способнаго и знающаго свой край, то и у него, и у другихъ заинтересованныхъ людей всегда есть достаточные способы къ тому, чтобы обжаловать неправильныя дѣйствія“. Мы въ первый разъ слышимъ, что предметомъ *жалобы* можетъ быть неназначеніе—или непредставленіе—на должность, замѣщеніе которой зависитъ всецѣло отъ усмотрѣнія администраціи. Жалоба предполагаетъ либо нарушеніе права, либо нарушеніе закономъ охраняемаго интереса. Права претендовать на назначеніе гласнымъ, при системѣ проекта, не имѣетъ никто; ничьего личнаго, частнаго интереса неназначеніе гласнымъ нарушить не можетъ, а общій интересъ—т.-е. интересъ цѣлой мѣстности—не принадлежитъ, въ данномъ случаѣ, къ числу охраняемыхъ закономъ. Допустимъ, однако, что московской газетой допущенъ только lapsus linguae, что рѣчь идетъ не о жалобѣ, а просто о сообщеніи такихъ данныхъ, которыя могутъ склонить министра къ назначенію гласнымъ не представленнаго губернаторомъ

Digitized by Google

лица, но кого-либо другого. Кто возьметъ на себя подобное сообщеніе? То самое лицо, которое считаетъ себя обойденнымъ? Но вѣдь для того, чтобы достигнуть цѣли, ему нужно доказать не только свою способность, но и неспособность или меньшую способность оффиціальнаго кандидата. И то, и другое несовмѣстно съ чувствомъ самоуваженія, съ самою элементарною порядочностью. Для постороннихъ одна половина задачи—указаніе на достоинства обойденнаго лица—не представляетъ особыхъ неудобствъ, но другая половина—критическая оцѣнка лица представленнаго—затруднительна почти въ такой же мѣрѣ, какъ и для самого обойденнаго. Неизбѣжно, притомъ, долженъ возникнуть вопросъ о мотивахъ, вызвавшихъ вмѣшательство просителей—и разрѣшеніе его, въ силу весьма понятнаго скептицизма, рѣдко окажется благопріятнымъ для рекомендуемаго ими кандидата. Нѣкоторые шансы успѣха контръ-представленіе могло бы имѣть развѣ тогда, еслибы оно шло отъ организованной, самостоятельной коллегіи, составленной изъ мѣстныхъ жителей; но такой коллегіи проектъ не создаетъ. „Уѣздный земскій комитетъ“ не имѣетъ съ нею ничего общаго; ожидать отъ него открытаго выраженія несогласія съ губернаторомъ нельзя уже потому, что большинство его членовъ (земскіе начальники, волостные старшины, земскіе уполномоченные)—подчиненные губернатора. Припомнимъ, въ добавокъ, что число гласныхъ проектируется весьма ограниченное: отъ каждаго уѣзда ихъ будетъ по одному или, самое бо̀льшее, по два. Чѣмъ больше число кандидатовъ, тѣмъ легче обнаружить пробѣлъ, допущенный при составленіи кандидатскаго списка; но доказать, что единственную на весь уѣздъ вакансію слѣдуетъ замѣстить лицомъ А, а не лицомъ Б—почти немыслимо... Возможность жалобы или возраженія противъ представленія губернатора обусловливается, далѣе, его общеизвѣстностью; между тѣмъ, ничто не обязываетъ губернатора оглашать имя представленнаго имъ лица—а основать обращеніе къ министру на однихъ только предположеніяхъ и слухахъ едва ли кто-нибудь рѣшится. Нужно обладать, наконецъ, немалой долей независимости и гражданскаго мужества, чтобы вступить въ конфликтъ съ губернаторомъ по одному изъ самыхъ щекотливыхъ вопросовъ мѣстной жизни. Получивъ возраженіе или жалобу, министерство, безъ сомнѣнія, сообщитъ ихъ на заключеніе губернскаго начальства. Имя возражателя или жалобщика не можетъ, такимъ образомъ, остаться въ тайнѣ—и это неминуемо должно отразиться на числѣ жалобъ или возраженій...

Выводъ изъ всего вышесказаннаго совершенно ясенъ: при дѣйствіи проектируемой системы назначеніе гласныхъ будетъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, исключительно дѣломъ губернскаго начальства. Съ точки зрѣнія реакціонной прессы это, впрочемъ, не аргументъ

Digitized by Google

противъ „земской“ реформы. „У областной администраціи“—читаемъ мы въ той же статьѣ „Московскихъ Вѣдомостей“—„нѣтъ и не можетъ быть никакого интереса вести дѣло неудовлетворительно. Наоборотъ, она заинтересована въ томъ, чтобы дѣло мѣстнаго благоустройства шло лучше, если даже не изъ побужденій долга и чести, то просто въ силу вполнѣ субъективныхъ соображеній: губернаторъ, у котораго мѣстное хозяйственное управленіе будетъ процвѣтать, можетъ больше разсчитывать на поощреніе своего начальства и на дальнѣйшую служебную карьеру. То же самое можно сказать и о всѣхъ остальныхъ подчиненныхъ органахъ. Поэтому, поскольку выборъ мѣстныхъ людей, наилучше знающихъ мѣстныя условія, будетъ зависѣть отъ нихъ, имъ рѣшительно нѣтъ никакого основанія отдавать предпочтеніе лицамъ, знающимъ эти условія менѣе удовлетворительно. Для облегченія собственнаго труда имъ будетъ желательно привлечь къ дѣлу людей возможно болѣе освѣдомленныхъ, способныхъ и энергичныхъ“. Всѣ эти разсужденія отчасти бьютъ мимо цѣли, отчасти идутъ въ разрѣзъ съ дѣйствительностью. Никто изъ противниковъ „земской“ реформы не утверждалъ и не утверждаетъ, что мѣстная администрація имѣетъ или можетъ имѣть интересъ *въ неудовлетворительномъ* веденіи мѣстнаго хозяйства; но достаточно ли развить въ ея средѣ *активный* интересъ въ удовлетворительномъ его веденіи, и онъ ли одинъ, онъ ли преимущественно будетъ руководить ею какъ въ выборѣ кандидатовъ на званіе гласнаго, такъ и вообще въ мѣропріятіяхъ, касающихся земскаго дѣла?... Несомнѣнно, что для постоянныхъ жителей мѣстности, связанныхъ съ нею и въ прошедшемъ, и въ настоящемъ, и въ будущемъ, благосостояніе ея дороже и ближе, чѣмъ для должностныхъ лицъ, вчера не имѣвшихъ съ нею ничего общаго и завтра могущихъ очутиться на другомъ концѣ Россіи. Соображенія карьернаго характера, которымъ московская газета, съ похвальною откровенностью, придаетъ столь большую силу, обоюдоостры: они могутъ усилить заботу о такой отрасли хозяйства, на которую, въ данную минуту, почему-либо обращено особое вниманіе центральной власти—но могутъ, вмѣстѣ съ тѣмъ или даже именно потому, повлечь за собою равнодушіе или пренебреженіе ко всему остальному. Съ этой точки зрѣнія гораздо болѣе гарантій представляетъ земство, которое не только въ лицѣ гласныхъ, но даже, за сравнительно рѣдкими исключеніями, въ лицѣ предсѣдателей и членовъ земскихъ управъ, дѣйствуетъ не въ виду наградъ и другихъ видовъ служебнаго поощренія. Болѣе чѣмъ наивно думать—или болѣе чѣмъ смѣло утверждать,—что при назначеніи гласныхъ будетъ приниматься въ разсчетъ, главнымъ образомъ, знаніе ими мѣстныхъ условій. Рѣшающее значеніе будутъ имѣть—конечно не всегда, но сплошь

Digitized by Google

и рядомъ—другія условія, скорѣе отрицательнаго, чѣмъ положительнаго свойства. Уживчивость часто будетъ цѣниться выше, чѣмъ энергія, безцвѣтность—выше, чѣмъ способность. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только присмотрѣться къ столь многочисленнымъ, въ послѣднее время, случаямъ неутвержденія въ разныхъ выборныхъ должностяхъ по земскому и городскому самоуправленію. Въ одесской городской думѣ было, на дняхъ, заявлено публично, что одинъ изъ гласныхъ не былъ утвержденъ членомъ исполнительной театральной коммиссіи въ виду непріятностей, которыя онъ имѣлъ съ полиціей (см. „Россія", № 762). По словамъ вятскаго корреспондента „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" (№ 113), предсѣдателемъ малмыжской (вятской губерніи) уѣздной земской управы не утверждено лицо, девятилѣтняя безупречная дѣятельность котораго извѣстна всему населенію уѣзда. Въ той же вятской губерніи „независимые земцы изъ крестьянъ устранились отъ земской дѣятельности, или по собственному желанію, сознавая свое безсиліе, или же по обстоятельствамъ, отъ нихъ не зависящимъ. Достаточно такому гласному выразить небольшой протестъ противъ какого-нибудь предложенія предсѣдателя собранія—и въ слѣдующее трехлѣтіе онъ уже не числится въ спискѣ гласныхъ, хотя бы своею волостью былъ избранъ единогласно. Достаточно даже не поладить съ приставомъ, чтобы земская карьера гласнаго-крестьянина была окончена". Въ белебеевскомъ уѣздѣ (уфимской губерніи) не утверждено предсѣдателемъ уѣздной земской управы лицо, занимавшее эту должность три трехлѣтія. На вновь происходившихъ выборахъ никто поставить свою кандидатуру въ предсѣдатели не пожелалъ, кромѣ одного лица, которое было забаллотировано подавляющимъ большинствомъ (21 противъ *пяти*)—и нѣсколько мѣсяцевъ спустя это самое лицо *назначено* предсѣдателемъ той же управы („Русскія Вѣдомости" № 130). Замѣтимъ, что неутвержденіе избраннаго лица всегда возбуждаетъ толки, производитъ нѣкоторый шумъ, не особенно пріятный для администраціи. Другое дѣло—представленіе кандидата въ гласные; здѣсь никто прямо не устраняется, никому не наносится прямой обиды, общественное мнѣніе не приводится въ движеніе новыми выборами. Ничто, поэтому, не будетъ стѣснять дѣйствія мотивовъ аналогичныхъ съ тѣми, которыми такъ часто обусловливается неутвержденіе въ должности. Можно сказать, не рискуя ошибиться, что чѣмъ энергичнѣе администраторъ, чѣмъ больше онъ разсчитываетъ на свои знанія, опытность, энергію, тѣмъ сильнѣе будетъ для него соблазнъ окружить себя безличными и послушными гласными и достигнуть, такимъ путемъ, единовластія въ губернскомъ земскомъ комитетѣ. Примѣръ губернскихъ по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствій удостовѣряетъ, что высшіе губернскіе чины рѣдко

Digitized by Google

подаютъ голосъ противъ предложеній губернатора; но еслибы нѣкоторые изъ нихъ, засѣдая въ губернскомъ земскомъ комитетѣ, и оказались болѣе самостоятельными, то съ помощью гласныхъ, неуклонно идущихъ по стопамъ губернатора, ихъ всегда легко будетъ оставить въ меньшинствѣ.

Другой пріемъ, употребляемый реакціонною печатью для прославленія излюбленнаго ею проекта, заключается въ низведеніи земскаго дѣла на степень чего-то до крайности простого и легкаго, не требующаго сложной организаціи. Намѣтить сѣть уѣздныхъ дорогъ, школьную сѣть, сѣть больницъ или пріемныхъ покоевъ могутъ-де и пришлые люди; участіе мѣстныхъ жителей во всѣхъ этихъ земско-хозяйственныхъ функціяхъ отнюдь не необходимо. Оставаясь послѣдовательными, защитники этой точки зрѣнія должны были бы признать, что гласныхъ, хотя бы и назначенныхъ, не нужно вовсе; но они великодушно соглашаются развести бюрократическій элементъ небольшою примѣсью мѣстнаго, съ тѣмъ, однако, чтобы послѣдній былъ поглощенъ или ассимилированъ первымъ... Въ аргументаціи, направленной къ упраздненію земства, нетрудно замѣтить цѣлыхъ три ахиллесовы пяты. Прежде чѣмъ приступить къ исполненію того или другого предпріятія—къ установленію, напр., школьной или больничной сѣти,—нужно рѣшить въ принципѣ, что это предпріятіе необходимо, и ассигновать потребныя для него средства. Тридцатипятилѣтній опытъ удостовѣряетъ, что именно въ этомъ первомъ фазисѣ дѣла незамѣнимо земство—настоящее, не номинальное земство. Только оно, въ сферѣ мѣстнаго хозяйства, обладаетъ достаточною иниціативой, только оно пролагаетъ здѣсь новые пути, только оно не отступаетъ передъ затратами, безъ которыхъ не можетъ быть достигнута намѣченная цѣль. Указать, какіе пункты наиболѣе удобны для школъ или больницъ, сравнительно легко—но нелегко признать, что начальное образованіе и медицинская помощь *должны* быть сдѣланы доступными для всего населенія. Къ такому рѣшительному выводу не приходилъ, до сихъ поръ, никто, кромѣ земскихъ собраній. Незамѣнимы они, затѣмъ, и въ оцѣнкѣ сравнительной важности различныхъ отраслей земскаго хозяйства, т.-е. въ выборѣ той или тѣхъ изъ нихъ, которыя, въ данную минуту, всего больше нуждаются въ развитіи или поддержкѣ... Тенденціозно умалчивается, дальше, та масса безвозмезднаго труда, которую вызываетъ земство. Немалая доля этого труда упадаетъ на самихъ гласныхъ, исполняющихъ порученія собранія — состоящихъ санитарными попечителями, завѣдующихъ земскими дорогами, работающихъ въ разныхъ коммиссіяхъ и совѣтахъ. Къ нимъ присоединяются, обыкновенно, и многіе другіе жители, готовые помочь своему земству... Игнорируется, наконецъ, существенно важное значеніе земскихъ ходатайствъ.

Digitized by Google

Кто не ослѣпленъ угодливостью, кто не порабощенъ доктриной объ „ограниченномъ умѣ подданныхъ", тотъ не можетъ не признать, что земскія ходатайства — цѣлая сокровищница полезныхъ указаній, изъ которыхъ многія не прошли безслѣдно. Ничего подобнаго этимъ указаніямъ нельзя ожидать отъ губернскихъ земскихъ комитетовъ, составленныхъ изъ должностныхъ лицъ и назначенныхъ гласныхъ.

Увлекаясь тою стороною проектированной реформы, которая можетъ быть обращена въ боевое орудіе противъ земства, реакціонная печать отодвигаетъ на задній планъ спеціальный вопросъ о возможности нормальныхъ земскихъ учрежденій въ западномъ краѣ. Въ тѣхъ немногихъ замѣчаніяхъ, которыя она посвящаетъ этому предмету, она такъ же далека отъ истины, какъ и во всемъ остальномъ. Несомнѣннымъ предполагается то, что на самомъ дѣлѣ подлежитъ большому спору. „Еслибы въ западныхъ губерніяхъ" — утверждаютъ „Московскія Вѣдомости"—„были допущены выборы, то, въ силу особенностей разноплеменнаго состава этихъ губерній, надо думать, что организація выборовъ была бы иная, чѣмъ во внутреннихъ губерніяхъ. При преобладаніи въ краѣ польскаго землевладѣнія, выборы по дѣйствующему положенію о земскихъ учрежденіяхъ дали бы въ земскомъ представительствѣ такое преобладаніе польскаго элемента, какое, въ виду особенностей политическаго положенія края, не могло бы быть допущено... Пришлось бы, вѣроятно, установить представительство по національностямъ, что едва ли допустимо, или же выборы должны были бы быть организованы такъ, чтобы дать преобладаніе выборщикамъ русской національности—но это повело бы къ чисто искусственному исключенію представительства поляковъ изъ общественныхъ учрежденій". Это совершенно невѣрно. Законопроектъ 1898 года не установлялъ представительства по національностямъ и не исключалъ поляковъ изъ состава земскихъ собраній—но не давалъ имъ и преобладанія въ земствѣ, потому что расширялъ, сравнительно съ общимъ положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ, рамки крестьянскаго представительства [1]). Въ случаѣ осуществленія этого законопроекта, лицамъ польскаго происхожденія навѣрное былъ бы открытъ доступъ въ составъ земскихъ собраній; а найдутъ ли они мѣсто въ губернскихъ земскихъ комитетахъ — это подлежитъ большому сомнѣнію. При незначительномъ числѣ назначенныхъ гласныхъ всегда легко будетъ признать, что въ каждомъ уѣздѣ лучшимъ кандидатомъ на званіе гласнаго является лицо русскаго, а не польскаго происхожденія. Возможны будутъ, конечно, отдѣльныя исключенія, но они

[1]) Содержаніе законопроекта 1898 года изложено во „Внутреннемъ Обозрѣніи" № 12 „Вѣстника Европы" за тотъ же годъ.

Digitized by Google

едва ли внушатъ полякамъ сознаніе равноправности съ русскими, которое могла бы имъ дать *настоящая* земская реформа. Чтобы быть представленнымъ и назначеннымъ въ гласные, поляку нужно будетъ заявить себя сугубо благонамѣреннымъ и покорнымъ.

Съ вопросомъ о земской реформѣ въ западныхъ губерніяхъ отчасти связанъ вопросъ о сохраненіи мѣстныхъ генералъ-губернаторствъ—связанъ не потому, чтобы генералъ-губернаторы всегда оказывались личными противниками земства [1]), а потому, что все поддерживающее обособленность края препятствуетъ примѣненію къ нему общеимперскихъ порядковъ. Подчиненіе трехъ сѣверо-западныхъ и трехъ юго-западныхъ губерній дѣйствію нормальныхъ правилъ о губернской администраціи могло бы послужить первымъ шагомъ къ введенію и тамъ, и тутъ нормальныхъ земскихъ учрежденій. За упраздненіе генералъ-губернаторствъ говорятъ и многія другія соображенія, приведенныя нами четыре года тому назадъ, когда, послѣ смерти генерала Оржевскаго, постъ виленскаго, ковенскаго и гродненскаго генералъ-губернатора нѣсколько мѣсяцевъ оставался незамѣщеннымъ. „Генералъ-губернаторства"—писали мы тогда [2])—„существуютъ не на всѣхъ окраинахъ Россіи; ихъ нѣтъ ни въ прибалтійскомъ, ни въ новороссійскомъ краѣ. До Вильны столько же часовъ ѣзды, какъ и до Риги—да и что̀ значитъ разница въ 100-200 верстъ при теперешнихъ телеграфныхъ и желѣзнодорожныхъ сообщеніяхъ?... Все *чрезвычайное*, подъ опасеніемъ внутренняго противорѣчія, должно быть *временнымъ*, т.-е. зависѣть отъ временныхъ, скоропреходящихъ обстоятельствъ—а религія и національность (ссылкою на которыя мотивируется, обыкновенно, сохраненіе генералъ-губернаторствъ въ западномъ краѣ) не измѣняются вовсе или измѣняются крайне медленно. Враждебное настроеніе края—если допустить, что оно существуетъ — не обусловливается ли, отчасти, именно чрезвычайными полномочіями, которыя признаются необходимыми для его подавленія? Нѣтъ ли здѣсь заколдованнаго круга, изъ котораго только одинъ выходъ — забвеніе прошлаго, не какъ историческаго урока, а какъ источника мѣропріятій?... Достаточнымъ соединительнымъ звеномъ между губернаторами служитъ центральная власть, нимало, при обыкновенныхъ условіяхъ, не нуждающаяся въ посредничествѣ генералъ-губернатора"... Вѣскіе доводы за упраздненіе виленскаго генералъ-губернаторства мы встрѣтили недавно въ „Новомъ Времени" (№ 9070). „Всѣ виленскіе

[1]) Недавно скончавшійся виленскій, ковенскій и гродненскій генералъ-губернаторъ, генералъ Троцкій—какъ и его предшественникъ, генералъ Оржевскій, - высказался противъ земскихъ учрежденій, но генералъ-губернаторъ кіевскій, подольскій и волынскій, генералъ Драгомировъ, подалъ голосъ за ихъ введеніе.

[2]) См. „Внутр. Обозр." въ № 7 и „Общ. Хрон." въ № 10 „Вѣстн. Европы" за 1897 г.

Digitized by Google

генералъ-губернаторы послѣ Потапова"—говоритъ газета—„не сдѣлали въ краѣ ничего, чего не сдѣлали бы обыкновенные губернаторы, каждый въ своей губерніи. Эти губернаторы, предоставленные собственной самостоятельной дѣятельности, навѣрное бы сдѣлали больше для края, чѣмъ подъ эгидой генералъ-губернатора... Самостоятельный губернаторъ чувствуетъ себя отвѣтственнымъ за свою дѣятельность въ губерніи и естественно старается выполнить ее наилучшимъ образомъ. Напротивъ, губернаторъ генералъ-губернаторства не чувствуетъ на себѣ ближайшей отвѣтственности, потому что его дѣятельность, весьма часто несогласная съ его взглядомъ на дѣло, навязана ему генералъ-губернаторомъ, или, что тоже нерѣдко, важная мѣра, выработанная губернаторомъ, почему-либо не одобряется генералъ-губернаторомъ. Такимъ образомъ генералъ-губернаторъ парализируетъ дѣятельность своихъ губернаторовъ, служитъ тормазомъ для нихъ. И парализируя дѣятельность своихъ губернаторовъ, генералъ-губернаторъ самъ не можетъ сдѣлать ничего важнаго въ краѣ. Чтобы сдѣлать что-либо солидное въ краѣ, нужно знать край, а кромѣ Муравьева ни одинъ изъ послѣдующихъ генералъ-губернаторовъ не зналъ края; и потому они толкались какъ въ потемкахъ или куда натолкнетъ ихъ случай. Даже еслибы они пожелали серьезно заняться изученіемъ края, для нихъ безконечно труднѣе изучить всѣ три губерніи, чѣмъ для губернатора одну собственную". Заканчивается статья „Новаго Времени" слѣдующими знаменательными словами генерала Тотлебена, сказанными имъ въ бытность виленскимъ генералъ-губернаторомъ: „какъ командующій войсками округа, я имѣю много дѣла, но какъ виленскій генералъ-губернаторъ не вижу никакого. Вотъ я прожилъ въ Вильнѣ шесть мѣсяцевъ—и не имѣлъ ни одного дѣла, ради котораго стоило бы держать виленскаго генералъ-губернатора"...

Digitized by Google

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1901.

Правительство и оппозиція въ Англіи.—Споры о королевскомъ бюджетѣ въ парламентѣ.—Жалобы на стѣсненіе печати въ Ирландіи.—Англійскіе либералы и имперіалисты о южно-африканскихъ дѣлахъ.—Герцогъ Корнваллійскій въ Австраліи.—Памятникъ Бисмарку въ Берлинѣ.

Въ одной изъ своихъ недавнихъ рѣчей британскій премьеръ, лордъ Сольсбери, обратилъ вниманіе слушателей на чрезмѣрное ослабленіе оппозиціонныхъ партій вслѣдствіе внутренняго разлада, вызваннаго новѣйшими успѣхами имперіализма. „Уніонисты, — выразился онъ между прочимъ,—должны теперь задуматься надъ тѣмъ, не настолько ли они расшатали силу оппозиціи, что вѣсы конституціи перестали работать съ обычной правильностью". Ему, премьеру, это положеніе вещей представляется нежелательнымъ, и онъ предпочелъ бы видѣть дѣйствіе конституціи въ традиціонномъ порядкѣ. Другими словами, правительство хотѣло бы, чтобы оппозиція была сильнѣе, чтобы въ ней было больше сплоченности и единства, чтобы она могла служить достаточнымъ противовѣсомъ министерской партіи и способна была, въ случаѣ надобности, взять на себя управленіе государственными дѣлами при соотвѣтственной перемѣнѣ общественнаго мнѣнія, подобно тому, какъ это было при Гладстонѣ и Биконсфильдѣ.

Не странно ли это заявленіе въ устахъ главы кабинета? По обычнымъ понятіямъ, всякое правительство должно стремиться къ ослабленію оппозиціи, и если послѣдняя обнаруживаетъ признаки упадка и безсилія, то это принимается за доказательство прочности существующаго порядка и ставится въ особую заслугу министрамъ. Правительственные дѣятели, которые жаждали бы усиленія оппозиціи, встрѣчаются довольно рѣдко въ континентальной Европѣ, и мысль, высказанная лордомъ Сольсбери, вѣроятно для многихъ останется неясною или даже загадочною. Между тѣмъ для англичанъ она вполнѣ естественна: даже самые консервативные патріоты Англіи никогда не смѣшиваютъ интересовъ правительства, составленнаго изъ опредѣленныхъ лицъ, съ интересами государства, какъ цѣлаго, обнимающаго всѣ общественные классы, партіи и направленія. Слабость оппозиціи представляетъ большое удобство для министровъ, обезпечивая имъ сохраненіе власти на болѣе продолжительный срокъ, чѣмъ это требуется, быть можетъ, интересами страны; но для государства въ ши-

Digitized by Google

рокомъ смыслѣ этого слова необходимо, чтобы существующее въ народѣ разнообразіе интересовъ, потребностей и стремленій находило себѣ полное и свободное выраженіе въ правительственныхъ сферахъ, не встрѣчая преграды въ постоянствѣ личнаго состава кабинета. Британскіе министры привыкли жить и дѣйствовать въ атмосферѣ безпрестанной публичной критики, среди шумной борьбы различныхъ направленій и оттѣнковъ общественнаго мнѣнія; они не освобождаются отъ критики и борьбы даже при отсутствіи правильно организованной оппозиціи въ парламентѣ. Парламентская оппозиція есть родъ государственной службы въ Англіи; графъ Розбери въ палатѣ лордовъ и сэръ Кемпбель-Баннерманъ въ палатѣ общинъ занимаютъ такое же оффиціальное положеніе въ качествѣ предводителей либеральнаго меньшинства, какъ и министры, состоящіе руководителями большинства. Лордъ Розбери и сэръ Кемпбель-Баннерманъ являются заранѣе намѣченными кандидатами на министерскіе посты, въ случаѣ отставки нынѣшняго кабинета подъ вліяніемъ какой-нибудь существенной неудачи въ парламентѣ; а такъ какъ фактически ни лордъ Розбери, ни сэръ Кемпбель-Баннерманъ не могли бы принять на себя отвѣтственность за проведеніе извѣстной правительственной программы, при отсутствіи единства среди оппозиціонныхъ группъ, то министры лишены были бы возможности уступить власть противникамъ, еслибы случился поворотъ общественнаго или парламентскаго настроенія въ пользу оппозиціи. Разстройство оппозиціонныхъ силъ, сдѣлавшись хроническимъ, затруднило бы правильную смѣну министерствъ, требуемую интересами государства, и обычный традиціонный ходъ конституціи былъ бы такимъ образомъ нарушенъ. Вожди оппозиціи очутились бы въ положеніи людей, вліяніе которыхъ на политику не связано съ отвѣтственностью, т.-е. съ готовностью нести бремя министерской службы; а это рѣшительно противорѣчило бы установившимся англійскимъ понятіямъ. Лордъ Сольсбери не настолько ослѣпленъ, чтобы считать себя незамѣнимымъ; напротивъ, онъ твердо знаетъ, что государство ничего не проиграло бы отъ перехода обязанностей премьера къ лорду Розбери,—точно также какъ Бальфуръ въ нижней палатѣ чувствуетъ себя не выше и не лучше Кемпбеля-Баннермана, сэра Гаркорта или Джона Морлея. Въ дѣйствительности государство могло бы только выиграть отъ обновленія своего правительственнаго персонала, которое иногда составляетъ такую же потребность, какъ періодическое освѣженіе воздуха въ закрытыхъ помѣщеніяхъ.

Еще ранѣе упомянутой рѣчи премьера, лондонскій „Times“, защищающій вообще политику правительства, высказывалъ тѣ же соображенія и опасенія по поводу чрезмѣрной прочности нынѣшняго уніонистскаго кабинета. „Безполезно было бы пытаться,—говорилъ

Digitized by Google

„Times“ въ передовой статьѣ 3 іюня (нов. стиля),—замаскировать тотъ фактъ, что существуетъ значительное недовольство въ рядахъ уніонистскаго (правительственнаго) большинства. Недовольство это вовсе не ограничивается либеральными уніонистами, и, быть можетъ, наиболѣе рѣшительные и непримиримые выразители его принадлежатъ къ старой консервативной партіи. Огромное большинство, выбранное въ палату общинъ какъ протестъ противъ сторонниковъ „Малой Англіи“ и безусловнаго мира, не питаетъ особеннаго довѣрія къ своимъ вождямъ. Это чувство все болѣе распространяется, хотя оно сдерживалось естественною и здоровою реакціею противъ несправедливыхъ нападеній на правительство и войну... Въ числѣ лицъ, далеко не поколебленныхъ въ своей преданности уніонизму, есть не мало такихъ, которые находятъ, что правительство лорда Сольсбери не исполнило своихъ обѣщаній... Постоянное и незамѣтное усиленіе этого недовольства можетъ со временемъ привести къ парламентскому взрыву. Мы не предсказываемъ пока наступленія такого кризиса. Политика можетъ постепенно преобразоваться, за исключеніемъ вопросовъ, въ которыхъ національная воля выразилась съ достаточною рѣшительностью, какъ это было по отношенію къ южно-африканскимъ дѣламъ. Администрація могла бы измѣниться въ своемъ характерѣ при помощи надлежащихъ увольненій и перемѣщеній. Преобразованіе состава правительства послѣ всеобщихъ выборовъ сдѣлано было, по общему мнѣнію, неудовлетворительно. Перемѣны въ распредѣленіи и замѣщеніи видныхъ оффиціальныхъ постовъ были большею частью непонятны публикѣ, хотя нельзя утверждать, что онѣ не оправдывались какими-либо мотивами, скрытыми отъ постороннихъ. Требованіе, чтобы кабинетъ состоялъ главнымъ образомъ изъ молодыхъ и энергическихъ дѣятелей, проникнутыхъ духомъ вѣка и настроеніемъ націи,—не подлежитъ никакому спору. Дѣло только въ томъ, гдѣ найти этихъ людей. Еслибы они появились, они были бы встрѣчены живѣйшей поддержкой со стороны народа и наложили бы свою печать на открывающееся столѣтіе. Оппозиція, пока она не примирила своихъ разногласій и не установила какой-нибудь программы, которую она могла бы предложить избирателямъ, какъ сильная и цѣльная партія,—не въ состояніи серьезно соперничать съ уніонистами. Но можно идти слишкомъ далеко въ надеждахъ на недостатокъ соперничества. Недовольство въ рядахъ уніонистовъ не излечивается отсутствіемъ могущественной и солидной партіи на другой сторонѣ парламента. И теперь, какъ и всегда, подтверждается справедливость пословицы, что противникъ приноситъ помощь“. Съ этой точки зрѣнія становится яснымъ, почему слабость противниковъ министерства невыгодна для государства и косвенно обезсиливаетъ само правитель-

Digitized by Google

ство. Взглядъ лорда Сольсбери совпадаетъ въ данномъ случаѣ съ замѣчаніями „Times“ и соотвѣтствуетъ, очевидно, кореннымъ основамъ и обычаямъ англійской политической жизни.

Кабинетъ лорда Сольсбери имѣетъ многочисленныхъ и вліятельныхъ враговъ, но между ними нѣтъ единства; парламентская борьба потеряла прежнюю стройность и приняла отчасти характеръ партизанскихъ стычекъ, иногда рѣзкихъ и серьезныхъ, но лишенныхъ системы и послѣдовательности. Продолжительные споры возбуждались въ палатѣ общинъ вопросомъ о размѣрѣ суммъ, которыя должны быть ассигнованы государственнымъ казначействомъ на содержаніе королевской фамиліи. Правительство предлагало назначить 543 тысячи фунтовъ стерлинговъ въ годъ, вмѣсто прежней цифры въ 476 тысячъ,—т.-е. увеличить расходъ на 67 тысячъ въ годъ; причемъ канцлеръ казначейства пояснилъ, что эти средства почти сполна покрываются доходами съ коронныхъ имѣній, которыя были въ свое время уступлены казнѣ взамѣнъ опредѣленной ежегодной уплаты. Предводитель оппозиціи, сэръ Кемпбель-Баннерманъ, одобрилъ предложеніе и выразилъ надежду, что оно будетъ принято единодушно. Само собою разумѣется, что объ единодушіи въ дѣйствительности не могло быть и рѣчи. Редмондъ, отъ имени ирландскихъ націоналистовъ, заявилъ, что они не могутъ подать голосъ за предложеніе по тремъ причинамъ. Во-первыхъ, король, при вступленіи на престолъ, принесъ присягу въ формѣ, оскорбительной для католиковъ, и законъ до сихъ поръ еще не измѣнилъ текста этой присяги. Во-вторыхъ, на Ирландію возложена несоотвѣтственная часть общихъ расходовъ королевства, и въ-третьихъ, при настоящей конституціи государства, главою котораго состоитъ король, Ирландія лишена своихъ конституціонныхъ правъ и фактически низведена на степень безправной провинціи. Радикальный ораторъ и публицистъ, Лабушеръ, съ своей стороны, соглашаясь съ необходимостью назначить средства на содержаніе королевской фамиліи, настаивалъ на излишествѣ нѣкоторыхъ затратъ, связанныхъ съ существованіемъ такого „безполезнаго средневѣковаго учрежденія, какъ дворъ“, и совѣтовалъ уменьшить смѣту требуемыхъ расходовъ до 415 тысячъ фунтовъ. Въ засѣданіи 10 іюня Лабушеръ повторилъ свои аргументы, доказывая историческими справками, что коронныя имѣнія принадлежали королю только какъ главѣ государства, а не по праву частной собственности, и потому переходъ ихъ въ казну не увеличилъ правъ короны на полученіе средствъ отъ государственнаго казначейства. Большинство высказалось, конечно, противъ толкованія Лабушера, который нашелъ въ палатѣ 67 единомышленниковъ. Представитель рабочихъ, Кейръ-Гарди, объявившій себя раньше — вѣроятно по недоразумѣнію—республиканцемъ, по-

Digitized by Google

желалъ выдѣлить королевѣ 50 тысячъ фунтовъ въ годъ, вмѣсто получаемыхъ ею отъ короля 33 тысячъ. Особенно энергично возражали тѣ же члены парламента противъ назначенія 30 тысячъ фунтовъ въ годъ наслѣднику престола и его супругѣ, ссылаясь на получаемые ими доходы съ герцогства Корнваллійскаго; но Бальфуръ увѣрилъ противниковъ, что нынѣшній король, будучи наслѣдникомъ, получалъ значительно больше. Любопытно, что радикалъ Лабушеръ находилъ неудобнымъ точное опредѣленіе различныхъ статей расхода въ королевскомъ бюджетѣ, такъ какъ, по его словамъ, „болѣе почтительно было бы предоставить королю расходовать свои деньги по усмотрѣнію". Канцлеру казначейства пришлось здѣсь вступиться за права парламента, который лишился бы возможности какого бы то ни было контроля относительно придворныхъ чиновъ, еслибы означенное перечисленіе было исключено изъ бюджета. Сэръ Вильямъ Гаркортъ поддержалъ въ этомъ случаѣ консерватора Бальфура, напомнивъ, что по всегдашней конституціонной практикѣ парламентъ долженъ въ точности указывать, какъ должны распредѣляться суммы, входящія въ составъ „цивиль-листа", и что нарушеніе этого правила при Георгѣ III повело къ большимъ злоупотребленіямъ.

Въ концѣ концовъ, эти щекотливые вопросы обсуждались въ чисто-дѣловомъ тонѣ, безъ всякихъ партійныхъ тенденцій: не замѣтно было разницы въ мнѣніяхъ между консерваторами и либералами; а радикалы и соціалисты обнаруживали иногда готовность допускать уступки, которыя казались нежелательными самимъ министрамъ. Монархія, какъ общее національное учрежденіе, представляетъ или должна представлять одинаковый интересъ для всѣхъ партій; ни одна изъ общественныхъ и парламентскихъ группъ не осмѣливается брать корону подъ свое спеціальное покровительство и выступать отъ ея имени, намекая на свою солидарность съ идеями и цѣлями носителей королевской власти, какъ это практикуется часто въ другихъ странахъ. Въ Англіи совершенно не существуетъ того разряда охранителей, который подъ предлогомъ благонамѣреннаго усердія присвоивалъ бы себѣ право розыска относительно монархическихъ чувствъ обывателей и пріобрѣталъ бы такимъ способомъ привилегированное положеніе въ странѣ. Корона въ Англіи охраняется законами, учрежденіями и нравами, и она не нуждается, повидимому, въ иной охранѣ. Если кто-нибудь позволитъ себѣ напечатать или распространять оскорбительные отзывы о лицахъ королевской фамиліи, то онъ подлежитъ за это суровой карѣ закона по суду; администрація въ подобныхъ случаяхъ можетъ только налагать арестъ на противозаконное произведеніе печати, да и то подъ страхомъ отвѣтственности предъ судомъ въ случаѣ ошибочнаго истолкованія и примѣненія закона. Недавно такого рода мѣра

Digitized by Google

принята была въ Дублинѣ противъ газеты „Irish People", органа ирландской лиги, за напечатаніе несомнѣннаго пасквиля противъ короля, и несмотря на то, что дѣло шло лишь о задержаніи одного нумера газеты, который можно было перепечатать безъ преступной статейки, ирландскіе представители въ парламентѣ подняли по этому поводу сильный шумъ и рѣзко привлекли къ отвѣту министра по дѣламъ Ирландіи. На запросъ Диллона министръ отвѣчалъ, что арестъ произведенъ былъ съ цѣлью предупредить распространеніе пасквиля и что мѣстныя полицейскія власти дѣйствовали согласно общему закону, уполномочивающему предупрежденіе преступленій. Диллонъ обратилъ вниманіе палаты на незаконныя дѣйствія администраціи, стремящейся подорвать свободу печати въ Ирландіи и возстановить старинную систему произвола. „Задержанный нумеръ газеты—по словамъ Диллона—дѣйствительно заключалъ въ себѣ горячее нападеніе на короля; но ирландской исполнительной власти не подобало рѣшать, былъ ли напечатанъ мятежный пасквиль противъ его величества. Это—вопросъ, относящійся исключительно къ компетенціи суда. Въ англійскихъ газетахъ помѣщались въ прошлое царствованіе оскорбительныя статьи о королевѣ, и никакихъ преслѣдованій не предпринималось". Редмондъ подкрѣпилъ заявленіе своего коллеги догадкой, что истиннымъ мотивомъ задержанія газеты было помѣщеніе въ томъ же нумерѣ полнаго текста рѣчи, содержащей въ себѣ нападки на министра по дѣламъ Ирландіи. Министръ (или собственно „главный секретарь для Ирландіи") представилъ палатѣ подробный отчетъ объ обстоятельствахъ ареста нумера „Irish People"; онъ лично распорядился принять эту мѣру, какъ только ему передали по телеграфу сущность статьи противъ короля, и прежде еще чѣмъ онъ могъ узнать о нападкахъ газеты на него лично. По его мнѣнію, „не только правительство, но и всякое частное лицо изъ числа вѣрныхъ подданныхъ короны имѣло по закону право и обязанность" помѣшать распространенію столь гнуснаго пасквиля. Однако Редмондъ полагалъ, что арестъ возбудилъ только преувеличенный и всеобщій интересъ къ задержанному нумеру газеты, многіе экземпляры котораго остались все-таки свободными и успѣли распространиться въ публикѣ; но какъ бы то ни было, оцѣнка такихъ преступленій печати—дѣло суда, а не администраціи. Въ преніяхъ участвовалъ и „лидеръ" палаты, Бальфуръ; за нимъ говорили еще бывшій либеральный министръ Аскитъ, Лабушеръ, О'Коннеръ, Бринъ-Робертсъ и Бернсъ. „Нѣтъ достаточно сильныхъ эпитетовъ,—сказалъ между прочимъ министръ Бальфуръ,—для обозначенія этого пасквиля, направленнаго противъ особы, которая въ такихъ случаяхъ является особенно безпомощною; ибо монархъ, благодаря своему высокому положенію, менѣе способенъ отразить по-

Digitized by Google

добныя нападенія, чѣмъ любой изъ его подданныхъ. Совершено было грубое нарушеніе общественнаго приличія и общественной морали. Если исполнительные органы дѣйствовали неправильно, то націоналистская партія имѣетъ противъ этого надлежащее лекарство, такъ какъ судебныя учрежденія имъ открыты. Великое и священное дѣло свободы печати не пострадало отъ того, что задержано распространеніе грязныхъ выходокъ противъ главы государства въ его частной жизни". Въ томъ же смыслѣ высказался и Аскитъ; онъ еще сильнѣе подчеркнулъ истинное положеніе англійской администраціи въ дѣлахъ, касающихся печати. Указавъ на то, что палата не можетъ постановить никакого рѣшенія по вопросу о степени законности принятой мѣры, Аскитъ замѣтилъ, что въ этой области „исполнительная власть имѣетъ не больше правъ, чѣмъ первый встрѣчный человѣкъ на улицѣ: пусть завтра же заинтересованная сторона обратится въ компетентный судъ, и правительство не въ состояніи будетъ прикрыться какою-либо привилегіею". Палата превысила бы свои полномочія, еслибы вмѣшалась въ это дѣло. Изъ остальныхъ замѣчаній можно привести еще мнѣніе соціалиста Бернса, что „король по всей вѣроятности бросилъ бы предполагаемый пасквиль въ корзину, еслибы содержаніе статьи было доведено до его свѣдѣнія". Любопытнѣе всего то, что самъ король, по позднѣйшимъ свѣдѣніямъ, раздѣляетъ точку зрѣнія Бернса; онъ выразилъ, какъ говорятъ, свое неудовольствіе по поводу усердія ирландскихъ властей и далъ понять, что было бы гораздо лучше предоставить общественному мнѣнію противодѣйствовать распространенію пасквилей, направленныхъ противъ короны. Не надо забывать, что редакція „Irish People", какъ признаются и ирландскіе депутаты, совершила проступокъ, сурово караемый уголовнымъ судомъ и оставленный въ данномъ случаѣ безъ преслѣдованія; виновники отдѣлались лишь легкимъ административнымъ воздѣйствіемъ, которое, какъ оказывается, могло быть предпринято и по почину любого частнаго лица, въ силу общихъ законовъ о предупрежденіи преступленій. Такимъ образомъ, газета не только не пострадала отъ произвола администраціи, но еще выиграла отъ нежеланія ея возбудить судебный процессъ, который привелъ бы къ ненужному оглашенію возмутительной статейки; — и однако ирландскіе націоналисты негодуютъ, взываютъ къ суду и жалуются на незаконное стѣсненіе свободы печати! Обращаться въ самомъ дѣлѣ къ суду имъ нѣтъ никакого разсчета, ибо никому нѣтъ охоты навлекать на себя законную кару изъ принципа; но они горячо протестуютъ, обрушиваются съ негодованіемъ на правительство и повидимому искренно чувствуютъ себя жестоко обиженными. Если судить по этому эпизоду съ газетою „Irish People", то исключительныя полномочія администраціи въ Ирландіи могутъ назы-

Digitized by Google

ваться исключительными только по особой англійской терминологіи, мало доступной языкамъ другихъ странъ. Ирландскія жалобы въ этомъ случаѣ и вызванныя ими парламентскія разъясненія подтверждаютъ только старую истину, что все относительно въ этомъ мірѣ.

Главнымъ источникомъ разлада среди политическихъ партій въ Англіи остается упорно продолжающаяся война въ южной Африкѣ. Опустошеніе значительной части территоріи Трансвааля и Оранжевой республики, сожженіе мѣстныхъ фермъ и безпощадное уничтоженіе имущества боэровъ, подъ предлогомъ отнятія средствъ и точекъ опоры у враждебныхъ партизанскихъ отрядовъ, постоянныя кровавыя стычки, усиленное развитіе смертности и болѣзней,—все это превратило войну въ мучительную колоссальную трагедію не только для прямыхъ участниковъ, но и для многихъ тысячъ ни въ чемъ неповинныхъ жителей, особенно женщинъ и дѣтей. Британскія военныя власти устроили обширные спеціальные лагери для семействъ сражающихся или погибшихъ боэровъ и для людей, оставшихся безъ крова; эти люди и семейства содержатся въ качествѣ военноплѣнныхъ для того, чтобы побудить ихъ родныхъ и близкихъ бросить оружіе и подчиниться англійскому владычеству, а отчасти, можетъ быть, и для того, чтобы не дать умереть съ голода бѣдствующимъ въ разоренной странѣ. Корреспонденты патріотическихъ газетъ сообщаютъ, что положеніе боэрскихъ семействъ въ главнѣйшихъ изъ этихъ лагерей должно быть признано довольно сноснымъ; для дѣтей устраиваются развлеченія, основываются школы—голландскія и англійскія, и послѣднія будто бы посѣщаются съ наибольшимъ усердіемъ. Попытка дѣлать различіе даже въ количествѣ раздаваемой пищи между семействами сражающихся боэровъ и мирныхъ обывателей—отмѣнена, послѣ рѣзкихъ осужденій, вызванныхъ ею въ англійской печати, и весьма вѣроятно, что въ послѣднее время употребляются серьезныя усилія смягчить участь обитателей этихъ странныхъ и ужасныхъ лагерей, насколько это доступно для мѣстной военной администраціи, озабоченной своими собственными бѣдствіями и нуждами. Но самый фактъ принудительнаго скопленія женщинъ и дѣтей въ немногихъ отгороженныхъ мѣстахъ до того противорѣчитъ элементарнымъ гигіеническимъ требованіямъ,—не говоря уже объ условіяхъ и обычаяхъ культурной жизни,—что было бы наивно принимать на вѣру оптимистическія описанія англійскихъ газетныхъ патріотовъ. Между англичанами есть и просвѣщенные, глубоко гуманные и самоотверженные дѣятели, постоянно раскрывающіе злоупотребленія отечественныхъ властей и бичующіе зловредныя оправдательныя теоріи злобнаго, бездушнаго патріотизма; и эта благородная работа ничѣмъ не можетъ быть остановлена или стѣснена, при существующихъ въ Англіи законахъ и порядкахъ. На банкетѣ „Na-

Digitized by Google

tional Reform Union" въ Лондонѣ, 14 іюня, сэръ Кемпбель-Баннерманъ заявилъ, что „война въ южной Африкѣ ведется варварскими способами" и что необходимо добиться болѣе точныхъ свѣдѣній объ обращеніи съ боэрами въ „лагеряхъ сосредоточенія". Сэръ Гаркортъ выразился, что правительство и парламентское большинство обнаруживаютъ признаки старческаго безсилія; онъ считаетъ войну „величайшимъ изъ несчастій, какія выпали на долю британской націи въ новѣйшее время". Въ основѣ этой войны лежитъ „преступленіе, организованное бывшимъ первымъ министромъ Капской колоніи, въ видѣ вооруженнаго набѣга на Трансвааль". Въ томъ же духѣ говорилъ и Джонъ Морлей. Многіе либералы, и между ними такіе выдающіеся, какъ сэръ Эдуардъ Грей, Аскитъ, Тревельянъ, Лаусонъ и другіе, не присутствовавшіе на банкетѣ, находили, что несправедливо нападать на правительство за практикуемые имъ варварскіе способы войны, пока нѣтъ о нихъ точныхъ извѣстій. По мнѣнію этихъ либераловъ, многое изъ того, что происходило въ упомянутыхъ лагеряхъ, достойно сожалѣнія; но впослѣдствіи сдѣланы разныя улучшенія, нѣкоторыя изъ наиболѣе осуждаемыхъ мѣръ перестали примѣняться, и правительство по возможности старается улучшить условія жизни плѣнныхъ боэровъ и ихъ семействъ. Притомъ всякая война влечетъ за собою неисчислимыя страданія, и положеніе лицъ, собранныхъ въ лагеряхъ, было бы еще хуже, еслибы они были оставлены на произволъ судьбы. Что касается коренной причины этихъ ужасовъ, то нельзя относить ее ни къ набѣгу Джемсона, ни къ политикѣ Англіи и ея министровъ; война вызвана была непосредственно боэрами и ихъ правителями, которые понадѣялись на поддержку Германіи и другихъ державъ. Такой точки зрѣнія держится нынѣ огромное большинство англичанъ; подобные же взгляды раздѣляются значительною частью либеральной партіи, съ Аскитомъ во главѣ.

Вопросъ о судьбѣ боэрскихъ семействъ былъ поставленъ и въ парламентѣ, въ засѣданіи 17 іюня. Военный министръ сообщилъ, что въ „лагеряхъ сосредоточенія" въ южной Африкѣ содержится всего 63.127 человѣкъ, а именно въ Трансваалѣ 37.739, въ территоріи Оранжевой рѣки 20.374, въ Наталѣ 2.524, и въ Капской колоніи 2.490. Въ трансваальскихъ лагеряхъ умерло въ теченіе мая мѣсяца 39 мужчинъ, 47 женщинъ и 250 дѣтей; въ лагерѣ при Іоганнесбургѣ за тотъ же періодъ времени умерло двѣнадцать взрослыхъ и 68 дѣтей. Либеральный членъ палаты, Ллойдъ-Джоржъ, предложилъ отсрочить засѣданіе, чтобы выразить протестъ противъ безцѣльныхъ жестокостей, совершаемыхъ въ южной Африкѣ; онъ требовалъ, чтобы правительство немедленно приняло надлежащія мѣры къ прекращенію того порядка вещей, о которомъ свидѣтельствуетъ сообщеніе военнаго министра.

Digitized by Google

Ллойдъ-Джоржъ прочиталъ затѣмъ выдержки изъ отчетовъ одного англійскаго филантропа, ѣздившаго въ южную Африку съ спеціальною цѣлью осмотрѣть лагери и помочь нуждающимся; женщины и дѣти скучены въ плохихъ палаткахъ, получаютъ пищу нерѣдко дурного качества и терпятъ отъ многихъ неудобствъ. Такъ какъ большинство этихъ лицъ удерживается въ лагеряхъ противъ воли, то съ ними надо было бы по крайней мѣрѣ обращаться болѣе внимательно. „Держать ихъ въ настоящемъ положеніи,—закончилъ свою рѣчь Ллойдъ-Джоржъ,—не позволяетъ ни человѣчность, ни разумная политика, и парламентъ обязанъ вмѣшаться для ихъ защиты". Другой ораторъ, м-ръ Эллисъ, указалъ на „дьявольскую систему", нынѣ уже оставленную, и заключавшуюся въ уменьшеніи количества пищи для семействъ тѣхъ боэровъ, которые находятся въ рядахъ дѣйствующихъ непріятельскихъ отрядовъ; онъ особенно настаивалъ на улучшеніи санитарныхъ условій и совѣтовалъ разрѣшить англійскимъ дамамъ посѣщать лагери и госпитали для оказанія помощи женщинамъ и дѣтямъ. Военный министръ Бродрикъ пытался въ длинной рѣчи опровергнуть приведенныя обвиненія и объяснить невозможность предупрежденія многихъ бѣдствій въ военное время; снабжать достаточнымъ продовольствіемъ не только армію въ 250 тысячъ человѣкъ, но еще 63 тысячи семействъ, содержаніе которыхъ было бы непосильно для непріятеля, — задача крайне трудная, и нельзя особенно строго критиковать администрацію за возможные недостатки и недочеты. Въ лагеряхъ дается та же самая пища, какая получается и англійскими солдатами, и если въ данный моментъ нѣтъ на мѣстѣ ничего лучшаго, то въ этомъ не виновато правительство. Вѣрнѣйшимъ средствомъ покончить съ тяжелымъ положеніемъ дѣлъ въ южной Африкѣ было бы прекращеніе войны, а это всецѣло зависитъ отъ боэровъ и ихъ вождей. Политическій исходъ борьбы уже не можетъ быть измѣненъ, а заступничество англійской оппозиціи только поощряетъ боэровъ къ безплодному сопротивленію, давая имъ напрасную надежду на спасительный для нихъ поворотъ въ политикѣ Англіи. Объясненія и доводы Бродрика, конечно, не подѣйствовали на убѣжденныхъ и искреннихъ защитниковъ гуманности въ парламентѣ. Сэръ Кемпбель-Баннерманъ откровенно высказалъ мнѣніе, что система сосредоточенія мирныхъ жителей и семействъ въ особыхъ лагеряхъ есть система варварская; онъ не вѣритъ, чтобы тамъ собраны были бѣглецы, искавшіе спасенія отъ голодной смерти и отъ нападеній кафровъ; во всякомъ случаѣ, необходимо отпустить на свободу женщинъ, у которыхъ сохранились фермы или которыя имѣютъ родственниковъ и друзей въ Капской колоніи. Правительство должно бы также послать соотвѣтственный штатъ врачей и сидѣлокъ и сдѣлать вообще все то, что̀ предписывается

Digitized by Google

долгомъ человѣчности. Изъ либеральныхъ членовъ палаты, несогласныхъ съ вождемъ оппозиціи, выступилъ только одинъ м-ръ Гальдэнъ, встрѣченный неодобрительными возгласами среди своей партіи; онъ выразилъ сожалѣніе, что въ пренія внесена излишняя страстность и что употреблены такія выраженія, какъ „варварскій". Никто, по его словамъ, не сочувствуетъ насильственному сосредоточенію мирныхъ боэровъ и ихъ семействъ въ немногихъ пунктахъ; но онъ не знаетъ, чѣмъ замѣнить эту мѣру при данныхъ обстоятельствахъ. Въ результатѣ, палата большинствомъ 252 голосовъ противъ 149 постановила перейти къ другимъ предметамъ, стоявшимъ на очереди, такъ что предложеніе Ллойда-Джоржа было отклонено. Единомышленники Аскита и сэра Эдуарда Грея, въ числѣ около пятидесяти человѣкъ, воздержались отъ участія въ голосованіи, что̀ подало поводъ къ толкамъ о новомъ распаденіи и безъ того расшатанной либеральной партіи. Это распаденіе касается пока только спеціальной группы вопросовъ, относящихся до южно-африканской войны; но, очевидно, оно обнимаетъ цѣлую область иностранной политики, задачи которой понимаются совершенно различно обѣими фракціями. Группа Аскита, въ сущности, теперь солидарна съ уніонистами, которые отдѣлились отъ либераловъ сначала на почвѣ отношеній къ Ирландіи, а затѣмъ изъ-за международныхъ отношеній въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Движеніе въ пользу или, вѣрнѣе, въ защиту боэровъ, оффиціально признаваемое почти измѣннническимъ, свободно проявляется въ Англіи; недавно еще (19 іюня н. ст.) собирался въ Лондонѣ многолюдный и шумный митингъ, подъ предсѣдательствомъ Лабушера, при участіи многихъ членовъ парламента, для выраженія протеста противъ южно-африканской политики правительства. Послѣ содержательной рѣчи бывшаго министра Капской колоніи, Зауера, Ллойдъ-Джоржъ предложилъ слѣдующую резолюцію: „Митингъ осуждаетъ политику правительства въ южной Африкѣ, какъ противорѣчащую высшимъ интересамъ и благороднѣйшимъ традиціямъ британской націи; протестуетъ противъ продолженія несправедливой и опустошительной войны и требуетъ скорѣйшаго предложенія бургерамъ обѣихъ республикъ такихъ условій мира, какія могутъ быть съ честью приняты храбрымъ и свободолюбивымъ народомъ". Другая резолюція, предложенная Джономъ Диллономъ, формулирована была гораздо рѣзче: „Митингъ выражаетъ чувства негодованія и ужаса по поводу дѣйствій правительства, заключающихся въ употребленіи британской арміи въ южной Африкѣ для варварской работы по сожженію фермъ, для арестованія женщинъ и дѣтей и содержанія ихъ въ зачумленныхъ лагеряхъ, и требуетъ немедленной отмѣны этой системы „сосредоточенія", которая была всѣми осуждена во время установленія ея испанцами на островѣ Кубѣ, какъ оскорбле-

Digitized by Google

ніе для войскъ, вынужденныхъ исполнять приказы, противные чести и достоинству порядочныхъ людей". Обѣ резолюціи были приняты большинствомъ, и митингъ, продолжавшійся около трехъ часовъ, доведенъ былъ благополучно до конца, несмотря на неоднократныя попытки патріотовъ нарушить порядокъ разными скандальными выходками и столкновеніями. По увѣренію лондонскихъ газетъ, давно уже не бывало публичнаго собранія, которое потребовало бы такого количества пѣшихъ и конныхъ полицейскихъ силъ для охраны уличнаго спокойствія, какъ этотъ митингъ „за боэровъ"; громадная толпа народа стояла передъ зданіемъ, гдѣ происходило сборище, и наполняла прилегающія улицы; а полиція, по обыкновенію, усердно оберегала анти-правительственный митингъ отъ покушеній противниковъ, которые по неволѣ должны были довольствоваться громкими возгласами въ честь британской арміи и наиболѣе популярныхъ ея генераловъ. Англійское общество раскололось какъ будто на двѣ части, и съ обѣихъ сторонъ замѣчается одинаковая страстность; но насколько можно судить по внѣшнимъ признакамъ, народныя массы находятся не на сторонѣ оппозиціи. Народъ несомнѣнно хочетъ окончанія войны, но не видитъ пользы въ запоздаломъ великодушіи, послѣ тяжелыхъ жертвъ, когда непріятель фактически уже почти лишенъ возможности дальнѣйшаго сопротивленія. Правительство же твердо стоитъ на разъ усвоенной точкѣ зрѣнія, въ надеждѣ на скорую добровольную сдачу послѣднихъ войскъ боэровъ; на манифестаціи миролюбцевъ оно отвѣчаетъ своими манифестаціями, возводитъ въ герои посредственнаго, но энергическаго администратора британской южной Африки, сэра Альфреда Мильнера, награждаетъ его званіемъ пэра, подъ именемъ барона Сенъ-Джемсъ и Каптаунъ, и на каждомъ шагу подтверждаетъ свою безповоротную рѣшимость подчинить злосчастныя южно-африканскія республики британскому владычеству. Въ близкомъ будущемъ этимъ республикамъ обѣщается полная внутренняя автономія, по образцу Капской колоніи, и еслибы боэры могли соблазниться такой перспективою, то миръ былъ бы давно уже заключенъ. Но и боэры не хотятъ отказаться отъ послѣдней надежды; они боролись слишкомъ долго и потеряли уже слишкомъ много, чтобы рѣшиться на подчиненіе, пока есть у нихъ въ рукахъ оружіе. Въ интересахъ человѣчества слѣдовало бы желать, чтобы эта мужественная горсть боэровъ примирилась съ неизбѣжнымъ и чтобы съ своей стороны англичане облегчили имъ этотъ заключительный актъ геройскаго самоотверженія. Къ несчастью, цѣли такого рода не достигаются при помощи дѣятелей, подобныхъ лорду Мильнеру и Чамберлэну.

Характерныя черты англійскаго колоніальнаго управленія обрисовываются съ поучительною наглядностью въ газетныхъ корреспонден-

Digitized by Google

ціяхъ о пребываніи наслѣдника престола, герцога Корнваллійскаго, въ Австраліи. Отдѣльныя автономныя колоніи, имѣющія свои выборныя законодательныя палаты и своихъ отвѣтственныхъ министровъ, подъ контролемъ британскихъ губернаторовъ,—Викторія, Кинслендъ, Новый южный Валлисъ, Тасманія, Новая Зеландія, Южная и Западная Австралія,—образовали федерацію, для которой конституція была выработана участвующими государствами и утверждена правительствомъ метрополіи послѣ долгихъ переговоровъ и частичныхъ передѣлокъ. Первый соединенный парламентъ Австраліи торжественно открылся въ Мельбурнѣ 9 мая, въ присутствіи герцога Корнваллійскаго и высшихъ британскихъ властей. Въ празднествахъ, устроенныхъ по случаю этого событія, принимали дѣятельное участіе всѣ классы населенія; передъ герцогомъ проходили тысячи членовъ разныхъ обществъ съ знаменами, члены мѣстныхъ рабочихъ союзовъ съ знаменемъ, сохранившимся еще съ 1856 года и имѣющимъ на себѣ надпись: „восьмичасовой рабочій день", причемъ впереди шли старѣйшіе изъ дѣятелей этого движенія; произнесены были многочисленныя оффиціальныя публичныя рѣчи, въ которыхъ излагались программы будущаго политическаго и культурнаго развитія союзныхъ странъ. Такія же празднества повторялись затѣмъ въ другихъ центрахъ австралійскихъ колоній, при послѣдовательномъ объѣздѣ ихъ герцогомъ Корнваллійскимъ и его свитою; только въ Окландѣ (на островѣ того же имени, принадлежащемъ къ Новой Зеландіи) настроеніе было отчасти испорчено любопытнымъ инцидентомъ: туземные маорисы устроили политическую манифестацію противъ перваго министра колоніи, м-ра Седдона, распоряженіями котораго они были почему-то недовольны. Маорисы не сомнѣвались въ своемъ правѣ открыто выражать неудовольствіе противъ правительства, и это право съ такою же безспорностью признаетъ за ними и глава ново-зеландскаго министерства, м-ръ Седдонъ. Трансваалю и Оранжевой республикѣ предстоитъ со временемъ водвореніе подобнаго же режима, который самъ по себѣ не заключаетъ въ себѣ ничего устрашающаго для населенія.

Въ Берлинѣ состоялось 16 іюня съ большою торжественностью открытіе памятника Бисмарку, воздвигнутаго передъ зданіемъ имперскаго сейма. Колоссальная бронзовая статуя на гранитномъ пьедесталѣ изображаетъ „желѣзнаго канцлера" въ надменной, вызывающей позѣ, которая многимъ кажется выраженіемъ величія и могущества; онъ грозно смотритъ на западъ, опираясь на эфесъ своей шпаги; военный мундиръ и тяжелая прусская каска, сдвинутая нѣсколько назадъ, придаютъ ему видъ кавалерійскаго генерала, задумавшаго смѣлую, но

Digitized by Google

рискованную аттаку для нанесенія рѣшительнаго удара непріятельскимъ войскамъ. Внизу расположены фигуры, долженствующія символически опредѣлить значеніе Бисмарка и его дѣятельности: Атласъ держитъ на плечахъ земной шаръ, согнувшись подъ его тяжестью; кузнецъ—по нѣкоторымъ догадкамъ Зигфридъ—куетъ огромный мечъ; женщина въ классическомъ одѣяніи, съ жезломъ въ рукѣ, упирается одной ногой въ спину дракона, или, какъ полагаетъ „Berliner Tageblatt"—издыхающей пантеры; по мнѣнію названной газеты, „эта женщина съ суровымъ и величественнымъ лицомъ должна олицетворять энергію Бисмарка"; другіе думаютъ, что это—традиціонная фигура Германіи. Есть еще женщина, сидящая на сфинксѣ и погруженная въ чтеніе старинной книги. „Воплощаетъ ли она государственную мудрость канцлера?—спрашиваетъ проницательный сотрудникъ „Berliner Tageblatt";—но едва ли,—прибавляетъ онъ съ осторожностью,—эта фигура соотвѣтствуетъ характеру Бисмарка". Другіе догадываются, что это—муза исторіи. Въ общемъ получается впечатлѣніе чего-то очень крупнаго, но безвкуснаго.

Императоръ Вильгельмъ II, вопреки обыкновенію, не произнесъ никакой рѣчи при открытіи монумента; онъ возложилъ только вѣнокъ съ краткою, но весьма краснорѣчивою надписью: „Великаго императора великому слугѣ". Зато говорилъ—и очень хорошо говорилъ—имперскій канцлеръ, графъ Бюловъ, который, однако, не принялъ во вниманіе истиннаго смысла этой надписи; онъ приписалъ Бисмарку самостоятельную роль въ созданіи и укрѣпленіи новой германской имперіи, упомянувъ о „Вильгельмѣ Великомъ" только для красоты слога. Нѣмецкія газеты сообщаютъ по этому поводу о скрытой размолвкѣ между Вильгельмомъ II и его канцлеромъ, и предвидятъ даже возможность отставки Бюлова, чему, однако, никто не вѣритъ.

Digitized by Google

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1901.

— Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго въ двѣнадцати томахъ, подъ редакціею и съ примѣчаніями С. А. Венгерова. Томи I—IV. Спб. 1900—1901.

Въ 1898 году прошелъ пятидесятилѣтній срокъ по смерти Бѣлинскаго, и по нашимъ законамъ о печати сочиненія его перешли въ общественное достояніе. Память Бѣлинскаго вызвала цѣлую литературу, довольно значительную: сообщеніе нѣкоторыхъ новыхъ фактовъ его біографіи, неизданныхъ писемъ; опыты новыхъ историческихъ опредѣленій и оцѣнокъ, гдѣ къ согласному представленію его высокаго значенія въ развитіи литературныхъ и общественныхъ понятій присоединились, какъ и подобало, ненавистническіе голоса новѣйшихъ обскурантовъ, продолжавшихъ преданія обскурантовъ старыхъ; появились, наконецъ, выборки изъ самыхъ сочиненій Бѣлинскаго. Недоставало одного основного труда, который завершилъ бы достойнымъ образомъ эти знаменательныя историческія поминки,—именно недоставало новаго, обстоятельнаго, по возможности полнаго, критически обставленнаго изданія сочиненій Бѣлинскаго. Предпріятіе г. Венгерова обѣщаетъ выполнить эту задачу, и вышедшіе до сихъ поръ четыре тома свидѣтельствуютъ, что она выполняется съ обычной у автора обстоятельностью и полнотой.

До послѣдняго времени единственнымъ изданіемъ Бѣлинскаго было извѣстное изданіе Солдатенкова, въ двѣнадцати томахъ. Въ свое время это изданіе было великой заслугой. По смерти Бѣлинскаго, имя его было вычеркнуто цензурой изъ литературы: еще въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ, когда писались „Очерки Гоголевскаго періода“, Бѣлинскій не могъ быть названъ и оставался безъименнымъ „критикомъ Гоголевскаго періода“. Какъ только явилась первая возможность, Солдатенковъ пріобрѣлъ у семьи право изданія сочиненій, чѣмъ вмѣстѣ оказалъ ей существенную матеріальную поддержку. Исполни-

Digitized by Google

телемъ изданія сталъ Н. Х. Кетчеръ, давній другъ Бѣлинскаго, извѣстный переводчикъ Шекспира. Впослѣдствіи, изданію дѣлали упреки въ неполнотѣ; но въ тѣ времена, сорокъ лѣтъ назадъ, еще не развилась, какъ теперь, критическая требовательность; во времена Бѣлинскаго смѣялись, даже негодовали, когда усердные издатели собирали всякія мелочи, полагая, что „намъ дорога каждая строка, оставленная великимъ, или извѣстнымъ, писателемъ". Кетчеръ, въ такихъ же мысляхъ, не счелъ нужнымъ печатать *всего*, написаннаго Бѣлинскимъ, намѣренно не помѣстилъ длиннаго ряда мелкихъ рецензій, но, впрочемъ, перечислилъ пропущенное; въ самыхъ статьяхъ онъ выпускалъ длинныя цитаты, и т. п. Въ то время, предъ почитателями Бѣлинскаго стояла другая цѣль—дать литературѣ основную массу его сочиненій, ставшихъ недоступными и долженствовавшихъ занять въ литературѣ подобающее имъ историческое мѣсто и оказать на новыя поколѣнія благотворное дѣйствіе ихъ нравственнаго и художественнаго энтузіазма. Не хотѣли, быть можетъ, и слишкомъ увеличивать размѣры изданія, которое и въ этомъ, не совершенно полномъ, составѣ дошло до двѣнадцати томовъ.

Своей цѣли изданіе достигло. Бѣлинскій былъ возвращенъ русской литературѣ послѣ тяготѣвшаго надъ нимъ остракизма, и положено было первое основаніе къ его историческому изученію. Г. Венгеровъ, въ предисловіи, судитъ объ этомъ старомъ изданіи слишкомъ строго. Онъ говоритъ:

„Въ немъ (изданіи Солдатенкова) очень много пропусковъ, а помѣщенное часто урѣзано. Редакторъ изданія К. Т. Солдатенкова—покойный Н. Х. Кетчеръ—не только не бралъ всѣхъ статей Бѣлинскаго (онъ совсѣмъ не включилъ больше 400 небольшихъ отзывовъ), но и въ томъ, что̀ бралъ, выбрасывалъ цѣлыя страницы и тирады. Въ особенности онъ былъ безжалостенъ къ цитатамъ, которыя ему, очевидно, казались лишнимъ балластомъ, хотя на самомъ дѣлѣ ничто такъ не содѣйствуетъ усвоенію мыслей критика, какъ удачно подобранныя выдержки. Не мало статей осталось ему и совершенно неизвѣстнымъ (и). Наконецъ, крупнѣйшимъ недочетомъ перваго собранія сочиненій Бѣлинскаго является то, что въ немъ совершенно нѣтъ одной изъ драгоцѣннѣйшихъ частей духовнаго наслѣдства Бѣлинскаго —его писемъ. Не стѣсняемый внѣшними соображеніями, Бѣлинскій въ письмахъ весь отдавался своему порыву и достигалъ силы изумительной. Въ письмахъ къ друзьямъ и въ знаменитомъ письмѣ къ Гоголю Бѣлинскій поднимался до вершинъ воодушевленія и негодующаго краснорѣчія.

„Указанные недочеты, оставляя въ сторонѣ разные недочеты второстепенные, ставятъ на очередь вопросъ объ изданіи полномъ и удо-

Digitized by Google

влетворяющемъ требованіямъ историко-литературной обстоятельности, съ провѣреннымъ и полнымъ текстомъ, съ историко-литературными комментаріями, съ объясненіями непонятныхъ уже теперь намековъ и неясностей, съ указаніемъ литературы предмета, съ портретами, рисунками, снимками, съ подробными указателями встрѣчающихся именъ и затронутыхъ сюжетовъ"...

Выше мы упомянули, чѣмъ могли объясняться сокращенія, сдѣланныя Кетчеромъ: безъ сомнѣнія, и въ его мысляхъ изданіе дѣлалось въ цѣляхъ не столько учено-критическихъ, сколько популярныхъ. Въ изданіи нѣтъ никакихъ критическихъ и историческихъ комментаріевъ; быть можетъ, отсутствіе ихъ, при тогдашнихъ взглядахъ цензуры, было просто требованіемъ благоразумной осторожности. Что касается „крупнѣйшаго недочета", это обвиненіе совсѣмъ несправедливо. Дѣло шло сорокъ лѣтъ тому назадъ; не говоря о томъ, что были вживѣ многіе корреспонденты Бѣлинскаго,—которые могли пока не желать появленія его писемъ,—самое содержаніе писемъ по тому времени могло бы встрѣтить немалыя затрудненія: „одна изъ драгоцѣннѣйшихъ частей духовнаго наслѣдства Бѣлинскаго" во многихъ случаяхъ и особенно „знаменитое письмо къ Гоголю" физически *не могли* явиться въ печати. Большой заслугой Солдатенкова, и вѣроятно также Кетчера, было то, что они собрали и сберегали это драгоцѣнное наслѣдіе.

Но справедливо то, что̀ говоритъ г. Венгеровъ по поводу изданій, явившихся съ 1898 года.

„Нашлись, къ сожалѣнію, „систематизаторы",—замѣчаетъ онъ,—которые (часто съ лучшими намѣреніями) выхватывали отдѣльныя страницы изъ разныхъ статей Бѣлинскаго и подгоняли ихъ подъ тѣ рубрики, которыя они произвольно устанавливали. Мы называемъ такое отношеніе кощунственнымъ потому, что всякая статья Бѣлинскаго есть одно органическое цѣлое, изъ котораго, какъ изъ пѣсни, какъ изъ стихотворенія, нельзя выкинуть ни одного слова, не лишивъ аромата, не ослабивъ внутренняго пламени, придающаго такое неотразимое обаяніе всему, что̀ вышло изъ-подъ пера великаго искателя истины. Бѣлинскій всегда писалъ статьи въ своего рода экстазѣ и выражалъ въ нихъ все то, что̀ его въ данный моментъ мучило и волновало, хотя бы оно непосредственно къ предмету статьи и не относилось. Это несомнѣнно приводило и къ длиннотамъ, и къ отступленіямъ, которыя иному „систематизатору" покажутся и лишними, и неидущими къ „дѣлу". Но именно эти-то „отступленія", этотъ-то порывъ выразить всю полноту внутренней работы высокаго духа и великаго сердца и составляетъ сущность литературнаго значенія Бѣлинскаго, и кастрировать ихъ—значитъ, вынимать изъ его статей жи-

Digitized by Google

вую душу. Вотъ почему, при желаніи издавать неполное собраніе сочиненій Бѣлинскаго, есть только одинъ способъ—давать избранныя статьи, но давать непремѣнно цѣликомъ. Такому условію вполнѣ удовлетворяютъ нѣкоторыя (въ ряду ихъ особенно изд. О. Н. Поповой, подъ ред. Н. А. Котляревскаго) изъ появившихся въ 1898 году изданій, и нельзя не пожелать имъ самаго полнаго успѣха. Еще большаго сочувствія заслуживаетъ мысль издавать отдѣльныя статьи Бѣлинскаго и по дешевой цѣнѣ пускать ихъ въ большую публику. Такимъ путемъ нѣсколько издателей сдѣлали общимъ достояніемъ знаменитый „восьмой томъ“ прежняго 12-томнаго изданія, т.-е. статьи о Пушкинѣ, превратившіяся у Бѣлинскаго въ цѣлый курсъ исторіи русской литературы“.

Настоящее изданіе Бѣлинскаго должно выполнить ту программу, которая выше указана была г. Венгеровымъ: это должно быть полное изданіе сочиненій съ подробнымъ историко-литературнымъ комментаріемъ. Общій планъ его поставленъ такъ:

„Томы I—X будутъ заключать въ себѣ все, что̀ когда-либо вышло изъ-подъ пера Бѣлинскаго. Войдутъ: 1) Всѣ статьи, уже напечатанныя въ первомъ собраніи сочиненій, но въ полномъ видѣ, безъ урѣзокъ. 2) Всѣ небольшіе отзывы и рецензіи (478), только названные въ первомъ изданіи, но опущенные тамъ „по незначительности“. Списокъ ихъ, составленный А. Д. Галаховымъ, прилагался къ каждому тому прежняго изданія. 3) Рядъ рецензій, не указанныхъ въ спискахъ Галахова. 4) Юношеская драма Бѣлинскаго. 5) Грамматика, составленная Бѣлинскимъ. 6) Переводы. Къ отдѣльнымъ статьямъ или въ концѣ тома будутъ даны примѣчанія и разнаго рода указанія и объясненія.

„Томъ XI будетъ посвященъ письмамъ. Въ поясненіяхъ къ нимъ предположено дать характеристики лицъ, съ которыми Бѣлинскій особенно усердно переписывался.

„Томъ XII будетъ посвященъ литературѣ предмета и указателямъ. Подъ „литературою предмета“ тутъ понимается не одно только перечисленіе статей, посвященныхъ Бѣлинскому. Предположено воспроизвести (полностью или въ существенныхъ извлеченіяхъ) всѣ статьи, которыя представляютъ біографическій или литературный интересъ, за исключеніемъ, конечно, цѣлыхъ сочиненій.

„По приблизительному разсчету, вмѣсто 220 печатныхъ листовъ прежнихъ изданій, въ нашемъ изданіи будетъ около 400.

„При разныхъ томахъ будутъ даны портреты Бѣлинскаго, членовъ его семьи и ближайшихъ друзей, виды Чембара, пензенской гимназіи, дома, гдѣ умеръ Бѣлинскій, могилы на Волковомъ кладбищѣ и много др.“

Въ исполненіе своей программы г. Венгеровъ наибольшую часть

Digitized by Google

перваго тома посвятилъ юношескимъ литературнымъ опытамъ Бѣлинскаго, помѣстилъ здѣсь его записную книжку со стихами, выписанными изъ журналовъ, его собственныя пробы стихотворства, драму „Дмитрій Калининъ", переводы съ французскаго и первую статью, съ которой началась серьезная критическая дѣятельность Бѣлинскаго, „Литературныя мечтанія". Къ этой послѣдней статьѣ г. Венгеровъ присоединилъ обширныя примѣчанія (чтобы объяснить различные отзывы Бѣлинскаго въ „Мечтаніяхъ"), и затѣмъ, чтобы опредѣлить степень зависимости или независимости Бѣлинскаго отъ Надеждина, г. Венгеровъ даетъ литературную біографію Надеждина и въ приложеніяхъ помѣщаетъ до ста страницъ выписокъ изъ тогдашнихъ его сочиненій.

Во второмъ томѣ помѣщены статьи Бѣлинскаго и переводы (съ французскаго), помѣщенные въ „Молвѣ" и „Телескопѣ" за 1834—1836 годы. Большею частью, статьи Бѣлинскаго состояли изъ короткихъ библіографическихъ отзывовъ о книгахъ и театральныхъ пьесахъ; но въ 1835 г. была написана вторая, послѣ „Мечтаній", крупная и знаменательная статья „о русской повѣсти и повѣстяхъ г. Гоголя", „отчетъ" издателю „Телескопа" о русской литературѣ. Въ концѣ г. Венгеровъ помѣстилъ обширныя примѣчанія, гдѣ кромѣ объясненія отдѣльныхъ частностей онъ касался и важныхъ историческихъ вопросовъ въ дѣятельности Бѣлинскаго, какъ, напр., тотъ, что Бѣлинскій былъ первымъ истолкователемъ глубокаго значенія Гоголя въ нашей литературѣ.

Въ третьемъ томѣ—окончаніе статей изъ „Телескопа" и „Молвы" 1836 года, „Основанія русской грамматики" и статьи изъ „Московскаго Наблюдателя" 1838 года. Въ концѣ—примѣчанія, гдѣ опять любопытныя объясненія литературныхъ и личныхъ отношеній Бѣлинскаго, напр. къ Полевому, кн. Вяземскому и пр.

Въ четвертомъ томѣ—статьи, литературныя и театральныя хроники, драма „Пятидесятилѣтній дядюшка или странная болѣзнь", изъ „Московскаго Наблюдателя" 1838—1839 года, и затѣмъ изъ „Литературныхъ прибавленій къ Русск. Инвалиду" и „Отечественныхъ Записокъ" 1839—1840 г. Въ приложеніи—„Гимназическія рѣчи Гегеля" съ предисловіемъ переводчика, Михаила Бакунина; наконецъ опять примѣчанія, гдѣ кромѣ разныхъ частныхъ объясненій г. Венгеровъ посвятилъ особый трактатъ „Бакунинско-гегельянскому періоду жизни Бѣлинскаго".

Въ каждомъ томѣ являются приложенія,—портреты Бѣлинскаго въ разное время, портреты его друзей, факсимиле и т. п.

Нѣкоторые критики находили излишество въ обширныхъ приложеніяхъ, какъ перепечатка статей Надеждина и т. п.; изданіе стано-

Digitized by Google

вится точно хрестоматіей,—но мы не видимъ въ этомъ особой бѣды; напротивъ, многіе любители исторіи литературы съ удовольствіемъ встрѣтятъ эти приложенія—потому въ особенности, что изданія, какъ „Телескопъ", „Московскій Наблюдатель" и т. п., откуда онѣ взяты, составляютъ теперь большую библіографическую рѣдкость; немногія библіотеки владѣютъ ихъ полными экземплярами. Критическія замѣчанія даютъ вообще читателю очень цѣнныя указанія о взглядахъ Бѣлинскаго въ данное время, объ его литературныхъ отношеніяхъ и т. п. Таковы, напр., замѣчанія объ отношеніяхъ Бѣлинскаго къ Надеждину, Полевому, Бакунину и пр.; таковъ отвѣтъ нѣкоторымъ новѣйшимъ критикамъ, которые усиливались доказывать, что Бѣлинскій „не понималъ", какъ слѣдуетъ, философіи Гегеля и т. п. При этомъ, г. Венгеровъ,—не по обычаю, весьма распространенному,—увлекаясь изученіемъ Бѣлинскаго, умѣлъ сохранить безпристрастіе, и не однажды указываетъ ошибки, и довольно крупныя, въ его взглядахъ и отзывахъ (напр. однажды въ отношеніи къ кн. Вяземскому), иногда объясняя ихъ, напр., спѣшностью работы и забывчивостью, иногда не находя имъ объясненія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, объясненіе находилось, вѣроятно, въ какихъ-нибудь обстоятельствахъ, которыя извѣстны были внѣ литературы.

Въ послѣднихъ строкахъ предисловія г. Венгеровъ такъ говоритъ о внутреннемъ значеніи всей литературной дѣятельности Бѣлинскаго:

„Печать необыкновенно высокаго духа Бѣлинскаго лежитъ на каждой строчкѣ, имъ написанной, и оттого такъ жгучи понынѣ эти старыя журнальныя статьи и рецензіи, болѣе полувѣка тому назадъ написанныя и часто по поводамъ совершенно ничтожнымъ. Мысли старѣются и становятся банальными, что можно сказать про многія положенія Бѣлинскаго, превратившіяся въ труизмы. Но истинный паѳосъ никогда не старѣетъ и всегда сообщается читателю. И какъ вѣрующій, заглядывающій въ минуту поисковъ душевнаго утѣшенія въ псалтирь, находитъ въ ней слова успокоенія, хотя они сказаны совсѣмъ по иному поводу, такъ и сочиненія Бѣлинскаго, раскрытыя въ любомъ мѣстѣ, даютъ источникъ великаго наслажденія всякому, волнующемуся вопросами морали, назначенія литературы и выясненія истинныхъ задачъ человѣческаго существованія. Безграничное воодушевленіе Бѣлинскаго уноситъ и читателя его въ горныя вершины духа. Есть немногіе избранники, при встрѣчѣ съ которыми всякій нравственно подтягивается и куда-то далеко-далеко прячетъ всѣ мелкіе помыслы. Заразительно вѣдь не только зло, но и добро. Бѣлинскій—одинъ изъ такихъ избранниковъ. Въ этомъ было его значеніе въ кружкахъ превосходившихъ его знаніями пріятелей его; въ этомъ его значеніе и теперь. Въ его духовномъ присутствіи отпадаетъ все ничтож-

Digitized by Google

ное и пошлое, и всякій чувствуетъ неодолимую потребность чѣмъ-нибудь приблизиться къ его душевной чистотѣ и настроить себя въ унисонъ съ біеніемъ его великаго сердца".

Странно вспомнить, что этотъ писатель былъ одно время удаленъ изъ русской литературы, до послѣдняго времени былъ удаляемъ изъ русской школы, и въ годъ его пятидесятилѣтней памяти вызывалъ еще озлобленныя выходки новѣйшихъ обскурантовъ.

— В. Г. Бѣлинскій, какъ критикъ и создатель исторіи новой русской литературы. В. Покровскаго. М. 1899.

По поводу новаго изданія сочиненій Бѣлинскаго намъ вспомнилась книжка г. Покровскаго, такъ какъ въ ней затронутъ вопросъ о введеніи Бѣлинскаго въ школьное чтеніе, точнѣе—въ школьныя библіотеки. Г. Покровскій—дѣятельный педагогическій писатель и собиратель. Ему принадлежитъ обширная хрестоматія, сборникъ историческихъ изслѣдованій по разнымъ эпохамъ русской литературы, и хрестоматія сокращенная, книга о педагогическомъ значеніи класснаго чтенія, систематическій диктантъ, орѳографическій словарь, наконецъ сборникъ историко-литературныхъ статей Бѣлинскаго по новой литературѣ, наконецъ настоящая книжка.

Въ первыхъ словахъ г. Покровскій такъ характеризуетъ особенности литературнаго характера и дѣятельности Бѣлинскаго:

„Какъ въ *неорганической* природѣ и органической *животной*, среди обычныхъ, постоянно смѣняющихся явленій, къ которымъ присматривается человѣческій глазъ, не часто выпадаютъ такія, которыя или своею мощью, или неотразимо чарующими свойствами, на время затмевая въ нашемъ сознаніи другія, исключительно къ себѣ приковываютъ: такъ точно въ органической духовной природѣ человѣка, въ ряду поколѣній, непрерывно слѣдующихъ другъ за другомъ, очень рѣдко на общечеловѣческомъ горизонтѣ выдвинется лицо, которое или силою своего геніальнаго ума, или возвышенностью благороднѣйшихъ чувствъ, или величіемъ характера, просвѣтленнаго разумомъ, привлечетъ къ себѣ всеобщее вниманіе и становится предметомъ невольнаго и восторженнаго удивленія. Природа, далеко не расточительная въ надѣленіи людей духовными благами, долгіе годы бережетъ ихъ, какъ будто затѣмъ, чтобы сразу истощить всѣ свои дары на одномъ избранникѣ. Такимъ избранникомъ былъ В. Г. Бѣлинскій. Его ясный, живой, логическій умъ, его безграничное стремленіе къ саморазвитію и обогащенію себя познаніями, его тонкое, художественное чутье, его пламенное стремленіе къ истинѣ, его правдивость, доходившая

Digitized by Google

до фанатизма, и безстрашная борьба за нее, его энергія и горячность въ защитѣ своихъ завѣтныхъ убѣжденій, его, наконецъ, отзывчивость, искренность и нелицепріятность,—все это вызываетъ въ насъ полныя къ нему наши симпатіи. И понятно: онъ явился изъ среды нашего народа какъ будто для того, чтобы намъ воочію показать, до какой идеальной чистоты и благородства можетъ возвыситься человѣческая личность".

Нельзя сказать, чтобы „неорганическая" и „животная" природа были удачно привлечены къ сравненію; вообще, книжка, хотя не отличается особенной оригинальностью и новизной, составлена съ нѣкоторой начитанностью въ исторіи новой русской литературы, но характеристики выходятъ довольно блѣдны. Авторъ сопоставляетъ Бѣлинскаго съ его современниками, какъ Мерзляковъ, Полевой, Надеждинъ, Шевыревъ, Булгаринъ, Сенковскій,—но не совсѣмъ понятно, почему (быть можетъ, по особымъ педагогическимъ соображеніямъ) онъ не воспользовался многими яркими чертами, какія были собраны у историковъ Бѣлинскаго или даже находятся въ его собственныхъ сочиненіяхъ, и сопоставленія остаются неясны. Возьмемъ, напр., опредѣленіе Шевырева. Указавъ образчики совсѣмъ разныхъ взглядовъ Бѣлинскаго и Шевырева на тогдашнихъ русскихъ писателей, г. Покровскій пишетъ: „Такая противоположность въ воззрѣніяхъ Бѣлинскаго и Шевырева... вытекала изъ коренного ихъ различія во взглядахъ на поэзію и въ частности на натуральную школу"; а откуда вытекало различіе во взглядахъ? Авторъ указываетъ у Шевырева вліяніе эстетиковъ романтической школы,—но главное было просто въ отсутствіи живого пониманія литературы и общественной жизни, и авторъ могъ бы воспользоваться при этомъ объясненіями самого Бѣлинскаго.

Въ концѣ книжки авторъ ставитъ двѣ главы: „Взглядъ Бѣлинскаго на народную поэзію и древнюю книжную словесность", и „Ошибочность воззрѣній Бѣлинскаго на нѣкоторыя произведенія новѣйшей литературы".

„Отмѣтивъ выдающіяся заслуги Бѣлинскаго, какъ критика, въ интересахъ истины мы должны отмѣтить и тѣневыя стороны его критической дѣятельности, указать на тѣ погрѣшности, которыя ему, какъ всякому человѣку и сыну своего вѣка, были присущи. Погрѣшности эти, правда, больше сказались въ оцѣнкѣ произведеній русской народной поэзіи и книжной словесности древняго періода,—тѣмъ не менѣе таковыя можно найти и въ его отзывахъ о произведеніяхъ новаго періода русской литературы.

„Хотя къ чести Бѣлинскаго и должно отнести, что онъ первый обратилъ вниманіе на произведенія народной словесности, заключавшіяся въ сборникахъ Кирши Данилова и Сахарова, однакожъ его

Digitized by Google

воззрѣнія на этотъ предметъ исполнены противорѣчій и во многомъ ошибочны. Не говоря о неправильномъ дѣленіи Бѣлинскимъ народнаго эпоса, невѣрномъ объясненіи имъ различія былины отъ сказки, признаніи интереса за послѣдней только въ формѣ и болѣе поздняго, послѣ былинъ, ея происхожденія, фальшивомъ утвержденіи сходства былинъ кіевскихъ съ новгородскими; не говоря о непониманіи внутренняго состава народнаго эпоса, неумѣньи отыскать въ немъ миѳическій элементъ, такъ ясно видимый, и понять былины; не принимая во вниманіе односторонней и неправильной характеристики нѣкоторыхъ богатырей, даже и такихъ выдающихся, какъ Илья Муромецъ, неправильнаго мнѣнія о самихъ собирателяхъ пѣсенъ, ложнаго толкованія роли миѳологіи въ былинахъ, бѣдности содержанія поэзіи всѣхъ славянскихъ племенъ, мы остановимся только на его общемъ взглядѣ на народную поэзію и богатырей"...

Затѣмъ г. Покровскій указываетъ, что даже въ сужденіяхъ о Пушкинѣ Бѣлинскій, впервые давшій замѣчательное опредѣленіе его дѣятельности, впадалъ въ ошибки.

„Даже въ поздній періодъ своей критической дѣятельности, — говоритъ авторъ,—Бѣлинскій не призналъ достоинствъ за „Повѣстями Бѣлкина". „Дѣйствительно,—пишетъ онъ,—хотя и нельзя сказать, чтобы въ нихъ уже вовсе не было ничего хорошаго, все-таки эти повѣсти были недостойны ни таланта, ни имени Пушкина. Это что-то въ родѣ повѣстей Карамзина, съ тою только разницею, что повѣсти Карамзина имѣли для своего времени великое значеніе, а повѣсти Бѣлкина ниже своего времени. Особенно жалка изъ нихъ одна—„Барышня-крестьянка"—неправдоподобная, водевильная, представляющая помѣщичью жизнь съ идиллической точки зрѣнія".

„Несоотвѣтственно достоинству и важности произведенія мы видимъ отношеніе Бѣлинскаго къ „Капитанской дочкѣ": онъ удѣлилъ ей меньше вниманія, чѣмъ другимъ произведеніямъ Пушкина, гораздо ниже стоящимъ. Въ первой своей замѣткѣ (1838 г.), въ четыре строчки, Бѣлинскій, по умѣнью писать повѣсти, ставитъ поэту въ примѣръ Гоголя. Въ 1841 г. Бѣлинскій повѣсть „Дубровскій", сравнительно далеко не законченную, по „богатству содержанія, разнообразію и быстротѣ дѣйствія", ставитъ выше „Капитанской дочки".

„Въ оцѣнкѣ Бѣлинскимъ сказокъ Пушкина можно замѣтить невѣрное освѣщеніе ихъ, такъ какъ сказки, по мнѣнію Бѣлинскаго, явились какъ „плодъ довольно ложнаго стремленія къ народности".

„Нельзя не отмѣтить также здѣсь и не вполнѣ правильнаго взгляда Бѣлинскаго на Кольцова. Дѣйствительно, Бѣлинскій первый открылъ этотъ самородный талантъ, указалъ отличительныя его свойства, но

Digitized by Google

несомнѣнно преувеличилъ его значеніе и роль въ исторіи русской литературы.

„Мы указали только на нѣкоторыя ошибки Бѣлинскаго въ толкованіи имъ произведеній древней и новой литературы; но, несомнѣнно, преимущественно въ интересахъ школы, взгляды Бѣлинскаго *должно подвергнуть болѣе подробному пересмотру*, особенно въ виду настойчиваго *домогательства* нѣкоторыхъ внести *полностію* всѣ его сочиненія въ школьныя библіотеки".

Этотъ послѣдній выводъ кажется намъ весьма неожиданнымъ и страннымъ. Въ школьной библіотекѣ (разумѣемъ гимназію или среднюю школу) не должно быть полнаго собранія сочиненій писателя, котораго самъ г. Покровскій называетъ „создателемъ исторіи новой русской литературы", человѣкомъ „идеальной чистоты и благородства", „огромнаго эстетическаго чутья, ничѣмъ незамѣнимаго качества для художественнаго критика", человѣкомъ съ „пламеннымъ стремленіемъ къ истинѣ, правдивостью, доходившею до фанатизма", „искренностью и нелицепріятностью"! Что же должно быть въ школьной библіотекѣ? Надо бы думать, что, напротивъ, именно такія произведенія должны быть школьнымъ чтеніемъ, чтобы питать юношескій идеализмъ и добрыя стремленія. Разумѣется само собою, что это было бы чтеніе для питомцевъ старшихъ классовъ (болѣе юнымъ это чтеніе было бы просто непосильно), тѣхъ, которымъ вскорѣ должна предстоять университетская наука. Если есть у Бѣлинскаго мнѣнія ошибочныя, учитель можетъ ихъ указать; если у Бѣлинскаго были невѣрныя представленія о народной поэзіи, юному читателю надо объяснить, что такія представленія отвѣчали тому времени, что только позднѣе началось у насъ первое научное изслѣдованіе этого предмета, что съ тѣхъ поръ и донынѣ прошелъ цѣлый періодъ новой, усиленной научной работы.

Безъ такихъ и подобныхъ объясненій не можетъ обойтись въ школьномъ чтеніи ни одинъ писатель,—обязанность преподавателя въ томъ и должна состоять, чтобы дать руководство юному читателю. Упираться противъ „домогательства (!) нѣкоторыхъ внести *полностію* сочиненія Бѣлинскаго въ школьныя библіотеки" есть testimonium paupertatis для педагога средней школы.

— Р. Ѳ. Брандтъ. О ложенаучности нашего правописанія. (Публичная лекція). Воронежъ, 1901.

Авторъ, филологъ и профессоръ, давно недоволенъ русскимъ правописаніемъ, а отчасти и русскимъ языкомъ (въ своихъ спеціальныхъ

Digitized by Google

трудахъ онъ вводитъ не мало новыхъ терминовъ своего сочиненія, которые, впрочемъ, до сихъ поръ не имѣли успѣха, такъ какъ не принимаются другими). Существующее правописаніе онъ считаетъ ненаучнымъ, но доказываетъ это аргументами совсѣмъ разнородными и одинъ другому противорѣчащими. Наше обычное правописаніе — этимологическое, или хочетъ быть этимологическимъ, но этого принципа не выдерживаетъ: напр. мы пишемъ „высшій", но это неправильно,— мы выговариваемъ собственно „вышшій", и такъ писалось въ древнемъ языкѣ. Но главное въ томъ, по мнѣнію г. Брандта, что само этимологическое правописаніе есть фальшивое: надо употреблять правописаніе звуковое, т.-е. писать такъ, какъ мы именно выговариваемъ. Необходимость звукового правописанія, сколько мы поняли, заключается въ томъ, что, учась нашему правописанію принятому, мы теряемъ безплодно много времени,—между прочимъ употребляемъ пять совсѣмъ ненужныхъ буквъ (ѵ, ѳ, і, ѣ, ъ), и много другихъ лишнихъ вещей. По мнѣнію автора, надо бросить наше этимологическое правописаніе, потому что оно не соотвѣтствуетъ дѣйствительному нашему выговору, и притомъ не выдержано; надо писать, какъ мы говоримъ (какъ Богъ послалъ), надо выкинуть пять лишнихъ буквъ, выкинуть ненужныя прописныя буквы („имъ ничего не соотвѣтствуетъ въ произношеніи"), выкинуть „нѣмыя" буквы (напр. надо писать: серце, позній, прелесный, сонце и т. д.), выкинуть нѣкоторые знаки препинанія („фонетическое письмо естественно является врагомъ запятой, когда она искусственно выдѣляетъ воображаемыя вводныя предложенія"), ввести вмѣсто нынѣшняго раздѣленія словъ старинное слитное письмо („дополненное знаками ударенія и нѣкоторыми знаками препинанія для выраженія интонацій, старинное слитное письмо представляется мнѣ идеальнымъ"), и т. д. Въ общемъ, авторъ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

„Такъ какъ письмо существуетъ не для однихъ образованныхъ людей, а должно быть общимъ достояніемъ, то ему слѣдуетъ быть по возможности доступнѣе, то-есть проще.

„Мы пишемъ для того, чтобы передать свои мысли, а не для того, чтобы блеснуть знаніемъ грамматики (?).

„Мы пишемъ вмѣсто того, чтобы говорить; слѣдовательно, естественно писать такъ, какъ говорятъ.

„Разногласье письма съ выговоромъ обусловлено 1) несовершенствомъ пришлыхъ, недостаточно приспособленныхъ къ даннымъ языкамъ азбукъ, 2) сохраненіемъ, по косности, начертаній, соотвѣтствующихъ произношенію прежнихъ временъ, но противорѣчащихъ современному, и 3) мудрствованіемъ грамматистовъ.

„Историческое развитіе словъ есть движеніе, а движеніе нельзя

Digitized by Google

изобразить на письмѣ: орѳографія можетъ уловить только одинъ какой-нибудь моментъ.

„Естественно брать для изображенія настоящій моментъ, развѣ что считать современный языкъ искаженіемъ древняго.

„Наше правописаніе, будучи преисполнено непослѣдовательностей и анахронизмовъ, не только затруднительно, но и не даетъ надежныхъ указаній ни по современной, ни по исторической грамматикѣ.

„Этимологическій элементъ допустимъ въ орѳографіи лишь постольку, поскольку сказывается въ живомъ литературномъ языкѣ, безъ справокъ съ его исторіей и діалектологіей, доступныхъ только немногимъ и дающихъ къ тому не разъ противорѣчивыя данныя.

„Еще менѣе, чѣмъ съ языкомъ областнымъ и старинным, слѣдуетъ справляться относительно правописанія съ языками иностранными.

„Вопроса объ отношеніи орѳографіи къ нарѣчіямъ и говорамъ незачѣмъ и затрогивать, такъ какъ нельзя придумать правописанія, при коемъ безъ знанія литературнаго языка можно бы писать по литературному.

„Сокращеніе азбуки на 3—4 буквы не слѣдуетъ считать ничтожнымъ сокращеніемъ и малымъ облегченьемъ: и 3 изъ 36 довольно большой процентъ.

„Отмѣна нѣсколькихъ произвольныхъ правилъ не есть искаженіе живого русскаго языка, а, напротивъ того, возстановленье его въ своихъ правахъ.

„Упростивъ орѳографію и получивъ возможность сократить занятія по ней, мы въ школѣ выиграемъ время для другихъ (?) занятій по языку и словесности.

„Нѣтъ никакой надобности въ полномъ единствѣ орѳографіи: разнообразіе только (?) не должно быть столь велико, чтобы затруднять пониманіе.

„Въ вопросахъ правописанія нельзя руководствоваться чутьемъ: тутъ намъ кажется естественнымъ и хорошимъ то, къ чему мы привыкли, хотя бы оно было во всѣхъ отношеніяхъ дурно.

„Для усвоившихъ уже ходячую грамоту измѣненье ея представитъ (временно, а можетъ быть, и навсегда) нѣкоторое затрудненіе: упрощенье предпринимается не для нихъ, а для будущихъ поколѣній".

Читателю, конечно, бросится въ глаза, что „если письмо существуетъ не для однихъ образованныхъ людей", если не нужны „справки съ исторіей, съ языкомъ старинным и языками иностранными" (послѣднее вѣроятно относится къ словамъ, изъ нихъ заимствованнымъ), если „нельзя руководствоваться чутьемъ",—то въ результатѣ получится не что иное какъ чепуха вавилонскаго столпотворенія: всякому

Digitized by Google

предоставляется писать на свой ладъ, какъ кому вздумается, ничѣмъ не стѣсняясь, и получится то „правописаніе", предъ какимъ и теперь мы недоумѣваемъ въ писаніяхъ дворниковъ и мелочныхъ лавочниковъ.

Авторъ обдумывалъ способы введенія своей реформы; онъ полагаетъ, что „дѣло едва ли можетъ обойтись безъ распоряженія свыше", —и это насъ успокоиваетъ, потому что свыше едва-ли послѣдуетъ распоряженіе о смѣшеніи языковъ—на письмѣ.

Предложенія г. Брандта, какъ извѣстно, были предметомъ оживленныхъ споровъ въ одномъ московскомъ ученомъ обществѣ, и въ концѣ концовъ приняты не были; проф. кн. Трубецкой отозвался объ этомъ предметѣ въ газетной статьѣ подъ заглавіемъ, писаннымъ по правописанію г. Брандта: „Сумлеваюсь штопъ". Мы также „сумлеваемся штопъ", и, не повторяя возраженій, прибавимъ одно замѣчаніе.

Удивительно, что авторъ реформы, ученый филологъ, совсѣмъ не принялъ въ соображеніе одной, и существенной, стороны вопроса, именно исторической. Стремленіе къ извѣстной (хотя бы и условной) правильности и единообразію составляетъ господствующую черту въ исторіи письма и печати. При всей скудости древняго русскаго просвѣщенія, очень цѣнилось знаніе „грамматикіи", и оно заключалось, конечно, въ соблюденіи извѣстныхъ, раньше принятыхъ правилъ. Съ теченіемъ времени правописаніе болѣе или менѣе измѣнялось, съ измѣненіями въ самомъ языкѣ, но, гдѣ существовала болѣе или менѣе обширная *литература*, кажется, никогда не появлялось мысли о такомъ радикальномъ переворотѣ въ правописаніи: кромѣ безсознательной привычки къ старымъ способамъ написанія, было даже въ массѣ отчасти сознаваемое желаніе сохранить традицію прошедшаго. Г. Брандтъ въ одномъ мѣстѣ разсуждаетъ: „Жалобу на затруднительность нашего правописанія часто стараются (?) отпарировать ссылкою на бо́льшую еще неудовлетворительность правописаній французскаго и англійскаго, которая, однако, не побуждаетъ французовъ и англичанъ къ фонетической реформѣ. Но отчего бы намъ хоть *въ чемъ-нибудь* не опередить другіе народы?" Но французы и англичане—люди неглупые, и опережать ихъ *въ этомъ*, можетъ быть, не совсѣмъ завидно. Лучше бы, если не опередить, то хоть сравняться въ чемъ-нибудь другомъ. Французы и англичане въ своемъ правописаніи сохраняютъ преданія латинскія и средневѣковыя, и вѣроятно находятъ въ этомъ извѣстную пользу; мы сохраняемъ преданіе церковно-славянское и старое русское, и въ этомъ есть большой смыслъ.

Авторъ утверждаетъ, что новое звуковое правописаніе освободитъ учениковъ отъ излишняго труда и оставитъ имъ больше времени для изученія „языка и словесности",—но, во-первыхъ, трудность изученія нынѣшняго правописанія вовсе не такъ велика—нѣсколько сообрази-

Digitized by Google

тельные ученики легко усвоивають его однимъ чтеніемъ; во-вторыхъ, вся „словесность“ писалась до сихъ поръ не звуковымъ правописаніемъ, слѣдовательно для изученія ея все-таки пришлось бы знать *прежнее* правописаніе: нельзя же всю прежнюю литературу перепечатать по звуковому способу.

Наконецъ, авторъ просто искажаетъ факты выговора. Онъ пишетъ, напр., и теперь: „грацьёзный“, „провинцьяльный“ и т. п.; первое, по его мнѣнію, отвѣчаетъ французскому gracieux; но наше „граціозный“ стоитъ въ связи съ „грація“; слово „провинція“ мы говоримъ съ совершенно яснымъ *i*, и въ прилагательномъ оно также ясно. Авторъ находитъ, что не слѣдуетъ писать „англійскій“, когда говорятъ: „аглицкой“.—но „аглицкой“ говорятъ только приказчики. Авторъ думаетъ, что надо писать „жывой“, „жызнь“,—но мы такъ не произносимъ; или: „Цыцеронъ“, но, опять, такъ сказалъ бы только приказчикъ или дворникъ, но мы, при нашей классической школѣ, все-таки выучились латинской формѣ этого имени, и другая для насъ уродлива, и т. д.

Въ своихъ, приведенныхъ выше, положеніяхъ авторъ упоминаетъ между прочимъ, что порчѣ нашего правописанія содѣйствовали „умствованія грамматистовъ“. Не встрѣчаемся ли мы въ планѣ звукового правописанія съ тѣми же умствованіями?—Т.

— *П. Х. Шванебахъ.* Денежное преобразованіе и народное хозяйство. Спб 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Послѣднія пятнадцать лѣтъ нашего финансоваго управленія отличаются отъ предшествующаго времени во многихъ важныхъ отношеніяхъ. Въ этотъ періодъ значительно подвинулось впередъ дѣло преобразованія системы прямого обложенія (начатое, впрочемъ, раньше) въ смыслѣ переложенія податной тяготы съ классовъ общества, переобремененныхъ платежами, на такъ называемые владѣющіе классы; въ суммѣ государственныхъ доходовъ невиданную до того роль начали играть поступленія хозяйственнаго характера, которыя въ настоящее время даютъ государственному казначейству даже болѣе, чѣмъ всѣ косвенные налоги; роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ стала заключаться не только безъ дефицитовъ, сдѣлавшихся-было ея естественной принадлежностью, но и съ значительнымъ превышеніемъ первыхъ надъ послѣдними; и, наконецъ, блестящимъ, повидимому, образомъ завершена реформа возстановленія металлическаго обращенія. Если къ сказанному выше прибавить, что главнымъ образомъ министерству же финансовъ мы обязаны необык-

Digitized by Google

новеннымъ для нашей страны промышленнымъ оживленіемъ послѣднихъ лѣтъ, и что, кромѣ покровительства отечественной промышленности, государство беретъ на себя и ея регулированіе или нормировку, то, кажется, мы можемъ безъ колебанія высказать заключеніе, что дѣятельность финансоваго вѣдомства въ теченіе пятнадцати послѣднихъ лѣтъ есть интереснѣйшее явленіе нашей общественной жизни и что представляется весьма желательнымъ, чтобы ученые подвергли этотъ предметъ обстоятельному изслѣдованію. Изслѣдованіе это должно имѣть въ виду не только изученіе финансово-экономической политики двухъ послѣднихъ министерствъ самой по себѣ, но и опредѣленіе связи между этой политикой и экономическимъ состояніемъ общества, равно какъ и ея вліяніе на это послѣднее. Всестороннее освѣщеніе этого вопроса въ настоящее время кажется намъ, однако, невозможнымъ, и не только потому, что текущая злоба дня какъ бы исключаетъ совершенно объективное отношеніе къ предмету, но и по той причинѣ, что русское общество остановилось въ недоумѣніи передъ картиной явленій, какъ бы исключающихъ другъ друга въ теоріи, но мирно уживающихся въ нашей дѣйствительности: быстрыхъ успѣховъ промышленности и быстраго же разоренія населенія цѣлыхъ обширныхъ районовъ. Мы не знаемъ хорошо, какъ слѣдуетъ цѣнить эту комбинацію явленій; въ насъ возникло сомнѣніе—не стоятъ ли отрицательныя стороны картины въ извѣстной связи съ явленіями, въ которыхъ видятъ выраженіе нашего прогресса; мы не увѣрены въ томъ, что грозные признаки экономическаго разстройства исчезнутъ скоро и безслѣдно, и по всѣмъ этимъ причинамъ общая оцѣнка направленія нашей экономической эволюціи для насъ затруднительна, а безъ такой оцѣнки нельзя вполнѣ правильно отнестись и къ финансовой политикѣ государства.

Всестороннему изслѣдованію предмета естественнымъ образомъ, однако, должно предшествовать частичное, такъ сказать, изученіе входящихъ въ данную сферу явленій, и указанный въ заголовкѣ нашей замѣтки трудъ г. Шванебаха принадлежитъ къ числу сочиненій такого именно рода. Трудъ этотъ можно разсматривать съ двухъ сторонъ: какъ освѣщеніе финансово-экономической политики послѣднихъ лѣтъ и какъ изслѣдованіе того вліянія, какое имѣла эта политика на народное хозяйство. Наибольшій интересъ трудъ г. Шванебаха представляетъ въ первомъ отношеніи. По мнѣнію автора, главнѣйшіе факты финансовой и экономической нашей политики съ половины 80-хъ годовъ объясняются, если на нихъ взглянуть съ точки зрѣнія возстановленія металлическаго обращенія. Стремленіе устранить дефицитъ изъ бюджета, конечно, является самостоятельной цѣлью, къ которой считали своей обязанностью стремиться всѣ министры фи-

Digitized by Google

нансовъ; но энергія, съ какой эта цѣль достигалась при Вышнеградскомъ, безъ соображенія, подчасъ, съ другими и болѣе важными государственными интересами, объясняется тѣмъ, что устраненіе дефицита имѣло для этого министра особенно серьезное значеніе, какъ необходимое предварительное условіе возстановленія металлическаго обращенія. Однимъ изъ средствъ возстановленія равновѣсія государственныхъ доходовъ и расходовъ было тогда безжалостное взысканіе крестьянскихъ платежей и недоимокъ, но эта же мѣра имѣла и болѣе важную для финансоваго вѣдомства цѣль—заставить населеніе по возможности больше вывозить мѣстные продукты за границу и способствовать, такимъ образомъ, притоку въ страну золота для накопленія металлическаго запаса, безъ котораго нельзя было мечтать о введеніи металлическаго денежнаго обращенія. Передача завѣдыванія желѣзнодорожными тарифами въ руки министерства финансовъ и строгій контроль надъ желѣзными дорогами въ этомъ отношеніи мотивировался и вызывался задачею упорядоченія желѣзнодорожной дѣятельности. Но полное подчиненіе тарифовъ желѣзныхъ дорогъ финансовому вѣдомству и извѣстное направленіе тарифной политики находитъ себѣ достаточное объясненіе въ томъ же фактѣ желательности для этого вѣдомства форсировать нашъ внѣшній вывозъ для склоненія торговаго баланса въ нашу пользу. Предшественникъ нынѣшняго министра финансовъ прославляется нашими протекціонистами за мудрую политику покровительства отечественной промышленности путемъ возвышенія таможенныхъ пошлинъ. Но есть вѣскія основанія полагать, что гораздо болѣе министръ интересовался при этомъ сокращеніемъ ввоза къ намъ иностранныхъ товаровъ, въ видахъ достиженія той же цѣли прилива въ Россію изъ-за границы золота.

Равнымъ образомъ и многіе крупные факты финансово-экономической политики нынѣшняго министерства находятъ себѣ объясненіе съ точки зрѣнія замѣны бумажнаго денежнаго обращенія металлическимъ.

Накопленіе золотого запаса въ странѣ преимущественно путемъ выгоднаго для насъ торговаго баланса въ послѣдніе годы сдѣлалось затруднительнымъ, потому что нашъ вывозъ былъ форсированъ до максимума. Уже въ предшествующее управленіе финансами, и въ интересахъ развивающейся промышленности (главнымъ образомъ желѣзнодорожнаго дѣла), нужно было облегчить ввозъ многихъ товаровъ изъ-за границы. Пришлось, поэтому, прибѣгать къ другимъ средствамъ привлеченія золота въ страну: внѣшнимъ займамъ и поощренію учредительства предпріятій промышленнаго характера. Сохранять же занимаемыя суммы въ подвалахъ казначейства не раціонально; ихъ

Digitized by Google

нужно пустить въ обращеніе, а прямымъ средствомъ для этого служитъ расширеніе промышленной дѣятельности, устройство новыхъ предпріятій, постройка, напр., новыхъ рельсовыхъ путей, которая и производится у насъ съ небывалой энергіей. По нѣкоторымъ соображеніямъ, металлическое обращеніе было у насъ введено очень быстро и прежде чѣмъ успѣли завершиться всѣ подготовительныя къ тому мѣры. Это потребовало быстраго прилива къ намъ иностраннаго золота, и такъ какъ путь устройства на заграничныя деньги солидныхъ частныхъ промышленныхъ предпріятій не давалъ золотого тока желательной быстроты, то появилось усиленное развитіе спекуляціи и биржевой игры. Поощреніе національной промышленности имѣетъ и болѣе интимную связь съ прочностью нашей денежной валюты: сокращая потребность въ иностранномъ товарѣ и доставляя новые источники для вывоза мѣстныхъ продуктовъ за границу, развитіе промышленности способствуетъ тому, чтобы разсчетный балансъ сложился въ нашу пользу.

Мы указали только главнѣйшіе факты нашей финансово-экономической политики, освѣщенные съ точки зрѣнія подготовленія и упроченія металлическаго обращенія. Но къ этому же первоисточнику можно свести и многія другія финансовыя мѣры послѣдняго десятилѣтія, въ родѣ конверсій и обращенія погашаемыхъ внутреннихъ займовъ въ непогашаемые.

Указывая на денежную реформу, какъ на основаніе для тѣхъ или другихъ мѣропріятій министерства финансовъ, г. Шванебахъ не думаетъ утверждать, что для нихъ не было и другихъ мотивовъ. Онъ только отмѣчаетъ фактъ соотвѣтствія этихъ мѣропріятій съ требованіемъ денежной реформы и объясняетъ происхожденіе нѣкоторыхъ ихъ особенностей: „Здѣсь идетъ рѣчь не столько о дѣйствіи, проявляющемся какъ результатъ сознательной планомѣрности, сколько о той симметріи, какая, внѣ зависимости отъ воли руководителей, неизбѣжно устанавливается тогда, когда крупная задача выдвигается въ центръ государственныхъ заботъ: всѣ силы народнаго организма располагаются какъ бы радіусами къ этому центру; но, становясь опорою для него, эти силы невольно напрягаются въ одностороннемъ направленіи“ (стр. 233).

Энергичная политика министерства финансовъ не могла не отразиться такъ или иначе на народномъ хозяйствѣ. Въ сферѣ земледѣлія она вызвала усиленный вывозъ хлѣбовъ, разорительный для производителя, потому что онъ совершался подъ давленіемъ сборщика податей, съ одной стороны, и форсированнаго преобразованія натуральнаго хозяйства въ денежное—съ другой. Голодъ 1891—92 гг. былъ естественнымъ отвѣтомъ на тѣ требованія, какія министерство финансовъ предъ-

Digitized by Google

являло къ крестьянину. Это было только острое проявленіе оскудѣнія, которое поразило черноземный центръ и востокъ Россіи. Въ промышленности политика министерства финансовъ отразилась созданіемъ—на ряду съ жизнеспособными—многихъ искусственныхъ предпріятій и способствовала болѣе острому проявленію кризиса, который, при другомъ отношеніи къ предмету, министерство, напротивъ того, могло бы предотвратить или ослабить. „Наши промышленные успѣхи были бы прочнѣе, еслибы, безъ опасенія за валюту, можно было мириться съ болѣе спокойнымъ приливомъ капитала, еслибы надъ нами не тяготѣлъ Дамокловъ мечъ неблагопріятныхъ для золотой валюты международныхъ разсчетовъ“ (стр. 234).

Г. Шванебахъ отказывается отъ категорическаго отвѣта на вопросъ, поставленный имъ своему изслѣдованію: каковы наши шансы на удержаніе золота въ странѣ? „Въ дѣлѣ живомъ и текущемъ окончательныхъ выводовъ искать въ научномъ изслѣдованіи нельзя; ихъ только можетъ дать будущее“,—говоритъ онъ какъ бы въ объясненіе своей недомолвки. Онъ, однако, настаиваетъ на томъ, что центральной точкою нашей экономической политики должно бы сдѣлаться „поднятіе русской деревни и коренного русскаго промысла, земледѣлія“. „Только при такомъ направленіи хозяйственной политики валюта и будетъ окончательно упрочена и не окажутся напрасными тяжелыя жертвы, понесенныя Россіей на обзаведеніе золотымъ монетнымъ инвентаремъ“ (стр. 236).

Какъ можетъ усмотрѣть изъ вышеизложеннаго читатель, трудъ г. Шванебаха отличается единствомъ проникающей его идеи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и односторонностью воззрѣнія на причины экономическихъ затрудненій Россіи. У автора не возникаетъ вопроса о томъ—совмѣстимо ли съ высокимъ благосостояніемъ массы населенія малокультурной земледѣльческой страны, по географическимъ условіямъ которой земледѣльцы могутъ отдаваться своему промыслу лишь въ теченіе половины года,—быстрое развитіе промышленности на почвѣ полнаго раздѣленія индустріи и сельскаго хозяйства? Въ этомъ развитіи, въ созданіи многочисленныхъ внѣ-деревенскихъ потребителей сельскихъ произведеній, авторъ, напротивъ того, и видитъ возможность улучшенія положенія крестьянъ (стр. 226). Но почему же можно надѣяться на то, что индустрія создастъ столь многочисленный классъ потребителей сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, какой нуженъ для преобразованія земледѣлія многомилліонной страны? Для кого будутъ производить эти массы фабрично-заводскихъ рабочихъ, когда главный внутренній потребитель „находится на уровнѣ самыхъ первобытныхъ жизненныхъ потребностей“ (стр. 227)? Такимъ образомъ, изслѣдованіе г. Шванебаха о вліяніи денежной реформы на народное хозяй-

Digitized by Google

ство указало на тѣ причины, которыя повели къ обострению кризиса, переживаемаго земледѣльческимъ населеніемъ Россіи, но не разъяснило вопроса о томъ, гдѣ нужно искать основныхъ причинъ этого кризиса и какими средствами можно надѣяться достигнуть его устраненія. — В. В.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Андресъ, Б., д-ръ.—Сургучъ и его производство. Съ нѣм. п. р. М. Петрова. Спб. 901. Ц. 30 к.

Аренъевъ, Н.— Организація общеобразовательныхъ экскурсій въ средней школѣ. М. 901.

Б. 2.—Огонекъ въ угольке. Повѣсть. Спб. 901.

Балталонъ, Ц.—Воспитательное чтеніе, какъ основа преподаванія русскаго языка, въ семьѣ и въ школѣ. М. 901. Ц. 25 к.

Баранцевичъ, Е. М. — Идеи и принципы судебнаго дѣятеля. Этюдъ изъ области судебной этики. Памяти Ѳ. П. Ивкова. М. 901. Ц. 1 р.

Больтонъ Кингъ.—Исторія объединенія Италіи. Т. I. Съ англ. перев. Н. Кончевской. М. 901. Ц. 1 р. 50 к.

Брандтъ, Р. Ѳ.—О ложенаучности нашего правописанія. Публ. лекція. Воронежъ. 901.

Бунинъ, Ив.—Листопадъ. Стихотворенія. М. 901. Ц. 1 р.

Волынскій, М. Н.—Всесословная волость, какъ судебно-административная и земская единица. Спб. 901. Ц. 75 к.

Воротынскій, Б. И.—Исторія въ наукѣ и въ жизни. Публичная лекція. Каз. 901. Ц. 35 к.

Вѣтринскій, Ч.—„Божьи дѣти". Сборникъ. М. 901. Ц. 7 к.

Георгіевскій, П. И.—Политическая Экономія. 3-е изд. Спб. 901. Стр. 612. Ц. 3 р. 50 к.

Добрынъ, А. П.—Біографія русскихъ писателей средняго и новаго періодовъ. Спб. 900. Ц. 2 р.

Іодко, О. С.—Карманный весь Петербургъ, съ желѣзнодорожными и пароходными росписаніями, товарными и пассажирскими тарифами. Спб. 901. Ц. 20 к.

Коркуновъ, Н. М. — Русское государственное право. Т. I: Введеніе и Общая часть. Изд. 4-ое. Спб. 901. Ц. 3 р.

Кривенко, С. К.—На распутьи. Культурные скиты и культурные одиночки. М. 901. Ц. 80 к.

Кусте, Эрн.—Электрическое освѣщеніе. Съ франц. п. р. М. Петрова. Съ 35 рис. Спб. 901. Ц. 40 к.

Ломакинъ, Н.—Изъ жизни мужчинъ и другіе разсказы. М. 901. Ц. 50 к.

Меньшиковъ, М. О. — Начала жизни. Нравственно-философскіе очерки, Спб. 901. Ц. 1 р. 50 к.

Павловъ, Ѳ. П.—За десять лѣтъ практики. М. 901. Ц. 50 к.

Паппенгутъ, А.—Деревянные дома—дачи. Руководство къ постройкѣ лѣтнихъ и зимнихъ домовъ. Съ атласомъ чертежей: плановъ, разрѣзовъ, фасадовъ дачъ и конструкцій отдѣльныхъ частей ихъ. Спб. 901. Ц. 1 р. 25 к.

Digitized by Google

Переферковичъ, Н. — Талмудъ. Мишна и Тосефта. Т. III: кн. 5 и 6. Спб. 901. Ц. 2 р. 50 к.

Петровъ, М.—Гальванопластика, золоченіе, серебреніе, никкелированіе и т. п. Съ 21 рис. Спб. 901. Ц. 50 к.

——— Электрическіе звонки. Съ 35 рис. и черт. Спб. 901. Ц. 25 к.

——— Буквопечатающій аппаратъ Юза. Съ портр. и біограф. Юза. Спб. 901. Ц. 50 к.

Писаревскій, Г.—Вызовъ колонистовъ изъ южной Европы и бунтъ корсиканцевъ. Очеркъ изъ исторіи колонизаціи въ Россіи. М. 901. Ц. 40 к.

Рахмановъ, В., врачъ.— Физическіе способы леченія. Общедоступныя бесѣды о томъ, какъ и какія болѣзни можно лечить безъ лекарствъ—свѣтомъ, воздухомъ, тепломъ, холодомъ, водою и движеніемъ. М. 901. Ц. 75 к.

Романовскій, В. Е.—Педагогическіе этюды: Задачи воспитательнаго обученія. Классныя бесѣды учителя исторіи. О связи географіи и исторіи съ словесностью. Тифл. 901. Ц. 50 к.

Семеновъ, Вл. — На дальнемъ Востокѣ. Очерки и разсказы. Спб. 901. Ц. 1 р.

Служивый.—Очерки покоренія Кавказа, съ рисунками и картами. Спб. 901. Ц. 1 р. 75 к.

Стальвингъ, Е.—Японскій прогрессъ. Рѣчь, произнесенная на первомъ годичномъ актѣ Восточнаго Института, 21 окт. 1900 г. Владивост., 901.

Старостинъ.—Выбранное—что лучше: Наше счастье, романъ; Похожденія Хлопова, повѣсть; Послѣдняя, повѣсть; Мой другъ Вагонъ, разсказъ. Спб. 901. Ц. 2 р.

Тернеръ, Ѳ.—Государство и землевладѣніе. Ч. II: Крестьянское землевладѣніе. Спб. 901. Ц. 2 р 50 к.

Чайковскій, М.—Жизнь Петра Ильича Чайковскаго. Т. I, вып. VII: 1840—1877 г. М. 901. Ц. кажд. вып. 40 к.

Шереметевъ, гр., Павелъ. — Отзвуки разсказовъ И. Ѳ. Горбунова. 1883—1895 гг. Спб. 901. Ц. 1 р.

Шиллеръ. Собраніе сочиненій въ переводѣ русскихъ писателей, подъ редакціей С. А. Венгерова. Съ историко-литературными комментаріями, эстампами и рисунками въ текстѣ. Томъ II. Изданіе Акціон. общ. Брокгаузъ-Ефронъ. Спб. 901. Стр. 566. Ц. 5 р.

Янчевецкій, В.—Записки пѣшехода. Т. I. Ревель. 901. Ц. 1 р.

La Bruyère. — Les Caractères ou les Moeurs de ce siècle. Избранные отрывки для школьнаго употребленія, ред. П. Д. Первовъ. Изд. 2-е. М. 901. Ц. 55 к.

Loiseau, Charles.—L'Équilibre adriatique. L'Italie et la question d'Orient. Par. 901.

— Деревенскіе лѣтніе ясли-пріюты въ Воронежской губерніи, лѣтомъ 1900 года. Изд. Воронежск. губ. земства. Ворон. 901.

— Дневникъ звѣрскаго избіенія московскихъ бояръ въ столицѣ въ 1682 году и избраніе двухъ царей, Петра и Іоанна. Спб. 901.

— Краткій историческій очеркъ развитія водяныхъ и сухопутныхъ сообщеній и торговыхъ портовъ въ Россіи. Спб. 900.

— Краткій историческій очеркъ учебныхъ заведеній вѣдомства путей сообщенія. Спб. 900.

Digitized by Google

— Обзоръ Уфимской губерніи въ сельско-хозяйственномъ отношеніи за 1899—900 гг. Вып. II. Уфа. 901. Ц. 1 р.

— Отчетъ Комиссіи по народному образованію въ С.-Петербургѣ за 1900 г. Двадцать-четвертый годъ. 1877—1901. Спб. 901.

— Отчетъ Общества приморскихъ санаторій для хронически-больныхъ дѣтей. за 1900 г. Спб. 901.

— Сборникъ статистическихъ и справочныхъ свѣдѣній по народному образованію во Владимірской губерніи. Вып. 2 и 3. Владим.-на-Кл. 900.

— Статистико-экономическій обзоръ Херсонской губерніи за 1899 годъ. Годъ XIII. Херс. 901.

— Статистическое Отдѣленіе Орловской Губернской Земской Управы: 1) Сельско-хозяйственный обзоръ по Орловской губерніи за 1900 г. Вып. I: Зима и весна. Орелъ, 900. 2) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по начальному народному образованію въ Орловской губерніи за 1899—900 учебный годъ. Ор. 900.

— Стенографическій отчетъ XXXVI очередного Новгородскаго губерн. земск. собранія съ 30 ноября по 14 декабря 1900 г. Новг. 901.

— Тридцатилѣтіе дѣятельности Черниговскаго городского общественнаго управленія 1870—1901 г., съ очеркомъ исторіи г. Чернигова. Черниг. 901.

— Труды опытныхъ лѣсничествъ. Научный отдѣлъ. Т. I: Н. П. Адамовъ, Метеорологическія наблюденія въ опытн. лѣсничествахъ, 1896—98 гг. Приложеніе къ т. I, за 1894—1898 гг. Спб. 901.

——— Маріупольское лѣсничество: Г. Н. Высоцкій, Біологическія, почвенныя и фенологическія наблюденія въ Велико-Андолѣ и Лѣсныя культуры въ Маріуп. лѣснич. 1896—1900 гг. Спб. 901.

——— Деркульское лѣсничество: К. Юницкій, Лѣсныя культуры Деркульск. опытн. лѣсничества. С. Кравковъ, Изслѣдованія надъ физическими свойствами чернозема дѣвственной степи. Спб. 901.

——— Каменно-степное лѣсничество: Г. Морозовъ, Матеріалы по изученію лѣсныхъ насажденій въ районѣ Каменно-степн. опытнаго лѣсничества и Лѣсныя культуры въ Каменно-степномъ опытн. лѣснич. 1896—1900 г. Спб. 900.

——— Н. П. Адамовъ, Краткое содержаніе „Трудовъ“ изданія 1900 г.

— Труды совѣщанія при Воронежской губернской управѣ гг. земскихъ врачей по вопросу объ организаціи лѣтнихъ деревенскихъ яслей-пріютовъ. 19—21 апрѣля 901 г. Ворон. 901.

— Художественныя ремесла. Художникъ-любитель. Содержитъ 30 способовъ приготовленія различныхъ художественныхъ украшеній. Спб. 901. Ц. 75 коп.

Digitized by Google

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Leo Berg. Gefesselte Kunst. Berlin, 1901. Стр. 165.

Книга Лео Берга касается очень жгучаго вопроса въ современной нѣмецкой литературѣ. Авторъ говоритъ объ отношеніи общества къ искусству, о положеніи писателей, о подчиненіи литературы вкусамъ и требованіямъ неразвитого большинства, и касается также теоретической стороны вопроса, т.-е. говоритъ о томъ, что̀ связываетъ по существу писателя съ читателемъ; въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ очеркахъ онъ разсуждаетъ о назначеніи критики, о взаимодѣйствіи искусства и дилеттантства—и высказываетъ по этому поводу оригинальныя мысли. Книга написана въ рѣзкомъ обличительномъ тонѣ—за исключеніемъ, конечно, теоретическихъ главъ. Это настоящій походъ противъ пошлости, которая грозитъ затопить современную нѣмецкую литературу. На первый взглядъ можетъ показаться, что самый вопросъ, поднятый Л. Бергомъ, не имѣетъ существеннаго литературнаго значенія. Конечно, огромная масса читающей публики предпочитаетъ занятный фельетонный романъ серьезному художественному произведенію; кромѣ того, буржуазное общество дорожитъ извѣстными устоями нравственности—хотя бы и совершенно условными—и негодуетъ на всякое нарушеніе ихъ въ произведеніяхъ искусства. Несомнѣнно также, что издатели журналовъ и книгъ,—поскольку это будутъ люди, преслѣдующіе только коммерческія цѣли,—предпочитаютъ то, что̀ соотвѣтствуетъ вкусамъ публики, и не умѣютъ оцѣнить внутреннія достоинства произведенія, которое не можетъ разсчитывать на популярность у средняго читателя. Всѣ эти печальныя, но очень обыкновенныя и въ другихъ странахъ условія литературнаго труда не помѣшали, однако, выдвинуться и прославиться въ той же Германіи писателямъ наиболѣе враждебнымъ нѣмецкой буржуазности. И Ницше, и Гауптманъ и Зудерманъ, не говоря о другихъ, шли своимъ путемъ, ни въ чемъ не уступая „духу толпы“, а между тѣмъ успѣхъ ихъ безконечно превышаетъ популярность романистовъ, драматурговъ и публицистовъ, льстящихъ вкусамъ и убѣжденіямъ буржуазнаго общества. Но Лео Бергъ не говоритъ объ исключительныхъ явленіяхъ въ литературѣ, и вовсе не утверждаетъ, что выдающійся писатель не-

Digitized by Google

премѣнно долженъ погибнуть, задавленный враждебнымъ отношеніемъ къ нему общества. Онъ только показываетъ, въ какихъ условіяхъ живетъ нѣмецкая литература, какія оковы накладываетъ на нее отсутствіе художественно развитой публики. Обличенія Берга вовсе не сводятся къ голословнымъ обвиненіямъ филистеровъ, къ дешевому крику возмущенія. Напротивъ того—и въ этомъ достоинство его книги—онъ старается глубже заглянуть въ причины разлада и приходитъ такимъ образомъ къ интереснымъ теоретическимъ выводамъ, устанавливая, отчасти историческимъ путемъ, тѣ условія, въ которыхъ литература можетъ процвѣтать и пользоваться необходимой ей нравственной свободой. Доказавъ, что ни одного изъ этихъ условій не существуетъ теперь въ Германіи, онъ приходитъ къ выводу, что современное положеніе литературы совершенно логично вытекаетъ изъ общаго хода вещей.

Изъ всѣхъ современныхъ нѣмецкихъ критиковъ Лео Бергъ, быть можетъ, наиболѣе способенъ разрѣшить взятую имъ на себя задачу, т.-е. разобраться въ взаимныхъ отношеніяхъ искусства и общественныхъ идеаловъ и настроеній. Онъ одинъ изъ самыхъ серьезныхъ теперешнихъ критиковъ, и, начиная съ половины 80-хъ годовъ, стоялъ всегда въ рядахъ оппозиціи противъ всякихъ переживаній въ литературѣ. Вмѣстѣ съ нѣсколькими другими писателями, онъ распространялъ принципы натурализма, возставалъ противъ узкаго шовинизма, разъяснялъ значеніе Ибсена. Его брошюры въ серіи „Literarische Volkshefte“ („Henrik Ibsen u. das Germanenthum in der modernen Literatur“, „Ernst v. Wildenbruch u. das Preussenthum in der modernen Literatur“) написаны рѣзко и горячо, и уже въ нихъ критикъ выступаетъ главнымъ образомъ обличителемъ буржуазности. Книга его „Der Naturalismus“ (1892) содержитъ въ себѣ эстетическую теорію автора; Лео Бергъ придаетъ большое значеніе индивидуализму въ творчествѣ, говоря, что въ искусствѣ отраженная дѣйствительность имѣетъ значеніе не сама по себѣ, а лишь какъ то, что̀ изъ нея дѣлаетъ художникъ. Одно изъ основныхъ положеній эстетики Берга заключается въ томъ, что художникъ творитъ для публики, состоящей изъ художниковъ; люди безъ всякаго художественнаго пониманія не могутъ имѣть поэтому значенія для художника даже въ качествѣ публики. Не для нихъ онъ работаетъ,—ихъ требованія и ихъ судъ не могутъ приниматься имъ въ соображеніе. Разработкой этого теоретическаго положенія и является новая книга Берга, „Die Gefesselte Kunst“, гдѣ онъ доказываетъ примѣрами, какъ пагубно несоблюденіе этого непреложнаго правила: когда художникъ выходитъ изъ сферы равныхъ себѣ, когда онъ подчиняется требованіямъ и суду чуждой ему по духу публики—онъ умираетъ для искусства.

Digitized by Google

Еще бо̀льшимъ защитникомъ индивидуализма и отчасти аристократизма въ литературѣ Бергъ является въ чрезвычайно интересной книгѣ—„Der Uebermensch in der modernen Literatur“ (1897). Вліяніе Ницше на литературу онъ приводитъ въ связь съ развитіемъ индивидуализма, который коренится въ романтизмѣ и развивается все шире и шире вплоть до нашихъ дней. Бергъ очень удачно группируетъ писателей различныхъ странъ по ихъ отношеніямъ къ тому, что̀ онъ считаетъ основной чертой современной литературы—т.-е. къ индивидуализму и преобладанію интеллектуальности надъ чувствами и страстями.

Въ „Gefesselte Kunst“ Лео Бергъ возвращается къ теоретическимъ взглядамъ, высказаннымъ въ прежнихъ книгахъ и статьяхъ, но примѣняетъ ихъ главнымъ образомъ къ выясненію разлада между искусствомъ и вкусами публики въ Германіи. Первыя главы его книги написаны въ сатирическомъ тонѣ и очень зло вышучиваютъ нѣмецкихъ буржуа. Въ очеркѣ „Die ungeschriebene Lex Heinze“ онъ передаетъ свой разговоръ съ пріятелемъ, добропорядочнымъ берлинцемъ, который возмущается пресловутымъ „Lex Heinze“; онъ надѣется, что если законъ даже войдетъ въ силу, то „любовь къ свободѣ“ окажется достаточно сильной у нѣмецкихъ художниковъ, и они предпочтутъ тюремное заключеніе всякой уступкѣ унизительному закону—и станутъ такимъ образомъ „мучениками за идею“. Это дешевое возмущеніе упитаннаго и довольнаго собой филистера выводитъ изъ себя писателя, который достаточно настрадался отъ всякихъ нарушеній свободы творчества, вызванныхъ не предписаніями полиціи, а такъ называемымъ „общественнымъ мнѣніемъ“. Пріятель его полагалъ, что поступаетъ очень благородно, выражая свой протестъ противъ стѣсненія свободы искусства, но, къ великому его изумленію, писатель отвѣчаетъ ему, что судьба закона Гейнце его совершенно не интересуетъ, потому что и помимо этого закона общество само всячески стѣсняетъ свободу творчества. Въ Германіи,—говоритъ онъ,—царитъ теперь „ненаписанный законъ Гейнце“, т.-е. цѣлый рядъ властныхъ предразсудковъ и стѣснительныхъ условій, болѣе обременительныхъ для свободнаго развитія литературы, чѣмъ всякое вмѣшательство закона. Разъясняя свою мысль, критикъ даетъ интересную картину литературныхъ нравовъ въ Германіи. Величайшимъ тираномъ, гнетущимъ литературу, онъ считаетъ публику; онъ видитъ въ ней олицетвореніе несвободы, потому что она уже въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій воспрещаетъ литературѣ многое, разрѣшенное и закономъ Гейнце, и всякими другими законами. А власть публики очень велика: ни одинъ нѣмецкій журналъ и ни одна газета не рѣшаются печатать того, что̀ могло бы не понравиться глупѣйшему изъ многихъ тысячъ подписчи-

Digitized by Google

ковъ или оскорбить стыдливость какой-нибудь неразвитой провинціальной барышни. Тиранія публики убиваетъ свободу духа, отказывая искусству въ правѣ понимать нравственность по-своему. Въ Германіи установилось мнѣніе, что существуетъ только одно единственное пониманіе нравственности—то, которое доступно дѣвочкамъ отъ 12 до 16 лѣтъ. Въ другихъ областяхъ интеллектуальной и практической дѣятельности существуетъ полная возможность понимать законы нравственности по-своему: ученые спокойно занимаются вивисекціей, считая ее необходимой для своихъ цѣлей; есть особая мораль для людей военнаго дѣла, даже купцамъ предоставляется понимать требованія нравственности по-своему—и никого не возмущаетъ своеобразность ихъ морали; художникъ же, наиболѣе нуждающійся въ свободѣ, принужденъ стать рабомъ ограниченнаго мѣщанскаго катехизиса нравственности. Лишая писателей нравственной свободы, буржуазное общество пользуется еще своей властью для того, чтобы, по выраженію Берга, „морить ихъ медленной голодной смертью“. Публика зѣваетъ въ театрѣ на представленіяхъ „Фауста“; всякое независимое, не написанное въ духѣ толпы, драматическое произведеніе оплачивается грошами, въ то время какъ комедіи какого-нибудь Оскара Блюменталя собираютъ полный театръ и обогащаютъ автора. Серьезный художникъ, если его работа служитъ ему единственнымъ источникомъ матеріальныхъ доходовъ, обреченъ въ Германіи на постоянное голоданіе, если онъ рѣшается не измѣнять своему призванію и не дѣлать уступокъ вкусамъ публики.

Величайшимъ зломъ Бергъ считаетъ то, что образовался цѣлый классъ посредниковъ между вкусами публики и писателями, и что такимъ образомъ въ литературѣ прочно укрѣпилось господство капитализма. „Искусство и литература,—говоритъ Бергъ,—уже давно перестали созидаться художниками и литераторами, и перешли въ руки издателей и торговцевъ, которые заказываютъ и пріобрѣтаютъ лишь то, что̀ никого не можетъ задѣть; они стараются понизить норму художественнаго производства, тѣмъ болѣе, что это обходится дешевле“. Бергъ указываетъ на постоянно увеличивающееся число чисто промышленныхъ предпріятій въ литературѣ, на разныя серіи такъ называемыхъ популярныхъ книгъ по искусству, литературѣ и исторіи, сдѣланныхъ очень поверхностно, безъ всякихъ руководящихъ идей, съ единственной цѣлью какъ можно шире захватить предметъ и привлечь публику содержательностью оглавленія. Есть книги по исторіи литературы, доведенныя до самыхъ послѣднихъ дней XIX в., хотя очевидно, что никакой исторически безпристрастной оцѣнки текущей, еще не опредѣлившейся литературы дать нельзя. Такого рода ремесленныя, иногда очень недобросовѣстныя произведенія убиваютъ всякое серьезное отно-

Digitized by Google

шеніе къ дѣлу, всякую дѣльную критику, не говоря уже о чисто художественномъ творчествѣ, къ которому публика, а слѣдовательно и издатели, предъявляютъ требованія, ничего общаго съ литературой не имѣющія. Дополняя эту печальную картину литературныхъ нравовъ, Бергъ говоритъ въ другомъ очеркѣ,—„Verstümmelte Kunst"—о томъ, въ какомъ видѣ доходитъ обыкновенно до публики художественное произведеніе. Особенно рѣзко это видно въ драматическихъ пьесахъ. Сначала цензура, а потомъ режиссеръ часто совершенно искажаютъ замыселъ драматурга—и дѣлаютъ это все во имя того же всевластнаго тирана—публики, которой непремѣнно нужно угождать. Представленія пьесы на сценѣ порождаютъ новыя несоотвѣтствія между намѣреніями автора и пониманіемъ публики. Въ живописи тоже очень многое зависитъ отъ внѣшнихъ условій,—отъ того, какъ повѣшена и освѣщена картина. Столь же или даже еще больше зависимости отъ внѣшнихъ условій—въ дѣятельности музыканта. Во взаимодѣйствіи художественнаго произведенія и публики, созерцающей его при извѣстныхъ условіяхъ, есть нѣчто роковое и не зависящее отъ внѣшнихъ воздѣйствій. Пьеса, представленная на сценѣ, уже есть нѣчто составное, сравнительно съ тѣмъ, какъ она сложилась въ умѣ автора: публика со своимъ отношеніемъ входитъ въ составъ общаго впечатлѣнія; она не безучастна—если пьеса болѣе или менѣе интересна,—и, воспринимая болѣе чутко то или другое въ пьесѣ, она часто открываетъ автору то, чего онъ самъ не предполагалъ въ своемъ произведеніи. Часто задуманные авторомъ комическіе эффекты становятся трогательными въ глазахъ публики—и наоборотъ; иногда пьеса, написанная, предположимъ, въ демократическомъ духѣ, производитъ противоположное впечатлѣніе, если представители враждебной партіи болѣе логичны и сильны въ своихъ доводахъ. Такъ, напр., на первыхъ представленіяхъ „Vor Sonnenaufgang" Гауптмана, публика усиленно аплодировала рѣчамъ инженера, защитника капитализма и врага героя пьесы, соціалиста Лота. Это противорѣчило замыслу пьесы, но доказывало, что изображенный авторомъ соціалистъ—бездушный доктринеръ, въ поступкахъ котораго многое открыто для справедливыхъ обвиненій. Публика въ этомъ случаѣ была права и раскрыла своимъ непосредственнымъ чутьемъ основной недостатокъ драмы. Часто публика судитъ несправедливо—и, понимая пьесу по-своему, искажаетъ ея истинный смыслъ. Но во всякомъ случаѣ драма, изображенная на сценѣ, имѣетъ какъ бы обособленное отъ автора существованіе, и въ него входитъ психологія зрителя, его настроеніе, всѣ случайныя причины, вліяющія на его сужденіе. При чтеніи художественнаго произведенія тоже дѣйствуютъ очень разнообразные психологическіе факторы—и никогда нельзя вынести совершенно одинаковое впечатлѣніе,

Digitized by Google

читая снова даже хорошо извѣстную классическую вещь, какъ, напр., „Фауста". Взаимодѣйствіе художественнаго произведенія и мѣняющагося къ нему отношенія читателя или зрителя лежитъ въ основѣ законовъ эстетики, и съ этимъ нужно считаться, изучая психологію художественнаго творчества. Не нужно только, какъ справедливо заключаетъ Бергъ, чтобы къ этому примѣшивались внѣшнія вліянія и препятствія—практическія соображенія издателей, директоровъ театровъ, предразсудки неразвитого буржуазнаго общества.

Въ общемъ, судя по тѣмъ фактическимъ даннымъ, которыя Бергъ приводитъ о литературныхъ нравахъ въ современной Германіи, главное зло заключается въ господствѣ капитализма: газеты и журналы находятся въ рукахъ промышленниковъ, озабоченныхъ главнымъ образомъ отдѣломъ объявленій и подыскивающихъ для своихъ изданій „ходкій товаръ", т.-е. то, что̀ можетъ занять читателей, или, вѣрнѣе, читательницъ средняго круга съ ихъ крайне узкимъ пониманіемъ морали и неразвитымъ вкусомъ. Отсюда чрезмѣрное развитіе такъ называемаго „Familienblattroman"'а, лишеннаго всякаго литературнаго значенія, и полный упадокъ серьезнаго художественнаго творчества, которому трудно бороться противъ практическихъ вкусовъ издателей. Отсюда и перевѣсъ ремесленнаго труда въ другихъ областяхъ литературы—въ критикѣ и исторіи. Искусству и литературѣ мѣшаютъ быть свободными, ихъ сковываютъ узами буржуазныхъ вкусовъ и промышленнаго духа. „Искусство стоитъ на перепутьи", говоритъ Бергъ, заканчивая очеркъ о порабощеніи искусства. Оно необходимо должно выбраться на широкое поле личной и экономической свободы, такъ какъ это для него—вопросъ жизни. Царская дочь ждетъ своего Персея, который освободилъ бы ее отъ когтей капитализма.

Въ книгѣ Берга, посвященной, преимущественно, изображенію печальныхъ условій, въ которыхъ живетъ современная нѣмецкая литература, есть двѣ главы, или, вѣрнѣе, два отдѣльныхъ очерка болѣе теоретическаго характера. Одинъ изъ нихъ относится къ вопросу о литературной критикѣ. Бергъ начинаетъ свои разсужденія съ нападокъ на современное состояніе критики въ Германіи. Подъ вліяніемъ общаго тяготѣнія къ сенсаціонности и внѣшнимъ интересамъ, критика превратилась въ репортерство; критикомъ называютъ того, кто проводитъ вечера въ театрѣ и ночью пишетъ отчетъ о представленіи—для того, чтобы берлинскій обыватель уже за утреннимъ кофе имѣлъ возможность составить себѣ мнѣніе о представленной наканунѣ пьесѣ; критикой называютъ, кромѣ того, бѣглые, поверхностные отзывы о только-что вышедшихъ книгахъ. Публику интересуютъ „злобы дня", а въ литературѣ таковыми являются только послѣднія новинки; поэтому о книгѣ говорятъ или когда она только-что вышла, или со-

Digitized by Google

всѣмъ не говорятъ. Нельзя не согласиться съ Бергомъ, когда онъ осуждаетъ этотъ репортерскій родъ критики и говоритъ о тѣхъ условіяхъ, которыя необходимы для того, чтобы критика была истиннымъ творчествомъ, носительницей плодотворныхъ идей въ литературѣ. Онъ настаиваетъ на томъ, что критика имѣетъ не только обязанности (разъяснять публикѣ новыя явленія въ литературѣ), но и права. Критикъ нуждается въ свободѣ, какъ и художникъ. Ему нужна прежде всего свобода времени—чего не можетъ понять публика съ ея погоней за сенсаціонностью. Но еще болѣе важно для него другое—свободное отношеніе къ своему сюжету. Критикъ долженъ относиться къ разбираемому произведенію, какъ относится къ своему сюжету художникъ. Послѣдній имѣетъ значеніе лишь тогда, когда онъ поднимается выше своего сюжета, вноситъ въ него нѣчто свое, преображаетъ дѣйствительность своимъ индивидуальнымъ пониманіемъ. Это—то, что Золя выразилъ своей извѣстной формулой: „l'oeuvre d'art—c'est la nature vue à travers un tempérament". Примыкая къ нему, Бергъ утверждаетъ, что идеалъ критики—произведеніе искусства, еще разъ прошедшее черезъ индивидуальное пониманіе критика. Для того, чтобы осуществился этотъ идеалъ, нужно прежде всего, чтобы критикъ самъ былъ отчасти художникомъ. Въ подтвержденіе своей мысли, Бергъ указываетъ на примѣры великихъ нѣмецкихъ писателей, которые были одновременно и художниками, и критиками—какъ Гёте, Шиллеръ, Людвигъ Тикъ. Критикъ долженъ соединять въ себѣ разрушительную силу съ творческой. Эта мысль не нова; уже Тэнъ утверждалъ, что критикъ — неудавшійся поэтъ, и Бергъ повторяетъ въ данномъ случаѣ старую истину—очевидно имѣя въ виду, что въ Германіи она неизвѣстна или забыта.

Бергъ говоритъ о различныхъ родахъ критики, группируя ихъ по отношенію писателя къ своему сюжету: критикъ можетъ подчинять себя разбираемому произведенію или изучаемому автору: это критика описательная, біографическая, разъясняющая, защищающая; она имѣетъ несомнѣнное историко-литературное значеніе. Или же критикъ ставитъ себя выше своего сюжета,—это критика полемическая, доктринальная, ограничительная, раскрывающая. Выше этихъ двухъ родовъ Бергъ ставитъ третій—идеалистическую критику, которая подчиняетъ и сюжетъ, и самоё себя третьему, высшему началу, существующему не какъ реальная дѣйствительность, а какъ отвлеченная идея. Этимъ третьимъ, объединяющимъ критика и его сюжетъ началомъ можетъ быть искусство, философская или религіозная истина, идея высшей нравственности, красота и т. д. Бергъ перечисляетъ еще много другихъ родовъ критики, имѣющихъ своихъ представителей въ литературѣ,—говоритъ о „возсоздающей" критикѣ (каково,

Digitized by Google

напр., разъясненіе Гамлета въ „Вильгельмѣ Мейстерѣ“ Гёте), о чисто художественной, занимающейся изученіемъ и оцѣнкой формъ, о діалектической (методъ Лессинга), исторической, психологической и т. д. Онъ упоминаетъ и о догматическомъ методѣ, который превращаетъ критика въ судью, исходящаго изъ понятія цѣлесообразности въ искусствѣ; типичный представитель ея—Франциск Сарсэ, который считалъ единственнымъ вѣрнымъ критеріемъ для своихъ оцѣнокъ—потребности и вкусы средняго читателя и средняго зрителя. Но всѣ эти различія критическихъ методовъ Бергъ сводитъ къ двумъ основнымъ родамъ: творческая (schöpferische) критика, и та, которая возбуждаетъ къ творчеству (die anregende). Существованіе твердыхъ критеріевъ онъ отвергаетъ, требуя только отъ критиковъ идейнаго содержанія и непремѣннаго сочетанія художественности, т.-е. созидательной силы, съ критическимъ анализомъ, т.-е. разрушительной силой. Это—его основное положеніе въ пониманіи критики: „Творчество есть разрушеніе, и разрушеніе—творчество, смотря по тому, съ какой точки зрѣнія смотрѣть на то и другое. Искусство становится критикой въ минуты скептицизма и у художника, обладающаго скептическимъ умомъ; творческій умъ превращаетъ критику въ созидательное искусство“. Для того, чтобы могъ осуществиться этотъ идеалъ критики, она должна быть ограждена отъ всякихъ внѣшнихъ препятствій и вмѣшательствъ—должна быть свободной. До тѣхъ поръ, пока въ Германіи этой свободы не наступитъ, критика будетъ все болѣе сводиться къ репортерству, не имѣющему никакого литературнаго значенія.

Въ очеркѣ „о психологіи дилеттантства“ Бергъ защищаетъ довольно оригинальную мысль. Онъ не считаетъ дилеттантство пагубнымъ для искусства, а напротивъ того, считаетъ его составной частью искусства. Есть три условія художественнаго совершенства: желаніе создать нѣчто истинно художественное, умѣнье сдѣлать это—и наконецъ достиженіе желаемаго. Пагубны для искусства лишь ремесленность и пошлость, когда дѣло идетъ о достиженіи не совершенства, а только внѣшняго успѣха—какими угодно и возможно легкими средствами; когда при созиданіи художественнаго произведенія нѣтъ ни желанія служить искусству, ни умѣнья. Истинный дилеттантъ—кто обладаетъ однимъ изъ двухъ средствъ, ведущихъ къ совершенству: или волей, лишенной таланта, или талантомъ, плохо направленнымъ волей. Истинное искусство не можетъ быть результатомъ такой половинчатости, но во всякомъ случаѣ это путь къ художественной правдѣ. Всякій художникъ, къ тому же, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ—непремѣнно дилеттантъ, такъ какъ искусство требуетъ всесторонности, недостижимой для человѣческихъ силъ. Есть, конечно, дилеттантизмъ другого рода—и очень пагубный для искусства. Онъ порождается успѣхомъ произведеній, не

Digitized by Google

имѣющихъ особенныхъ достоинствъ. Этотъ успѣхъ заражаетъ людей, еще менѣе способныхъ создать нѣчто художественное,—и тогда начинается торжество дилеттантства, ничего общаго съ искусствомъ не имѣющаго. Защищая дилеттантство въ высшемъ смыслѣ этого слова, Бергъ является, конечно, ярымъ противникомъ дилеттантства, порожденнаго пошлостью и неразвитостью общества.

Бергъ занимается еще въ своей книгѣ вопросомъ объ отличіи истинной нравственности отъ того катехизиса морали, который считается обязательнымъ для художниковъ и писателей. Бергъ требуетъ для искусства полной свободы, для живописцевъ—права изучать и изображать человѣческое тѣло, и придаетъ большое значеніе эротическимъ мотивамъ въ искусствѣ. Въ общемъ книга его интересна главнымъ образомъ какъ историческій документъ; она ярко освѣщаетъ положеніе искусства и литературы въ Германіи и производитъ впечатлѣніе искренняго „cri de coeur“ писателя, которому тяжело дышется среди окружающей его полу-интеллигентной толпы.

II.

W. C. Morrow. Le singe, l'idiot et autres gens. Стр. 300. Paris, 1901.

В. С. Морроу — американскій писатель, изъ семьи французскаго происхожденія. Онъ живетъ въ Санъ-Франциско, пишетъ въ большихъ американскихъ газетахъ статьи по текущимъ вопросамъ, и кромѣ журнальныхъ работъ извѣстенъ оригинальными разсказами и повѣстями. Сборникъ его разсказовъ: „The ape, the idiot and other people“, имѣлъ большой успѣхъ въ Америкѣ и Англіи—и въ настоящее время появился въ прекрасномъ французскомъ переводѣ. Французы — уже вслѣдствіе затрудненій, которыми обставлены переводы со всѣхъ языковъ кромѣ русскаго—переводятъ лишь наиболѣе выдающіяся произведенія иностранныхъ литературъ, и потому самое появленіе разсказовъ Морроу по-французски довольно знаменательно: американскій разсказчикъ перестаетъ быть мѣстной знаменитостью, превозносимой въ угоду національной гордости, и входитъ въ кругъ писателей международныхъ. Французское изданіе разсказовъ Морроу представляетъ поэтому особый интересъ,—оно даетъ возможность судить объ авторѣ съ общелитературной точки зрѣнія, а не какъ о писателѣ, имѣющемъ значеніе только для своей страны.

Стоитъ прочесть одинъ или два разсказа Морроу, чтобы убѣдиться въ его принадлежности къ школѣ Эдгара По. Великій американскій поэтъ ввелъ новый элементъ въ литературу: всю силу своей неисчер-

Digitized by Google

паемой фантазіи онъ направлялъ на возбужденіе чувства ужаса. Творчество его—не безсознательное, а точно расчитанное, намѣренное; онъ всегда имѣетъ въ виду дѣйствіе своихъ словъ, хочетъ поработить себѣ читателя, играть на его нервахъ какъ на послушномъ инструментѣ, вызывая именно тѣ настроенія, которыя онъ желаетъ вызвать. Общее впечатлѣніе ужаса, производимое его разсказами, не является прямымъ слѣдствіемъ его необузданной мрачной фантазіи. Напротивъ того, это сознательная цѣль, которую онъ достигаетъ и силой своего творчества, и главнымъ образомъ своей виртуозностью, своей мастерской техникой. Казалось бы, что эта сознательность художественныхъ пріемовъ должна производить впечатлѣніе искусственности и расхолаживать читателя. Эдгаръ По, однако, становится властелиномъ читателя и не даетъ ему ни на минуту возможности освободиться отъ гипноза. Это происходитъ оттого, что за искусственностью пріемовъ таится нѣчто стихійное—и оно роднитъ читателя съ художникомъ. Въ душѣ Эдгара По живетъ безграничное чувство ужаса, чуткое и острое сознаніе всѣхъ безднъ, всей тайны человѣческаго бытія. Все, что онъ пишетъ, проникнуто неотступной мыслью о таинственности всего существующаго, объ ужасахъ, которыми мы окружены, изъ которыхъ нѣтъ и не можетъ быть исхода. Мы забываемъ о нихъ, и только потому можемъ жить спокойной, свѣтлой жизнью. Но въ насъ спитъ чувство, которое связываетъ насъ съ окружающей тайной; чувство это—страхъ, и стоитъ разбудить его въ насъ, чтобы намъ все казалось грознымъ и непонятнымъ, чтобы исчезли границы между возможнымъ и невозможнымъ и явилась вѣра въ самое несбыточное, почти противорѣчащее законамъ явленій; потому что и самое обыденное, осязательное, становится подъ вліяніемъ страха—и его крайней степени, ужаса — непостижимымъ и таящимъ въ себѣ грозныя опасности. На этомъ чувствѣ построено все творчество Эдгара По, и виртуозность его пріемовъ утрачиваетъ чисто внѣшній характеръ, отражая глубокую психологическую правду.

Новизна Эдгара По заключалась, такимъ образомъ, въ самой основѣ его творчества. Но и техническая сторона его произведеній представляетъ много особенностей. Онъ совершенно отрѣшился отъ грубыхъ пріемовъ воздѣйствія на нервы, и никакихъ сенсаціонныхъ фантастическихъ выдумокъ, никакой небывальщины нѣтъ въ его разсказахъ. Онъ имѣетъ въ виду скептическій умъ современнаго культурнаго человѣка и никогда не прибѣгаетъ къ сказочнымъ чудесамъ, не имѣющимъ власти надъ разсудительнымъ и трезвымъ воображеніемъ. Но фантазія его нашла новый источникъ,—онъ открываетъ чудесное въ обыденныхъ явленіяхъ, въ жизни, въ чувствахъ и страстяхъ сложной современной дѣйствительности, въ томъ, что возможно и что слу-

Digitized by Google

чается въ условіяхъ правильнаго культурнаго существованія, что̀ совмѣстимо даже съ научными теоріями; онъ какъ бы вкрадывается въ довѣріе читателя необычайной точностью своихъ первыхъ посылокъ, придаетъ вымыслу характеръ строгой фактической правды, обставляетъ изложеніе событій документами и научными доказательствами. Потомъ, когда читатель вполнѣ освоился съ его посылками и повѣрилъ мастерскому разсказу, авторъ постепенно вводитъ его въ область предположеній, продолжая строго обосновывать каждый дальнѣйшій выводъ, подавляя богатствомъ фактическихъ подробностей, хотя и оставаясь въ предѣлахъ правдоподобности. И уже тогда, когда читатель окончательно зачарованъ, авторъ дѣлаетъ незамѣтный скачокъ въ область чистой фантазіи, причемъ логическая связь со всѣми предшествующими посылками вполнѣ сохранена, и фантастическій вымыселъ является какъ будто послѣднимъ крайнимъ выводомъ изъ всего предыдущаго. Въ этомъ заключается тайна обаянія По и успѣха его виртуознаго метода. Онъ ищетъ образовъ для воплощенія чувства ужаса, царящаго въ его душѣ, — и находитъ ихъ въ происшествіяхъ, совмѣстимыхъ съ нормальными условіями человѣческой жизни, только доведенныхъ до крайнихъ предѣловъ, въ которыхъ они становятся фантастическими.

Такова сущность и пріемы творчества Эдгара По. Сочетаніе мистицизма съ твердымъ логическимъ умомъ, требующимъ обоснованности и даже научности въ самыхъ смѣлыхъ порывахъ фантазіи, сдѣлало По однимъ изъ наиболѣе интересныхъ поэтовъ въ новѣйшей литературѣ, учителемъ цѣлаго поколѣнія художниковъ и писателей. Къ самымъ выдающимся его послѣдователямъ, очень сильно отразившимъ его вліяніе въ своихъ произведеніяхъ, принадлежатъ Бодлэръ, Вилье-де-Лиль-Аданъ, англійскій писатель Льюисъ Стевенсонъ. Всѣ они, слѣдуя его примѣру, искали чудеснаго въ обыденномъ, стремились возбуждать ужасъ, не уклоняясь отъ вѣроятности, и дѣлали все болѣе и болѣе изысканной художественную форму изложенія. Различіе между американскимъ писателемъ и его французскими и англійскими послѣдователями заключается въ томъ, что послѣдніе большей частью придаютъ сатирическую окраску вымысламъ фантазіи и пользуются своимъ талантомъ для обличенія разныхъ темныхъ сторонъ культурной жизни. Эдгаръ По, напротивъ того, настолько поглощенъ глубокимъ трагизмомъ жизни, что внѣшніе диссонансы не задѣваютъ его; его фантазія совершенно свободна отъ всякой „actualité“. Онъ предпочитаетъ для своихъ разсказовъ романтичную обстановку внѣ пространства и времени—и тѣмъ самымъ возможную для всѣхъ временъ, или же, говоря о жизни въ современныхъ городахъ, описываетъ происшествія столь глубоко трагическія, что всякое критическое отношеніе къ описываемымъ ра-

Digitized by Google

вамъ исчезаетъ передъ раскрывающимся трагизмомъ положеній и чувствъ.

На родинѣ Эдгара По послѣдователи его болѣе склонны слѣдовать его мрачной фантазіи, не примѣшивая къ ней иронiи и сарказма. Морроу—одинъ изъ новѣйшихъ представителей манеры Эдгара По. Въ его разсказахъ есть сильная мѣстная окраска: онъ говоритъ о Калифорніи и ея обитателяхъ, о происшествіяхъ возможныхъ въ странѣ, гдѣ еще такъ силенъ духъ приключеній,—но онъ совершенно не судитъ своихъ соотечественниковъ, не занимается психологіей людей, въ которыхъ сохранилось еще много стихійнаго, несмотря на быстрый ростъ культурной жизни и научнаго прогресса. Въ этой жизни, открытой для самыхъ разнообразныхъ неожиданностей и приключеній, онъ видитъ только ея драматизмъ; онъ изображаетъ положенія, которыя, при всей своей правдоподобности, обнажаютъ рѣзко и выпукло ужасъ, болѣе скрытый подъ внѣшней упорядоченностью европейской жизни. Въ основѣ всѣхъ разсказовъ Морроу лежитъ исканіе самыхъ неожиданныхъ противопоставленій, драматическихъ контрастовъ, трагическихъ столкновеній. Онъ доводитъ всякое положеніе до крайнихъ предѣловъ напряженія,—и конечное столкновеніе становится трагической необходимостью. Первый разсказъ, по которому названъ и весь сборникъ, носитъ странное заглавіе: „Обезьяна, идіотъ и другіе люди“. Обезьяна, убѣжавшая изъ клѣтки, отправляется искать приключеній. Она совершаетъ рядъ подвиговъ, освобождая всѣ существа, которыя встрѣчаетъ на пути. Обезьяна стала понимать радость свободы, побывавъ въ плѣну у людей,—и по своей стихійной склонности повторять все однажды испытанное, видѣнное и сдѣланное, ей хочется повторять „жесть освобожденія“, доставившій ей самой столько радости,—хочется ломать рѣшотки, открывать запертыя двери. Такова въ дѣйствительности психологія наивной человѣческой натуры, которая инстинктивно хочетъ того же блага другимъ, какое считаетъ полезнымъ для себя. Освобожденія, которыя совершаетъ обезьяна, очень своеобразны: блуждая по большой дорогѣ, она приходитъ къ оградѣ пріюта для идіотовъ, видитъ за рѣшоткой существо, похожее на себя, понимаетъ, что и оно жаждетъ свободы, и, выламывая рѣшотку, увлекаетъ идіота за собой. Эта странная чета бродитъ по міру—какъ новое воплощеніе донъ-Кихота и его слуги—и приноситъ свободу другимъ существамъ, у которыхъ инстинкты также преобладаютъ надъ разумомъ. Они открываютъ дверцы клѣтки, въ которой томится плѣненный скворецъ; разрѣзываютъ ремни, прикрѣплявшіе младенца къ его колыбели, и уносятъ съ собой ребенка въ свободу лѣсовъ, и т. д. Инстинктъ становится закономъ свободной жизни. Конецъ ихъ приключеній указываетъ на

Digitized by Google

торжество инстинкта даже надъ тѣмъ, что въ предѣлахъ ограниченнаго разума кажется смертью. Обезьяна и ея спутникъ попали на кладбище и присутствуютъ при погребеніи маленькой китайской дѣвочки. Китайцы, живущіе вдали отъ родины, не закапываютъ очень глубоко своихъ мертвецовъ,—чтобы при первой возможности вырыть ихъ изъ ненавистной христіанской почвы и перенести въ родной край. Погребальная церемонія совершается; обезьяна и идіотъ присутствуютъ при ней, притаившись за могильнымъ камнемъ. Какъ только могильщики и семья умершей удалились, обезьяна и идіотъ радостно берутся за повтореніе только-что происходившихъ передъ ними дѣйствій. Работая заступомъ, они очень скоро отрываютъ дѣвочку, которая оказывается живой; смерть ея была мнимой. Ихъ освободительная миссія завершается, такимъ образомъ, истиннымъ торжествомъ;—дѣвочка возвращается въ китайскій кварталъ города, къ оплакивающей ее матери, но ея спасители снова попадаютъ въ руки людей и лишаются свободы: обезьяну водворяютъ на прежнее мѣсто, въ клѣтку, идіота запираютъ въ пріютѣ. Разсказъ написанъ очень красиво, и столкновенія между существами столь различныхъ міровъ изображены съ большой драматической силой; въ нихъ отражено многообразіе соприкосновеній между всѣмъ, что живетъ въ мірѣ своей обособленной жизнью.

Не всѣ разсказы Морроу проникнуты символическимъ замысломъ, какъ этотъ первый. Большей частью онъ изображаетъ совершенно реальныя происшествія, и сила мрачной фантазіи сказывается въ сосредоточенности трагическихъ подробностей. Одинъ изъ лучшихъ разсказовъ носитъ названіе: „Передъ бутылкой полынной водки“. Въ немъ изображены муки голодающаго человѣка: Кимберлинъ ничего не имѣлъ во рту три дня, и физическія муки голода доводятъ его до галлюцинацій; онъ бродитъ вокругъ ресторановъ, впитываетъ въ себя запахъ вкусной пищи и еще болѣе изнемогаетъ и страдаетъ. У порога одного питейнаго дома онъ встрѣчаетъ страннаго съ виду незнакомца, который зоветъ его съ собой, усаживается съ нимъ въ отдѣльномъ кабинетѣ, предлагаетъ ему выпить вмѣстѣ и поиграть въ кости. Кимберлинъ, уже возбужденный голодомъ, совершенно теряетъ всякое самообладаніе и дѣйствуетъ какъ во снѣ: незнакомецъ далъ ему деньги, и Кимберлинъ пошелъ къ прилавку, купилъ водки и принесъ ее въ кабинетъ; незнакомецъ почему-то боится звать слугу, и Кимберлинъ долженъ самъ принести водку и кости для игры. Первый стаканъ опьяняетъ измученнаго голодомъ Кимберлина, который не рѣшается попросить поѣсть. Они начинаютъ играть; Кимберлинъ выигрываетъ огромныя суммы денегъ; незнакомецъ вынимаетъ одну за другой пачки банковыхъ билетовъ и проигрываетъ,

Digitized by Google

удвоивая ставки. Наконецъ поставлена огромная ставка, причемъ незнакомецъ заявляетъ, что это послѣднія его деньги—или онъ отыграетъ все свое состояніе, или все потеряетъ. На столѣ между игроками лежатъ сорокъ-восемь тысячъ долларовъ—и Кимберлинъ проигрываетъ. Онъ опять безъ гроша, не успѣвъ воспользоваться своимъ неожиданнымъ сказочнымъ богатствомъ для того, чтобы поѣсть. Нужно опять идти въ пространство голоднымъ. Кимберлинъ встаетъ и заявляетъ своему собесѣднику о томъ, что намѣренъ уйти,—но останавливается, услышавъ странный разговоръ за перегородкой. Два сыщика говорятъ объ ускользнувшемъ отъ нихъ смѣломъ ворѣ, похитившемъ сорокъ-восемь тысячъ долларовъ изъ банка. Кимберлинъ понимаетъ, что странный незнакомецъ и есть исчезнувшій воръ. Онъ смотритъ на него—и приходитъ въ ужасъ отъ его остановившагося стекляннаго взгляда. Кимберлину приходитъ въ голову дикая мысль: взять лежащія на столѣ деньги и уйти съ ними. Это такъ просто:—собственникъ денегъ ничего не видитъ и не слышитъ. Кимберлинъ чувствуетъ, что его какъ бы что-то ударило въ голову: ему кажется, что онъ уже на улицѣ, съ цѣлымъ сокровищемъ въ карманѣ,—онъ будетъ ѣсть, ѣсть безъ конца. Онъ мечтаетъ о грудѣ яствъ, о всевозможныхъ лакомствахъ, но ему всего мало, онъ не можетъ ни на чемъ остановиться,—ему нужно бо́льшаго; передъ его глазами мелькаютъ рестораны, съ выставленными въ окнахъ блюдами, но онъ идетъ дальше, ищетъ лучшаго, большихъ количествъ ѣды. Ему кажется, что онъ выросъ, что онъ становится все болѣе высокимъ, что всѣ вокругъ превратились въ карликовъ. Улицы расширились, звѣзды затмили электричество, воздухъ полонъ ароматовъ, слышатся сладчайшіе звуки музыки, и Кимберлинъ самъ хохочетъ, поетъ и играетъ. Черезъ нѣсколько времени сыщики, узнавъ отъ хозяина питейнаго дома о двухъ странныхъ посѣтителяхъ, запершихся въ отдѣльномъ кабинетѣ, стучатся туда, взламываютъ дверь, не получивъ отвѣта, и видятъ обоихъ игроковъ, застывшихъ въ той позѣ, въ какой они ставили послѣднюю ставку. Оба мертвы: одинъ умеръ отъ голода, другой—отъ ужаса, почувствовавъ, что его накрыли. Весь разсказъ построенъ на рѣзкости контрастовъ: голодная смерть становится тѣмъ болѣе страшной, что она происходитъ передъ близостью богатства, а таинственный грабитель умираетъ отъ ужаса въ тотъ моментъ, когда сыщики хотятъ уйти, отчаявшись найти ловкаго преступника. И въ самой встрѣчѣ двухъ людей, у которыхъ—по разнымъ причинамъ—напряженность чувствъ доходитъ до трагизма, есть нѣчто роковое, сцѣпленіе надежды и страха, полноты жизни и момента смерти.

Лучшіе разсказы Морроу—всѣ въ томъ же родѣ. Трагизмъ великой надежды, разбитой почти въ самый моментъ ея осуществленія, пред-

Digitized by Google

ставленъ въ „Золотой усыпальницѣ“: человѣкъ, дошедшій до безумія въ своей жаждѣ найти сокровище, испытываетъ моментъ величайшаго экстаза; онъ не хочетъ золота, добываемаго мелкими частицами изъ руды, и ждетъ, чтобы разверзлась гора, которую онъ считаетъ хранительницей несмѣтныхъ сокровищъ, и чтобы глыбы золота открылись ему сами собой. Сильное землетрясеніе исполняетъ его мечту: гора дала трещину, и въ ней искатель клада замѣчаетъ желтую сверкающую отполированную массу,—это и есть желанное золото. Но его блаженство служитъ и причиной его гибели: онъ отважно идетъ вглубь горы за кладомъ, но второй ударъ потрясаетъ гору и погребаетъ искателя подъ грудами найденнаго имъ золота. Внезапная встрѣча непримиримыхъ враговъ и двоякій исходъ этого столкновенія—или завершенная месть, или внезапное превращеніе ненависти въ любовь—служатъ мотивомъ двухъ другихъ разсказовъ: „Заключенный“ и „Непримиримый врагъ“. Оба разсказа изобилуютъ трагическими подробностями и ужасами, и напряженіе стихійныхъ инстинктовъ представлено какъ источникъ творческой силы въ человѣкѣ. Въ сборникѣ есть нѣсколько разсказовъ, въ которыхъ мрачный фантастическій вымыселъ исходитъ изъ научныхъ посылокъ: медикъ берется за фантастическіе научные опыты—и катастрофа опять вызвана столкновеніемъ непримиримыхъ элементовъ: докторъ какимъ-то научнымъ чудомъ превратилъ живого человѣка въ безформенную массу, живущую безъ вынутаго изъ головы его мозга; но это чудовище, обладающее безграничной силой, душитъ своего палача, и т. д.

Въ сборникѣ Морроу есть и сентиментальные разсказы, въ которыхъ изображено торжество добра и гуманныхъ чувствъ; но авторъ гораздо сильнѣе въ изображеніи трагизма и ужаса, царящихъ въ жизни,—и въ этомъ сказывается его близость къ Эдгару По.

З. В.

Digitized by Google

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 іюля 1901.

Старый, но не состарившійся вопросъ объ общеобразовательныхъ университетскихъ курсахъ.—Университетскій судъ и судъ товарищей-студентовъ.—Полемическіе пріемы реакціонной печати.—Новый учебный планъ.—Общества грамотности.—„Гражданинъ“ и А. И. Георгіевскій. — Русскія публичныя чтенія въ Парижѣ.—Еще о елизаветградскомъ уѣздѣ.—Запрещеніе „Жизни“.—С. В. Максимовъ и К. Т. Солдатенковъ †.—Post-Scriptum.

Много лѣтъ тому назадъ, когда доживалъ свои послѣдніе дни старый университетскій уставъ, одинъ изъ профессоровъ петербургскаго университета, извѣстный не только какъ ученый, но и какъ художникъ слова, напечаталъ замѣчательную статью, въ которой указалъ чрезвычайно мѣтко главный недостатокъ университетскаго строя. „Университетъ, — писалъ, въ 1883 г., Н. П. Вагнеръ [1]),—не удовлетворяетъ самой насущной, самой законной потребности человѣческаго ума. Университетская молодежь жадно ищетъ мысли, синтеза, матеріала для міровоззрѣнія или готоваго философскаго міросозерцанія—и этого не даетъ ей университетъ“. Исходя изъ этого несомнѣннаго факта, Н. П. Вагнеръ предлагалъ уменьшить на одинъ годъ продолжительность гимназическаго курса (т.-е. упразднить восьмой классъ) и предпослать спеціальнымъ факультетскимъ курсамъ (юридическому, медицинскому и т. п.) курсъ общій для всѣхъ студентовъ, обнимающій собою одинаково важные для всѣхъ образовательные предметы (исторію философіи, основы астрофизики и біологическихъ наукъ, нѣкоторыя обобщенія изъ химіи и физики, краткіе курсы сравнительнаго языкознанія, всеобщей литературы, сравнительнаго законовѣдѣнія и философіи права, краткій философскій курсъ всемірной исторіи). Голосъ г. Вагнера не былъ услышанъ; университетскій уставъ 1884 года не внесъ ничего новаго въ составъ и планъ университетскаго преподаванія. Въ 1891 г. Н. П. Вагнеръ вновь возвратился къ поднятому имъ вопросу [2]), по прежнему находя, что спеціализмъ, господствующій въ университетѣ, „давитъ естественныя и законныя требованія каждаго молодого человѣка. Наука ничего не потеряетъ и не пострадаетъ, если каждый образованный человѣкъ будетъ знать ея конечные общіе выводы, положенія и законы, и не

[1]) См. „Общественную хронику“ въ № 9 „Вѣстника Европы“ за 1883 г., гдѣ подробно изложенъ планъ г. Вагнера и выражено полное къ нему сочувствіе.

[2]) См. „Обществ. хронику“ въ № 10 „Вѣстн. Европы“ за 1891 г.

Digitized by Google

будетъ знать тѣ частности, на которыхъ построены эти выводы. Человѣкъ не будетъ образованъ, если онъ не усвоитъ себѣ общихъ положеній *всѣхъ* наукъ—хотя бы онъ зналъ до тонкости всѣ спеціальности какой-нибудь *одной* науки. Онъ будетъ спеціалистомъ, техникомъ, ученымъ, но не будетъ *образованнымъ* человѣкомъ". На этотъ разъ Н. П. Вагнеръ и два товарища его по университету—Н. И. Карѣевъ и А. И. Введенскій—сдѣлали попытку перейти отъ теоріи къ практикѣ: они объявили краткіе общеобразовательные курсы по энциклопедіи естествознанія, исторіи и философіи. Само собою разумѣется, что этимъ осуществлялась лишь весьма небольшая часть первоначальнаго плана, и осуществлялась, притомъ, при условіяхъ крайне неблагопріятныхъ: курсы, не входившіе въ установленную программу, могли быть посѣщаемы студентами только въ часы, свободные отъ слушанія обязательныхъ предметовъ, да и время для нихъ было отведено позднее, неудобное для большинства. Двое изъ лекторовъ (Н. П. Вагнеръ и А. И. Введенскій) скоро прекратили, по болѣзни, чтеніе объявленныхъ ими курсовъ, а курсъ Н. И. Карѣева вошелъ въ общую факультетскую схему, хотя и привлекалъ студентовъ разныхъ факультетовъ. Между тѣмъ, потребность въ общемъ образованіи постоянно растетъ, и настоящій моментъ,—если одновременно съ средней школой подвергнется преобразованію и высшая,—особенно благопріятенъ для ея удовлетворенія. Весьма кстати, поэтому, Н. И. Карѣевъ напомнилъ недавно въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 135) о симпатичномъ опытѣ 1891 г., неудавшемся вслѣдствіе причинъ отчасти случайныхъ, отчасти коренившихся въ тогдашнихъ университетскихъ порядкахъ. Если состоится упраздненіе восьмого гимназическаго класса, то выигрываемый такимъ образомъ годъ съ наибольшей пользой можетъ быть обращенъ на расширеніе, въ указанномъ выше смыслѣ, рамокъ университетскаго преподаванія. Общая продолжительность университетскаго курса можетъ, при этомъ, и не возрасти, если—по крайней мѣрѣ на нѣкоторыхъ факультетахъ — изученіе спеціальныхъ предметовъ будетъ ограничено тремя (или четырьмя) годами, вмѣсто нынѣшнихъ четырехъ (или пяти). На возможность такого ограниченія указываетъ примѣръ германскихъ университетовъ, а также нашихъ привилегированныхъ учебныхъ заведеній—училища правовѣдѣнія, александровскаго лицея, лицея Цесаревича Николая. Ее признаетъ, въ вышеупомянутой статьѣ, и Н. И. Карѣевъ, лишь бы только на старшихъ курсахъ была устранена многопредметность и введена бо̀льшая спеціализація...

Чѣмъ лучше будетъ устроена средняя школа, чѣмъ больше она будетъ давать хорошо усвоенныхъ свѣдѣній по общеобразовательнымъ предметамъ (русской литературѣ, исторіи, естествознанію, физикѣ,

Digitized by Google

отечествовѣдѣнію), тѣмъ легче станетъ организація общаго университетскаго курса, служащаго какъ бы предисловіемъ ко всѣмъ остальнымъ. Полезные результаты такого нововведенія были бы по истинѣ неисчислимы. „Представимъ себѣ, — говорили мы восемнадцать лѣтъ тому назадъ,—представимъ себѣ будущаго историка или лингвиста, едва знающаго имя Дарвина и сущность дарвинизма; можно ли назвать его достаточно приготовленнымъ къ разрѣшенію задачъ, съ которыми непремѣнно поставитъ его лицомъ къ лицу болѣе глубокое погруженіе въ собственную его спеціальность? Какъ отнесется онъ къ тѣмъ представителямъ исторической или филологической науки, исходной точкой которыхъ служитъ именно эволюціонизмъ, такъ или иначе понимаемый? Ему будетъ угрожать, очевидно, одно изъ двухъ: или игнорированіе взглядовъ, играющихъ важную роль въ избранной имъ отрасли знанія, или принятіе ихъ на вѣру, впредь до столкновенія съ теоріей, имъ враждебной. Эта теорія, въ свою очередь, можетъ стушеваться передъ другою, мотивированною съ бо̀льшею яркостью и силой—и такъ далѣе до безконечности. Кто не захочетъ ни пройти мимо вопроса, ни двигаться на чужомъ буксирѣ, тому не останется ничего иного, какъ самому приняться за изученіе дарвинизма; но всегда ли онъ, среди текущихъ, обязательныхъ занятій, найдетъ для того время и возможность, всегда ли окажется способнымъ воспринять новыя знанія съ тою легкостью, которая составляетъ преимущество молодого ума, молодой памяти? Въ такомъ же затруднительномъ положеніи можетъ очутиться и естествоиспытатель, никогда не занимавшійся философіей и чувствующій на каждомъ шагу соприкосновеніе своей науки съ философскими вопросами. Возьмемъ, наконецъ, не ученаго спеціалиста, а просто образованнаго человѣка, желающаго понимать все совершающееся кругомъ него, сознательно слѣдить, на разныхъ дорогахъ, за новыми завоеваніями научной мысли. Какому бы факультету онъ ни былъ обязанъ своимъ образованіемъ, онъ встрѣтитъ множество едва преодолимыхъ затрудненій, коренящихся именно и только въ неполнотѣ запаса, даннаго ему средней школой и университетомъ. Моментъ вступленія въ университетъ совпадаетъ, для массы молодыхъ людей, съ моментомъ наибольшей свѣжести ума, наибольшаго возбужденія любознательности; особенно привлекательнымъ представляется въ это время не изученіе подробностей, фактовъ, на которыхъ такъ долго сосредоточивалось вниманіе въ гимназіи, а знакомство съ общими законами природы и жизни. Преподаваніе, удовлетворяющее этому стремленію, было бы будильникомъ, звукъ котораго долго не умолкалъ бы въ умѣ слушателя. Глубокій интересъ лекцій наполнилъ бы собою существованіе студента и помогъ бы ему пережить, не отвлекаясь въ сторону, критическую ми-

Digitized by Google

нуту перехода отъ школьной скамьи къ академической свободѣ—а профессорамъ, оживленнымъ многочисленными, внимательными аудиторіями, легче было бы не замыкаться въ отдѣльныя, узкія клѣтки преподаваемыхъ ими предметовъ". Когда мы писали эти слова, основаній надѣяться на внесеніе новой, свѣжей струи въ университетскую жизнь не было почти вовсе; теперь обстоятельства измѣнились къ лучшему, и для тогдашней мечты приближается, быть можетъ, переходъ въ дѣйствительность.

Извѣстный юристъ и публицистъ П. Н. Обнинскій напечаталъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 148) интересную статью о „желательномъ типѣ университетскаго суда". Не касаясь подробностей плана, предлагаемаго авторомъ, остановимся только на нѣкоторыхъ его чертахъ, вызвавшихъ ожесточенныя нападки со стороны реакціонной печати. Университетскій судъ, по мнѣнію г. Обнинскаго, долженъ быть двоякій: одинъ, состоящій изъ профессоровъ—для дѣлъ о нарушеніи университетскихъ правилъ или общихъ узаконеній, ограждающихъ общественный порядокъ; другой, состоящій изъ студентовъ—для дѣлъ о поступкахъ безнравственныхъ или безчестныхъ. Систему взысканій, назначаемыхъ первымъ изъ этихъ судовъ, г. Обнинскій предлагаетъ установить примѣнительно къ уставу о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, не включая въ нее увольненіе, удаленіе и исключеніе изъ университета; второму, товарищескому суду онъ считаетъ нужнымъ предоставить право исключенія изъ университета, съ тѣмъ, чтобы обвинительный приговоръ могъ быть обжалованъ совѣту. Изъ профессоровъ, входящихъ въ составъ перваго суда, одинъ (предсѣдательствующій) долженъ быть, по мнѣнію г. Обнинскаго, избираемъ совѣтомъ, два другіе—студентами. Нетрудно угадать, что̀ именно, во всемъ этомъ, возбу̀дило негодованіе газетныхъ реакціонеровъ. Они недоумѣваютъ, какимъ образомъ г. Обнинскій, отказываясь отнести исключеніе изъ университета къ числу наказаній, налагаемыхъ судомъ профессоровъ, допускаетъ примѣненіе этой карательной мѣры судомъ студентовъ, т.-е. отдаетъ судьбу молодыхъ людей „въ руки нафанатизированныхъ подростковъ, готовыхъ предать казни всякаго несогласно съ ними мыслящаго"? Недоумѣніе это разрѣшается весьма просто. Нарушеніе *порядка*, отступленіе отъ установленныхъ *правилъ*,—если оно не заключаетъ въ себѣ признаковъ *преступленія*, караемаго общимъ закономъ,—нельзя ставить на одинъ уровень съ нарушеніемъ требованій *чести*. Кто виновенъ только въ первомъ, тотъ можетъ, понеся дисциплинарное взысканіе, остаться въ прежней товарищеской средѣ; для виновнаго во второмъ она

Digitized by Google

должна быть закрыта. Могутъ быть, конечно, случаи, когда наказаніе, назначенное закономъ за нарушеніе порядка, удаляетъ осужденнаго, ipso facto, изъ студенческой среды, подвергая его ссылкѣ или лишенію свободы; но вѣдь въ такихъ случаяхъ,—предусмотрѣнныхъ и г. Обнинскимъ,—наказаніе назначается не университетскимъ, а общимъ судомъ. Если оно не сопряжено съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ, то нѣтъ основанія безусловно преграждать лицу, его отбывшему, обратный доступъ въ университетъ. Другое дѣло—исключеніе изъ университета за дѣйствіе, противное правиламъ чести, но не наказуемое уголовнымъ закономъ (напр. альфонсизмъ, систематическое, хотя бы и безъ прямого шулерства, обыгрываньe неопытныхъ юнцовъ, систематическая, не вслѣдствіе недостатка средствъ, неуплата долговъ, присвоеніе чужого умственнаго труда): оно является единственнымъ нормальнымъ средствомъ порвать, de jure, товарищескую связь, de facto переставшую быть возможной. Отсутствіе, въ такихъ случаяхъ, правильно организованнаго товарищескаго суда опасно какъ для самого заподозрѣннаго или обвиняемаго, такъ и для массы студентовъ: для перваго—потому что онъ лишенъ возможности оправдаться, для второй—потому что негодованіе, не находящее легальнаго исхода, легко можетъ привести къ самовольной расправѣ или къ нарушенію порядка въ стѣнахъ университета. Въ своемъ стихійномъ движеніи толпа способна пойти дальше цѣли, принять подозрѣніе за доказательство, осудить не выслушавъ защиты—но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы ея предубѣжденіямъ и страстямъ слѣпо подчинялись избранные ея представители. Даже „нафанатизированные“ юноши (не говоримъ: *подростки*, потому что этотъ терминъ непримѣнимъ къ нашимъ теперешнимъ студентамъ), обратясь въ *судей*, съумѣютъ освободиться отъ предвзятой мысли и, сознавая упадающую на нихъ отвѣтственность, безпристрастно и спокойно отнесутся къ своей задачѣ. Не нужно углубляться особенно далеко въ исторію студенческихъ волненій, чтобы придти къ убѣжденію, что существованіе товарищескаго суда—одинъ изъ „предохранительныхъ клапановъ“, обезпечивающихъ правильное теченіе университетской жизни. Перенести его функціи на обыкновенный университетскій (т.-е. профессорскій) судъ неудобно уже потому, что задача послѣдняго совершенно иная: онъ призванъ охранять порядокъ и дисциплину, а не понятіе корпоративной чести, выработка котораго должна быть дѣломъ самой корпораціи. Конечно, вполнѣ свободнымъ отъ увлеченій и ошибокъ товарищескій судъ не будетъ; необходимы гарантіи, и одну изъ нихъ—обжалованіе приговоровъ совѣту—мы находимъ и въ проектѣ г. Обнинскаго. Намъ кажется, что къ ней слѣдовало бы прибавить еще другую, не менѣе важную. Предусмотрѣть заранѣе всѣ виды нарушенія

Digitized by Google

корпоративной чести едва ли возможно; нельзя, слѣдовательно, установить съ полною точностью предѣлы компетентности товарищескаго суда. Между тѣмъ, самое привлеченіе къ суду можетъ нанести обвиняемому тяжелый ущербъ, нелегко вознаградимый. Отсюда необходимость предварительнаго разрѣшенія вопроса, подлежитъ ли данный поступокъ обсужденію товарищескаго суда. Въ этомъ первомъ фазисѣ дѣла хладнокровное отношеніе къ нему особенно важно—и особенно трудно: осторожнѣе, поэтому, предоставить роль обвинительной камеры коллегіи, составленной изъ профессоровъ. Участіе студентовъ въ выборѣ членовъ этой коллегіи—какъ и въ выборѣ членовъ университетскаго суда—не представляло бы, въ нашихъ глазахъ, ничего анормальнаго. Члены совѣта присяжныхъ повѣренныхъ постановляютъ, сплошь и рядомъ, обвинительные приговоры противъ своихъ избирателей; гдѣ же причина думать, что аналогичный образъ дѣйствій оказался бы не подъ силу профессорамъ, вошедшимъ въ составъ суда по выбору студентовъ? Большой важности этому вопросу мы, впрочемъ, не придаемъ: если выборному началу будетъ возвращено, въ средѣ университетовъ, то мѣсто, которое принадлежало ему по уставу 1863 года, то гарантіей безпристрастія судей будетъ служить и выборъ ихъ совѣтомъ.

Борьба съ противниками—одна изъ главныхъ задачъ и безспорное право періодической печати. Нельзя ставить ей въ вину ни обостренность аргументовъ, ни горячность полемическаго тона, ни даже нѣкоторую несдержанность выраженій; но для нея безусловно обязательно воздержаніе отъ попытокъ залѣзть въ чужую душу, заподозрить искренность чужихъ словъ, приписать ихъ побочнымъ мотивамъ, да еще, въ добавокъ, мотивамъ низменнаго свойства. Есть, къ сожалѣнію, газеты, не признающія—для себя—обязательности этого требованія. Не довольствуясь опроверженіемъ доводовъ г. Обнинскаго, не довольствуясь указаніемъ на противорѣчіе между его прежними и нынѣшними взглядами, „Московскія Вѣдомости“ (№ 151) ставятъ вопросъ о причинѣ этого противорѣчія—и, зная по опыту, что единственнымъ отвѣтомъ со стороны допрашиваемыхъ бываетъ, въ подобныхъ случаяхъ, презрительное молчаніе, сами берутся за его разрѣшеніе. „Въ 1888-мъ году,—восклицаетъ газета, ссылаясь на статью, напечатанную г. Обнинскимъ въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“ [1]), —г. Обнинскій осуждаетъ мировой судъ и приписываетъ всѣ его недостатки *выборному началу*, а въ 1901 г. онъ считаетъ выборное начало и въ судѣ, и въ университетѣ необходимымъ жизненнымъ нер-

[1]) Мы возражали противъ этой статьи въ № 6 „Вѣстника Европы“ за 1888 г. (Внутреннее Обозрѣніе).

Digitized by Google

вомъ и надежнѣйшимъ регуляторомъ... Въ 1888 году г. Обнинскій былъ чиновникомъ министерства юстиціи, *а потому онъ стоялъ за правительство.* Въ 1901 г. онъ только получаетъ неотъемлемую пенсію за то, что былъ чиновникомъ министерства юстиціи, *а потому онъ высказывается противъ правительства*". Такой непозволительной выходки трудно было ожидать даже отъ „Московскихъ Вѣдомостей". Къ игрѣ понятіями, посредствомъ которой защита выборнаго начала отождествляется съ противодѣйствіемъ правительству, мы уже привыкли, сама по себѣ она бы насъ не удивила; но къ ней присоединяется на этотъ разъ нѣчто иное, гораздо худшее. Что̀ сказала бы московская газета, еслибы кто-нибудь сталъ доискиваться сокровенныхъ причинъ перемѣны, происшедшей во взглядахъ М. Н. Каткова, и нашелъ бы ихъ въ обстоятельствахъ, не имѣющихъ ничего общаго съ естественной эволюціей убѣжденій? А между тѣмъ, эта перемѣна гораздо глубже и шире той, которая произошла въ мнѣніяхъ г. Обнинскаго. Послѣдняя касается одного частнаго вопроса, первая—почти всѣхъ главныхъ основъ русской государственной и общественной жизни. П. Н. Обнинскій всегда былъ и не перестаетъ быть поклонникомъ великихъ реформъ, защитникомъ новаго судебнаго строя; М. Н. Катковъ, въ восьмидесятыхъ годахъ, сжигалъ все, чему поклонялся четвертью вѣка раньше... Чтобы понять, почему г. Обнинскій примирился съ выборнымъ судомъ, стòитъ только припомнить все пережитое нами за послѣднія тринадцать лѣтъ, стòитъ только сравнить дѣйствующія судебно-административныя учрежденія съ мирювымъ институтомъ, созданнымъ судебными уставами императора Александра II-го. Поводовъ къ тому, чтобы убѣдиться въ ошибочности нападеній на выборный мировой судъ, у г. Обнинскаго оказалось болѣе чѣмъ достаточно—и онъ откровенно призналъ свою ошибку [1]). Чтобы перетолковать въ дурную сторону нѣчто столь понятное и простое, нужно особое умѣнье—умѣнье предполагать во всемъ и во всѣхъ только мелкое, низкое и пошлое; но обладатели такого умѣнья вредятъ гораздо больше самимъ себѣ, нежели тѣмъ, противъ которыхъ оно направлено. Репутація П. Н. Обнинскаго установлена слишкомъ прочно, чтобы ее могли поколебать навѣты „Московскихъ Вѣдомостей". Вся литературная дѣятельность его, до и послѣ оставленія имъ государственной службы, составляетъ одно стройное цѣлое, гармонію котораго не можетъ нарушить неодинаковое, на разстояніи десяти слишкомъ лѣтъ, отношеніе къ одному частному вопросу.

---

[1]) См. статью П. Н. Обнинскаго въ сборникѣ: „Выборный мировой судъ" (Спб., 1898).

Digitized by Google

Нѣсколько дней спустя послѣ окончанія работъ коммиссіи П. С. Ванновскаго въ газетахъ появились свѣдѣнія о проектированныхъ ею программахъ единой школы. Интересно сравнить ихъ съ нынѣ дѣйствующимъ гимназическимъ учебнымъ планомъ. Число уроковъ Закона Божія въ каждомъ классѣ остается прежнее. Латинскому языку, изученіе котораго начинается только въ четвертомъ классѣ (теперь—въ первомъ) отводится 16 часовъ (теперь—42), русскому языку, съ словесностью и логикой—30 часовъ (теперь, въ восьми классахъ—29), математикѣ, съ космографіей—30 (теперь 29), физикѣ—9 (вмѣсто 7), исторіи—19 (вмѣсто 13), географіи и отечествовѣдѣнію—15 (вмѣсто 8), новымъ языкамъ—36 (вмѣсто 38; но обязательнымъ было до сихъ поръ изученіе одного только новаго языка, при 19 часахъ), чистописанію, рисованію и *черченію* (послѣднее теперь въ гимназіяхъ не преподается вовсе)—20 (вмѣсто 10). Вновь вводятся естествовѣдѣніе (9 часовъ) и законовѣдѣніе (4 часа). Изъ 16 часовъ, назначенныхъ въ латинскомъ отдѣленіи на латинскій языкъ, въ реальномъ отдѣленіи 6 часовъ идутъ на усиленіе преподаванія естествовѣдѣнія, 10—черченія и рисованія. Въ первомъ, второмъ и третьемъ классахъ ученики будутъ заняты по 26 часовъ въ недѣлю, въ четвертомъ—32 часа, въ пятомъ, шестомъ и седьмомъ—по 33, а всего 209 часовъ [1]) (теперь въ первыхъ семи классахъ гимназіи число часовъ равняется для обучающихся обоимъ новымъ языкамъ—196, одному французскому—179, одному нѣмецкому—180; maximum часовъ въ недѣлю—29, minimum—23). Тридцать-три часа въ недѣлю—это, среднимъ числомъ, $5^1/_2$ часовъ въ день; даже въ трехъ младшихъ классахъ на каждый день приходится больше 4 учебныхъ часовъ. Мы сказали бы, что это слишкомъ много, еслибы не были увѣрены, что увеличивающаяся продолжительность учебнаго дня будетъ уравновѣшена съ одной стороны бо̀льшею привлекательностью и разнообразіемъ ученья, съ другой—болѣе правильнымъ распредѣленіемъ учебнаго времени (напр. введеніемъ болѣе продолжительнаго полуденнаго отдыха), бо̀льшею заботливостью о пищѣ приходящихъ учениковъ и бо̀льшимъ развитіемъ физическихъ упражненій (гимнастики, маршировки, ручного труда), на которыя предполагается назначить по 20 часовъ въ недѣлю... Къ измѣненію учебныхъ плановъ министерство народнаго просвѣщенія намѣрено приступить, въ видѣ временной мѣры, съ самаго начала

[1]) Цифру 209 мы находимъ какъ въ „Россіи“, такъ и въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, и она соотвѣтствуетъ суммѣ недѣльныхъ часовъ во всѣхъ семи классахъ; но если сложить цифры уроковъ по предметамъ (также одинаковыя въ обѣихъ газетахъ), то выходитъ не 209, а 202. Которая изъ этихъ цифръ соотвѣтствуетъ дѣйствительности? Если первая, то желательно было бы знать, какіе учебные часы пропущены въ вышеприведенномъ перечнѣ уроковъ.

Digitized by Google

наступающаго учебнаго года: предполагается, между прочимъ, прекратить въ первомъ и второмъ классахъ преподаваніе латинскаго, въ третьемъ и четвертомъ—преподаваніе греческаго языка.

Занятія коммиссіи П. С. Ванновскаго возобновятся осенью: она не успѣла разрѣшить включенные въ ея программу вопросы о начальной школѣ и о женскомъ образованіи. Къ этому же времени будутъ получены, вѣроятно, отзывы университетовъ и другихъ высшихъ школъ о реформѣ высшаго образованія. Работы предстоитъ еще много, и можно только пожелать, чтобы всѣ послѣдующіе ея фазисы закончились столь же успѣшно и столь же скоро, какъ и первый, касавшійся средней школы. Вообще, наслѣдство, полученное нынѣшнимъ министромъ народнаго просвѣщенія отъ его предшественниковъ, весьма велико и весьма сложно. На очереди стоитъ, между прочимъ, вопросъ объ обществахъ грамотности, такъ неудачно замѣнившихъ собою, въ 1896 г., упраздненные комитеты грамотности (московскій и петербургскій). Необходимо опять ввести въ оборотъ ту массу полезнаго труда, которую давала и можетъ давать правильно организованная общественная забота о народномъ образованіи. Достигнуть этой цѣли можно только возстановленіемъ самостоятельности обществъ: пускай они подлежатъ строжайшему контролю, но пускай избираютъ сами своихъ членовъ и свое управленіе. Этому основному условію не соотвѣтствуетъ проектъ новаго устава московскаго общества грамотности, содержаніе котораго было недавно оглашено въ печати [1]). Предсѣдатель общества назначается министромъ народнаго просвѣщенія и можетъ быть имъ же смѣщенъ; товарищъ предсѣдателя и восемь членовъ правленія избираются обществомъ, но въ составъ правленія, кромѣ того, обязательно входятъ одинъ изъ инспекторовъ учебнаго округа, одинъ директоръ и одинъ инспекторъ народныхъ училищъ, представитель мѣстной администраціи (по назначенію губернатора) и одинъ изъ профессоровъ университета. На девять избранныхъ (подъ условіемъ утвержденія министромъ) приходится, такимъ образомъ, шесть назначенныхъ членовъ. При такомъ составѣ правленія трудно ожидать отъ него единодушной, дружной и, слѣдовательно, плодотворной дѣятельности. Извѣстный просторъ, извѣстное довѣріе—это атмосфера, внѣ которой общество не можетъ развиваться, не можетъ, иногда, даже возникнуть. Московское юридическое общество, напримѣръ, до сихъ поръ не открылось вновь—очевидно, вслѣдствіе условій, которыми бывшій министръ народнаго просвѣщенія обставилъ его возрожденіе [2]), и московскій университетъ, а вмѣстѣ съ нимъ и вся Мо-

[1]) См. „Россія“, № 752.

[2]) См. „Обществ. хронику“ въ №№ 8 и 9 „Вѣстника Европы“ за 1899 г.

Digitized by Google

ства, уже цѣлыхъ два года лишены существенно важнаго звена въ цѣпи просвѣтительныхъ учрежденій. Будемъ надѣяться, что въ этой области совершится такой же поворотъ къ лучшему, какъ и въ другихъ сферахъ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія.

Для новаго дѣла нужны и новые люди. Въ теченіе мая мѣсяца министерство народнаго просвѣщенія оставили товарищъ министра, Н. А. Звѣревъ, и предсѣдатель ученаго комитета, членъ совѣта министра, А. И. Георгіевскій; и тотъ, и другой назначены сенаторами. Особенно важную роль игралъ послѣдній, не безъ основанія считавшійся, вмѣстѣ съ М. Н. Катковымъ, П. М. Леонтьевымъ и Н. А. Любимовымъ, главной опорой гимназическаго классицизма и главнымъ противникомъ университетскаго устава 1863-го года. Его уходъ внушилъ „Гражданину“ одну изъ тѣхъ статей, въ которыхъ кн. Мещерскій — самъ или въ лицѣ своихъ сотрудниковъ — нежданно-негаданно перестаетъ быть тѣмъ, что онъ есть, и является выразителемъ чуждыхъ ему обыкновенно взглядовъ. Вотъ что мы читаемъ въ № 37 „Гражданина“: „изъ министерства ушелъ совсѣмъ необыкновенный человѣкъ, представлявшій собою тридцать лѣтъ несокрушимый авторитетъ, гипнозу котораго подчинялись съ рабскою покорностью всѣ министры народнаго просвѣщенія, начиная съ графа Толстого, и подчинялись въ самомъ невѣроятномъ и въ самомъ существенномъ — въ примѣненіи ко всей гражданской школѣ ужаснаго принципа безличія, благодаря которому, во-первыхъ, изъ школы было изгнано воспитаніе юношества, какъ задача государства, во-вторыхъ, введена система средняго классическаго образованія на началахъ желѣзнаго педантизма и мертваго формализма, и въ-третьихъ, совсѣмъ изгнано изъ школы сердечное участіе къ судьбѣ учащагося юноши. Чтобы все это совершить и поддержать въ второстепенной роли совѣтника, при рядѣ министровъ разныхъ характеровъ и разныхъ взглядовъ, начиная съ желѣзнаго графа Толстого, и кончая мягкосердечнымъ гр. Деляновымъ, у всѣхъ заставить сердце не биться любовью къ молодежи, руководя ея ученіемъ, надо было быть необыкновеннымъ человѣкомъ... И такимъ и былъ А. И. Георгіевскій во все время своего фактическаго 30-лѣтняго диктаторства въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Не было директора гимназіи, инспектора, учителя въ вѣдомствѣ гражданской школы, который въ теченіе этихъ 30 лѣтъ не подчинялъ свою душу долгу—усердіе по службѣ и исполненіе воли начальства видѣть въ атрофіи сердца къ учащемуся юношеству. И тотъ ужасный типъ вицъ-мундирнаго педагога, который за эти 30 лѣтъ создался на всемъ пространствѣ русской земли, типъ человѣка, превратившаго учащагося юношу въ бальную отмѣтку, насажденъ на почвѣ русской школы этимъ необыкновеннымъ человѣкомъ“. Въ этой характеристикѣ

Digitized by Google

намъ кажется спорнымъ лишь одно: едва ли гр. Д. А. Толстой *подчинялся*, хотя бы и не рабски, А. И. Георгіевскому. Главная, рѣшающая роль во всѣхъ мѣропріятіяхъ министерства народнаго просвѣщенія съ 1866 по 1880 г. принадлежала, безъ сомнѣнія, самому министру.

Въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ наши университеты понесли длинный рядъ чувствительныхъ потерь, при обстоятельствахъ, о которыхъ даетъ понятіе документъ, напечатанный въ недавней статьѣ А. С. Фаминцына (см. іюньскую книжку „Вѣстника Европы", стр. 775). Мы вспомнили объ этихъ потеряхъ, когда прочли въ парижской корреспонденціи „Русскихъ Вѣдомостей" (№ 161) о публичныхъ чтеніяхъ, устраиваемыхъ въ Парижѣ для русскихъ слушателей. Задуманныя первоначально русской группой международной выставочной школы, эти лекціи продолжались цѣлый годъ, имѣли большой успѣхъ и внушили мысль—близкую къ осуществленію—объ открытіи въ Парижѣ постоянной „русской высшей школы общественныхъ наукъ". Между лекторами, уже выступавшими и ожидаемыми, мы встрѣчаемъ имена М. М. Ковалевскаго, А. И. Чупрова, Ю. С. Гамбарова, Н. И. Карѣева, И. И. Мечникова, Е. В. Де-Роберти, А. А. Исаева, Н. А. Котляревскаго. Само собою разумѣется, что мы отъ души сочувствуемъ новому учрежденію; но не обидно ли думать, что многимъ изъ вышеназванныхъ лицъ закрытъ доступъ къ русской университетской каѳедрѣ? Не слѣдовало ли бы признать за ними право, котораго они были лишены при увольненіи—право узнать, въ чемъ именно ихъ обвиняютъ, и представить, затѣмъ, возраженія противъ обвиненій? Вѣдь въ этомъ правѣ не отказываютъ обвиняемымъ въ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ. Весьма вѣроятно, что безпристрастное разслѣдованіе повлекло бы за собою возвращеніе университетамъ если не всѣхъ, то многихъ потерянныхъ ими научныхъ силъ. Выдающимися учеными Россія не такъ богата, чтобы лишать хотя бы одного изъ нихъ, безъ достаточной причины, возможности работать на русской почвѣ.

Въ „Финляндской газетѣ" напечатано слѣдующее оффиціальное сообщеніе: „Государю Императору 7-го (20-го) іюня с. г. благоугодно было Всемилостивѣйше соизволить на ходатайство консисторіи гельсингфорсскаго александровскаго университета объ уравненіи правъ женщинъ съ правами мужчинъ по отношенію къ вступленію въ императорскій университетъ въ Финляндіи освобожденіемъ ихъ отъ обязанности испрашивать у вице-канцлера особое разрѣшеніе на подачу ректору университета прошенія о допущеніи къ вступительному экза-

Digitized by Google

мену". Нѣкоторыя русскія газеты усматриваютъ въ этомъ Высочайшемъ повелѣніи разрѣшеніе „допускать въ гельсингфорсскій университетъ лицъ обоего пола на равныхъ правахъ" и черпаютъ въ немъ надежду, что въ скоромъ времени то же основное начало будетъ примѣнено и къ русскимъ университетамъ. Мы очень желали бы раздѣлять эту надежду, но основаніе, на которомъ она построена, кажется намъ крайне шаткимъ. Высочайшее повелѣніе 7-го (20-го) іюня не вводитъ въ порядки гельсингфорсскаго университета ничего существенно новаго: въ студенты этого университета женщины допускаются уже давно, и онѣ освобождены теперь лишь отъ соблюденія одной формальности, требовавшейся отъ нихъ при вступленіи въ университетъ. Только въ этомъ и заключается „уравненіе", о которомъ идетъ рѣчь въ Высочайшемъ повелѣніи 7-го (20-го) іюня. Радостное волненіе, вызванное имъ въ русской прессѣ, свидѣтельствуетъ только о томъ, что въ нашемъ обществѣ широко распространено желаніе видѣть доступъ въ университеты открытымъ для женщинъ наравнѣ съ мужчинами.

Въ продолженіе послѣднихъ мѣсяцевъ намъ нѣсколько разъ приходилось говорить о печальномъ положеніи нѣкоторыхъ селеній елизаветградскаго уѣзда (херсонской губерніи), сильно пострадавшаго отъ неурожая. Мѣсяцъ тому назадъ, въ газетахъ появилось правительственное сообщеніе, заключающее въ себѣ подробный обзоръ продовольственнаго дѣла въ этомъ уѣздѣ. По словамъ сообщенія, „продовольственная нужда населенія елизаветградскаго уѣзда, равно какъ потребность въ обсѣмененіи яровыхъ полей, удовлетворены, и прискорбныя явленія, выразившіяся въ распространеніи эпидеміи брюшного тифа въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и обнищаніи нѣкоторыхъ отдѣльныхъ семействъ, не могутъ быть признаны послѣдствіемъ исключительно неурожая и не имѣютъ непосредственной съ нимъ связи. Посему и принимая въ соображеніе, что какъ предупрежденіе отдѣльныхъ случаевъ нищеты, имѣющихъ мѣсто въ селахъ и городахъ, независимо отъ неурожая хлѣба, такъ и помощь бѣднымъ семействамъ, встрѣчающимся повсемѣстно, составляетъ задачу общественнаго призрѣнія и частной благотворительности, а не завѣдывающихъ продовольственнымъ дѣломъ учрежденій, и что, съ другой стороны,—отъ администраціи и земства не зависитъ устраненіе всѣхъ, неизвѣстныхъ притомъ въ точности, причинъ, вызывающихъ появленіе тифозной эпидеміи, время отъ времени посѣщающей тѣ или другія мѣстности, даже въ урожайные годы,—было бы несправедливо ставить въ вину учрежденіямъ, завѣдывающимъ продовольственнымъ дѣломъ въ елизаветградскомъ уѣздѣ, наличность тѣхъ печальныхъ случаевъ нужды и за-

Digitized by Google

болѣваній, о коихъ сообщалось газетами, еслибы таковыя и имѣли мѣсто на дѣлѣ. Напротивъ, если при томъ вниманіи, которое обращено было множествомъ частныхъ лицъ и обществъ и органами печати на продовольственныя мѣропріятія въ елизаветградскомъ уѣздѣ, и при той неограниченной свободѣ обсужденія этого вопроса, которая была предоставлена во все время продовольственной кампаніи не только безцензурнымъ газетамъ, но и подцензурнымъ мѣстнымъ изданіямъ, замѣченъ былъ лишь одинъ, и то недоказанный еще, случай употребленія въ пищу негоднаго хлѣба, въ одномъ семействѣ, и указывалось на недостаточность врачебной и продовольственной помощи въ одномъ или двухъ селеніяхъ на всемъ пространствѣ обширнаго, пострадавшаго отъ неурожая уѣзда, съ полумилліоннымъ крестьянскимъ населеніемъ, то представляется серьезное основаніе утверждать, что продовольственная кампанія въ елизаветградскомъ уѣздѣ проведена успѣшно, и учрежденія, на отвѣтственность коихъ она была возложена, выполнили свои обязанности добросовѣстно, въ мѣрѣ своихъ силъ и возможности".—Основательны ли газетныя свѣдѣнія о препятствіяхъ и стѣсненіяхъ, встрѣченныхъ въ елизаветградскомъ уѣздѣ частными лицами, желавшими придти на помощь населенію—этого мы изъ сообщенія не узнаемъ; но важно уже и то, что оно признаетъ значеніе частной благотворительности, какъ необходимаго дополненія къ оффиціальной борьбѣ съ послѣдствіями неурожая. Это позволяетъ надѣяться, что въ случаѣ повторенія аналогичнаго бѣдствія—а этого можно, къ несчастію, ожидать въ ближайшемъ будущемъ—частныя лица явятся *желанными* союзниками администраціи и такихъ учрежденій, какъ общество Краснаго Креста... Замѣтимъ еще, что послѣднія, по времени, донесенія херсонскаго губернатора, упомянутыя въ правительственномъ сообщеніи, относятся къ половинѣ апрѣля и, слѣдовательно, не касаются тѣхъ фактовъ, на которые, въ концѣ апрѣля и началѣ мая, студентъ Альбицкій и врачъ Фрейфельдъ обращали вниманіе елизаветградской уѣздной земской управы [1]).

Распоряженіемъ четырехъ министровъ запрещенъ совершенно, выходившій въ Петербургѣ (подъ цензурой), журналъ „Жизнь". Въ послѣдніе годы эта чрезвычайная мѣра примѣняется гораздо чаще, чѣмъ прежде. Введенная временными правилами 1882-го г., она постигла прежде всего (въ 1884 г.) „Отечественныя Записки"; затѣмъ мы не помнимъ случаевъ ея примѣненія до 1895-го г., когда было прекращено изданіе газеты „Русская Жизнь". Въ 1897 г. запрещено,

---

[1]) См. іюньскую „Общественную хронику", стр. 874—5.

Digitized by Google

въ томъ же порядкѣ, „Новое Слово“, въ 1890 г.—„Начало“, въ 1899 г.—„Русскій Трудъ“, въ 1900 г.—„Сѣверный Курьеръ“.

Текстъ новаго закона, предоставляющаго нѣкоторыя облегченія періодической печати, въ ту минуту, когда мы заканчиваемъ нашу хронику, еще не обнародованъ. Разсмотрѣніе его удобнѣе, поэтому, отложить до слѣдующей книжки нашего журнала.

3-го іюня скончался, на 70-мъ году отъ рожденія, извѣстный писатель С. В. Максимовъ. Его права на благодарную память русскаго общества весьма разнообразны: онъ былъ однимъ изъ первыхъ изслѣдователей народнаго быта, знакомившихся съ нимъ на мѣстахъ, не отступая передъ неудобствами пѣшеходнаго странствованія; онъ побывалъ на дальнемъ Сѣверѣ и дальнемъ Востокѣ, далъ цѣльныя картины различныхъ отраслей русской жизни—тюрьмы и ссылки, раскола, „бродячей Руси“, хлѣбной торговли; онъ внесъ цѣнный вкладъ въ исторію русскаго языка, объяснивъ, въ „Крылатыхъ словахъ“, происхожденіе разныхъ оборотовъ народной рѣчи; онъ составилъ или редактировалъ множество книжекъ для народнаго чтенія. Въ его лицѣ сошелъ въ могилу одинъ изъ лучшихъ представителей литературнаго поколѣнія, выступившаго на сцену въ началѣ пятидесятыхъ годовъ. Двумя недѣлями раньше умеръ К. Т. Солдатенковъ, неутомимый и безкорыстный издатель длиннаго ряда цѣнныхъ научныхъ (преимущественно историческихъ) сочиненій. Его симпатичная личность прекрасно обрисована въ статьѣ г. М. Щепкина, напечатанной въ № 139 „Русскихъ Вѣдомостей“. Солдатенковъ родился и выросъ въ очень грубой и невѣжественной средѣ Рогожской окраины Москвы, не получилъ никакого образованія; но довольно было его встрѣчи съ лучшими людьми московскаго общества сороковыхъ годовъ, чтобы въ душѣ молодого богача „громко заговорила скрывавшаяся въ немъ большая внутренняя сила, потянувшая его къ свѣту, истинѣ, правдѣ и добру“. Когда, по возстановленіи здоровья Солдатенкова, сильно потрясеннаго года два тому назадъ, г. Щепкинъ заговорилъ съ нимъ о возможности продолженія его издательской дѣятельности, Солдатенковъ отвѣчалъ: „Этой дѣятельности я не оставлю, пока я живъ. Этимъ исполню я дорогой завѣтъ, данный мнѣ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ славными представителями университета“. Бросая яркій свѣтъ на самого Солдатенкова, эти слова показываютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ велико было обаяніе, окружавшее Грановскаго и достойныхъ его товарищей. Оно переживаетъ полвѣка, сохраняя всю свою силу и непрерывно побуждая къ работѣ на общую пользу.

Digitized by Google

P. S. Упомянувъ, во внутреннемъ обозрѣніи, о неутвержденіи избраннаго предсѣдателя белебеевской уѣздной земской управы и о назначеніи предсѣдателемъ лица, передъ тѣмъ забаллотированнаго земскимъ собраніемъ, мы считаемъ долгомъ оговорить, что, какъ видно изъ опроверженія уфимскаго губернатора („Русскія Вѣдомости" № 165), это послѣднее лицо и въ 1897-мъ, и въ 1900-мъ году было выбрано собраніемъ въ члены уѣздной земской управы и при баллотировкѣ въ предсѣдатели получило не 5 избирательныхъ голосовъ противъ 21 неизбирательнаго, а 12 избирательныхъ противъ 16 неизбирательныхъ.

Digitized by Google

ИЗВѢЩЕНІЯ

Отъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

На основаніи § 9 Правилъ о преміяхъ имени М. И. Михельсона, симъ доводится до общаго свѣдѣнія, что на настоящее конкурсное трехлѣтіе (1900—1903 гг.) назначены слѣдующія задачи:

1) *Тюркскіе элементы въ русскомъ языкѣ до татарскаго нашествія.* — Выясненіе, какія слова тюркскаго происхожденія, сохранившіяся въ русскомъ языкѣ, восходятъ къ общеславянской эпохѣ.—Опредѣленіе словъ, заимствованныхъ русскимъ языкомъ изъ тюркскихъ нарѣчій до татарскаго нашествія, на основаніи: 1) изслѣдованія современныхъ русскихъ нарѣчій (великорусскаго и малорусскаго), имѣющаго показать, какія изъ находящихся въ нихъ тюркскихъ словъ можно относить ко времени, предшествующему образованію этихъ вѣтвей русскаго языка; 2) систематическаго изслѣдованія русскихъ памятниковъ, отъ начала письменности до середины XIII в., со стороны встрѣчающихся въ нихъ заимствованій изъ тюркскихъ нарѣчій. Кромѣ словъ тюркскаго происхожденія, изслѣдованію подлежатъ и тѣ иноземныя слова, которыя вошли въ русскій языкъ черезъ посредство тюркскихъ нарѣчій. При опредѣленіи тѣхъ или другихъ заимствованій, должно имѣть въ виду точное, по возможности, пріуроченіе ихъ къ тѣмъ діалектическимъ разновидностямъ, которыя представляли тюркскіе говоры [1]). Впрочемъ, въ виду сравнительной скудости матеріала для древнѣйшихъ временъ русской письменности, а также трудности хронологическаго пріуроченія нѣкоторыхъ словъ, изслѣдователю разрѣшается переступить за предѣлъ эпохи татарскаго нашествія, ограничиваясь, однако, тѣмъ условіемъ, чтобы разбираемое слово представляло собою достояніе всего русскаго языка, а не одного или немногихъ говоровъ, въ которые оно могло войти впослѣдствіи, и чтобы оно вообще имѣло признаки, позволяющіе допустить возможность его принадлежности къ порѣ до-татарскаго періода.

2) *Германскіе, латинскіе и романскіе элементы, вошедшіе въ русскій языкъ до XV вѣка.* — Опредѣленіе различныхъ эпохъ, къ которымъ можетъ быть пріурочено заимствованіе этихъ элементовъ. Выясненіе, какія слова германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія, сохранившіяся въ русскомъ языкѣ, восходятъ къ общеславянской эпохѣ:—Какими путями шли заимствованія изъ этихъ языковъ въ русскій (Варяги, Рига, Польша и т. д.)? Опредѣленіе словъ германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія, вошедшихъ въ русскій языкъ до XV вѣка, на основаніи: 1) изслѣдованія современныхъ русскихъ нарѣчій (великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго), имѣющаго по-

[1]) Результаты изслѣдованія (слова иноземнаго происхожденія, заимствованныя въ русскій языкъ) должны быть расположены въ словарномъ порядкѣ.

Digitized by Google

казать, какія изъ находящихся въ нихъ германскихъ, латинскихъ и романскихъ словъ могутъ восходить къ эпохѣ до XV вѣка; 2) систематической выборки изъ русскихъ памятниковъ до XIV вѣка включительно словъ германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія.

Примѣчаніе. Ученая работа, посвященная изслѣдованію однихъ только германскихъ заимствованій, можетъ быть также удостоена преміи.

3) *Западное вліяніе на русскій языкъ въ Петровскую эпоху.*—Опредѣленіе путей, которыми въ Петровскую эпоху шли заимствованія изъ западно-европейскихъ языковъ. — Систематическая выборка заимствованныхъ словъ изъ какого-нибудь, опредѣленнаго самимъ изслѣдователемъ, круга произведеній письменности Петровской эпохи (актовъ, узаконеній, учебниковъ, писемъ и литературныхъ произведеній), съ указаніемъ происхожденія этихъ словъ (слова нѣмецкія, шведскія, голландскія, польскія и т. д.).

4) *Уменьшительныя, увеличительныя и т. п. имена въ русскомъ языкѣ.*—Списокъ суффиксовъ, посредствомъ которыхъ образуются уменьшительныя, увеличительныя, ласкательныя, презрительныя и т. п. имена существительныя (нарицательныя и собственныя) и прилагательныя въ литературномъ русскомъ языкѣ и въ говорахъ великорусскихъ, бѣлорусскихъ и малорусскихъ. Возстановленіе древнѣйшихъ (общеславянскихъ) звуковыхъ формъ этихъ суффиксовъ. Родственные суффиксы однородныхъ именъ въ другихъ славянскихъ языкахъ и въ главныхъ изъ индо-европейскихъ языковъ.

§§ 4, 5 и 7 Правилъ о преміяхъ М. И. Михельсона.

Преміи имени М. И. Михельсона устанавливаются трехъ разрядовъ: въ 1000 р., 500 р. и 300 р.

Преміи имени М. И. Михельсона присуждаются каждые три года, начиная съ 16 декабря 1900 года. Сочиненія на соисканіе этихъ премій должны быть представляемы не позднѣе 1 марта послѣдняго года конкурснаго трехлѣтія.

На соисканіе премій имени М. И. Михельсона допускаются какъ печатныя, такъ и рукописныя сочиненія на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и славянскихъ языкахъ, удовлетворяющія задачамъ, объявляемымъ при началѣ каждаго конкурснаго трехлѣтія особою коммиссіею, которая образуется при Второмъ Отдѣленіи Императорской Академіи Наукъ.

Сочиненія на объявленныя нынѣ задачи должны быть представлены не позднѣе 1-го марта 1903 года—печатныя въ двухъ, рукописныя въ одномъ экземплярѣ, и адресованы на имя Непремѣннаго Секретаря Императорской Академіи Наукъ.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

Digitized by Google

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Политическая Экономія, П. И. Георгіевскаго, ординарнаго профессора Имп. Спб. Университета. Третье изданіе. Спб. 901. Ц. 3 р. 50 к.

Въ новомъ изданіи авторъ оставляетъ безъ измѣненія систему изложенія, а потому, послѣ введенія къ изученію теоріи народнаго хозяйства нашего времени, у него слѣдуетъ ознакомленіе съ предварительными понятіями экономической науки и разсмотрѣніе основъ современнаго соціально-экономическаго строя; затѣмъ, помѣщено ученіе о субъектѣ народнаго хозяйства - населеніи, и о процессахъ, изъ которыхъ слагается народное хозяйство. Въ послѣднемъ изданіи авторъ указывалъ, что „вся суть вопроса о распредѣленіи цѣнностей (съ чисто-экономической точки зрѣнія) сводится къ тому, насколько существующій порядокъ удовлетворенія потребностей общественности цѣлесообразенъ, т.-е., что центръ тяжести, при изученіи народнаго хозяйства, долженъ быть въ отдѣлѣ такъ-называемаго потребленія цѣнностей“; въ настоящемъ изданіи онъ осуществилъ эту мысль, намѣченную имъ въ послѣднемъ изданіи, а въ близкомъ будущемъ обѣщаетъ выпустить въ свѣтъ: 1) Очеркъ исторіи политической экономіи, и 2) Указатель литературы по политической экономіи.

Е. В. Тарле. Общественныя воззрѣнія Томаса Мора въ связи съ экономическимъ состояніемъ Англіи его времени. Въ приложеніи: 1) Переводъ „Утопіи“ съ латинскаго; 2) Неизданная рукопись современника о Томасѣ Морѣ. Спб. 901. Стр. 225+127. Ц. 1 р. 50 к.

Интересная и содержательная книга г. Евг. Тарле заключаетъ въ себѣ не только характеристику личности и идей Томаса Мора, но и подробный разборъ его „Утопіи“ въ связи съ соціальными построеніями Платона и св. Августина, и полный переводъ знаменитаго трактата, послужившаго образцомъ для цѣлаго ряда такъ-называемыхъ „государственныхъ романовъ“. До сихъ поръ содержаніе „Утопіи“ было извѣстно у насъ только по сокращеннымъ пересказамъ; переводъ былъ изданъ еще при Екатеринѣ II, но, какъ говоритъ г. Тарле, „по справкамъ оказывается, что нигдѣ ни одного экземпляра этого перевода нѣтъ“,—ни въ Императорской Публичной библіотекѣ, ни въ Британскомъ музеѣ, который „старательно собираетъ всѣ переводы англійскихъ авторовъ на иностранные языки“. Такимъ образомъ, переводъ, сдѣланный г. Тарле, пополняетъ весьма замѣтный пробѣлъ въ нашей литературѣ. Томасъ Моръ, начавшій свою карьеру въ роли просвѣщеннаго гуманиста и окончившій жизнь на плахѣ, въ качествѣ убѣжденнаго защитника притязаній папства, послѣ того какъ былъ канцлеромъ и другомъ жестокаго Генриха VIII.—является несомнѣнно одною изъ загадочныхъ фигуръ XVI вѣка, достойною внимательнаго изученія. Г. Тарле старается объяснить дѣятельность и убѣжденія Мора съ единственной правильной точки зрѣнія—исторической, связывая ихъ съ условіями его эпохи, и въ этомъ смыслѣ настоящая книга, при всей своей общедоступности, представляетъ и научную цѣнность.

Р. Майо Смитъ. Статистика и соціологія. Переводъ съ англійскаго М. Энгельгардта, подъ редакціею Г. Фальборка и В. Чарнолускаго. Москва. 901. Стр. 407. Ц. 1 р. 25 к.

Исходя изъ опредѣленія соціологіи, какъ „науки о соціальной организаціи“, авторъ справедливо утверждаетъ, что для правильности своихъ выводовъ и обобщеній она не можетъ обойтись безъ тщательно обработанной статистики. Такъ какъ соціологія, — говоритъ Майо Смитъ,—„имѣетъ дѣло не съ индивидуальнымъ человѣкомъ, а съ обществомъ, то, очевидно, весь ея матеріалъ можно обнять однимъ словомъ: „населеніе“. Тѣ факты населенія, въ которыхъ обнаруживаются законы соціальной организаціи, имѣютъ значеніе для соціологіи, и только они“ (стр. 12). Съ этой точки зрѣнія авторъ поставилъ себѣ задачей разработать въ научной формѣ статистическія данныя о населеніи, по результатамъ переписей, произведенныхъ въ 1890—91 годахъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, Великобританіи, Германіи, Франціи, Австріи и Индіи. Впрочемъ, Майо Смитъ вполнѣ признаетъ недостаточность статистики для объясненія тѣхъ категорій фактовъ, въ которыхъ главную роль играетъ качество, а не количество. Статистика, —замѣчаетъ онъ,—имѣетъ своимъ предметомъ явленія, могущія быть выраженными въ цифрахъ, и всегда находитъ количественное выраженіе для этихъ явленій или ихъ отношеній; этимъ и опредѣляется кругъ компетенціи и примѣнимости статистическаго метода. Несмотря на сравнительную устарѣлость многихъ свѣдѣній и цифръ, трудъ Майо Смита заслуживаетъ вниманія по самой постановкѣ основныхъ вопросовъ статистики и по добросовѣстной обработкѣ собраннаго матеріала.

А. фонъ-Фрикенъ. Итальянское искусство въ эпоху Возрожденія. Ч. IV. Москва. 901. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Стр. 310. Ц. 2 р.

Первыя три части этого обширнаго труда вышли въ разное время, съ 1891 года, и только теперь, съ появленіемъ четвертаго и послѣдняго тома, можно судить о достоинствахъ и недостаткахъ изслѣдованія, предпринятаго г. фонъ-Фрикеномъ. Въ пространномъ введеніи, помѣщенномъ въ первой части (стр. 1—126), излагаются общіе взгляды автора на ходъ умственнаго и эстетическаго развитія народовъ съ древнѣйшихъ временъ, причемъ проводится принципіальное разграниченіе между началами арійскими и семитическими. Вопросы искусства разсматриваются авторомъ въ связи съ явленіями культуры и политической исторіи, и эта особенность его метода придаетъ книгѣ значительный общій интересъ. Книга посвящена была въ 1891 году „Козьмѣ Терентьевичу Солдатенкову“, нынѣ уже покойному московскому меценату, справедливо пріобрѣвшему такую громкую и почетную извѣстность своею вполнѣ безкорыстною и въ высшей степени полезною издательскою дѣятельностью.

Digitized by Google

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

ВЪ 1901 Г.

(ТРИДЦАТЬ-ШЕСТОЙ ГОДЪ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ,

ВЫХОДИТЪ ВЪ ПЕРВЫХЪ ЧИСЛАХЪ КАЖДАГО МѢСЯЦА, 12 КНИГЪ ВЪ ГОДЪ, ОТЪ 28 ДО 30 ЛИСТОВЪ ОБЫКНОВЕННАГО ЖУРНАЛЬНАГО ФОРМАТА.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
	Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала . . . . 15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою . . . . . 16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес. . 17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза . . . . 19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — **1 р. 50 к.**

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полугодіе и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магаз. „Образованіе", Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

— въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжн. Складъ" Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб., и иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. СТАСЮЛЕВИЧЪ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академич. пер., 7.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

OCKER

JAN 29 1981

Digitized by Google